Австро-Венгрия

Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.)

(XI–XX вв.)

АЛЕТЕЙЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

inslav

РОССИЙСКО-АВСТРИЙСКИЙ АЛЬМАНАХ: Исторические и культурные параллели

Выпуск IV

Редакционный совет:
ректор РГГУ член-корреспондент РАН Е. И. Пивовар,
директор ИЭк РАН член-корреспондент РАН Р. С. Гринберг,
ректор СГУ профессор В. А. Шаповалов,
первый проректор по учебной работе Южного федерального университета профессор И. М. Узнародов

Редакционная коллегия:
А. Г. Айрапетов (Тамбовский госуниверситет),
Н. Д. Крючкова (СГУ),
З. С. Ненашева (МГУ),
О. В. Павленко (РГГУ) – ответственная за выпуск,
И. В. Крючков – ответственный редактор (СГУ),
С. А. Романенко (ИЭк РАН) – ответственный редактор,
А. С. Стыкалин (ИСл РАН) – ответственный редактор,
Н. А. Трапш (Южный федеральный университет),
Ар. А. Улунян (ИВИ РАН)
Л. В. Кузьмичева (МГУ)

inslav

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

Австро-Венгрия

Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.)

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

inslav

УДК 94(43)
ББК 63.3(44)
Р76

Р76 Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Вып. IV. Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). Памяти В.И. Фрейдзона / отв. ред. С.А. Романенко, И.В. Крючков, А.С. Стыкалин. — СПб. : Алетейя, 2011. — 488 с.

ISBN 978-5-91419-467-0

Альманах посвящен памяти крупнейшего российского ученого-историка, специалиста по истории Хорватии Владимира Израилевича Фрейдзона. В альманах вошли материалы исследователей из разных городов России – Москвы, Ставрополя, Смоленска, Тамбова, представлены материалы зарубежных коллег из Австрии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Сербии, Украины.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей, для всех интересующихся историей народов Средней Европы.

УДК 94(43)
ББК 63.3(44)

ISBN 978-5-91419-467-0
9 785914 194670

© Коллектив авторов, 2011
© Н. М. Вагапова, М. С. Ващенко, С. А. Романенко, перевод на русский язык, 2011
© С. А. Романенко, избранная библиография, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011

inslav

ПАМЯТИ ИСТОРИКА-СЛАВИСТА ВЛАДИМИРА ИЗРАИЛЕВИЧА ФРЕЙДЗОНА

Очередной выпуск издания «Российско-Австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX века)» посвящен памяти выдающегося отечественного слависта Владимира Израилевича Фрейдзона. В центре его исследований была история Хорватии, расположенной на границе трех историко-географических регионов – Центральной Европы, Балкан и Средиземноморья. Это обстоятельство и определило основную тему предлагаемого издания – Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX века).

Несколько слов о структуре сборника. Редколлегия стремилась представить личность и творчество самого В. И. Фрейдзона, его жизненный и профессиональный путь. Этой теме посвящены статьи его учеников и коллег по Институту славяноведения РАН.

Составляя сборник, мы ставили своей целью представить современное развитие историографии периода 1867–1918 гг. как в России, так и в странах, принадлежащих к региону Средней Европы, в изучение национальных движений которых внес большой вклад В. И. Фрейдзон. Редколлегия пригласила участвовать в сборнике коллег из Хорватии (Хорватская академия наук и искусств, Загребский университет, Хорватский институт истории), Боснии и Герцеговины (Исторический институт Сараево, Сараевский университет), Сербии (Белградский университет), Украины (Национальный университет им. Ю. Федьковича, Черновцы) и Австрии (Университет г. Граца). Российская сторона представлена Институтом экономики РАН, Институтом славяноведения РАН, Институтом всеобщей истории РАН, Российским государственным гуманитарным университетом, Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова, Государственным институтом искусствознания, Смоленским государственным университетом, Ставропольским государственным университетом, Тамбовским государственным университетом им. Г. Р. Державина.

В сборник вошли работы ученых, лично знавших В. И. Фрейдзона, работавших и друживших с ним, а также исследователей более молодого поколения, которые учились по его статьям и книгам, а затем продолжили исследования истории народов Австро-Венгрии.

Всем, кто откликнулся на наше приглашение принять участие в сборнике, Редакционный совет и Редколлегия выражают свою сердечную благодарность.

inslav

Статьи в сборнике расположены в соответствии с проблемно-хронологическим принципом.

В издании представлен список монографий и значительных статей В. И. Фрейдзона. Кроме того, в сборник включена избранная библиография – публикации источников и монографические исследования ученых разных стран, начиная с 1991 г. – как работы, посвященные Австро-Венгрии и региону Средней Европы и национализму, так и монографии, посвященные конкретным проблемам истории Хорватии, Боснии и Герцеговины и Сербии во второй половине XIX – начале XX века.

Редколлегия

inslav

С. А. Романенко, А. С. Стыкалин

ПОРТРЕТ ИСТОРИКА НА ФОНЕ ЭПОХИ. ВЛАДИМИР ИЗРАИЛЕВИЧ ФРЕЙДЗОН (1922–2004)

Жизненный путь выдающегося отечественного историка-кроатиста и специалиста по истории народов Средней Европы В. И. Фрейдзона – это путь многих людей его поколения, которым выпало и с оружием в руках защищать мир от нацизма, и восстанавливать страну, и преодолевать последствия того, что в 1956 г. было названо «культом личности». Это – и история первого поколения ученых, воспитанных при советской власти, которым предстояло восстанавливать разрушенные репрессиями 1920-х – 1950-х гг. отечественную науку и культурную традицию и развивать их дальше.

В. И. Фрейдзон родился в 1922 г. в небольшом городке Освей в Великолукской области (ныне – Витебская область Белоруссии). Вскоре после его рождения семья переехала в Москву. Окончив обычную московскую школу, В. И. Фрейдзон в предгрозовом 1939 г. поступил на Исторический факультет МГУ. Но тогда он успел закончить только два курса: Вторая мировая война пришла и в Советский Союз.

Даже в тех невероятно трудных условиях советское правительство сначала посчитало необходимым сохранить научные кадры. МГУ эвакуировали в Ашхабад, а потом в Свердловск. Студенты-историки получили отсрочку от призыва. В 1942 г. В. И. Фрейдзон был направлен в артиллерийское училище, и пройдя за восемь месяцев курс обучения, рассчитанный на два года, оказался на фронте, в противотанковой артиллерии. В феврале 1944 г. он был тяжело ранен, лечился в госпитале, но в июле того же года возвратился не только в строй, но и на фронт. Хотя осколок извлечь так и не удалось, и он имел полное право на демобилизацию. После возвращения в действующую армию его направили на 1-й Прибалтийский фронт. О том, как воевал В. И. Фрейдзон, свидетельствуют его боевые награды – ордена Красной Звезды и Отечественной войны II степени. В. И. Фрейдзон – участник боев на территории Литвы, впоследствии получил звание Почетного гражданина Акмянского района Литовской ССР. На фронте он вступил в ВКП (б).

После демобилизации В. И. Фрейдзон вернулся на Исторический факультет. Он выбрал кафедру истории южных и западных славян, где в то время преподавали известный советский славист академик В. И. Пичета (заведующий кафедрой истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ в 1939–1947 гг.) и выдающийся чешский ученый З. Неедлы. Его научным руководителем – сначала дипломной

inslav

работы, а затем и кандидатской диссертации был основоположник отечественной югославистики С. А. Никитин. В. И. Фрейдзон не ограничивался изначально собственно югославистикой, не говоря уже о кроатистике, которая в то время как отрасль научного знания тогда в СССР еще только зарождалась. Его дипломная работа была посвящена соединению южной Болгарии с Северной в 1885 г.[1] Поступая в аспирантуру, В. И. Фрейдзон предполагал специализироваться у З. Неедлы и заняться истоками гусизма в чешских землях. Однако С. А. Никитин, в соответствии с пятилетним планом научно-исследовательской работы кафедры на 1946–1950 гг., предложил ему переориентироваться на новую историю Хорватии, до тех пор привлекавшую меньшее по сравнению с другими славянскими государствами, территориями и населявшими их народами внимание не только советских, но и российских дореволюционных историков. Еще в период становления кафедры в 1939 г. заведующий кафедрой В. И. Пичета отмечал тот факт, что «в Москве нет специалистов по истории южного славянства»[2]. Естественно, это замечание относилось не только к хорватам и Хорватии.

В 1952 г. В. И. Фрейдзон успешно защитил кандидатскую диссертацию: «Положение крестьян в Хорватии в конце XIX – начале XX века и Хорватская крестьянская партия А. и Ст. Радичей 1905–1914 гг.»[3]. Именно эта работа В. И. Фрейдзона наряду с исследованием его друга и коллеги Ю. В. Бромлея «Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии», а также И. И. Лещиловской «Социально-экономическое развитие Хорватии и Славонии[4] в конце XVIII – первой половине XIX века» заложили основу современной отечественной научной кроатистики.

Для того чтобы полностью и объективно оценить вклад В. И. Фрейдзона в развитие исторического славяноведения и изучение региона

---

[1] Историки-слависты Московского Государственного университета. 1939–1979. М., 1979. С. 118. Далее – Историки-слависты МГУ.

[2] Историки-слависты МГУ. С. 181–182, 185–186. На кафедре истории южных и западных славян согласно учебным планам преподавался только сербский язык. Позднее, после нормализации советско-югославских отношений в 1955–1956 гг. в соответствии с официальной югославской доктриной и после выхода в 1957 г. первого издания «Сербско-хорватско-русского словаря» И.И. Толстого он стал в СССР называться сербско-хорватским. С 1970-х годов в тех случаях, когда речь шла о переводах произведений хорватских писателей и ученых, стало использоваться и название хорватско-сербский язык. Несмотря на существование независимой и суверенной Республики Хорватии хорватский язык, являющийся ее официальным языком согласно Конституции, не преподается студентам кафедры как отдельная дисциплина и поныне.

[3] Там же. С. 114. Отдельные фрагменты этой работы были опубликованы в 1954–1960 гг. в «Ученых записках Института славяноведения», «Славянском архиве» и «Ежегоднике по аграрной истории Восточной Европы».

[4] В издании «Историки-слависты МГУ» ошибочно указано: «Словении».

inslav

Средней (Центральной и Юго-Восточной) Европы наш очерк необходимо начать с описания той картины, которую представляли собой эти тесно связанные с внутренней и внешней политикой отрасли знания в СССР в 1920-х – середине 1950-х гг. Дореволюционная российская гуманитарная наука с ее не только научными и политическими, но и нравственными корпоративными принципами после Октябрьской революции целенаправленно уничтожалась. Академики и профессура старшего поколения, как и их воспитанники – ученые, сформировавшиеся под их непосредственным влиянием уже после революции, в 20–30-е гг. в полной мере испытали на себе многие невзгоды того времени: жизнь впроголодь, утрату библиотек, исчезновение научных журналов, сокращение издательской деятельности, цензуру, невозможность поддерживать контакты с коллегами за рубежом, ликвидацию остатков самостоятельности Академии наук, внедрение коммунистической идеологии в науку и высшую школу, начетничество и малограмотность многих носителей этой идеологии, идеологические чистки и политические проверки на лояльность, отказ в избрании в Академию неугодных власти ученых и их увольнение с работы, сфабрикованные политические процессы[1].

Из гуманитарных областей знания именно славистика испытала на себе крайне негативное отношение новой власти. Одна из причин этого крылась в том, что «"славянская взаимность" не вписывалась в ленинскую теорию национального вопроса и не соответствовала принципу "пролетарского интернационализма"», – пишет исследователь истории отечественной славистики А. Н. Горяинов. Поэтому большевики демонстрировали почти полное отсутствие интереса к научному изучению славянства и «славянской идее». Их подход к этому предмету в 20–30-е гг. унаследовал традиции политической полемики 1910-х гг., выразившиеся, в частности, в брошюрах и статьях В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева и других, резко критиковавших как консервативно-охранительные, так и либеральные ее интерпретации. Большинству из немногих публикаций и публичных выступлений первых двух десятилетий советской власти по славянской проблематике было свойственно множество передержек, которые носили в основном поверхностно-пропагандистский характер и были далеки от корректности с точки зрения научного исследования. Статья М. Н. Покровского, который занимал тогда положение главного официального советского историка, написанная им в 1927 г., называлась без обиняков – «Панславизм на

[1] Напр. см.: Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.

inslav

службе империализма»[1]. Доклад, прочитанный в 1933 г. в Институте славяноведения В. Н. Кораблевым, назывался «Славяноведение на службе самодержавия (Из деятельности академика В. И. Ламанского)»[2]. При этом зачастую неоправданно отождествлялись такие разные исторические явления как славянофильство и панславизм, а исследования по истории славянских народов рассматривались как их пропаганда. Редкие авторы, отваживавшиеся выйти за жестко очерченные границы утвердившихся к тому времени официальных схем, подвергались гонениям.

В 1929–1934 гг. по так называемому «академическому делу» были арестованы многие историки, а в 1934 г. – было сфабриковано и «дело славистов», в основном филологов. Тогда пострадали М. К. Любавский, Д. Н. Егоров, Ю. В. Готье, В. И. Пичета и другие. Академики-слависты В. Н. Перетц и М. Н.Сперанский в решении Политбюро ЦК ВКП(б) были обвинены в «фашизме». Созданный в начале 30-х гг. в Ленинграде Институт славяноведения просуществовал лишь три года и был разогнан. Репрессиям подверглись и украинские слависты. Судьба многих славистов, как и их коллег-гуманитариев – историков, филологов, этнографов, философов, оказалась трагической. Практически под полным запретом оказалась вся славистическая наука как таковая[3]. После того, как в 30-х гг. славяноведение по политическим и естественным причинам физически лишилось своих ведущих представителей, оно фактически было ликвидировано и его предстояло восстанавливать заново. К этому надо добавить и целенаправленную деятельность сталинского руководства по созданию «нового человека» путем уничтожения социальной и национальной памяти, разрушения старого и создания нового исторического сознания, символом которой стали временное прекращение в конце 20-х гг. преподавания истории в школе. Следующим «этапом» стало издание «Краткого курса истории ВКП(б)»[4]. Нельзя не упомянуть публикацию в 1934 г. в журнале «Большевик» статьи Фридриха Энгельса «Внешняя по-

---

[1] Горяинов А. Н. «Славянская взаимность» в трактовке советской историографии 1920–1930-х годов. В сб.: Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 147.

[2] Робинсон М. А. Указ. соч. С. 345–372.

[3] См.: Горяинов А. Н. Указ. соч. С. 154; Робинсон М. А. Указ. соч. С.384; Аксенова Е.П. Очерки истории отечественного славяноведения. М., 2000. С. 28–39. В 1930 г. был расформирован Славянский фонд Библиотеки академии наук в Ленинграде. Книги были направлены в общий фонд. Славянский фонд был восстановлен только в 1994 г.

[4] История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП/б/. Одобрен ЦК ВКП/б/. М., 1938.

inslav

литика русского царизма» и реакция на саму статью и этот поступок редакции И. В. Сталина[1].

Причина негативного отношеия власти к славистике крылась не только, и, может быть, не столько в ее несоответствии сомнительным ленинским теориям национальных отношений. Дело было в том, что славистические исследования шли в разрез с устремлениями сталинского режима в области внутренней и внешней политики. Славяноведение отождествлялось с «реакционной славянской идеей», а та, в свою очередь, увязывалась с возможностью создания политического и военного союза независимых славянских государств – Польши, Чехословакии и Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевства СХС, с 1929 г. – Югославии) на антисоветской основе. Подтверждение своим оценкам Кремль находил в создании Малой Антанты в 1920 г. и Балканской Антанты в 1934 г. (Югославское государство входило в обе эти группировки). Немалую роль в негативном отношении к славистике, воспринимавшейся сквозь призму отношения к идейно-политическому наследию «бывшего (т.е. царского – С. Р., А. С.) режима», сыграло то обстоятельство, что, в особенности Польша и Королевство СХС (с 1929 г. – Югославия) стали прибежищем наиболее воинственных в прямом и переносном смысле групп русской эмиграции (например, РОВС генерала П. Н. Врангеля), а Чехословакия – ее интеллектуальным средоточием[2]. Вынужденные эмигрировать или насильно изгнанные из Советской России ученые в созданных заново за рубежом научных центрах продолжали заниматься славистическими исследованиями в традиционном для дореволюционной российской науки понимании. Хотя они в большинстве своем не имели никакого отношения к политике и открытой политической антисоветской деятельности, власти в СССР относились к ним как к «белоэмигрантам», «контрреволюционерам» и «реакционерам». Ведь «славянская идея» в различных вариантах объективно оставалась составной частью мировоззрения и политических программ раз-

[1] Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 22. С. 11–52; Сталин И.В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» / Сталин И.В. Собр. соч. Т. 14; Сталин – Членам ПОЛИТБЮРО, т.т. Адоратскому, Кнорину, Стецкому, Зиновьеву, Поспелову. Цит. по: www. hrono.info/libris/stalin/19340805stalin.html.

[2] Напр., см.: Политическая история русской эмиграции. 1920–1940. Документы и материалы. М., 1999. С. 7–69; Русский корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945. СПб, 1999 С. 13–17; Јовановић М. Досељавање руских избеглица у краљевини СХС 1919–1924. Београд, 1996; Вагапова Н. М. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах. СПб., 2007; Серапионова Е. П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 87–91.

inslav

личных течений в русской эмиграции, большая часть которой была едина в неприятии советской власти и большевистского режима[1].

В этих условиях югославистика как отрасль науки о славянских народах не имела возможности для нормального развития. Да и Югославию, образованную в 1918 г. после поражения в Первой мировой войне и распада Австро-Венгрии, в тот период советское руководство рассматривало лишь как временное государственное образование, навязанное «империалистическими державами» – Великобританией и Францией в рамках Версальской системы. Более того, коммунистической партии и национальным движениям народов Югославии в представлениях руководства ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерна предстояло стать той силой, которая обеспечила бы еще один шаг в создании «всемирной республики труда». В этих условиях «изучение» южных славян в советских спецслужбах и Коминтерне носило сугубо прикладной характер, большинство материалов было строго засекречено и – да и то частично – опубликовано лишь в наши дни[2].

Научное изучение собственно истории южных славян, прежде всего независимых государств – Сербии, Черногории, Болгарии – ограничивалось преимущественно исследованием периода Средних веков или же рассматривалось в контексте изучения международных отношений второй половины XIX – начала XX века, т. е. как фактор возникновения Первой мировой войны, лишь как предыстория социалистической революции в России.

Иллюстрацией отношения советского правящего класса к Югославии в 1920-е гг. могут служить две короткие цитаты из тогда совершенно секретных, а теперь опубликованных документов НКИД. В первом, письме наркоминдел СССР Г. В. Чичерин писал 16 декабря 1925 г. своему заместителю М. М. Литвинову: «Белград является центром генералов, офицеров и крайних монархистов, а в Праге сосре-

[1] В Кремле вспоминали мятеж Чехословацкого корпуса, антисоветскую политику сербских дипломатов в 1918–1919 гг., а также высказывания Б. Савинкова и министра в правительстве Королевства СХС хорвата А. Трумбича. Первый считал, что «приход освободительных славянских войск произвел бы наилучшее впечатление на русский народ». Второй приветствовал акцию «спасения русского народа, в котором участвовали бы только славяне, в том числе и наш народ». Его поддержал и глава правительства серб Н. Пашич. Цит. по: Зеленин В. В. Под красным знаменем Октября. М., 1977. С. 177–178. Также см.: Политическая история русской эмиграции. 1920–1940. М., 1999. С. 239, 241, 314; Окороков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945). М., 2002. С. 15, 29, 40, 45, 55.

[2] Советско-югославские отношения 1917–1941 гг. Сборник документов и материалов. М., 1992; Улунян Ар. А. Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж. 1919 – 1938. М., 1997. С. 39 – 104; Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. В документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов. Часть 1–2. Ред. Гришина Р.П. – М., 2000–2003.

inslav

доточены больше либералы, Земгор, студенты и казаки»[1]. Во втором, М. М. Литвинов, рассуждая о заинтересованности СССР в установлении дипломатических отношений с Королевством СХС, 4 января 1928 г. подчеркивал: «Советский Союз не может, конечно, культивировать традиционного славянофильства, которое царское правительство эксплоатировало в империалистических целях в своем стремлении подчинить себе балканские государства. Не может быть сомнений, однако, в наличии у Советского Союза самых искренних симпатий к народам Чехословакии и Югославии. .... Не намерен СССР также навязывать балканским народам ту или иную форму сожительства»[2].

Отношение к Хорватии и хорватам в Советской России и СССР было противоречивым. С одной стороны, не был забыт традиционный российский взгляд на хорватов и их национальное движение как на «чуждый» с геополитической и конфессиональной точек зрения народ; как на соперника «братского союзника» Сербии. С другой, хорваты, как и другие славяне, считались возможной «пятой колонной» внутри Австро-Венгрии – сначала соперника, а затем и врага России на Балканах. Хотя Австро-Венгрии уже не было, традиция была жива в 1920-е годы в среде Коминтерна, который, в русле решений советского партийного руководства пытался опереться на хорватское национальное движение, дабы под лозунгом национального самоопределения добиться ликвидации монархического, враждебного СССР, Королевства СХС, созданного на принципах родства (или единства) югославянских народов. Целью была интернационалистская «балканканская коммунистическая федерация»[3].

Кроме того, в международной политике 20–30-х гг. восстановление династии Габсбургов – классово, политически и идеологически чуждой советскому руководству – рассматривалось как вполне возможное. Сказывалось и негативное отношение официальной советской историографии и пропаганды к Австро-Венгрии – и как к монархии, и как к «тюрьме народов», и как к противнику в Первой мировой войне, и как к «родине «австромарксизма», раскритикованного, зачастую – поверхностно и безосновательно, В. И. Лениным и И. В. Сталиным[4]. Последний, будучи автором компилятивной статьи «Марксизм и на-

---

[1] Советско-югославские отношения. С. 180.

[2] Советско-югославские отношения. С. 217–218.

[3] История с С. Радичем подробно освещена в двухтомнике документов «Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции».

[4] Напр. см.: Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24; О праве наций на самоопределение. Полн. собр. соч. Т.25; Сталин И. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. М., 1938.

inslav

циональный вопрос» (1913), в которой он дал определение нации[1], спустя полтора десятка лет на многие годы ставшее «классическим» для советской науки, всерьез считал себя специалистом по национальному вопросу, включая проблемы Центральной Европы и Балкан. Хорваты в этой работе были отнесены к числу наций «оттертых», «оттесненных» и «опоздавших» с созданием «независимого национального государства», а Югославянская социал-демократическая партия (составная часть австрийской социал-демократии, охватывавшая своей деятельностью часть рабочего движения в Далмации, в том числе и хорватского) подверглась со стороны автора резкой критике не в последнюю очередь из-за некоторых общих черт ее идеологии и идеологии Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России (БУНД) – программы «культурно-национальной автономии» и «национализма» и «сепаратизма»[2].

В 20-е гг. Сталин принимал активное участие в выработке позиций советского руководства и Коминтерна и по отношению к Королевству СХС, и по отношению к раздираемой в этот период противоречиями между так называемыми «правыми» и сторонниками прокоминтерновской линии компартии Югославии, что было связано также и с внутриполитической борьбой в РКП(б)-ВКП(б), СССР и Коминтерне[3]. 15 апреля и 30 июня 1925 г. в журнале «Большевик» были опубликованы две «теоретические» статьи Сталина – «К национальному вопросу в Югославии» и «Еще раз к национальному вопросу». По его мнению, «суть национального вопроса состоит теперь в борьбе народных масс колоний и зависимых национальностей против финансовой эксплуатации, против политического порабощения и культурного обезличения этих колоний и этих национальностей со стороны империалистической буржуазии господствующей национальности»[4]. Оспорить или уточнить эту формулировку могли себе позволить немногие (количество их постоянно уменьшалось) не то что ученые, но и ближайшие соратники.

---

[1] «Нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющаяся в общности культуры». Сталин И. Марксизм и национальный вопрос / Сталин И. Марксизм и национально-колониальный вопрос. С. 6.

[2] Сталин И. Марксизм и национальный вопрос. С. 1, 15–34.

[3] См., напр.: Сталин И. К национальному вопросу в Югославии / Сталин И. Марксизм и национально-колониальный вопрос. С. 151 – 154; Сталин И. Еще раз к национальному вопросу / Сталин И. Марксизм и национально-колониальный вопрос. С. 166 – 171; Национальный вопрос на Балканах. Ч.2. С. 125, 167, 173, 288; Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI века. М., 2002. С. 155–178.

[4] Романенко С.А. Указ. соч. С. 169.

inslav

В 1924–1925 гг. не увенчались успехом попытки Кремля использовать в своих интересах лидера хорватского национального движения того периода и Хорватской республиканской крестьянской партии Стьепана Радича. Последний приезжал в Москву в 1924 г., был обласкан и заявил о вступлении его партии в Крестьянский Интернационал. Однако Радич был принципиальным противником коммунизма и лишь пытался использовать устремления Москвы в Югославии ради достижения своих собственных, не имевших ничего общего с советскими, политических целей[1]. В тот период надежды советского руководства и Коминтерна на революцию в Югославии как на часть «мировой революции», во что они верили вопреки реальности, не оправдались. В 20–30-е гг. официальные Москва и Белград несколько раз близко подходили к установлению дипломатических отношений, но Югославия оказалась последней славянской и балканской страной, сделавшей этот шаг. Это произошло только в 1940 г. До определенного момента немалую роль в формировании позиции официального Белграда сыграла позиция русской эмиграции в Югославии[2].

Режим короля Александра I Карагеоргиевича, установленный им в результате переворота 1929 г., в СССР называли «монархо-фашистской диктатурой». Но после прихода к власти в Германии в 1933 г. А. Гитлера изменялся советский взгляд на будущее Югославии. Кремль и Коминтерн, видя в ней возможный бастион против новой политики Германии, отказались от линии на развал Югославии с использованием для этого реально существовавших и обострявшихся внутренних межнациональных противоречий.

Некоторые результаты экспертно-аналитических исследований Коминтерна (в частности – Международного аграрного института, МАИ) издавались и в открытой или относительно открытой печати – в виде отдельных монографий или статей в научной и политико-пропагандистской периодике[3]. В начале 30-х гг. в Кремле и Коминтерне вполне в духе предшествующего десятилетия Югославия все еще рассматривалась как «государство, являющееся продуктом империалистической войны и частью грабительской версальской

---

[1] Там же. С. 167–172.

[2] Об этом напр. см.: Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935)., М.– Париж, 2004. С. 232–233, 792–293 и др.; Русский корпус на Балканах. С. 15–16.

[3] Напр. см.: Балканские страны. М., 1931; Бошкович Б. Балканы и международный империализм. М., 1936; Он же. Крестьянское движение и национальный вопрос в Югославии. М., 1929; Он же. Малая Антанта. Социально-экономический и политический очерк. М.–Л., 1934. Петровский Б. Положение и борьба крестьянства в Югославии. М., 1933; Он же. Перед новым взрывом на Балканах. М., 1934; Хорватский В.Л. Пан-Европа и Дунайская федерация. М., 1933.

inslav

мирной системы». Автор небольшой книги, изданной МАИ в Москве с согласия властей (а иных книг по текущей политике в СССР тогда уже не издавалось) считал, что Югославия – это «прежняя Сербия, расширившая свою территорию в пять раз», что это «насильственное соединение» Хорватии, Словении, Боснии, Далмации, Воеводины, Черногории, Македонии и Косово, населенных хорватами, словенцами, македонцами, черногорцами, албанцами, немцами, венграми и т.д. Б. Петровский утверждал: «господствующая сербская буржуазия является гегемоном в новосозданном "югославском" государстве», которое «величают как "национальное объединение и освобождение южных славян". В сущности это "объединение" и "освобождение" означает ни что иное, как самое суровое национальное порабощение не-сербских народов и нацменьшинств – насильственную сербизацию». Особенность Югославии, по мнению автора, состояла в том, что там происходила «эксплуатация [так в тексте; устар. – С. Р., А. С.] полуфеодалами и монопольным капиталом в условиях национального угнетения большинства крестьянских масс».

Кроме того, по мнению автора, «стремления к захвату чужих территорий сербская буржуазия маскировала фразами о борьбе за "освобождение" и объединение "угнетенных братьев"». Отсюда вытекает ее тесная "дружба" и военный союз с французским империализмом, союз и сотрудничество с французскими вассалами – Чехо-Словакией, Румынией ("Малая Антанта") и Польшей. Борьба за гегемонию на Балканах и стремление к захвату чужих территорий (албанских, болгарских, греческих, венгерских, австрийских и населенных словенами – [устар.; словенцами – С. Р., А. С.] и хорватами, захваченными Италией, сталкивает Югославию в первую очередь с итальянским империализмом и сколачиваемым под его руководством блоком (Албания, Венгрия, Болгария – [вероятно, автор имел в виду движение балканских государств в сторону создания Балканской Антанты – С.Р., А.С.]). В то же время Югославия должна играть активную роль в военной интервенции против Советского Союза, которую подготавливают империалистические хищники»[1].

На XVII съезде ВКП (б) в 1934 г. Сталин, в поисках новых пропагандистских основ политики СССР, направленной как против германского фашизма, так и активности русской эмиграции, после долгого перерыва вновь обратился к идее славянства: «Известно, что старый Рим точно также смотрел на предков нынешних гер-

[1] Петровский Б. Положение и борьба крестьянства в Югославии. С. 3–6.

inslav

манцев и французов, как смотрят теперь представители «высшей расы» на славянские племена.... Где гарантия, что претензии представителей нынешней "высшей расы" не повторят судьбы Древнего Рима, когда не-римляне, т.е. все варвары объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим?». В то же время он заявил, что «фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной». И это в тот момент, когда югославско-итальянские противоречия были одним из существенных элементов общей политической ситуации в Европе. В то же время, Сталин назвал достижением советской политики «пакт об определении нападающей стороны», который «был заключен с соседними государствами, включая сюда и Малую Антанту», т.е. и Югославию[1].

Свидетельством перемен в политике Кремля стал и VII конгресс Коминтерна, состоявшийся в 1935 г. «Правда», описывая торжественное открытие конгресса, отмечала, что «юго-восточная, отчасти центральная часть Европы» была представлена «преимущественно «"славянскими странами": делегациями Югославии, Болгарии, Польши»[2]. Но вскоре руководство двух из этих трех партий – Польши и Югославии – оказалось объектом наиболее жестоких сталинских «чисток» в СССР.

В конце 1930-х годов наметился раскол и раздел Европы, символами которых стали Мюнхенский пакт 1938 г. и пакт Молотова-Риббентропа 1939 г. Это неизбежно вело к столкновению интересов Германии и СССР в Средней (Центральной) и Юго-Восточной Европе. Поэтому 1939 г. оказался переломным и для советской славистики. Помимо возникновения внешнеполитической целесообразности этот перелом стал возможным еще и потому, что в эти годы происходит и «очищение» от «вредной школы Покровского», одним из элементов которой было отрицание славянской идеи и славянских исследований. Был создан сектор славяноведения в Инстиуте истории СССР в Москве; в Ленинградском отделении Института была также сформирована группа славяноведов.

Наконец, на Историческом факультете МГУ создается кафедра славяноведения. В докладной записке В. И. Пичеты, направленной декану Исторического факультета МГУ, кафедра упоминается под таким названием. В последующих документах она уже именуется кафедрой истории южных и западных славян. В название было

[1] Сталин И. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б) 26 января 1934 г. М, 1934. С. .32–33, 41, 45, 163–165.

[2] Сумарокова М.М. Демократические силы Югославии. М., 1980. С. 154.

inslav

внесено необходимое изменение – исключены Россия, Украина и Белоруссия[1]. Развитие славяноведения, которое получило некоторую «индульгенцию» как и развитие остальных отраслей гуманитарного знания, по-прежнему определялось не закономерностями развития самой науки, а практическими – геополитическими и идеологическими – потребностями режима, установившего жесткие содержательные рамки и цензурные ограничения[2].

Отрекшись в первые годы своего существования от идеологического и научного наследия «бывшего режима», наложив запрет на имена многих российских философов, историков и публицистов, неизбежно затрагивавших важнейшую для Российской империи славянскую проблематику, советская власть с середины 1920-х гг. начала реально постепенно отходить от интернационалистской идеологии и психологии. Это привело к тому, что если не легализовывалась, то исподволь использовалась значительная часть идейного наследия русского этнонационального и государственного, имперского сознания в России XIX – начала XX века в их консервативном варианте – А. А. Майкова, Н. Я. Данилевского, К. П. Леонтьева др. (При этом сохранялась официальная негативная оценка этих деятелей и их взглядов)[3]. Им и их единомышленникам было присуще негативное отношение к хорватам, которых они, исходя из геополитических обстоятельств, конфессиональных предпочтений и внешнеполитических интересов России, считали народом, недружественным России и русским, защищая от них «православных братьев» – сербов и черногорцев[4]. Этот же подход, хотя и в более мягкой и противоречивой форме, был свойственен и либералам, например, П. Н. Милюкову. Однако сочинениями всех этих авторов надо было пользоваться с большой осторожностью, дабы не быть обвиненным в «контрреволюции». Это возвращение в прошлое среди прочего было связано как с внешнеполитическими потребностями Кремля, так и с «социальной трансформацией» ВКП(б) и государственного аппарата, в который «в большом количестве пришли малообразованные дети крестьян и рабочих», в полной мере сохранившие предрассудки своей среды, в частности – этни-

[1] Историки-слависты МГУ. С.180–184; Аксенова Е. П. Славянская идея и советское славяноведение перед Второй мировой войной. // Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 160–172.

[2] Напр., см.: История советской политической цензуры. М., 1997; Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР 1917–1991. М., 2002. С. 162–274.

[3] Напр. см.: Дмитриев С.С. Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. 1941. №1.

[4] Подробнее об этом, напр., см.: Романенко С.А. Указ. соч. С. 13–144.

inslav

ческий национализм. Сыграли свою роль и «личные этнонационалистические взгляды Сталина»[1].

Перепады и противоречия советской внутренней и внешней политики делали практически невозможным нормальное и систематическое изучение истории ни славянства в целом, ни Югославии, ни Хорватии. Краткие упоминания о славянах и событиях в Югославии в речах советских руководителей служили основой для газетных и журнальных статей и формировали «ориентиры» для советских граждан.

В то же время в практической политике, в особенности внешней, антиславянский компонент «прагматично» сохранялся. В «Опровержении ТАСС» от 10 мая 1940 г. решительно отвергались сообщения английской и французской печати о «переходе советской политики на рельсы панславизма», ибо, «по мнению ответственных советских кругов [т.е. Сталина – С.Р.] панславизм вообще, а в области внешней политики в особенности, есть насквозь реакционное течение, совершенно несовместимое с политикой советского государства»[2].

24 июня 1940 г. между СССР и Югославией были установлены дипломатические отношения[3]. В докладе председателя СНК СССР и наркома иностранных дел В. М. Молотова о внешней политике Советского Союза на сессии Верховного Совета СССР 2 августа 1940 г. об отношениях между СССР и Югославией говорилось: «Что касается балканских (не славянских – С.Р., А.С.) стран, то надо, прежде всего, отметить факт установления дипломатических отношений с Югославией. Если можно сказать, что не по нашей вине до сих пор отсутствовали дипломатические отношения между Советским Союзом и Югославией, то установление этих отношений теперь произошло по предложению правительства Югославии, которое было охотно принято Советским Союзом. Можно надеяться, что постепенно будут развиваться и наши экономические отношения с Югославией»[4].

После нападения Германии на СССР проблематика славянского братства в связи с политикой СССР занимала значительное место в советской политике и пропаганде. Это было связано и с планами восстановления Югославии как полиэтничного стабильного государства, и с обеспечением, учитывая этнический состав соседних

---

[1] Напр. см.: Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. М., 2003. С. 25–42, 140–176; Митрохин Н. А. Русская партия и движение русских националистов в СССР 1953-1985. М., 2003. С. 41-94; Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001. С. 125–166; Романенко С.А. Указ.соч. С. 232–235.

[2] Документы внешней политики. Т. XXII. (Книга 1). М.,1998. С. 253.

[3] Там же. С. 369–370.

[4] Советско-югославские отношения 1917–1941 гг. С. 276.

inslav

государств, внешнеполитических позиций и территориальной целостности воссозданного государства после победоносного для антигитлеровской коалиции ее окончания. «Славянская идея» в борьбе против германского нацизма, итальянского фашизма, их хорватских, сербских, словенских и босняцких (имеются в виду босняки – мусульмане Боснии и Герцеговины) последователей и коллаборационистов, против агрессии, безусловно, играла этнозащитную роль и совпадала с тенденцией к сохранению обретенных в 1918 г. государственности и суверенитета, с борьбой за свободу и демократию, против фашистского «корпоративного государства». Но в то же время, и в руках югославского правительства, и в руках партизан под командованием Йосипа Броза Тито, и в руках Москвы и Коминтерна, та же самая славянская идея могла выполнять и абсолютно противоположную – этнонаступательную (ассимиляция), этнонивелирующую функцию (причем в отношениях между славянскими народами), направленную против свободы и демократии, на установление авторитарных или тоталитарных режимов.

Во время войны «славянская идея» в глазах Кремля и Коминтерна показала свою эффективность. 10–11 августа 1941 г. и 4 апреля 1942 г. в Москве состоялись всеславянские митинги[1]. Это, а также создание 5 октября 1941 г. в Москве Всеславянского комитета (просуществовал до 1962 г.), свидетельствовало об отходе в условиях войны от прежней официальной советской оценки панславизма как «насквозь реакционного течения»[2]. СССР еще 3 июля 1941 г. заявил о непризнании законности расчленения Югославии Германией и ее союзниками и высказался за возрождение югославского государства, что совпадало с целями и королевского правительства в эмиграции, и Тито[3]. В ходе войны СССР и сам Сталин оказывали движению Тито как своим союзникам всестороннюю помощь и поддержку. Он нередко ссылался на ситуацию на территории Югославии в ка-

[1] См.: Всеславянский митинг в Москве. Выступления представителей славянских народов на всеславянском митинге, состоявшемся 10–11 августа 1941 г. М. 1941; К братьям угнетенным славянам. Выступления представителей славянских народов на всеславянском митинге, состоявшемся 10–11 августа 1941 г. М., 1941; Второй всеславянский митинг в Москве 4–5 апреля 1942 г. М., 1942; Третий всеславянский митинг в Москве 9 мая 1943 г. М., 1943; Вперед, к победе. Митинг славян-воинов в Москве 23–24 февраля 1944 г. М., 1944.

[2] Enciklopedija Jugoslavije. Sv. 7. S. 483; Поповиħ Н. Југославија и свесловенски комитет (1941–1945) // Југословенско-советските односи во втората светска војна (1941–1945.) Скопје, 1991. С. 165.

[3] Гиренко Ю. С. Сталин и Тито. М., 1990. С. 272.

inslav

честве примера сопротивления германской оккупации и героизма[1]. Со своей стороны, во всех своих донесениях, официальных статьях и приветствиях Тито и его соратники неизменно возносили хвалы лично Сталину[2]. Казалось, что югославская компартия во главе с «любимым героем славянских народов», как тогда в Москве именовали Тито, и созданные им по советской модели коммунистическая партия и восстановленное югославское государство на необозримое будущее останутся ближайшими союзниками Сталина, ВКП(б) и СССР. 11 апреля 1945 г. во время визита Тито в Москву был заключен Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией[3]. 15 января 1946 г. в Белграде был создан Славянский комитет и там же в декабре 1946 г. состоялся Славянский конгресс. В рамках подготовки конгресса советский политико-идеологический и пропагандистский аппарат попытался синтезировать «пролетарский интернационализм» и «славянскую идею», основывавшуюся на идеологии и психологии этнического национализма для удержания господства СССР над странами Центральной и Юго-Восточной Европы[4].

Поначалу казалось, что для славистических исследований, в особенности – по истории Югославии, наступило благоприятное время, и что судьба молодого ученого В. И. Фрейдзона, который сумел найти себя в мирной послевоенной жизни (не все фронтовики это смогли сделать; для этого был необходим сильный характер и вера в свое призвание), складывается удачно и безоблачно. На самом деле 1948–1954 гг. были одним из самых трудных периодов его жизни. По мнению современного отечественного исследователя этого периода Н. Митрохина, на рубеже 1940–1950-х гг. происходило «превращение ВКП(б) из дореволюционной и пореволюционной партии, верящей в возможность социального братства всех людей независимо от этнической принадлежности, в этно-националистическую партию»[5]. В стране развернулась так называемая «антикосмополитическая» пропагандистская кампания. Помимо «антизападной», обусловленной холодной войной, антидемократической и антилиберальной составляющей, одним из основных ее элементов стал антисемитизм. Главный удар идеологической и организационной «чистки» «при-

[1] Напр., см.: Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 31, 53.

[2] Гиренко Ю. С. Указ. соч. С. 161.

[3] Отношения России (СССР) с Югославией. 1941–1945. М., 1998. С. 433–435.

[4] Досталь М. Ю. Славянский конгресс в Белграде в 1946 г. В сб.: Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 128–142.

[5] Митрохин Н. А. Указ. соч. С. 41.

inslav

шелся по среднему, наибольшему в количественном отношении слою еврейской элиты – управленцам... а также по журналистам, профессуре, другим представителям творческой интеллигенции», – считает другой современный российский историк Г. В. Костырченко[1]. Проводилась эта кампания руками как ортодоксов-догматиков от «сталинского марксизма», так и просто беспринципных, безграмотных и бездарных карьеристов, стремившихся использовать ситуацию для того, чтобы занять то или иное «руководящее кресло».

11–16 марта 1949 г. состоялось расширенное объединенное заседание исторических кафедр в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). На нем было объявлено о выявлении «кучки безродных космополитов», «пытавшейся вести вредную работу на научно-историческом участке идеологического фронта». 17 марта эстафета разоблачений «историков-антипатриотов» была подхвачена закрытым партийным собранием Исторического факультета МГУ. 25, 26 и 28 марта 1949 г. состоялось расширенное заседание Ученого Совета Исторического факультета МГУ, а затем 9 апреля в рамках конкретизации принятых решений состоялось и заседание кафедры истории южных и западных славян[2].

В ходе этой кампании поруганию, оскорблениям и унижению подверглись многие ведущие советские историки, отнюдь не только евреи по национальности. Это подтверждает история с научным руководителем В. И. Фрейдзона С. А. Никитиным. В силу обстоятельств В. И. Фрейдзон был вынужден принять участие в этом собрании, где ему как дисциплинированному члену ВКП(б) пришлось не только проголосовать за спущенное «сверху» решение, но и выступить с критикой своего руководителя. Впрочем, как справедливо отмечает исследователь истории отечественной славистики М. Ю. Досталь, если внимательно вчитаться в протокол собрания кафедры в целом, а также в некоторые отдельные выступления (в том числе и В. И. Фрейдзона), то создается впечатление, что эта обязательная процедура была в значительной мере срежиссирована. Подлинные интеллигенты и порядочные люди, работавшие на Историческом факультете МГУ, использовали те немногие средства самозащиты, которые интеллигенция могла противопоставить власти. Эта традиция и своеобразная культура просуществовали вплоть до времен перестройки и гласности второй половины 1980-х гг.

[1] Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 518.

[2] Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 581; Досталь М.Ю. С.А. Никитин и кампания борьбы с космополитизмом на Историческом факультете МГУ// Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 31–32.

inslav

Это было собрание с заранее обговоренной тематикой выступлений, многие из которых были попыткой (и, по-видимому, вполне успешной, поскольку С. А. Никитин, несмотря на тяжелую душевную травму, сохранил свою должность) увести собрание от огульного осуждения «жертвы» в сторону обсуждения собственно научных проблем, не затрагивая честь «обвиняемого» с тем, чтобы сохранить ему свободу и, вполне возможно, жизнь. В своем выступлении В. И. Фрейдзон лишь поддержал критические замечания, содержавшиеся в рецензии, уже опубликованной в журнале «Вопросы истории» на книгу «Документы к истории славяноведения в России (М., 1948), предисловие к которой написал С. А. Никитин. От себя же он добавил, что «неправильно также утверждение С. А. Никитина о том, что «Октябрьская революция прервала преграды единению славян. Наоборот, славянские связи были ослаблены в результате антисоветской пропаганды империалистов... В советское славяноведение надо внести новый революционный марксистский дух»[1]. То, что вынужденно и вымученно говорил В. И. Фрейдзон и некоторые другие выступавшие, в том числе и декан Г. А. Новицкий, ни в коей мере нельзя сравнить с пылом некоторых других преподавателей, студентов и аспирантов, которые выступали с идеологически окрашенными обвинениями и требовали продолжения расправы[2]. Это событие, как и весь период 1948–1953 гг., осталось в душе В. И. Фрейдзона незажившей раной, которая болела и много лет спустя.

Однако трудность положения молодого аспиранта заключалась еще и в том, что с середины 1948 г. в СССР была развязана и антиюгославская кампания. Постепенно назревавший еще в ходе войны и разразившийся в 1948 г. «конфликт Сталин–Тито» был обусловлен не только психологическим столкновением двух похожих личностей, не только разногласиями верхушек двух партий относительно «путей строительства социализма». Помимо того, что это был межгосударственный, межпартийный и межличностный конфликт, один из элементов которого состоял в различном толковании славянской идеи (российский, центральноеевропейский и южнославянский – балканский – варианты).

Первоначальные послевоенные планы Сталина использовать показавшую свою политико-психологическую эффективность в годы войны «славянскую идею» для закрепления господства СССР в Восточной Европе и международном коммунистическом движении после конфликта с руководством крупнейшего славянского государства

[1] Досталь М. Ю. С. А. Никитин и кампания. С. 33-35, 39.
[2] См.: Досталь М. Ю. С. А. Никитин и кампания. С. 34-43.

inslav

оказались неосуществимыми. С началом в 1948 г. конфликта Сталина с Тито от них отказались, поскольку без Югославии никакое «славянское братство» было невозможно. Попытка Сталина соединить во внешней политике идеологию интернационалистского коммунизма и славянского национализма окончилась неудачей вследствие объективных противоречий между славянскими государствами и коммунистическими режимами[1]. Кроме того, советско-югославский конфликт был отражением и внутренней борьбы в ближайшем окружении Сталина, которая была связана не только с личными амбициями «выдающихся деятелей партии и государства», но и с различиями в концептуальном видении внешней и внутренней политики СССР[2].

Исследование, предпринятое В. И. Фрейдзоном и защищенное им в качестве кандидатской диссертации, было выполнено в труднейших условиях конца 1948–1951 гг. – именно на начало и ужесточение советско-югославского конфликта пришлись его аспирантские годы. Свирепствовала идеологическая инквизиция, многие архивы были практически недоступны, невозможны были научные поездки, тем более, в Югославию, название которой употреблялось только в сочетании с бранными эпитетами. К хорватскому национальному движению относились с подозрением из-за создания во время Второй мировой войны профашистского государства – Независимого государства Хорватия (NDH, хорв.), Австро-Венгрия рассматривалась как соперник России на Балканах и угнетатель славянских народов, а Габсбурги виделись как «классовые враги». Кроме того, «ненавистный» Тито по национальности был наполовину хорват.

Начинающий ученый мог оказаться жертвой сразу нескольких кампаний – и борьбы с «космополитизмом», и борьбы с «бандой Тито-Ранковича», которую также обвиняли в «буржуазном национализме». Как оказалось, рискованной была и тема диссертации. Естественно, ни В. И. Фрейдзон, ни его научный руководитель С. А. Никитин не могли знать совершенно секретных планов Кремля, ОГПУ и Коминтерна середины 20-х гг. об использовании С. Радича для развязывания в Югославии «рабоче-крестьянской революции». Как стало известно благодаря недавно опубликованным документам той поры, к этим планам имел отношение сам Сталин. В его сознании сформировалось стойкое предубеждение-стереотип по отношению к югославянским

[1] Подробнее о структуре и элементах сознания И.В. Сталина, напр., см.: Вайскопф М. Указ. соч. С. 91, 123, 139, 152–155, 181, 244 и др.; Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина. М., 2000.

[2] Напр., см.: Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 250. Также см. статьи российского исследователя Л.Я. Гибианского в кн.: Холодная война. 1945–1963. М., 2003. С. 105–186.

inslav

народам и Австро-Венгрии; вполне вероятно, он не забыл и свою неудачу с «использованием» Радича. А простое упоминание имени любого неугодного «вождю» политика могло стоить советскому ученому не только карьеры, но и жизни. Не только ему самому, но и его близким. Кроме того, существовал и риск быть обвиненным ортодоксальными демагогами в «ошибочном толковании» работ Ленина и Сталина по национальному и аграрному вопросу, в котором они применительно к славянским странам Средней Европы и, в частности, Балкан, специалистами не являлись. Официальная же наука, подчиненная политике и пропаганде, в те годы механически переносила их многочисленные «высказывания» и «указания» о России и на Австро-Венгрию, и на другие страны, исходя из того, что Россия и СССР являются образцом для всего остального мира[1]. Могли В. И. Фрейдзону поставить в вину и то, что он был учеником «раскритикованного» С. А. Никитина.

Советская славистика в те годы по понятным политическим и психологическим причинам акцентировала внимание на противопоставление «славянства» и «германства». Славянские народы выхватывались из контекста межнациональных взаимоотношений в Австрийской империии (Австро-Венгрии), охватывавшей бо́льшую часть Средней Европы, и им приписывались исключительно «освободительные» устремления, в противовес «реакционным» австро-немецким и германским. Основой для оценки, главным «источником» и «историографией» в те годы для советских историков, специализировавшихся по Югославии, были высказывания Сталина и его ближайшего окружения, известная справка «Фальсификаторы истории» и т.п.[2] Впрочем, изданный в 1946 г. фундаментальный энциклопедический справочник «Балканы», в условиях того времени носил относительно корректный с научной точки зрения характер и содержал не только политико-пропагандистские оценки[3].

[1] Напр. см.: Справочный том к полному собранию сочинений В. И. Ленина. Часть 1. М., 1978. В работах Маркса, Энгельса и Ленина Хорватия и хорваты практически не упоминаются, но очень большое внимание уделяется Австрийской и Австро-Венгерской империи в целом.

[2] Напр., см.: Фальсификаторы истории (Историческая справка). М., 1952. С. 67, 70; Сталин И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. М., 1946. С.11; Маленков Г. М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального комитета ВКП(б). М., 1952. С. 23, 28.

[3] Балканы. Под ред. Ф. Н. Петрова. М., 1946. Заведующий кафедрой истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ в 1947-1961 гг. С.А. Никитин в отчете о работе кафедры в 1946/1947 гг. горестно отмечал: «Были многочисленные случаи отказа экзаменаторов принять экзамен у студентов, т.к. последние готовились не по указанной литературе, а по БСЭ (имеется в виду первое издание – С.Р.), Балканскому справочнику и т.п.». Историки-слависты МГУ. С. 190.

inslav

Многие из вышеназванных изданий по истории Югославии 20–30-х гг. оказались под запретом, поскольку их авторы были репрессированы, как, например, расстрелянный по обвинению в участии в «террористической организации» в 1938 г. референт Международного аграрного института Б. Бошкович (настоящее имя – Филип Филипович). Источником формирования не только «общественного мнения», но и научного сознания служили и советские газеты и журналы, многие из которых некоторое время спустя после выхода также отправлялись в «спецхран» (как, например, материалы о советско-югославском договоре о дружбе 1945 г. и о славянском конгрессе в Белграде 1946 г.), а также материалы заседаний Информационного бюро коммунистических партий 1948 и 1949 гг., в которых содержались грубая брань и безосновательные обвинения в адрес воспитанного в основном на советской идеологической и политической традиции руководства КПЮ и югославского государства[1]. Своеобразным «источником» были газеты – «За прочный мир, за народную демократию», издававшаяся Информационным бюро коммунистических партий (Коминформ), и «За социалистическую Югославию», выходившая на сербском языке в Москве якобы по предложению «группы югославских коммунистов, поддерживающих резолюцию Информбюро о положении в КПЮ»[2], а на самом деле по решению советского руководства.

С большой осторожностью можно было использовать газетно-журнальную публицистику и относительно немногочисленные серьезные научные монографии дореволюционного периода, в которых целиком или частично, в контексте «славянского мира» или Австро-Венгрии рассматривалась история Хорватии и других южнославянских земель и государств второй половины XIX – начала XX века. Их авторы также могли быть объявлены в лучшем случае «идеологически чуждыми»[3].

---

[1] Напр., см.: Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947; Фальсификаторы истории. (Историческая справка). М., 1952; Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952; Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1948; Совещание информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 г. М., 1949. Также см. фундаментальную публикацию материалов трех совещаний Коминформа 1947, 1948, 1949. М., 1998

[2] Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 2. 1949 – 1953. М., 2002. С. 87–88.

[3] Напр., см.: Филиппов М. Хорваты. СПб., 1890; Кулаковский П. А. Иллиризм. Варшава, 1894; Политический строй современных государств. Т.I-II. СПб., 1905; Венгерско-хорватское соглашение 1868 г. Краткий исторический очерк и перевод с примечаниями. СПб., 1910; Формы национального движения в современных

inslav

Это же ограничение относилось и к статьям в энциклопедических словарях начала XX века – Брокгауза и Эфрона, а также Гранат, к первому изданию Большой советской энциклопедии середины 20–30-х гг. Многие авторы помещенных в этих изданиях статей также попадали в «черный список».

Оригинальные источники же практически отсутствовали, и в тот период было очень трудно их отсутствие компенсировать материалами из дипломатического и военного архивов Российской империи[1], а также несовершенными переводами начала XX века на русский язык некоторых трудов «австро-марксистов» – К. Реннера, О. Бауэра и др.

Некоторые из изданий того времени, а также вырезки «установочных» статей в «Правде» тех лет сохранились в библиотеке и личном архиве В.И.. Фрейдзона. Многие из них испещрены пометками и комментариями. Эти свидетельства времени, вероятно, относятся и к концу 40-х – началу 50-х годов, и к более позднему периоду (подчеркивания и замечания сделаны карандашами и ручками разного цвета, видны различия в почерке), выдают характер человека и исследователя, позволяют заглянуть во внутреннюю лабораторию ученого, который даже в самых неблагоприятных для исследования условиях стремился получить всю доступную по тем временам информацию и самостоятельно переосмыслить предлагавшийся официальный вариант трактовки событий, даже оставаясь в рамках методологии того времени. Более того, В. И. Фрейдзон спустя много лет возвращался к этому материалу для того, чтобы его заново обдумать, а не для того, чтобы вспомнить «добрые старые времена».

В это время, в отличие от предыдущего этапа развития славяноведения, как в России, так и за рубежом, ограничивавшегося рамками филологии и медиевистики, его составной частью становятся исто-

государствах. Т.I-II. СПб., 1910; Крюков Н. А. Славянские земли. Сельское хозяйство в славянских землях в связи с общим развитием этих стран. Т.1. Пг., 1914; Погодин А. Л. Славянский мир. М., 1915; Березин Л.В. Хорватия, Славония, Далмация и Военная Граница. В 2 т. СПб., 1879; Василевский Л.М. Австро-Венгрия. Политический строй и национальный вопрос. СПб., 1906; Витте Е. де. Австро-Венгрия и славянские народы. Шамордино, 1912; Липовский А. Л. Хорваты. Очерк. СПб., 1900; Погодин А. Л. Краткий очерк истории славян. М., 2003; Погодин А. Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. М., 1915; Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. См. также: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1871; Лавров П. А. Аннексия Боснии и Герцеговины и отношене к ней славянства. СПб., 1909; Леонтьев К. Н. Византизм и славнство М., 1876; Милюков П. Н. Балканский кризис и политика Извольского. СПб., 1910 и др.

[1] См.: Горяева Т.М. Указ. соч. С. 308.

inslav

рические исследования, посвященные новой и новейшей – т.е. современной истории славянских народов и государств.

После окончания аспирантуры и защиты диссертации В. И. Фрейдзон около двух лет оставался без работы, то есть был попросту лишен средств к существованию. Смерть Сталина, последовавшие за этим перемены, в том числе прекращение антисемитской и антиюгославской кампаний отнюдь не сразу дали о себе знать. С 1954 по 1956 г. он работал специалистом по комплектованию фондов иностранными поступлениями во Всесоюзной государственной библиотеке имени В. И. Ленина, что помогло ему найти источники для дальнейших исследований.

В 1956 г. В. И. Фрейдзон пришел в Институт славяноведения Академии наук и проработал в нем всю жизнь. Именно тогда, под влиянием благотворных перемен в советско-югославских отношениях – Белградской и Московской деклараций 1955 – 1956 гг., там начиналась работа над «Историей Югославии». Ему было поручены главы, посвященные истории Хорватии и Словении в конце XIX – начале XX века. Из-за практической неразработанности подавляющего большинства проблем, ученому, по его воспоминаниям, приходилось работать по четырнадцать часов в сутки. Написанное им тогда во многом не утратило своего значения и поныне; двухтомник вышел в 1963 г. и до сих пор входит в список обязательной для прочтения литературы для молодых славистов – студентов и аспирантов.

В закрытом докладе на XX съезде «О культе личности Сталина и его последствиях» 25 февраля 1956 г. Хрущев перенес всю ответственность за советско-югославский конфликт лично на Сталина, что помимо изменений в советской внутренней политике объективно означало и шаг навстречу позиции Тито и СКЮ[1]. Изменилась и характеристика югославской «системы»: необходимо было преодолеть сложившийся в 1948–1953 гг. стереотип о том, что Югославия-де «не социалистическая страна». Н. А. Булганин заявил: «Мы увидели самое настоящее социалистическое государство: государство без помещиков, государство без капиталистов»[2]. Дискуссии на тему «является ли Югославия социалистической страной», продолжались в ЦК КПСС и советском МИД вплоть до второй половины 1980-х гг. Тем не менее, многие люди, несмотря на многолетнюю пропаганду и запугивания, «с симпатией относились к Югославии» и «с одобрением восприняли предпринятые Хрущевым

[1] Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002. С. 97–98. Также см.: Реабилитация: как это было. Документы президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 – февраль 1956 г. М., 2000. С. 378–379.

[2] Аксютин Ю. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953 – 1964 гг. М., 2004. С. 115.

inslav

шаги по нормализации советско-югославских отношений», – вспоминает М.С. Горбачев[1].

Однако и после «примирения» советско-югославские отношения развивались очень неровно, иногда достигая высокой степени обострения, на них сказывались события в Венгрии 1956 г., дискуссии вокруг новой программы СКЮ 1958 г.

Не была раскрыта вся информация о событиях 1948–1953 гг., не были открыты архивы. (До сих пор отнюдь не все документы того периода доступны исследователям). Политические и идеологические противоречия сохранялись; периоды улучшения отношений сменялись резкими «похолоданиями», что не могло не отражаться на условиях развития советской югославистики, делавшей первые самостоятельные шаги. В 1950-е – 1970-е годы история Хорватии, шире – кроатистика как самостоятельная отрасль исторической, филологической и этнологической науки делала перые шаги, несмотря на препятствия со стороны не только советской, но и югославской официальной идеологии. В СФРЮ господствовала официальная, сформулированная Тито и его окружением концепция «братства и единства», весьма по своей природе близкая к советской теории о «советском народе – новой исторической общности». Поэтому изучение политической и этнической истории хорватов как самостоятельного объекта исследования и в Белграде и в Москве могло быть истолковано как пропаганда «буржуазного национализма».

Кроме того, и КПСС и Союз коммунистов Югославии по-прежнему считали историю делом идеологическим и ни на одно мгновение не ослабляли «особой бдительности на архивно-идеологическом фронте». А руководство обеих партий продолжало относиться друг к другу с недоверием. Советская партийно-бюрократическая номенклатура так до конца и не смогла смириться с идеологической и политической независимостью Югославии и ее лидера Тито, подсознательно рассматривая их существование как угрозу созданной в СССР «модели» социализма и советскому влиянию в мире, в особенности в странах Восточной Европы, входивших в СЭВ и Варшавский договор. Поэтому не удивительно, что новая редакция программы КПСС, принятая на XXII съезде КПСС в 1961 г., по своему внутреннему содержанию полемизировала с программой СКЮ. «Приговор» Кремля был однозначен: в ней нашла «наиболее полное воплощение идеология ревизионизма»[2]. Лишь однозначное заявление Тито в 1962 г.

[1] Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Книга 2. М., 1995. С. 380.

[2] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.10. 1961-1965. М., 1986. С. 111.

inslav

о том, что Союз коммунистов Югославии стоит на стороне КПСС в ее споре с Коммунистической партией Китая, заставил несколько смягчить подобные оценки.

Командировки ученых в Югославию и в 60–70-е годы были крайне редки; нормальное общение с югославскими коллегами и свобода дискуссий также были весьма ограничены. Советские югослависты в те годы находились в трудной – и профессиональной и человеческой – ситуации. «Оттепель» не растопила в СССР жесткие преграды идеологических и цензурных препятствий. Советским ученым приходилось преодолевать недоверие ко «всему югославскому», прочно утвердившееся в сознании партийного и государственного аппарата с 1948 г., преодолевать стереотип в отношении к хорватам, поскольку части НДХ участвовали в боях на Восточном фронте в СССР (под Сталинградом на Дону и в Крыму) и многими воспринимались как «фашисты». Более того, на подсознательном уровне продолжало работать и стереотипное восприятие хорватов как католиков в отличие от «наших» – православных – сербов. Австро-Венгрия, в состав которой входили хорватские земли до 1918 г., также воспринималась исключительно как враг не только России, но и советской власти, поскольку принимала участие в интервенции и переговорах в Брест-Литовске в 1917–1918 гг.

Исподволь продолжали свою активность и эмигранты «информбюровцы», надеявшиеся на свое возвращение к власти в Югославии и всеми силами стремившиеся воспрепятствовать нормализации советско-югославских отношений. В то же время, между историками двух школ – советской и югославской – могли существовать и существовали и объективные различия в методологии исследования и в оценках тех или иных исторических процессов, событий и деятелей. Хотя в одном обе официальные исторические концепции того времени были едины – их задача состояла в том, чтобы обосновать легитимность и историческую закономерность возникновения югославского социалистического государства. При этом в подходе к изучению истории национальных движений южнославянских народов невольно возникал парадокс: когда речь шла о Югославии после 1918 и, особенно, после 1945 г., негативную оценку получали, как правило, именно те их доблести, которые превозносились, когда речь шла о борьбе против монархии Габсбургов. Необходимо было и наладить контакты и взаимопонимание с югославскими, в том числе и хорватскими коллегами, также находившимися по отношению к СССР и советской науке в схожих условиях, независимо от того, искренне они принимали титовскую модель общественного устройства и идео-

inslav

логии, или нет. В. И. Фрейдзону решить эту нелегкую научную и этическую проблему удалось вполне. Многие его югославские коллеги независимо от взглядов и национальности стали его друзьями.

Важное место в его исследованиях заняло изучение социальной структуры в хорватских и словенских землях. В 1969 г. в статье на страницах журнала «Советское славяноведение» он впервые обращается к проблеме формирования хорватской нации в условиях сложных процессов этнической дифференциации, происходивших в землях южных славян как в монархии Габсбургов, так и вне ее. Эта небольшая статья во многом предвосхитила основное направление исследований В. И. Фрейдзона в 1970–1980-е годы, когда именно вопросы этнической истории выдвинулись в сфере его интересов на первый план. Занимался он и изучением российско-хорватских связей, проявлений взаимной солидарности двух народов. Результаты его изысканий опровергают довольно распространенный в российском обыденном сознании миф о том, что пророссийские (прорусские) симпатии и устремления в XIX веке были исключительно уделом православных сербов, черногорцев и болгар, тогда как тем южнославянским народам, которые в основной своей массе исповедовали католичество, подобная ориентация была якобы в корне чужда. Достаточно назвать, например, статью 1966 г. о пропаганде в Хорватии в 1860-е – 1870-е годы франко-русского союза в качестве противовеса германской политике.

Итогом многолетней и кропотливой работы стала вышедшая в 1970 г. монография В. И. Фрейдзона «Борьба хорватского народа за национальную свободу», которую можно считать образцом для отечественных кроатистов. Два года спустя она была защищена автором в качестве докторской диссертации. Название труда свидетельствует о принципиальности автора – с 1967 г. вызревала так называемая "Хорватская весна" – реформистское и национальное движение, подвергшееся жесткой критике не только со стороны Тито, но и брежневским руководством в Москве. Возникла парадоксальная ситуация – традиционное для советской марксистской историографии словосочетание в изменившейся политической ситуации могло быть истолковано как «подрыв основ», как пропаганда «буржуазного национализма».

Период 1968–1971 гг. никак нельзя отнести к спокойным и плодотворным в советско-югославских отношениях. На них не могли не отразиться не только события 1968 г. в Чехословакии. Советские руководители все более открыто сравнивали Югославию с Чехословакией периода Пражской весны, упрекая Тито за поддержку А. Дубчека. Вовсю использовалась концепция «ограниченного су-

inslav

веренитета», отчасти которую Москва пыталась распространить и на Югославию. С советской стороны также активно критиковались планы конституционных реформ СФРЮ, а руководство ЦК Союза коммунистов Хорватии изображалось «западной агентурой». Распространялись слухи, что руководство СКХ – лидеры Хорватской весны якобы связаны с усташской – экстремистской националистической – эмиграцией. Власти в самой Югославии не забыли подписанную в 1967 г. виднейшими хорватскими интеллектуалами «Декларацию о названии и положении хорватского литературного языка», которая шла в разрез с официальной доктриной о едином «сербско-хорватском языке»[1]. Л. И. Брежнев открыто предложил Тито «братскую помощь», что в терминологии тех лет могло означать введение войск стран Варшавского договора в СФРЮ. Однако Тито сумел сам «решить» проблему устранения от власти реформаторски настроенных политиков не только в Хорватии, но и в Словении, Сербии и других республиках[2].

Монография В. И. Фрейдзона стала признанием в СССР не только существования хорватов как особого этноса и нации, но и ее особых политических устремлений, отличавшихся как от интересов сербов, так и от интересов общего югославского государства. Остается только предполагать, сколько нервных и душевных сил вместе с дипломатическим искусством пришлось приложить ее автору в различных отделах ЦК КПСС, чтобы в условиях жесткого идеологического контроля и цензуры добиться выхода книги в свет, а затем и успешной защиты. Всего лишь два года спустя после ее опубликования и в момент поражения Хорватской весны (равно как и всего системного реформистского движения в рамках СКЮ и СФРЮ) главный идеолог КПСС и «серый кардинал» ЦК КПСС М.А. Суслов выразил удовлетворение тем, что «югославские товарищи покончили с хорватским национализмом и его руководителями»[3]!

В научном отношении эта книга была во многом новаторской. В. И. Фрейдзону удалось постепенно преодолеть традиционно господствовавшее в отечественной (как дореволюционной, так и послевоенной, советской) славистике отношение к хорватам и их национальному движению. Ему удалось посмотреть на Австрийскую

[1] Deklaracija o hrvatskome jeziku s prilozima i deset teza. Drugo izdanje. Zagreb, Matica hrvatska, 1991.

[2] Об этом периоде в истории Югославии и ее отношениях с СССР напр. см.: Романенко С.А. Указ. соч. С. 352–374; Черняев А.С. На Старой площади. Из дневниковых записей // Новая и новейшая история. 2004. №5. С. 129; Dabčević-Kučar S. '71: hrvatski snovi i stvarnost. II. Zagreb, 1997. S. 601–603.

[3] Dabčević-Kučar S. Op.cit. S. 602–603.

inslav

империю и на Австро-Венгрию не как на «тюрьму народов», а как на сложный исторически сложившийся и просуществовавший несколько столетий этнополитический организм, составной частью которого были национальные движения южнославянских народов, далеко не всегда стремившиеся к революционному разрушению империи. В. И. Фрейдзон в своей исследовательской работе опирался не на схемы, а прежде всего на факты и материал источников, которые при внимательном прочтении позволяли сделать выводы, выходящие далеко за рамки «дозволенного». Хотя исследование было основано на марксистской методологии и посвящено периоду второй половины XIX века, сам ее материал позволял усомниться в постулатах официальной науки о примате классового перед национальным. В монографии были поставлены несколько общетеоретических вопросов, которые в глазах внимательного читателя касались не только государства Габсбургов, но и Российской империи и СССР – национально-освободительное движение и революция, национал-либерализм и национал-радикализм, федерализм и централизм, общегосударственная идеология и этнический национализм, соотношение различных типов славянской идеи – югославизма и австрославизма, с одной стороны, и хорватского национализма, – с другой. Что касается последней проблемы, то был опровергнут имевший политико-идеологическое происхождение тезис советской и югославской марксистской историографии о том, что национальные движения южных славян, в частности хорватов, выступали исключительно за распад Австро-Венгрии и за создание Югославии. Над этими и другими проблемами он продолжил свою работу во второй половине 70-х – 80-е гг.

Освоение собственно хорватской тематики стало для исследователя настоящим мостом, позволившим перейти к полноценному изучению целого комплекса более общих проблем истории монархии Габсбургов. Еще в 1967 г. в книге «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы» выходит первая статья В.И. Фрейдзона (и одна из первых в отечественной историографии работ) о проектах федерализации Австрийской империи (с 1867 г. Австро-Венгрии) в 1860–1870-е годы. В сборнике «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах» (М., 1970), коллективном труде «Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах» (М., 1972) группа авторов во главе с В. И. Фрейдзоном обратилась к изучению взаимозависимостей между развитием экономики, изменениями в социальной структуре полиэтничных

inslav

обществ и формированием национальных движений, а также последующей эволюцией их идейной основы.

Политическое наследие 1948–1953 гг. в значительной мере было преодолено только в 1975 г., после визита в Москву идеолога СКЮ Э. Карделя. После публикации 27 ноября 1975 г. в «Правде» передовой статьи за подписью «И. Александров», что было псевдонимом высшего руководства КПСС.

В 1976–1978 гг. отношение к Югославии в среде советских руководителей несколько изменилось к лучшему. Но затем пришли новые противоречия, связанные с вводом советских войск в Афганистан и ситуацией в Польше и Кампучии, что вновь оживило фантомы прошлого. Поэтому неудивительно, что и дальше в аппарате ЦК КПСС и в советском МИД продолжались споры по вопросу, казалось бы, решенному почти двадцать лет назад – «является ли Югославия социалистической страной». Хотя по требованию югославской стороны (и в духе резолюций 1955–1956 гг.) в совместных советско-югославских документах Югославия называлась социалистической страной. Но ни советские, воспитанные в духе сталинизма, ни югославские, вскормленные имевшим тот же фундамент «титоизмом», партийные руководители не хотели и не могли отрешиться от засевших в их подсознании глубокой подозрительности и недоверия друг к другу. Кроме того, сохранялись и объективные противоречия национально-государственных интересов. При этом проблема Югославии и «славянского братства» не присутствовала во внутриполитической борьбе в СССР, во всяком случае, не в той мере, как это было в конце 1940-х – начале 1960-х годов.

Ряд статей В. И. Фрейдзона конца 70-х – начала 80-х гг. был посвящен проблемам межформационных взаимосвязей, в частности, переходу от феодальной народности к нации, периодизации и типологизации формирования наций у южных славян и других народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Он писал также об идее славянской общности в XIX веке, о специфике национальных движений славянских народов в революции 1848–1849 гг. в Австрийской империи, о соотношении социально-классового и национального начал, революционно-радикальных и умеренно-реформистских тенденций в общественных и национальных движениях в монархии Габсбургов. При этом способность В. И. Фрейдзона к широким обобщениям неоднократно позволяла ему на основе сопоставления материала разных стран проводить типологические параллели между процессами формирования наций, модернизации общества, становления национальных движений, развития общественно-политической мысли в различных европейских регионах.

inslav

Принципиально важная статья «Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе» (совместно с Т. М. Исламовым), опубликованная в первом номере журнала «Новая и новейшая история» за 1986 г., положила начало плодотворной дискуссии с участием ведущих отечественных историков.

В 1970–1980-е годы в Институте славяноведения и балканистики при самом активном участии В. И. Фрейдзона было предпринято задуманное еще И. С. Миллером издание многотомной серии «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму: Проблемы истории и культуры». Ее венцом стала двухтомная коллективная монография «Освободительные движения народов Австрийской империи» (М., 1980–1981 гг.), органично сочетавшая в себе разделы, посвященные истории отдельных земель и народов, с проблемно-тематическими главами, написанными на материале разных частей полиэтничного государства. При этом национальные движения в Габсбургской монархии рассматривались в контексте социально-экономической, политической истории многонациональной империи, а также на фоне международных отношений в Европе (последнее немаловажно, ведь значение польского, венгерского национальных движений, как и национальных движений южнославянских народов перерастало рамки отдельных государственных образований, во многих случаях эти движения становились фактором международной жизни). После кончины И. С. Миллера В. И. Фрейдзон был не только ответственным редактором этой коллективной монографии, но и интеллектуальным центром и организующим началом исследования, много сделавшим для придания ему композиционной целостности. Ему принадлежит и ряд концептуальных разделов.

Этот двухтомник и по сей день остается едва ли не единственным не только в отечественной, но и мировой историографии комплексным (междисциплинарным) и сравнительно-историческим исследованием национальных проблем этого государства, охватывавшего практически весь регион Средней и части Юго-Восточной Европы. С именем В. И. Фрейдзона, как и с именем его единомышленников и коллег И. С. Миллера и Т. М. Исламова, неразрывно связан расцвет исторических и междисциплинарных исследований в Институте славяноведения в конце 70-х – начале 90-х годов. В. И. Фрейдзон внес большой вклад в создание других коллективных трудов этой серии, изданных в 1981–1984 гг. Большое научное значение имела разработанная в них типологизация социальных структур народов Центральной и Юго-Восточной Европы, в основе которой лежало

inslav

выделение наций и народностей с полной и неполной социальной структурой, концепция, вызвавшая оживленные дискуссии.

В. И. Фрейдзон впервые в отечественной историографии обратился к изучению истоков формирования боснийско-мусульманского этноса – проблема эта несколько позже, в 1990-е годы, неожиданно приобрела актуально-политическое звучание в свете событий, сопровождавших распад полиэтничной Югославии. К сожалению, статья «К истории боснийско-мусульманского этноса» в 1981 г. вышла в сильно сокращенном цензурой виде, а ее полный вариант, по-видимому, не сохранился. Но даже в урезанном варианте это исследование позволяет понять особенности этногенеза боснийско-мусульманского этноса, заключающиеся в оригинальном соединении славянского – этнического, и исламского – конфессионального компонента. А исторические факты убедительно опровергают укоренившиеся в особенности в последнее время мифы и стереотипы о якобы изначальной враждебности «цивилизаций», отождествляемых с этническими и конфессиональными общностями.

Характерной чертой творчества В. И. Фрейдзона было присущее ему сочетание конкретно-исторических и теоретических исследований. От изучения проблем истории одного народа он стремился перейти и перешел к осмыслению исторического опыта и закономерностей развития всего региона Центральной и Юго-Восточной Европы. Значительное внимание В. И. Фрейдзон уделял теоретическим проблемам использования методов этнологии в историческом исследовании. В этом контексте символичной стала его рецензия на монографию известного советского этнолога академика Ю. В. Бромлея «Современные проблемы этнографии»[1]. Эта книга, как и другие труды того же автора, представляла собой, хотя и обусловленную мировоззренческими, методологическими и цензурными рамками того времени, но все же попытку расширить границы официально принятой классовой типологии этнических общностей (род – племя – народность – нация), ввести советскую науку в контекст мировых этнологических исследований[2]. В. И. Фрейдзону и его коллегам это позволило дальше плодотворно работать в концептуальных рамках не только сравнительно-исторических, но и междисциплинарных исследований. Подобный подход позволил ему

[1] Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. (Очерки теории и истории). М., 1981. Рец. см.: Фрейдзон В. И. К теории этнических процессов // Советское славяноведение. 1981. №5.

[2] Напр., см.: Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. 1960-е–1990-е годы. М., 2003.

inslav

придать законченный характер концепции формирования наций у народов Средней Европы.

В. И. Фрейдзон занимался проблемами некоторых других территорий, входивших в состав монархии Габсбургов (например, социальной истории Воеводины – южной Венгрии). Не ограничиваясь историей южных славян монархии Габсбургов, он отдавал дань и богемистике, с занятиями которой когда-то начал путь в науке. В 1989 г. под его редакцией вышла коллективная монография «Чешская нация на заключительном этапе формирования». 1850 г. – начало 70-х годов XIX века»; в 1991 г. была опубликована его статья о международной солидарности с чешским демократическим движением в 1848–1849 гг.

Пережив хрущевскую «оттепель» и брежневский «застой», проблема взаимоотношений с Югославией по наследству досталась М. С. Горбачеву. На пути ее решения в рамках «перестройки» он неизбежно столкнулся с необходимостью полного идеологического и политического примирения двух сторон и перевода их взаимоотношений в цивилизованное русло. Это случилось во время визита Горбачева в СФРЮ 14–18 марта 1988 г. Новая советско-югославская декларация, подписанная 18 марта 1988 г. в Дубровнике, спустя более тридцати лет после знаменитых Белградской и Московской 1955 и 1956 гг., как и задумывали обе стороны, «закрывала период враждебности и распада»[1]. Это означало поворот в сознании значительной части правящих кругов обеих стран, с одной стороны, и «удовлетворение давнего настойчивого желания югославов добиться покаяния с нашей стороны», с другой[2]. Никаких особых ссылок на «славянское братство» в Декларации 1988 г., как и в документах 1955–1956 гг., не содержалось. На официальном обеде в Белграде Горбачев заговорил о «давних и добрых исторических традициях, которые связывают русских с сербами», о том, что «в сердце каждого русского и серба, так сказать, в их генетической памяти заложены взаимная доброжелательность и дружеское тяготение»[3]. Впоследствии сходную риторику активно использовали С. Милошевич и его окружение как для осуществления собственных политических планов, так и против политики демократических реформ в СССР, а затем и независимой России.

Визит в Москву главы нового хорватского государства Ф. Туджмана в октябре 1991 г. (Горбачев пытался сыграть посредническую роль в начавшемся вооруженном конфликте Белграда и Загреба) стал на-

[1] Горбачев М.С. Указ. соч. С. 380.

[2] Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Социалистическую Федеративную Республику Югославию. 14 – 18 марта 1988 г. М., 1988. С. 77, 78.

[3] Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. С. 55.

inslav

чалом новых отношений между новой Россией и новой Хорватией. Это обстоятельство, а также совпадение в тот момент позиций Москвы (уже Б. Н. Ельцина, а не М. С. Горбачева) и Загреба по отношению к своим распадавшимся федерациям, создавало и объективные, и чисто субъективные предпосылки для налаживания нормальных и эффективных взаимоотношений между Москвой и вновь образовавшимися государствами. Во время кратких октябрьских переговоров сам Ельцин предложил создать двустороннюю российско-хорватскую комиссию по сотрудничеству и принял приглашение посетить Хорватию сразу после окончания войны[1]. Этому визиту так никогда и не суждено было состояться, однако 17 февраля 1992 г. независимая Россия признала независимость Хорватии.

В этот период ситуация существенно для историков и славистов изменилась. С одной стороны, пали цензурные и идеологические ограничения[2]. С другой стороны, славянский и югославский «факторы» вновь превратились в активные элементы советской, а затем и российской не только внешней, но и внутренней политики, которая искала новые опоры[3].

С середины 90-х гг. XX века в отечественной исторической науке начали появляться новые работы по истории Центральной и Юго-Восточной Европы, в которых их авторы продолжили лучшие традиции российского исторического страноведения. Возможность отказаться от навязываемых советским коммунистическим режимом идеологических догматов, снятие всякого рода «табу» и доступ к ранее недоступным и неизвестным документам – все это позволило поставить на повестку дня вопрос о необходимости создания «целостной картины мира» без искусственного замалчивания, или, наоборот, выпячивания отдельных исторических событий или фигур. Ко всем этим работам применимо определение «впервые». Впервые в современной отечественной историографии стало возможно неполитизированное и неидеологизированное изложение истории народов и стран. Впервые произошел отказ от околонаучных «соображений» и недомолвок.

В начале 90-х гг. по целому ряду причин (анализ которых далеко выходит за рамки данной статьи) президент Б. Н. Ельцин не поддерживал «славянские» инсинуации. В своем интервью, данном в августе 1995 г. японской газете «Нихон кэйдзай», он прямо ответил: «Панславянские идеи, или как вы говорите, идеи славянского союза,

[1] Tomac Z. Iza zatvorenih vrata. Tako se stvarala hrvatska država. Zagreb, 1992. S. 332–336.

[2] Горяева Т.М. Указ. соч. С. 366–379.

[3] Подробнее об этом см.: Романенко С.А. Указ. соч. С. 510–545.

inslav

остались в прошлом. Да и тогда во внешней политике России они никогда не занимали главенствующих позиций. К данному же конфликту они вообще не имеют никакого отношения. Ведь в Боснии война идет исключительно между славянскими народами»[1].

Иное мнение господствовало среди депутатов Верховного Совета РСФСР и Государственной думы. В сознании многих из них причудливым образом переплелись как официальные концепции, восходившие к сталинскому наследию, так и этнонационалистические, этноконфессиональные и геополитические концепции, выработанные российским политическим классом в конце XIX – начале XX века. Это имело и политические, и мировоззренческие, и гносеологические причины[2]. В реальной политике это выразилось в возрождении и создании новых мифов, предрассудков и стереотипов прошлого, в частности – мифа о Сербии и православных сербах как о якобы единственном верном союзнике России и о Хорватии и хорватах-католиках как о «сепаратистах» и «извечных врагах» не только Сербии, но и России.

Исследуя этнические процессы и межнациональные отношения, до крайности запутанные в регионе Центральной Европы и на Балканах, В. И. Фрейдзон избежал крайностей: для него были категорически неприемлемы как этнический национализм, так и этнический нигилизм. Он признавал этнос и нацию как самостоятельный субъект исследования и рассматривал формирование наций как длительный исторический процесс. А этнические процессы имеют свои законы и динамику, далеко не всегда совпадающие с законами и динамикой экономического развития, часто им даже противоречащие. В результате вместо реального знания в советском и постсоветском сознании начали и продолжают возникать новые наукообразные мифы, лишая общество рациональной и реалистической оценки своего места, интересов и возможностей на новом этапе развития процесса национального самоопределения. Одним из примеров этого может служить оценка, данная даже просвещенными советниками Горбачева, рассматривавшими цели национальных движений несербских народов СФРЮ исключительно как сепаратизм и национализм исключительно в негативном, свойственном советскому научно-политическому лексикону значении этого слова[3]. Или же выдвигаемая неко-

[1] Комсомольская правда. 10.08.1995.

[2] Напр. см.: Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии. (1990–1993). М., 1993.

[3] Напр., см.: Шахназаров Г. Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 102, 104; Грачев А. С. Кремлевская хроника. М., 1994. С. 182, 210.

inslav

торыми относящимися к либеральной части политического спектра современной России политиками и общественными деятелями идея «отмены» национального самоопределения, что равносильно требованию отмены самого исторического развития.

В этих условиях В. И. Фрейдзон не пошел по легкому и весьма популярному пути отказа от реальных достижений советской исторической науки и марксистского метода исследования истории, их замены под флагом «возвращения наследия утраченного прошлого» эклектичным соединением этнонационалистических и геополитических концепций конца XIX – первой половины XX века и подмены теории исторического процесса «конспирологией». Для него работа в 90-е годы была настоящим переосмыслением истории, переосмыслением сделанного ранее, а не простой заменой положительных оценок отрицательными и наоборот. Занимаясь историей Хорватии, он сумел, как это было присуще лучшим отечественным историкам-славистам XIX–XX веков, посмотреть на исторический процесс со стороны, с максимально возможной объективностью, объясняя его причины, но не оправдывая его участников, к какой бы национальности или классу они не принадлежали, не следуя инонациональной мифологии в противовес отечественной. В процессе исследовательской работы ему постепенно удалось раздвинуть границы советского политико-идеологического стереотипа, и Австро-Венгрию, как и национальные движения входивших в нее славянских народов он рассматривал сугубо исторически, т.е. исходя не из более позднего результата, сквозь призму событий, случившихся уже после ее распада, а анализируя развитие самих этнополитических процессов, исследуя монархию Габсбургов как сложнейший полиэтничный социальный и политический организм, а не как «тюрьму народов» и «врага славянства». Позднее некоторые отечественные исследователи бросились в другую крайность – рассматривая монархию Габсбургов как империю, они стали идеализировать ее как наилучшую форму организации этнополитического пространства, способную якобы примирить межэтнические конфликты и конфликт этноса и государства.

Его работы конца 1980–1990-х посвящены в основном двум проблемам – мифу о хорватах в российском сознании и трагедии хорватской истории. Миф состоял в том, что-де хорватам-католикам якобы «имманентно» присуща враждебность к России. Трагедия же хорватского народа и идеи создания независимого хорватского государства состоит в том, что хорватское национальное движение в двух мировых войнах оказывалось в значительной мере на стороне Германии и ее союзников. Коммунистическое же антифашистское

inslav

сопротивление – Народно-освободительная борьба 1941–1945 гг., в которой активное участие принимали и хорваты, зачастую игнорировалось. А это привело к тому, что в историографии стран-победительниц зачастую идея национального независимого хорватского государства стала отождествляться с нацизмом, фашизмом и коллаборационизмом. На самом же деле хорватская национальная идеология возникла в середине XIX века и типологически она сходна с идеологиями национальных движений других народов Средней Европы. У них стремление к национальному самоопределению, в том числе и государственно-политическому, подчинено одной и той же исторической закономерности и обладает точно такой же исторической и правовой легитимностью Оно не имело ничего общего ни с «классическим» германским нацизмом, ни с итальянским фашизмом. Отнюдь не идентична хорватская национальная идеология и «теориям» организации «усташей» и практике и государства НДХ. После распада СССР началась полемика между двумя основными направлениями в исторической науке, этнологии и политологии, отражающая поиски в области методологии, и развернулось соперничество, связанное с общей идейно-политической борьбой в современном российском обществе. В. И. Фрейдзон принадлежал к направлению, которому было чуждо возвеличивание одного этноса в ущерб другим и признание первичности коллективных прав в ущерб правам индивидуума. Анализируя события в СФРЮ и на постъюгославском пространстве, приверженцы этих принципов стремятся объяснить причины кризиса, распада и войны, обосновать закономерность возникновения интересов и целей национальных движений народов, живущих совместно в течение долгого исторического времени на одной территории и проживших семьдесят лет в одном государстве. Не отрицая значения «внешнего фактора», т.е. вмешательства в различной форме «великих держав» и военно-политических группировок, они подчеркивают, что Югославия распалась, прежде всего, в результате внутренних слабостей и противоречий[1].

Нельзя не отметить и тот факт, что границы историко-географических регионов менялись не только по политическим соображениям,

[1] Фрейдзон В. И. История Хорватии. СПб., 2001. С. 270–281. Также, напр., см.: Балканы между прошлым и будущим. А. А. Язькова, Б.А. Шмелев – ред. М., 1995; Россия на Балканах. Кобринская И. Я и Гарнетт Ш. ред. М., 1996; Мартынова М. Ю. Балканский кризис: народы и политика. М., 1998; Романенко С. А. Югославия: История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств. Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX-XX вв. М., 2000; Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. Балканские войны XX века. М., 2000 и др.

inslav

но и в соответствии с развитием национального самосознания проживающих в них народов. Примером этого может служить новая самоидентификация словенцев и хорватов, причисляющих себя и свои независимые государства к Центральной и Юго-Восточной Европе. В. И. Фрейдзон вместе с Т. М. Исламовым внесли в эту полемику значительный вклад, едва ли не впервые в отечественной науке обосновав закономерность возникновения историко-географического региона Средней Европы и плодотворность его изучения[1].

Накопленный опыт позволил ученому заняться теоретическими аспектами формирования наций в этом регионе в конце XVIII – начале XX века. В. И. Фрейдзон не утратил интереса и вкуса к собственно историческому исследованию. Главное место в творчестве В. И. Фрейдзона 1990-х годов заняли его индивидуальные монографии, явившиеся итогом многолетних скрупулезных исследований. В 1993 г. вышла работа «Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX – начала XX века. От консервативно-реформистских идей к программе крестьянской демократии. 1832–1914».

Следующая монография В. И. Фрейдзона «Далмация в хорватском национальном возрождении XIX века. К истории югославизма и его неудачи» (1997) явилась первой в отечественной историографии и, безусловно, удачной попыткой нарисовать подробную картину исторического развития в Новое время Далмации – края, который издавна выполнял важные культурные функции, будучи своего рода связующим звеном между в значительной мере славянскими Балканами и латинским Средиземноморьем.

Небольшая книга «Нация до национального государства: историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII – начала XX века» (1999) явилась плодом долгих размышлений над закономерностями нациообразования и формирования национальной государственности в Центральной Европе, основанных на глубоком знании исторической конкретики. В них, как и в ряде статей, посвященных истории развития югославизма и его соотношения с узким этническим хорватским и сербским национализмом, ученый стремился переосмыслить исторический опыт южных славян, добившихся после Первой мировой войны возможности осуществить национальное самоопределение в рамках нового многонационального государства с этнически родственным

[1] Исламов Т., Фрейдзон В. Средняя Европа – миф, плод воображения или реальность? / Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1992. С. 119–133. Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. / Отв. ред. Т. М. Исламов, А.И. Миллер. М., 1995; Центральная Европа как исторический регион / Отв. ред. А. И. Миллер. М., 1996; Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика./ Отв. ред. О. В. Хаванова М., 1997.

inslav

составом населения, государства, которое дважды в XX столетии – в 1941 и в 1991–1995 гг. – распадалось трагическим и кровавым образом[1].

Заметным событием в отечественной кроатистике стал выход в 2001 г. принадлежащей перу В. И. Фрейдзона «Истории Хорватии», охватывающей все века и периоды развития хорватов как народа и Хорватии как государства. В ней впервые в отечественной науке была представлена целостная концепция истории хорватов как народа и Хорватии как государства. Поскольку ее основные черты применительно к периоду конца XVIII – начала XX века были описаны выше, обратимся к трактовке В. И. Фрейдзоном последнего на данный момент периода современной истории – создания независимого государства Хорватии и завершения формирования хорватской нации – и как этноса, и как гражданской общности.

По мнению исследователя, во второй половине 80-х гг. в Хорватии, где сохранялись идейные традиции национальной государственности, активизировалось движение за достижение независимости, в котором наряду с умеренно-либеральным проявило себя и радикальное националистическое крыло, несущее свою долю ответственности за обострение конфликта с сербами. Хорватское общество, не только осознавшее бесперспективность преодоления хронического кризиса в условиях Югославии, но и напуганное опасностью захвата власти в СФРЮ сербскими националистами, увидело выход в программе Ф. Туджмана, сплотившей хорватов на национальной платформе.

Касаясь болезненной проблемы сербско-хорватских противоречий, крайне остро проявившихся в 1990-е годы, В. И. Фрейдзон видел различие между хорватским и сербским национальными движениями, хотя во главе каждого из них стояли националисты. По его мнению, ввиду исключительно важного стратегического положения сербских анклавов, созданных на территории Хорватии, открывалась перспектива такого территориального раскола Хорватии, который делал невозможным само существование этого государства как целого. Для Сербии, в отличие от Хорватии, угрозы разрушения государства в 1991 г. не было. Главную ответственность за распад СФРЮ и массовые кровопролития автор возлагает на сербских националистов во главе со Слободаном Милошевичем, претендовавших на сохранение и расширение своей власти.

Драматические события последнего десятилетия на Балканах способствовали не только повышению интереса широкой публики к историческим корням сегодняшних межнациональных конфликтов,

[1] См.: На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1997.

inslav

но и вызвали к жизни огромную литературу, во многих случаях грешащую легковесностью и склонностью авторов к политической конъюнктурщине и далеко не всегда отвечающую серьезным научным критериям. Тем ценнее немногочисленные, но очень взвешенные и весомые выступления такого отечественного специалиста по истории стран и народов Средней Европы, как В. И. Фрейдзон. Его статьи об исторических истоках сербско-хорватского конфликта, об идеологиях югославизма и национального радикализма в землях южных славян Австро-Венгрии, по другим актуальным проблемам современной науки публиковались в 1990-е годы в отечественной научной периодике.

В. И. Фрейдзон был историком не только по профессии, но и по призванию. Он, действительно, жил и мыслил историей, он беззаветно служил ей. Хотя он сам не был публичным человеком, любой мало-мальски профессиональный политик, аналитик или журналист не мог не опираться на результаты его исследований. Его заслуга и как слависта, и как специалиста по истории Австрийской (Австро-Венгерской) империи, по региону Средней (Центральной и Юго-Восточной) Европы просто, как историка состоит в том, что ему удалось отделить историческую славистику от политики и идеологии, ввести ее в контекст современных этнополитических и региональных исследований, преодолеть определявшие ее развитие российские, советские и постсоветские мифы, предрассудки и стереотипы. Иными словами – выполнить призвание профессионального Историка. Именно В. И. Фрейдзону принадлежит честь создателя российской исторической кроатистки Нового времени как отрасли научного знания. Его работы долгие годы будут входить в число обязательной для прочтения студентами и аспирантами литературы.

Отличительными чертами его исследовательского стиля были основательность, стремление собрать максимально возможное количество источников, их доскональная обработка и тщательный анализ, всестороннее знание историографии, интеллектуальное изящество, потрясающая работоспособность, энциклопедические знания. И, самое главное – внутренняя свобода и органическое неприятие любого агрессивного этнического национализма, в какие бы одежды он ни облачался и с чьей бы стороны он ни исходил. Эти качества снискали ему глубокое уважение коллег. Эти качества он старался привить и своим аспирантам, и всем, кто с ним работал. Он никогда не навязывал своих взглядов и оценок, но любой текст оценивал и правил исходя из собственных высочайших критериев профессионализма. Как ученый и профессионал высочайшего класса, он был исключительно строг и требователен и к себе, и к другим. Дели-

inslav

катность в общении не означала снижения критериев оценки работ коллег или отказа от своих научных позиций. «Пишите так, чтобы всем все было понятно», – говорил он.

Как человек, он был исключительно добр, являя собой образец порядочности, интеллигентности, неподкупности, принципиальности и душевной щедрости. Об этом свидетельствует его отношение к семье – супруге Антонине Ефимовне Коротеевой и двум детям – Виктории и Евгению, о которых он постоянно заботился и чьими успехами гордился.

Кому-то принадлежит мысль о том, что самая крепкая дружба – это дружба интеллектуальная. Не только совместные исследования, но и многолетняя и искренняя дружба связывала В.И. Фрейдзона с отечественными учеными, оригинальные концепции и фундированные труды которых составили значительный след в истории отечественной науки – Ю. В. Бромлей, Т. М. Исламов, И. С. Миллер, А. С. Мыльников. Его друзьями стали на всю жизнь и ведущие хорватские, да и не только хорватские, историки – Мирьяна Гросс, Ярослав Шидак, Лазар Ракич, Ибрахим Тепич.

Несмотря на недуги, В. И. Фрейдзон работал до самого последнего момента. На его рабочем столе осталась не дочитанная дипломная работа представителя третьего поколения отечественных кроатистов Подготовленные им публикации вышли в свет уже после его кончины[1]...

З. С. Ненашева

В. И. ФРЕЙДЗОН И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БОГЕМИСТИКИ (ЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ)

Приглашение принять участие в сборнике, посвященном памяти ведущего хорватиста в российской историографии Владимира Израилевича Фрейдзона, породило массу воспоминаний. Фундаментальный анализ научного наследия ученого сделан его непосредственными учениками, в том числе и в статье открывающей этот труд. В моем же случае речь пойдет о впечатлениях, полученных в ходе учебы, а затем работы в Институте славяноведения и балканистики АН СССР.

Следует сказать, что на рубеже 70-х годов XX века после длительного перерыва институту, пережившему в 1968 г. серьезную реструктуризацию, предоставили возможность кадрового обнов-

[1] Две беседы Й. Ю. Штроссмайера с российскими дипломатами // Славяноведение. 2004. №.1; Л. Березин. Путешествие по Хорватии и военной границе (1863) // Славяноведение. 2004. №.5.

inslav

ления. В этой связи в 1971 г. пришло сразу несколько выпускников кафедры истории южных и западных славян[1]. Рекомендация в аспирантуру этого научного учреждения, как и в другие академические институты, воспринималась одновременно в качестве великой награды и серьезного испытания. В сознании соискателей превалировали чувство ответственности, желание соответствовать требованиям, предъявляемым академическим сообществом к выпускникам Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Не было им чуждо и чувство страха, что что-то важное упущено в период учебы. Не маловажную роль играло и стремление «не ударить в грязь лицом». Безусловно, вступительный и особенно кандидатский экзамен по специальности воспринимались как серьезнейшее испытание, поскольку на вопросы следовало отвечать в историографическом ключе. После усердной подготовки в этом направлении и состоялось мое непосредственное знакомство с Владимиром Израилевичем как знатоком истории славян.

Больше всего во время длительной беседы (а именно в этой форме проходило испытание), с ним, Ильей Соломоновичем Миллером (1918–1978) (научным руководителем, заведующим сектором Новой истории Центральной Европы Института славяноведения и балканистики АН СССР – ИСБ АН СССР), Клавдией Петровной Гогиной – главным специалистом по истории Чехословакии XIX века – меня поразил именно вопрос, сформулированный В. И. Фрейдзоном. Он был задан буквально под занавес экзамена, когда серьезные проблемы, вынесенные на обсуждение, были освящены, и, казалось бы, можно уже вздохнуть с облегчением. Однако Владимира Израилевича заинтересовала сумма компенсации Австро-Венгрии за аннексированные ей провинции (Босния и Герцеговина) в 1908г. Был ли этот вопрос каверзным? По крайней мере, для начинающего богемиста он являлся достаточно неожиданным[2]. На протяжении вот уже более 25 летней преподавательской деятельности, я рассказываю об этом случае студентам. На этом примере можно ярко продемонстрировать не столько важность знания конкретных фактов, деталей, сколько безграничную вариативность ситуаций, которые возникают при испытаниях на любом уровне.

С тех пор я с предельным вниманием следила за всеми выступлениями Владимира Израилевича не только на заседаниях отдела, но

[1] Данченко С.И. (Бочкарева), Волокитина Т. В. (Игнатьева), Матвеев Г. Ф., Ненашева З. С.

[2] Надо признаться, что конкретная сумма не названа даже в таком труде как «История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. (От русско-французского союза до Октябрьской революции)». М., 1997. Между тем в нем истории боснийского кризиса посвящено более 20 страниц.

inslav

и на всяческих собраниях. Его отличала чрезвычайная внутренняя собранность, тщательность предварительной подготовки ко всякому предстоящему разговору. Казалось, что он никогда не высказывался спонтанно. Думается, что В. И. Фрейдзон не был публичным человеком, с легкостью рассуждающим на любую тему. Особенно любопытными в этом контексте были методологические семинары, руководителем которого он являлся, партийные собрания, на которых обсуждались, как правило, последние решения, принятые ЦК КПСС и его Политбюро. Их трактовка не была Владимиру Израилевичу в тягость. По крайней мере, он никогда не протестовал против возложенных на него функций. Создавалось такое впечатление, что он, принимая правила академической жизни, а наука все еще находилась в достаточно тесной связи с идеологией и пропагандой, осознавал безрезультатность каких-либо протестов. В ситуации, когда назначенный докладчик по каким-либо причинам срывал очередное заседание семинара, Владимир Израилевич, относясь со всей серьезностью к порученному делу, мог его заменить, поскольку полностью владел темой предстоящего обсуждения.

На мой взгляд, Владимир Израилевич как натура цельная, с жестко выстроенным внутренним стержнем, вносил в работу коллектива мощное мобилизующее начало. Его умение обобщать самые разные аспекты исторического процесса в таком сложном регионе как Центральная Европа, видеть его как целостное явление не раз использовалось руководством Института в самые сложные моменты творческой жизни сектора. Это проявилось при работе над двухтомной коллективной монографией «Освободительные движения народов Австрийской империи». Как известно, она вышла в свет в 1980–1981 гг., уже после преждевременного ухода из жизни ее вдохновителя Ильи Соломоновича Миллера. В итоге руководство последним этапом подготовки уникального труда, практически до сих пор не превзойденного в отечественной историографии, полностью выпало на долю В. И. Фрейдзона. И в этот момент, пожалуй, раскрылся его талант организатора. Ведь он, на протяжении всей своей жизни, являлся ученым в чистом виде, не наделенным никакими административными ресурсами. Его исключительная ориентированность на исследовательскую деятельность, преданность своему делу, образованность, широкий кругозор и какая-то именно ему присущая неизменная внутренняя сосредоточенность на предстоящей работе дисциплинировали большой коллектив сотрудников, весьма различных по манере изложения своих мыслей.

Огромную помощь оказал Владимир Израилевич автору данных заметок в период подготовки к печати монографии «Идейно-поли-

inslav

тическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX века». Для того, чтобы включить это сочинение в издательский план ИСБ АН СССР, по существовавшим тогда канонам требовался ответственный (титульный) редактор, непременно доктор исторических наук. Среди богемистов, специалистов по Новой истории, такой кандидатуры не было. Без каких-либо уговоров взять на себя эту работу согласился Владимир Израилевич. Думается, что за этим решением стояла его многолетняя дружба с Ильей Соломоновичем Миллером, аспиранткой которого, как уже говорилось, я являлась. Таким образом, он взял на себя эстафету преждевременно ушедшего из жизни моего научного наставника. После 1978 г. на протяжении нескольких лет В. И. Фрейдзон принимал непосредственное участие в обсуждениях на заседаниях сектора по существу всей моей «научной продукции» в период работы в Институте либо в качестве внутреннего рецензента (наряду с К. П. Гогиной), либо в качестве редактора. Объясняется это тем, что он сохранял на протяжении всей научной жизни интерес к истории славянских народов Австро-Венгрии на рубеже веков, к периоду, которому он посвятил свою кандидатскую диссертацию. Ведь она была посвящена изучению деятельности братьев Антуана и Стьепана Радичей, активно участвовавших в неославистском движении, особенно в период разработки его идеологии.

Следует признать, что Владимир Израилевич чрезвычайно много сделал для прохождения книги по «инстанциям». Она была написана на совершенно новую для отечественной историографии тему, вызывавшую возражение у жестко ориентированных на марксистскую методологию специалистов, в частности А. И. Недорезова[1]. Так, последний публично, со всей убежденностью выступал на одном из Ученых советов против воспевания советскими историками такого «буржуазно-националистического» движения как неославизм. Шлейф некоторой «крамолы» за исследуемой проблематикой сохранялся и после вполне успешной защиты кандидатской диссертации. В таком контексте согласие Владимира Израилевича дорогого стоило. Хочется выразить ему глубокую благодарность за те уроки[2], которые помогли продолжить работать

[1] Это не мешало сохранять дружеские, может быть, несколько покровительственные со стороны А. И. Недорезова отношения. Мы с ним часто беседовали на научные и около научные темы, поскольку жили одном доме, в соседних подъездах и встречались практически регулярно. (Я гуляла с дочерью, а уважаемый ученый со своей молодой женой).

[2] Один из читателей книги, просмотрев алфавитный указатель и увидев число ссылок на классика марксизма, задал такой вопрос: «А что Ленин тоже был неославистом?».

inslav

над проблематикой, вскоре заинтересовавшей целую группу отечественных историков.

С присущей В. И. Фрейдзону мудростью и рациональностью он порекомендовал включить в текст монографии как можно больше ссылок на труды В. И. Ленина[1], дать ей классическое для того времени название (оно и оказалось на обложке) и не забывать о реакции на неославизм социал-демократии. Крайне полезными оказались рекомендации «битого жизнью» советского ученого по структуре работы, особенно первой ее главы. Он же предложил, исходя из содержания, уточнить название некоторых параграфов, в других же случаях усилить идеологическую составляющую работы. Конечно же, содержание книги было выстроено в нужном ракурсе, и она была готова к сдаче в издательство[2]. И именно в этот момент он, затративший массу времени и сил на подготовку работы к печати, предложил стать ее ответственным редактором Владимиру Анатольевичу Дьякову. В это время он активно включился в изучение различных интерпретаций идеи славянской взаимности. Сам же Владимир Израилевич полагал, что появление на обложке издания его фамилии как ученого, на тот момент активно не занимающегося историей начала XX века, тем более исследованием прошлого Чешских земель, может навредить дальнейшему прохождению книги в отделе цензуры издательства и других органов. Были ли еще какие-то побудительные мотивы, которые привели его к этому решению, автору работы так и осталось неизвестным.

В непростой ситуации Владимир Израилевич оказался и во время написания «очень сложной», по оценке Т. М. Исламова[3], коллективной монографии «Чешская нация на заключительном этапе формирования». К сожалению, Тофик Муслимович в своем обзоре о деятельности сектора не уточнил, что изначально именно он воз-

[1] Сохранившиеся странички с замечаниями Владимира Израилевича показывают, что далеко не все они были учтены. Так, он был убежден, что «либералы и др. – враги революции». Применительно к России речь шла «об идеологии националистов», утверждавшейся «в эпоху острой борьбы классов». За неославизмом стояло желание либералов «в новых условиях как-то решить проблему русско-польских отношений без ущерба для царизма и усилить свое воздействие на зарубежных славян». Владимир Израилевич полагал что, «русские либералы не были способны обеспечить подлинное равноправие народов России». В определении хронологических рамок работы следовало сделать акцент на то, что все события развивались «в период империализма».

[2] Исламов Т. М., Фалькович С. М. Средняя Европа в Новое время // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 92.

[3] В домашнем архиве сохранилась машинописная страница первого варианта содержания труда и предполагаемых авторов. Из нее видно, что изначально В. И. Фрейдзон даже не был включен в состав редколлегии. (В нее вошли Т. М. Исламов, К. П.Гогина, А. С. Мыльников, А. П. Соловьева и М. Н. Кузьмин).

inslav

главлял авторский коллектив[1]. Но когда стало очевидно, что для завершения работы потребуется более «жесткая рука», то ее ответственным редактором стал Владимир Израилевич. Как и в случае с «австрийским трудом», он выступал не только в качестве масштабно мыслящего слависта, достаточно свободно ориентирующегося во внутриполитической жизни Чешских земель, но и исследователя, способного стать руководителем междисциплинарного исследования и объединить в единое целое авторские тексты большого и разнопланового коллектива историков, языковедов, литературоведов. И действительно, многострадальный труд во многом благодаря его усилиям, в конце концов, был подготовлен к печати и вышел в свет[2].

В концептуальном плане влияние ответственного редактора оказалось весьма ощутимым. Разумеется, речь не шла о каких-либо указаниях, как надо подходить к анализу конкретно-исторического материала. Владимиру Израилевичу были чужды даже намеки на авторитаризм. Работа лишена и вульгарной социально-экономической обусловленности общественного развития. Вместе с тем она все еще проникнута духом традиционализма, к которому был склонен уважаемый ответственный редактор. Это проявилось, в частности, в приверженности стереотипам, сложившимся в предшествующий период в ходе изучения процессов становления наций[3].

[1] Книга «Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850 г. – начало 70-х годов XIX век» вышла в свет в 1989 г. в издательстве «Наука».

[2] В качестве спорного положения можно рассматривать и пассаж о том, что «буржуазия не поддерживала идею национального суверенного государства, отстаивая программу “исторического права” земель Чешской короны в рамках державы Габсбургов». Чешская нация… С. 248. Характерен последний абзац монографии, в котором говорится, что лишь «Великая Октябрьская революция в России открыла новые горизонты для прогрессивных сил чешского народа». Там же. С. 250.

[3] В этой связи весьма любопытно было вернуться к собственным записям, сделанным еще в 1975г. во время обсуждения первого варианта австрийского труда. Острая дискуссия, в которой участвовала большая группа ученых, в том числе и Владимир Израилевич, развернулась практически по каждой из глав. В этот момент ответственный редактор вынужден был призывать к учету «реальных возможностей коллектива». Обсуждение начал В. А. Дьяков, сделав акцент на важность выяснения социальной структуры нации. Частным вопросом этой проблемы явилось следующее. Можно ли духовенство рассматривать в качестве части интеллигенции? В итоге обсуждения В. И.. Фрейдзон достаточно жестко заявил, что по этой проблеме можно дать «только общие штрихи из-за неудовлетворительного состояния материала». Весьма определенно говорил он и о месте интеллигенции в национальном движении, полагая, что «объективно границы интеллигенции неопределенны», что речь должна идти о сложном переплетении с другими классами. В свою очередь, И. С. Миллер рассматривал духовенство как «часть феодального класса», которое лишь в 60-е годы XIX век влилось в интеллигенцию как «прослойку, связанную с формированием капитализма». Не менее интересным было обсуждение вопроса о сущности национального радикализма и его соотношении

inslav

Эта обширная программа исследований велась под общей «шапкой» «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры»[1]. Трудно переоценить вклад в отечественную славистику этой серии книг. Широко известный, справедливо получивший высокую оценку цикл коллективных трудов из этой серии во многом был детищем В. И. Фрейдзона, содержал в себе не только новые подходы[2], но и определенные издержки, сложившиеся в 50–60-е годы. Применительно к истории чешского народа, это касается характеристики процесса социальной стратификации в Чешских землях. В частности, на наш взгляд, на лицо недооценка позитивной роли чешского исторического дворянства. Еще в статье «Проблема федерализации империи Габсбургов в 60-х – начале 70-х годов» Владимир Израилевич вопрос о получении автономии народами Австро-Венгрии напрямую связывал с наличием зрелой (полной) социальной структуры у неполноправных народов этого государства. В качестве убедительного примера использовались хорваты и поляки, «поскольку этому условию удовлетворяли» их социальные структуры, в противовес чехам[3]. Следует уточнить, что в своем труде «Нация до национального государства» этот историк отказался от таких прямых параллелей. Он выступил против «вульгарно понимаемого параллелизма» при изучении процессов формирования социальной структуры буржуазного общества и складывания наций[4].

с революционным демократизмом. Свидетельством времени, умонастроений, бытовавших у ведущих специалистов Института, служит утверждение о недопустимости использования в монографии такого термина как австрофедерализм. В частности, такую точку зрения высказал Дьяков.

[1] Думается, что благодаря участию Владимира Израилевича в работе присутствует порой явный, зачастую скрытый сопоставительный анализ чешских общественно-исторических явлений с процессами, проходившими в польских и югославянских территориях монархии Габсбургов. Такой подход, бесспорно, усиливал позитивные стороны этой книги.

[2] Фрейдзон В. И. Проблема федерализации империи Габсбургов в 60-х – начале 70-х гг. XIX век // Дранг нах Остен и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 120–124.

[3] Фрейдзон В. И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII век – начала XX век Дубна. 1999 г. С.61. В целом, в главе 3 «Сословия, классы, социальные слои в процессе складывания наций» хотя речь и идет преимущественно о Центральной Европе, практически не говорится о специфике процессов, проходивших в Чешских землях. В этом труде акцент сделан на роль исторической роли шляхты в «Польше, Венгрии и Хорватии», т. е. «у народов с полной социальной структурой». Лишь обращаясь к проблеме интеллигенции, Владимир Израилевич оперирует чешским материалом. С. 71.

[4] Чешская нация на заключительном этапе формирования. М., 1989. С. 3. Необходимо уточнить, что Введение было написано совместно с Т. М. Исламовым и А.С. Мыльниковым.

inslav

Что касается труда «Чешская нация...», то данный подход был основополагающим. Предметом изучения стала этносоциальная и этнокультурная история. При этом ответственный редактор считал, что характер и направленность национально-освободительных устремлений чехов «определялись отсутствием собственной национальной государственности, чужеземным гнетом, господством в политической сфере иноязычной аристократии, а в экономической – крупной австронемецкой буржуазии, опиравшейся на мощь габсбургского абсолютизма»[1]. Таким образом, изначально авторский коллектив монографии был ориентирован на изучение противостояния власти и политической элиты одного из народов многонациональной Австрийской империи.

Самое пристальное внимание ответственный редактор уделил структуре работы. Именно благодаря его усилиям разрозненный авторский материал приобрел внутреннюю логику, а социально-экономические, политические и этнокультурные процессы, проходившие в Чешских землях в середине XIX века, рассмотрены во взаимодействии. Лишь такой подход позволил сделать вывод о завершении процесса формирования чешской нации в начале 70-х годов этого столетия. Разумеется, в соответствии с господствовавшими представлениями у большинства отечественных историков той поры речь шла о чехах «славянского происхождения», будь-то сельская буржуазия, чешские предприниматели-капиталисты, чешский фабрично-заводской рабочий класс или интеллигенция и в целом чешская буржуазная нация. Поэтому по всему тексту монографии богемские, моравские, силезские чехи «немецкого происхождения» (именно на такой самоиндификации настаивают современные чешские историки) a priori рассматривались как немецкое население, а австронемецкая буржуазия изначально оказалась тесно связанной с бюрократическим аппаратом, с армией, с императорским двором[2]. Таким образом, трактовка сложнейших процессов, проходивших в Чешских землях, в известной степени, упрощалась.

В 90-е годы XX века В. И. Фрейдзон уже не столь плотно обращается к чешской проблематике. Фактически последней штудией такого рода стала статья о чешском демократическом движении в революции 1848–1849 гг. Однако его продолжал волновать целый ряд теоретических вопросов, вставших перед ученым еще в ходе работы над «австрийским трудом», над монографией о чешской нации. Он не

[1] Чешская нация. С. 67.

[2] Фрейдзон В. И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII век – начала XX века. Дубна, 1999.

inslav

переставал размышлять о закономерностях развития всего региона Центральной Европы и населявших ее народов. Свою монографию «Нация до национального государства» он посвятил истории «неполноправных народов». При этом основной частью региона он считал «комплекс владений монархии Габсбургов» и соответственно не мог не включить в свой анализ и чешские сюжеты. Так, чехи рассматриваются им как этнос, лишившийся собственного класса феодалов[1], «трудовое население» Чешских земель, по мнению ученого, состояло в основном из лиц «коренных для данной территории народностей», а дворянство и возникавшая в XVIII века промышленная буржуазия «были преимущественно австро-немецкими». Вновь он пишет о народах «с полной» и «неполной национальной структурой» позднефеодальной эпохи. В этой связи представляется не совсем корректным примечание о том, что «чешский исследователь М. Грох народы с неполной национальной структурой называет малыми». В действительности известный чешский ученый, теоретик вслед за чешскими политическими деятелями, особенно Т. Г. Масариком, говорил о "малых" народах. Однако, на наш взгляд, такой подход несет в себе принципиально иное наполнение. По-прежнему Владимир Израилевич был убежден, что национальная буржуазия у таких народов рекрутировалась «только снизу», что в их национальных движениях отражались социальные противоречия с господствующими классами. При этом процесс созревания нации он связывал, прежде всего, «с созреванием национальных (по языку, культуре, самосознанию) классов общества»[2].

Чрезвычайно интересны наблюдения Владимира Израилевича о роли национальной культуры как «одной из форм национально-освободительного движения», как «важном средстве консолидации наций» и интеллигенции. Создается впечатление, что в этой работе он все еще продолжал дискуссию, начатую в период обсуждения «австрийского труда», когда он довольно резко выступил против тезиса, что интеллигенция не может быть самостоятельной политической силой. После долгих размышлений он подчеркивал, что «интеллигенция занимала центральное место в национальном процессе, в условиях отсутствия собственной государственности ее деятельность в Центральной Европе охватывала все стороны общественной жизни»[3]. В связи с рассматриваемой темой этого краткого

[1] Hroch M. Obrození malých evropských národů. Praha, 1971.

[2] Фрейдзон В. И. Нация до национального государства. С. 56.

[3] Фрейдзон В. И. Нация до национального государства. С. 70–75. Уже во время обсуждения в 1975 г. глав австрийского труда он говорил об интеллигенции как «основном факторе, основном действующем лице» национальных движений.

inslav

очерка, следует указать, что в последних главах упомянутого труда В. И. Фрейдзон лишь в нескольких случаях обращается к непосредственно чешским примерам.

В последние годы своей жизни Владимир Израилевич занимался исключительно кроатистикой и добился в этом направлении бесспорного успеха. Вместе с тем было бы несправедливо не сказать о его заметном вкладе в разработку истории Чешских земель конца XVIII – начала XX вв. Его научная судьба сложилась так, что он был вынужден отказаться от своего выбора, не смог специализироваться по истории этой страны во время учебы на историческом факультете. Однако на протяжении многих лет он был в центре академической богемистики, участвовал в поиске решений наиболее острых, а потому интересных проблем развития Центральной Европы. Его глубокие наработки не утратили своего значения, они создавали питательную среду для многих начинаний и тогда, когда наука находилась под идеологическим прессом, и оказались востребованными в условиях расширения окна возможностей для исторических исследований.

inslav

РАЗДЕЛ I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М. Гросс

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА[1]

История исторической науки вносит существенный вклад в самокритичное осознание истории, помогает установить взаимосвязь понятий и определить проблематику исследований. Ее целью является анализ как самих принципов нашей профессии, так и политических, социальных и культурных предпосылок профессиональной деятельности историков. При этом используются присущие самой истории как науке методы социального и культурно-исторического исследования. Основная проблематика и главные направления научной историографии определяются тем фактом, что в XX веке национальное государство было организующей формой, а его история представляла собой предмет самых широких исследований. В XX веке историческая наука лишь отчасти обладала независимостью. В некоторых странах историческая наука являлась центральным элементом политической культуры и развивалась под сильным воздействием идеологии. Однако даже профессионализация историографии в действительности не привела к бо́льшей степени ее самостоятельности от повседневных политических установок и коллективных страстей.

К важнейшим проблемам истории нашей профессии следует отнести с трудом достигнутую относительную независимость профессионалов от политического вмешательства. С этой точки зрения важными представляются также различия между демократией и диктатурой, заключающиеся в условиях работы и в возможности историкам публично выражать свои взгляды. С другой стороны, очень большое значение приобрели и не зависящие от государственных границ связи между профессиональными историками. Сотрудничество историков разных стран и национальностей повлияло и на взаимное сближение национальных историографий. Национализм, различные варианты марксизма, школа «Анналов» (Annales school),

[1] Сокращенный перевод фрагмента статьи. Полностью опубликована в: Gross M. O historiografiji posljednih trideset godina // Časopis za suvremenu povijest. 2006. God.38., br.2, S.583-609. Печатается с согласия автора и редакции журнала. Название дано редколлегией настоящего издания.

inslav

феминистская критика «мужского» взгляда на историю, критика национальных и имперско-колониальных нарративов о победах и прогрессе, столкновение различных течений – вот некоторые примеры этих взаимосвязей в общемировом масштабе.

Сегодня экспорт западных моделей исторического знания сталкивается с критикой империалистских и евроцентристских интерпретаций истории. Важной темой в истории историографии в XXI веке является взаимопонимание разных культур; во многих странах предпринимаются усилия добиться того, чтобы историки представили собственные постколониальные интерпретации в качестве контрмоделей по отношению к западным образцам.

В целом, можно сказать, что на научное изучение прошлого в течение всего XX века оказывали влияние интересы власть имущих, общественное мнение и культурные традиции отдельных общностей. Национальные движения, вернее – националистические течения и коммунистические движения использовали данную связь для того, чтобы исторически легитимизировать собственные цели. Воображаемая история с налетом наукообразия часто стала использоваться в качестве орудия для сохранения политических позиций.

В находившемся под советским господством «социалистическом лагере» развитие историографии направлялось государством и партией на основе принципов господствовавшей тогда марксистско-ленинской идеологии с ясно выраженным национальным содержанием. Оказалось, что подчиненность исследований национальным и государственным интересам вполне возможно совместить с «марксистской» перспективой, несмотря на то, что эта перспектива изначально была интернационалистской и главными движущими силами истории считались классы, а не нации. «Национализация» марксизма, в особенности в его ленинском варианте, основывалась на упрощенной универсальной исторической схеме, к которой приспосабливалось развитие отдельных национальных историй. Наряду с Советским Союзом и его союзниками подобный подход был распространен также и в странах Азии.

Формы политико-идеологического контроля и использования историографии в национально-политических целях с очевидной антикоммунистической направленностью получили свое развитие в странах, где у власти находились правые диктатуры – как в «старых», так и «молодых» национальных государствах (Испания. Португалия, страны Южной Америки, исламский мир, страны Азии – противники блоков). Лишь в последнее двадцатилетие XX века вследствие краха социалистических режимов в Восточной Европе и метаморфоз, произошедших с некоторыми правыми диктатурами, данная ситуация

inslav

изменилось. Это привело к увеличению численности как независимых от власти историков, так и критиков этих режимов. Новые направления социальной и культурной истории способствовали интеллектуальной переоценке фундаментальной государственно-политической проблематики.

В конце XX века в известном смысле усиливается процесс интернационализации историографии. Все сильнее делается акцент на общности историков разных стран и континентов. Этому противоречит национально-государственная форма организации возникших в разных странах научных учреждений, что, конечно, вызывало сильную напряженность. Трактовка профессиональными историками понятия «нация», ее политической организации и ее прошлого повсюду зависит от противоречий между общностями, нациями и государствами.

Историческая наука вновь ставит вопросы об особых путях развития и взаимовлияния. Пространство, в котором историография находится под политическим и идеологическим контролем, в конце XX столетия сузилось, однако с независимой историографией мы встречаемся не часто. Поэтому национальные метанарративы[1] в основном все еще преобладают в повседневной профессиональной деятельности историков; под влиянием постмодернизма они вызывают широкие дискуссии.

Метанарративы являются наиболее значительным элементом интерпретаций национальных историй. Они изучают долгосрочные тенденции развития, сводят сложные исторические структуры к упрощенному стержневому образцу в форме нарратива, ретранслируют идеологическую информацию в форме имеющейся ясной перспективы, выстраивают мост между научными исследованиями и восприятием истории обществом, а эмоциональными призывами способствуют созданию или укреплению коллективного сознания.

За последние двести лет в западных обществах возникали различные метанарративы – традиционные, так и противоположные им (контр-традиционные) концепции. Это зависело от того, исходило ли их использование из перспективы могущества государства или перспективы эмансипации личности. Действительно, в Европе можно отметить ослабление или видоизменение подобных нарративов в результате кардинальных политических перемен, произошедших в 1945, 1968 и 1989 гг. Позднее критика со стороны постмодернизма реляти-

[1] Meta-Meistererzahlüng – нем; meta- (master, grand) narratives – англ.; méta récits – фр. (Прим. авт.). Метанарратив – история-повествование, метаповествование. (Прим. перев.).

inslav

визировала методы, инструментарий и цели подобных исследований, а разные направления в историографии ослабляли эти тенденции в процессе интерпретации национально-политического развития.

Метанарративы западной цивилизации актуальны в меньшей степени, поскольку многие более не верят в универсальность основополагающих западных ценностей, таких, например, как учение о личности как о независимом субъекте, о постоянном прогрессе, о религии как частном деле каждого. Поэтому все они в наибольшей степени стали объектом сильнейшей критики со стороны постмодернизма.

Само понятие метанарратива восходит к теории постмодернизма, который пытается заменить монизм XX века историческим плюрализмом века XXI. Это понятие возникло в ходе дискуссий 1980–1990-х гг. о нарративной основе исторического источника (H.C. White), на ход которой существенное влияние оказали французские «деконструктивисты». Критикуя модернизм, Мишель Фуко (M. Foucault) предпринял атаку в первую очередь на оптимизм, а также понятия свободы и прогресса, противопоставив им «disciplinary society». Жан-Франсуа Лиотар (J.-F. Lyotard) выступил против гегелевского идеалистического исторического детерминизма и марксистских метанарративов, интерпретирующих прошлое с позиций исторического материализма и подготовки социалистической революции, а также в целом – против всех оптимистических концепций о модернизации, прогрессе, нации и демократизации. Речь идет об отказе от любого метанарратива, а также об отрицании возможности исследования глубинных структур, существующих в течение больших временных периодов.

Это критическое направление встретило отклик, прежде всего в США, в особенности у феминисток и социальных меньшинств, которые критиковали господствовавшие «мужскую», «белую» и евроцентричную картину истории.

Само понятие «метанарратив» неоднократно обсуждалось, например, в контексте взаимосвязи результатов профессиональных исследований с культурными традициями и социальной памятью, с превращением усилиями СМИ прошлого в современность, с политическими инсценировками на исторические темы, с социальной ролью метанарратива, как главной формы коллективного самоосмысления. Вопрос состоял также и в том, *кто* в разные исторические периоды является хозяевами этого нарратива – носителями общественно признанного смысла.

После 1945 г. в Германии рухнули метанарративы времен Империи и Гитлера. В то же время на Востоке возник марксистский контр-

inslav

проект, а на Западе – «социальная история», считавшаяся демократической. Уже эти примеры показывают, в какой степени метанарративы являются продуктом множества внутренних конфликтов и разнообразного внешнего воздействия, а также и то, что их господство зависит от изменяющихся социально-политических границ.

Метанарративы не ограничиваются исключительно культурной идентичностью объектов своего исследования. Они описывают также отличия между «нами» и «другим», а также вторичность этих «других». Речь идет не только о западных метанарративах, поскольку и другие культуры также обладают собственными метанарративами. Постмодернистская критика западных метанарративов обнаруживает кризис идентичности в самоосмыслении западных культур. Однако представляется, что культурной идентичности без метанарратива не существует в силу тесных связей между историографией и восприятием коллективной культурной и социальной памятью.

Сегодня в разговорах об истории часто возникает тема коллективной памяти. Но любое воспоминание опирается на личный опыт. Одинаковый опыт, а также одни и те же воспоминания у разных людей вызывают совершенно разные реминисценции. Коллективными или над-индивидуальными являются лишь условия, при которых формируется опыт и его превращение в воспоминания. Эти условия – политические, религиозные, социальные, экономические, языковые, а также национальные. Необходимо различать личный опыт непосредственных участников событий и вторичный опыт людей, при них непосредственно не присутствовавших. Всегда возникает вопрос – *кто* обобщает, *кто* приводит к общему знаменателю и монополизирует воспоминания, *кто* стремится манипулировать исторической действительностью в соответствии с современными интересами и различными типами идеологий.

Постмодернистский тезис о том, что историография является лишь одной из разновидностей вымысла, не получил широкого распространения; однако его невозможно легко опровергнуть ссылками на традиционный научный стандарт. Проблема вымысла заключается не в реальности происходящего и узких причинных связях, а в их встроенности в более объемные нарративы. До тех пор, пока историки были уверены, что они своей деятельностью могу создавать объективное знание об исторических событиях, они считали, что играют важную роль в ориентации общества, и писали исторические нарративы, приписывая им структурирующий импульс в общественной памяти. Но сегодня интерес к формам исторического сознания и к метанарративам все больше увязывается со скепсисом относительно роли историков.

inslav

Ставится под сомнение их роль в формировании исторического сознания общества. Вследствие господства в СМИ изображения, кажется, что историография в форме текста более не имеет шансов перед медиа-коммуникациями, т.е. историки не имеют шансов перед публицистами, которые, следуя законам рынка, поставляют сенсации в печать и на телевидение. Во взаимоотношениях между сложностью профессионального знания и упрощенными требованиями СМИ, последние обретают все большее влияние. И все же профессиональные историки по-прежнему играют важную роль, поскольку стремятся связать воедино научный анализ и изложение фактов.

К существенным изменениям в интрепретациях национальной истории привело использование национально-исторических мифов в политических целях после преобразований 1989–1990 гг. На примере стран бывшего Советского Союза, Восточной и Юго-Восточной Европы наблюдается возвращение к старым образцам метанарративов. В России восхваляют дореволюционный период и подхватывают классические образы великорусского национализма XIX века. Представляется, что лишь немногие историки – специалисты в этой области не вдохновляются традиционалистской погоней за созданием национальной идентичности и национального смысла.

Но есть значительный элемент новизны и в подходах к национальной истории, тем самым – и в метанарративах. Национальная история изображается как политико-социальная история современной нации, иными словами, речь идет о социальной истории, сконцентрированной в рамках нации. При этом нация понимается как результат модернизации. Национальная история с позиций школы «Анналов» трактуется также и как структура, существующая в течение длительного временного периода.

В целом все же можно сказать, что национально-исторические метанарративы, в том виде, как они возникли в XIX веке, особенно с учетом исследований XX века, продолжают жить и в XXI веке, не утрачивая в основном своего значения и поныне. Возникают и основы для новых метанарративов, а с этой точки зрения очень актуален поиск новых интерпретаций европейской истории, стимулируемый развитием Европейского союза. Однако представляется, что и миру, «глобализирующемуся» в ходе бесчисленных конфликтов, требуются как сами метанарративы, так и множественность перспектив и культурная толерантность по отношению к различным нарративам. Постмодернистская «деконструкция» полностью отвергает метанарративы западной модернизации о национальной истории.

inslav

Постмодернисты правы, когда восстают против нарратива, понимаемого как непрерывное поступательное движение и восхождение к свету, свободе и демократии, а также против интерпретаций в смысле превосходства белого человека или против национальных мифов. Однако постмодернизм отвергает любую попытку синтеза, который требует ясных принципов организации. В качестве единственного реального подхода к истории синтезу он противопоставляет микроисторию несвязанных между собой частностей. Но историческая наука отказалась бы от своей фундаментальной задачи, если бы не пыталась объяснять сложные структуры прошлого.

Открытость по отношению к разнообразным новым течениям в историографии во второй половине XX века продемонстрировала школа «Анналов» своей нацеленностью на изучение «новой» экономической, социальной и культурной истории. Из-за быстрых внутренних перемен ее невозможно однозначно сравнить с другими направлениями, но ее исключительный успех во всем мире с 1950-х гг. в дальнейшем обеспечил ей значительное влияние на другие новые направления в международной ойкумене историков. Школа «Анналов» исследовала социальные процессы, массовые движения и долговременные структуры. Ее идеалом в 50-е – 60-е годы был охват всех сфер социальной жизни определенного периода во всей полноте их взаимоотношений.

Упомянутое направление не соответствовало бесконечной фрагментации, произошедшей в последующие годы в связи с попытками изучения различий и разнообразия в историческом развитии, а также ориентации на те или иные социальные науки. Это течение способствовало переходу к ограниченным, узким областям исследования. После отцов-основателей этой школы – Л. Февра (L. Febvre) и М. Блока (M. Bloch) поколение Фернана Броделя (F. Braudel), господствовавшее до конца 60-х гг. исследовало экономические и социальные структуры, при частичном использовании количественных методов, затем – «процессы, охватывающие значительные временн`ые периоды» и разные уровни исторического времени. Третье поколение исследователей школы «Анналов» занималось историей менталитета и стремилось получить информацию о культуре и субкультуре определенного региона с упором на микроэлементы и внимание к повседневной жизни. Оно начало изучать исторические факты, которые до этого были в основном предметом исследования антропологов. Из этого направления вышло четвертое поколение школы «Анналов», вдохновляющееся антропологией и теорией литературы.

С 60-х до 90-х гг. можно говорить о преемственности направления «социальной истории». Постепенно оно распространилась на многие

inslav

области исследования и частично сохранило некоторые остатки своей изначальной оппозиционности. Логика узкой специализации в 80-е гг. привела к распаду историографии на не связанные между собой области исследования. Различные теоретические и методологические подходы вызывали многочисленные противоречия. Микроистория сталкивалась с макроисторией, история повседневности – с политической, социальная история – с историей культуры. В целом концептуальный плюрализм, проявившийся в многочисленных дискуссиях, стал характерной чертой современной историографии. «Социальная история» не получила широкого распространения среди историков – ни подобно концепции «Анналов», ни подобно зародившейся в Германии школе «исторической социальной науки», ни подобно американской «Social Science History».

Некоторые ученые понимали «социальную историю» как дисциплину наряду с политической и культурной историей или историей идей; другие же видели в ней возможность особой интерпретации истории в целом. В исследовательской практике историков важное место занимают теории исторической социологии. Наряду с идеями Макса Вебера (M. Weber) и американским подходом к теории модернизации необходимо упомянуть и марксизм западных историков общества, никак не связанных с коммунистическими партиями. Но это направление постепенно осталось на обочине (за исключением нескольких британских историков). В некоторых исследованиях, в основном созданных до 80-х гг. использовались макро-социологические модели и количественные методы. Однако число критиков этой методологии постепенно увеличивалось.

Как и среди специалистов в области других социальных наук, в среде ученых-историков возникли многочисленные противоречия. Противопоставлялись друг другу количественные и качественные методы, макро- и микро-перспективы, структуры и события, общество и индивидуум, практика и дискурс. Таким образом, поле исследования социальной истории фрагментировалось и в дальнейшем, что затрудняло установление взаимосвязей между различными направлениями. Группы исследователей формировались в основном в отдельных регионах и городах, однако одновременно они были и представителями государства в котором каждая данная группа возникала.

Вопреки первоначальной эйфории, введение информационных технологий не привело к существенным изменениям в направлении «социальной истории». Наряду с прочим, оно расширило свою методологию за счет использования интервью и анкет, т.е. водворилась «устная история» («Oral History»). При этом в 80-е годы возникла по-

inslav

лемика, вызванная взаимным противопоставлением направления количественных методов и направления исследования социальных структур, настаивавшего исключительно на анализе опыта непосредственных свидетелей исторических событий.

Довольно поздно в повестку дня в качестве метода, используемого «социальной историей», было внесено системное сопоставление. Импульс развитию системного сопоставления социальных явлений и ситуаций придала и национальная история, содержавшая в себе также сравнение с другими нациями и государствами. Сегодня все интереснее становится компаративная история Европы, которая пытается ответить на важнейший вопрос: что же такое Европа в действительности? Сравнительные исследования городов и регионов в большем объеме распространились только в 90-е гг. Широкое распространение получило исследование социальных групп, которое показало многочисленность и разнообразие цивилизаций и наций.

Безусловно, можно сказать, что «социальная история» получила признание на международном уровне. В 50-е гг., историки, занимавшиеся исключительно политической историей, отождествили социализм в его марксистском варианте с социальной историей. Подобное толкование давно ушло в прошлое, и исследование общества на разных этапах истории в профессиональной историографии присутствует повсюду. Но с другой стороны, «социальная история» как единое целое, как единое направление более не существует. Она состоит из нескольких обособленных областей исследования, между которыми отсутствует профессиональный контакт.

В середине 80-х гг. «новая культурная история» начала атаку на «социальную историю». Проанализируем, например, ситуацию в германской историографии. В ФРГ получила развитие сконцентрированная на проблемах собственной нации политико-социальная история, нацеленная на решение крупных проблем новейшей истории германской нации и стремившаяся путем анализа различных исторических этапов общества придать импульс новому направлению национальной историографии. Речь идет о критическом использовании новейшей национальной истории, ключевой точкой отсчета которой был национал-социалистский режим и его массовые преступления. Возник тезис об особом пути, т.е. об отказе [Германии] от развития модернизации западного характера при развитии современной нации и общества в национальных границах. Книги Ханса-Ульриха Велера (H.-U. Wehler) о германской социальной истории с 1700 до 1949 гг., действительно, стали синтезом исследований целого поколения, занимавшегося социально-политическими проблемами. Поэтому именно он выступил

inslav

роли главного борца против наступления «новой культурной истории». (По моему мнению, эта полемика представляет собой адекватную картину современной историографии вообще, хотя в последнее время она и ослабла). Однако прежде чем попытаться описать эту полемику, необходимо обратить внимание читателя на дискуссии об основах исторической науки, навязанные постмодернизмом.

Действительно, современная историческая наука под натиском постмодернизма, большей частью в виде «лингвистического переворота» и дискурсного анализа (Фуко) утратила уверенность в определении своего исследования. Наиболее радикальная идея «лингвистического переворота» состоит в утверждении, что тексты соотносятся только с текстами, но не с исторической реальностью, о которой они повествуют. Реальность воплощается в языке, который предшествует нашему знанию о мире. Язык более не является функцией говорящего на нем индивидуума. Человек более не хозяин языка; наоборот, язык управляет человеком. Тем самым опровергается позиция историков, считающих, что языковые знаки в историческом тексте относятся к фактам, существовавшим вне текста, т.е. в реальности. Поэтому поборников «лингвистического переворота» укоряют за то, что они отрицают реальность вне текста.

Авторы-постмодернисты утверждают, что ни прошлое в целом, ни его части не могут быть познаны потомками – нашими современниками. Речь идет лишь об отношении к прошлому самих историков. Это отношение выразилось в историографическом тексте, который как «литературный артефакт» обладает фикционально-нарративным (вымышленно-описательным) характером. Согласно этим утверждениям, нарративный текст не является научной информацией об историческом развитии. Он помещен в нарратив здесь и сейчас (Уайт) или в дискурс (Фуко), т.е. в совокупность правил, имманентных определенной языковой практике. Таким образом, историк мог бы предложить только видение прошлого, но не вынести оценку истории с попытками ее реконструкции. Поэтому профессиональная историография не предоставляет информации о res gestae; она лишь являет собой игру различных точек зрения historiae rerum gestarum. Соответственно, историческое свидетельство не может быть ни правдивым, ни ложным. Именно эта идея стала поводом для полемики о том, можно ли, например, допустить, чтобы реальность Холокоста стала предметом болтовни и полной релятивизации постмодернистского нарратива.

Своей исключительной опорой на лингвистический анализ постмодеринизм сохраняет некую разновидность духовной истории,

inslav

которая не рассматривает никаких иных факторов исторического развития, кроме языка. Вместо социально-исторического анализа или научной концепции она предлагает «литературный артефакт». При этом не учитывается трудность понимания исторической реальности со всеми ее противоречиями и решительно отвергается факт существования этой реальности. Соответственно, знание об исторических фактах не исторично. Оно есть лишь то, что выражается посредством языка или повествуется, т.е. является предметом повествования.

Действительно, исторический анализ и в самом деле соответствует принципу нарративности; поэтому-то он и не утрачивает своего значения по отношению к прошлому. Историческое сознание возникает только тогда, когда данные об исторических фактах на основании стандарта научного исследования концептуально увязываются друг с другом, т.е. в рамках нарратива, который имеет свое начало и движется к концу и таким образом придает смысл историческому времени. Сторонники «лингвистического переворота», наоборот, заняты исключительно повествованием; они пренебрегают исследованием. Хотя только взаимосвязь этих двух сторон и создает продукт научной истории, и их невозможно разделить.

Надо заметить, что большинство историков, частично последовавших за модой на постмодернизм, все же не соглашаются с полным отрицанием реальности. Но они считают, что приобрести знание об общих исторических процессах невозможно, а возможно лишь собрать информацию об отдельных фрагментах исторической реальности. В этом и заключается суть конфликта между «социальной историей», исследующей общественные процессы, и «новой культурной историей», т.е. историей повседневной жизни, ограничивающейся «малым нарративом».

История разных типов ментальности в 50-е – 60-е гг. была направлена на изучение явлений массовой культуры, и была связана с социальной историей групп и классов. Коллективные представления были важным предметом исследования. Общая политизация и поляризация в 1968 г. имели сильное воздействие на историографию. Методический путь к серийным источникам, интерес к обычному и «нормальному» постепенно отступали и заменялись политико-этическими поисками маргинального и отторгнутого, того, что противоречило «элитному». Пока представители социально-исторического направления были убеждены в важности своего исследования для политико-идеологических конфликтов современности, «новая культурна история» начала формироваться в областях, лишенных зна-

inslav

чения для нынешних проблем. Вместо этого данное направление занималось вопросами, о которых еще двадцать лет назад говорили, что они являются предметом фундаментальных антропологических исследований.

Понятие «новая культурна история» закрепилось в литературе только в 1989 г. после выхода сборника статей под этим же названием под редакцией Линн Хант (L. Hunt). Для этого направления характерно большое разнообразие и противоречивость методов, теорий и тематики. Представляется, что общий знаменатель в исследовании «символических форм» находится в прошлом – знаков, метафор, политического языка, коллективных представлений, ритуалов. В этих рамках возрастало количество число историков, не связанных с национально-культурными историческими институциями. Положение критически настроенного интеллектуала стало для некоторых профессиональных историков привлекательнее роли ученого, политического советника или создателя национального смысла.

Последствия «лингвистического переворота» при этом были, действительно, раздвинуты. Считается, что источники не открывают глаза на исторические факты, а лишь указывают элементы предшествующей языковой коммуникации (прошлого). Одновременно с открытием языка как самостоятельной структурной модели действительности произошло и заимствование этнологического понятия культуры.

Под культурой понимается автономная структура коллективных символов и значений, которые обеспечивают стабильность и преемственность общества независимо от уровня конкретной деятельности, политических событий, а также экономических и социальных изменений. При этом выделяется опыт субъекта и достоинство малого. Большей части подобных трактовок культурной истории не хватает взгляда на явление как на целое, на общие тенденции, систематизации, направления развития. Значительно расширилась «микроистория», занимающаяся исключительно опытом и рассказами о жизни «маленького человека» вне контекста социальных условий их жизни. Поэтому многие подобные сочинения похожи на функциональную литературу. Существует и мнение, что антропологический подход исходит из собственной проблематики, а не из нацеленности на малое или великое. Во всяком случае, он оспаривает возможность исследования исторических процессов и модернизации, и поэтому часто остро критикует занимающуюся этим «социальную историю».

С «новой культурной историей» тесно связана история повседневности. В XX веке войны, революции, открытия в области техники,

inslav

новые законы и экономические решения стремительно изменяли повседневную жизнь. Изо дня в день существенно изменялась повседневность, превращавшийся в историю. Поиски идентификации с прежним, понятным, надежным и само собой разумеющимся противоречили эмансипации и освобождению. В основном в 70-е годы возникло движение дилетантов от исторической науки против официальной политики по отношению к ее истории, к которым присоединились и некоторые профессиональные историки. Британское движение демократической направленности «History Workshop» распространилось и за пределами страны. Но его идеология не подтвердила тезиса «левых» об угнетателях и угнетенных. Исследование истории рабочих показало, что в действительности поведение пролетариев не было однозначным, что они были «уперты» в своей идеологии выживания, в сопротивлении и готовности идти на жертвы.

Сильное воздействие на историю повседневности оказала и «гендерная история». Действительно, быт особенно наглядно выявил противоречие между большой ролью женской части человечества и его отсутствием в историографии. Историки повседневности отказались от исследования исторических структур и систем с точки зрения социальной истории и утверждали, что она свела индивидуум к уровню статистической единице и адресата социальной политики. Индивидуальный и групповой субъективный опыт стал популярной областью исследования. С течением времени занятия бытом «неподкованных» историков подхватили профессионалы; проблематика исследований расширилась.

Среди прочего, шли дискуссии и о том, существует ли объективная истина за рамками многочисленных субъективных убеждений; в результате история повседневности сблизилась с постмодернизмом. С метанарративами у истории повседневности имеются противоречия, поскольку ее сюжеты разрозненны и противоречивы. В наибольшей степени через феминистскую историографию на дискуссии о быте повлияли «лингвистический переворот» и «дискурсный анализ». Многие исследователи-практики описывали проявления повседневности пуантилистски, импрессионистки, не обращая внимания на их историческую обусловленность. Но многие из них, под влиянием критики со стороны «социальной истории» осознали, что попытки интерпретировать повседневность без знания ее политической и социальной подоплеки выглядят несолидно.

В процессе изучения быта внимание ученых привлекали новые типы источников и возникали новые предметы исследования – молодость, старость, рождение, смерть. Историки быта писали о гигиене, болезнях,

inslav

жилье, готовке, работе по дому, которая посредством истории женщин, была поставлена бок о бок с работой вне дома. В основном это были истории забытых и неудачников – прислуги, дезертиров, психически больных. Появились работы о многочисленных культурных техниках и разнообразной стратегии выживания. Выяснилось, что биография «маленького человека» столь же драматична, как и биографии «великих людей». Эти исследования опровергли многие клише и мифы, например, романтические – о ни в чем не повинном народе или о боевом пролетариате. Все это продемонстрировало, что история – это не путь к прогрессу и свободе, а подсчет успехов и потерь.

Это направление значительно расширило сферу интересов историков. Его приверженцы уверяли, что все люди «способны к изучению истории» и что история в действительности – это синоним прошлого. Конечно, давнее намерение, чтобы историю быта писали люди, пострадавшие от истории или даже «народ», давно провалилось. Профессиональные историки доказали свою незаменимость. Во всяком случае, недостаток более широкого взгляда при исследовании, как истории культуры, так и истории повседневности в значительной степени является последствием релятивизма, присущего постмодернизму.

Приверженцы «социальной истории» критиковали тех, кто занимался историей культуры и повседневности за отказ от анализа и познания исторических явлений и их оценки. При этом последние впадали в социальный романтизм и идиллию, поскольку стремились исключительно войти в положение в положение исторических неудачников и ограничивались исследованием частных случаев. Часто встречается наивное представление о возможности непосредственного доступа к аутентичным жизненным историям прошлого на основании сочувственного погружения в них, свойственного ностальгическому антимодернизму.

В связи с этими проблемами интерес вызывает полемика представителей германской «исторической социальной науки» Велера с представителями «новой культурной истории» и истории повседневности, а также и его самокритика. Главная проблема состоит в том, что «новая культурная история» провозгласила свое превосходство над «социальной историей», поскольку намеревается заменить понятие «общества», присущее социальной истории, широко трактуемым этнологическим понятием «культуры». Велер признает, что «социальная история» недостаточно занималась культурными аспектами. Она отбросила предшествующую центральную категорию государства, с которым были связаны такие понятия как война, конституционные и политические конфликты. Социальная история под влиянием Велера

inslav

и Маркса рассматривала «экономику» как динамический и институциализированный центр. Концепция «общества» была тесно связана с экономикой, а это понятие было достаточно широким, чтобы его применять к различным классам, городам, сельским областям и государствам.

Под «политикой» понималась борьба за могущество и власть в границах, детерминированных социально-экономическими условиями. При этом попытки войти в положение людей прошлого сочеталось с объяснением, основанном на знании теории. Поэтому исследование над-индивидуальных процессов и структур отождествлялось с объяснением. Велер признает, что методологически слабость «социальной истории» состояла в том, что культурные традиции, «картины мира», конструкции смысла, религия, толкование действительности оставлялись без должного внимания или, более того, их игнорировали. Исследование идеологий, ведомых различными интересами, больше соответствовало социально-историческому подходу. Таким образом, двойственность конструкции действительности, с одной стороны, посредством социальных, экономических, политических, культурных условий, и толкованием смысла и реконструкции действительности самими действующими лицами, в действительности почти не принималась во внимание.

Критика «социальной истории» со стороны «новой культурной истории» началась в конце 70-х годов и достигла своего апогея в 80-е годы. Большей частью эта критика была связана с пренебрежением судьбами отдельных людей и их опыта представителями социальной истории. При этом росли сомнения в основанной на просветительстве западной модернизации, и, более того, в преимуществах либеральной демократии вообще. Возникло стремление понятие «общество» заменить широким понятием «культура» и заняться «микроисторией». В связи с этим Велер считал, что социальная история должна включить в круг изучения «картины мира» и конструкции смыслов, а также некоторые результаты истории развития понятий, социологии науки, лингвистического анализа, т.е. осознание того, что и язык также конституирует социальную реальность.

Велер убежден, что «историческая социальная наука» все еще сохраняет преимущество перед «новой культурной историей». Он говорит, что «социальная история» и в самом деле исключала из своего поля зрения отдельные проблемы, но что «новой культурной истории» это свойственно в гораздо большей мере. Например, она вообще не исследует историю населения и историческую демографию. Экономика как структурная институция, обладающая собственной

inslav

динамикой развития, вообще не принимается во внимание. Когда речь заходит об общественном неравенстве, изучают в основном только неравенство полов, проблему старости и этнического происхождения; при этом упускают из виду неравенство экономического положения и неравенство социальных и культурных возможностей. Что касается политики, то культурная история не занимается изучением процессов принятия решений и постоянной борьбы за господство и власть. Она в основном занимается «символистским» подходом к политике – символами, ритуалами, торжествами, церемониями.

На основании материалов дискуссий последних двадцати лет Велер считает, что «культурной истории» труднее отказаться от игнорирования экономики, социального неравенства и политики, чем социальной истории интегрировать в себя явления культуры. При этом Велер обращает внимание на значение исторической компаративистики с учетом превращения Европы и остального мира в единое поле деятельности. «Социальная история» по-прежнему увязана с национально-историческим контекстом.

«Новая культурная история» пользуется исходными позициями и методами культурной антропологии, накопленными в разных частях мира, однако эти открытия остаются на втором плане из-за своего исключительного внимания к историческому индивидууму.

Будучи представителем «исторической социальной науки», Велер приходит к выводу, что это направление, учитывая четыре параметра (население, экономика, общество неравенства и политика) обладает преимуществом перед «новой культурной историей», если ему удается воспринять импульсы, исходящие от вышеупомянутой дискуссии, и заняться культурой.

Обратим наше внимание и на весьма распространенное направление «Oral History» – устную историю, которая взаимодействует как с социальной и культурной историей, так и с историей быта. Она принципиально отличается от социальной истории, поскольку ее исследования сводятся в основном к «микроистории» и опыту «маленького человека». Устная история основывается на методе интервьюирования «свидетеля эпохи». Это понятие относится, с одной стороны, к созданию источника, т.е. интервью, а с другой – использование этих источников для постановки исследовательских вопросов. Когда речь заходит о дискуссии относительно меньшей ценности устных источников по сравнению с письменными, сторонники «Oral History» указывают на то, что и устные рассказы следуют по форме и содержанию, социальным представлениям и что они являются социальным конструктом. Они, таким образом,

inslav

содержат в себе прошлое в косвенной форме, не в меньшей степени, чем письменные источники.

В основном с конца 70-х гг. «Oral History» начала ассоциироваться с изучением опыта различных групп, не оставивших следов в письменных источниках или описанных исключительно с точки зрения властей. Это, например, рабочие, женщины, этнические меньшинства, в основном – «простонародье», у которого не было иной жизни, кроме быта. В центре внимания оказались попытки обеспечить объектам, да и жертвам исторических процессов самым выступать в качестве субъектов, чтобы историческая наука использовала их опыт, представления и социальную практику, поскольку ранее она занималась исключительно «великими людьми», «сильными мира сего» или социальными структурами.

«Oral History» подверглась жесткой критике, поскольку в личных воспоминаниях множество пробелов, произвольных толкований, и неправды, даже тогда, когда собеседник не лжет сознательно. Не учитывалось, что ценность устных источников может заключаться как раз в их субъективности. Но в последнее время полемика между сторонниками и противниками этого направления ослабла, а также релятивизировалось и утверждение практиков этого течения, о том, что они могут проникнуть внутрь жизненного опыта индивидуума. Поскольку в последние годы под воздействием «культурной истории» распространилось изучение коллективной идентичности и коллективной памяти, а также возник вопрос о том, что конституирует историческая память, устная история становится все более значительным течением в историографии о XX веке.

Один из центральных вопросов заключается в социальном предназначении памяти и опыта, иными словами, в какой мере индивидуальная память идентична коллективной, представляет ли она собой доминирующее воспоминание, нормы, менталитет, или нет. Предметом «Oral History», таким образом, являлось бы память как особый продукт и результат социальных процессов. Соответственно, устная история является средством исследования исторического сознания и создания смысла. Информационная ценность устной истории, конечно, зависит от внимательного и методически обоснованного интервью, его обработки и интерпретации. Будучи историей «снизу», устная история, с точки зрения большинства автохтонного населения особенно важна для изучения Африки, поскольку дает необходимые дополнения и возможность переоценки истории континента со стороны колонизаторов.

Изучение истории XX века везде вызывало горячую полемику, вызванной различиями в в дении того или иного исторического события,

inslav

считающегося самым важным для каждой данной нации, государства или социальной общности. История XX столетия действительно стала историей споров (Streitgeshihte) о деликатных вопросах этого периода «экстрима» – а таковые присутствуют в истории каждой нации, государства и социума в различных формах и с различной степенью интенсивности. Противоречивые оценки нашли отклик у общественности и предоставили информацию об историческом сознании и политической культуре каждой данной среды. При этом возникает вопрос о том, в какой мере историки-журналисты вытесняют академических историков исследователей современности, и какое количество из этих последних принимает участие в удовлетворении и обосновании политических потребностей, используя, соответственно, поиск и прояснение или же замалчивание исторических фактов.

Потрясения после событий 1989 г. фундаментально изменили социальные детерминанты исторических интерпретаций и оценок. При этом важнейшая задача профессиональных историков состоит в том, чтобы в своих исследованиях попытаться осуществить синтез социальных структур, с одной стороны, и человеческих поступков, суждений и опыта, с другой. Это – один из самых сложных приемов при реконструкции прошлого, поскольку историки должны решительнее поквитаться с XX веком, чем их коллеги, исследующие более ранние исторические периоды. Они постоянно сталкиваются с конкуренцией различных и противоречивых концепций находятся между групповыми воспоминаниями и научной историей современности. Речь по существу идет о нравственном конфликте между оправдывающим или обвиняющим воспоминанием и стремлением профессиональных историков найти рациональное объяснение. Необходимо принять во внимание, что и сами историки могут быть пристрастными свидетелями своего времени. Манипуляция историей не является особенностью XX века, но именно в XX веке она закрепилась в политической культуре всех стран, независимо от их характера.

Хотя понятие «коллективная память» постоянно используется, в реальности ее не существует. Речь идет о разновидностях коллективной обусловленности памяти – социальной, экономической, национальной, ментальной, политической, языковой, конфессиональной, каждая из которых фильтрует индивидуальный опыт. Современные диктаторы, в определенные периоды с большим успехом формировали собственные критерии истинного и ложного. Они их «даровали» обществу, а подданные в большинстве своем их принимали. Конечно, западные демократии с их идеалом гражданского общества тоже ни

inslav

в коей мере не свободны от манипуляций со стороны властей с целью обмана населения; а оно должно согласиться принять селективные воспоминания как ценность, необходимую в контексте современных идеологических интересов. Очевидно, что последствия научных исследований для общества зависят от важнейших социальных и политических процессов и на историках – исследователях XX века, ученых и современниках одновременно, лежит печать исторических процессов и важнейших событий.

Соответственно, «история», а в особенности – интерпретации недавнего прошлого, является мощным элементом формирования коллективных конструкций идентичности, которые постоянно вынуждают историков определить свои позиции и обнародовать их. Поэтому взаимоотношение профессиональных историков и общественности – это необходимый элемент современной историографии. Не существует в мире ни государств, ни наций, у которых отсутствовало бы неблаговидное «неприятное» прошлое и перед которыми не стояла бы проблема его оправдания или замалчивания...

Перевод с хорватского С. А. Романенко

О. Милосавлевич

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ. 1918 ГОД: «ОСВОБОДИТЕЛИ» И «ПОБЕЖДЕННЫЕ»[1]

Современная политика в государствах – наследниках распавшейся Югославии, направленная на формирование новой идентичности в каждом из них, привела к созданию несколько ключевых терминов и бинарных понятий, используемых при исследовании национальных стереотипов. Вот некоторые из них: идентичность – предшествовавшая и желаемая; преемственность – отсутствие преемственности; селективная история и селективная традиция; нация/этнос (этнонациональная общность) – индивидуум; иррациональная аргументация – рациональные требования; свобода вообще – этнонациональная свобода как способ размежевания с «другими».

Исторические стереотипы составляют основу (всегда и везде одинаковую) для выстраивания новой картины современности, легитимизированной путем избирательности и конструирования

[1] Статья опубликована в кн.: Kultura sjećanja. Povijesni lomovi i svladavanje proslosti. Ured, Tihomir Cipek i Olivera Milosavljević. Zagreb, 2007. S. 43–54. Печатается с согласия автора.

instiav

истории. Их присутствие в восприятии прошлого обязательно по нескольким причинам. Во-первых, потому что современные тенденции развития связаны с прошлым. Трудно, например, доказать, что «народы» в 1918 г. страстно «возжелали» создать собственные независимые государства, что они обладали представлениями об их сути и формах, о том, где проходят их границы и какие территории они охватывают. Нелегко доказать и то, что «народы» стремились к общему государству и что они обладали каким-либо заранеее сформированным представлением о нем. Во-вторых, потому что стереотипы предоставляют упрощенные, черно-белые картинки с четко очерченным позитивом и негативом – они объясняют и внушают, что с ценностной точки зрения в прошлом позитивно, а что негативно. При этом «черное» и «белое» легко меняются местами – в зависимости от требований текущего момента. Например, противники Югославии (как общего многонационального государства – прим. пер.) в течение нескольких десятилетий оценивались негативно, а в изменившейся социальной ситуации превратились в «провидцев». В-третьих, потому что стереотипы можно ежедневно использовать в идеологических целях, что в будущем, в некоторых новых обстоятельствах, вероятно, будет утрачено. Пример – образы югославизма и югославянской общности, будь то интегральных в королевской Югославии или социалистических в период второй («титовской») Югославии, созданные во время существования этих государств. Однако эти стереотипы могут указать на предпочтительную направленность будущих изменений ныне существующих образов идентичности.

Стереотипная оценка, подразумевающая и выбор «преемственности», истории и традиции в целом воспринимается легко и может стать приемлемой для широких слоев общества в качестве единственно признанного прошлого, достойного «воспоминания». В процессе поиска новой идентичности у социума и индивидуума в новой ситуации осознанно, а чаще неосознанно происходит подчинение требованиям настоящего момента. При этом масса индивидуумов свое согласие на частичное или полное изменение идентичности воспринимает как неизбежное, а нередко – и как естественное. Поэтому возникает вопрос: является ли идентичность тем фактором, который изменяет обстоятельства, чтобы подтвердить свое существование, или наоборот, новые обстоятельства определяют и новую идентичность? Ответ не однозначен. Бесспорно лишь то, что победная политика формирования идентичности в определенный социальный момент удовлетворяет группу, эту идентичность сформировавшую и

inslav

стремящуюся ее навязать тем, кто этой идентичностью не обладает, но с большей или меньшей степенью сознательности соглашается ее принять. При этом вопреки своему имманентному содержанию создание новой идентичности или политика по ее формированию нуждаются в доказательстве того, что идентичность является константой истории, а не ее переменной; при этом отрицается, что речь идет об интеллектуальном конструкте, возникшем в новой социальной ситуации, и доказывается его неизменность и укорененность в далеком прошлом. Эта цель достигается экстраполяцией черт современности в прошлое и исключением из анализа всех тех его элементов, которые в иных условиях делают невозможным создание современного понятия национальной идентичности (феодальное общество, сословная система, различия между языком «элиты» и языком «народа», отсутствие единого законодательства, отсутствие осознания единства интересов и т.д.). В то же время существует и стремление изобразить возможно (частично или полностью) иную существовавшую в прошлом идентичность как несуществующую или как исключительно идеологический конструкт. Изменчивость идентичности между тем можно легко проверить. Сегодня – на примере югославской государственной и национальной идентичности, а в прошлом – на примере государственной и национальной сербской, хорватской и босняцкой[1] идентичности.

Сегодня в восприятии прошлого исторические стереотипы в основном сводятся к национальным стереотипам. Современное общество возникло в результате буржуазных революций и выдвинуло вместо доминировавших ранее принципов – государственного, династического, конфессионального, регионального, принцип национальности. Несмотря на то, определяется ли этот принцип как гражданский или этнический, национальность как феномен современности и надстройка предшествующих видов идентичности требует осознания принадлежности и определения собственных границ. При этом национальность как гражданская общность, ограниченная рамками государства и законодательством не обладает таким количеством проблем с определением границ идентичности, которое возникает у национальности как этнической общности. В этом случае присутствует ссылка на отсутствие четких границ исторических государств на растяжимые границы языка, истории, конфессии или «памяти». В этой растяжимости границ, не являющихся ни «естественными»,

[1] Босняки (Мусульмане) – этнонациональная и социальная общность, наряду с сербами и хорватами проживающая в Боснии и Герцеговине и являющаяся наиболее многочислнной нацией-этносом на этой территории (прим. перев).

inslav

ни неизменными, ни зафиксированными договорами, селективная история чаще всего используется для создания фундамента новой реальности. Иными словами, она используется для формирования «сознания», которое придало бы этим границам легитимность, установило новую преемственность с воображаемой историей и отказало в легитимности как предшествующей реальности, так и «сознанию», с которыми стремятся разорвать преемственность.

«Эти шесть лет (1912–1918) определили весь наш XX век. Последствия шести лет войн, провозглашения военных целей, концепций национального и государственного бытия продолжаются и по сей день, в то время как они должны подвергнуться радикальному историческому пересмотру. Мы, наконец, должны и как можно быстрее, завершить наш XX век. [...] Наш переход в XXI век я понимаю.... прежде всего как рациональный пересмотр историко-политического и государственного бытия нашей нации, бытия, обусловленной Первой мировой войной», – писал Добрица Чосич[1].

Любой предвзятый подход к истории, лишенный устремлений, которые были бы обусловлены исключительно научным устремлением к познанию прошлого, неизбежно попадает в ловушку ее стереотипной оценки. Причины этого лежат в самой предвзятости, которая в основном исключает необходимость объективного познания; более того, наоборот, она тяготеет к его использованию, или переносу современных идей в прошлое, или «выделению» из общего контекста лишь тех аспектов прошлой реальности, которые считаются необходимыми для того, чтобы современные требования и востребованные идеи обрели легитимность и историческое обоснование. Предвзятый подход к истории независимо от поставленной цели, всегда упрощает ее содержание, позитивно оценивая доказуемое и негативно – то, что оспаривается. А исторические стереотипы и являются подобными упрощенными, спекулятивными и предвзятыми представлениями о прошлом, предназначенными для того, чтобы подтвердить современные требования, на первый взгляд основанные на исторических фактах (даты, личности, события), но трактуемые в духе конкретной и сиюминутной политической перспективы, включая и известный уже результат.

«Краеугольным камнем, безусловно, является 1 декабря 1918 г. Предшествующая сербская история не указывала на вероятность, а тем более неизбежность такого столь странного эксперимента, как югославский и идейного феномена, как регент, впоследствии король Александр I Карагеоргиевич, т. наз. Объединитель... Импровизиро-

[1] Ćosić D. Srbija je žedna demokratije // Međaj. Časopis za književnost, umetnost i kulturu. Titovo Užice, 1989. S. 29.

inslav

ванное и на скорую руку осуществленное объединение было основано на ad hoc соглашении между двумя нерепрезентативными группировками. Ни регент Александр, ни посетившие его 1 декабря 1918 г. делегаты, не имели легитимного мандата на этот шаг. [...] Сербы стали единственной жертвой собственной эксцентричности. Отречением от собственного проекта и интересов, они обеспечили непредвиденно успешное осуществление проекта и интересов всех соседних народов»[1].

Наряду с историей, цель которой состоит в том, чтобы новой реальности придать видимость объективной необходимости и укорененности в прошлом, дополнительно используется и традиция для того, чтобы вновь обретенную преемственность подтвердить. Поэтому традиция определяется избирательно, извлечением из прошлого только тех его сегментов, которые указывают на преемственность с желательными в данный момент новыми ценностями (форма устройства, учреждения, обычаи, верования, воспоминания и т. д.), отказом от всего того, что не укладывается в новую преемственность, а также его замалчиванием. При этом селективная и отобранная традиция определяется согласно шкале ценностей, в то время как за ее отвергнутыми элементам в принципе отрицается принадлежность к традиции; они объявляются случайностями, исключениями из «естественного» развития и негативным влиянием из-за рубежа.

Любой национальный стереотип основан на иррациональной аргументации, которая имеет абсолютно рациональное оправдание. Для того чтобы стереотип выполнил свою важнейшую функцию – был воспринят и содержал простой ответ на сложный вопрос, при его создании неизбежно обращение к иррациональному, которое, путем апелляции к эмоциям, быстрее и целенаправленнее достигает нужного результата. Наряду с узнаваемостью, иррациональные аргументы часто отличают патетичность, возвышенность и неповторимость, в противоположность рационально определенным целям, которые могут выглядеть прозаическими, обыденными и лишенными того эмоционального накала, который придает силу убеждениям. Иррациональное содержится, например, в концепции неизменности идентичности в ходе истории, в создании преемственности путем изъятия того, что с ней не согласуется. Содержится, проще говоря, в создании иррациональной картины прошлого, состоящей из сегментов, изъятых из контекста и между собой искусственно связанных исключительно современностью, при отказе от всех остальных многочисленных сегментов того же прошлого и

[1] Trifković S. Srpski nacionalni interes i izazovi XXI veka // Nacionalni interes. Br.1. Beograd, 2005.

inslav

их забвении. Все это может в глазах современников выглядеть абсолютно рациональным и убедительным для оправдания политических целей. Проблему для любой новой политики по формированию идентичности составляют именно эти отторгнутые части не-идентичности, не-традиции и не-истории, о которых никогда неизвестно, где они вновь проявятся.

«Сербское этническое пространство в самом широком смысле составляла бы территория, на которой абсолютное демографическое большинство имела совокупность сербов, черногорцев, югославов, македонцев и Мусульман согласно переписи вместе с сербами, которые в ходе долгой истории репрессий Балканах вынужденно стали конвертитами (т. е. сменили этническую или конфессиональную идентичность – прим. перев.) – были подвергнуты хорватизации, мадьяризации, албанизации, германизации, румынизации, болгаризации, эллинизации»[1].

Вся современная политика по формированию идентичности, т.е. создание ее нового конструкта, исходящая из принципа неизбежности создания национальных/этнических государств, сводится к рассказам о праве на свободу от «другого». Ограничения, таким образом, понимаемой свободе создает сама нация/этнос, чья свобода (обретенная в рамках национального государства) неизбежно не должна означать ни свободу индивидуума, ни свободу социальных групп. Однако нередко, выдвигая по отношению к населению свои исключительные требования о безоговорочном принятии им этнонациональной принадлежности, нация/этнос может серьезно угрожать как свободе индивидуумов, так и свободе социальных групп. Индивидуальную социальную свободу легко утратить перед лицом исключительности коллективной этнонациональной свободы от «другого», при этом она часто обретает смысл несвободы выбора для индивидуума, как в случае выбора им личной идентичности, так и в случае выбора им понимании прошлого, а также времени, в котором этот индивидуум живет[2].

[1] Stepić M. Teritorijalno i geopolitičko u srpskom nacionalnom interesu // Nacionalni interes. Br.1. Deograd, 2005.

[2] «Первичный механизм бегства от свободы [...] – это стремление отказаться от своей индивидуальности, побороть чувство одиночества и беспомощности, а для этого – слиться с окружающим миром, раствориться в нем. [...] Личность перестает быть личностью; человек полностью принимает тот тип личности, который ему предлагают культурные образцы; поэтому он превращается именно в того, какими являются и все остальные и такого, каким, по его мнению, он должен быть. [...] Отказавшись от собственного «я» и превратившись в робота, подобного миллионам других таких же роботов, человек уже не ощущает одиночества и тревоги. Однако за это приходится платить утратой своей личности». Авт. цит. по: From E. Bekstvo od slobode. Beograd, S. 136, 171. Русск. пер. цит.. по: Фромм. Э. Бегство от свободы: http://lib.ru/PSIHO/FROMM/fromm02.txt

inslav

Если предварительным условием «завоевания» свободы, т.е. «примирения» и установления доверия является четкое разделение по национальным/этническим границам или же насильственное историческое, культурное, языковое, конфессиональное и др. размежевание и там, где это исторически оправдано и там, где это не оправдано, тогда «свободу» как размежевание с другим (этнонациональную свободу) можно принять только при условии замены самого понятия свободы, принципом, который основывается не на свободе индивидуума, но на свободе вновь созданного коллектива. Во-первых, потому, что это исключает существование индивидуума, личные права которого, осуществляемые исключительно через коллективные национальные/этнические, а не гражданские права, сводятся исключительно к национальной/этнической идентификации, которой необходимо подчиниться, чтобы вообще осуществить индивидуальные права. Во-вторых, потому что понятие свободы ограничивается коллективной свободой, сужая свободу индивидуума уже самой необходимостью подчинения коллективной истории, культуре, религии, языку и т.д. В-третьих, потому, что понятие равенства сужается до принципа этнической исключительности. В-четвертых, потому, что понятие солидарности как общечеловеческой ценности опускается на приземленный (национальный/этнический) уровень.

Пример – 1918 год.

В современных конструктах новых типов государственно-этнической идентичности «1918 год»[1] обозначается как начало разрыва преемственности многовековой «естественной», развивавшейся по прямой истории нации/этноса, которая, в противоположность их объективному месту в прошлом, сегодня превращается в центральную категорию, вокруг которой «вращалась» вся история. Вопреки их объективному месту в прошлом, поскольку этнос тогда определялся не так, как он определяется сегодня и не имел предпочтения перед другими типами идентичности – государственной, конфессиональной, языковой. Вопреки востребованным сегодня «историям» сербов, хорватов, босняков и др. историческую реальность создавало существование государств, церквей или династий, этнически не окрашенных, в то время как историю этносов можно узнать только при больших усилиях, чтобы «отвергнуть» целые разнообразные границы, в которых они существовали лишь условно, зачастую без осознания индивидуумами собственной этнической

[1] 1 декабря 1918 г. было провозглашено создание Королевства сербов, хорватов и словенцев (прим. перев.).

inslav

«принадлежности». Первоначально идентичность определяли конфессия, регион или государство; этнос же, находившийся постоянно в состоянии создания и распада делал это в меньшей степени.

В результате отрицания «1918 года» на уровне символа в противовес тому значению, которое новому государству придавали его создатели и современники – как первой государственной общности южных славян, сегодня оно превратилось в «тюрьму», которая «укоротила» и «оборвала» аутентичное развитие истории. То, что представлялось «достижением» этого государства, пока оно существовало, с ее исчезновением превратилось в его «порок». Другим государствам, в составе которых в прошлом существовали те же этносы, это «прощалось», поскольку они были «чуждыми, чужеродными», а значительная хронологическая дистанция и отсутствие у современников воспоминаний, основанных на собственном опыте представлений об этих государствах, превращают их в старые, неподвижные безжизненные образы и потому – иррелевантные. Напротив, «1918 год» в качестве начала «единства», которое задним числом сегодня оспорило столь желанную «аутентичность» и «естественность», эта дата до сих пор существует в качестве символа «нежелательного», «искусственного», с которым стремятся не иметь никакой преемственности. Особое значение «1918 году» придает тот факт, что вопреки упорным попыткам доказать обратное, это государство не было «чуждым» – оно было создано по воле местных элит, и идея о «тюрьме» сегодня доказуема только в случае пересмотра всех аспектов его возникновения и существования в течение многих десятилетий. Парадокс: современная оценка югославского государства была бы более позитивной, если бы оно было создано иностранной армией или династией. Разрушение представлений о «1918 годе» прежде всего, проистекает из необходимости новой политики формирования новой идентичности, для того чтобы изгнать с исторической сцены любой иной вариант возможного проявления принадлежности к тем же этносам и выбросить их из памяти как нечто никогда реально не существовавшее, идеологически навязанное и искусственным образом сохраняемое.

В ряду национальных стереотипов о «1918 годе», бытующих в среде сербских интеллектуалов, самым распространенным является образ Королевства СХС как объединения «освободителей и освобожденных, победителей и побежденных».

«...Причины югославской драмы лежат [...] в отсутствии единой мотивации и неблагоприятных условиях объединения сербов, хорватов и словенцев в общее государство в самом конце первой мировой войны. Это объединение, основанное на заблуждении и сознательном

inslav

самообмане и обмане окружающего мира относительно этнического единства сербов, хорватов и словенцев стало результатом победоносной освободительной борьбы сербского народа на стороне союзников. [...] ... это объединение было объединением победителей в этой войне и побежденных, освободителей и освобожденных. А в истории освободители никогда не были только освободителями, ни освобожденные справедливостью, правдой и лояльностью никогда не воздавали своим освободителям», – писал в 1988 г. Д. Чосич[1].

Возникший в середине 1980-х гг. у части академической элиты, впервые сформулированный Добрицей Чосичем и разработанный в дальнейшем Михайло Марковичем и другими сербскими академиками, этот стереотип использовался в разных целях и имел различное значение. А интересен он потому, что упрощенная формулировка – только четыре слова, отвечала всем требованиям, предъявляемым к положительному национальному стереотипу. Он понятен каждому и поэтому его легко использовать и легко запомнить Его черно-белое содержание не оставляет места для дилеммы о позитивной и негативной сторонах проблемы. Большой контраст и между содержанием использованных слов заранее отвечает на все вопросы, которые могут возникнуть – о мотивах «наций», их заслугах, представлениях о будущем государства, о его функционировании и проблемах, об отношении к нему этнических коллективов, о национальных правах этих коллективов, и, что самое важное, о причинах его распада, роли в нем этнических коллективов и его неизбежности. Его абсолютная внутренняя противоречивость не была случайной и не предполагала необходимости ответа на вопросы типа: как победители могут быть освободителями для побежденных, как побежденные одновременно могут быть освобожденными, т.е. как несвободные люди могут быть побеждены своими освободителями и как освободители, побеждая побежденных одновременно могут их освободить. Имманентная противоречивость и двусмысленность находятся в полном соответствии со свойствами национальных стереотипов, подтверждая, что их иррациональность и упрощенность не являются препятствием для их приемлемости – только бы они были достаточно звучными, только бы вызываемая ими первичные ассоциации, удовлетворяли потребности получить поверхностных ответов на первые же поставленные вопросы: почему мы вошли в состав нового государства – потому что победили и освободили; у кого было больше всего прав назвать это государство своим – у победителей; кто должен был первый

[1] Ćosić D. Jugoslavija – država izneverenih očekivanja i neizvasne budućnosti // Književne novine. 1 decembar 1988.

inslav

спросить, какой вид примет это государство – победители; почему другие [народы] вошли в его состав – потому, что были побеждены и освобождены; почему у этого государства было такое количество проблем – потому что побежденные никогда не могли забыть свое поражение; почему оно распалось – потому что освобожденные всегда были неблагодарны по отношению к своим освободителям и стремились избежать чувства неполноценности; был ли его распад неизбежным – конечно, он был неизбежен, поскольку не может быть ничего хорошего в совместном проживании победителей и побежденных, освободителей и освобожденных.

При более подробной разработке, этот стереотип кроме ответа на актуальные политические вопросы и оправдания политической деятельности также давал ответы на другие вопросы эмоциональные и иррациональные по своей природе, которым только добавлял силы и убедительности: «Представляется, что психологическая ситуация, возникающая при вхождении в состав одной общности победителей и побежденных, освободителей и освобожденных, те, кто может выбирать и те, у кого выбора нет, никогда не оценивается честно. Это похоже на брак, в который один [партнер] вступил по любви, а другой – по расчету. Воспоминаниями невозможно распоряжаться и многие сербы по-прежнему будут любить своих братьев на реке Соче[1]. Однако независимо от этого условия этого совместного проживания без взаимной любви необходимо обдумать рационально»[2].

Доработка стереотипа требовала указать и на другой аспект межнациональных отношений. Индивидуализация коллектива, представление его единственным существом со своими особенностями и характером, т.е. с неизменными свойствами в стереотипнзированном изображении всегда имеют своей целью определить позитив и негатив, а в данном конкретном случае – распорядиться никогда не смешивающимися друг с другом добром и злом, любовью и ненавистью, но всегда четко разграниченными эксклюзивными свойствами, присущими исключительно одним по отношению к другим. Подразумевается, что и это предназначение лишь обманчиво эмоционально. Его цель глубже и, в конце концов, как и все национальные стереотипы, оно выполняет, прежде всего, политическую функцию. «Брак» по любви и по расчету, любовь одного и ненависть другого, выполняют функцию ответа на несколько вопросов: Каковы характерные черты «участников» в «браке-государстве»? Кто повинен в распаде брака? Какая из сторон

[1] Имеются в виду словенцы (прим. перев.).

[2] Marković M. Temelji i perspektive // Književne novine. 15. decembar – 1. januar 1988.

inslav

«бракоразводном процессе» права? Кто обладает большими правами на общее «имущество»? Особенности характеров [«разводящихся»] на первый взгляд очевидны. Эмоциональный, великодушный, и доброжелательный против холодного, расчетливого и злонамеренного. Каким образом возникают подобные связки, объясняет обманчивая самокритичность «освободителей и победителей», не только физически, но и нравственно и эмоционально более сильной стороны. То, что наивность в данном случае не является проявлением отрицательных черт, подтверждается тем, что она продиктована самыми лучшими намерениями и убежденностью в явно преувеличенных достоинствах «побежденных и освобожденных», чем таковые были в действительности. [Дабы преувеличить значение своей победы]. А за такое заблуждение заблуждающийся никогда не несет ответственности. Из подобных «характерных» установок естественным образом вытекает ответ на вопрос о «вине» за распад «брака», о правильности позиции того, кто за это не несет ответственности.

«Сербы должны Югославии, да и словенцам показать свои национальные интересы и выставить счета, чего они не делали, но которые должны быть одинаковыми. За выход из состава Югославии надо платить»[1].

Если вернутся к началу и попытаемся данный стереотип – лишь один в целом ряду стереотипов об объединении, применить к вышеприведенным конкретным терминам и бинарным понятиям, то мы увидим, что этот образ прошлого историю представляет лишь в черно-белом варианте; что в ней выделяется лишь то, что связано с освобождением, но игнорируются навязанные решения; что он (стереотип – прим. перев.) устанавливает преемственность с предшествующей историей национального государства, в которой не было «неблагодарных братьев»; что из-за этого требования разрыв преемственности с существованием многонационального государства, которое провозглашают неосуществимым из-за различия мотивов вступления в него и различного уровня взаимной «любви», о чем в мононациональном государстве вопрос не возникает; что он требует новой/старой идентичности, освобожденной от заблуждений «единства»; что требуемая свобода для нации/этноса подразумевает только освобождение от других этносов, и не учитывает индивидуальные права членов этнической общности, которые и в дальнейшем должны жить с негативно воспринимаемыми «другими» (в рассказе о разновидностях этнического национализма иллюзорно любое обсуждение прав людей другой национальности, за исключением, ко-

[1] Ćosić D. Srbija je žedna demokratije. S. 48.

inslav

нечно, декларативного уровня); что абсолютно иррациональными аргументами – «любовь» («эгоизм») объясняются абсолютно рациональные требования отрицания предшествующего государства и создания нового; что свобода видится исключительно как отделение нации-жертвы от неблагодарных наций-палачей.

«Тем самыми Сербия сделал первый шаг к обмену государственной наличности на ненадежный югославский кредит. [...] Основная историческая цель Сербии была традиционной; она коренилась во всей ее многовековой политики: собирание всех сербов в одном государстве. [...] При этом последняя идея отнюдь не состояла в сербской гегемонии в этом новом государстве. [...] Вопреки этому, хорватские (и словенские лидеры, собравшиеся в Югославянском комитете согласились с сербскими идеями о создании общего государства сербов, хорватов и словенцев, поскольку знали, что их отказ стал бы гораздо бо́льшим риском, чем предполагавшаяся "великосербская гегемония". Иными словами, после победы Антанты для веривших в нее хорватов и словенцев, этот отказ обозначал бы переход в разряд побежденных [государств], при всех губительных последствиях такого статуса, включая и предполагавшийся территориальный раздел. Кроме того, ожидалось (как и случилось в действительности), возможное постепенное преобразование молодого югославского государства вплоть до создания полной национальной и государственной общности, что тогда являлось лишь в самых смелых проектах. Таким образом, Югославия стала бы, по существу «промежуточной станцией», выстроенной на костях сербских жертв на пути к самостоятельным государствам хорватов и словенцев. История, хотя и с опозданием в семь десятилетий, покажет реальность этой перспектив и прозорливость тех хорватских и словенских лидеров, которые в июле 1917 г. достигли с правительством Сербии соглашения об образовании централистского Королевства сербов, хорватов и словенцев»[1].

Новое государство с новой идентичностью, государство не граждан, но людей, принадлежащих к определенной нации/этносу, базируется на истории и традиции, подвергнутых произвольной селекции; в нем отсутствует преемственность по отношению к государству-предшественнику. Этому государству, искусственно привитому к древу несуществующей преемственности уже тем фактом, что эта преемственность была прервана, а свобода государства нации/этноса, в котором индивидуумы пытаются распознать, где же та свобода, которую они

[1] Popov Č. «Velika Srbija» – stvsrnost i mit. Beograd, s.a. S. 27. Имеется в виду Корфская декларация 20 июля 1917 г., принятая правительством Сербии и Югославянским комитетом (прим. перев.).

instlav

только что «завоевали», и поэтому почти не могут отличить это государство от государства-предшественника – «тюрьмы» с ее системой принуждения и со спасительным противопоставлением «другим», – этому государству с трудом удается скрыть шаткость своей конструкции, которая, собственно, и остается ее самой главной проблемой до тех пор, пока стереотипный образ прошлого является самоцелью.

Перевод с сербского С. А. Романенко

Л. В. Кузьмичева

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ В СЕРБИИ И ХОРВАТИИ

После распада Югославии в 1991 г. на месте федеративного государства образовалось пять самостоятельных государств: Сербия и Черногория, Хорватия, Босния и Герцеговина, Словения, Македония. Но, как это стало очевидно в последние годы, и на этом процесс деления не закончился. Черногория в результате референдума 21 мая 2006 г. вышла из состава Государственного Союза Сербия и Черногория. Сложная ситуация по-прежнему сохраняется и в Боснии и Герцеговине, где вопрос о взаимопонимании представителей всех наций и конфессий, живущих в стране еще далек от полного разрешения. Задачи, которые встали перед руководством этих стран включают и новую трактовку исторического места и роли этих стран в европейской и мировой системах.

Важнейшее место в формировании государственных внешнеполитических доктрин и внутриполитических программ новых государств занимает историческая наука. Именно ей надлежит помочь аргументировать историческое право страны на самостоятельность, дать научное обоснование территориальных границ и охарактеризовать предшествующий исторический путь молодого государства. В этом контексте особое место принадлежит всему комплексу исторических знаний – как академических, так и общеобразовательных.

Эта ситуация не нова. Так, например, в конце XVIII – первой половине XIX века политические лидеры славянских народов Австро-Венгрии и Турции для выработки своих государственно-политических программ, прежде всего, обратились к изучению и популяризации национальной истории. Шла серьезная и долгая работа по пропаганде величия истории средневековых славянских государств, утверждалось историческое право славянских народов на собственную государственность. Большинство политических деятелей славянского национального возрождения в XIX века начинали как профессиональные

inslav

историки Франтишек Палацкий, Вук Караджич, Людевит Гай, Павел Йозеф Шафарик, Йосип Юрай Штроссмайер, Франьо Рачки, Йован Ристич. Это было вполне объяснимо для народов, утративших независимые государства за сотни лет до XIX века и стремящихся их восстановить. Пробудить в народе национальную гордость за свое прошлое и поставить перед ним задачу дальнейшей борьбы за свои права, было одной из главных задач этих политических деятелей, прозванных «будителями».

История и ныне продолжает оставаться важнейшим инструментом в формировании национального самосознания, и это обуславливает особое внимание к преподаванию истории в начальных и средних учебных заведениях новых балканских государств.

Понятно, что разработка новых программ по курсу истории и выпуск в свет новых учебников требует времени. За прошедшие после распада СФРЮ годы предприняты пока еще первые шаги в этом направлении.

Настоящий очерк не ставит целью детальный сравнительный анализ школьных программ в социалистической Югославии и в современных новых государствах, а призван лишь выявить некоторые тенденции и концепции, которые утверждаются в преподавании истории.

Естественно, что этот процесс напрямую связан с социально-политическими и культурными изменениями в обществе. В настоящее время на Балканах ситуация гораздо более многогранна и многоцветна, нежели в период жесткого идеологического диктата времен социализма. Стало очевидным, что качественное преподавание истории зависит не только от свободы высказывания и интерпретации, но в первую очередь от состояния академической науки, уровня профессиональных историков. Общеизвестно, что большинство учебников и учебных пособий пишется представителями академической и университетской науки, профессионализм которых и определяет качество учебно-методической литературы. И лишь затем эта продукция координируется с «практикующими» преподавателями гимназий и школ.

В этом контексте очевидны позитивные сдвиги в деле активного сотрудничества академической исторической науки и системы школьного образования. Особая роль принадлежит здесь сравнительно молодым ученым, заявившим о себе уже солидными научными трудами. Это поколение докторов наук, которым сейчас около сорока лет, кто успел получить среднее и высшее образование еще в СФРЮ, но самостоятельную научную работу вел уже в пост-коммунистический период. По большей части их характеризует глубокая фундаментальность

inslav

знаний, открытость к новым методам и концепциям, широкий диапазон исследований и, главное, отход от «краеведческого» принципа в изучении истории, стремление к компаративным исследованием, к анализу и синтезу. В качестве примера обратимся к деятельности университетских ученых Сербии и Хорватии.

Следует сразу отметить общеизвестный факт, что наиболее интересные и не засушенные учебники для школ чаще всего пишутся именно университетскими учеными. Это вполне объяснимо и понятно. Сочетание с одной стороны, ежедневной педагогической практики, отработка методики подачи материала, а с другой стороны многолетние глубокие научные исследования в узкой области специализации, дают университетским ученым весомые преимущества в деле написания учебников и учебных пособий. Еще одним неоспоримым преимуществом университетских авторов является их мобильность, широкие международные контакты, участие в совместных проектах и разработках, участие в межгосударственных проектах.

Наиболее сложная и одновременно важная часть исторического курса – современная история. Представляется поэтому закономерным обратиться к ситуации с преподаванием истории нового и новейшего времени в школах Сербии и Хорватии. Почему именно в этих странах?

Причин несколько. Во-первых, именно здесь уже в XIX веке впервые у южных славян появились кафедры национальной истории в Загребском и Белградском университетах, где сложилась длительная и развитая традиция национальной исторической школы, в том числе и в преподавании истории. Во-вторых, с середины XIX века Сербия и Хорватия боролись за первенство в возможном югославянском союзе. В-третьих, следует учитывать и особую роль лидеров обеих стран в 90-е годы XX века в разжигании межнациональной розни. Военные преступники, гражданские войны, изгнание представителей других национальностей со своих территорий – все эти реалии недавних лет требует комментариев и разъяснений историков[1].

Возьмем для примера некоторые сюжеты преподавания истории нового времени в школах Сербии и Хорватии. В этих двух бывших республиках Югославии немало сложных исторических противоречий, реальных межнациональных конфликтов и мифологизированных взаимных обид. Задачи перед учеными и педагогами этих

[1] В отечественной литературе об этом напр. см.: Романенко С. А. История и историки в межэтническх конфликтах в конце XX века. М., 1997; Он же. История и этнонационализм в постсоциалистическом мире: югославский вариант (1980-е – 1990-е гг.). // Национализм в мировой истории. М., 2007. С.408–451.

inslav

стран сложнее и комплекснее, чем на остальном посткоммунистическом европейском пространстве: не только разоблачать ошибки и заблуждения предшествующего социалистического периода, и искать виновников сорокалетнего тупикового пути, но еще и разъяснять сущность и причины вооруженных конфликтов, которыми сопровождался распад Югославии. При этом необходимо еще и познакомить учащихся с новыми тенденциями в методологии истории. Задача не из легких. Как же она решается?

В Сербии активную позицию в деле модернизации преподавания курса новой и новейшей истории заняли преподаватели Белградского университета – Любодраг Димич, Мирослав Йованович, Милан Ристович, Дубравка Стоянович и другие. Они пошли по пути создания серии работ «Вспомогательные материалы для преподавания».

Первая книга посвящена проблемам детей и детства в XIX и XX веках[1]. Это сборник текстов, снабженный фотографиями и иллюстрациями и предназначенный в качестве дополнительного материала для преподавания истории в средней школе. Книга эта чрезвычайно интересна тем, что это не просто популяризация модного и перспективного гендерного направления в истории. Задача этого учебного пособия глубже и шире – оно направлено на воспитание национальной и конфессиональной толерантности, уважения, как к собственному прошлому, так и прошлому соседних народов. В подборе и подготовке текстов участвовали специалисты не только всех бывших республик Югославии (Македонии, Боснии и Герцеговины, Сербии и Черногории, Словении), но и соседних стран – Албании, Болгарии, Венгрии, Греции, Румынии и Турции. Это очень важно, потому что представители народов этих стран проживают и на территории новых югославянских государств.

В предисловии авторы четко определяют задачи своего труда: «Народы юго-востока Европы, несмотря на то, что исторически очень взаимосвязаны, недостаточно знают друг о друге. Когда речь заходит о прошлом, то в основном вспоминаются войны, которые велись на этих территориях. Поэтому главная цель нашей книги помочь ученикам познакомиться с соседними народами другим, новым путем, который, мы надеемся, будет для них интересен. Тема книги – жизнь детей в XIX и XX веках. На примере этой темы мы хотим показать, как много есть сюжетов в истории, которые очень занимательны, и которые показывают нам, как жили люди в предшествующие годы. Мы старались на примере мира детства рассказать о различных об-

[1] Детињство у прошлости. Помоћни наставни материјал за средње школе // Растовић М., Стојановић Д. Београд. 2001.

mslav

ластях, в которых работает современная историческая наука, стремясь понять, как люди жили раньше, что ели, как лечились, какой была их повседневная жизнь»[1]. Итак, пособие призвано решить как минимум три важные задачи: общеобразовательную, научно-просветительскую и воспитательную. Десять глав книги посвящены ключевым темам в жизни ребенка: повседневная жизнь в городе и на селе, игры, семья, образование, использование детского труда, дети в условиях войн и военных конфликтов.

Источники для раскрытия этих тем очень разнообразны – от школьных сочинений современников событий, мемуаров до выдержек из сводов законов и полицейских протоколов. Но все они подобраны так, что читаются с большим интересом и дают полное представление о заявленной тематике. Каждая глава наряду с источниками содержит и вводный текст, разъясняющий основные категории темы, каждый раздел снабжен и методическим материалом – вопросами и заданиями для проверки усвоения материала. Иллюстративный ряд представлен по большей части фотографиями – от безыскусных семейных портретов XIX века до пронзительной хроники военных конфликтов на Балканах недавних лет. Второе пособие – «Рассказы по истории XX века»[2], носит более конкретно-исторический характер и предназначено для учеников старших классов гимназии. Это пособие рекомендовано Министерством просвещения и спорта Республики Сербии и имеет соответствующий гриф. Характерно, что и здесь задачи, которые ставят перед собой авторы – признанные специалисты по истории XX века – широки: «В предлагаемых исторических источниках вы не только найдете множество конкретных фактов, но и увидите новые исторические темы и новые вопросы, которые ставит историческая проблематика. Вы увидите, что современная историография избавилась от крена в сторону изучения только политической истории, и исследует все стороны человеческого существования в прошлом»[3].

Авторы этого пособия, которое являет собой синтез учебника и хрестоматии, заявляют, что они постарались свести свои разъяснения к минимуму, отдавая главное место оригинальным и разнообразным источникам. Действительно в пособии наряду с нарративными источниками, представлены фотографии, таблицы, плакаты, схемы, графики. Цель у авторов пособия – дать представление и сформи-

[1] Ibid. С. 7.

[2] Приче из XX века: радна свеска из историје за 4. разред гимназије // Радојевић М., Димић Љ. Нови Сад. 2002.

[3] Ibid. С. 3.

inslav

ровать мнение об истоках и последствиях национализма, о природе войн, о тяжелой и трудной жизни села в военные годы.

В издании представлено одиннадцать разделов, выстроенных хронологически и тематически. Пособие предлагает и новые популярные темы по обыденной, повседневной жизни общества. Так, в главе «Белград на рубеже веков» представлены материалы о том, как выглядели улицы города, дома и квартиры белградцев в начале XX века. Пять разделов книги знакомят учеников с важнейшими событиями XX века сквозь призму ярких личностей этой эпохи. Так, начало XX века и создание Югославии представлено в разделе «Никола Пашич», переворот 1903 г. и начало Первой мировой войны в разделе «Драгутин Димитриевич Апис», межвоенный период в разделе «Король Александр». Все эти три важнейшие политические фигуры югославской истории первой половины XX века игнорировались в учебниках по истории в годы социалистической Югославии.

Отрадно отметить, что представлены разные точки зрения в историографии о роли этих ключевых фигур сербской и югославской истории, ученику же предлагается сделать собственные выводы на основании представленных источников и с помощью рекомендуемой дополнительной литературы.

Культурные процессы в королевстве Югославия и в первые годы строительства социалистического государства представлены в пособии на примере жизни и творчества известной писательницы Исидоры Секулич. Это сделано достаточно деликатно и очень выразительно. Конфликт науки и искусства с требованиями новой идеологии дан на примере критики Милованом Джиласом последних работ Исидоры Секулич.

Традиционно для югославской педагогической литературы предшествующих десятилетий большое место в книге уделено второй мировой войне и событиям конфликта СССР – Югославия 1948–1955 гг.

Но и эти две стандартно излюбленные темы югославской историографии представлены по-новому. Так, Вторая мировая война дается в блоке с Первой мировой войной. Раздел называется: «Мировые войны», а материалы, размещенные в этом разделе, преимущественно рассказывают о страданиях мирного населения в годы войны, особое место уделяется становлению и функционированию системы концентрационных лагерей.

Конфликт руководства компартии Югославии с СССР и Коминформбюро представлен в достаточно традиционном для югославской историографии предшествующих десятилетий одностороннем виде – мужественное сопротивление югославского руководства великодер-

inslav

жавным амбициям СССР. Но «перегибы» в деле поиска сочувствующих СССР, очерчены рельефнее, представлены яркие свидетельства о югославском концентрационном лагере для политзаключенных «Голи оток» («Голый остров»). Название этого лагеря – одного из многих – стало со временем символом политических репрессий времен Тито, в собенности конца 1940-х – начала 1950-х гг. Однако глубокого и серьезного анализа о причинах конфликта СССР – Югославия в 1948 г. представить на основании предложенных материалов невозможно. Акцент в большей степени сделан на страданиях жертв репрессий, чем на реальных политических событиях.

Бурные шестидесятые годы представлены в издании в виде избранных газетных заголовков о наиболее значимых культурных, политических и спортивных событиях. Это и полет Юрия Гагарина в космос, и победа футбольной команды мадридского «Реала», война в Лаосе и смерть Мерлин Монро, бегство за границу советского балетного танцовщика Нуриева и конференция лидеров неприсоединившихся государств. Дидактики здесь нет вообще никакой, учащимся предлагается самим сделать выводы о доминирующих событиях эпохи.

Наиболее трудные для разъяснения и интерпретации сюжеты югославской истории 70-х – 90-х гг. XX века в пособии и вовсе опущены. События, предшествующие распаду Югославии и сам драматический процесс распада, вооруженные конфликты также даже не упоминаются.

Заключает пособие раздел, носящий название «Йосип Броз Тито». Здесь вообще отсутствуют какие-либо комментарии, равно как и документы. Сразу после большого портрета Тито и перед краткой его биографической справкой следует задание: «Перед вами хронология одной бурной и длинной жизни, написанная в форме досье. Следующие данные из вашего пособия постарайтесь насытить существующими историческими источниками»[1]. Вот такой самостоятельный подход к оценке, наверное, самого яркого и известного деятеля Югославии в XX веке.

Серьезные проблемы, связанные с преподаванием истории в школах и вузах не остались вне поля разбора и критики ведущих сербских ученых. Детальнейший анализ того, как представлена история СССР и России в современных сербских школьных учебниках написал преподаватель Белградского университета М. Йованович[2]. Автор считает,

---

[1] Ibid. С. 191–195.

[2] Йованович М. Россия / СССР XX века в сербских учебниках истории // Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. М., 2003. С. 54–68.

inslav

что современные сербские учебники не дают цельного представления о современной истории России и пестрят многочисленными фактическими ошибками. «Этноцентристский подход не позволяет авторам учебников выработать более широкий и более комплексный взгляд на мировую (европейскую) историю XX века в целом, и на историю России/СССР, в частности»[1]. Характеризуя систему преподавания истории в Сербии в целом, автор подчеркивает, что «Сербия является одной из последних европейских стран, в которых существует политика "одного учебника"». В странах Юго-Восточной Европы такая политика наблюдается еще только в Албании и Греции. Во всех остальных государствах педагогическая и образовательная политика разрешает параллельное существование нескольких учебников, тем самым оставляя возможность профессорам и ученикам самим выбирать наиболее подходящий с их точки зрения учебник. М. Йованович констатирует, что если при правительстве С. Милошевича это обуславливалось жестким, идеологическим подходом к образованию, то нынешние власти в стране, хотя на словах и согласны, что надо деидеологизировать и деполитизировать учебный процесс, тем не менее, еще не приняли никаких мер для изменения ситуации[2].

Распад федеративного югославского государства и создание новых государств естественно поставили задачу замены общеюгославского стандарта и программы в преподавании истории на новые, отвечающие интересам молодых государств. В Сербии, например, это выразилось, в увеличении количества часов для изучения национальной сербской истории и изменения наименования некоторых ранее существовавших дисциплин. Так, предметы, которые раньше именовались «Национальная история Средних веков» и «Национальная история нового времени» теперь именуются соответственно «Сербская история в Средние века» и «История сербского народа в новое время».

Активную позицию в подготовке новых учебников и учебных пособий, атласов и карт по национальной истории заняли преподаватели Белградского университета Сузана Раич, Милош Ягодич и др. Координирует эту работу известный сербский ученый, руководитель кафедры национальной истории нового времени профессор Радош Люшич. На протяжении нескольких лет он возглавлял самое крупное в стране Издательство учебников и учебных пособий[3] и привлек к работе по популяризации исторических знаний высокопрофессиональных специалистов из Белградского университета и

[1] Там же. С. 65.
[2] Там же. С.55.
[3] Завод за уџбенике и наставна средства.

inslav

Сербской Академии наук и искусств. Наряду с монографическими исследованиями, серией работ, посвященных выдающимся личностям сербской истории, Издательство выпустило ряд новых учебников и учебных пособий. Новые учебные пособия дают широкую картину становления сербского государства и общества, не оставляя без внимания и повседневную жизнь. Интересно в этом отношении учебное пособие «Жизнь в Сербии в XIX веке: между вечеринками и балами»[1], написанное Александрой Вулетич и Ясной Мияилович. Признанные академические ученые, авторы сумели в изящной и увлекательной манере представить все многообразие повседневной жизни сербского народа на фоне быстро меняющейся политической реальности XIX века. Не остались без внимания ни турецкое, ориентальное наследие в повседневной жизни и менталитете сербов, ни начавшаяся вестернизация всех сторон жизни. Одиннадцать разделов книги знакомят учащихся с особенностями сельской и городской жизни, образованием, транспортом, здравоохранением, кухней и одеждой сербского народа, устройством жилищ и архитектурой городов. Но главное место в пособии занимает глубокий анализ истории национальных обычаев и традиций, оказавших существенное влияние на формирование современного государства. Много внимания уделено категориям «род», «семья» в сербской общественной жизни. Авторы показывают истоки сербской демократической традиции, столь удивлявшей иностранных наблюдателей в XIX веке. «Сербия – единственная страна, в которой в порядке вещей, что и министр и государственный советник посреди улицы расспрашивает о здоровье и обнимается с кем-нибудь из односельчан», – приводят авторы слова сербского ученого В. Карича. Книга не только снабжена замечательными иллюстрациями, списком литературы, но и терминологическими словарями по всем разделам, рецептами старинной сербской кухни и даже в виде приложения огромным листом со схемой Генеалогического древа семьи, которое предстоит заполнить ученику самостоятельно. Книга являет собой блестящий образец того, как можно с любовью и научной достоверностью популяризировать национальную историю, не прибегая к лакировке действительности. Она воспитывает уважение не только к героическим страницам прошлого, но и к повседневному труду, семейной жизни, традициям и культуре предшествующих поколений.

Вместе с тем, Мирослав Йованович полагает, что существует некоторый крен в сторону превалирования национальной истории над мировой и европейской: «Содержание сербских учебников в ос-

[1] Вулетић А., Мијаиловић Ј. Србија у 19. веку: између посела и балова. Београд, 2005.

inslav

новном сконцентрировано на презентации национальной истории, занимающей около 65% всех материалов.

Этноцентристское направление, которому следуют авторы учебников, по сути «задушило» возможность всестороннего анализа всеобщей истории «... Часть учебников, в которых трактуются проблемы истории Европы в XX века, носят настолько общий характер, что ряд государств, допустим Варшавского Договора или Европейского Союза, только перечисляются»[1].

Аналогичные проблемы мы наблюдаем и в хорватских учебниках. Там также активную позицию в деле разработки школьных курсов по новой истории взяли на себя профессора Загребского университета, такие как академик Хорватской академии наук и искусств (HAZU) Никша Станчич, главный редактор журнала «Повиест у настави» («Povijest u nastavi») Дамир Агичич и другие. Но крен в сторону превалирования узко-национальной истории присутствовал и здесь. В интересных, новых по содержащемуся материалу учебнике и хрестоматии для VII класса школы, написанных Д. Агичичем, и вышедших в свет в 1996 г.[2] из соседних югославянских территорий упоминаются в истории нового времени лишь Словения и Боснии и Герцеговина. Сербия же, которая была уже в то время автономным княжеством, а затем и независимым королевством, представлена очень коротко в главе с многозначительным названием: «От пашалыка до автономии – истоки великосербской политики». Вместе с тем, следует отметить, что и учебник, и хрестоматия содержат много источников, ранее в учебном процессе в социалистической Югославии не использовавшихся. Это же касается и ряда исторических личностей, упоминание о которых было недопустимым в СФРЮ. Так, даже на обложку хрестоматии помещен портрет известного хорватского политического деятеля XIX века Анте Старчевича, который в социалистической Югославии трактовался как националист и адепт антисербской пропаганды. Здесь же он представлен как хорватский патриот и идеолог хорватской государственной независимости.

[1] Йованович М. Указ. соч. С. 57.

[2] Agičić D. Povijest. Za VII razred osnovne škole. Zagreb. 1996; Agičić D. Povijesna čitanka. Budi Svoj. Zagreb, 1996. В последующие годы Д. Агичич вместе со своей супругой и коллегой М. Найбар-Агичич приложил много усилий для изучения проблемы исторических мифов и стереотипов, касающихся ключевых моментов истории Хорватии и Югославии, а также их преодоления в общественном сознании и в процессе преподавания истории в школе. Напр. см.: Agičić D, Najbar-Agičić M., 1918. – ostvarenje vjekovnih snova, geopolitička nužnost ili kobna pogreška.//Kultura sjećanja. Povjesni lomovi i svladanje prošlosti. Zagreb, 2007. S. 203–214; Agičić D., Najbar-Agičić M. Hrvatska historiografija o 1941. – polemika bez dijaloga? // Kultura sjećanja: 1941. Povjesni lomovi i svladanje prošlosti. Zagreb, 2008. S. 145–156.

inslav

В последние годы, по-видимому в связи с определенной унификацией европейских образовательных стандартов, произошло изменение и учебных планов по истории в Хорватии. Программа по истории для преподавания в школах Хорватии (Хорватский национальный образовательный стандарт) принятая в июне 2005 г. свидетельствует о серьезных изменениях в системе преподавания истории.

В документе говорится о необходимости сместить акценты в изучении истории с политической истории на общественную и культурную историю, особое внимание уделяется повседневной истории. При изучении войн, также как и сербских учебниках, упор предлагается делать на страданиях мирного населения, а не на боевых действиях сторон. Больше свободы в выборе тем предоставлено и учителю, которому предлагаются основные 12 тем для каждого класса, а он волен выбирать их последовательность и распределение часов. Нам видится чрезвычайно знаменательным специально обозначенный в Стандарте пункт: «Национальные меньшинства», который гласит: «В преподавание следует включать материал, который способствует развитию позитивного отношения к различным национальным меньшинствам и их культурному наследию как части общего культурного наследия. Показательно, что в программу включены все события, сопровождающие распад Югославии. Здесь наряду с характеристикой режима Милошевича и сербской «агрессией» в Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговине, упоминается и об операциях по насильственному изгнанию сербского населения с территории Хорватии в 1995 г. (т. н. «экзодус»). Думается, что это начало серьезного пересмотра старых учебников и учебных планов и выработки нового подхода к изучению национальной истории в новое и новейшее время, а главное отказа от переноса сиюминутных политических дискуссий в школьные учебники.

Таким образом, можно констатировать, что ученикам в Сербии и Хорватии с одной стороны предлагаются новые методы и новые направления в историографии (гендерные исследования, культурология, повседневная жизнь), но вместе с тем «священные коровы» национальной истории по-прежнему неприкосновенны. Такие темы, как специфика югославской модели социализма, проблемы межнациональных отношений, вопрос о причинах вооруженных конфликтов период распада СФРЮ – либо исключены, либо трактуются в духе старых идеологических штампов. И это вполне объяснимо, так как и сама академическая наука в этих странах еще не выработала определенной взвешенной трактовки сложных периодов югославянской истории.

inslav

О. В. Павленко

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МИРОВЫЕ КРИЗИСЫ XIX ВЕКА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЕВРОПЕЙСКУЮ ДИПЛОМАТИЮ

Экономические кризисы, разные по масштабам и глубине, неизбежно сопровождают процессы капиталистического воспроизводства. Уже во второй половине XIX века европейские теоретики-экономисты создали целый массив теорий и концепций о сути и формах кризисных явлений. Несмотря на резкие различия подходов и оценок, выдающиеся мыслители – Карл Маркс, Луйо Брентано, Эдуард Бернштейн, Отто Бауэр, Карл Каутский, наконец, Владимир Ленин пришли к общему выводу, что кризисы – это закон движения капитализма, который уже к середине XIX века приобрел циклический характер[1].

Какие бы не вводились объяснительные схемы – от теории диспропорциональности до обоснования противоречий между производством и потреблением, стало ясно, что кризисы создают одновременность и массовость обновления и расширения основного капитала, что в свою очередь приводит к конвульсивному расширению всего производства.

Американский исследователь кризисов Уэсли Митчелл, вслед за Альбертом Афтальоном и Жаном Лескюром, справедливо считал, что слово «кризис» – не очень удачный термин для обозначения одной из фаз экономического цикла[2]. Его можно использовать для

[1]Brentano L. Die klassische Nationaloekonomie. Leipzig, 1888; Брентано Л. Причины экономического расстройства в Европе. Одесса, 1894 (первое издание – в 1889 г.); Бернштейн Э. Социальные проблемы. М., 1901; Каутский К. Границы капиталистического хозяйства. Киев, 1900; Он же. Теории кризисов. Пер. с нем. СПб.: журн. «Образование», 1907; Теория кризисов. М., 1923; Kautsky K. Krisentheorien // Die Neue Zeit, XX. Jahrgang, 1901/02. (сайт http://www.trend.infopartisan.net/trd0200/t190200.html :Unterkonsumtion und allgemeine Krise des Kapitalismus. Zur Theorie der allgemeinen Krise des Kapitalismus bei E. Varga, von Klaus Winter); Бауэр О. Теория кризисов Маркса. Пер. с нем. А. Гродзинского. СПб., 1907; Bauer O., Kautsky K. Marx Theorie der Wirtschaftskrisen // Die Neue Zeit. Jahrgang, 1904; Bauer O. Zwischen den Weltkriegen? Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus. Prag, 1936.

[2] Митчелль У. Экономические циклы. Пер. с англ. М., 1930. С. 391-392. Это русский перевод известной работы, изданной в 1928 году: Mitchell Wesley. Business cycles: The Problems and Its Settings. New York: National bureau of economic research, 1928. Афталион Альберт. Периодические кризисы перепроизводства. Пер. А. Герценштейна. М.–Л., Гос. изд., 1930. (Aftalion A. Les Crises periodiques de surproduction. P., 1913); Лескюр Жан. Общие и периодические промышленные кризисы. СПб., 1908. (Lescure J. Des crises générales et périodiques de surproduction. Paris, 1906); Lenoir M. Études sur la Formation et le Mouvement des Prix. Paris: Giard et Brière, 1913; Van Gelderen J. Springvloed. Beschouwingenover over industrielle ontwikkeling en prijsbewegung. De Nienwe Tijd. 1913; Kitchin J. Cycles and Trends in Economic Factors // Review of Economic Statistics. January. 1923; Moore, H.L. Economic Cycles: Their Law and Cause. New York, 1914; Moore, H.L. Generating Economic Cycles. New York, 1923.

inslav

обозначения только одного периода от расцвета к депрессии, чтобы эмоционально подчеркнуть степень интенсивности переломных экономических и социальных процессов.

Сам же экономический цикл состоит из четырех основных фаз – депрессии, оживления, расцвета и рецессии. В одной фазе цикла вызревают условия для перехода к следующей. По сути, кризис всегда формируется еще в недрах расцвета. Когда экономические показатели свидетельствуют о процветании, но перепроизводство уже начинает оказывать пока еще скрытое разрушающее воздействие.

Эта закономерность циклического развития капитализма отчетливо проявляется при сопоставлении динамики и масштабов наиболее крупных кризисов, потрясавших мировую экономику в XIX веке от США до Англии, от Германии до скандинавских стран и России вплоть до азиатских колоний. Можно выстроить линию кризисных лет, пик которых приходился на годы, которым, как правило, предшествовал цикл процветания и расширенного воспроизводства капитала: 1825; 1837; 1847; **1857**; 1866; **1873**; 1882; **1890**; **1903**. Жирным шрифтом выделены наиболее тяжелые кризисы, имевшие выраженный циклический характер и мировой масштаб.

Импульс к системным исследованиям дала Великая депрессия 1929–1930-х годов, охватившая не только США, но и европейский Запад[1]. Идеи русской школы экономико-исторических исследований

Великая Депрессия 1929 г. дала сильный импульс американским исследованиям в поиске типологии и моделей цикличности экономических кризисов. См., к примеру: Burns, A.F. and W.C. Mitchell. Measuring Business Cycles. New York: National bureau of economic research, 1946; Alvin H. Hansen. Business cycles and national income. New York, 1951. (русское издание – Хансен, Элвин. Экономические циклы и национальный доход. М., Изд-во иностр. лит., 1959); Haberler G. Prosperity and depression. A theoretical analisis of cyclical movements., London, 1958. (русское издание – Хаберлер Г. Процветание и депрессия. Теоретический анализ циклических колебаний. М., Изд-во иностр. лит., 1960; Galbraith, John Kenneth. The great crash 1929. Boston: Mifflin, 1961. (Гэлбрейт Дж. Великий крах 1929 года. М., 2009).

[1] Под влиянием немецких и французских фундаментальных исследований второй половины XIX века, в России также стало складываться отдельное направление, анализировавшее типологию экономических подъемов и спадов. Эта линия исследований была продолжена и в первые десятилетия после Октябрьской революции. Пик российских исследований пришелся на 1920–1930-е годы. В эти же годы активно переводились труды европейских ученых-экономистов, исследовавших механизмы экономической конъюнктуры. См., к примеру: Бергман Е. Э. Исторический очерк теории экономических кризисов. Тула, 1898; Бунятян М. Экономические кризисы. Опыт морфологии и теории периодических экономических кризисов и теории конъюнктуры. М., 1915; Теоретическая экономия в отрывках. Под ред. А. С. Мендельсона и И. А. Трахтенберга. М., 1926; Левин И. И. Новые тенденции в экономических кризисах. Пг., 1916; Момберт, Пауль. Введение в изучение конъюнктуры и кризисов. Пер. с нем. и предисловие И. И. Рубина. М.– Пг.:

inslav

были воплощены в эти годы выдающимся мыслителем Николаем Кондратьевым, выдвинувшим теорию больших циклов конъюнктуры, которая вошла в мировую науку под названием «длинных волн Кондратьева»[1]. Вплоть до настоящего времени его гипотеза и

Гос. изд., 1924; Осинский В. В. Мировое хозяйство и кризисы. М.: Изд-во Ком. Акад., 1925; Лившиц Б. Проблема рынка и кризисов: Сборник. М., 1926.

Большое влияние на развитие российской экономической мысли оказали труды немецкого ученого Вернера Зомбарта. Вернер Зомбарт – социолог, философ; профессор экономики в Бреслау и Берлине. Его работа «Современный капитализм» (1902) принесла ему широкую известность. Как в ней, так и в последующих работах о возникновении капитализма, Зомбарт показывает связь экономики с многообразными социальными институтами и историческими обстоятельствами (Буржуа. М., 1924; Luxus und Kapitalismus, Berlin, 1907; Krieg und Kapitalismus. Berlin, 1911; Современный капитализм. Историко-систематическое исследование общеевропейской экономической жизни от ее зачатков до современности. Л.: Путь к знанию, 1924 (Sombart Werner. Der moderne Kapitalismus. Leipzig: Humblot, 1902). Его работы переводились на русский язык в течение всей первой половины 20 века.

Экономические показатели зафиксированы в большом количестве экономико-статистических материалов. Можно указать отдельные из них:Rosenberg Hans, Die Weltwirtschaftskrise von 1857 – 1859. Stuttgart; Berlin, 1934; Porter S.D. Statistical Abstract for the United Kingdom, 1853-1867. London, 1884. P. 54; Guetter, Fred J. Statistical Tables relating to the Economic Growth of the United States. Philadelphia, 1924; Manegold K., Treue W. Quellen zur Geschichte der industriellen Revolution. Goettingen, 1979. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Под ред. В. Покровского. Т. 1. СПб., 1902. С. 277. В СССР огромный интерес к экономическим циклам и кризисам был вызван Великой депрессией в США, поскольку это вписывалось в советскую концепцию «загнивания капитализма». Серьезный детальный анализ с привлечением исследований и статистических данных наиболее авторитетных западных центров был сделан в исследовании: Мировые экономические кризисы. Т. 1-3. М., 1937 -1939. Статистические таблицы, а также в книге Мендельсон Л.А. Экономические циклы и кризисы в XIX веке. М., 1949.

[1] Кондратьев Н. Д. – выдающийся русский и советский экономист; с 1905 – эсер, входил товарищем министра продовольствия в последний состав Временного правительства Александра Керенского; основатель и директор Института конъюнктуры (1920–1928); основоположник теории больших циклов экономической конъюнктуры (кризисы длинной волны); репрессирован в 1930, заключен в лагерь в 1932; в 1938 г. расстрелян.

В 1922 г. Кондратьев в своей работе «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» выступает с предположением о существовании длинных волн в развитии капитализма. Эти волны, длительность которых составляет 50 лет с возможным отклонением в 10 лет (и таким образом, длина волны колеблется от 40 до 60 лет), характеризуются чередованием между высшим развитием и нижним. По расчетам Кондратьева, к 20-ым годам XX века капиталистический мир пережил две с половиной длинных волны: подъем экономического развития приходился на 1789–1814, 1849–1873 и 1896–1920 годы, спад же – на 1814–1849 и 1873–1896:

1. у истоков повышательной фазы или в самом ее начале происходит глубокое изменение всей жизни капиталистического общества. Этим изменениям предшествуют значительные научно-технические изобретения и нововведения.

instaw

методика анализа массива статистических данных по Англии, США, Франции и Германии вызывают серьезные дискуссии. Важно, что была доказана цикличность капиталистического развития, ритмы которого задают темп и динамику социальным и политическим процессам[1].

В повышательной фазе первой волны это были: развитие текстильной промышленности и производство чугуна, изменившие экономические и социальные условия общества. В повышательной фазе второй волны: строительство железных дорог, которое позволило освоить новые территории и преобразовать сельское хозяйство. Повышательная стадия третьей волны вызвана широким внедрением электричества, радио и телефона;

2. повышательные фазы более богаты социальными потрясениями (революции, войны), чем понижательные (что обуславливается обострения экономической конкуренции за рынки и сырье);

3. понижательные фазы оказывают особенно угнетающее влияние на сельское хозяйство. Низкие цены на товары в период спада способствуют росту относительной стоимости золота, что побуждает увеличивать его добычу. Накопление золота содействует выходу экономики из затяжного кризиса;

4. периодические кризисы (7–11-летнего цикла) как бы нанизываются на соответствующие фазы длинной волны и изменяют свою динамику в зависимости от нее – в периоды длительного подъема больше времени приходится на "процветание", а в периоды длительного спада учащаются кризисные годы.

Работы Н. Д. Кондратьева: Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны. М., 1922; Спорные вопросы мирового хозяйства и кризиса (ответ нашим критикам). М., 1923; Большие циклы конъюнктуры. М., 1925; Вопросы конъюнктуры: Сборник статей. Под ред. проф. Н. Д. Кондратьева. Т.1–2, М.: Фин. Изд. НКФ СССР, 1925-1926; К вопросу о больших циклах конъюнктуры. М., 1926; Кондратьев Н. Д. и Опарин Д. И. Большие циклы конъюнктуры: Доклады и их обсуждение в Институте экономики. М., 1928; Kondratieff, Nikolai D. Die Langen Wellen der Konjunktur // Archive für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik. 1926; The Long Waves in Economic Life (transl. by W.F. Stolper) // The Review of Economics and Statistics. November 1935. Vol. 17. №. 7. P. 105–115 (Harvard) (Repr. 1944, 1973, 1976, 1978).

[1] Существуют различные модели экономического развития. Долговременные тенденции циклической эволюции нашли отражение в крупных исследованиях: North D. Economic Performance Through Time // American Economic Review. Vol. 84. № 3. June 1994; Fogel R. Economic Growth, Population Theory, and Physiology: The Bearing of Long-Term Processes on the Making Economic Policy // American Economic Review. Vol. 84. № 3. June 1994; Kirchner W. Die Deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands 1815 – 1914. St. Katharinen: Scripta Mercaturae Verlag, 1986. Модели экономического развития с их циклическими ритмами описаны также в фундаментальных трудах: Kuznets S. Modern Economic Growth. New Haven: Yale University Press, 1966. Borchardt K. Wachtum, Krisen, Hanglungsspielraeume der Wirtschaftspolitik. Studien zur Wirtschaftsgeschichte des 19. und 20. Jh. Goettingen, 1982. Зомбарт В. Современный капитализм. Том первый. Полутом первый. Л., 1924. Серьезный интерес представляет работа известного американского специалиста по экономической истории России Пола Грегори. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв.). Новые подсчеты и оценки. Пер. с англ. М., 2003. Особо стоит отметить фундаментальные российские исследования: Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX века. М., 1974; Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.) М., 1985; Бовыкин В.И.. Россия накануне великих свершений. М., 1988.

inslav

Системные исследования, посвященные XIX веку, в эволюционных процессах которого скрыты корни многих современных явлений, имеют, как правило, четкую стратификацию: экономическая история анализируется отдельно от сплетений высокой дипломатии ведущих держав. Между тем, ритмы мирового экономического развития, поднимавшие одно или несколько государств, или напротив, сдерживавшие их развитие, составляли неотъемлемую часть всей системы международных отношений. Наиболее экономически развитые страны были сердцем мирового хозяйства, биение которого определяло пульс периферии и кровоток капиталов по всем континентам.

Дипломатические конфликты и войны в значительном большинстве своем имели прямые или косвенные экономические мотивы. Военные поставки и государственные заказы на модернизацию армии приводили в движение колоссальные капиталы. На их основе создавались новые состояния, которые бросались в бурлящий котел биржевых спекуляций и грюндерского ажиотажа[1].

Капитал не признает государственных границ. Его циклическое развитие – от промышленных подъемов до спадов – существенно влияло на политические взаимоотношения великих держав, стран периферии и колоний. Еще задолго до современной глобализации.

В первой половине XIX века эпицентром кризисов была Англия, имевшая промышленную, финансовую и торговую монополию. Английская экономика задавала тогда ритмы основных мировых циклов. Англия вносила резкие колебания в хозяйственную жизнь других государств скачкообразными изменениями своего спроса на сырье, продовольствие, колониальные товары. Она определяла цены на мировом рынке и навязывала всем странам динамику их колебаний. Потрясения английского денежного рынка неминуемо сказывались во всех крупнейших денежных и торговых центрах мира, ибо в каждом из них многочисленные крупные фирмы специализировались на операциях с Англией. В любом уголке земного шара, где появлялась реальная или фиктивная перспектива удачных спекуляций, на сцену вступали английские капиталы, накопившиеся в период промышленной монополии Великобритании в таком количестве, что им просто не хватало достаточно прибыльных сфер приложения внутри страны. Такая ситуация продолжалась до середины 1870-х годов. Кризис 1873 г. был уже вызван не столько английскими факторами, сколько спецификой развития Германии и США, в которых в предшествовавшее деся-

[1] Грюндерство – термин XIX века, определяющий основание акционерных обществ.

instav

тилетие начался беспрецедентный подъем, переросший в спекулятивный бум. Это был один из первых симптомов перехода от эпохи экономической монополии Англии к эпохе ожесточенной конкуренции сразу нескольких промышленных держав. Эта ситуация кардинально «переформатировала» всю систему международных отношений, когда прежняя модель «европейского концерта» со временем перестала быть эффективной, уступив место блоковому противостоянию.

Данная статья не претендует на широкий анализ экономических и политических аспектов эволюции международной системы во второй половине XIX века. Рамки статьи ограничивают изложение материала периодом 1840–1870 гг. и позволяют более подробно остановиться только на нескольких сюжетах:

- экономических циклах европейских государств, напрямую связанных с историей Крымской войны;
- специфике экономического подъема 1860-х гг.;
- мировом экономическом кризисе 1873 г., глубина и длительность которого не знала аналогов в предшествовавшие периоды.

Крымская война и мировой экономический кризис 1857 года

В пятидесятые годы XIX века произошло два ключевых события, потрясших европейскую систему – Крымская (или Восточная) война и мировой экономический кризис 1857 г. Оба этих явления охватывали не только ведущие государства, но и те, что были на периферии Европы. Все сплелось в один узел – сначала беспрецедентный экономический рост 1850-х гг., ставший, по сути, основной причиной Крымской войны. Затем огромный биржевой и грюндерский бум, вызванный военными поставками, и отсрочивший на годы войны неизбежно наступавший кризис европейских экономик. После заключения Парижского договора, завершившего войну, он разразился с небывалой силой.

Кризис 1857 г. стал первым кризисом подлинно мирового масштаба. Почва для кризисов перепроизводства созрела к тому времени во всех развитых странах – в Англии, США, Франции, Пруссии и других германских государствах, Австрии. Но он превзошел все ему предшествовавшие. Даже такой острый кризис как в 1847 г., вызвавший революционную «весну народов». Он стал подлинным мировым кризисом по количеству пораженных стран. В острой форме он протекал даже в скандинавских государствах, вся торговля которых сосредотачивалась между Гамбургом и Лондоном. Волны рецессии накрыли экономики победивших в Крымской войне государств. Докатились далеко на восток, до проигравшей эту войну России.

inslav

Попробуем последовательно рассмотреть несколько сюжетов, которые позволяют, на мой взгляд, проследить тесную взаимосвязь Крымской войной с ритмами экономического развития европейских стран:

1) мотивы и причины Крымской войны;

2) влияние войны на экономическую ситуацию в воюющих странах;

3) динамика мирового экономического кризиса 1857 г.

Формально поводом для войны стало известие о том, что по просьбе Иерусалимского патриарха император Николай I в 1853 г. потребовал от турецкого султана уважать права христианской церкви и святынь в Палестине. Однако, русский посол не получил должных уверений и покинул Константинополь. Турция обратилась за поддержкой к Англии и Франции, которые выдвинули свои флоты для ее защиты. В ответ Россия попыталась занять придунайские княжества, прилегавшие к ее территории и находившиеся во власти Турции.

Эта версия была публично распространена в российском обществе уже в первые дни войны. На первый план выдвигалась моральная религиозная мотивация – России «издавно принадлежало право покровительствовать и защищать от притеснений диких турок более 14 миллионов христианского населения Турции». В России этой войне был придан сакральный характер борьбы христианского (православно-славянского) мира с исламом, поддержанным Западом.

Между тем, из дипломатических документов известно, что Николай I несколько раз откровенно предлагал Лондону «разделить» Турцию, чтобы Дунайские княжества, Болгария и Сербия стали самостоятельными государствами, но под русским протекторатом. Великобритании в этом случае достались бы Египет и Кандия (Крит)[1]. Помимо политических целей, российский император руководствовался экономическими соображениями. Россия стремилась укрепить свои торговые интересы на Дунае и поставить под контроль турецкий экспорт хлеба, который был основным конкурентом российскому хлебному экспорту. В случае установления протектората над княжествами, она смогла бы контролировать более 50 % ввоза пшеницы в Великобританию.

Дипломатический расчет Николая I строился на традиционном представлении, что Англии будет выгодно иметь в союзницах Россию, чтобы блокировать свою континентальную соперницу - Францию. Российский император самолюбиво полагал, что Великобритания

[1] Как отмечал Е.В.Тарле в своем значительном исследовании о Крымской войне, в начале 1853 года Николай I в разговоре с британским послом в Петербурге Дж. Сеймуром вернулся к теме, которую поднимал еще в 1844 году в беседе с Робертом Пилем. Судьба Константинополя не была решена, но Николай заявлял, что не планирует захвата этого города, но не допустит, чтобы он достался Англии или Франции (Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1. М., 2003. С. 144).

inslav

согласится с Россией на совместный раздел «турецкого наследия». Он не учел экономического прагматизма английского кабинета, тесно связанного с лоббистскими финансовыми и промышленными группами.

Английский ученый Д. Вернон Пюрьер еще в 1930-е гг. провел системный анализ реальных причин столь масштабного международного конфликта[1]. Англия, по его мнению, стояла перед альтернативой. Можно было поддержать Россию, поскольку ей был необходим российский рынок и в этом случае договориться о «расчленении» Турции. Но английский экспорт в Турцию продолжал неуклонно расти, и Англия имела там доминирующее положение. В соответствии с торговой конвенцией 1838 г., Турция превращалась в открытый рынок для европейских фабрикантов, что оказало в целом губительное воздействие для турецкой экономики. Но было очень выгодно английскому капиталу. По сути, это стало точкой пересечения основных интересов России и Великобритании. Претензии Николая I на дунайские и черноморские пути, равно как предложение о разделе важнейшего рынка сбыта и сырья для английского капитала могло быть расценено британским кабинетом только как «вызов», который мог перерасти в прямую угрозу восточным экономическим интересам Лондона[2].

---

[1] Puryear V.J. International economics and diplomacy in the Near East. A study of British commercial policy in the Levant, 1834-1853. Stanford, 1935. Эта же точка зрения впоследствии была поддержана в серии исследований: Anderson O. a Liberal state at war. English politics and economics during the Crimean war. London, 1967; Hughes J.R.T. Fluctuations in trade, industry and finance. A study of British economic development, 1850-1860. Oxford, 1960. В советских исследованиях в 1940-е годы также утвердилось представление о ключевом значении русско-английских экономических противоречий. Е.В. Тарле в фундаментальном исследовании по истории Крымской войне на основе огромного массива дипломатического архива показал, что экономическая мотивация значительно преобладала над идеологией. Он справедливо подчеркивал нарастание к середине 19 века конфликтов в экономической сфере между Англией и Россией (Тарле Е.В. Крымская война. Т.1. М.– Л., 1941 (второе издание – М-Л., 1950)). К этому же выводу пришел А. Г. Аполлов (Развитие торговых отношений между Россией и Англией после Крымской войны (1856-1858) // Исторические науки: научные доклады высшей школы. 1959. № 4. Золотов В.А. Внешняя торговля южной России в первой половине 19 века. Ростов-н/Д., 1963; Нифонтов А.С. Внешняя торговля России во время Восточной войны 1853-1856 // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. Существенное значение рынка России для внешней торговли Англии. Резкое увеличение ввоза в Англию сельскохозяйственной продукции России В.А. Золотов характеризует как признак подготовки к войне: предвидя в будущем прекращение морской торговли английские предприниматели усилили вывоз из России тех товаров, без которых Англии трудно было бы обойтись во время войны.

[2] В 1846-1850 гг. Россия вывозила приблизительно 5% собранного хлеба. В основном высококачественная пшеница. В российском экспорте зерновые составляли 35% и основным его потребителем была Англия (37%), вслед шли германские го-

inslav

Фактически все исследователи истории Крымской войны сходятся во мнении, что явной необходимости в военных действиях не было, как и не было дипломатического тупика в переговорном процессе. Войну можно было бы избежать дипломатическими методами. Тогда возникает вопрос, почему все-таки была развернута эта крупномасштабная операция на Кавказе, русском Севере, в Крыму, когда Франция, Англия, Турция, Сардиния, Австрия выступили единым фронтом против России? Основные причины, связанные с опасностью слишком активной политики России на Балканах, подробно исследованы в историографии[1].

Но не стоит забывать, что углубление российско-английского конфликта пришлось на небывалый циклический экономический подъем, который иллюстрирует следующая таблица[2].

сударства – 11 %, Франция – 10 %. (Выскочков Л. В. Николай I. М., 2003. С. 243; Тарле Е.В. Указ. Соч. Т. 1. С. 53; Stavrianos L.S. The Balkan since 1453. London, 2002. P. 321–327; Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 183–188. Россия в начале 1850-х годов расширяла свой хлебный импорт в Англию. Но все же до четверти всего зерна, поступавшего в Англию, приходилось на турецкие владения - Дунайские княжества и Египет. Дунайские княжества и проливы занимали важнейшее положение в морских торговых путях Великобритании. До трети всего судоходства по Дунаю шло под британским флагом.

[1] Особый интерес при изучении российско-европейских отношений имеет обзор А.Г. Жомини. Россия и Европа в эпоху Крымской войны (Вестник Европы. 1886. № 2–10). Этот материал был составлен по поручению министра иностранных дел России, канцлера А. М.Горчакова. А. Г. Жомини был его ближайшим соратником в 1863 году, доверенным человеком и дипломатом. Этот труд был впервые опубликован анонимно в Париже: Etude diplomatique sur la guerre de Crimee, 1852-1856. Par ancient diplomate, 2 t. Paris, 1874. (Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1. С. 195–196). См. также издания важнейших дипломатических материалам по истории Крымской войны: Akten zur Geschichte des Krimkriegs. Muenchen, 1980 (ser.1: Oesterreichische Akten zur Geschichte des Krimkrieges. Bd.1: 27. Dec. 1852 bis 25. Maerz 1854 ; Bd.2: 30. Maerz 1854 bis 9.September 1855) (такие же английские, прусские дипломатические документы периода крымской войны) The Crimean war: Living history/ Huntington: ELM, 1991; Oesterreichische Akten zur Geschichte des Krimkrieges / Bearb. Von A.M. Schop-Soler. Muenchen, Wien, 1980; Preussische Akten zur Geschichte des Krimkrieges / Bearb. Von W. Baumgart et al. Muenchen: Oldenburg, 1990 (Akten zur Geschichte des Krimkrieges/...); The Crimean War. Ed. By P. Kerr, G.Pye. London: Boxtree, 1997. 192 P. Обострение дипломатических отношений между Англией и Россией относится к 1849-1850 гг., когда после спада революционной волны в Европе обострился восточный вопрос. Конфликтные ситуации следовали одна за другой. Вхождение английской эскадры в Дарданелльский пролив осенью 1849 года и блокада Греции английским флотом в начале 1850 годов вызвали резкий протест в Петербурге.

[2] См. подробнее: Мендельсон Л. Экономические кризисы и циклы XIX века. М., 1949. С. 308. Экономические показатели на этот период нередко существенно расходятся. Это объясняется слабым развитием в середине XIX века экономической статистики и методов исчисления индексов роста. Но они отражают основные тенденции. Сравнительный анализ экономических показателей и коэффициенты их корреляции см., к примеру: Грегори П. Экономический рост Российской империи. С. 16–20; 37–55. Мендельсон Лев Абрамович был руководителем промышленного

instlav

Подъем в цикле 1847-1857 гг.

Показатели по странам	Годы предкризисных максимумов	Прирост в %	Отставание от Англии в 1847 году	Отставание от Англии в 1857 году
Добыча угля (в млн. т.)				
Англия	1846–1856	52		
США	1847–1856	156	39,9	55,8
Пруссия	1847–1856	123	39,9	57,4
Франция	1847–1856	52	39,5	60,2
Выплавка чугуна (в тыс. т.)				
Англия	1847–1857	83		
США	1847–1856	10	1219	2820
Пруссия	1847–1857	123	1797	3193
Франция	1847–1857	68	1440	2726
Россия	1846–1856	21	1817	3459
Потребление хлопка (в тыс. т.)				
Англия	1846–1856	45		
США	1849–1857	30	152	239
Пруссия	1845–1856	206	262	352
Франция	1846–1856	31	215	320
Россия	1845–1859	269	266	356
Экспорт				
Англия	1845–1857	103		
США	1847–1857	85		
Пруссия	1845–1856	98		
Франция	1847–1856	113		
Россия	1847–1857	15		

Из таблицы видно, что общий подъем 1850-х гг. демонстрирует рекорд основных показателей, и в то же время глубочайшую неравно-

сектора, доктором экономических наук. С 1917 по 1918 год он состоял в партии Поалей-Цион, еврейской социал-демократической рабочей партии, которая была в 1920-е гг. запрещена советской властью. В прошлом разделял идеи Троцкого. См. наиболее известные его работы, написанные под влиянием немецкой и российской традиций экономической мысли: Мендельсон Л.А. Послевоенные противоречия капиталистического хозяйства, М., 1947; Экономические кризисы и циклы XIX века. М.: Гос. изд., 1949; Из истории экономических кризисов и циклов // Проблемы современного капитализма. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959; Теория и история экономических кризисов и циклов. Т.1-2. М.: Соцэкгиз, 1959.

inslav

мерность. Темпы роста промышленности имели активную динамику в Англии и Пруссии, но снизились в ряде основных отраслях производства США. В период подъема возросло превосходство английской промышленности, а отставание других стран сильно увеличилось. Соотношение всех основных показателей – в пользу Англии. Особенно заметен рост прибыльности английского экспорта, прежде всего – хлопчатобумажных изделий.

Англия больше всех выигрывала от расширения мирового рынка в середине XIX века. По таблице видно насколько резко возросли доли внешних рынков. Из общего прироста промышленной продукции Англии расширение экспорта поглотило около 33–40%[1]. Именно в этом промышленном цикле внешние рынки стали мощным инструментом промышленного подъема. Он прошел, как известно, под знаком полной победы фритредерства. В 1853 г., накануне Крымской войны, сырье и полуфабрикаты были полностью освобождены от ввозных пошлин, а пошлины на промышленные товары снижены до уровня, не превышавшего 10 % их цены.

Россия, как видно из таблицы, слабо участвовала в этом циклическом подъеме. Только в одной сфере был достигнут прорыв европейского уровня. Это хлопкопрядильная промышленность, которая с самого начала имела концентрированную инфраструктуру. По размерам потребления хлопка Россия приблизилась к Германии, но еще сильно отставала от Англии, Франции, США. Тем не менее, стремясь защитить своих производителей, она продолжала удерживать высокую пошлину на импортную пряжу, составлявшую почти 50 % надбавку к цене. Это затрудняло конкуренцию английских фабрик на российском рынке и стало еще одним предметом разногласий между Лондоном и Петербургом.

Промышленное превосходство, огромное повышение удельного веса фабричного производства в экономике, абсолютное преобладание в морской торговле и судоходстве, финансовая мощь, серьезный экспорт капитала, – все это делало Великобританию не просто одной из великих держав, но ведущей великой державой, крепко державшей в своих руках основных нити мировой политики и экономики.

Посол России в Лондоне Ф.И. Брунов внимательно следил за дебатами в английском парламенте и статьями в ведущих журналах о целесообразности войны с Россией. Он докладывал в октябре 1853 года в Петербург о «неясной смеси коммерческих спекуляций,

[1] Mulhall M.G. The Dictionary of Statistics. London, 1909. P. 369. Более ранние издания – The Dictionary of Statistics. London: G. Routledge and sons, 1886; Industries and wealth of nations. London: Longmans, Green a. Co., 1896.

instlav

распространении железных дорог, политического влияния и протестантской пропаганды», которые играют здесь серьезную роль при возбуждении общественного мнения[1]. Напротив, английский истеблишмент имел четкие прагматичные соображения о необходимости устранения не в меру амбициозного конкурента на восточном направлении, тем более что достаточными ресурсами для такой активной политики Россия не располагала.

Решившись на столь масштабный конфликт, как Крымская война, Англия не только содействовала осуществлению своих экономических приоритетов, но, по сути, проводила ревизию принципов международной системы, установившейся на европейском континенте после наполеоновских войн. Ей требовался новый формат международных отношений, более соответствовавший интересам ведущей мировой державе.

Крымская война, рожденная геополитическими и геоэкономическими противоречиями России с этой самой мощной державой, была с воодушевлением поддержана европейскими деловыми кругами. Коалиционная война против России, которую возглавила Англия, должна была обеспечить европейскому (прежде всего – английскому) экспорту благоприятные условия на дунайских и черноморских торговых путях, сохранить выгодный рынок сбыта и сырья в ослабленной Турции, а также обеспечить не зависящий от России транзитный путь для английской торговли со странами Персидского залива.

Этот крупный военный конфликт вырос из динамичного экономического подъема начала 1850-х гг. Более того, он стал его мощнейшим рычагом, продлив на несколько лет фазу экономического процветания. Данные экономической статистики показывают, что в этом цикле дважды – в 1851 г. и в последнем квартале 1853 г. проявлялись признаки экономических трудностей в Великобритании и Франции[2]. Но Крымская война, в которую Англия и Франция вступили в марте 1854 г., по сути, сдержала падение производства и торговли. Она создавала значительный дополнительный спрос для металлической, шерстяной, судостроительной и др. отраслей промышленности. Даже в США война вызвала подъем судостроения и торговли судами.

---

[1] Указ. по: Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1. С. 348: Бруннов Ф. И. – Нессельроде. 9/21 октября 1853.

[2] Annuaire de l'économie politique et de la statistique. Par MM. Joseph Garnier et Guillaumin. Paris, 1855. P. 593. Это – известное издание по экономической и социальной статистике: Annuaire de l'économie politique et de la statistique de 1844 à 1867. Paris: Guillaumin et Cie, 1890. (редакторами были: Guillaumin, Gilbert Urbain (1801–1864); Garnier, Joseph (1813–1881); Block, Maurice (1816–1901).

inslav

Военные действия с 1853 по 1856 гг. велись не только на Балтике, Черном и Азовском морях, в Закавказье и Крыму, но и на Белом море и Тихом океане. Это была единственная война, которую вела Россия не только без единого союзника, но и без крупных внешних займов. Военные расходы воюющих составили (в млн. фунтов по курсу периода войны):

Страны	1852 г.	1853г.	1854г.	1855 г.	1856 г
Россия	15,6	19,9	31,3	39,8	37,9
Франция	17,2	17,5	30,3	43,8	36,3
Великобритания	10,1	9,1	76,3	36,5	32,3
Турция	2,8	?	?	3,0	?
Сардиния	1,4	1,4	1,4	2,2	2,5

(Источник: Kennedy P. The rise and fall of the Great Power. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 1900. London, 1989. P. 168–169)

В России общая сумма военных дефицитов составила 796 77 млн. рублей. Государство дважды вынуждено было прибегать к внешним займам у немецких банков по 50 млн. рублей под 5% годовых[1]. Но основным ресурсом войны были внутренние заимствования, правительство вынуждено было увеличь выпуск кредитных билетов к 1855 г. на сумму, превышавшую 215 млн. рублей. В результате в начале 1856 г. общая сумма внутренних и внешних долгов составила более 533 млн. рублей. В целом, сумма формального долга государства, включая довоенные внешние заимствования и разного рода внутренние долги достигла фантастической суммы в 1,5 млрд. рублей серебром[2].

С одной стороны, война чрезвычайно ухудшила экономическую ситуацию в стране, уничтожила примерно на 1 миллиард рублей ценностей, вызвала инфляцию. Размен кредитных билетов был приостановлен. За несколько лет в обращение была брошена огромная сумма – в 400–450 млн. рублей.

С другой стороны, она стала источником обогащения огромного количества интендантов – промышленников, военных поставщиков, государственных чиновников, обратившихся к биржевым спекуляциям.

[1] Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. История – статистика. СПб., 1882. Т. 2 С. 17–28

[2] Bezobrazov V.P. О некоторых влияниях денежного обращения в России – Über einige Einflüsse des Kapitalflusses in Russland. Moskau, 1863. S. 34. Безобразов В.П. О некоторых влияниях денежного обращения в России. М., 1863. С. 34. Впоследствии В.П.Безобразов обобщил свои исследования и наблюдения в книге: Безобразов В. П. Государственные доходы России, их классификация, нынешнее состояние и движение (1866–1872). СПб., 1872.

inslav

В. П. Безобразов, один из наиболее авторитетных русских экономистов, современник этих событий, свидетельствует: «из неудачных в военном отношении турецких походов, из опустошенного Крыма, из-под огнедышащих укреплений Севастополя воротились в Россию люди с огромными состояниями; внезапное промышленное оживление увлекло эти состояния; многие бросились на новые пути, которые, как всем казалось, открывались перед Россией. О сбережении накопленного, о благонадежном помещении капиталов никто не думал; все только и хлопотали о том, чтобы нажиться и обогатиться. Здесь следует упомянуть об акционерной лихорадке и о вызванном ею биржевом ажиотаже в столице». Высший пик биржевых спекуляций в России пришелся на 1857 и 1858 гг.[1]

Несравненно больший размах в период Крымской войны приобрели банковские и биржевые спекуляции в странах антирусской коалиции и Пруссии, воздержавшейся от военных действий. Не стоит, конечно, приписывать этот невероятный спекулятивный рост только военным заказам и поставкам. Особый размах во многом был обусловлен большим потоком в 1850-е гг. дешевого калифорнийского и австралийского золота, оседавшего в банках, стимулировавшего биржевую игру и грюндерство.

Главным центром различных финансовых операций стала Франция. Государственные расчеты по военным поставкам проходили в основном через банк Credit Mobilier, созданный близким кругом императора Наполеона III. Этот банк вообще стал одним из основных действующих факторов экономического подъема 1850-х гг. Он развил крупную финансовую деятельность, скупая акции и учреждая железнодорожные, промышленные, газовые, пароходные компании во Франции и за границей, участвуя в реализации государственных, железнодорожных и иностранных займов. С 1852 по 1854 гг. средний курс акций на парижской бирже утроился[2]. Страсть к биржевой игре охватила тогда все слои населения. В Париже издавалась одна крупная ежедневная биржевая газета, в Берлине – уже целых две.

Только за два года с 1856 по 1857 гг. было организовано более 700 акционерных обществ (из них с акциями на предъявителя 462 общества)[3]. На 1856 год пришелся пик учреждения банков. Они создавались во всех крупных и малых городах – в Вене, Берлине, Франкфурте, Бремене, Любеке, Бреслау, а также в Дессау, Майнингене, Ростоке. Капитал организованных в Пруссии в 1853–1857 гг. обществ

[1] Безобразов В. П. Указ. Соч. С. 32.
[2] Ormesson, W. d'. La Grande crise mondiale de 1857. Paris: Hartoy, 1933. P. 109.
[3] Block. Op. Cit. T. II. P. 250.

inslav

был приблизительно равен 1 млрд. 500 млн. марок, наибольшая доля которых приходилась на банковский сектор (600 млн. марок), затем – железнодорожный (420 млн. марок)[1]. Учетные операции Прусского банка выросли за период Крымской войны почти в 8 раз.

На фоне финансовых пирамид широкое распространение получила система дутых векселей, при помощи которых банки предоставляли огромные суммы фирмам, капиталы которых ни в коей мере не соответствовали объему полученных кредитов. Одни дутые векселя оплачивались другими, в качестве акцептантов векселей использовались люди, не обладавшие никакими средствами. В отчете английской парламентской комиссии приводился типичный пример одной фирмы, ведшей торговлю с Прибалтикой, которая в 1854 году обладала капиталом в 2–3 тыс. ф.ст., а к 1857 году задолжала 100 тыс. ф.ст., другая фирма – обладая 10 тыс. ф.ст. задолжала 900 тыс. ф.ст.[2]

В 1856 г. грюндерская горячка и биржевые спекуляции дошли до апогея. К середине 1857 г. цены на сырье достигли своего максимума – хлопок повысился по сравнению с началом 1857 г. на 37 %, бумажная пряжа – на 28 %, сахар – на 40 %, табак – больше чем на 100 %. Вздувание цен на сырье гнало вверх цены фабрикантов и затрудняло их сбыт. Тревожный симптом проявился в октябре 1856 года, когда существенно на европейских биржах снизились курсы акций. А уже осенью 1857 г. разразилась экономическая буря.

Дополнительным источником паники стало падение хлебных цен и банкротство крупных хлеботорговых фирм, вызванные сокращением экспорта в Европу. Там в 1857 г. был собран повышенный урожай, но на рынки хлынуло после Крымской войны относительно дешевое русское зерно. В США в 1857 г. было зарегистрировано свыше 5 тыс. банкротств. События в США развязали банковский кризис в Англии. Сначала рухнули фирмы и банки, имевшие огромные капиталы в Америке. Затем волна банкротств перекинулась на финансовые и промышленные дома, которые вели торговлю с европейским континентом, Австралией и Индией. Жертвами пали крупнейшие банки – Western Bank of Scotland в Глазго, имевший сотни филиалов, City of Glasgow Bank с 96 филиалами и др. Началось массовое паническое изъятие вкладов из банков[3].

---

[1] Wirth M. Geschichte der Handelskrisen. Frankfurt am Main, 1883. S. 310 (первое издание – Wirth Max. Geschichte der Handelskrisen. Frankfurt am Main, 1858. Waltershausen, A. Sartorius von. Deutsche Wirtschaftsgeschichte, 1815–1914. Jena: G. Fischer, 1923. S. 184–185.

[2] Evans. The History of the Commercial Crisis 1857–1858. London, 1859. P. 73–74.

[3] Evans. Op. Cit. P. 34; 51.

inslav

Держатели ценных бумаг и обязательств обанкротившихся банков и фирм потеряли 80 млн. фунтов стерлингов, а общие потери рынка ценных бумаг в Великобритании достигали 250–300 млн. ф. ст. На европейском континенте кризис принес наибольшие разрушения в центре морской торговли – Гамбурге. Гамбургская биржа 17 октября 1857 г. оказалась в панике, все основные коммерческие бумаги были обесценены. Во Франции волна банкротств за период с 1856 по 1858 гг. составила значительную цифру – 12 030.

В России этот кризис нашел более глубокое отражение, чем все предыдущие. Он проявился в сокращении объема внешней торговли, в особенности экспорта, уменьшении промышленного производства, значительном падении цен на промышленные изделия. Русская экономика становилась все более чувствительной к тенденциям мирового экономического развития. Грюндерский ажиотаж 1856– 1857 гг., стимулированный интендантскими «военными деньгами», послевоенная инфляция и быстрое расширение фабричного хлопкопрядения в период и после Крымской войны, – все это также подготовило почву для кризисных потрясений. Первый удар пришелся по русскому экспорту.

Вывоз	**Годы**	**Максимум**	**Минимум**	**В % падение**
Общий вывоз	1857–1858	169,7	151,2	11
В том числе				
Хлеба	1856–1858	58,2	51,7	11
Леса	1857–1858	6,0	4,8	20
Льна	1857–1859	15,1	13,2	13

(Источник: Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Под ред. В. Покровского. Т. 1. СПб., 1902. С. 105, 109, 115)

С началом фондового кризиса западноевропейские финансисты стали сбрасывать русские ценные бумаги. Их продажа стимулировалась также ростом недоверия к падающему рублю. Ценные бумаги скупались агентами правительства, которое пыталось удержать их курсы от падения, а также русскими капиталистами, поскольку в послевоенный период они давали больший доход, чем вклады в русские банки. Основные биржевые операции проходили в Париже, Лондоне и Берлине. Это вызвало большую утечку золота за границу. Всего из России было выкачано за 1857–1859 гг. золота на 73 млн. рублей. Отлив золота усилил затруднения на денежном рынке и привел к застою в торговле. За период с 1856 по 1857 гг. выплавка чугуна сократилась на 17 %; бумаготкацкое производство – на 14%; шерстоткацкое – на 10 %[1].

Лишь к началу 1860 г. экономическая ситуация начала выправляться.

[1] Шипов И. Куда и отчего исчезли у нас деньги? СПб., 1860. С. 33–34.

inslav

Возникновение новых центров силы во время экономического подъема шестидесятых годов

Выход из кризиса растянулся примерно на три года, в течение которых начиналось медленное оживление в отдельных сегментах экономики. Таблица, составленная Мендельсоном Л.А. на основе годовой отчетности, недостаточно точно отражает динамику выхода из кризиса, тем не менее, дает отчетливое представление о неравномерности отступления депрессии. В ней указаны годы, когда был превышен докризисный максимум[1]:

Отрасли	Англия	США	Франция	Германия
Потребление хлопка	1858	1859	1860	1860
Выплавка чугуна	1859	1864	1862	----
Добыча угля	1859	1858	1860	-----
Экспорт	1859	1860	1859	1860
Импорт	1860	1860	1861	1860

Как видно из таблицы, быстрее всех оправилась Англия. Она первая вступила в фазу нового промышленного и финансового подъема. Когда многочисленные банкротства расчистили пространство промышленного производства и торговли, а рыночные цены стабилизировались в соответствии со спросом, вновь стали оживать биржи.

Английская внешняя торговля за это время расширила потоки товаров в Индию, Китай и Персию. Логика дальнейшего развития стала более понятной. Преодоление кризиса перепроизводства возможно через стимулирование внешней торговли и экспорта, прежде всего в собственные колонии. Англия наиболее активно вывозила товары в Китай, Индию, Японию, Австралию, Калифорнию и Ближний Восток.

Франция включилась в закабаление Китая, в опиумные войны, усиливая свое присутствие в Индокитае и Северной Африке. В январе 1860 года между Англией и Францией был подписан договор о свободной торговле. Переговоры о его заключении вел крупный британский эксперт по экономической политике Ричард Гобден, а с французской стороны - Мишель Шевалье. Договор стал основой экономического и политического консенсуса двух крупнейших европейских государств, открыв простор для «торговли без границ».

Наполеон III пошел на сближение с либеральным кабинетом Пальмерстона, стремясь обеспечить Франции положение ведущей континентальной индустриальной державы. Победа в Крымской войне, затем победа в войне против Австрии 1859 г. сформировали у французской политической и деловой элиты убеждение, что мировая политика действительно делается в Париже. В начале 1860-х гг. На-

[1] Мендельсон Л. Экономические кризисы и циклы XIX века. С. 364.

inslav

полеон III объявил, что во главу угла большой политики будет поставлен «национальный вопрос».

Своеобразным апофеозом бурного экономического развития 1860-х гг. и одновременно ярким отражением новой «эпохи национализма» (по выражению Эрнста Геллнера) стали Мировые выставки. Первая была организована в Лондоне в 1851 г. Через четыре года состоялась вторая в Париже.

За рассматриваемый период были организованы сразу три международные выставки – в 1862 г. (Лондон); 1867 г. (Париж); 1873 г. (Вена). Такого выставочного размаха за столь короткий период больше не наблюдалось. Эти выставки, с каждым разом включавшие все большее количество павильонов, стали своеобразным отражением проектов коллективных идентичностей, с которыми выступили все ведущие европейские государства.

Индустриальное развитие становилось мерилом эффективности национального развития. На выставках 1855 г. и 1867 г. Наполеон III презентовал Францию как «ведущую экономическую державу европейского континента», а Париж как «мировой город».[1] Стремясь перекроить карту Европы, он поддержал сначала итальянский ирредентизм, затем – польское восстание 1863 г. Это вызвало серьезное охлаждение между Россией и Францией с Великобританией. Подтолкнуло Петербург и Вену к идеям реставрации Священного союза. В годы экономического подъема завязывались новые узлы политических противоречий. Франко-английское сближение поставило германскую, русскую и австрийскую дипломатии перед необходимостью искать пути к возобновлению прежнего союза.

Экономический подъем 1860-х гг. имел своеобразную динамику, которая определяла новую расстановку сил в мировой политике. Ритмы экономического развития выдвинули вперед два государства по разные стороны Атлантики. Оба смогли осуществить государственное объединение военным путем. Благодаря этому, в США и Германии сформировались условия для экономического роста.

Вновь, как и в период Крымской войны, инструментальную роль в этих параллельных процессах сыграли войны. Но каждая из них создавала двоякий эффект. С одной стороны, Гражданская война между индустриальным американским Севером и латифундистским Югом принесла инфляцию, расстройство финансов, отток английских капиталов и в целом сокращение европейских инвестиций. Но с другой стороны, дала мощный импульс индустриальному развитию на качественно новом уровне. В несколько раз выросла мощность во-

[1] Chronik des 19. Jahrehunderts. S. 422.

inslav

енных заводов, расширился парк механических двигателей. Столь интенсивное развитие напрямую стимулировалось военными заказами. Налоговая политика военных лет также способствовала концентрации производства[1]. Около четверти промышленного производства шло непосредственно для нужд войны, которая закрепила также протекционистскую политику. В шестидесятые годы в США начался быстрый рост швейных и обувных фабрик, тяжелой промышленности, машиностроения, увеличение добычи угля и чугуна.

Прусская армия, модернизированная Бисмарком, в 1864 г. при поддержке Австрии разгромила Данию, 1866 г., используя нейтралитет Франции, нанесла решающее поражение Австрии, отодвинув ее на второй план в европейской и германской политике. Третья победоносная франко-прусская (или франко-германская) война в 1871 г. открыла новую веху в истории Германской империи. Все шестидесятые годы Пруссия шла навстречу этой цели. Она смогла догнать и даже опередить Францию, которая раньше прочно держала первенство на европейском континенте. До Англии оставался еще один рывок. В германских землях организовывались металлургические заводы, домны, рудники, химические заводы, станкостроительные заводы, судоверфи, угольные шахты.

Война с Францией подвела черту под индустриальным и политическим соперничеством двух крупнейших государств на европейском континенте в 1860-е гг. Она дала импульс не только германскому, но и общеевропейскому экономическому развитию. Под влиянием войн в шестидесятые годы начался огромный рост вооружений. Модернизация военных флотов, строительство бронированных судов, массовое производство нарезных ружей, новшества в артиллерии, – эти потребности, вызванные войнами, перезапустили новые механизмы экономического цикла. На первый план стали выдвигаться перспективные сектора производства, требовавшие увеличение продукции угольной и металлургической промышленности. Но их развитие было обусловлено не только военным фактором.

Мощнейшим двигателем роста европейских экономик стало железнодорожное строительство. Во всех крупных городах стали возводиться величественные здания вокзалов, на фасадах которых эклектичные аллегории символизировали национальное и государственное величие. В них устраивались самые фешенебельные и модные рестораны. Залы ожидания для пассажиров первого

[1] Clark Victor S. History of Manufactories in the United States. Vol. 2. New York, 1929. P. II.

inslav

класса превращались в подобие светских салонов. Субботние и воскресные прогулки вдоль перронов становились самым популярным развлечением буржуазной публики, особенно в провинциальных городах. Таблица показывает темпы наращивания железных дорог (в тыс. км)[1]:

Годы	Всего в мире	США	Европа	Англия	Германия	Франция	Россия	Индия
Прирост за 1847–1857 гг.	57,7	31,0	25,4	8,9	4,7	5,7	0,8	0,3
Прирост за 1857–1867 гг.	74,8	22,4	44,2	7,6	6,7	8,2	3,9	5,1

Если в 1840-е гг. железнодорожная горячка охватила Англию, а в следующее десятилетие – США, то в этот циклический подъем наибольший прирост пришелся на США и Францию. Даже Россия смогла значительно увеличить свой железнодорожный потенциал, совершить прорыв в этой сфере[2]. Железнодорожное строительство в США стало самым эффективным средством преодоления кризисных ситуаций после окончания Гражданской войны. Под него отводились огромные массивы дешевой земли. Государство щедро предоставляло субсидии. Все это обеспечило высокую курсовую стоимость американских железнодорожных ценных бумаг, которые пользовались доверием и большой популярностью на европейских биржах. За период с 1863 по 1873 гг. США разместили своих акций за границей на 1300 млн. долл. Экспорт британских капиталов после Гражданской войны принял снова значительные объемы и попутно расчистил дорогу товарному потоку из Англии в США[3].

Из сырьевых материалов наиболее востребованными для этого цикла стали не хлопок, а каменный уголь и металлы. Хотя эпоха стали наступила несколько позже – в 1870–1880-е гг., уже к 1867 г. сразу две страны вырвались вперед. В Англии выплавлялось более 50 % всей стали, в Германии – 25 %. Прирост угольной промышленности

[1] Мендельсон Л. Указ. Соч. С. 379; Koenig W., Weber W. Netzwerke-Stahl und Strom 1840–1914. Bd. 4. Berlin, 1990. S. 78.

[2] Гливиц И.П. Железная промышленность России. СПб., 1911. Статистическое приложение. С. 41. См. также Гливиц И.П. Потребление железа в России. Экономико-статистический очерк со статистическими и графическими таблицами в тексте. СПб., 1913.

[3] Partington R. Railroad Purchasing and the Business Cycle. Washington, 1929. P. 43; Treue W. Eisenbahnen und Industrialisierung. Dothmund, 1987.

inslav

составил 126 % в США, 104 % – в Германии, 57 % – в Англии[1]. Такой стремительный рост угольной промышленности объяснялся ростом числа паровых машин на железнодорожном и водном транспорте.

Еще одной приметой времени стал беспрецедентный строительный бум, захвативший европейские столицы. По примеру Парижа с его новыми линиями бульваров, широкими проспектами и домами в несколько этажей с роскошными фасадами и парадными, стали перестраиваться многие столицы. Австрийский император Франц-Иосиф начал полную реконструкцию Вены, чтобы, по его выражению, австрийцы не в Париже, а в Вене смогли увидеть мировую столицу. Города покрывались строительными лесами, перерывались узкие средневековые улочки. Ветхие дворцы безжалостно сносились. Прокладывались широкие проспекты, вдоль них возводились новые дома, в которых причудливо смешивались аристократические и буржуазные пристрастия. Городское строительство развернулось с небывалой силой. Интенсивное приложение капиталов в разные сферы способствовало ускоренному процессу их концентрации. Повсюду создавались общества с ограниченной ответственностью, которые вбирали в себя банки, транспортные, промышленные и строительные кампании, отделения биржевых маклеров и торговые сети[2].

Мобилизация капиталов была возможна только путем эмиссии ценных бумаг. На европейских биржах после войн в США и Центральной Европе скопилась значительная масса ценных бумаг австрийского, венгерского, турецкого, русского происхождения. В основном это были бумаги железнодорожных концессий. Германский капитал активно инвестировал в австрийские и венгерские ценные бумаги, которые после австро-прусской войны были значительно обесценены. Также активно вкладывались средства в русские займы. После франко-прусской войны часть ценных бумаг перешла от Франции к Германии в качестве уплаты контрибуции. В результате помимо Лондона, признанного финансового мирового центра, усилился Берлин. Хотя Англия продолжала доминировать, крупные операции осуществлялись уже на биржах Амстердама, Берлина, Парижа. Если американские ценные бумаги выпускались в Лондоне по цене выше номинала, то русские эмитировались с понижением вплоть до минус 40 %. Из-за низкой кредитоспособности России

[1] Bolles Albert S. Industrial History of the United States. Boston, 1881. P. 201–202.

[2] Kroll F-L. Industrialisierung und Imperialismus // Chronik des 19. Jh. S. 575–576. В Англии было создано за период с 1869 по 1873 гг. более 4000 акционерных обществ, во Франции – 1170; в Германии – 928; в Австро-Венгрия – 642; в России – 301.

inslav

английские финансисты получали огромные доходы на эмиссии русских займов[1].

В эти годы в Германии возникли такие в будущем финансовые гиганты, как Deutsche Bank, Dresdner Bank, Kommerz- und Privat-Bank. Но финансовый бум неизбежно порождал невиданный размах жульничества и денежных афер в Лондоне, Париже, Берлине, Вене, США – повсюду, где создавались условия для проведения крупной биржевой игры. На финансовых рынках размещалось огромное количество государственных и муниципальных займов, на долю которых приходилось три пятых из 39 млрд. фр. мировой эмиссии ценных бумаг в 1871–1873 гг.

Несмотря на динамичных рост новых центров, особенно Германии и США, сила британских миллионов пока еще оставалась непоколебимой. Но в шестидесятые годы проявились первые симптомы внутреннего торможения роста самой мощной державы мира. Англия продолжала успешно наращивать торговые обороты, заниматься масштабными инвестиционными проектами и реэкспортной торговлей в США, Германию, Испанию, Италию, Россию.

Но в 1866 г. разразился первый серьезный кризис доверия к прочности британского фунта стерлинга. Настоящая паника захлестнула Лондонский Сити 11 мая 1866 г., когда в «черную пятницу» обанкротился крупнейший банковский дом Overend and Co. Он занимал ведущее положение, проводил широкие операции по финансированию строительства железных дорог и имел капитал в 10 млн.ф.ст. Ломбарт-стрит быстро запрудили толпы людей, осаждавших двери самых почтенных банков, пытавшихся заполучить назад свои вклады. Остро, как и в период кризиса 1857 г., стал ощущаться дефицит ликвидности. Поиски платежных средств спровоцировали массовый сброс ценных бумаг и катастрофическое падение курсов. Паника в Лондонском Сити была настолько сильной, что министр иностранных дел вынужден был обратиться ко всем послам с циркуляром, в котором им предписывалось укреплять веру в прочность британского кредита. Тем не менее, майская паника в Англии не вызвала в других странах значимых финансовых потрясений. Характеризуя течение этого кризиса, М.И. Туган-Барановский отмечал его финансово-кредитный характер[2]. Этот чисто английский кризис вызвал замедление темпов роста экономики Великобритании.

---

[1] Мендельсон Л. Указ. Соч. С. 437.

[2] Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. СПб., 1914. С. 128 (Tugan-Baranowski, Michael von. Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England. Jena, 1901; Les Crises industrielles en Angleterre. Paris:

inslav

Таким образом, экономический подъем впервые был обусловлен не столько оживлением английской промышленности, сколько ростом активности новых центров – Германии и США. В Англии же последствия кризиса 1866 г. оказались довольно тяжелыми. Оживление наступило несколько позднее. Импульс был дан не столько внутренним резервами, сколько внешним фактором – прогрессом американской индустрии, в которую были вложены английские капиталы. Стержень английской экономики – хлопчатобумажная промышленность долго не смогла стабилизировать резко скакнувшие вверх цены на сырье. Только в 1876 г. цены на хлопок вернулись к уровню 1860 г. Это был один из факторов, затянувший депрессивную фазу английского экономического цикла.

Если в США и Германии подъем был обеспечен иностранными инвестициями, то в Англии, напротив, экспортом капитала. За десятилетие, с 1867 по 1876 гг., она разместила в иностранные ценные бумаги около полумиллиарда фунтов стерлингов. В знаменитой работе Джона Гобсона «Империализм», поставившей в свое время диагноз динамике и качеству мирового роста, отмечалось, что с начала 1860-х гг. за двадцать лет общая сумма английских капиталов, инвестированных за рубеж, увеличилась более, чем в шесть раз[1].

Деловая активность Россия была выше, чем в предшествовавшие периоды. Но первая половина 1860-х гг. сопровождалась серьезным расстройством русской финансовой системы. Страна вступила в эпоху Великих реформ, тяжело поддаваясь модернизационным новшествам. В европейской геополитике Россия выступала как крупный игрок, обладавшей армией, сильной не столько своим снаряжением, сколько волей к победе. Но в развернувшейся инду-

---

M. Giard & E. Briere, 1913; Periodic Industrial Crises. A History of British Crises // Annals of the Ukranian Academy of Arts and Sciences in the United States. 1954; The Causes of Crises in the Capitalist Economy. The Industrial Cycle and the Causes of the Periodicity of Crises // Business Cycle Theory. London, 2002). Но сам финансовый кризис был тесно связан с общим кризисом хлопчатобумажной промышленности, вызванным резким падением экспорта из США в связи с Гражданской войной. «Хлопковый голод» привел к закрытию крупнейших фабричных центров, тысячи рабочих были выброшены на улицы без средств к существованию. Если в предшествовавшие циклы именно ткацкое производство было мощным рычагом экономического подъема, вокруг него аккумулировались основные капиталы, то в шестидесятые годы оно было вытеснено тяжелой металлургией и машиностроением.

[1] Гобсон Д. Империализм. Пер. с англ. Л., 1927. С. 61 (Hobson J.A. Imperialism. London, 1902); Jenks Leland Hamilton. The Migration of British Capital to 1875. New York- London, 1927. P. 281.

inslav

стриальной схватке ведущих держав она не смогла пока составить сильную конкуренцию.

Польское восстание 1863 г. вызвало резкий отток иностранных капиталов и обострение отношений с Англией и Францией. Хотя Россия смогла серьезно увеличить темпы наращивания железнодорожного полотна, но это не вызвало, как в европейских странах, подъема сопредельных отраслей производства. Ведь рельсы, паровозы, вагоны и все другие составляющие ввозилось из-за границы. Черные металлы, составлявшие 90 % внутреннего производства чугуна, ввозились в страну беспошлинно. Ввоз угля также был почти в два раза выше внутренней добычи[1]. Широкое железнодорожное строительство в России подпитывало скорее западноевропейскую тяжелую индустрию, чем отечественные отрасли. Ведь именно на Запад направлялись все основные заказы и поставки. Русская индустрия в этот период развивалась медленными темпами и оставалась отсталой и слабо конкурентной. Для дальнейшей модернизации стране требовались огромные иностранные инвестиции. Как известно, в 1867 г. Россия продала Аляску Соединенным Штатам за 7,2 миллиона американских долларов. Великобритания также хотела участвовать в этом торге, но Петербург предпочел соседство с США...

Мировой экономический кризис 1873 года

Гигантские финансовые комбинации обострили спрос на ликвидность. В Австрии средняя ставка по репортным операциям составляла 16–24 % , доходя даже до 60 %, как сообщает современник этих явлений[2]. Венская биржа в начале 1870-х гг. работала на повышенных оборотах. Огромный ажиотаж был вызван реконструкцией Вены и спекуляциями вокруг земельных участков под застройку. В 1872 г. среднее количество сделок на венской бирже оценивалось в 50 тысяч флоринов в день. В игре по-крупному принимали участие германские и английские капиталы.

С лета 1873 г. кризисные процессы стали развертываться стремительными темпами не только в Центральной Европе, но и в США. Американский рынок оказался переполнен иностранными товарами, что стало вызывать периодические сбои в реализации продукции. Параллельно с этим американские железнодорожные бумаги начали

[1] Блиох И. Финансы России в XIX столетии. СПб., 1882. Т. 2. С. 88–98; Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Под ред. В. Покровского. СПб., 1902. Т. 1. С. 232; статистическое приложение. С. 131.

[2] Neuwirth J. Die Spekulationskrisis von 1873. Leipzig, 1874. B.1. S. 10; B.2. S.18–19; 66–67. Rauchberg H. Oesterreichs Bank- und Creditinstitute in den 1872–1883 // Statistische Monatsschrift. № 11. 1885. S. 108–111.

inslav

испытывать трудности с размещением. Сжатие железнодорожного строительства и металлургического производства в США сначала воспринималось как временный спад. Но затем новости из Европы нанесли по всей американской экономике ощутимый удар.

С весны 1873 г. венскую биржу стало лихорадить. 9 мая в «черную пятницу» акции серьезно обесценились. В течение суток даже первоклассные респектабельные бумаги потеряли доверие. Кредитные операции были парализованы. Первая волна банкротства накрыла 300 фирм. Шлюзы, сдерживавшие панику, открылись. Финансовые рынки захлестнула волна страха и массовых банкротств. За период с марта по октябрь 1873 г. курсовая стоимость акций банков на венской бирже упала на 58 %, транспортных предприятий – на 20 %, строительных обществ – на 74 %, промышленных предприятий – на 49 %[1]. Негативная динамика усиливалась от месяца к месяцу. В мае кризис обрушился на Австро-Венгрию. С конца августа по ноябрь резкий спад ощутила Германия. В США основной удар пришелся на сентябрь и декабрь. До Англии кризис добрался в ноябре. Позже всех в эту полосу вступила Франция.

Осенью крах крупнейшей финансовой немецкой группы «Quistorpsche Vereinsbank in Berlin» породил всеобщий кризис доверия к финансовым инструментам. За обрушением банковского сектора последовала череда резкого спада в железнодорожном, строительном, судостроительном производстве. Разорялись крупные промышленные предприятия. На Уолл-стрит в Нью-Йорке банки и брокерские конторы трещали под напором вкладчиков, пытавшихся спасти свои депозиты. Впервые биржа в Нью-Йорке была закрыта на 10 дней. Этот кризис имел выраженный двойной характер. Он растянулся на шесть – семь лет. Тяжелее всех пришлось английской экономике[2].

Резкий спад обозначился сначала в 1873–1874 гг. После затяжной рецессии в 1878 г. все с надеждой констатировали признаки оживления. Но именно тогда европейские экономики вновь испытали резкий спад. Дважды – в 1873 г. и в 1878 г. на финансовых рынках происходило резкое обрушение курсовых цен. Дважды – волны банкротств «расчищали» экономическое пространство. Этот затяжной кризис пришелся на предельную фазу развития свободной торговли и дал мощный импульс зарождению картелей. Он охватил Австро-Венгрию, Германию, США и Англию, Францию, Россию, Италию и

[1] Ibid. S. 87: Wirth Max. Geschichte der Handelskrisen. Frankfurt am Main, 1890. S. 539; 569. См. также Oechlhäuser R. Die wirtschaftliche Krisis. Berlin, 1875.

[2] Wysocki J. Die oesterreichische Finanzpolitik // Die Habsburgermonarchie 1848-1918. B. 1. Wien, 1973.

inslav

Швецию, Бельгию, Голландию, растянулся вплоть до Египта и Аргентины. Исследователи этого кризиса констатируют, что именно он создал «Великую депрессию как международное явление»[1].

В условиях экономического кризиса обострились политические взаимоотношения между великими державами. В октябре 1873 г. был заключен по инициативе Бисмарка Тройственный союз между Германией, Австро-Венгрией и Россией. Он стал своеобразной реакцией консервативных держав на британские и французские стратегии расширения. Впоследствии германская внешняя политика постоянно использовала блоковую дипломатию, чтобы сохранять баланс сил на континенте в свою пользу и лишить Францию свободы рук в европейской политике. Но стремление Германии к реставрации Священного Союза отражало еще одну новую тенденцию – наметившееся противостояние британских и германских капиталов.

В России первое частичное падение производства и торговли было отмечено в 1872 г., вторичное – в 1876 г.[2] «Биржевые Ведомости» в 1873 г. сообщали об «эпидемии банкротств» в Москве, Казани, Новочеркасске и Одессе, вызванном венским финансовым кризисом[3]. Но Россия смогла раньше других европейских государств выйти из него. Стимулирующую роль вновь сыграл фактор войны. Правительство готовилось к войне с Турцией, а предвоенные мобилизационные мероприятия повлекли за собой крупные заказы промышленности. Военные заказы вызвали оживление отечественной промышленности. Подготовка к войне сопровождалась мощной идеологической кампанией с панславистскими мотивами. Общественный настрой был очень высоко патриотичным и воодушевленным. Россия вновь начинала свое продвижение на Балканы...

* * *

На протяжении почти тридцатилетнего периода, который был рассмотрен в статье, можно выделить ряд тенденций, необходимых, на мой взгляд, для понимания эволюции внешней политики европейских государств.

Во-первых, наступившая с середины XIX века «индустриальная лихорадка» в значительной степени изменила логику мировой политики. Территориально-политический масштаб конкуренции ведущих держав постепенно заменялся геоэкономическими стратегиями расширения. В государственной политике усиливалось пред-

---

[1] «Grosse Depression» bremst Aufschwung // Chronik des 19. Jh. S. 601.

[2] См. по Мировые экономические кризисы. Т. 1. М., 1937. Блиох И. Финансы в России XIX столетия. СПб., 1882. Т. 2. С. 230

[3] Биржевые Ведомости. 1873. № 137.

inslav

ставление, что преодоление экономических кризисов возможно только путем расширения экспортных потоков, увеличения зоны сбыта отечественной продукции.

С середины XIX века государственная политика ведущих держав все более концентрируется на необходимости привлечения иностранных инвестиций, стимулировании финансового рынка путем размещения государственных обязательств, создании условий для концентрации производства и капиталов. Все эти новые векторы государственной политики приобретают выраженный внешнеполитический смысл.

Во-вторых, войны в этот период получили новое инструментальное значение. По сути, они стали мощным рычагом расширения национального производства и подъема биржевых котировок. В ритмах экономического развития эти «войны нового типа» были способны либо отсрочить наступление кризиса, либо содействовать его быстрому преодолению.

Остается открытым вопрос: Можно ли говорить о совпадении экономических циклов с фазами международного развития? Поиск ответов требует больших системных исследований. Тем не менее, индустриальная эпоха, неизбежно ускорившая течение жизни европейских обществ, привнесла свою динамику и во внешнеполитическую реальность. Участившиеся со второй половины XIX века национальные и международные экономические кризисы ставили правительства перед необходимостью пересмотра прежних ценностных ориентиров и базовых установок в международных отношениях. Резко возросший фактор индустриальной конкуренции существенно изменял линии прежних противостояний и политических союзов.

П. Дойчман

СОПОСТАВЛЯЯ ДВЕ ИМПЕРИИ

Вскоре после осознания новой эпохи (постмодерна), которое стало распространяться в Западной Европе под влиянием книг Жана-Франсуа Лиотара «La condition postmoderne» (1979) и «Le postmoderne expliqu aux enfants» (1986), возрос интерес к предыдущей эпохе, к «классическому» модерну, который в экономически и политически наиболее зрелых культурах Европы наступил с полной силой в конце XIX – начале XX века. Вопрос, чем различаются эпохи модерна и постмодерна, сопровождавший дискуссию о постмодерне уже в силу образования термина «постмодерн(изм)» привел к тому, что эти эпохи подверглись более или менее отрефлектированному сравни-

inslav

тельному анализу. Различные описания оппозиции модерн – постмодерн можно легко предопределить: если в начале постмодерна он был осознан, прежде всего, как разрыв с установками модерна, то, напр., немецкий философ Юрген Хабермас, наоборот, подчеркивал, что освобождающий проект модерна нельзя считать законченным, что он продолжается с учетом современной критики его недостатков. Есть и третий вариант, который развивает мысль самого Лиотара: уже в разгар модерна можно наблюдать некоторые приметы постмодерна; напр., венские интеллектуалы и художники начала XX века пессимистически ощущали исчезновение основополагающих эпистемологических или философских систем опоры (легитимации), а подобное исчезновение является главным знаменателем эпохи постмодерна. По Лиотару, единственное различие между этими направлениями состоит лишь в том, что постмодернистские «современники» уже не так болезненно переживают этот недостаток легитимации, как поколение «молодой Вены».

Развивая идею о том, что сходства и различия между культурными явлениями конца XIX – начала XX века нельзя считать принципиальными, целая плеяда ученых в университете г. Грац в течение десяти лет (1995–2005) под эгидой видных специалистов исследовала специфику среднеевропейского, прежде всего венского модерна, сопоставляя феномены этой эпохи с явлениями нынешнего времени, после 1989 г. Установка на многогранные явления модерна, которые в различных сферах культуры отражаются с XVI века и которые, разумеется, с переходом в эпоху постмодерна, не исчезли, позволило в рамках проекта обширно рассмотреть культурные взаимоотношения внутри многонациональной Австро-Венгерской империи[1].

Возрастающее многообразие общества в эпоху модерна, которое сопровождаемое крупномасштабными изменениями в экономике, науке и технике, наблюдалось современниками во всех европейских культурах. специфика среднеевропейского модернизма лежит, пожалуй, в горизонтальном культурно-этническом разнообразии. Таково главное положение проекта, завершившегося в 2005 г. Исходя из него, Фолькер Мунц, немецко-австрийский специалист по истории австрийской философии и постоянный научный сотрудник грацского проекта, предложил применять положения и результаты проекта при исследовании Российской империи, которая в начале XX века сходным способом претерпевала изменения, сопровождавшие модернизацию общества.

[1] См. информативный веб-сайт проекта «Вена и центральная Европа около 1900»: (http://www-gewi.kfunigraz.ac.at/moderne).

inslav

В РГГУ нашелся заинтересованный партнер, и так возник международный межвузовский проект «Друг или враг. Сравнительный анализ полиэтничных государств Австро-Венгерская монархия и Российская империя около 1900», который начал свою работу с конференции по политической культуре обеих империй, «Механизмы власти в политическом, социально-экономическом, научном, художественном и повседневном контекстах многонациональных государств», состоявшейся в РГГУ в мае 2007 г.

Очередная конференция проекта была посвящена различным конфликтам в культурах Австро-Венгрии и России. Под заголовком «Сценарии конфликтов на рубеже XIX–XX веков: политические – социальные – культурные» в Граце 25–27 сентября 2008 г. встречались исследователи из России, Австрии, Германии и Италии. Сценарии конфликтов расположены на стыке действительности и фикции, реального и идеального, поэтому представленные на конференции доклады затрагивали вопросы из разных областей гуманитарного знания. Несмотря на широкий тематический диапазон конференции во всех докладах просвечивал исследовательский интерес к тому, как социополитическое и общественное положение в двух империях отражалось в этих различных культурах. Как определяла сложная политическая и культурная ситуация представления о будущих конфликтах и катаклизмах, что связывает topoi социополитической дискуссии с утопиями и дистопиями, возникшими перед Первой мировой войной?

Конференция открывалась двумя докладами об имени «славия»: кажущаяся эзотеричность этого теологического вопроса релятивировалась в докладе Вольфганга Айсмана, профессора славистики Грацского университета. Айсман проследил различные идейные связи имени «славия» с присущим русской культуре логоцентризмом. Последний, по мнению Айсмана, глубоко укоренился в slavii rossica: только в номиналистической критике постмодернистского склада логоцентризм ставится под вопрос. Айсман рассматривает логоцентризм как попытку задержать бесконечное скольжение означаемых под означающими, чтобы хотя бы в языке достичь надежной референции. Айсман провел сравнение с лингвистической философией раннего Витгенштейна (с его «Логико-философским трактатом»), от которой Витгенштейн впоследствии отошел, выдвинув концепцию языковых игр.

Наталия Кемпер-Бакши также подчеркнула общую значимость сути спора об имяславии, приводя параллели с религиозной философией Павла Флоренского, который в опровержение номиналистических теорий языка выдвинул сугубо логоцентрические идеи. В дискуссии к обоим докладам высказывалось мнение, что логоцентризм нельзя

inslav

считать водяным знаком православной культуры: подобные тенденции можно наблюдать также в культурной сфере западной церкви. В силу исторических обстоятельств, однако, лингвистическая философия – а в ее русле также исследования прагматических аспектов речи – не могли быть гласно обсуждаться в русской культуре в СССР середины прошлого века. Дирк Кемпер, профессор немецкой литературы РГГУ, показал на примере австрийского философа Фрица Маутнера, к каким формам текста может привести осознание недостаточности языка. Предлагая анализ книги Маутнера о критике языка под углом зрения перформативности текста, Кемпер смог убедительно объяснить замеченные уже современниками неоригинальные постулаты Маутнера.

Алексей Жеребин, специалист по австрийской и немецкой литературе модернизма, открыл в фиктивном «Письме Лорда Чендоса», одном из ключевых текстов литературы немецкой модернистской литературы, возможность трактовки, до сих пор не учтенной в бесчисленных анализах этого текста Хофмансталя. Студентам, изучающим немецкую литературу, это письмо знакомо по выраженному в нем скептицизму по отношению к языку. Согласно Жеребину, его следовало бы читать также с точки зрения разрешения этого скептицизма, перекликающегося с мифопоэтикой русских символистов, точнее, с соловьёвской идеологией Всеединства. В подобном русле трактовала итальянская исследовательница Кристина Беретта отношение русских декадентов-символистов к сексуальности: отвергая половые отношения по причине их низости, многие декаденты и символисты стремились к «возвышенному» сексу, соответствовавшему их установке на жизнетворчество. Параллель с критикой языка состоит в том, что в обоих случаях ставится под сомнение явление культуры и вместо этого критикуемого явления предлагается целиком осознанная, продуманная манера поведения или говорения. Этот тематический блок конференции, в котором обсуждался известный всем специалистам по модернизму топос критики (языка, «пошлости»), открыл новые перспективы именно в силу того обстоятельства, что докладчиков являются специалистами по «чужой» культуре, работающими вне территории культуры, которая их профессионально занимает, позволяла учитывать вторую культуру, вторую систему ценностей, в которой сходные проблемы современности – именно критика языка – решались другим способом. Уже в этом отношении сравнительная ориентация исследовательского проекта внесла свой вклад в трактовку европейского модернизма.

Тематический стержень конференции – конфликты и их воображаемое развитие – выделялся особенно выпукло в докладах ав-

inslav

стрийского социолога Сабины Харинг, Фолькера Мунца и московского историка Ольги Павленко. Первая представила информативную картину из истории профессиональной социологии в университетах австрийской монархии. Конфликт был для многих социологов ключевым понятием: незадолго до начала Первой мировой войны некоторые из них предвосхищали военные конфликты, ожидая крупных общественных перемен. Фолькер Мунц продемонстрировал на примере многостороннего австро-еврейского ученого Йозефа Поппер-Линкеуса, как опасения крупномасштабных социальных потрясений порождали общественные утопии, которые граничащие с тоталитарными решениями (усмотрев в продовольственном вопросе основную проблему современных обществ, Поппер-Линкеус предложил не только трудовую повинность, но и эвтаназию младенцев). До какой степени тогдашняя идея о войне отличалась от сегодняшней, стало ясно из доклада Ольги Павленко, которая на неопубликованных материалах из российских архивов показала готовность в обеих монархиях к решающей войне и более или менее точные сценарии развития конфликта.

Как утверждала историк искусства Эльфриде Вильтшниг в своем анализе словесной и изобразительный стороны романа Альфреда Кубина «Другая сторона» (1909), этот мрачный роман можно понимать как художественное предвосхищение распада монархии. В замысловатых апокалиптических образах воплощается конфликт старой империи с новыми – американскими – силами, столь же разрушительными, как старая власть. Немецкий социолог Маркус Грезер обнаружил неожиданные параллели между мультиэтнической столицей австрийской империи и тогда во многих отношениях передовым американским Чикаго. В отличие от Берлина, который управлялся политической элитой, всеобщее избирательное право в Австрии (с 1907 г.) приводило к – порой демогогическим – технологиям, объектом которых становились широкие массы. Эти технологиями пользовался, например, известный в те годы бургомистр Вены Карл Люгер.

Исторические перемены, генеалогию совсем другого варианта современного политического деятеля, сложившегося в условиях российского самодержавия, описал профессор РГГУ Александр Безбородов: русский революционер, идеологическими предками которого были народники и революционные террористы второй половины XIX века, после смерти Ленина уступил место бюрократам власти.

Многонациональность обеих империй, естественно, воспринималась современниками как их ахиллесова пята: в занимательном анализе дипломатических донесений русских консулов из венгерской части монархии Игорь Крючков, профессор истории Ставропольского

instaw

университете, подчеркнул, что русские дипломаты, несмотря на порой существенные различия в политических убеждениях, сходились в весьма скептической оценке перспектив развития дуалистической системы Австро-Венгрии, рекомендуя российским министрам иностранных дел не поддерживать национальные интересы подавленных народов, ибо те могли послужить примером народам Российской империи. Петер Дойчман, второй организатор исследовательского проекта, в своем анализе бурной дискуссии среди чешских историков перед Первой мировой войной высказал мнение, что удивительный запал в этом мнимом научно-методологическом споре, скорее всего, коренился в политическом конфликте чехов с немцами в конце XIX – начале XX века: на фоне этого конфликта противники ниспровергали взгляды друг друга, обвиняя оппонентов или в ненаучности, или в низкопоклонстве перед австрийской властью.

Что национальные конфликты народностей, как они изображены историками, нельзя всегда четко проследить на бытовом уровне, показал Хайнрих Пфандль на примере почтовых открыток из двуязычной части Штирии: явная националистическая пурификация началась только после распада австрийской монархии; при ее существовании наблюдается порой даже беспечная языковая гибридизация. Профессор Леонид Горизонтов из РГГУ, специалист по истории восточнославянских народов, упомянул в своем докладе курьезный случай 1910 г.: великорусский шовинизм обнаружил все свои противоречия, когда в подписанном Столыпиным циркуляре разным народностям, проживающим на территории Российской империи (в том числе евреям, украинцам, полякам), присуждался статус «инородцы». Эта министерская промашка, как представляется, нечаянно привела к усилению борьбы за идентичность у этих «инородцев».

Территория Галиции, принадлежавшая к обеим империям, стояла в центре двух докладов: Наталия Будникова указала на постоянное колебание между разными вариантами при разработке русинского литературного языка (как известно, до сих пор русины не перестали колебаться). Александра Штромайер подвергла основательной критике галицийский миф в австрийском литературоведении, сформулированный на основе работ Йозефа Рота. Если исследователь литературы, однако, и привлекает во внимание творчество авторов еврейского происхождения из Галиции, то идеализированный локус Галиции оказывается гораздо менее надежным. Скорее, идеал образуется после катастрофы, после изгнания; он не столько связан с конкретной областью, сколько с личной сферой и памятью о еврейской среде.

inslav

Рассчитанный на десять лет исследовательский проект в университете Граца имел один-единственный недостаток: в нем работали специалисты по разным гуманитарным дисциплинам, но в исследовательском ядре проекта немногие достаточно хорошо знали языки и культуру не только австрийских немцев, но и венгров, а также славянских народов империи Габсбургов. Для «баланса» были приглашены «сторонние» эксперты. Однако в центре внимания участников данной конференции в основном оказалась немецкоязычная культура. И все же этот австро-российский межуниверситетский проект, посвященный сравнению двух полиэтничных монархий, нельзя упрекнуть в игнорировании славянских и других народов на территории двух государств. При этом в будущем следовало бы обратить большее внимание на другие народы, особенно южнославянские в Габсбургской империи и неславянские в Российской империи.

Конференция в Граце показала, что разнообразие тематики докладов не обязательно должно превратиться в беспорядочное многоголосие. Участники дискуссии указывали на перекличку содержавшихся в разных докладах идей и понятий. Однако при составлении программы наилучшим решением была бы форма «круглых столов», на которых участники могли бы обсудить содержательное сходство и различие предмета исследования, а также методов его изучения. Это стоит опробовать на будущих конференциях. Разумеется, можно провести и более широкие конференции, посвященные модерну в Российской и Австро-Венгерской монархиях; но в этом случае исследователям будет трудно охватить все затрагиваемые проблемы. Поэтому тем более необходимы дискуссии, стимулирующие изложение сути проблемы, размышление, уточнение и окончательное определение позиций. Обычно это легче сделать не на самой конференции, а в ходе последующей работы. Организаторы обещают выпустить в 2009 г. сборник статей по тематике конференции (Konfliktszenarien um 1900: politisch – sozial – kulturell. Die sterreichisch-ungarische Monarchie und das russische Zarenreich um 1900. Hrsg. von Peter Deutschmann, Volker Munz und Ol'ga Pavlenko. Wien: Praesens 2009).

inslav

РАЗДЕЛ II. СЛАВЯНЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ С XI ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

О.А. Акимова

ХОРВАТИЯ НА РУБЕЖЕ XI-XII ВЕКОВ: СМЕНА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВЛАСТИ

Хорватское государство, возникшее в IX веке, завершило свое существование в конце XI века. Между тем именно к концу своей истории, в середине – второй половине XI века, при Крешимире IV (1055 или 1058–1074 гг.) и особенно при его преемнике Звонимире (1075–1089), оно достигло наивысшей точки своего развития. Источники времени Крешимира, принадлежавшего к династии Трпимировичей, которая правила в Хорватии с IX века, демонстрировали основные направления развития идеологии власти – прославление правящей династии, ее представителей и их деяний, почитание наследственной власти и социальной иерархической структуры государства[1]. Дмитрий Звонимир во время правления Крешимира был баном[2], причем весьма могущественным, о чем свидетельствует его женитьба на Елене, дочери венгерского короля Белы I (1061–1063) и сестре венгерских правителей Гезы I (1074–1077) и Ладислава (Ласло) I (1077–1095). Происхождение Звонимира неясно[3]; по всей видимости, он оказался на хорватском престоле из-за отсутствия у Крешимира очевидных наследников, однако видел себя продолжателем традиций правившей до него династии[4]. Корону и другие инсигнии власти он получил в 1075 г. по повелению папы Григория VII, а сопровождавший процедуру коронации договор с папой был составлен как вассальное соглашение в духе церковных реформ того времени[5]. По документам, вышедшим из канцелярии Звонимира, он

[1] Соответствующие формулы содержатся в основном в грамотах, вышедших из канцелярии Крешимира; Крешимир, в частности, акцентирует свое законное наследственное право на королевство своего деда и отца – Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae / Red. Kostrenčić M. Zagreb, 1967. V.I (далее – CD I). P. 105–106, 113.

[2] CD I. P. 115, 121, 129, 133.

[3] Предпринимались попытки доказать его связь с династией Трпимировичей (наиболее последовательно – Barada M. Dinastic

[4] См., например, подтверждение Звонимиром пожалований его «предков» (progenitorum meorum) (CD I. P.160). Крешимир для него – его «предшественник» (antecessor) (CD I. P.167).

[5] CD I. P. 139–141.

inslav

предстает сильным правителем крепкого древнего иерархического государства, державное величие которого поддерживалось папским престолом. Звонимир, очевидно, не оставил наследника, и после его смерти место правителя на короткое время занял болезненный родственник Крешимира (предположительно его племянник) Стефан.

Неизвестно, был ли у Стефана преемник и как было организовано управление в королевстве после его смерти. Согласно более поздним источникам (имени Стефана, впрочем, вообще не упоминающим), угасание хорватской королевской династии вызвало эпоху безвластия, политической неразберихи, междоусобной борьбы, захвата земель и стало, в конечном счете, причиной установления здесь власти венгерской династии Арпадовичей. Смена власти происходила постепенно, сначала при венгерском короле Ладиславе в 1091 г., а после его смерти – при короле Коломане (Кальмане) (1095–1116). В течение некоторого времени в конце XI века (а затем еще раз в конце XII века) часть этих земель принадлежала Византии. С конца XI века на некоторые далматинские города и острова Кварнерского залива распространялась власть венецианского дожа. В разных хорватских областях удерживали влияние хорватские феодальные семейства, становившиеся вассалами политических суверенов и со сменой власти менявшие своих сеньоров. Адриатические города проживали собственную политическую и культурную историю. До середины XI века они находились под властью Византии, образуя в ее составе особую административную область Далмация, а затем вошли в состав Хорватского королевства. Они развивались как коммунальные городские структуры со своей системой управления, права и социальной историей. В этих условиях многообразию вариаций в отношениях различных слоев хорватского и далматинского общества с верховной властью и между собой должна была соответствовать и многовариантность соответствующих им представлений о верховной власти.

Установление венгерского политического суверенитета в начале 90-х гг. не означало одновременного введения на хорватских землях организованной системы управления, хотя с самого начала Венгрия поддерживала особый королевский статус этих территорий. После того как Ладислав в 1091 г. занял часть Хорватии, он поставил там королем своего племянника Алмоша[1], который, впрочем, из-за

[1] См., напр., свидетельство, содержащееся в списках «Композиции венгерских хроник», относящихся к группе Венской (Иллюстрированной) хроники – Chronicon pictum Vindobonensis: Chronici Hungarici compositio saeculi XIV // Scriptores rerum hungaricarum. Bp., 1937. V.I. P. 406

inslav

возможного противодействия местной знати, вскоре вернулся в Венгрию. Когда в 1096–1097 гг. по территории Хорватии проходили крестоносные войска под предводительством графа Раймунда IV Тулузского, то, по описаниям хронистов этого похода, всякая власть здесь отсутствовала, более того, Хорватия предстала перед глазами крестоносцев пустой малонаселенной землей, с необработанными полями, с людьми, привыкшими к грабежам и убийствам[1].

Однако в каких-то частях страны в это время могли существовать островки прежней властной структуры. Это следует из рассказа венгерского историка Шимуна де Кезы в его Венгерской хронике (1285 г.) о хорватском короле Петре[2]. Другие источники о Петре не сообщают, так что неизвестно, когда и кто поставил его королем, и как это происходило[3]. По словам Шимуна де Кезы, резиденцией Петра был город Книн. Поскольку Книн был одним из центров и королевских резиденций раннего хорватского государства, организация Петром в Книне политического центра свидетельствовала о преемственности в государственном образовании Петра символов и идеологии власти Хорватского королевства. Шимун де Кеза пишет, что в 1097 г. король Коломан «направил войско в королевство Далмацию и уничтожил короля Петра, который, выйдя перед венграми в горах, которые называются Гвозд, потерпел поражение в этих горах и был убит. С тех пор до сего дня эти горы называются по-венгерски Patur Gozdia». Петр, таким образом, поджидал венгерское войско в горном массиве Гвозд, или Петрова Гора, отделявшем приморские области Хорватии от континентальных (Славония), и погиб в бою. Этот рассказ демонстрирует наличие организованного сопротивления новой власти, проходившего под знаком защиты Хорватского королевства. Неизвестно, насколько это сопротивление сохранилось в хорватской исторической памяти. Прямых свидетельств об этом нет, однако косвенно на существование какого-то предания может указывать следующий легендарный эпизод. В венгерской и хорватской исторической мысли преобладало представление о Звонимире как о последнем хорватском правителе, и в одном из вариантов легенды (возникшей примерно в XIV веке) о смерти Звонимира, последо-

[1] Подробнее см.: Klaić N. Izvori za hrvatsku povijest do 1526 g. Zagreb, 1972. S. 84–85.

[2] Simoni de Keza Gesta Hungarorum // Scriptores rerum hungaricarum. Bp., 1937. V.I. P. 141–194.

[3] Существует мнение о Петре как о бане Петре Свачиче, который упоминался в документах периода правления Звонимира: Šišić F. Povijest Hrvata. Zagreb, 1928. S.599–600; Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1971. S. 34–35.

inslav

вавшей от рук его же воинов, ему приписывалось участие в боевых действиях в месте Петрово поле[1].

Восприятие власти в ситуации конца XI века демонстрирует знаменитая глаголическая Башчанская надпись с о. Крк, выбитая около 1100 г. Плита с этой надписью была обнаружена в церкви Св. Люции, находившейся возле селения Башки. Церковь перестраивалась в начале XIV в. с использованием материала прежней церковной постройки, и Башчанская плита оказалась одной из плит покрытия пола, вследствие чего в надписи имеются некоторые утраты, хотя в целом смысл ее понятен. Она была составлена от имени аббата Држихи, настоятеля бенедиктинского монастыря Св. Люции, по всей видимости, на основе жалованной грамоты, выданной некогда монастырю Звонимиром. «Я, аббат Држиха, написал это о поле, которое Звонимир, король хорватский, дал в свое время св. Люции. Свидетель этого жупан Крбавы Десимир, Лики Мартин, Прибинег, посланник в Винодоле, Яков на острове. Я, аббат Добровит, построил эту церковь вместе с девятью братьями, в дни князя Козмата, владевшего своим краем»[2]. Примечательно, что в первой части земельное пожалование освящается авторитетом прежней властной структуры – Звонимира, его приближенных и местной знати, а о современной автору власти вообще ничего не говорится. Вторая часть надписи, сделанная другим аббатом, датируется лишь временем правления местного князя. Так что в «своих краях», по всей видимости, сохранялся авторитет прежней родовой знати

Некоторые документы из далматинских городов, относящиеся к началу 90-х гг. XI века, также демонстрируют неустойчивость и расплывчатость представлений о верховной власти. Такая неопределенность была обусловлена, с одной стороны, временем безвластия или непостоянством суверенной власти, а с другой – политической историей далматинских городов, долгое время находившиеся под византийским суверенитетом. Желание опереться на авторитет византийского императора в условиях невнятности венгерской власти в хорватских землях было вполне ожидаемо. В записях, копиях и обрывках документов из монастыря Св. Марии в Задаре, который в свое время был столицей византийской Далмации, сохранились сведения о некоторых деталях установлении венгерского суверенитета. Монастырь был основан в 1066 г. дочерью задарского городского главы

[1] Kurelac M. Povijesni zapis nazvan "Anonimna Kronika" u rukopisu naučne biblioteke u Zadru // Historijski zbornik. God. 23–24. Zagreb, 1970–1971. S. 369–371.

[2] Пер. по тексту в: Mihaljčić R., Steindorff L. Namentragende Steininschriften in Jugoslawien vom Ende des 7. bis zur Mitte des 13. Jh. Wiesbaden, 1982. S. 10–4. № 17.

insiav

(приора) Чикой с разрешения хорватского правителя Крешимира IV, с которым приор находился в родстве. Во время составления указанных документов аббатиссой монастыря была дочь Чики – Веченега. Характерна датировка одного из документов, выданного в 1091 г. задарским приором Драго, «когда в Константинополе императором был Алексей, во время, когда Ладислав, король паннонцев, войдя в пределы королевства Хорватии, поставил ей королем своего племянника Алма»[1].

Быстрое и кардинальное изменение политических условий и правил жизни означало болезненную смену политических и социальных ролей и должно было вызвать формирование соответствующих обстоятельствам взглядов на столь близкую еще историю конца своего государства и его правителей, историю утраты суверенитета. Представления хорватских и далматинских авторов XIII–XIV веков о Звонимире как о последнем правителе Хорватского королевства, возможно, были основаны не только на воспоминаниях о его могуществе, но и на позиции в этом вопросе венгерской историографии, на чем следует остановиться особо.

Завоевание Хорватии и Далмации королем Ладиславом стало изображаться в венгерских источниках уже вскоре после этого завоевания как осуществление наследственного права венгерского короля, поскольку жена Звонимира Елена была его сестрой, а Звонимир, как подчеркивали источники, умер бездетным. Причем поводом к завоеванию в разных источниках служили некие агрессивные действия самих хорватов. В сводной венгерской «Хронике» Яноша Туроци XV века, текст которой в соответствующей части представлял раннюю венгерскую анналистику, это событие представлено следующим образом: «(Ладислав) первым подчинил Далмацию и Хорватию постоянной королевской власти. Когда король Звонимир умер без детей, его жена, сестра короля Ладислава, тяжело притесняемая оскорблениями врагов своего мужа, просила во имя Иисуса Христа помощи у своего брата. За ее оскорбления король жестоко отомстил и полностью вернул ей Хорватию и Далмацию, которые потом она подчинила своему владычеству (suo dominio). Король сделал это не из-за жадности, но потому что по королевской правде ему принадлежало это наследство: именно король Звонимир был с ним в родстве первой степени, а наследников у него не было»[2].

---

[1] CD I. P. 200.

[2] Johannes de Thurocz. Chronica Hungarorum. I. Textus / Ed.E.Galántai, J, Kristó. Bp., 1985.

inslav

Власть Елены на якобы возвращенных ей землях не подкрепляется никакими источниками. Уже говорилось о том, что после завоевания Ладиславом части Хорватии, он поставил там королем своего племянника Алму – Алмоша. Поскольку прямых наследников у Ладислава не было, поставление Алмоша можно рассматривать как реализацию наследственного права венгерского правителя.

Елена в венгерской историографии оставалась ключевой фигурой в обосновании права короля на хорватские земли. В местной традиции, похоже, ее имя было надолго предано забвению. Сведения о ней и в связи с ее именем о наследственном праве венгров появляются лишь в более поздних хорватских источниках под влиянием официальной венгерской историографии. В ближайшем к описываемым эти события местном источнике – хронике Фомы Сплитского Звонимир называется последним членом правящей династии, королева Елена не упоминается, а завоевание, начавшееся в 1091 г., представлено не как утверждение наследственного права венгерского правителя, а как вооруженное вторжение без всякой связи с династическим преемством.

Появление в Хорватии войска венгерского короля изображается в хронике как акция по защите достоинства некоего хорватского магната, осуществленная по его же просьбе: « ...король Свинимир умер, не оставив наследника. Так что с угасанием всего рода королевской крови в королевстве хорватов уже более не было никого, кто должен был бы возвыситься по праву. Ввиду этого между всеми знатными людьми королевства стала затеваться великая вражда. И когда то один, то другой, движимый честолюбием, заявлял о своих претензиях на владение страной, начинались бесчисленные грабежи, разбои, убийства и всевозможные злодеяния... В те времена жил один из магнатов Славонии; измученный своими же соплеменниками многими обидами, изнуренный значительными потерями и не надеясь, что он сможет как-то противостоять этому злу, он отправился в Венгрию. Явившись тогда к королю Ладиславу, он ...убедил его выступить для завоевания королевства Хорватии и подчинить его своей власти; он вполне уверил его, что это можно сделать без труда, поскольку престол королевства был не занят». В хронике рассказывается об этапах подчинения хорватских и далматинских земель, причем акцентируется сугубо военный характер этой акции и называются причины быстрого поражения хорватов. «Король Ладислав, – пишет хронист, – без промедления собрал многочисленное войско ...и беспрепятственно занял всю землю от реки Дравы до Альп, которые зовутся Железными» (имелась в виду земля Славонии). Пе-

inslav

рейдя горы, «он начал осаждать укрепления и крепости ...Хорватии». А поскольку ее народ был разобщен и не было взаимной поддержки, Ладислав одержал легкую победу[1].

Таким образом, завоевание Хорватии оказывалось возможным из-за междоусобной борьбы, до крайности ослабившей страну. Вместе с тем для автора хроники было очевидным обращение представителя хорватской знати после смерти Звонимира за защитой именно к венгерскому королю. Так что представление о праве венгерского короля на хорватский престол, по всей видимости, было основой соответствующих преданий. Мотив обращения хорватов к венгерскому королю стал одним из устойчивых элементов предания о смене власти.

В конце XI века был заключен договор между венецианским дожем Виталом Михаилом и венгерским королем Коломаном, по которому Венеции отходили далматинские города, а Коломану – Хорватия, очевидно, в основном Славония, поскольку дож в это время имел титул «dux Dalmatiae et Croatiae». Но через несколько лет намерения Коломана изменились, и он предпринял успешный поход на территории Далматинской Хорватии. О его коронации на хорватской территории в Биограде-на-мору недалеко от Задара свидетельствует грамота из картулярия задарского монастыря Св. Марии, относящаяся к 1102 г. Акт коронации явно должен был продемонстрировать преемственность венгерской власти от прежней хорватской: «Я, Коломан, Божьей милостью король Венгрии, Хорватии и Далмации, после проведения совета (consilio) был коронован в Биограде-на-мору, в королевском городе» и далее сообщается о предоставлении им по просьбе его комитов королевской свободы женскому монастырю Св. Марии, чтобы монахини могли возносить молитвы Богу «за меня и за благосостояние моего государства»[2]. Приняв хорватскую корону в городе, где располагалась одна из резиденций хорватских правителей, Коломан становился, таким образом, законным наследником хорватских правителей, а точнее, в представлении династии Арпадовичей, наследником Звонимира.

Неизвестно, каким был ритуал коронации, что за совет предшествовал этому акту. Некоторые исследователи предполагают, что Коломан использовал символы власти Звонимира, но сведений об этом в источниках нет. В то же время самим фактом особой коронации Коломан подтверждал королевский статус Хорватии и Далмации

[1] Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997. С. 52–54.

[2] Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae / Ed. T.Smičiklas. V.2. Zagreb, 1904 (далее – CD 2). P. 9.

inslav

и равноправное положение этой территории в составе Венгерского королевства. Предоставляя привилегии именно монастырю Св. Марии, он тем самым демонстрировал готовность продолжать традиции прежней власти в Хорватии, поскольку монастырь находился на особом положении в Хорватском государстве, был в свое время основан по распоряжению Крешимира IV и получал королевскаие привилегии и многочисленные пожалования.

Документы монастыря Св. Марии сохранили некоторые существенные детали как установления власти венгерского короля в Задаре (очевидно, вооруженным путем), так и ее восприятия в городской среде. Одна из грамот датируется 1105 г., когда «королем Венгрии, Хорватии и Далмации» был Коломан, и далее уточняется – «в первый год, когда он как победитель (triumphaliter) вошел в Задар, а на епископской кафедре Задара был Григорий[1]. На стене колокольни монастыря Св. Марии имеется монументальная надпись того же 1105 г., подтверждающая, что Коломан одержав военную победу, смог занять Задар. При этом монастырю, видимо, отводилась важная идеологическая функция символа новой власти: «...после победы и пожалованной ему награды мира – входа в Задар, распорядился на собственный счет воздвигнуть эту башню для святой Марии Венгрии, Далмации и Хорватии король Коломан»[2]. В монастыре от имени Коломана было сделано еще несколько надписей, сохранившихся фрагментарно[3], но показывающих значение монастыря и Задара в утверждении прав Коломана на эти территории. Во всяком случае, в других местах подобных надписей не обнаружено.

Показательна датировка в стихотворной эпитафии аббатиссы монастыря Веченеги, умершей в 1111 г., в которой сообщается, что она преставилась в таком-то году от Рождества Христова «и на пятом году как нами владеет король Коломан (Nos habet e(st) annus quintus quo rex Colomann(us)», причем как об одном из основных ее дел сообщается о завершении строительства колокольни, начатой Коломаном[4]. Так что в Задаре уже вскоре после его подчинения венгерскому королю вполне осознавались новые политические и идеологические реалии и приоритеты и обнаруживалось стремление к созданию единого для всего Венгерского королевства идеологического пространства и готовность к вхождению в это пространство.

---

[1] CD 2. P. 15.
[2] Mihaljčić R., Steindorff L. Namentragende Steininschriften S.24–25. №33.
[3] Ibid. S.25, №34; S. 27, №37; S.28, №38.
[4] Ibid. S.26, №35.

inslav

Подчиняясь венгерскому королю, далматинские города получали взамен некоторые городские свободы и привилегии в отношениях с верховной властью, в том числе право выбора князя – главы городского управления. В рассказе из хроники архидиакона Фомы отразились исторические предания об установлении власти Коломана в Сплите. Хронист рассказывает, как Сплит оказал ему сопротивление, поскольку, по его словам, горожане страшились «попасть под власть неведомого и чужеземного народа». Когда же они узнали, что венгры – христиане и король не хочет им зла, если только они подчинятся его власти, то заключили с ним мирный договор, пообещав остаться верноподданными Коломана и его потомков. «Тогда король вошел в город и был встречен клиром и народом с большим почетом. И в тот же день, приняв от коммуны всевозможные знаки внимания и выдав иммунитетные привилегии, он отбыл»[1].

Заняв Далмацию, Коломан предоставил королевские права на Далмацию и Хорватию своему сыну Стефану, подтвердив тем самым особый королевский статус земель прежнего хорватского государства, находящихся теперь под его властью. Как выстраивалось в новых условиях представление о властной вертикали, показывает запись в «Задарском евангелиарии», пергаменном кодексе конца XI века, вышедшем из скриптория монастыря Св. Кршевана в г. Задар (хранится в Марбурге). В 1114 г. в него были вписаны имена представителей духовной и светской власти, которым провозглашались пожелания и хвалы на Пасху и Рождество (т.н. laudes). Так, здравицы возносились «благословенному (almifico) королю Венгрии, Далмации и Хорватии Коломану, преславному (clarissimo) нашему королю Стефану, Кледину, нашему славному князю (inclito nostro comiti)»[2].

А. С. Левченков

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ЧЕШСКОГО КОРОЛЕВСТВА В МОНАРХИЮ ГАБСБУРГОВ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВВ.

1526 г., когда к власти в Чешском королевстве пришла австрийская ветвь династии Габсбургов, стал отправной точкой более чем столетнего процесса интеграции Чехии в состав формирующейся австрийской державы. Изначально королевство было связано с Габ-

[1] Фома Сплитский. С. 52–54.

[2] Novak V. Neiskorišćavana kategorija dalmatinskih historijskih izvora od VIII. do XII. stoljeća // Radovi Instituta JAZU u Zadru. Zagreb, 1957. V.3. S. 59.

inslav

сбургами на основе личной унии. Место Чехии в формирующейся австрийской державе, система взаимоотношений между королем и чешской политической элитой, представленной, прежде всего, панским сословием, а также некоторыми представителями рыцарства и мещанства, были определены предвыборным реверсом и капитуляциями, составленными на основе политико-правовых норм, выработанных в течение предшествующего периода развития страны. В этих документах подтверждались важнейшие принципы существования в Чехии ненаследственной монархии, ограниченной сословно-представительными учреждениями, в первую очередь, сеймом – основным гарантом широких политических прав сословий и их религиозных свобод[1].

Такое положение порождало серьезные противоречия, являясь одним из главных препятствий политической интеграции королевства в состав австрийской державы. В течение практически всего XVI–начала XVII вв. политика австрийской династии была направлена на ограничение местных институтов управления и сословного представительства. В Вене были организованы независимые от сословных институтов и единые для всей обширной монархии совещательные и финансово-исполнительные органы: Тайный совет, Придворная канцелярия и Казначейство, впоследствии Военный совет. Данные институты были подконтрольны лично монарху и по большей части формировались из представителей немецкого, испанского или итальянского дворянства, что стало дополнительным барьером, разделявшим короля и его чешских подданных. Первым Габсбургом на чешском троне – Фердинандом I были запрещены собрания средней и мелкой шляхты – краевые съезды, общие собрания членов городских коммун, установлен контроль над формированием чешского королевского совета. В 1545 г. король вынудил сословия записать в «Обновленные земские доски» (сборник чешских законов и сеймовых решений), что стал королем не в результате свободных выборов, а на основании наследственных прав супруги Анны[2].

Вышеперечисленные меры, нанося удар по привилегиям сословной общины, тем не менее, не способствовали реальной интеграции королевства в состав австрийской державы. Внутренняя жизнь страны была практически неподконтрольна монархам. В течение большей части XVI в. австрийские Габсбурги сочетали меры по установлению контроля над управлением страной и повышением влияния на сеймовых заседаниях, в первую очередь, посредством

[1] Veselý Z. Dějiný českého státu v dokumentech. Praha, 1994. S. 141–143.
[2] Ibid. S.144.

inslav

замещения высших земских должностей своими ставленниками, с подтверждением основных привилегий сословий – участия и голосования в сеймах, в том числе, по важнейшим вопросам – утверждения кандидатуры наследника и сбора налогов. Это было обусловлено отсутствием у монархии широкой базы сторонников курса на укрепление центрального управления страной и ограничения политических прав сословий.

Одним из главных факторов, способствующих сохранению заинтересованности сословий Чешского королевства в максимально широкой автономии и противодействию политической интеграции, была конфессиональная ситуация. Важнейшим условием избрания всех Ягеллонов и Габсбургов (вплоть до избрания Фердинанда II в 1617 г.) было подтверждение ими легитимности функционирования гуситской церкви и обещание защищать права утраквистов. Реформация еще больше усложнила ситуацию. Чешские протестанты все чаще отправлялись на учебу в Германию, наблюдался приток в Чехию эмигрантов из соседних имперских княжеств[1]. Все это заложило основы тяготения чешских земель (в меньшей степени Моравии, для которой были характерны более развитые контакты с сословиями Венгрии и Австрии) к протестантским княжествам Германии как в экономической, так и в политической, идеологической и культурной сферах в противовес австрийским Габсбургам.

На протяжении большей части XVI в. австрийская династия следовала в русле мирной политики Католической реформы, не делая попыток запретить утраквистскую церковь в стране или серьезно ограничить возможности вероисповедания, хотя и старалась установить полный контроль над формированием консистории утраквистов и управлением этой организацией. Готовность королевской власти вести с протестантами диалог по религиозным вопросам, завершившийся устным обещанием Максимилиана II соблюдать Чешскую конфессию, данным в 1575 г., а также доступ некатоликов к высшим должностям в земском аппарате управления позволяли австрийским монархам поддерживать внутреннюю стабильность до конца XVI в., фактически являясь арбитром между двумя полярными силами.

Но Реформация привела к ряду негативных для стремления Габсбургов утвердиться в Чехии последствий с точки зрения перспектив постепенной мирной интеграции королевства в состав австрийской державы. Необходимость легитимации и защиты протестантских

[1] Эти вопросы подробно разобраны у Й.Клика: Klik J. Národnostní poměry v Čechách (od válek husitských do bitvy bělohorské). Praha, 1922.

inslav

учений подталкивала сословия земель не только Чешского королевства, но и всей дунайской монархии (включая австрийские и венгерские земли) к координации усилий по обеспечению религиозных свобод. Распространение реформационных течений все больше сближало часть чешских сословий с немецкими княжествами, в первую очередь, Саксонией – центром лютеранства и Пфальцем – центром кальвинизма[1]. Под влиянием обострения кризиса в отношениях между блоками имперских княжеств (Протестантская Уния и Католическая лига) менялась и политика австрийской династии, все больше ориентирующейся на программу Контрреформации, включая, в том числе, насильственные методы. В Чешском королевстве обострились отношения между неоутраквистами, членами Общины чешских братьев, с одной стороны, и католиками, с другой.

Нежелание австрийских Габсбургов предоставлять гарантии Аугсбургского мира всем протестантским течениям привело к выделению среди сословий королевства оппозиции, представленной преимущественно неоутраквистами, членами Общины чешских братьев и лютеранами, выработавшими общую программу, зафиксированную в положениях «Чешской конфессии» 1575 г. Борьба протестантской оппозиции проходила под религиозными лозунгами, однако конечной ее целью было обеспечение эффективного контроля сословий над законодательной, кадровой и финансовой политикой, так как только это могло гарантировать соблюдение прав протестантского большинства и неприкосновенность их земельных владений перед лицом поддерживаемой Габсбургами Контрреформации.

В течение всего XVI в. королевство продолжало оставаться обособленным регионом в составе австрийской державы. Австрийским Габсбургам не удалось добиться интеграции большей части чешской шляхты в рамках формируемой ими государственной модели, хотя монархами предпринимались определенные меры по привлечению представителей панского и рыцарского сословий (преимущественно из числа католиков) к придворной службе, заключению браков с представителями немецкого, испанского и итальянского дворянства, что способствовало формированию узкого слоя интернациональной политической элиты, ориентированной в большей степени на династию, а не на сословную общину.

[1] Некоторые крупные чешские исследователи конца XIX – начала XX вв., в частности, Йозеф Пекарж (Pekář J. Bílá Hora. Pr., 1921), отмечали, что восстание 1618–1620 гг. стало кульминацией борьбы между сторонниками прогерманской и проавстрийской ориентации. Несмотря на тенденциозность многих выводов Й.Пекаржа, нельзя не согласиться с огромным влиянием, оказываемым немецкими протестантами на чешское общество конца XVI – начала XVII вв.

inslav

Более активно интеграционные процессы протекали в культурной сфере. Здесь взаимодействие опиралось на многовековые контакты с культурной элитой различных регионов Священной Римской империи и других земель, вместе с Чехией оказавшихся в составе австрийской державы. Сильнейшим толчком к укреплению культурных связей Чехии с соседними регионами и активизации взаимодействия с самой династией послужил перенос Рудольфом II в 1583 г. императорской резиденции в Прагу. Чешская столица стала крупнейшим культурным и научным центром империи, куда стекались философы, художники, скульпторы, писатели, поэты, математики, астрономы и мистики со всей Европы.

В чешской историографии справедливо отмечается, что господство в обществе идеи ограниченной монархии и гуситской церкви наряду с необходимостью опираться на поддержку сословной общины для противостояния османской угрозе вынуждали Рудольфа II, как и его предшественников, искать компромиссы для достижения большей стабильности внутри страны[1]. Но одновременно близость монарха к своим чешским подданным наряду со сложной международной ситуацией заставляли искать возможности большего контроля над королевством. Переезд Рудольфа II в Прагу вызвал обостренный интерес к внутренней жизни Чехии со стороны переместившихся туда следом за императорским двором представителей Мадрида и римской курии, предложившей план рекатолизации Чехии[2].

Радикализация политики Рудольфа II и «католической партии» в его окружении по отношению к протестантам в кадровых и религиозных вопросах на рубеже XVI–XVII вв. инициировала рост активности оппозиции и расширение рядов ее сторонников[3]. Недовольство сословной общины усилением финансового давления на заключительном этапе Пятнадцатилетней войны (1591–1606) против Турции позволило оппозиции в Чехии и Силезии заручиться поддержкой значительной части общества и оформить военно-политический союз, в то время как ослабление королевской власти в результате

[1] В частности, на это обращает внимание чешский историк Йозеф Панек - Pánek J. K povaze vlády Rudolfa II v českém království// Folia Historica Bohemica, 18, Praha, 1997. S. 83.

[2] Petraň J. Staroměstská exekuce. Pr., 1985, S. 53. Различным аспектам политики папского Рима посвящена монография чешского историка Карла Стлоукала: Stloukal K. Papežská politika a cisařský dvůr pražský na předělu XVI a XVII věku. Praha, 1925.

[3] В 1596–1597 гг. папский и испанский посланники вместе с Рудольфом II разработали план замены протестантов на высших земских должностях сторонниками сильной королевской власти и Контрреформации. В 1597–1599 гг. ряд высших земских должностей в Чехии был замещен представителями радикального крыла католической партии.

inslav

династического кризиса создало благоприятные условия для силового давления на Рудольфа II, удовлетворившего в Маестате 1609 г. основные религиозные требования протестантов.

Значительное влияние на дальнейшее развитие конфликта между сторонниками сословного дуализма и интеграции Чехии в рамках единой централизованной австрийской державы оказал кризис 1611 г., который привел к концу политической деятельности Рудольфа II. Важнейшая роль в победе над вторгнувшейся наемной армией Леопольда Пассауского, которую сыграли чешские сословия, подтолкнула радикальную часть оппозиции к расширению своей программы, куда были включены требования об усилении самостоятельности сословий как во внутренней, так и во внешней политике.

Однако большая часть общества не поддержала идеи радикального крыла, так как они затрагивали, прежде всего, интересы представителей высших сословий. 1615–1617 гг. ознаменовались рядом серьезных уступок со стороны оппозиции, включая утверждение генеральным сеймом в 1615 г. налогов на пять лет вперед и принятие эрцгерцога Фердинанда Штирийского в качестве наследника Матиаса в 1617 г. Усилилось вмешательство Габсбургов во внутреннее управление, в том числе, в кадровую и религиозную политику.

Но жесткость политической линии Габсбургов не оставила руководству оппозиции иной альтернативы кроме попытки силового решения конфликта. Инициированное группой заговорщиков-радикалов восстание 1618–1620 гг. показало, что принципы сословного управления имели достаточно прочную поддержку в обществе. В ходе восстания произошло укрепление сословно-представительных институтов.

При этом усилилась прогерманская ориентация панской верхушки. Руководству восставших удалось инициировать и реализовать идею отказа от австрийских Габсбургов, низложив в 1619 г. Фердинанда Штирийского и избрав королем Фридриха V из династии пфальцских Виттельсбахов. Также Праге удалось, хотя и не сразу, объединить в борьбе за укрепление основ выборной сословно-представительной монархии усилия протестантской оппозиции всех земель австрийской державы и оформить с ними конфедерации, основной целью которых была борьба против Вены. Вместе с тем, конфедерации с моравскими, австрийскими и венгерскими сословиями, хотя и способствовали временному усилению позиций восставших, в значительной степени удовлетворяли партикуляристским интересам местных политических элит и в условиях вооруженного противостояния сильнейшему противнику оказались нежизнеспособными. Приход к власти в Чехии Фридриха Пфальцского, проводящего политику укрепления

inslav

позиций Виттельсбахов и опирающегося на верхушку шляхты, преимущественно из числа сторонников реформатской церкви, также в итоге не способствовал консолидации общества, наоборот, отдалил от восстания мещанское и рыцарское сословия.

Официальный отказ чешских сословий от австрийской династии и избрание монарха из пфальцских Виттельсбахов нарушили баланс сил в Священной Римской империи в пользу группы радикально настроенных реформатских князей и создали угрозу самому существованию Габсбургов в Центральной Европе, что привело к перерастанию чешского восстания в общеевропейскую Тридцатилетнюю войну. Восставшие, поставленные перед необходимостью сражаться одновременно против армий империи, Испании и Католической Лиги во главе с Баварией, активно поддерживаемых папской курией, при недостаточной военно-политической помощи из-за границы и отсутствии массовой поддержки внутри общества, потерпели сокрушительное поражение.

Решительная победа Вены над сословной оппозицией, стоившая крови десятков тысяч их подданных, обеспечила прочное вхождение Чешского королевства в состав австрийского государства почти на три века (до 1918 г.). В период, непосредственно следующий за поражением восстания 1618–1620 гг., начался процесс складывания основ абсолютной монархии в Чехии. Военная победа австрийских Габсбургов была закреплена репрессивными мерами, включающими казни и конфискации имущества участников восстания. Насильственная рекатолизация позволила не только вернуть большинство населения Чехии в лоно римской церкви, но и одновременно окончательно решила проблему оппозиционно настроенного протестантского дворянства и мещанства, вынужденных покинуть территорию страны. Эмиграция и наделение короля правом жаловать дворянское звание привели к радикальному обновлению состава панского и рыцарского сословий, которые были почти полностью онемечены. Новую шляхетскую элиту составили люди, полностью лояльные династии, интегрированные в габсбургскую модель централизованного государства. Законодательно результаты победы Фердинанда II были закреплены в «Обновленном земском устройстве» 1627 г., зафиксировавшим важнейшие изменения в структуре государственного управления земель Чешской короны, резко снизившие зависимость монархии от сословных институтов и открывшие дорогу для дальнейшей модификации государственного устройства королевства как неотъемлемой части централизованной австрийской державы.

inslav

О. В. Хаванова

СОЦИАЛЬНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ И ИНТЕГРАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ XVIII ВЕКА: СЕМЕЙСТВО РЕДЛЬ

Рубеж XVII–XVIII веков был для Австрийской монархии периодом войн и территориальной экспансии[1]. Неудачная осада османами Вены в 1683 г. положила начало войне Священной лиги, в ходе которой габсбургская армия развернула крупномасштабное наступление на юго-восток[2]. В результате области Венгрии, более полутора веков находившиеся под властью Оттоманской Порты, оказались освобождены и воссоединены с королевством[3]. Обширная область Банат сохранила административное и военное подчинение Вене[4]. Повсеместно началась работа по восстановлению экономической и социальной инфраструктуры. Это потребовало привлечения человеческих ресурсов, будь то колонисты, осваивавшие пахотные земли, коммерсанты, налаживавшие торговлю, или чиновники, обеспечивавшие интеграцию территории в административные структуры монархии[5]. Именно в южной Венгрии, Хорватии-Славонии или Банате в те годы брали

---

[1] Hochedlinger M. Austria's Wars of Emergence: War, State and Society in the Habsburg Monarchy, 1683–1797. London; New York, 2003.

[2] Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII век – 1849 г. / Под ред. Т. М. Исламова, В. И. Фрейдзона, И.И. Лещиловской. М., 1980. С. 17–75; История Балкан. Век восемнадцатый / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2004.

[3] Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 245.

[4] Из работ последних лет см.: O'Reilly W. Agenten, Werbung und Reisemodalitäten. Die Auswanderung ins Temescher Banat im 18. Jahrhundert // Migration nach Ost- und Südosteuropa vom 18. bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts: Ursachen – Formen – Verlauf – Ergebnis / Hrsg. von M. Beer. Stuttgart, 1999. S. 109–121 (Schriftenreihe des Instituts für Donauschwäbische Geschichte und Landeskunde. 4); Born R. Bollwerk und merkantilistisches Laboratorium. Das Temeswarer Banat in den Planungen der Wiener Zentralstellen (1716–1778) // Grenzregionen der Habsburgermonarchie im 18. und 19. Jahrhundert: ihre Bedeutung und Funktion aus der Perspektive Wiens / Hrsg. von H. Ch. Maner. Münster, 2005. S. 37–49; Krischan A. Das Banat – Kaiserliche Provinz im Südosten, 1718–1778 // Österreich und die Banater Schwaben. Festschrift. An der Schwelle zum 100-jährigen Jubiläum des Verbandes der Banater Schwaben Österreichs (1907–2007). Ehrengabe für Franz Klein zum 85. Geburtstag / Hrsg. von H. Dama. Wien, 2006. S. 33–47.

[5] Ср.: Костяшов Ю. В. О немецком цивилизационном влиянии на сербов в Австрии в XVIII веке // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время / Отв. ред. С. В. Кретинин. Воронеж, 2002. С. 53–70.

inslav

начало многие успешные карьеры. Там сколачивались состояния[1] и делались первые шаги в политическую элиту. Так, например, взошли к вершинам власти будущие президент и вице-президент Венгерской казенной палаты – дворяне, впоследствии возведенные, соответственно, в княжеское и графское достоинство – Антал Грашшалкович (1694–1771) и Пал Фештетич (1725–1782).

В те края, где предстояло заново воссоздать и местную администрацию, и сословные институты, устремлялось по собственной воле или направлялось венскими ведомствами немало иноземцев, не имевших венгерских корней. Вену устраивало в них то, что они не были связаны с политическими элитами королевства и превыше всего ставили интересы государственного фиска. Иностранцев же, готовых терпеть лишения и неудобства в далеком, опустошенном войнами крае, подвергать себя опасностям, сопряженным с далекими разъездами, рисковать здоровьем во время вспышек эпидемий и пр., привлекала возможность более быстрого продвижения по службе. Некоторые из них, попав в те края по воле случая, связывали – не на одно поколение вперед – судьбу с Венгерским королевством.

Одним из семейств, обязанных своим вхождением в этнически пеструю элиту Габсбургской монархии службе на далеких южных рубежах, стали будущие бароны Редль фон Роттенхаузен-унд-Растина[2]. Если от этого рода и сохранился архив, то его местонахождение еще предстоит установить. В Венгерском национальном архиве несколько документов, имеющих отношение к этой семье, включены в фонд рода Влашичей[3], с которыми Редли находились в родстве. За неимением других источников их историю можно попытаться восстановить по письменным обращениям к властям, будь то просьба о повышении по службе или прошение о выделении пенсии. Скупые строчки петиций к монарху и ведомственных представлений на высочайшее имя содержат сведения о карьере Редлей и крупицы информации об истории семейства[4].

---

[1] Ср.: Soós I. Esterházy Pál és a Neoacquistica Commissio // Századok. 2009. 143. évf. 4. sz. 801–852. old.

[2] Это семейство не имеет ничего общего с полковником Альфредом Редлем (1874–1913), начальником контрразведки австрийского Генерального штаба и русским шпионом накануне Первой мировой войны.

[3] Magyar Országos Levéltár, Budapest (далее – MOL). P. 1444. Wlassics és Redl családtagok, 1758–1942.

[4] К вопросу о методологии проблемы см.: Хаванова О.В. Карьерные стратегии в монархии Габсбургов второй половины XVIII век в зеркале обращения на высочайшее имя // Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2008. С. 230–250.

instav

Основателем этой бюрократической династии стал австриец Йозеф Редль (? – 1763). Дед его Фридрих, офицер-артиллерист, геройски погиб в 1683 г. под стенами осажденной османами Вены. Отец, Фердинанд Редль, также избрал профессию военного[1]. Известно, что Йозеф поступил на службу в венскую Придворную казенную палату в 1717 г., следовательно, родился он не ране 1700 г. О первых годах службы известно крайне мало, лишь то, что она протекала в так называемой Австрийской Валахии – области Османской империи, присоединенной по Пожаревацкому миру 1718 г. к подвластной Габсбургам Трансильвании. В 1736 г. Редля назначили генеральным инспектором, в 1739 г. направили казначейским директором в Белград. Однако уже через год, когда эти территории вернулись под османское владычество, чиновнику пришлось подыскивать новое место работы.

Для Йозефа Редля, считавшегося к тому времени уже опытным управленцем, в распоряжении венской Придворной казенной палаты не нашлось никакой подходящей вакантной должности. На юге же Венгрии ощущалась острая нехватка квалифицированных кадров. Так судьба чиновника оказалась связанной с королевством. В 1740 г. его произвели в советники, но не перевели в комфортабельную административную столицу – Прессбург (совр. Братислава – столица Словакии), а поручили управлять владениями короны в южно-венгерском комитате Бач-Бодрог[2] и заведовать казначейской и военной кассой в Сегеде. Пристальное внимание венского двора к этому стратегически и экономически важному региону понятно: Габсбурги остро нуждались в свободных денежных средствах, и источником пополнения казны служила аграрная и к тому же богатая природными ресурсами Венгрия. Ведь, как говорилось выше, искушенные в управлении и финансах иностранцы, не боявшиеся трудностей и опасностей, сопряженных с жизнью и работой в отдаленных краях, охотно принимались на службу, а со временем – фактически или номинально – инкорпорировались в венгерское дворянское сословие.

Титул советника, как было принято в ту эпоху, не более чем морально компенсировал Редлю неудобства и лишения службы по-

[1] О деде и отце Йозефа Редля говорится в королевской грамоте, даровавшей в 1808 г. его внукам баронский титул. См.: MOL. Magyar Királyi Kancellária Levéltára. A 57. Libri Regii (далее – A 57). 62. köt. P. 275.

[2] Инструкцию с перечислением должностных полномочий и служебных обязанностей см.: Österreichisches Staatsarchiv, Wien (далее – ÖStA). Allgemeines Verwaltungs-, Finanz- und Hofkammerarchiv (далее – FHKA). Hoffinanz Ungarn (далее – HFU). Fasz. r. Nr. 776. 28. Jun. 1743. Fol. 434–445.

inslav

четным, но не денежным поощрением[1]. Опять-таки чиновнику урезали жалование с 1200 до 1000 гульденов. Это было связано не с недовольством руководства, а с нехваткой средств и, как следствие, режимом жесткой экономии. Поселившись в административном центре комитата – Зомборе (совр. Сомбор в Сербии), где еще живо ощущались следы осады времен войны за независимость 1703–1711 гг. под предводительством Ференца II Ракоци, Редль проводил время в разъездах по краю, неся свою «весьма многотрудную и сопряженную с немалыми неудобствами, заботами и лишениями службу»[2]. Остается только догадываться, чего стоило Редлю навести порядок в уплате налогов, сдаче казенных имуществ в аренду, распределении подрядов и пр. В 1753 г. начальство выхлопотало ему повышение жалования до 1500 гульденов и придало секретаря для ведения делопроизводства. В то же время выполнение многочисленных разовых финансовых поручений и комиссий, отнимавших время и силы, дополнительно никак не оплачивались и не премировались. Пожалуй, Редль имел все основания повторить за венгерским офицером Яношем Федьверешем: «Все годы службы, вплоть до сегодняшнего дня, я провел главным образом в особых подразделениях и командах, что, как правило, сопровождалось постоянными разъездами и большими расходами. И если бы всякий раз я не выполнял данные мне поручения к полнейшему удовлетворению родного полка, разве падал бы выбор и впредь на меня, а не на кого другого?»[3].

Назначенный в 1748 г. президентом Венгерской казенной палаты Антал Грашшалкович умело сочетал личную преданность императрице с верностью венгерской сословной «конституции». Он слыл «патриотом», предпочитал в переписке, где это было возможно, использовать венгерский язык и не благоволил «иноземцам», которых немало было, прежде всего, во вверенном ему ведомстве. Отношения Редля с Грашшалковичем строились на прагматических основаниях. С одной стороны, администратор Редль так и не стал доверенным лицом, «клиентом» своего начальника. Известен случай, когда президент, не терпевший возражений в кадровых вопросах, лично отменил одобренную Палатой по представлению Редля кандидатуру и вписал имя

[1] О подобной практике в габсбургской армии пишет австрийский историк Михель Хохедлингер в связи с возведением в дворянское достоинство офицеров-простолюдинов. См.: Hochedlinger M. Mars Ennobled. The Ascent of the Military and the Creation of a Military Nobility in Mid-Eighteenth-Century Austria // German History. 1999. Vol. 17. Nr. 2. P. 141–176.

[2] ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 841. 21. Jun. 1753. 514r.

[3] Письмо Яноша Федьвереша Анталу Каройи от 12.V.1780 г. см.: MOL. Károlyi család levéltára. P 398. Missiles. 39. d. Nr. 17550.

inslav

своего назначенца[1]. С другой стороны, Грашшалкович как никто был способен оценить деловые качества бачского администратора, поэтому не спешил заменять его на столь ответственном посту кем-либо из «своих людей».

За десять с лишним лет Редлю удалось добиться увеличения поступлений в казну с 44 тыс. до 100 тыс. гульденов в год, а к 1760 г. они составляли уже 140 тыс. гульденов. Это стало возможным, прежде всего, вследствие заселения пустующих и заброшенных территорий трудолюбивыми колонистами. Редль находил предприимчивых агентов, которые вербовали крестьян, готовых осваивать далекие края. Всего усилиями чиновника было заселено 16 (по сведениям другого источника – 17) деревень и местечек. Например, в 1756 г. Казенная палата потребовала от чиновника возродить поселение Ходшаг, и в 1763 г. там уже проживало около 300 немецких семей. Советник Антон Коттман с удовлетворением отмечал, что улицы широкие и опрятные, население живет в достатке, приступило к строительству католического храма[2].

Дешевизна тамошней земли привлекала дворянское сословие: аристократы скупали крупные компактные наделы, дворяне и зажиточные горожане охотно приобретали или брали в бессрочную аренду пустоши и даже заболоченные местности. Сам Грашшалкович прославился тем, что не упускал возможности округлить свои к тому времени обширные владения, прибегая к имеющимся в его (как президента Палаты) распоряжении ресурсам. Он открыто говорил о необходимости сочетать личный и государственный интерес, понимая это как право сначала позаботиться о себе и только потом – об общественном благе. Нет сомнений, что рачительный помещик и ответственный государственный муж в одном лице служил примером своим подчиненным в том, как ответственно исполнять служебные обязанности и при этом обеспечивать себе и своим потомкам материальное благосостояние и социальный престиж[3].

В 1759 г. Йозеф Редль получил австрийское дворянство и приставку к имени «фон Роттенхаузен». В дворянском дипломе для вдовы и потомков, изданном Венгерской королевской канцелярией в 1765 г., упоминается также, что годом раньше, в 1758 г., чиновник получил личное дворянство в Венгрии[4]. Тогда же он заложил основы благосостояния семейства – прикупил большой участок в Келебии близ Сабадки (совр. Суботца в Сербии). К началу XX века Редли уже

[1] Fallenbüchl Z. Grassaklovich Antal. Gödöllő, 1996. 39. old.
[2] Borovszky J. Magyarország vármegyei és városai. Bács-Bodrog vármegye. Bp., 1909.
[3] Fallenbüchl Z. Op. cit. 67. old.
[4] MOL A 57. 47. köt. P. 238.

inslav

превратятся в крупных, по местным меркам, помещиков, возведут импозантную усадьбу, построят неоготическую церковь.

Редль давно искал возможность перевестись из далекого Бача в Прессбург или Вену. Это не только скрасило бы чиновнику остаток жизни, но и позволило бы дать детям (их, как говорилось в одном из его прошений, в 1760 г. было пятеро) приличествующее образование с меньшими усилиями и затратами[1]. Большинство учебных заведений Венгрии были сосредоточены на не знавших османского владычества севере и северо-западе. Образование понималось в тогдашней дворянской среде и как сумма знаний, и как усвоение господствующих норм и поведенческих практик, и как инкорпорация в сословную среду[2]. Дворянский титул открывал карьерные возможности, о которых простолюдин не мог и мечтать, посему новоиспеченный дворянин Редль искал любую возможность, чтобы воспользоваться преимуществами вновь обретенного статуса.

Когда в 1760 г. умер советник Венгерской казенной палаты Иоганн Антон Дешан фон Ханзен, у Редля появился шанс перебраться в Прессбург. Уроженец Эльзаса, Дешан (изначально его фамилия писалась «де Жан») в 1714 г. поступил квартирмейстером на службу в габсбургскую армию, в 1719 г. вышел в отставку и был принят в штат Венгерской казенной палаты. Подобно Редлю, он объездил самые глухие уголки отвоеванного у османов Баната, переселял немецких колонистов на опустошенные территории, инспектировал соляные и медные шахты, проводил ирригационные работы на реке Сава, боролся с эпидемиями в крае, во время войны с Портой в 1735–1737 гг. осуществлял поставки продовольствия армии[3]. Казалось бы, лучшей замены Дешану, чем Редль, было не найти[4], тем более что на его

[1] Чиновники нередко мотивировали свою просьбу перевести их из отдаленных городков и поселков, где они десятилетиями несли государеву службу, в города, включенные в образовательную инфраструктуру, ссылаясь на то, что лучшей наградой за выслугу лет им станет возможность дать детям приличествующее образование. Например, Иоганн Георг Пруннер под этим предлогом просил перевести его из деревушки Зимань в южно-венгерском комитате Шомодь в славонский город Эсек (совр. Осиек в Хорватии). См.: ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 886. 5 Maji 1759. Fol. 75v.

[2] Ср.: Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784. СПб.: Алетейя, 2006.

[3] Послужной список Дешана фон Ханзена подробно изложен в венгерской дворянской грамоте, выданной ему в 1744 г. См.: MOL A 56. 40. köt. P. 4–6.

[4] Судьбы членов этих семейств еще не раз пересекутся. Например, в 1776 г. сын Дешана, Йозеф, будет просить назначить ему жалование делопроизводителя, первоначально закрепленное за сыном покойного Редля – Францем, который к тому времени уже перевелся в Придворную казенную палату в Вену. См.: MOL Magyar kincstári levéltárak. Magyar Kamarának regisztratúrája. E 47. Cancellariae et registraturae necnon postae negotia, item honorifica et gremialia, necnon extraordinaria (далее – E 47). 20. cs. Nr. 217 ex Apr. 1776.

inslav

должность в Баче уже подыскали достойного кандидата – опытного управляющего казенными имуществами в комитате Комаром Франца Ферберта. Президент венской Придворной казенной палаты граф Рудольф Хотек в представлении писал государыне: «Вышеназванный администратор Редль за сорок три года своей долгой, верной и полезной службы и в силу накопленных заслуг достоин милости и снисхождения вашего священнейшего величества, особенно принимая во внимание, что в таком преклонном возрасте силы начали его оставлять». Однако императрица рассудила: «Редль останется там, где был, ибо там он полезен и необходим, а в качестве компенсации положить ему на воспитание детей 500 гульденов в год»[1]. (Сумма в 100 гульденов на одного ребенка была обычной в подобных случаях). Такое решение следует расценивать как высочайшую оценку профессионализма и лояльности Редля, как признание незаменимости на столь ответственном посту. Впрочем, эта резолюция уже через год была пересмотрена, и три последних года жизни престарелый советник прослужил в Прессбурге.

В конце ноября 1763 г., по дороге из Дьера в Прессбург, Йозеф Редль скоропостижно скончался, оставив вдову с четырьмя детьми: двумя мальчиками Францем тринадцати лет и Фердинандом одиннадцати лет, и двумя девочками, восьми лет и четырех месяцев[2]. Иными словами, из упомянутых в прошении 1760 г. пятерых детей за прошедшие годы двое, по-видимому, умерли в младенчестве. Судя по опубликованному в начале XX века списку воспитанников престижной венской школы – дворянского Терезианского коллегиума[3], в 1763/1764 учебном году там обучался старший сын Редля – Франц. Таким образом, задача инкорпорации детей в дворянские элиты монархии начала решаться еще при жизни советника. Остается гадать, оплачивал ли он учебу сына из собственных средств или получил на эти цели (что случалось нередко) целевое денежное вспомоществование от властей.

Вдова, как это было принято в бюрократической и офицерской среде, обратилась к императрице с прошением о назначении ей и малолетним детям пенсии. По закону чиновничьи вдовы, оставшиеся без средств к существованию, имели право претендовать на третью часть жалования покойного супруга. Прежде чем вынести вердикт,

[1] ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 903. 5 Nov. 1760. Fol. 179v–180r.

[2] Ibid. Ungarisches Camerale (далее – UC). Fasz. 29. Fasz. r. Nr. 604. Subd. 1. Nr. 85 ex Febr. 1764. Fol. 303r.

[3] Gemmell-Flischbach M. Album der k. k. Theresianischen Akademie (1746–1913). Verzeichnis sämtlicher Angehörigen der k. k. Theresianischen Akademie (einmals k. k. Theresianische Ritterakademie) ... mit kurzen biographischen Daten. Wien, 1913. S. 37.

instlav

венская Придворная казенная палата запросила достоверную информацию о материальном благосостоянии семьи. Выяснилось, что «овдовевшая просительница вполне в состоянии вести приличествующей ее положению образ жизни». Принять решение было непросто, ведь, как справедливо напоминал президент Палаты, «речь о назначении ей пенсии может идти с тем меньшими основаниями, что в подобных ситуациях принимаются во внимание не только заслуги, но и, в первую очередь, бедность и нужда»[1]. С другой стороны, сорок с лишним лет безупречной службы в ведомстве были все-таки сочтены достаточным основанием, чтобы выделить вдове с четырьмя сиротами искомую пенсию в 500 гульденов.

На этом государевы милости к семейству Редль не иссякли. В 1765 г. в знак признания неустанных усилий покойного чиновника по повышению доходов фиска и улучшению управления краем вдове Анне Марии Редль вместе с детьми Францем, Фердинандом и Юлией был дарован венгерский дворянский титул[2]. Можно сказать, что старший сын Франц поступил в Терезианум австрийским дворянином, а вышел из стен школы еще и дворянином венгерским. О его пребывании в коллегиуме практически ничего не известно. В дворянских школах той эпохи было принято отмечать выпускные экзамены брошюрами с содержанием учебного материала, по которому держал ответ воспитанник. Иногда такие брошюры подшивались к книгам, торжественно презентовавшимся по случаю экзамена. Расходы в таких случаях брали на себя родители, или учебное заведение, или казна. Однако, похоже, позаботиться о такой символической репрезентации сироты Франца Редля было попросту некому. Во влиятельной придворной газете «Wienerisches Diarium», где регулярно публиковались сообщения об экзаменах в дворянской школе, что носила имя императрицы, фамилия «Редль» также не упоминается[3].

Четыре года в Терезианском коллегиуме стали лучшей подготовкой к поступлению на государеву службу. Изучение естественного права, камеральных наук, иностранных языков, всеобщей истории, основ физики и математики давали необходимые знания и кругозор, а близость ко двору и соседство за партой с сыновьями первых вельмож закладывали основы будущей успешной карьеры. В 1769 г. Франц Редль (1750?–1801) поступил на службу в Венгерскую казенную палату на

[1] ÖStA. FHKA. UC. Fasz. 29. Fasz. r. Nr. 604. Subd. 1. № 85 ex Febr. 1764. Fol. 264v.

[2] MOL A 57. 47. köt. P. 238–240.

[3] Подробнее см.: Хаванова О. В. Патриотизм под знаком верности династии: венгерские воспитанники Терезианума и венский двор // Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений XI–XX вв. Памяти Т. М. Исламова / Отв. ред. А.С. Стыкалин. СПб., 2009. С. 84–101.

inslav

скромную должность внештатного практиканта, не предусматривавшую жалования, но открывавшую возможность набраться опыта и быть замеченным начальством. Этим назначением он был обязан доброму имени покойного отца и деятельной заботе овдовевшей матери. В ту эпоху не было редкостью, когда убеленные сединами отцы ходатайствовали за своих взрослых сыновей, не имеющих послужного списка или делавших лишь первые шаги в карьере. Если отца не было в живых, эту миссию – при поддержке коллег покойного мужа – брали на себя заботливые матери[1].

Из неоднократных прошений Анны Марии Редль становится известно, как произошло зачисление Франца в штат. В сентябре 1771 г. в обращении на высочайшее имя вдова писала: «На всеподданнейше направленное государыне рекомендательное письмо его превосходительства президента Венгерской придворной палаты графа Грашшалковича о моем старшем сыне Франце Редле мне было всемилостивейшее через господина надворного советника и кабинет-секретаря Пюхлера при личной встрече сообщено, что поелику в Венгерской палате в настоящее время нет вакансии на испрашиваемое место делопроизводителя, моего сына могли бы принять на какую-нибудь другую должность»[2]. В том же 1771 г. молодого человека повысили из практикантов в письмоводители, однако так и не положили никакого жалования.

Ситуация, с которой столкнулся молодой человек, была следствием кадровой политики в центральных ведомствах монархии. Главным принципом продвижения по карьерной лестнице там считалась постепенность. Количество штатных должностей, обеспеченных заработной платой, было ограничено, и назначения производились только в случае увольнения или смерти одного из чиновников. Преимущественным правом на вакансию обладал тот, кто дольше других проработал на «предыдущей ступеньке» и выказал себя при этом особенно усердным и смышленым. Чиновникам в самом начале карьеры приходилось не один год оставаться за штатом и трудиться безвозмездно, накапливая опыт и выслуживаясь перед начальством. Это могли себе позволить молодые аристократы, для которых несколько лет на государевой службе были формой вхождения в административную элиту, или служилое дворянство, чей имущественный

[1] О прошениях матерей о зачислении детей в дворянские школы монархии Габсбургов в эпоху Марии Терезии см.: Khavanova O. Materinská starostlivost' a šlachtické vsdelávcie inštitúcie // Žena a právo: právne spoločenské postvenie žien v minulosti / Ed. T. Lengyelová. Bratislava, 2004. S. 244–255.

[2] ÖStA. FHKA. UC. Fasz. 1. Fasz. r. №. 3. Subd. 2. Nr. 76 ex Sept. 1771. Повторное прошение сходного содержания вдова подала через год. См.: Ibid. № 7 ex Dec. 1772.

inslav

статус, как в случае Франца Редля, допускал подобную инвестицию в будущую карьеру.

Франц Редль внимательно следил за всеми кадровыми перемещениями в Казенной палате, регулярно направляя императрице прошения с просьбой о назначении его на то или иное вакантное место[1]. Молодой человек, изучавший основы эпистолярного стиля и делопроизводства в Терезианском коллегиуме, составлял свои прошения в полном соответствии с требованиями корпоративной этики. Сначала он напоминал о многолетней верной и полезной службе родителя (при этом вольно или невольно «округлял» выслугу (1717–1763) до сорока семи лет!). Затем Редль перечислял свои собственные заслуги: два года практики в юридических вопросах при директоре королевских доходов Пале Слави, а также владение делопроизводством на немецком языке. Наконец, он апеллировал к монаршему состраданию, ибо, несмотря на высочайшую резолюцию включить его в штат Казенной палаты, продолжал трудиться безвозмездно. Характерно, что (подобно многим своим однокашникам) чиновник никак не упоминал учебу в Терезиануме. Новейшие письмовники и учебники делового стиля уже рекомендовали молодым людям начинать поиск работы с упоминания полученного образования[2]. Однако инерция мышления (или власть традиции) в бюрократической среде была столь сильна, что практические навыки ценились гораздо выше школьной учености.

Корпоративная культура той эпохи базировалась на двух основополагающих принципах: взаимодополняющем единстве родовых и личных заслуг и сочетании меритократии с филантропией. С одной стороны, добросовестная служба отцов и дедов была необходимым условием продвижения детей по карьерной лестнице, а собственные знания, умения и достижения – условием достаточным. С другой стороны, выбирая между двумя и более достойными кандидатами на должность, нередко предпочтение отдавалось тому, кто находился в более стесненных обстоятельствах. Оказаться при такой «гибкой» системе кадровых назначений хотя бы одним из трех рекомендуемых для утверждения было крайне непросто. Например, когда весной 1774 г. в Казенной палате подбирали достойного кандидата на место секретаря, то «зрело взвешивали способности, особые заслуги, по-

[1] MOL. E 47 14. cs. № 511 ex Jun. 1773; Ibid. Nr. 566 ex Sept. 1773; ÖStA. FHKA. UC. Fasz. 27. Fasz. r. №. 591. Subd. 1. Nr. 126 ex Dec. 1773. Fol. 228r.

[2] Justi J. H. G. Anweisung zu einer guten Deutschen Schreibart und allen in den Geschäfften und Rechtsachen vorfallenden schriftlichen Ausarbeitungen zu welchen Ende allenthalben wohlausgearbeitete Proben und Beyspiele beygefüget werden. Wien, 1774.

inslav

знания в языках и выслугу лет каждого из соискателей, равно как их опыт и прочие качества». В числе 11 кандидатов фигурировал и Франц Редль, однако его, скорее всего, сочли пока недостаточно опытным, так что даже не включили в финальную тройку. Назначения удостоился Имре Хавор – старательный, прилежный работник, двадцать два года (дольше всех соискателей) прослуживший в ведомстве, блестяще освоивший делопроизводство на латинском языке, но – из-за принадлежности к «старой гвардии» – слабый в немецком деловом стиле[1].

Впрочем, в том же 1774 г. произошли изменения к лучшему. Председатель Венгерской казенной палаты граф Фештетич порекомендовал Редля на освободившееся место письмоводителя в главном финансово-экономическом ведомстве монархии – столичной Придворной казенной палате, которой подчинялась Королевская палата в Прессбурге. Вице-президент венского ведомства граф Коловрат в сентябре 1774 г. писал: «Он будет вызван сюда, чтобы предстать перед самим президентом Придворной казенной палаты и путем принятого в таких случаях испытания показать свои способности, о которых похвально отозвался граф Фештетич»[2]. Вскоре успешно выдержавший экзамен Франц Редль принес присягу и приступил к служебным обязанностям. Годовое жалование составило 600 гульденов (его предшественник Андреас Влашич получал 900 гульденов), к тому же молодому человеку полагалась субсидия на квартиру в размере 150 гульденов. В будущем, кстати, внук Влашича – Йозеф, возьмет в жены дочь Редля – Йозефу.

За шесть лет в имперской столице Франц прочно интегрировался в бюрократические круги, обзавелся влиятельными знакомствами, доказал свою компетентность. Признанием заслуг перед правящим домом стало пожалование Редлю в 1780 г. имения Растина, расположенного в его родном комитате Бач. Отныне семейство именовалось «фон Роттенхаузен-унд-Растина». Символическая связь с Венгрией была упрочена в 1782 г., когда чиновник перешел на службу секретарем в Венгерскую королевскую канцелярию – главный совещательный орган при монархе. Спустя три года его повысили до советника. Конкуренцию при назначении составили сыновья первых родов королевства: советники Венгерского королевского наместнического совета графы Йожеф Чаки, Йожеф Зичи и барон Йожеф Шплени[3]. Однако

[1] MOL E 47. 15. cs. № 366 ex Mar. 1774.

[2] ÖStA. FHKA. Österreichisches Camerale (далее – ÖC). Fasz. 1. Fasz. r. №. 5. Subd. 1. № 223 ex Oct. 1774.

[3] Ember Gy. A M. Kir. Helytartótanács ügyintézésének története, 1724–1848. Bp., 1940. 200., 205. old.

insfav

в Канцелярии требовался специалист, разбиравшийся в вопросах фиска и знакомый с состоянием финансов страны. В ноте на имя императора венгерский вице-канцлер граф Карой Палфи особо подчеркнул, что Редль «за свои деньги совершил путешествие по Венгерскому королевству и накопил необходимые знания и опыт»[1]. Такого рода путешествия по окончании учебы нередко предпринимали молодые аристократы. В фондах венской Придворной казенной палаты хранятся документы, упоминающие практически ориентированные «grandes tours» баронов Ласло Орци[2] и Яноша Меднянски[3]. Примечательно, что на столь дорогостоящее путешествие отважился располагавший куда более скромными финансовыми возможностями Редль. Наградой ему послужило престижное назначение.

Похоже, что Редлю особо благоволил (как этническому немцу?) сам император Иосиф II (1780–1790). При назначении советником государь начертал: «Поскольку Вы признаете, что секретарь Редль обладает необходимыми качествами, повелеваю на освободившееся место советника Канцелярии назначить именно его»[4]. Год спустя, когда речь зашла о том, кому из советников повысить жалование до 5000 гульденов, император повелел: «В случае равных должностей при назначении прибавки к жалованию следует одновременно учитывать размеры состояния и выслугу лет. Граф Зауэр служит всего два года, граф Эстерхази тоже служит совсем недавно и обладает состоянием, Редль же служит уже долгие годы и состояния не имеет, посему назначаю последнему жалование в пять тысяч гульденов»[5]. Эта сумма могла показаться скромной для аристократа, жившего на доходы с обширных поместий, но для сироты, на воспитание которого императрица в свое время выписала 100 гульденов в год из средств казны, карьерный рост был впечатляющим. Символично, что свою службу он закончил в Трансильванской канцелярии (бывшей одно время объединенной с Венгерской канцелярией): ведь именно в княжестве начинал служить его отец. Франц проработал в этом ведомстве без малого полтора десятилетия, с 1786 и до самой своей смерти в 1801 г.

Последнее место службы – Трансильванская канцелярия – интересна и с другой точки зрения. Это княжество, освобожденное на рубеже XVII–XVIII веков от османов, юридически считалось неотъ-

[1] MOL. Magyar Királyi Kancellaria Levéltára. A 39. Acta generalia (далее – A 39) 13391/1785.

[2] ÖStA. FHKA. ÖC. Fasz. 61. Fasz. r. №. 2143. № 263 ex Jan. 1775. Fol. 642r.

[3] Ibid. UC. Fasz. 2. Fasz. r Nr. 22. Subd. 2. № 8 ex Febr. 1775. Fol. 193–194.

[4] MOL. A 39. 13391/1785.

[5] Ibid. 14629/1786.

inslav

емлемой частью Венгерского королевства, однако административно и финансово управлялось напрямую из Вены. Столь же амбивалентным было и положение семейства Редль в господствующем классе монархии. С одной стороны, их принадлежность к венгерскому поместному дворянству и профессиональная деятельность в центральных органах власти королевства прочно связала их с Венгрией и ее бюрократическими элитами. С другой – о фактической интеграции, одним из признаков которой в те времена следует считать родство с исконно венгерскими дворянскими семьями, говорить не приходилось. Свидетельство тому – женитьба Франца на баронессе Юлии Герамб. Она принадлежала к австрийскому дворянскому роду, во многом схожем с Редлями, но начавшем интеграцию в венгерскую дворянскую и бюрократическую среду примерно на один век раньше. Герамбы были служилыми дворянами, пожалованными баронским титулом за верность на государственной службе. С годами одна из ветвей рода обзавелась венгерским индигенатом, хотя, по иронии, даже краткая справка о роде Герамбов в классическом труде «Семейства Венгрии» Ивана Надя, опубликованном век спустя, начинается словами: «Как следует из звучания самого имени, это чужеземная кровь...»[1].

Если за многолетнюю службу Йозефа Редля вдове и детям его было пожаловано венгерское дворянство, то детям Франца – Имре (Эмериху) (1793–1853) и Дюле (Юлиусу) (1796 – ?) – за заслуги родителя и семейства в целом был в 1808 г. присвоен баронский титул. Королевская грамота упоминала многолетнюю похвальную службу их отца в Венгерско-Трансильванской канцелярии, а также активное участие в строительстве канала на Драве, пролегавшем через родной комитат Бач. Мать новоиспеченных баронов Редль, баронесса Юлия Герамб, удостоилась упоминания в грамоте за свое щедрое пожертвование на создание военной академии «Людовика». Старший, Имре, продолжил бюрократическую династию и поступил на службу в Венгерский королевский наместнический совет – своеобразное «правительство» сословной Венгрии, где в 1823–1824 гг. занимал должность секретаря, а в 1834–1848 гг. – советника[2]. Младший Дюла вел жизнь провинциального помещика.

Венгерская историография долгое время развивалась в рамках и под воздействием сформулированных в XIX веке романтических национальных идеалов. Членство в нации напрямую связывалось с родным языком как базовым критерием этнической принадлежности. Как

[1] Nagy I. Magyarország családai címerekkel és nemzedékrendi táblákkal. Pest, 1858. 4. köt. 365–366. old.

[2] Ember Gy. Op. cit. 201, 208. old.

inslav

следствие, сословную венгерскую нацию описывали в категориях (по сути, мадьярской) нации буржуазной эпохи, не применимых к XVIII – началу XIX веков. Семьи, подобные Редлям, Герамбам, Дешанам и десяткам других[1], позволяют расширить представления об этно-национальных идентичностях раннего Нового времени. Скорее всего, в начале XIX столетия члены семьи еще не говорили по-венгерски и идентифицировали себя как католики, (немецкоязычные) подданные венгерского короля и австрийского императора, члены дворянского сообщества комитата Бач. Вхождение в сословную «венгерскую нацию» («natio Hungarica»[2]) и полиэтничную бюрократию Габсбургской монархии сопровождалось постепенной инкорпорацией в венгерский господствующий класс и сохранением более ранних, не конфликтующих друг с другом идентичностей. Они не вступали в противоречие, но дополняли друг друга, не препятствуя тому, чтобы со временем представители этих семейств влились в венгерскую нацию буржуазной эпохи.

Американский историк Уильям Годси составил список придворного дворянства Австро-Венгерской монархии – своеобразного, ни в каких документах официально не зафиксированного ближнего круга династии конца XIX – начала XX столетия. Эти несколько сотен семейств воспринимались как коллективное воплощение родовой чести сословия, что не было напрямую связано с обладанием богатством материальным, но выражало высочайшее признание их знатности, лояльности и вклада в общественное благо. В столь узкий круг – в отличие от, например, потомков Пала Фештетича – бароны Редль за 100 лет войти так и не смогли[3], оставшись во втором или даже третьем эшелоне. Однако их пример социального восхождения и интеграции в дворянские и бюрократические элиты подтверждает тезис о социальной мобильности и открытости (в пределах, допустимых в сословном обществе) монархии Габсбургов раннего Нового времени[4].

---

[1] Подобная тенденция наблюдалась и в императорско-королевской армии. См. биографию офицера Иоганна Фримонте – уроженца Лотарингии, возведенного за ратные подвиги в венгерские графы: Gyalókay J. Adatok palotai Frimont János gróf élettörténetéhez // Hadtörténelmi Közlemények. Bp., 1915. 16. sz. 216. old

[2] Исламов Т.М. От «нацио хунгарика» к венгерской нации // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Общественное развитие и генезис национального самосознания / От. ред. А. С. Мыльников. М., 1984.

[3] Godsey W.D., Jr. Quarterings and Kinship: The Social Composition of the Habsburg Aristocracy in the Dualist Era // The Journal of Modern History. 1999 (March). Vol. 71. № 1. P. 56–104.

[4] О нациообразовательных процессах раннего Нового времени см.: Фрейдзон В. И.. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII век – начала XX век. Дубна, 1999; Смит. Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.

inslav

Ю. Е. Ивонин, Л. И. Ивонина

БРАНДЕНБУРГ-ПРУССИЯ В ДВУХ ЕВРОПЕЙСКИХ ВОЙНАХ ДО БИТВЫ ПОД ПОЛТАВОЙ

Первая четверть XVIII столетия в Европе ознаменовалась двумя большими войнами: на западе – войной за испанское наследство (1701–1714), и на северо-востоке – Великой Северной войной (1700–1721). Война за испанское наследство являлась системным конфликтом между европейскими державами, который еще за десять лет до его начала созревал в кабинетах и дворах европейских властителей, вовлекая вольно или невольно в его орбиту сообщество государств раннего нового времени[1]. Ряд историков (к сожалению, их не так много), исследуя отдельные международные аспекты обозначенной эпохи, специально задумывались над проблемой взаимосвязи между этими крупными военными конфликтами европейского масштаба. Апогей этого взаимодействия они справедливо усматривали в событиях и политических дискуссиях осени 1706 – весны 1707 гг. в Альтранштедте[2]. Завоевания шведского короля Карла XII в Речи Посполитой, его вступление в Саксонию и заключение 24 сентября 1706 г. в Альтранштедте близ Лейпцига мирного договора с польским королем Августом II Веттином (он же курфюрст Саксонский Фридрих II Август) породило целую волну международных политических дискуссий. Активность шведского короля способствовала также возникновению разнообразных вариантов политических группировок и союзов. Маленький саксонский городок стал в это время центром пристального внимания всей Европы – как Западной, так и Восточной. Дипломатия западных держав на востоке Европы резко активизировалась. В этом смысле примечательны также отношения от Альтранштедта до Полтавы, как поворотного момента в истории Северной войны, между Пруссией, Швецией и Россией. Пруссия и Россия, в начале века Просвещения, стартовавшие в борьбе за лидирующее положение в системе европейских государств, являлись участниками разных военных конфликтов, но в силу своего геополитического положения были исключительно заинтересованы в приобретении территорий в Балтийском регионе. Выросшая из

[1] Schilling H. Höfe und Allianzen. Deutschland 1648–1763. Berlin, 1998. S. 258; Schilling H. Europa um 1700. Eine Welt der Höfe und Allianzen und eine Hierarchie der Dynastien // Preußen 1701. Eine europäische Geschichte. Essays. Berlin, 2001. S. 12.

[2] Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986; Молчанов В.В. Дипломатия Петра Великого. М., 1991; Hassinger E. Brandenburg-Preussen, Schweden und Russland 1700–1713. München, 1953; Rotstein A. Peter the Great and Marlborough. L., 1986.

inslav

экзотической для Запада Московии благодаря деятельности Петра I Россия заставила смотреть на себя под новым углом зрения. Приобретший новое качество вследствие получения статуса «королевства в Пруссии» Бранденбург неизбежно также входил в число активных игроков, как в имперской, так и в европейской системе государств, особенно в перспективе[1].

Германские князья на рубеже XVII–XVIII вв. находились под защитой имперской конституции 1648 г., т.е. принципов Вестфальского мира. В то же время крупные имперские чины становились самостоятельными членами европейской системы государств, тогда как средние и малые чины вовлекались в европейскую политику в качестве партнеров по альянсам. Бранденбург того времени был еще средним имперским чином и в таком качестве нуждался для укрепления своих позиций в союзе с одним из ведущих государств в рамках Священной Римской империи[2]. Положение в конце XVII в. курфюрстов Бранденбургских, являвшихся одновременно герцогами Прусскими, хотя и усилилось во время курфюрста Фридриха Вильгельма I (Великого курфюрста), все же было очень нестабильным в смысле уязвимости растянутых границ от Пруссии на востоке до герцогства Клеве на западе и отдаленности отдельных территориальных комплексов от Берлина. Поэтому Бранденбург-Пруссия гораздо сильнее, чем в начале XVII столетия, оказался вовлеченным в европейские конфликты, не имея в то же время достаточно прочной репутации и играя маленькую роль в европейской системе государств. Недостаток ресурсов, низкая плотность населения и плохие почвы большинства земель создали Бранденбургу-Пруссии репутацию «государства на песке». Так что укрепление внутреннего управления и решение экономических проблем требовало более активного участия в европейской политике, тем более что европейские кризисы представляли для Пруссии большую опасность, поскольку активные военные действия иностранных войск, особенно Швеции, создавали угрозу ее территориям, которые можно было сохранить только силой оружия. Постоянное приравнивание соседей Пруссии-Бранденбурга по всему периметру ее границ к своим противникам, в число которых попадали, кроме Швеции, Польша, Россия, Голландия, Богемия (Чехия), Саксония, Ганновер, Гессен-Кассель, Брауншвейг и

[1] Zernack K. Preußen – Deutschland – Polen. Aufsätze zur Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen / Hrsg. von W.Fischer und M.Müller. Berlin, 1991. S. 226–227.

[2] Schilling H. Europa zwischen Krieg und Frieden // Idee Europa. Entwürfe zum „Ewigen Frieden". Ordnungen und Utopien für die Gestaltung Europas von der pax romana zur Europäischen Union / Hrsg. von M.-L. Plessen. Berlin, 2003. S. 14–15,26.

inslav

т. д., было характерно для мышления Фридриха II Великого, самого знаменитого прусского короля XVIII в. Это была уже определенная традиция, хотя в начале XVIII в. французский король Людовик XIV не относил Пруссию к числу своих противников[1].

Конечно же, самую большую опасность для Пруссии-Бранденбурга представляла Швеция, особенно после того, как шведский король, знаменитый воинственный Карл XII (1697–1718) нанес в 1700 г. поражение датчанам, вынужденным отказаться от претензий на владения герцогов Гольштейн-Готторпских. Его победа создавала угрозу северным территориям Священной Римской империи. Август II Веттин также в этом году потерпел поражение от шведского короля, равным образом, как и Петр I, проигравший сражение со шведами под Нарвой 30 ноября и вынужденный заняться модернизацией армии. В поисках союзников Август сблизился с Россией, тогда как Карл XII создал конфедерацию польских магнатов во главе с познаньским воеводой Станиславом Лещинским против него. Это обстоятельство сыграло роль соединительного звена между Северной войной и войной за испанское наследство[2]. Другим связующим звеном могли быть взаимные интересы Франции и Швеции в ослаблении Империи, как это было во время Тридцатилетней войны. Французская дипломатия желала обострения конфликта на востоке Европы с тем, чтобы отвлечь внимание и силы потенциальных и реальных союзников Габсбургов от конфликта на западе, благоприятствуя обострению Северной войны, но, не оказывая существенного влияния на ее ход. Война могла иметь более благоприятные результаты для Людовика XIV, если бы шведский король решил проникнуть глубоко в саксонские владения Августа II, поскольку в этом случае в северный конфликт могли быть вовлечены германские земли, что потребовало бы отвлечения сил Империи с западного направления[3].

В этой ситуации ставший курфюрстом в 1688 г. Фридрих III в большей степени, чем его предшественник, стал ориентироваться на союзные отношения с Австрийским Домом, укрепившим свои позиции после победы над турками под Веной в 1683 г. и во время войн с Людовиком XIV игравшим роль защитника Империи против экспансии Франции. В стремлении укрепить роль Бранденбурга

[1] Müller-Weil U. Absolutismus und Aussenpolitik in Preußen. Ein Beitrag zur Strukturgeschichte des preußischen Absolutismus. Stuttgart. 1992, S. 30–44; Reese W. Das Ringen um Frieden und Sicherheit in den Entscheidungsjahren des Spanischen Erbfolgekrieges 1708 bis 1709. München, 1933. S. 137.

[2] Press V. Kriege und Krisen 1600–1715. München, 1991. S. 450–451.

[3] Schnakenbourg E. Louis XIV et les couronnes du Nord à la veille de la guerre de succession d'Espagne (1700–1701) // Revue d'histoire diplomatique. 2003. № 3. P.245–248.

inslav

среди имперских чинов, особенно соседей – Ганновера и Саксонии, Фридрих III и его советники начали думать о приобретении независимого от Империи суверенного королевского титула в Пруссии, как известно, не являвшейся членом Империи. В известном смысле это было продолжением традиций политики Великого курфюрста, заключавшейся в территориальных приобретениях, округлениях и экспансии во внешней политике и стабилизации и консолидации во внутренней. Оставалось только найти серьезное основание для обращения с подобным предложением к императору Леопольду I. Поэтому вряд ли стоит рассматривать Фридриха III как просто тщеславного и несостоятельного монарха, подражавшего двору Людовика XIV. Кроме того, обращение, скажем, с подобным предложением к французскому королю было не просто ущербом для дела протестантизма в Германии, оно было нереальным просто в силу имперской конституции, исключавшей любые враждебные действия против императора со стороны имперских чинов без серьезных оснований[1].

Необходимо заметить, что после смерти Карла II Испанского в ноябре 1700 г., Тайный совет императора Леопольда I стал склоняться к мысли, что требуемый курфюрстом Бранденбурга Фридрихом III королевский титул в Пруссии – не такая уж страшная цена за поддержку против Франции. Лидерство Фридриха III среди немецких протестантов, его растущий престиж в Империи и его сильная армия делали его потенциально ценным союзником. Кроме того, Фридрих располагал ключевыми позициями, как на западе, так и на востоке Европы, что предоставляло ему возможность вступления как в войну за испанское наследство. Выбор последнего варианта, равно как и союз с Францией, и даже его нейтралитет, мог серьезно помешать будущему успеху формировавшейся антифранцузской коалиции. Тем более что курфюрст Бранденбургский с таким пылким энтузиазмом копировал церемониал французского двора и имитировал подобие французского величия, что приобрел прозвище «Людовик XIV в Германии». К тому же надо учесть, что к тому времени идея превратить свои владения в королевства муссировалась при дворах великих герцогов Тосканских и герцогов Савойских. Вместе с тем император надеялся уступкой бранденбургскому курфюрсту исключить его из возможной борьбы за императорский трон как «протестант-

[1] Müller-Weil U. Op. cit. S. 85, 129, 209, 352; См. Кретинин Г. В. От Альбрехта Бранденбургского до Фридриха II Великого / Очерки истории Восточной Пруссии. Калининград, 2002. С. 118–119.

inslav

ского императора». Но со стороны курфюрста это был сильный ход, имевший долговременные последствия в смысле будущего подъема Пруссии как великой державы[1].

Назревавшая война за испанское наследство дала Фридриху III шанс, который в обычное время не мог реализоваться. Так называемый «Кронтрактат» с Фридрихом был заключен императором 16 ноября 1700 г. после длительных переговоров. Советники императора граф Доминик Андреас Кауниц и граф Ганс Фридрих Гаррах убеждали Леопольда I, что не следует отвергать предложения дружбы со стороны бранденбургского курфюрста, поскольку он может быть гарантией защиты габсбургских владений в Силезии и Венгрии со стороны противников императора в условиях начавшейся Северной войны, и тогда не надо будет привлекать военные силы с запада для их защиты. Другим соображением советников было следующее: союз с бранденбургским курфюрстом удержит того от вступления во враждебные императору коалиции. В условиях происходившего по всей Европе процесса монархизации этот шаг габсбургской дипломатии был вынужденным, но важным с точки зрения удержания нового королевства в орбите габсбургской политики. Особенно важным этот союз был для того, чтобы не втянуть Империю в Северную войну. Конечно же, эти соображения диктовались сложившейся обстановкой, и такие последствия, как вторжение прусской армии в 1740 г. в Силезию, никто не принимал в расчет[2].

В обмен на обязательство оказать Империи военную помощь в размере 8 тысяч солдат и офицеров Фридрих получал титул короля в Пруссии. Вена первоначально просила на две тысячи солдат больше, но остановились на этой цифре и обязательстве Бранденбурга вести военные действия только в пределах Империи. За эту помощь Берлин должен был получать 100 тысяч флоринов в мирное время и 150 тысяч флоринов в военное время ежегодно. В ноябре 1702 г. Берлин обязался поставить уже за свой счет дополнительно 4 тысячи солдат. В конце этого же года Пруссия должна была поставить в имперскую армию еще дополнительно 7 тысяч солдат за иностранные субсидии в 14 миллионов флоринов, официально при этом став членом Великого альянса Империи и Англии против Франции. Такова была цена за участие в войне за испанское наследство, но в любом случае это способствовало подъему Пруссии-Бранденбурга в имперской и

[1] Baumgart P. Die preußische Königskrönung von 1701, das Reich und die europäische Politik // Preußen, Europa und das Reich / Hrsg. von O.Hauser. Köln-Wien, 1987. S. 65–86.

[2] Roll Chr. Die preußische Königserhebung im politischen Kalkul der Wiener Hofburg // Preußen und Preußentum vom 17.Jahrhundert bis zur Gegenwart / Hrsg. von J.Frölich u.a. Berlin, 2002. S. 189–227.

inslav

европейской иерархии государств[1]. Отправка столь значительного воинского контингента на Рейн и верхний Дунай, хотя по большей части в качестве вспомогательных войск, и обязательства перед императором воевать только в пределах Империи, естественно, ограничивали возможности Берлина в Северной войне только чисто дипломатическими акциями на уровне нейтралитета.

18 января 1701 г. бранденбургский курфюрст торжественно короновался в Кенигсберге под именем Фридриха I, приобретя в Пруссии статус суверенного короля, что повысило его ранг среди европейских государей. Возвышение Пруссии имело, прежде всего, внешнеполитическое значение, но оно было показательным еще и потому, что этому примеру могли последовать другие европейские и немецкие государи. Можно даже сказать, что это было мастерской работой государственного искусства[2]. Титулатура Пруссия-Бранденбург выдвинула Пруссию на первое место, что вскоре нашло отражение в международном дипломатическом общении и в документах, косвенно повысив статус ее властителей[3]. Постоянная армия Фридриха I, созданная еще курфюрстом Фридрихом Вильгельмом I, будучи довольно значительной в количественном отношении, в течение двадцати пяти лет его правления девятнадцать лет воевала, участвовав в трех больших сражениях и двадцати осадах. Но первостепенной задачей прусской армии была защита растянутых границ Пруссии-Бранденбурга[4]. Да и борьба за признание «малого Величества», как иронически называли в то время Фридриха I, его противниками растянулась вплоть до мира в Утрехте 1713 г. С другой стороны, остается спорным вопрос о том, могли ли коронация Фридриха I и возвышение Гогенцоллернов

[1] Plassmann M. Der Preis der Krone. Preußische Truppen im Spanischen Erbfolgekrieg // Dreihundert Jahre Preußische Königskronung. Eine Tagungdokumentation / Hrsg. von J.Kunisch. Berlin, 2002. S. 229–256.

[2] Weensche Gerartschapsberichten van 1670 tot 1720 / Bewerkt door G. van Antalen en J. De Pater. S.-Gravenhage, 1934. S. 174; Aretin K.O. von. Das Reich. Friedensordnung und europäisches Gleichgewicht 1648–1806. Stuttgart, 1992. S. 247; Clark Chr. Preußen. Aufstieg und Niedergang 1600–1947. Berlin, 2007. S. 93–97 ; Baumgart P. Ein neuer König in Europa. Interne Plannung, diplomatische Vorbereitung und internationale Anerkennung der Standeserhohung des brandenburgischen Kurfürsten // Preußen 1701. Eine europäische Geschichte. Essays. Berlin, 2001. S. 166, 173; Müller-Weil U. Op. cit. S. 110 ; Kauer Chr. Die preußische Königskrönung von 1701 // Preußen und Preußentum... S. 102–104; Livet G. Louis XIV and the Germanies // Louis XIV and Europe / Ed. by R.Hatton. L. and Basingstoke, 1976. P.67.

[3] Luda M. Brandenburg-Preussen-Hohenzollern. Zur Wechselnden Titulatur der Landesherren 1609–1873 // Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte. Neue Folge. 17 Band. 2007, Heft 2. S. 182.

[4] Merta K.-P. Eine Armee in Europa. Heerwesen und Militärpolitik // Preußen 1701... S. 121–130.

inslav

усилить их союз с Империей, поскольку Пруссия не подлежала имперской юстиции, а ее подъем побуждал Габсбургов усилить контроль над протестантскими чинами Империи[1].

На протяжении войны за испанское наследство «король в Пруссии», хотя и являлся временами строптивым и непредсказуемым, выполнял свои обязательства перед императором, тогда как в параллельной Северной войне проводил «дипломатию качелей» и нейтралитета. Прусско-шведский договор от 29 июля 1703 г. предусматривал введение новых таможен в устье Эльбы вопреки имперским законам, но он преследовал со стороны Бранденбурга экономические интересы, хотя и позволял шведам контролировать устье Эльбы[2]. Впрочем, фактически субсидировавшие Фридриха I великие державы внимательно следили за его действиями. В частности, английский посол в Берлине Рэби играл важного звена в системе субсидий, обеспечивавших верность альянсу со стороны Пруссии[3]. По существу Пруссия-Бранденбург занимала нейтральную позицию в Северной войне до 1715 г., возможно, даже к счастью для нее, поскольку втягивание в военные действия на востоке и севере Европы могло иметь для нее катастрофические последствия, сравнимые лишь с Тридцатилетней войной. Некоторые заигрывания со Швецией, вроде согласия на проход шведских войск через Переднюю Померанию в Саксонию, и попытки с помощью Стокгольма расширить свои владения в Польше, не означали прямого участия в войне. Тем более что «флирт» Пруссии-Бранденбурга с Швецией вызывал раздражение в Вене, откуда, а также от польского короля шли предложения о дипломатической помощи в переговорах с Швецией. Ставший после смерти в 1705 г. Леопольда I императором его сын Иосиф I (1705–1711) был противоположностью своего отца. Энергичный и полный жизни, он стремился укрепить позиции Империи и Австрии как великой державы и поэтому решительно действовал против Франции, в том числе на переговорах в начале 1709 г. К тому времени грандиозный план Фридриха по созданию протестантского союза в составе Англии, Ганновера, Пруссии и Швеции и избрания протестантского императора был отвергнут Карлом XII, а Англия и Ганновер отказались вступать в союз, направленный против Габсбургов. Когда шведский король 16 августа 1707 г. заключил «вечный союз» с Пруссией с целью достижения полити-

[1] Duchhardt H. «Petite Majesté» oder unterschätzter Architekt? Ein Barockfürst in seiner Zeit // Preußen 1701... S. 52.

[2] Müller-Weil U. Op. cit., S.101.

[3] Naujokat U. Mylord Raby – ein englischer Lebemann als Diplomat am Hofe Friedrich I // Preußen und Preußentum... S. 71–91.

inslav

ческой независимости германских князей, в Вене были чрезвычайно озабочены, но потом поняли, что Фридрих I не решится, несмотря на все свои планы и амбиции, выступить против Габсбургов. Для этого необходимы были иное время и другой политик [1].

Но какова же была политика Фридриха I в отношении России? До 1706 г. в переговорах между Пруссией, Россией и Августом II немалую роль играл небезызвестный интриган от дипломатии Иоганн Рейнгольд Паткуль, выражавший интересы лифляндского дворянства. С начала 1705 г. этот «знаменосец» Северного Союза против Швеции в интересах якобы России (а, более всего, в своих собственных) вел жесткую борьбу против намерений Августа II добиться мирного соглашения с Карлом XII. Поэтому Петр I и послал Паткуля проводить дипломатию в Дрездене и в Берлине в интересах России и Северного Союза, ибо намеревался предпринять военные операции в Польше. К 1705 г. стало ясно, что без серьезного военного вмешательства русских Август II может окончательно отказаться от борьбы. Ситуация дополнялась кризисом в отношениях между членами Северного Союза, вызванного военными успехами Швеции.

К началу 1705 г. русская армия в количестве 60 тысяч человек находилась около Полоцка. А Карл со своей армией стоял у границ Саксонии – наследственного владения Августа II. Паткуль был уполномочен Петром склонить Пруссию к сепаратному миру с Россией, но не делать резких заявлений и дать понять, что русский царь параллельно ожидает согласия Англии на посредничество между ним и Карлом. Фридрих I ответил заверениями дружбы и выразил готовность к переговорам, но тему заключения сепаратного соглашения обошел, поскольку начавшиеся прусско-шведские переговоры были важны для него в первую очередь[2].

Тем временем в Берлине шведский посол Розенхан склонял Фридриха вступить в войну против Августа и признать кандидатуру Карла на польский трон – Станислава Лещинского. Его выслушали доброжелательно, но подчеркнули, что отстранение Августа противоречит принципам легитимности, и в целях собственной безопасности Швеции лучше гарантировать покровительство Лещинскому, при котором тот будет иметь значительные владения в Польше и

[1] Schilling H. Höfe und Allianzen. Deutschland 1648–1763. Berlin, 1998. S. 275; Кретинин Г. В. От Альбрехта Бранденбургского до Фридриха II Великого/ Очерки истории Восточной Пруссии. Калининград, 2002. С.120; Aretin K.O. von. Das Alte Reich. Bd.2: Kaiserstradition und österreichische Grossmachtpolitik (1684–1745). Stuttgart, 1997. S. 139–153; Reese W. Op. cit., S.210; Ingrao Ch. Quest and Crisis. Emperor Joseph I and the Habsburg Monarchy. West Lafayette, 1979. P. 67–68.

[2] Hassinger E. Op. cit. S. 191.

inslav

получит право наследования после Августа II. Почвой для отказа шведским предложениям являлся неоправданный риск, но главное заключалось в невозможности выполнения военных обязательств Берлина на западе, вступив в конфликт на востоке. Впрочем, окончательные приказы для движения войск на запад должны были быть отданы несколькими неделями позднее, поэтому оставалась лазейка в случае проявления уступчивости со стороны Карла XII. Розенхан также затронул тему дипломатической активности Паткуля, заметив, что Карл предложит Петру мир, по которому царь должен отдать обратно завоевания в Прибалтике и присягнуть на верность Швеции. Фридрих же, в случае согласия на роль посредника, надеялся получить от Швеции всю польскую Пруссию. В Швеции этот вариант не признали: Карл мог обещать лишь польские пограничные территории[1].

В конце марта 1705 г. в шведском правительстве царило недоверие к Пруссии. Граф Карл Пипер, ведший дипломатические сношения Стокгольма во время Северной войны, жаловался, что не будет спокоен, пока не подпишет союз с Пруссией. Поэтому он перешел к прямым угрозам в сторону Берлина: мол, его господин, никогда не одержимый склонностью к Франции, теперь подумывает о возможности «с честью и доброй репутацией выйти из ситуации», и для этого готов заключить союз с Версалем и приступить к захвату Саксонии. Опасения же Фридриха I, что он, приняв предложения шведов, впутается в войну на Востоке, вылились в аргументы о том, что выступление прусских войск на стороне Швеции потребовало бы для достижения результата от 16 до 18000 чел. Ему возразили, что сейчас Пруссия должна признать Лещинского, ибо Карл XII должен быть уверен в верности соратника. Фридрих отклонил это предложение как равнозначное объявлению войны северным союзникам[2].

Надо заметить, что с осени 1704 г. дипломатические отношения между Пруссией и Россией были довольно шаткими. Правда, прусский посол Иоганн Георг фон Кайзерлинк в течение месяца пребывал при дворе царя, но только как наблюдатель. Отношения между двумя державами ограничивались активностью Паткуля. Частично ситуацию изменила русская армия удачным балтийским походом 1704 г., который открывал дорогу для операций в Польше, Литве и в дальнейшем на юго-западном направлении. Для Фридриха I это означало, что можно ожидать вторжения русских войск в Восточную Пруссию, если он свяжется со Швецией либо покажет видимость взаимного согласия с ней. Это обстоятельство вносило определенные

[1] Die eigenhändigen Briefe König Karls XII / Hrsg. von E.Carson. Berlin, 1894. S. 221.
[2] Ibid. S. 224; Hassinger E. Op. cit. S. 162.

inslav

трудности в русско-прусские отношения, и политика переговоров для Берлина и Петербурга была единственно возможной, ибо сейчас Петр не собирался наносить непосредственного удара.

Кайзерлинк на основе многолетних наблюдений выразил мнение о непрочном положении русской дипломатии и ограниченных военных силах новой Восточной империи. Имело место и соперничество между канцлером Федором Алексеевичем Головиным и фаворитом Александром Даниловичем Меншиковым. Эти моменты и приводили к желанию царя изгнать шведов из Курляндии и объединиться с законным королем Польши. Однако в течение нескольких лет Петр I может значительно укрепить свою армию и сделать невозможным положение своих соседей. По доброй воле он не возвратит свои приобретения на Балтике. Благодаря этому отчету Фридрих I мог ясно представить положение дел в России. Рука об руку с пропагандой мира прусские дипломаты старались поссорить Августа и царя. Паткуль тогда еще никаких официальных полномочий по ведению сепаратных переговоров между Россией и Пруссией не имел, и многие его заявления были плодом фантазии. Фридрих хитрил, заявляя, что миссия Паткуля – официальная линия русской дипломатии, которая может привести к обострению отношений со Швецией. Розенхан, как рупор шведской стороны, призывал Берлин к стойкости против предложений Паткуля и подчеркивал, что Карл будет это приветствовать[1].

Перед отъездом в Россию Кайзерлинк получил следующие распоряжения. Официально его миссия заключалась в мирном посредничестве. Но главное – он должен был выяснить намерения российского императора относительно Восточной Пруссии. Отношения между Пруссией и Швецией Кайзерлинк должен был представить как необходимое средство для улучшения дел в Республике. Петр должен понять, что Фридрих находится в хороших отношениях со Швецией для того, чтобы найти взаимопонимание между Карлом и Августом II. Прусский посол также должен был коснуться проблем русско-шведского мира, а дальнейшее его обсуждение оставить за Паткулем. Между тем, Карл XII дал знать в Берлин, что сомневается в серьезности военных намерений русских, однако будет в случае переговоров с ними предпочитать посредничество Пруссии.

Вообще то обстоятельство, что Пруссия боялась вступать в открытый конфликт с царем, не означало, что предложения Петра серьезно не рассматривались в Берлине. Напротив, Фридрих I боялся активности русской дипломатии в Восточной Пруссии и активной вер-

[1] Die eigenhändigen Briefe. S. 224.

inslav

бовки русскими агентами в ней наемников. Паткуль настаивал на заключении между Пруссией и Россией формального союза с тем, чтобы Берлин мог выступить в качестве «вооруженного» посредника. Его активность сводилась к тому, чтобы, используя разногласия между Швецией и Данией, заключить Тройственный союз между Россией, Пруссией и Данией. Но эта идея не нашла понимания в Берлине. Правда, Паткуль не требовал от Фридриха, чтобы тот перевел свои войска с запада на восток, но он должен был объяснить свои шаги навстречу Швеции. Паткуль заметил, что эти обстоятельства ослабляют его позиции при царе, и он должен напомнить, что его господин может воспрепятствовать защите Западной Пруссии, когда русские вступят в ее восточную часть. Параллельно через Кайзерлинка царя предостерегли, чтобы он не рассчитывал на восточно-прусские земли, ибо император Священной Римской империи и Морские державы (Англия и Голландия) гарантировали их сохранность Фридриху I, а герцог Мальборо в ближайшее время прибудет в Берлин и может предпринять ответный демарш. Менее резким было личное письмо Фридриха царю: Пруссия останется нейтральной, но Петру лучше не вступать в границы Швеции[1]. Дело было неприятным. Но мог ли тогда Берлин, нарушив обязательства, перебросить на восток прусские контингенты с Верхнего Рейна?

В итоге, в 1704–1705 гг. большая часть Речи Посполитой в военном и политическом отношениях попала под опеку Швеции. Тем не менее, политический раскол в Польше не позволил шведскому королю обеспечить там свое полное господство. Пруссия же в этот период с большим трудом устояла перед настойчивыми предложениями Швеции заключить с ней союз, поскольку в этот важный период именно от позиции Берлина зависело признание европейскими государями Станислава Лещинского польским королем. Однако активные военные и дипломатические действия России в Речи Посполитой и обязательства, принятые на себя Пруссией в войне за испанское наследство, заставляли ее колебаться и вести параллельные переговоры с Августом II и Россией.

Созданная Карлом XII в ноябре 1705 г. «Варшавская конфедерация» стала инструментом принуждения Речи Посполитой к миру и принуждения ее к участию в союзе против России, поскольку, таким образом, шведский король мог обеспечить себе защиту с тыла и не опасаться удара со стороны саксонской армии во время наступления на Россию. Договор в Альтранштедте 24 сентября 1706 г., подписанный при австрийском посредничестве, маркировал наиболее благопри-

[1] Ibid. S. 225; Hassinger E. Op. cit. S. 169; Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию / Тарле Е. В. Соч. Т.X. М., 1959. С. 452.

inslav

ятный для Карла XII вариант развития событий и полный военный и политический успех его стратегии, так как Август II не просто принуждался к формальному отречению от польской короны, но и в качестве саксонского курфюрста к отказу от участия во всех антишведских коалициях. С другой стороны, договор в Альтранштедте означал связь между войной за испанское наследство и Северной войной и, как подчеркивает немецкий историк Х. Духхардт, «определенную предупредительность» со стороны противников Франции, так как Швеция оказывалась фактически без союзников и могла надеяться только на свои собственные силы[1]. Кроме того, Август обязывался прервать отношения с Россией, освободить плененных им членов «шведской партии» в Польше, предоставить шведской армии зимние квартиры в Саксонии, а также выдать шведам содержавшегося с 23 декабря 1705 г. под арестом в Саксонии русского дипломата Паткуля[2], который был 11 октября казнен по обвинению в измене и оскорблении Величества. Однако нахождение в Саксонии в течение года шведской армии вызвало недовольство в Священной Римской империи, так как это было нарушением имперской конституции. Мало того, в Империи опасались создания, как во время Тридцатилетней войны, франко-шведской коалиции. Поэтому рейхстаг протестовал против такого положения дел, хотя шведский король по-прежнему оставался одним из влиятельнейших имперских чинов[3].

Шведско-польское соглашение породило в Альтранштедте и Европе целую бурю дискуссий. Швеция значительно усиливалась, и, более того, именно от ее дальнейших действий – пойдет ли Карл маршем на запад, в Империю, либо на восток, в Россию – зависел дальнейший ход двух европейских войн. Первой реакцией на него были попытки прусского короля Фридриха I организовать Четверной союз в составе Австрии, Голландии, Англии и Польши в лице Августа против Швеции. Но в сложившихся обстоятельствах это предложение не нашло сочувствия, и прежде всего в Англии. Более того, английский главнокомандующий герцог Мальборо, лично посетивший Альтранштедт, как видно из его переписки, намеревался направить шведов против России и изолировать северный конфликт от войны за испанское наследство[4]. Что ему, собственно, и удалось.

---

[1] Duchhardt H. Balance of Power und Pentarchie. Internationale Beziehungen 1700–1785. Paderborn-München-Wien-Zürich, 1997. S. 242–243.

[2] Тарле Е.В. Цит. соч. С. 516–517.

[3] Press V. Kriege und Krisen… S. 464–465.

[4] The Marlborough-Godolphin Correspondence / Ed. by H.Snyder. Vol.II. Oxford, 1975. P. 518–519.

inslav

Теперь Фридрих Прусский, претендовавший, как и шведский король, на померанские земли в Польше, обратил более пристальное внимание на переговоры с участниками Северной войны – Швецией и Россией. Что же касается шведско-прусских переговоров после Альтранштедского договора, то они, как и раньше, отражали определенную неустойчивость позиций Карла XII в Речи Посполитой и конкуренцию шведам со стороны Гогенцоллернов в их претензиях на часть польских земель[1].

Под впечатлением отказа Августа II от трона противник шведов в Польше Сандомирская конфедерация испытывала большие затруднения. Многие из ее членов пошли на компромисс с Лещинским, и в этих обстоятельствах русский царь Петр в качестве кандидатуры на польский трон предлагал поочередно Александра Меншикова, своего сына Алексея, Якова Собеского (сына знаменитого польского короля Яна Собеского, победителя турок при осаде Вены 1683 г.), литовского генерала Михаила Вишневецкого, имперского полководца принца Евгения Савойского, командующего польской королевской армией Синявского и даже трансильванского князя Ференца II Ракоци. Первые две кандидатуры были сразу отвергнуты польскими магнатами. Принц Евгений среди кандидатов пользовался особой симпатией, но он отказался от такой чести. Ракоци тоже имел определенные шансы и уже задумывался, чтобы принять предложение Петра, но был остановлен французским послом, заявившим ему, что принятие польской короны может привести к разрыву с Людовиком XIV. Мирные планы Версаля основывались на признании Лещинского королем, и с новыми выборами в Речи Посполитой, даже если это был союзник Франции, не состыковывались. Параллельно послы Ракоци в Варшаве развивали план Тройственного союза между Венгрией, Польшей и Россией с последующим вступлением в него Франции, что, по мнению Ракоци, могло привести к равновесию сил с антибурбонским союзом и увеличению политического веса Конфедерации. Между тем и Август Саксонский не спешил с ратификацией договора в Альтранштедте, очевидно, рассчитывая на изменение ситуации.

Наконец, обоюдные желания и интересы привели к компромиссу между Петром I и Ракоци от 15 сентября. Князь обязывался принять польскую корону на выборах, назначенных на начало 1708 г., если, со своей стороны, Франция и Бавария вынудят Карла пойти на мир с Россией[2]. Но царь и князь недолго питали надежды на разрешение

[1] Die eigenhändigen Briefe... S. 219–220.
[2] Hassinger E. Op. cit. S. 207.

inslav

конфликта. Несколько дней спустя шведский король официально заявил о своих намерениях выступить в восточном направлении[1].

Параллельно этим усилиям России Берлин муссировал идею Тройственного союза между Швецией, Пруссией и Ганновером. Двойная политика Гогенцоллерна вызвала недовольство императора Иосифа I, что даже привело к отозванию прусских послов из Вены (примечательно, что до 1713 г., т.е. до заключения Утрехтского мира, император Священной Римской империи не посещал Берлин), и к возобновлению идеи «третьей партии» в Германии, ставившей своей целью предотвращение как бурбонской, так и габсбургской «универсальной монархии». Былая мощь империи Габсбургов, по мнению протестантских лидеров, возрождалась вновь. Когда проект Тройственного союза приобрел явный антигабсбургский конфессиональный характер, Ганновер, связанный обязательствами с Англией – союзником Империи, отнес свое вступление в него «до греческих календ». Швеция вела переговоры, но, по причине своей уже кристаллизовавшейся главной политической цели идти маршем на Россию, затягивала их, выдвигая требования о том, что Ганновер не должен территориально расширяться, а Англия обязана позднее тоже вступить в этот союз. Берлин, со своей стороны, просил обеспечить защиту евангелистов в Речи Посполитой и в Венгрии. Неудивительно, что эта идея так и не была реализована[2].

После Альтранштедта отношения между Пруссией и Россией диктовались все возраставшим давлением со стороны Швеции, которая по мере продвижения на восток становилась все более и более неуверенной в своих силах. Впрочем, еще во время марша в Саксонию Карл XII требовал порвать «дружественные» (их скорее можно назвать лояльными) отношения прусского короля и русского царя, заметив тогда, что нахождение контингентов Петра в Польше может иметь и непременно будет иметь последствия для Пруссии в смысле захвата ее земель шведским королем[3]. Карл, конечно, пугал Фридриха I, но эти заявления упали на благодатную почву и привели к нейтралитету Берлина в отношениях с Россией.

Параллельно, как это уже было в 1702–1703 гг., возобновились попытки Фридриха I посредничать между Швецией и Россией, к чему, собственно, стремились и русские послы. В 1706 г. Иван Измайлов был послом в Берлине, где проявил в высшей степени дипломатический такт. Такт со стороны Пруссии присутствовал тоже, но все это имело незначительные результаты для развития более плодотворных от-

[1] Die eigenhändigen Briefe... S. 226.
[2] Hassinger E. Op. cit . S. 210.
[3] Die eigenhändigen Briefe...S. 228.

inslav

ношений между государствами. Во время пребывания Карла в Альтранштедте Измайлов добивался непризнания Пруссией в качестве польского короля Станислава Лещинского и был против заключения мира Августа II с Карлом XII. Однако Берлин его в этом не поддержал. В окружении Петра I, в отличие от целого ряда других государств, за Фридрихом охотно признавали королевское достоинство – это придавало больший вес Пруссии в европейских делах. Но общие заявления короля о нейтралитете не приветствовались, и русские настаивали на новом договоре, в котором обе силы должны договориться о том, что ни одна никогда не станет противником другой. Тогда предложение посредничества Пруссии, с которым Кайзерлинк ездил из Москвы в штаб Петра под Львовом, не очень интересовало царя. Прусский посол писал в Берлин: «Их царь скорее склонен к экстремальным действиям, нежели к заключению жалкого мира»[1]. В итоге Кайзерлинку было приказано ехать в Польшу.

Миссия Кайзерлинка подвела Берлин к выводу о том, какие военные намерения имеет Россия в прусско-померанском пространстве. Фридрих подозревал, что Петр может и столь желаемый им самим Эльбинг прибрать к рукам, чтобы отрезать Швецию от восточной Балтики. Кроме того, к нему поступали сведения, что русские части в Восточной Померании, преследуя армию Лещинского, применяли акты насилия в отношении населения. Фридрих охотно козырял этим в переговорах с Россией – как будто этого не делали шведы! А Кайзерлинк так и не решил с Петром вопрос о границах в процессе завоевания польских земель.

Петр же постоянно критиковал двойственную политику Августа II и просил Берлин не гарантировать выполнение Альтранштедтского договора. Не получив определенного ответа от Фридриха, Петр I перешел на прямые угрозы осуществить марш через Восточную Пруссию, но стойкий Кайзерлинк исходил из того, что в связи с трудностями в собственной стране царь вряд ли решится на конфликт с Пруссией. Накопившееся раздражение против прусского посла, наконец, нашло выход. На обычном пиру в честь государей изрядно подвыпивший Кайзерлинк попросил об освобождении плененной бывшей метрессы царя Анны Монс, на которой он, Кайзерлинк, намерен жениться. Обсуждение этой деликатной темы закончилось тем, что прусский посол под стражей был выведен из зала и царь просил об его срочном отозвании в Берлин. Фридрих отреагировал немедленно – Кайзерлинк извинился перед царем и Меншиковым и был оставлен в России[2].

[1] Hassinger E. Op. cit. S. 212–214, 218.
[2] Ibid. S. 219–220.

inslav

Тем временем шведы пытались способствовать обострению внутренних беспорядков в России, хотя в дипломатических кругах в Европе об этом они не говорили. По крайней мере, ни Карл XII, и его советники нигде и никогда об этом не обмолвились. В бумагах Карла и реляциях шведских послов упоминаний на этот счет нет. В феврале 1708 г. Карл находился недалеко от Минска. Тогда-то царь вывел свои войска из части земель Речи Посполитой. И все же именно в то время Август II стал надеяться на возвращение в качестве короля в Речь Посполитую. А Петр не терял оптимизма и по-прежнему, как и до Альтранштедта, не оставлял планов союза с Августом, императором Иосифом I и Морскими державами. Лондон, Вена и Гаага, однако, заметили, что гарантируют все его завоевания, если он будет воевать со Швецией[1]. Намерения их были очевидными – направить энергию царя против шведов, и изолировать северный конфликт от западноевропейского.

Тем временем Станислав Лещинский безуспешно пытался покончить с оппозицией его власти в Польше, а Карл поставил перед ним задачу немедленно маршировать через Волынь на Украину и объединиться с гетманом Иваном Мазепой для защиты главной шведской армии. В Сандомирской конфедерации зрело недовольство Лещинским, поведшим поляков на Украину против царя. Его тайные соглашения с Карлом XII рассматривались как опасные для Польши. Многие магнаты начали отказываться от своих должностей у Лещинского. В этой обстановке, в феврале 1708 г., от французского посла в Польше Боннака поступило предложение о посредничества между различными партиями с целью установить мир в Речи Посполитой[2]. Но антишведские настроения в Польше только нарастали.

Поэтому не удивительно, что «Гектор» партии Лещинского генерал-майор Смигельский открыл свои намерения прусскому послу о том, что только интервенция войск Фридриха в Польшу может помочь свергнуть шведское господство. Берлин тут же ответил, что, безусловно, готов к этому шагу, но только на основе переговоров с противной стороной и при условии решения курляндского вопроса[3].

С конца лета 1708 г. звезда Карла XII на небосклоне Европы стала закатываться. В ночь с 27 на 28 сентября авангард армии Петра напал на шведский корпус Адама Левенгаупта, расположившийся на поляне у деревни Лесной. Первая русская атака была отражена. Но после полудня 28 сентября ситуация в корне изменилась. К концу этого дня,

---

[1] Rotstein A. Peter the Great and Marlborough...P. 67.

[2] Oeuvres de Louis XIV. T.VI. Paris, 1806. P. 197; Kaminski A. Konfederacja sandomierska wobei Rosij w okresie poaltranztadzkim 1706–1709. Wrozlaw, 1969. S. 142.

[3] Hassinger E. Op. cit. S. 224.

inslav

бросив обоз, оставив в роковом для него лесу половину своей армии мертвыми или пленными, Левенгаупт спешно отступил к югу, преследуемый налетами русской конницы[1].

Лещинский в это время находился в депрессии и в международном плане желал только нейтралитета. Он официально попросил Пруссию посредничать между ним и Сандомирской конфедерацией. Фридрих I же стал соблюдать осторожность в отношениях с ним. В Берлине уже знали о намерениях Конфедерации восстановить на престоле Августа II. Поэтому Фридрих I незамедлительно в декабре 1708 г. послал своего представителя Лолхофеля в Ольмюц (Оломоуц), где находился кардинал-примас Польши Станислав Зембек. Последний опасался принять какое-либо решение, однако от имени Конфедерации ее глава Синявский высказался за возвращение на престол Августа II. Лолхофель также прозондировал курляндский вопрос, и Синявский заявил, что обеспечит герцогу Курляндскому военную защиту.

Любопытно, что спустя несколько недель после возвращения Лолхофеля из Ольмюца французский посол посетил Синявского в Лемберге (Львове), и тот открещивался от решения в пользу Августа. В Берлине на первой неделе нового 1709 г. Фридрих I уже во всеуслышание заявил, что «Дрезден сам не ожидал, что польская корона так скоро вернется в руки курфюрста»[2]. Тем не менее, в Европе не сразу поняли истинное значение победы при Лесной – только битва под Полтавой прояснила будущий исход русско-шведского конфликта. Окончательно прояснились тогда и польский вопрос, и отношения между Пруссией и Россией.

Вообще Пруссия в 1708–1709 гг. переживала не лучшее время. Страшный голод и эпидемия тифа унесли жизни более 200 000 человек, преимущественно в Восточной Пруссии. Поразительно, что берлинский двор не сократил свои непомерные расходы в тот период. Летом 1709 г., как раз во время Полтавской битвы, состоялись крестины первой дочери кронпринца Фридриха Вильгельма Вильгельмины. Это событие было обставлено роскошью, затмившей все прежние торжества. В Берлин прибыли крестные – короли Польши (в качестве такового уже выступал Август) и Дании, в то время как в Восточной Пруссии были случаи людоедства. Придворный поэт, сравнивший Вильгельмину с новорожденным Христом, а королей Пруссии, Польши и Дании с тремя волхвами, получил от Фридриха тысячу золотых дукатов, в то время как в 1709 г. от голода в Кенигсберге умерло на 8127 человек больше, чем родилось. Впрочем, кронпринц не принимал участия в этом спек-

[1] Тарле Е.В. Цит. соч. С. 547–548.

[2] Hassinger E. Op. cit. S. 222–223.

inslav

такле, отправившись в союзную армию в Нидерландах[1]. Как покажет время, он в скором будущем, выражаясь словами Фридриха Великого, превратит «Афины Севера» в «Спарту».

Во время «жолкиевского» сидения 1707 г. Петр I поддерживал и направлял совещания Сандомирской Конфедерации, изверившейся в возвращении Августа и намечавшей на его место то Ракоци, то царевича Алексея. После же Полтавы Петру было выгодно незамедлительно уладить вопрос о польском престоле, «простив» и признав законность восстановления Августа. Безусловно, в связи с Альтранштедтским доовором Августа о претензиях Речи Посполитой ни на Белую Церковь, ни на Ливонию не могло быть и речи.

В июне 1709 г., еще за несколько дней до Полтавского сражения, датский король заключил с саксонским курфюрстом Августом договор, задачей которого было обеспечить неприкосновенность германских владений обеих договаривающихся сторон и который предусматривал возможность антишведского выступления. А в начале июля того же года Дания, Саксония и Пруссия заключили договор, по которому Пруссия обязалась препятствовать прохождению шведских войск через бранденбургскую территорию. Прусскому королю был обещан Эльбинг, за что Пруссия должна была сохранять нейтралитет. Битва под Полтавой, как известно, состоялась 27 июня (8 июля) 1709 г. и завершилась впечатляющей победой русской армии. Карл XII с остатками своей армии и горсткой казацкой старшины – сторонников гетмана Ивана Мазепы бежал в Бендеры, где нашел убежище и защиту у турецкого султана. Была эта победа русских войск случайной или закономерной, спорят до сих пор отечественные и зарубежные историки, ссылаясь на документы и приводя различные доводы. Но здесь важно признать, что русская армия извлекла опыт из прежних поражений, и уже поэтому победа под Полтавой не была делом случая. И еще одно важное соображение – победа под Полтавой привела к окончательному крушению Швеции как великой державы. Кроме того, она означала, что опасность слияния войны за испанское наследство и Северной войны миновала. Прусский кронпринц Фридрих Вильгельм мог спокойно отправляться на запад на помощь войскам император[2].

В октябре 1709 г. Дания заключила новый договор с Россией: предусматривалось датское наступление на Сконе и Норвегию, русское – на Финляндию, причем обеим сторонам воспрещался сепаратный мир со Швецией. Тут же надо заметить, что уже тогда Запад начал опасаться возможного внедрения Петра вглубь Европы. Петербург предпринял контрмеры: в ноябре 1709 г. русский посол в Ганновере

[1] Фенор В. Фридрих Вильгельм I. М., 2004. С. 95.

[2] Duchhardt H. Balance of Power... S. 243–246; Press V. Op. cit. S. 465.

inslav

заявил, что царь не имеет намерений вмешиваться в дела Империи и нарушать ход войны с Францией, а лишь желает этой зимой заключить мир с Швецией. Несколькими месяцами позже ганноверский курфюрст Георг Людвиг заключил с Петром конвенцию, объявлявшую нейтралитет шведских провинций Германии[1].

29 сентября в Торуни польский король согласился на новый наступательный и оборонительный союз Польши и Саксонии с Россией против Швеции. Тут-то и Фридрих I поспешил обратить свое пристальное внимание на восток. Отплыв по Висле из Торуни 17 октября 1709 г. неподалеку от Мариенвердера Петр, наконец, встретился на своем судне с прусским королем, с которым в тот же день заключил оборонительный союз против Швеции, гарантировавший Пруссии Эльбинг[2]. На заключение наступательного союза Берлин так и не решился, но и этого было достаточно, чтобы претендовать на Померанию.

Победа России под Полтавой выключила полностью из игры потенциального союзника Франции на востоке Европы и соответственно усилила позиции ее противников. Правда, кровавая битва при Мальплаке 11 сентября между союзной и французской армиями, не принесшая победы ни одной из сторон, продлила войну за испанское наследство еще на несколько лет. Заключение мало повлиявшего на европейскую политику соглашения о мире 1715 г. между Францией и Швецией произошло уже после окончания войны за испанское наследство и заключения мира в Утрехте и Раштатте. Усиление позиций России после победы под Полтавой модифицировало соотношение сил в Балтийском регионе и в Европе в целом[3].

Что касается Пруссии-Бранденбурга, то выжидательная тактика Фридриха I в расчете на «случай и конъюнктуру» в обеих войнах, но особенно в Северной войне, оправдала себя, став в дальнейшем при его наследниках краеугольным камнем прусской политики. Осознанное использование фактора времени и держание наготове большой армии при внешне колеблющейся позиции стали ее ос-

---

[1] История Швеции. Отв. ред. А.С.Кан. М., 1974. С. 272–274; Mediger W. Moskaus Weg nach Europa. Braunschweig, 1952. S. 22–23.

[2] Preußische Staatsverträge aus der Regierungszeit König Friedrich Wilhelm I / Hrsg. von V.Loeve. Leipzig, 1913. S. 28–35; Zernack K. Preußen – Deutschland – Polen. Aufsätze zur Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen / Hrsg. von W.Fischer und M.Müller. Berlin, 1991. S. 267.

[3] Aretin K.O. von. Das Alte Reich. Bd.2. S.11; Schnakenbourg E. La France et le développement de l'influence russe en Europe du Nord dans la première moitié du XVIIIe siècle // Guerres et paix en Europe centrale aux époques modernes et contemporaine / Par D.Tollet. Paris, 2003. P. 585–586.

instlav

новными чертами[1]. Победа России под Полтавой для Пруссии стала в известном смысле выигрышной картой. Пруссия могла теперь не опасаться Швеции и могла требовать очередных уступок со стороны Вены за свое участие в лагере противников Франции, а со стороны России за относительный нейтралитет по отношению к Швеции. Как считает К.Цернак, Ништадский мир 1721 г. автоматически делал Пруссию второй силой после России на востоке Европы. На Польшу так или иначе влияли, кроме международных отношений в целом, польско-прусские и саксонско-прусские отношения. Но, если до 1709–1711 гг. Польша могла использовать «срединное положение» между пятью опасными для нее соседями – Швецией, Россией, Пруссией, Австрией и Османской империей, то после для нее возрастала все сильнее и сильнее опасность соседства «трех черных орлов»[2].

Основные акценты в русско-прусских отношениях между Альтранштедтом и Полтавой можно расставить следующим образом. Определенным выглядело желание Петра заключить военный союз с Пруссией, как, собственно, и с любым государством Европы того времени, против Швеции. Не менее значимой была необходимость прояснить интересы обоих государств в Речи Посполитой. Что же касается Пруссии, то здесь все выглядело не так просто. Можно, конечно, сказать словами Е. В. Тарле, что Фридрих I поставил себе целью поживиться чем-нибудь в конце войны за счет одной из воюющих сторон – именно той, какая будет побеждена[3]. Однако следует учесть, что Пруссия в первую очередь была связана нерушимыми, с разных углов зрения, военными обязательствами перед Священной Римской империей. Она вынуждена была послать военные контингенты в помощь императору и вступить в Великий союз против Франции за предоставление Леопольдом I Фридриху Гогенцоллерну в 1701 г. королевского достоинства в Пруссии[4]. Кроме того, Бранденбург являлся одним из важных звеньев имперской системы государств. Помимо интересов в Польше, понятие чести, принадлежность к имперской системе, а также непомерные расходы на придворную жизнь в стиле Людовика XIV заставляли Пруссию лавировать между воюющими сторонами в Северной войне и в итоге оказаться на стороне победителя.

---

[1] Müller-Weil U. Op. cit. S.49.

[2] Zernack K. Preußen – Deutschland – Polen. Aufsätze zur Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen / Hrsg. von W.Fischer und M.Müller. Berlin, 1991. S.229, 243, 264–275.

[3] Тарле Е.В. Цит. соч. С. 798.

[4] Schilling H. Europa um 1700. Eine Welt der Höfe und Allianzen und eine Hierarchie der Dynastien // Preußen 1701...S.12; idem. Europa zwischen Krieg und Frieden...S.24–25.

inslav

Г. В. Макарова

ПОСЛЕ КРАХА: «СУХОПУТНЫЙ АДМИРАЛ» П. В. ЧИЧАГОВ И «ВЕРХОВНЫЙ ВОЖДЬ СЕРБСКОГО НАРОДА» КАРАГЕОРГИЙ (ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ)

В Отделе рукописей РГБ в фонде Чичаговых сохранились письмо Георгия Петровича (Черного, в отуреченной версии Карагеоргия)[1] к Павлу Васильевичу Чичагову и отосланный ему ответ адмирала. Даты на письмах не проставлены, но, судя по содержанию ответа Чичагова, первое из них было написано 30 ноября 1813 г.[2] Обмен посланиями состоялся уже после поражения Первого сербского восстания и окончательной отставки адмирала. Что же предшествовало этой в сущности уже личной переписке?

В апреле 1812 г. адмирал Павел Васильевич Чичагов был назначен командующим Дунайской армией, сменив на этом посту генерала М. И. Кутузова. За полгода до этого, находясь в тяжелом моральном состоянии, вызванном кончиной в 1809 г. отца, к которому он был глубоко привязан, и жены летом 1811 г., оставшись с тремя дочерьми на руках, Чичагов подал Александру I прошение об отставке с поста министра морских сил, и его прошение было удовлетворено. Расположенный к Чичагову император, ценивший его государственную деятельность и боевой опыт, оставил, однако, адмирала при себе, дав ему не слишком обременительную, но почетную должность генерал–адъютанта. В апреле 1812 г. Александр I ввиду осложнений во внешнеполитической ситуации, вызванных надвигавшейся угрозой войны с наполеоновской Францией, вновь призвал Чичагова на военную службу. Перед Россией стояла задача добиться окончания военных действий с Турцией, что дало бы возможность сосредоточить силы русской армии на основном направлении предстоящих военных сражений. Еще ранее, в 1809 г. в Фридрихсгаме был подписан договор о мире со Швецией, по которому вся Финляндия отошла к России. Необходимо было обезопасить и южные границы: закончить давнюю, начавшуюся еще в 1806 г., войну с Турцией и подписать с ней мирный договор. Россия в опре-

[1] Биографию Георгия Петровича Черного см.: Лещиловская И. И. Карагеоргий // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 78–90. Биографические сведения о П. В. Чичагове см.: Юлин В. А. Адмирал П. В. Чичагов – истинный патриот России. М., 2003.

[2] НИОР РГБ. Ф. 333. К. 3. Ед. хр. 28 (17). Письма, точнее их копии, хранятся в кожаном переплете с золотым тиснением: «Письмо Георгия Петровича Черного к П. В. Чичагову и ответ адмирала». Они не были опубликованы ни в издании документов «Первое сербское восстание и Россия. 1804–1813 гг.». Кн. 1, 2. М.: Наука, 1980, ни в фундаментальном трехтомнике: Савић В. Карађорђе. Документи. Тт. I–III. Горњи Милановац, 1988.

inslav

деленной степени рассчитывала, что заключение договора даст возможность не только нейтрализовать противника, но привлечь Порту на свою сторону в качестве союзника. Однако мирные переговоры с турками, которые вел М. И. Кутузов, затягивались[1]. Сложность переговоров усиливалась и неоднозначной позицией России по отношению к сербам, поднявшимся в 1804 г. на освободительную борьбу против турок[2]. С одной стороны, Россия была заинтересована в оказании содействия балканским славянским народам, а с другой, – поддержка ею сербов еще более затрудняла решение вопроса об окончании войны с Турцией и подписании мирного договора. Вопрос о сербах был непростым и в плане российско-австрийских отношений. Австрийские власти не могли поддерживать восставших против турецкого владычества сербов, опасаясь спровоцировать подъем освободительного движения сербов и других славянских народов Габсбургской империи.

К тому же в Петербург поступали жалобы от населения Дунайских княжеств на притеснения со стороны находившихся там русских войск. В результате сложившихся обстоятельств Александр I принял решение заменить главнокомандующего Дунайской армией. Вызвав П. В. Чичагова, император объявил ему о назначении на этот пост. В разговоре, состоявшемся между ними, Александр I разъяснил свою программу: необходимо заключить оборонительный и наступательный союз с Турцией, привлечь греков и другие православные народы Балканского полуострова для проведения антинаполеоновской «адриатической диверсии» с использованием как сухопутных, так и морских сил, получить согласие англичан, флот которых стоял в Адриатическом море, на совместные действия. Как вспоминал впоследствии сам П. В. Чичагов, инициатива по осуществлению экспедиции происходила от него: в ответ на высказанное Александром I неудовольствие по поводу заключения Австрией союза с Францией[3] он предложил провести «диверсию» против Франции с использованием войск Дунайской армии, находившихся в Валахии. Он был убежден, что жители Молдавии, Сербии, а также черногорцы, поскольку они, как и сербы, «привязаны к нам едино-

[1] Действия Кутузова историки характеризуют различно: одни считают, что он был «очень нерешителен» и оценивают его действия весьма негативно, другие называют эту «неспешность» спасительной.

[2] Об отношениях России и Сербии во время Первого сербского восстания см.: И. С. Достян. Россия и балканский вопрос (М.: Наука, 1972), она же. Русская общественная мысль и славянские народы. От Радищева до декабристов. (М.: Наука, 1980). Грачев В.П. Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII век – 1878 г.) М., 1995 и др.

[3] Договор между Францией и Австрией был подписан 26 марта 1812 г.

inslav

верием», готовы будут помогать русским[1]. Чичагов отмечал, что его предложение совпало с мыслью императора, который одобрил его и сказал, что решается последовать этому совету. Вообще проекты привлечения балканских славян к вооруженной борьбе против готовившегося похода Наполеона на Россию возникали еще и раньше[2]. Кроме определения военно-стратегического плана действий, в беседе был затронут вопрос и об организации надлежащего управления территориями, занятыми русскими войсками в Молдавии и Валахии. Александр I с огорчением отметил, что «мир с Турциею не подвигается, неистовства войск наших в Молдавии и Валахии раздражили жителей, ко всему этому присоединяются беспечность и интрига» (1522). Он передал Чичагову записку, содержавшую жалобы жителей Молдавии и Валахии на действия армии Кутузова, со словами: «Я не могу далее позволять такие ужасы» (1525). Александр I поручил Чичагову самому подготовить инструкцию относительно круга вопросов, которыми ему предстояло заниматься. Император собственноручно написал проект рескрипта о назначении П. В. Чичагова командующим Дунайской армией и Черноморским флотом. Одновременно адмирал назначался также генерал-губернатором Молдавии и Валахии. А заодно, не дожидаясь исполнения Чичаговым его повеления, Александр I написал и инструкцию для нового главнокомандующего. В целом она отражала основные тенденции проводившейся Россией политики на Балканах. В качестве первоочередной задачи в ней ставилось немедленное заключение мирного договора с Османской империей, которым в обязательном порядке должно было предусматриваться военное сотрудничество. В инструкции подчеркивалось, что если ко времени прибытия Чичагова на Балканы мир уже будет заключен, но союзнический характер отношений в договоре не найдет отражения, то следует непременно добиваться добавления к нему «условия о союзе наступательном и оборонительном» (1528). В ней отмечалось «коварное поведение Австрии», ставшей союзником Франции, которое «вынуждает Россию употребить все зависящие от нее средства, чтобы разрушить враждебные намерения этих двух государств». В связи

[1] Из записок адмирала Чичагова // Русский архив. 1870. № 9. Стлб. 1522. Далее ссылки на «столбцы» издания приводятся в тексте в круглых скобках.

[2] Казаков Н. И. Проект привлечения народов Балканского полуострова к борьбе против наполеоновской агрессии в 1812 г. // 1812 год. К столетию Отечественной войны. М., 1962. В статье детально и аргументированно показаны замыслы российского правительства использовать освободительное движение на Балканах для противодействия планам Наполеона, в ней излагаются различные военно-политические проекты, возникавшие в начале XIX века в отношении балканских народов, в частности и проекты П. В. Чичагова (С. 48–49).

inslav

с тем, что отношения России с австрийским двором изменились, должны быть соответственно изменены и условия мира с Турцией: «Нужно требовать, чтобы турки не только не мешали бы Сербам и другим христианским народам, находящимся под их владычеством, помогать нам, – отмечалось в инструкции, – но чтобы и сами они были расположены откровенно и добровольно употребить все зависящие от них средства для действия против общих наших неприятелей». С целью расположить турок к России, можно обещать, что после победы над неприятелями им будут возвращены «республика Рагузская [Дубровник] и Ионические острова, которыми они прежде владели» (1528). Порту необходимо уверить в том, что «мир с Россиею ставит ее в опасную вражду с Франциею» и потому она должна принять участие в «успехах оружия нашего против Наполеона» (1528). Особое внимание уделялось возможности привлечения славянских народов на сторону России. В инструкции, в частности, предписывалось: «Самое главное – нужно употребить в нашу пользу воинский дух народов славянского происхождения, как то: жителей Сербии, Боснии, Далмации, Черногории, Кроации, Иллирии, которые, вооружившись и получив военное устройство, могут сильно содействовать нам». Как считал Александр I, «военное устройство упомянутых народов должно согласоваться с обычаями их земли. Однако если бы возможно было, – высказывал далее он свои соображения, – водворить у них, хотя в некоторых частях, правила военной дисциплины, то воспользоваться этим, и не терять из виду, что порядок и точность везде полезны, особенно для успеха военных действий» (1529). Для подкрепления славянских формирований Чичагову рекомендовалось дать им «такое количество» пехоты, кавалерии и артиллерии, какое он сочтет нужным (1530). Предполагалось, что и венгры займут в отношении Австрии позицию, благоприятную для России: «Венгерцы, недовольные поступками настоящего их правления, представляют нам также отличный способ тревожить Австрию, сделав диверсию ее враждебным планам, и, следовательно, ослабить силы ее» (1527). Далее император детализировал намечаемый план: «Все эти народы, соединившись с вашими регулярными силами, составят достаточно значительное ополчение не только для предупреждения враждебных намерений Австрии, но также для значительной диверсии на правую часть французских владений. [...] Цель этой диверсии против Франции должна состоять в том, чтобы занять Боснию, Далмацию и Кроацию и направить их ополчения на самые важные береговые пункты Адриатического моря» (1527).

inslav

Император предписывал Чичагову: «Вы должны употребить все возможные средства к воспламенению славянских народов, чтобы согласить их с нашею целью». А средства предлагались следующие: «Например, обещайте им независимость, учреждение Славянского государства, денежные награды людям более влиятельным между ними, ордена и чины приличные – как для начальников, так и для рядовых» (1527–1528). Кроме того, Чичагову давалась полная свобода действий: «Наконец, в дополнение к этому, Вы можете прибавить все то, что найдете удобным и согласным с обычаями народа и с настоящими обстоятельствами» (1528). Последовавшие вскоре события подтвердили, что предоставленные ему полномочия и возможности достаточно широко применялись на практике. В таком же направлении действовал и сам император: уже 1 (13) мая 1812 г. он подписал именной указ о награждении Карагеоргия орденом Св. Анны I степени. В нем Александр I подчеркивал неизменность позиции России по отношению к боровшимся за свое освобождение сербам. К сербскому вождю были обращены слова: «Уверяю Вас во всегдашнем участии, принимаемом мною во благо предводительствуемого Вами храброго сербского народа»[1].

20 апреля (2 мая) 1812 г. П. В. Чичагов выехал к месту нового назначения, 29 апреля (11 мая) он прибыл в Яссы, 6 (18) мая – в Бухарест, где находился тогда М. И. Кутузов. Предупрежденный своими сторонниками из Петербурга о недовольстве Александра I затянувшимися переговорами с турками и назначении нового главнокомандующего Дунайской армией, Кутузов срочно, в буквальном смысле слова накануне прибытия Чичагова, 5 (17) мая подписал с турками прелиминарные условия мира, и 16 (28) мая был заключен Бухарестский мирный договор.

12 (24) мая М. И. Кутузов сдал командование Дунайской армией Чичагову, и тот принялся наводить дисциплину в войсках, вскрыл финансовые нарушения, прекратил грабежи, содействовал устройству управления «новоприобретенными территориями», отменил там поземельный налог, в результате отношение населения к России стало улучшаться. И сам факт замены на посту командующего Дунайской армией, и вскрытие финансовых и административных нарушений – все это еще более усилило давнюю неприязнь Кутузова к Чичагову, что отразилось на его судьбе в недалеком будущем[2].

---

[1] Савић В. Op.cit. Т. II. С. 1146.

[2] За неудачу в сражении с французской армией на Березине в ноябре 1812 г. всю ответственность М. И. Кутузов возложил именно на П. В. Чичагова. Подробнее см.: Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 307, 306.

inslav

Весной 1812 г. сербские депутаты прибыли в Петербург с просьбой о помощи России восставшим. Они были приняты Александром I, который, как сообщал канцлер Н. П. Румянцев М. И. Кутузову в письме от 2 (14) апреля 1812 г., «не оставит устроить участь сербского народа лучшим образом при замирении с Оттоманскою Портою»[1]. Относительно судьбы сербов в инструкции, данной М. И. Кутузовым в апреле 1812 г. российским представителям на переговорах с Турцией, первым ее пунктом предписывалось внести в текст мирного договора следующее положение: «Мирное и спокойное существование сербов и предоставление им возможности самим установить систему гражданского и внутреннего управления в своей стране и самим осуществлять управление; при этом суверенные права султана ни в коей мере не должны быть ущемлены или умалены»[2], иными словами, условие уплаты сербами дани туркам оставалось.

Несмотря на некоторое сопротивление турецких представителей специальная статья о сербах была все же включена в договор (статья VIII)[3]. В договоре торжественно заявлялось: «Блистательная Порта по правилам своим употребит снисхождение и великодушие против народа сербского.[...] Блистательная Порта дарует сербам прощение и общую амнистию, и они никоим образом не могут быть обеспокоиваемы за прошедшие их деяния». В соответствии с договором сербы получали внутреннюю автономию: Порта «дарует сербам по их просьбам те самые выгоды, коими пользуются подданные ее островов Архипелажских [...], предоставив им управление внутренних дел их, определив меру их податей, получая оные из собственных их рук». Однако столь существенный вопрос, как вопрос о крепостях, был решен не в пользу сербов: построенные ими во время военных действий («по случаю войны») крепости подлежали разрушению. Это мотивировалось тем, что в мирное время они «бесполезны». Тем не менее, одновременно предусматривалось, что «Блистательная Порта вступит во владение по-прежнему всеми крепостями, паланками[4] и другими укрепленными местами [...] с артиллериею, военными припасами и военными снарядами, и она там учредит гарнизоны по своему благоусмотрению»[5]. Таким образом, сербы продолжали оста-

---

[1] Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия I. 1801–1815 гг. (далее – ВПР). Т. VI. М., 1962. С. 356–357.

[2] Первое сербское восстание... Кн.2. С. 251.

[3] ВПР. Т. VI. С. 414.

[4] Место, укрепленное частоколом (воен.)

[5] Там же.

inslav

ваться данниками Османов и, лишившись крепостей, становились беззащитными в военном отношении.

В «Записках» П. В. Чичагов изложил свое мнение по поводу заключенного мирного договора с Турцией. По его выражению, «Бухарестский трактат предавал Сербию мстительности Порты». Сербы надеялись, что договор не будет утвержден Александром I, а когда их ожидания не оправдались и договор был ратифицирован, они были поражены. Как писал Чичагов, «сначала им показалось это невероятным, и удивление их обратилось в негодование, а негодование – в общий упадок духа» (1533). Чичагов постарался каким-то образом смягчить ситуацию. «Я сделал все, что мог, чтобы ободрить и успокоить их; предложил им порох и оружие, и поручил г. Италинскому [А. Я. Италинский – российский представитель в Стамбуле. – Г. М.] энергически требовать у Порты, чтобы сербы не подвергались никакому притеснению от сановников, которым поручено будет управлять ими» (1534). Адмирал считал, что «трактат этот, слишком поспешно оконченный, имел неудобства». Среди недостатков договора, прежде всего, он отмечал, что не была достигнута та цель, которую перед ним лично поставил император – заключение оборонительно-наступательного союза с Османами, направленного против Наполеона (1533). Александр I также не был полностью удовлетворен условиями мирного договора, о чем он сообщил Чичагову в послании от 13 (25) мая 1812 г. Необходимый для России мир удалось подписать, но, отмечал император, «генерал Кутузов упустил очень важный пункт – это то, что сделанные нами по этому трактату уступки были [об]условленны союзом наступательным и оборонительным. Один этот союз мог вознаградить нас за затруднение, которое вследствие этого мира произойдет в наших сношения с сербами и славянскими народами, сношениях для нас очень важных, особенно в настоящее время» (1536).

Узнав о содержании статьи VIII Бухарестского договора, Карагеоргий решил созвать Правительствующий сербский совет и направить в штаб Чичагова ее председателя, одного из руководителей восстания Якова Ненадовича с заявлением, что «сербы не могут согласиться на сдачу туркам крепостей и оружия», поскольку потеря крепостей, была бы равносильна для них полной капитуляции, что сербы требуют полной внутренней независимости от Турции, соглашаясь уплачивать дань. Чичагов уговаривал их принять условия мира, убеждая в необходимости этого шага, так как он позволит России сосредоточить силы на главном направлении – военных действиях против Наполеона, разбив которого, она сможет оказать

inslav

помощь и Сербии[1]. Понимая, что условия мирного договора с Турцией создадут напряженность в отношениях с сербами, уже 16 (28) мая 1812 г., т. е. в день его подписания, командующий Дунайской армией направил Карагеоргию письмо, уведомляя его о своем намерении, «во исполнение высокомонаршей воли», усилить находившийся в Сербии российский корпус новыми военными силами. Кроме того, он сообщал Карагеоргию, что Александр I «всемилостивейше пожаловал» ему «богатую табакерку» – «отличнейший знак монаршей к Вам милости» и «залог дальнейших расположений»[2]. Срочно в помощь сербам был направлен отряд генерал-майора И. К. Орурка. В секретной инструкции от 23 июня (6 июля) 1812 г. Орурку поручалось заверить «верховного вождя сербского», что российские власти стремятся обеспечить «совершенную безопасность» сербов, с этой целью корпус Орурка будет «распределен в разных местах внутри Сербии для зашиты оных и для подкрепления храбрых воинов сербских»[3]. Пытаясь оказывать поддержку сербам, Россия постоянно должна была учитывать особый характер своих отношений с Австрией: в этой связи Орурку предписывалось действовать «сколько можно скрытным образом, дабы не подать какого-либо опасения австрийцам, могущего нанести им тревогу»[4]. В донесении 5 (17) июля из Белграда командующий корпусом сообщал о реакции на прибытие русских войск: «Все начальники сербские, равно и народ, были обрадованы прибытием российских войск и успокоены совершенно от страха нападения от турок»[5]. Сербам оказывалась также поддержка оружием, боеприпасами, деньгами и т.д.

Однако когда началась война с Наполеоном, Россия была вынуждена вывести часть своих воинских формирований из Сербии. П. В. Чичагов в переписке с Александром I выражал искреннее сожаление, что приходится покидать сербов на произвол судьбы. В ответ на его сетования император распорядился заверить повстанцев, что это вынужденная мера и что, справившись с Наполеоном, русские вернутся опять[6]. Адмирал постарался убедить Карагеоргия в том, что подобные действия России в отношении сербов вызваны крайне тяжелой для нее военной ситуацией. «Политические обстоятельства переменились, – обращался он к руководителю сербских повстанцев в письме от 15 (27) июля 1812 г. – Я уверен, что Вы и храбрый народ Ваш согласитесь,

[1] Там же.
[2] Там же. С. 254.
[3] Там же. С. 454.
[4] Там же. С. 455.
[5] Там же. С. 490.
[6] Там же.

inslav

что часть российского войска не должна оставаться в бездействии на землях Ваших тогда, когда отечеству угрожает неприятель. [...] Но сия часть войска оставляет Сербию для того только, чтобы идти против французов и способствовать успехам, которые могут доставить России то преимущество в Европе, от коего зависит благосостояние Ваше»[1]. В итоге сербы вынуждены были все же согласиться с содержанием подписанного и ратифицированного Бухарестского договора. В конце июля 1812 г. Карагеоргий писал Чичагову: «Уверит могу, что навеки я и вес народ сербски будем исполнит, где слава и полза престола росиского ест»[2]. В августе Карагеоргию был передан орден Св. Анны I степени, получили награды и другие сербские старейшины[3].

Вопрос о проведении адриатической экспедиции некоторое время продолжал оставаться предметом переписки между П. В. Чичаговым и Александром I. Когда Александр I отсылал послание 13 (25) мая 1812 г., война с Наполеоном еще не началась. Император, связывая вопрос об экспедиции с российско-турецкими отношениями и выражая надежду на более тесное военное сотрудничество, обращался к Чичагову: «Вам, может быть, удастся устроить союз наступательный и оборонительный, и, не изменяя плана нашего, убедить ее [Турцию] выставить вспомогательное войско из сербов, босняков, кроатов и других христианских народов» (1538). Это предложение, как советовал Александр I, можно было бы представить туркам как «средство сбережения мусульманской крови» (1538). Он сообщал адмиралу о получении сведений, что Наполеон выехал из Парижа, ближе к театру военных действий, и находится в Дрездене или даже уже в Берлине. Австрийские войска должна была сдерживать армия генерала А. П. Тормасова. Но не исключалось, что в случае активных действий австрийцев, некоторые формирования Дунайской армии могут быть двинуты на помощь русским войскам в Буковину. Продолжая в какой-то степени рассчитывать на возможную поддержку со стороны Турции, Александр I в качестве допустимого варианта предлагал «попробовать вторгнуться далее внутрь Австрийской монархии, как например, в Трансильванию или даже в Банат» (1538).

Александр I выражал слабую надежду на то, что представится возможность «выманить такой союз у Порты». Он полагал, что достичь желаемого можно исключительно «с помощью страха». С этой целью император предлагал использовать имевшийся в его распоряжении документ относительно планов Наполеона: в кратчайшие сроки раз-

[1] Савић В.Указ соч. Т. II. С. 1178.

[2] Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. Документы. М., 1997. С. 62.

[3] Первое сербское восстание ... Кн.2. С. 69.

inslav

громить Россию, потребовать от нее предоставления 100-тысячного вспомогательного войска, присоединить его к своей армии и двинуться против Турции, а заняв Константинополь, основать свое «восточное государство» (1536, 1537).

В ответном письме императору Чичагов выражал свое мнение по поводу союза с турками, полагая, что он России не нужен, поскольку русская армии достаточно сильна: Тормасов в состоянии оказывать сопротивление австрийцам, а у него самого «довольно сил, чтобы удержать турок и произвести диверсию» (1540). Однако Александр I продолжал настаивать на заключении с Турцией наступательного и оборонительного союза, несмотря на полученные от Австрии заверения, что союз ее с Наполеоном вынужденный и что она не будет вести серьезных военных действий против России. В письме от 7 (19) июня 1812 г. император сообщал Чичагову об обещаниях Австрии, что «война будет только на одном пункте» и что «она ручается за спокойствие остальных по границе нашей [российско-австрийской. – Г. М.]» (1346).

С развертыванием военной кампании Наполеона против России, намерения российского императора относительно проведения военной «диверсии» на юге стали постепенно меняться, хотя в самом начале войны этот план еще оставался актуальным. 13 (25) июня 1812 г. Чичагов получил от Александра I присланное с курьером известие, что войска Наполеона перешли границу Российской империи. «Теперь у нас руки развязаны для диверсии, – писал он адмиралу, – лишь бы только Вы могли устроить ее с Портою» (1543). При этом снова подчеркивалась необходимость осторожных действий по отношению к Австрии, «чтобы не сделать из нее врага более опасного, чем она в настоящее время» (1543). Чичагов продолжал настаивать на воплощении своего проекта, полагая, что христианское население Балкан поддержит русскую армию. Однако у Александра I появились уже некоторые сомнения в возможности его реализации. «План ваш очень обширный, очень смелый, но можно ли ручаться за успех его?», – писал он адмиралу 18 (30) июля 1812 г. Император видел сложившуюся ситуацию более масштабно и в связи с этим отмечал, что подобая акция, во-первых, «отнимет силы армии», а, во-вторых, не найдет положительного отклика ни у соотечественников, ни у союзников – англичан и шведов, которые будут встревожены этим действиями (1347). Александр I пришел к выводу, что следует отказаться от проекта Чичагова. «Диверсия, – писал он командующему Дунайской армией, – на которую по письму Вашему от 29 июня Вы совсем решились, теперь, кажется мне, встречает столько препятствий, что, может быть, найдется средство, более удобное всех прочих и которое могло бы произвести не менее полезные результаты,

inslav

а именно: сделав размен ратификаций, довольствоваться на время этим миром, не требуя настойчиво союза, и двинуть все войска под Вашим начальством, через Хотин и Каменец-Подольский, к Дунаю, где Вы будете усилены армиею Тормасова», а далее пойти прямо на Варшаву, отвлекая силы Наполеона от двух русских западных армий. План похода на Константинополь откладывался (1548).

Тем временем ход военных действий для России становился все более угрожающим, войска Наполеона быстро продвигались в глубь страны, и Александр I склонился к решительному отказу от осуществления «диверсии» на юге. Уже находясь в Москве, он направил прямые указания Чичагову. Подчеркивая, что мысли командующего должны быть «устремлены на то, чтобы употребить все наши средства против главного врага, с которым мы воюем», император приказывал: «Немедленно идите на Днестр, а оттуда – на Дубно». Затем, усилившись благодаря присоединению армии Тормасова и корпуса герцога Ришелье, Чичагов должен был предпринять наступление на Пинск, либо на Люблин или Варшаву. По мнению императора, «такое движение поставит Наполеона в затруднительное положение и может дать совершенно противный оборот в делах» (1550).

Следуя указаниям Александра I, Чичагов двинул части Дунайской армии к Днестру. Сербы остались практически без поддержки со стороны России. Одобрительно оценивая деятельность П. В. Чичагова в Бессарабии по организации управления этой территорией, Александр I выражал особое удовлетворение и действиями Чичагова по отношению к сербам: «Но чем не могу я достаточно нахвалиться, – писал император, – это образ действий Ваших по отношению сербов. Вызванная Вами преданность к нам этого народа, составляет истинную услугу, оказанную Вами как России, так и мне»[1]. Покидая Бухарест, Чичагов оставил Александру Стурдзе, ставшему господарем Молдавии и Валахии, инструкцию по управлению Бессарабией. Особо он обращал его внимание на отношение к православному населению: «Болгары, молдаване, валахи, сербы ищут себе отечества – от Вас будет зависеть внушить им убеждение, что они найдут его под Вашим благоразумным управлением»[2].

Покинув Балканы, Чичагов продолжал поддерживать переписку с Карагеоргием, информировать его об успехах русского оружия в ходе войны с Наполеоном, надеясь тем самым оказать ему моральную под-

[1] Семенов П. Н. Биографические очерки сенаторов по материалам, собранным П.И. Барановым // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1886. Апрель–июнь. Кн. 2. С. 150.

[2] Там же.

inslav

держку. 26 сентября (8 октября) 1812 г. из-под Рудни адмирал писал ему: «Преследую соединенные корпусы австрийских и саксонских войск»[1]. Позднее он сообщил Карагеоргию о победе русской армии под Тарутином[2]. В письме от 16 (28) октября сербский вождь благодарил его за полученные «радостные вести»[3].

Весной 1813 г., воспользовавшись международной обстановкой, тем, что силы русской армии были сосредоточены на борьбе с Наполеоном, султанское правительство усилило военные действия против сербов. Повстанцы потерпели тяжелое поражение. Начался террор, разорение страны, часть сербского населения бежала в Австрию, которая, отказывая в военной помощи, согласилась предоставить сербам убежище. В октябре 1813 г. туда прибыл и Карагеоргий, но через год он покинул Габсбургскую империю и поселился в Бессарабии.

Российское правительство, хотя и знало о бедственном положении сербов, тем не менее, считало, что они должны продолжать вооруженное сопротивление туркам. В инструкции, которую статс-секретарь по иностранным делам К. В. Нессельроде 17 (29) сентября 1813 г. направил российскому дипломатическому представителю в Сербии Ф. И. Недобе, он разъяснял, что «Россия не может отвлекать свои силы для оказания помощи сербам»[4]. Недобе поручалось собрать наиболее влиятельных членов Сербского совета и внушить им, что Александр I «горячо заинтересован в спасении их отчизны, но в настоящее время они могут рассчитывать только на собственные силы». Он должен был также передать сербским представителям, что российский император «соблаговолил предложить сербам убежище, даже родину, в своих обширных владениях». Однако реализация предложения сопровождалась условиями: «Но чтобы это заслужить, – подчеркивалось в инструкции, – они должны предпринять последнее усилие, защищая до последней крайности свою родную землю». Это условие было вызвано опасениями России, что турки, полностью подавив сербское движение, могут вступить с ней в войну. Необходимо было выиграть время, и поэтому российскому представителю рекомендовалось прибегнуть к методу запугивания, обязав сербов сохранять в тайне свое обращение за помощью к России и ее позицию, поскольку в противном случае, если туркам станет известно об этом, на повстанцев «обрушатся огромные силы» турецкой армии[5].

---

[1] ВПР. Т. VI. С. 244.
[2] Там же. С. 583.
[3] Савић В. Op. cit. Т. II. С. 1219.
[4] Первое сербское восстание… Кн. 2. С. 340.
[5] Там же. С. 341.

inslav

Сербы не прекращали искать у России поддержки и помощи. 24 ноября 1813 г. Карагеоргий и члены Сербского совета направили Александру I письмо, в котором сообщалось, что они посылают к нему архимандрита Спиридона Филипповича с тем, чтобы он довел до сведения российского императора о трагическом положении сербского народа и передал ему просьбу о помощи, которая «избавила бы его [сербский народ. – Г. М.] от погибели»[1].

К этому же времени относится и письмо Карагеоргия от имени членов Сербского совета П. В. Чичагову. В начале послания сербский вождь выражал ему признательность за доброе отношение к сербам: «Благодеяния, оказанные во всех случаях Вашим высокопревосходительством народу сербскому, навеки пребудут в благодарных наших сердцах», – писал он. Он был уверен, что поражение сербского восстания и «несчастное состояние» Сербии отзывается болью в душе адмирала. Затем Карагеоргий излагал те злополучные события и обстоятельства, с которыми пришлось столкнуться ему самому и другим повстанцам: «Потом мы принуждены были оставить отечество наше и прейти в Австрийскую державу, на временное убежище, с твердым намерением переселиться под скипетр Российской империи. Известься о сем, правительство здешнее начало, вместо благосклонного гостеприимства, делать на нас явное нападение и несправедливые происки под видом давнишнего долгу их подданным, взяв под секвестр все имущество наше, а вероломные не допущают стать нам пред священнейшими стопами его императорского величества, но и удерживают отправить депутатов г. архимандрита Филиповича с прошением к высочайшему нашему покровителю о нашем избавлении». В заключение Карагеоргий обращался к Чичагову с просьбой: «Того ради, Ваше высокопревосходительство, яко нашего истинного благодетеля, всенижайшее просим довесть до сведения о гибельном нашем состоянии его императорскому величеству и исходатайствовать нам избавление из сего угнетения»[2].

В ответном послании Карагеоргию и членам Сербского совета П. В. Чичагов писал:

«Милостивые государи мои!

Письмо ваше от 30 ноября прошлого 1813 года я получил. Прискорбно мне было видеть сделанное вами описание бедственного положения вашего. Доходившие сюда и прежде о том сведения наполняли горестью мое сердце. Я готов бы был употребить все способы для спасения Сербии, не пощадил бы жизни моей, если бы сею ценою

[1] Там же. С. 347.

[2] НИОР РГБ. Там же. Л. 1–1 об. При цитировании сохранена орфография документа.

inslav

мог восстановить и утвердить благоденствие ее. Столько любезен мне народ сербский за дознанное праводушие его и благородное поведение в бывших сношениях с единоплеменною ему Россиею! Но переменившиеся обстоятельства заставляют меня ограничиться тем, чтобы искренне жалеть о участи вашей и пожелать скорой перемены несчастного вашего состояния. Я не оставлю, однако же, довести письмо ваше до сведения государя императора и полагаю, что его величество к облегчению бедствий, вас удручающих, соизволит принять меры, сообразные с сделанными вам от меня именем его обнадеживаниями.

Примите уверение в отличном и непременном к вам почтении, с которым всегда пребуду»[1].

Неизвестно, удалось ли Чичагову сдержать свое обещание и оказать какое-либо содействие сербским представителям.

Отношение П. В. Чичагова к сербам соответствовало его общим принципам, в соответствии с которыми он признавал право народов на самостоятельное независимое существование[2].

Ко времени обмена этими посланиями, однако, оба его участника – и Карагеоргий, и Чичагов – уже почти полностью потеряли свой политический вес и не могли оказывать сколько-нибудь значительного влияния на судьбы своих народов. С подавлением Первого сербского восстания Карагеоргий утратил свои позиции лидера сербского национального движения, и ему оставалось всего лишь несколько лет до трагической гибели. А. П. В. Чичагов, после неудачного для него сражения при Березине, подвергался унизительным насмешкам и, практически оставшись не у дел, вскоре вынужден был покинуть Россию, как оказалось, навсегда. Этот обмен письмами, по существу, явился только отголоском их прежней, еще столь недавней, бурной политической деятельности.

И. В. Чуркина

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ НА ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКЕ И СЛАВЯНСКОМ СЪЕЗДЕ В МОСКВЕ В 1867 Г.

В 2007 г. исполнилось 140 лет со времени проведения Всероссийской Этнографической выставки и Славянского съезда в Москве.

[1] Там же. Л. 3–3 об.

[2] О позиции П. В. Чичагова в отношении независимости Польши см.: Макарова Г. В. Адмирал П. В. Чичагов и его отношение к «польскому вопросу» // Славянский альманах. М., 2004.

inslav

Инициатором Этнографической выставки стало Общество любителей естествознания при Московском университете. Выставка задумывалась как чисто научное предприятие, призванное ознакомить российскую общественность с величиной и разнообразием народонаселения Российской империи. Идею ее проведения поддержало российское правительство: ее почетным президентом был назначен один из сыновей царя великий князь Владимир Александрович. По представлению профессора Московского университета Нила Александровича Попова в ноябре 1865 г. Общество приняло решение создать на выставке Славянский отдел, на котором были бы представлены костюмы зарубежных славянских народов.

В формирование этого отдела активно включились славянофилы. Сношения с зарубежными славянами, приобретение у них костюмов для Этнографической выставки они поручили протоиерею православной церкви при русском посольстве в Вене Михаилу Федоровичу Раевскому. Раевский находился в Австрии с 1843 г. и за это время приобрел широкий круг знакомств среди славянских деятелей Австрийской империи. Через него первые русские слависты, приезжавшие в Вену для изучения языка, литературы, истории, этнографии славянских народов, знакомились со славянскими учеными, а затем использовали Раевского для передачи им книг. Раевский выполнял и некоторые поручения министерства иностранных дел, посылая ему иногда записки с описанием положения дел в славянских областях Габсбургской монархии. После учреждения в 1867 г. Московского славянского благотворительного комитета Раевский стал, по мнению профессора С. А. Никитина, самым важным его агентом за рубежом[1].

Раевский охотно взялся за дело. В Вене ему удалось издать специальную брошюру, посвященную выставке «Die Russische etnographische Ausstellung in Moskau» (Wien, 1866), обращения комитета выставки и инструкции по сбору этнографического материала были напечатаны во многих славянских газетах. По просьбе Раевского редактор венской газеты «Slawische blatter» хорват Абель Лукшич в мае 1866 г. посетил Пешт, Нови Сад, Вуковар, Загреб, Любляну, где вел переговоры с виднейшими национальными деятелями славян о посылке на Этнографическую выставку в Москву этнографических предметов своих народов. Лукшич не только разговаривал непосредственно со славянскими лидерами, но и опубликовал в своей газете призыв направлять в Москву этнографические материалы[2].

---

[1] Никитин С.А. Славянские комитеты в России. М., 1960. С. 91.
[2] Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 273.

inslav

На призыв Раевского откликнулись многие славянские деятели. И это было связано не только с их симпатиями к России, но и с той политической обстановкой, которая сложилась в то время в Габсбургской монархии. С начала 1860-х годов, с установлением в ней определенных конституционных норм, там шла борьба за преобразование Австрийской империи на централистской, дуалистической или федералистской основе. Славянские политики выступали за федерализм, венгры и часть австрийского двора – за дуализм, немецкие либералы и большая часть австрийского двора – за централизм. К середине 60-х годов стало ясно, что в правящих кругах Австрии все большую поддержку получают идеи дуализма. Против этого были настроены решительно все славяне.

Определенный перелом в отношении к славянам произошел после поражения в Крымской войне и среди правящих российских кругов. Война показала всю несостоятельность надежд России на союз трех императоров. Утверждение М. П. Погодина, что единственными союзниками России в Европе являются славяне, «родные нам по крови, по языку, по сердцу, по истории, по вере»[1], встречало известное сочувствие и в обществе, и в правительственных кругах. После вступления на престол Александра II произошла смена министра иностранных дел – вместо графа Нессельроде, выступавшего за союз с Пруссией и Австрией, весной 1856 г. министром иностранных дел был назначен князь А. М. Горчаков. Многие из его окружения сочувствовали славянам. Главное внимание русские правительственные круги уделяли славянам Османской империи. Однако и к национальным деятелям Австрийской империи они проявляли определенный интерес. Так, в 1862 г. во время празднования тысячелетия России 30 славян получили российские ордена, из них 28 являлись австрийскими подданными.

Таким образом, говоря о приглашении славян на Этнографическую выставку в Москве Обществом любителей естествознания и о довольно активном отклике на него славянских деятелей Австрии, надо иметь в виду и политические мотивы этого.

Для сбора этнографических предметов Раевский обратился к наиболее влиятельным славянским культурным организациям и отдельным деятелям славян.

Раевский написал самому влиятельному словенскому политику того времени Янезу Блейвейсу, редактору главной словенской газеты «Кметийске ин рокоделске новице» (Сельскохозяйственные и ремесленные новости) и одному из руководителей Словенской матицы. 20 октября 1866 г. Блейвейс сообщил Раевскому, что по уставу Сло-

[1] ЦГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Д. 6. Л. 6 с об.

inslav

венская Матица не может принять участие в Этнографической выставке. Однако он обещал прислать два костюма, мужской и женский, из Крайны с необходимыми фотографиями. Блейвейс указывал, что послал письма каринтийскому священнику Матии Маяру и штирийскому адвокату Радославу Разлагу с просьбой прислать на выставку костюмы каринтийских и штирийских словенцев[1]. Блейвейс выполнил свое обещание относительно костюмов краинцев, которые он купил на средства свои, своих братьев и словенских политиков Л. Томана и Э. Косты. В октябре 1866 г. пришел богатый дар от Матии Маяра, настоятеля прихода в Зильской долине. Маяр активно участвовал в словенском национальном движении уже в 30-е годы: сочувствовал иллиризму, собирал фольклор по словенским деревням, работал над созданием сначала единого языка для всех южных славян, затем – общеславянского языка. 26 октября 1866 г. Раевский радостно сообщал Попову: «Словенцы нам посылают краинскую (каринтийскую – И. Ч.) свадьбу из шести лиц со всем прибором только без коня и телеги»[2]. На основе подарка Маяра была создана лучшая композиция в Славянском отделе на Этнографической выставке.

В Далмации наиболее известен Раевскому был сербский национальный деятель Божидар Петранович, инициатор учреждения в 1862 г. Далматинской матицы. В первое время он являлся ее главою. На обращение Раевского по поводу сбора экспонатов для Этнографической выставки Петранович в письме от 1/13 ноября 1866 г. жаловался на бедность далматинцев, которые в ответ на просьбу Матицы прислать национальные костюмы написали ему об отсутствии у них средств на их покупку. Сама Матица смогла выделить на это только 300 флоринов. От патриотов Петранович получил деньги на мужской костюм из Задарского среза и на женскую и мужскую одежду и фотографии из Будванского среза. Возможно, ему еще удастся получить две куклы в национальных костюмах из Синьского среза[3].

В Хорватии и Славонии сбором экспонатов для выставки занимался учитель географии в загребской гимназии Петар Маткович, который был назначен секретарем хорватского комитета по делам Этнографической выставки в Москве. Судя по его письмам Раевскому, ему удалось отправить в Москву шесть кукол в национальных костюмах из Славонии, несколько фотографий, три музыкальных инструмента – в качестве дара, а также мужской и женский костюмы жителей Во-

[1] Зарубежные славяне и Россия. С. 44.

[2] Чуркина И.В.Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978. С. 169.

[3] Зарубежные славяне и Россия. С. 362.

inslav

енной Границы. Последние Маткович просил вернуть, так как они стоят 80 форинтов[1]. Помимо этого Лукшичу во время его поездки удалось договориться с сербом Александром Вукашиновичем, депутатом хорватского сабора от Вуковара, и фабрикантом из Осиека хорватом Феликсом Лаем, которые обещали прислать экспонаты на Этнографическую выставку[2].

Раевскому приходилось собирать экспонаты не только среди южных славян Австрии, но и из Черногории. Приобретение черногорских национальных костюмов было поручено русскому консулу в Дубровнике К. Д. Петковичу. Но ему, по всей вероятности, было сложно связаться с жителями Черногории. 24 ноября 1866 г. черногорский архимандрит Никифор Дучич сообщал Раевскому, что Петкович ничего не сумел достать для выставки в Боке Которской, и обещал это сделать сам. Он писал, что постарается убедить князя Черногории Николая и вдову черногорского князя Данилы Даринку подарить выставке костюмы черногорцев[3]. С помощью Дучича Петкович получил этнографические экспонаты от черногорцев. 22 января он послал Раевскому женский и мужской костюмы из Боки Которской, посланные Дучичем, а также женские черногорские костюмы от вдовствующей княгини Даринки. Все они передавались в дар Этнографической выставке. Петкович добавлял, что князь Николай тоже собирается послать костюм черногорца[4].

Уже в конце 1865 г. славянофилы стали думать о возможности проведения в Москве съезда славянских политиков, используя их приезд на Этнографическую выставку. 23 октября 1865 г. В. И. Ламанский писал Н. А. Попову: «Знаете, что бы надо устроить у Вас в Москве по случаю Этнографической выставки в 1867 г. Во-первых, устроить несколько публичных чтений о славянстве. Вы бы прочли две-три лекции, я бы тоже не отказался, можно бы пригласить Лавровского и пр. Во-вторых, устроить в то время в Москве первый славянский съезд. По моей мысли, сообщенной некоторым чехам в Праге, напр. Эрбену и пр., написал потом Ткалац свою статью 1862 г. о съезде по случаю тысячелетия памяти Кирилла и Мефодия. Но чтобы удалось это дело теперь, надо начать и провести его без шуму»[5].

Чтобы предполагаемый славянский съезд был представительным, некоторые русские славянофилы, прежде всего из ученых, написали личные письма с приглашением на выставку ряду выдающихся

[1] Там же. С. 276, 277.
[2] Там же. С . 273.
[3] Там же. С. 168.
[4] Там же. С. 357.
[5] Никитин С.А. Указ. соч. С. 167.

inslav

славянских деятелей. Уже 1 ноября 1866 г. Ламанский, благодаря Раевского за хлопоты по поводу Этнографической выставки, одновременно спрашивал, кто бы из славян мог приехать на нее. Среди желательных гостей он указывал русина А. И. Добрянского, словенца Я. Блейвейса, хорвата И. Кукульевича, чеха Ф. Ригера, сербов М. Поповича и С. Милетича и др.[1]

Приглашение славян на Этнографическую выставку тоже ложилось на плечи Раевского. Однако приняли в этом участие и М. П. Погодин, и И. И. Срезневский и др.

Русский славянин, написавший анонимную брошюру «Первый всеславянский съезд в России», так определял цели приезда на съезд славянских политиков: они прибыли «в сознании необходимости единения славянского мира, ... в сознании единственной возможности достижения целей отдельных славянских народов при духовном и нравственном единении всех этих народностей в братском единодушии и единомыслии»[2].

В ответ на приглашения видных славянских деятелей в Москву в австрийской немецкой прессе началась настоящая травля тех, кто пожелал бы отправиться на Этнографическую выставку. Газеты провозглашали встречу славян в Москве «панславистским сборищем» и подчеркивали: «побратимство на панславистской основе – это заговор против Австрии; кто в нем участвует, тот вызывает всю Австрию, и вопль негодования, – вот единственный ответ, который могут дать народы Австрии тем, кто примыкает к преступному покушению на ее существование»[3].

Это не было мнением только прессы – пресса в данном случае выражала мнение правительственных кругов в Вене. В полицейских архивах зафиксировано их отношение к поездке славянских деятелей в Москву. «Панславистское движение, – отмечалось там, – которое в российских кругах, во всяком случае, петербургским кабинетом откровенно поощряется и поддерживается, является все более угрожающим для населения Австрии. Этнографическая выставка в Москве самым тесным образом связана с этим движением и одновременно является его выражением ... По-видимому, она имеет не только этнографическое значение»[4]. Австрийское правительство даже пыталось сорвать поездку славян в Москву. Так австрийский посланник

[1] Зарубежные славяне и Россия. С. 268.

[2] Первый всеславянский съезд в России. Его причины и значение. М., 1867. С. XIII.

[3] Никитин С.А. Указ. соч. С. 171.

[4] Главачка М. Еще раз о поездке австрийских славян в Россию в 1867 г. // Славяноведение. 2007. № 1. С. 61.

inslav

в Петербурге граф Ревертера попытался говорить об этом с министром иностранных дел России Горчаковым, но тот занял позицию невмешательства. Когда же Ревертера обратился к П. А. Валуеву, он попросил австрийского посланника дать ему список лиц, приезд которых в Москву был бы нежелателен австрийскому правительству. Валуев подчеркнул, что российское правительство стоит в стороне от организации Этнографической выставки. Вопрос о списке поставил Ревертеру в тупик. Тогда министр иностранных дел Австрии Бейст прислал Ревертере инструкцию с тем, чтобы он прочитал ее Горчакову. В ней российское правительство предупреждалось, что австрийское правительство останется в стороне, если в Галиции будет проведена манифестация с участием подданных России. Бейст недвусмысленно намекал на поляков. Кстати, и галицкие поляки, и польская эмиграция в Париже выступали против самой идеи проведения славянского съезда. Так газета «Дзенник Полски» (Львов) писала, что Этнографическая выставка устроена, чтобы продемонстрировать миру солидарность всех славян: «Ложь – эта солидарность славянских племен под русским протекторатом».

Но ко всем этим демаршам австрийского правительства Россия отнеслась более чем прохладно. В ответ на инструкцию Бейста Горчаков ответил, что императорский двор покровительствует Этнографической выставке, которая не имеет ничего общего с утопиями московской партии. Относительно угрозы антироссийской демонстрации в Галиции Горчаков заметил, что «в России найдется мало охотников принять в ней участие».

Бисмарк, ознакомившись с положением дел, дал совет австрийским властям обвинить всех, кто поехал на Московскую этнографическую выставку, в государственной измене и арестовать[1].

Так сурово, как предлагал Бисмарк, австрийские власти со славянскими деятелями не обошлись. Но на местах тем, кто собирался поехать в Россию, было сделано соответствующее предупреждение. Особенно жестко поступали с теми, кто хотел поехать в Москву, власти в венгерской части Габсбургской монархии. Так был вынужден отказаться от этой поездки видный хорватский деятель И. Кукульевич, поскольку хорватский бан пригрозил ему увольнением со службы – Кукульевич в то время являлся великим жупаном Загреба[2]. По-видимому, такого же рода предупреждение получили и другие славянские деятели, в частности словенцы. Всего их было приглашено в Москву десять человек. Письма Блейвейса Раевскому показывают,

[1] Никитин С.А. Указ. соч. С. 171–173.
[2] Зарубежные славяне и Россия. С. 259.

inslav

что почти все они отказались от поездки в Москву под благовидными предлогами (заседания в Венском парламенте, провинциальных собраниях, болезнь и пр.)[1].

Такова была обстановка в Габсбургской монархии, когда славянские деятели получили приглашения на Этнографическую выставку в Москве. Несмотря на нападки прессы, на угрозы правительственных кругов значительное число приглашенных поехали в Москву. Всего туда отправилось 81 человек, из них – 65 австрийских славян (27 чехов, 16 австрийских сербов, 10 хорватов, 4 русина, 3 словака, 3 словенца), 12 сербов из княжества, 2 черногорца, 1 болгарин, 1 поляк из Пруссии (кашуб). Больше всего приехало чехов (27 чел.) и сербов (28 чел.). [2]

В чешской делегации находились самые значительные лидеры чехов: от старочехов Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Ф. Браунер, от младочехов Э. Грегр, Э. Вавра. Из австрийских сербов наиболее видными были М. Полит-Десанчич, поборник объединения сербов, член хорватского сабора, А. Вукашинович, тоже член хорватского сабора и его вице-президент, Й. Суботич, сербский писатель, сторонник югославянской идеи. Из хорватов наиболее известными являлись бывший лидер иллирского движения Л. Гай, выдающийся далматинский издатель и публицист И. Данило, издатель хорватских и немецких газет Абель Лукшич. Среди трех словенцев, отправившихся в Москву, выделялся М. Маяр, один из создателей программы Объединенная Словения, сторонник установления единого литературного языка для всех славян. Во главе делегации из княжества Сербия стоял министр юстиции А. Петрониевич. Кроме него в делегацию входили два представителя Сербского ученого общества: первый секретарь министерства народного просвещения М. Миличевич и сербский историк и литератор секретарь общества Янко Шафарик, племянник известного чешского ученого П. Й. Шафарика. Среди сербов княжества был и старейший сербский журналист Милорад Медакович, переехавший из Австрии в Сербию. Из Черногории в Москву прибыли тесть князя Николая, сенатор и начальник черногорской гвардии Петр Вукотич и сенатор и церничский воевода Илья Пламенац. Болгарию представлял врач И. Богоров, издатель и публицист, автор первого болгарского учебника по географии. В Москве к нему присоединился сотрудник славянофильских газет «День» и «Москва» и катковских «Московских ведомостей» Райко Жинзифов, живший в то время в Москве.

---

[1] Там же. С.45, 46.

[2] Никитин С.А. Указ. соч. С.174, 175; Главачка дает другие цифры – всего чехов и мораван поехало 26 человек. См. Главачка М. Указ. соч. С. 56.

inslav

Интересно, что из тех, кто отправился в Москву, жертвователей этнографических предметов было немного. Уже этот факт указывает на то, что славянофилы, приглашая славянских гостей, думали не столько об Этнографической выставке, сколько об устройстве своеобразной политической демонстрации.

4 мая 1867 г. 62 представителя славянских народа пересекли австрийско-российскую границу. Позже приехали Палацкий и Ригер, а также лужицкие сербы, черногорцы и некоторые другие. В городах, через которые проезжали славянские гости, для них устраивались торжественные встречи с музыкой, речами, обедами и пр. Особенно пышным был прием в Варшаве, где от сербов княжества выступил Я. Шафарик, а от австрийских сербов – Полит. Шафарик заявил: «Предлагаю тост в честь вечной славы и величия русского народа, божиею волей от природы назначенного защитником и хранителем славянской народности». Полит выступил в том же духе, подчеркнув, что «Россия не принадлежит исключительно только русским – нет, она есть общеславянское достояние; русский царь есть царь родственных ему славян»[1].

Горячая встреча ожидала славян в Петербурге. Уже на Варшавском вокзале их встречала восторженная толпа в две тысячи человек. И началась чреда приглашений, встреч, обедов.

11 мая славяне присутствовали на богослужении в память св. Кирилла и Мефодия в Исакиевском соборе. Оно произвело на них большое впечатление. В частности, о нем писал в своем журнале «Славян» Маяр: «Когда мне представлялась возможность, я с удовольствием смешивался с русской толпой ... Теперь я имел полную возможность своими глазами в действительности увидеть то, о чем я читал и что изучал дома, сидя за своим письменным столом»[2]. В тот же день состоялся обед в Дворянском собрании, стены которого были украшены именами знаменитых славянских деятелей. Во вступительной речи министр народного просвещения граф Д. А. Толстой призвал славян изучать языки и историю друг друга, устанавливать контакты между собою. Среди выступавших гостей запомнилась речь Полита, который сказал: «Вопрос о судьбе славянства можем решить теперь только сами мы, славяне, и в этом случае первая роль выпадает на долю России ... Россия теперь не только русская, но и славянская, всеславянская держава». В последующие дни славяне посетили заседание Отделения русского языка и словесности Академии наук,

[1] Всероссийская Этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867. С. 161, 164, 173.

[2] Slavjan. 1873. № 9. S. 139, 140.

inslav

музей Академии наук, Эрмитаж и Зимний дворец, Горный институт, монетный двор, Петропавловский собор.

Пребывание славян в Петербурге было отмечено встречами с высшими чиновниками России и даже царем. 10 мая министр иностранных дел А. М. Горчаков принял сначала официальных представителей княжества Сербии, а затем отдельно Палацкого и Ригера. В честь славян дал обед министр народного просвещения Д. А. Толстой. Вечером 12 мая славянские гости присутствовали на концерте М. Балакирева, на котором исполнялись «Комаринская» Глинки, «Казачок» Даргомыжского, «Увертюра на чешские темы» Балакирева, «Увертюра на сербские темы» Римского-Корсакова, «Фантазия на словацкие темы» Листа, ария из оперы польского композитора Монюшко. По окончании концерта Ригер торжественно преподнес Балакиреву дирижерскую палочку из резной слоновой кости, выполненную чешскими мастерами[1].

Кульминацией пребывания славян в Петербурге стала их поездка 14 мая в Царское село. Большинство провели там экскурсию, 26 человек были приняты Александром II. На приеме присутствовали: сербы из княжества (Петрониевич, Джорджевич, Шафарик, Миличевич, Тодорович), чехи (Палацкий, Ригер, Гамерник, Эрбен), русин Головацкий, болгарин Богоров, австрийские сербы (архимандрит Ковачевич, Бегович, Милутинович, Кукич, Суботич, Маткович, Полит), словак Я. Есенский, лужичане Я. Смоляр и П. Дучман. Речь царя была краткой, но благожелательной. «Здравствуйте, господа! – сказал он. – Я рад видеть вас, славянских братьев, на родной славянской земле. Надеюсь, что вы останетесь довольны приемом как здесь, так и особенно в Москве. До свидания!»[2]. В разговоре с сербами Александр II заявил, что помощь им он считает своим наследственным делом. Далее он выразил надежду на лучшее будущее для сербов, поинтересовался, вывели ли турки свои войска из Белграда. Отдельно удостоились разговора с царем Петрониевич, Миличевич, Шафарик. Царь похвалил Полита за хорошее знание русского языка, распросил его о сербском богослужении, а Шафарику он сказал: «Мы сербов всегда считали за своих родных братьев, и я надеюсь, что Бог готовит вам в скором времени лучшую будущность»[3]. На сербов произвели большое впечатление ничего не значащие слова прощания царя «До свидания!» А. А. Киреев, адъютант и личный друг великого князя Константина Николаевича, замечал в своем дневнике, что сербы поняли их, как

[1] Биржевые ведомости. 1867. № 128 (15.05).
[2] Всероссийская этнографическая выставка. С. 221, 232.
[3] Первый славянский съезд в России. С. 46.

inslav

– до свидания в Вене и Царьграде (Константинополь, Стамбул). «На стену лезут! Мы их успокаиваем»[1]. Император и императрица беседовали и с чехами. Но если разговоры царя с сербами широко освещались прессой, то его беседы с чехами упоминались только вскользь. Встречей с царем закончился ряд приемов славянских гостей государственными деятелями России.

15 мая славянские гости отправились в Москву, куда прибыли 16 мая. В Москве на вокзале их встречало 5 тыс. человек. Городской глава князь А. А. Щербатов поднес им по старому русскому обычаю хлеб-соль. 17 мая славяне осмотрели Кремль, затем часть их обедала у московского митрополита Филарета. С трех часов начался осмотр Этнографической выставки. Мероприятие, ради которого и приехали славяне, продолжалось всего несколько часов.

Выставка, по описанию современников, производила большое впечатление. Костюмы были надеты на восковые фигуры, лица которых старались сделать похожими на представителей того народа, которому принадлежали эти костюмы. Выставка размещалась в Манеже, всего на ней демонстрировалось 116 фигур, одетых в национальные костюмы неславянских народов России, 118 фигур, представлявших национальные типы восточнославянских народов и 66 фигур – западно и южнославянских народов. Все эти фигуры располагались на фоне мест проживания того или иного народа и показывали сцены, характеризующие их обычаи. Яркие картины быта народов России и славян были созданы благодаря не только этнографам, но и скульпторам и художникам, приложившим много усилий для воссоздания не только фигур представителей разных народов, но и обстановки их обитания. В их числе упоминаются академик С. И. Иванов, С. П. Закревский, И. Л. Севрюгин, А. М. Любимов и др.

В отделе зарубежных славян наибольшее впечатление на посетителей производила свадебная группа каринтийских словенцев. П. Лавровский в статье «Впечатления, вынесенные из обзора русской этнографической выставки в Москве» так отзывался о ней: «Мы пожалели только об одном, что в отделе славянском так мало изображено характерных сцен и почти исключительное внимание сосредоточено на одних человеческих фигурах, а между тем ... сцена в группе словинцев (так в научных русских кругах называли словенцев – И. Ч.) представляющая со всеми местными подробностями, столь знаменательными для целого славянства, свадебные обряды с полною обстановкою предметов, а отчасти и обычаев, говорит ясно, как много бы выиграл этот отдел, если бы и при группах других славян были

[1] Никитин С.А. Указ. соч. С.195.

inslav

представлены, хотя и с меньшей сложностью, чем у словинцев, некоторые характеристические сцены из их народной жизни»[1]. Высоко оценивал эту сцену и автор «Путеводителя по Московской этнографической выставке», считая ее самой замечательной в отношении костюмов. Но он тут же добавлял: «Ни в костюмах, ни в свадебных обычаях ... мы не находим ничего с нами родственного»[2]. Лавровский отметил и еще одну композицию в Славянском отделе: гусляра, окруженного слушателями. В центре ее на фоне старого сербского монастыря находился слепой гусляр, а вокруг располагались – священник, старик (его лицо соответствовало лицу Вука Караджича), женщина с ребенком, мальчик. Хорватов представляли фигуры граничар, один из которых находился на балконе сторожевой будки. Черногорцы и бокезцы стояли на уступах гор, костюмы их, подаренные черногорским князем и вдовствующей черногорской княгиней, отличались красотою. Имелись и две фигуры болгар. Автора «Путеводителя» поразил наряд женщины, богато украшенный серебром и сочетающийся с обувью, напоминающей лапти. Заключив описание Славянского отдела, он подчеркнул: «Костюмировка отдела заграничных славян богатством своим превосходит все прочие». И это не удивительно – славянские деятели стремились представить в Москве самые эффектные национальные костюмы своего народа.

Выставка собрала самые благожелательные отзывы. 23 апреля произошло ее торжественное открытие, а уже 24 апреля ее посетил царь Александр II. В Славянском отделе его внимание привлекла фигура русского старосты Ивана Зозули из Опишского комитата (Венгрия), а также «общая обстановка группы, изображающей словенскую или вендскую свадьбу из Зильской долины в Каринтии, фигура хорвата-граничара ... и некоторые фигуры в группе сербов, слушающих подле монастырской стены слепого певца, заслужили лестную похвалу его величества». Всего за время ее работы выставку посетили 83 048 человек, купивших билеты, и еще некоторое количество тех, кто проходил бесплатно (воспитанники школ разных ведомств)[3].

После посещения выставки для славян снова началась чреда собраний и праздников. 18 мая состоялось заседание профессуры Московского университета, на котором присутствовали кроме славянских гостей представители 18 научных обществ. На следующий день Московский университет дал обед в честь славян. На нем профессор Щуровский поднял вопрос об издании периодического журнала «Славянское обо-

[1] Современная летопись. М., 1867. № 19. (28.05). С. 3, 4.
[2] Путеводитель по Московской этнографической выставке. М., 1867. С. 24.
[3] Всероссийская этнографическая выставка. С. 50, 409.

inslav

зрение», в котором публиковались бы исследования по этнографии, истории, филологии славян, отмечались бы их успехи на поприще науки. Щуровский закончил свою речь здравицей в честь тех славянских деятелей, которые прислали самые богатые дары Этнографической выставке, а именно русина Головацкого, словенца Маяра, чеха Эрбена, хорвата Лая, серба Вукашиновича, хорвата Матковича, серба Миличевича, русина Молчана и др. При посещении Московского университета славянские гости оставили свои автографы, написанные кириллицей: «Свой к своему, а всегда по правде» (Палацкий), «Не дадимся» (Ригер), «Взаимность есть звезда, ведущая все славянские племена к счастию» (Маяр), «Радуйся, святая мать Москва! Ибо целое славянство празднует в тебе свое возрождение. Всемогущий, благослови царский род и русский народ» (Вукашинович) и др.

20 мая произошло заседание Общества любителей российской словесности, на которое также пригласили славян.

Но самым пышным и интересным был прием славян в Сокольниках, состоявшийся 21 мая. На нем выступили наиболее видные славянофилы и славянские гости. Тосты произносили Щербатов и Погодин, стихи о Москве прочитал Суботич. И. С. Аксаков в своей речи подчеркнул, что в Москве происходит первая славянская сходка. «Отсюда начинается новый период, – заявил он, – новая эра в истории славянства ... Братство на пространстве полсвета, полвселенной, братство в размере 90 миллионов братьев! ... Призвание России – осуществить на земле славянское братство и призвать всех братьев к свободе и жизни». На обеде Ригер поднял польский вопрос, но его призыв остался без поддержки со стороны русских. Известный русский историк С. М. Соловьев отверг утверждение об исконной славянской розни, указав, что победы славян над врагами не были бы возможны, если бы это было так. «Покинем же печальную мысль о славянской розни, - заключил он, - и будем уповать, что скоро, очень скоро чужие народы вместо славянской розни станут указывать на славянское примерное единодушие».

Представляет интерес речь сербского студента из Вены Джорджевича, которая, по-видимому, явилась ответом на высказывания ряда лиц о необходимости сделать русский язык общеславянским литературным языком. Джорджевич отверг эту идею. «Если бы все славянские литературы, – сказал он, – приняли это предложение и начали писать одним общим языком, чего бы достигли они этим? Они бы создали среди славянских народов одну касту литераторов, самые же народы не понимали бы собственной литературы»[1].

[1] Там же. С. 349, 355, 365, 366.

inslav

24 мая славяне посетили Троицко-Сергиевскую Лавру. 25 мая в Зоологическом саду был устроен для славянских гостей концерт. Он начался русским гимном, затем были исполнены песни различных славянских народов: чешские, болгарская, сербская, словенская, украинская, несколько русских народных песен. Концерт произвел большое впечатление на славянских гостей. Спустя три года после Этнографической выставки Маяр, разъясняя М. П. Погодину и Н. А. Попову, каким должен быть задуманный им журнал «Славян», сравнил его с концертом в Зоологическом саду. «Пели преимущественно песни русские, – писал он, – затем следовали песни остальных славянских племен, концерт же был, однако, московский»[1].

Утро 26 мая наиболее видные славянские деятели провели в гостях у М. П. Погодина. Пожалуй, эта встреча была одна из очень немногих, где славянские деятели могли побеседовать друг с другом не на виду у широкой публики. На встрече присутствовали Ригер, Палацкий, Шафарик, Суботич, Гай, Петрониевич, Ламбл и, по-видимому, Маяр. Эти национальные деятели договорились о необходимости составления сравнительной грамматики и общего словаря всех славянских наречий. Погодин заявил, что, по его мнению, нужно дать каждому автору этого словаря для обработки по нескольку букв. Был поднят вопрос о всеславянском журнале. Это предложение поддержали все присутствующие. В своем дневнике Погодин записал, что в журнале должна была отражаться вся научная и литературная деятельность всех славянских племен. Статьи бы публиковались на всех славянских языках с кратким резюме[2]. Позднее эти проекты попытался воплотить Маяр в своем журнале «Славян» (Slavjan), который выходил в 1873–1875 годах в значительной степени на средства Московского славянского комитета.

Вечером того же 26 мая для славян был дан обед в купеческом собрании. На нем выступил Полит, предложивший России взять на себя решение славянского вопроса. По его мнению, первым шагом к этому должно стать «решение вопроса восточного ... Расширение границ княжества Сербского и обновление Сербского царства, вот путь к решению славянского вопроса, который и состоит в братстве славянских племен под главенством России»[3]. 27 мая для славян был устроен прощальный обед.

Во время пребывания в России некоторые из московских ученых вместе с рядом славянских политиков составили записку о необхо-

[1] Чуркина И. В. Общественно-политические взгляды М. Маяра в 50–70-е годы XIX в. / Славянская историография и археография. М., 1969. С. 141.

[2] Русский. М., 1867. 5.06. С. 21, 22.

[3] Всероссийская этнографическая выставка. С. 399.

inslav

димости регулярного созыва славянских съездов. Их предлагалось проводить раз в два года. «На этих съездах, – говорилось в записке, – будут подвергаться обсуждению различные вопросы в видах научного, литературного, художественного и вообще нравственного сближения славян»[1]. Записка была составлена на русском и чешском языках, чешский текст был опубликован в газете Гавличека Боровского «Народне новине». Записку подписали две трети славян, приехавших в Москву. Правда, осуществить планы созыва славянских съездов удалось только один раз – в мае 1868 г., когда произошла закладка чешского театра в Стромовке недалеко от Праги.

27 мая славянские гости отъехали в Петербург. Там их принял в Павловске великий князь Константин Николаевич, затем они посетили Кронштадт. 3 июня большинство гостей отправились на родину.

Многие жертвователи экспонатов удостоились специальных наград. Так высшие почетные награды получили Хорватское общество изучения южнославянских языков и истории в Загребе, Галицко-русская матица в Львове, сербский князь Михаил Обренович, черногорский князь Николай, вдовствующая черногорская княгиня Даринка, М. Ф. Раевский. Почетные награды второй категории присудили Галицко-русскому народному дому в Львове, Сербскому ученому обществу в Белграде, М. Г. Черняеву, К. Палаузову, М. Маяру, А. Вукашиновичу. Золотые медали были вручены Ф. Лаю, Верковичу, болгарскому археологу из Сорреса. Большие серебряные медали получили Я. Ф. Головацкий, К. Эрбен, Н. Вукичевич, директор школы для учителей в Сомборе, братья Маковицкие из северной Венгрии, Б. Петранович, черногорский архимандрит Никифор Дучич. Кроме того, было роздано большое количество малых серебряных и бронзовых медалей. Как можно видеть, устроители выставки на награды не скупились.

Некоторые славянские деятели, вернувшиеся на родину, пострадали за свою поездку в Москву. Суботич потерял место в высшем хорватском суде и при отставке даже не получил пенсии. Полита лишили лицензии на адвокатуру. В 1868 г. Полит и Суботич уехали в Воеводину и включились в сербское национальное движение. Полит стал руководителем правого крыла Сербской национально-либеральной партии Светозара Милетича. Суботич возглавил Сербскую матицу и Общество сербского национального театра. При этом следует отметить, что избиратели в Хорватии оценили отказ Суботича последовать запрещению посетить Этнографическую выставку совсем по другому, чем хорватские власти: до конца своей жизни он неизменно избирался депутатом Хорватского Сабора. Маяр должен был

[1] Никитин С.А. Указ. соч. С. 230, 231.

inslav

заплатить штраф Целовецкому (Клагенфуртскому) епископу, венский студент Владан Джорджевич был лишен стипендии сербского правительства «за речи, унижавшие достоинство сербского правительства». Я. Ф. Головацкий был изгнан из Львовского университета еще до его отъезда в Москву и вынужден был эмигрировать в Россию.

Оценивая итоги московских событий 1867 г. надо разделить их на две составляющие – Этнографическая выставка и Славянский съезд.

Что касается непосредственно Этнографической выставки, то она имела у россиян необыкновенный успех: все ссуды и расходы на нее окупились с лихвой. После ее закрытия все экспонаты были переданы в Московский публичный музей, которым руководил В. А. Дашков[1]. После проведения выставки Общество любителей естествознания стало называться Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии, в котором был образован Этнографический отдел. До 1881 г. его возглавлял Н. А. Попов. Появились и периодические этнографические издания, в которых публиковались исследования российских и зарубежных ученых: Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания, Известия Общества любителей естествознания, Этнографическое обозрение.

По-другому обстоит дело со Славянским съездом, который вызвал самые разнообразные оценки общественности и правящих кругов в России и Австро-Венгрии. Австрийский посланник в Петербурге Ревертера все события, связанные с приемом в России славянских гостей, рассматривал как национальный фарс[2].

Русские демократические круги тоже отнеслись к приезду славян и их высказываниям с иронией. Сатирический журнал «Искра» так определил итоги съезда: «своя своих не познаша»[3]. И совершенно справедливо отметила Е. П. Аксенова, исследовавшая отношение к Славянскому съезду российской демократической прессы: «Неприятие славянофильской концепции особого развития славянского мира не позволило до конца объективно оценить славянские съезды»[4]. Не все демократы отнеслись к выставке столь иронично. А. И. Герцен в «Колоколе» приветствовал выставку в Москве, желал успеха Славянскому съезду, хотя и полагал, что съезд организован по инициативе правительства[5].

---

[1] Липец Р.С., Макашина Т.С. Этнографическая деятельность Общества любителей естествознания. Антропологии и этнографии // Советская этнография. 1966. № 6. С. 122, 123.

[2] Никитин С.А. Указ. соч. С. 189.

[3] Искра. СПб., 1867. № 21. С. 255.

[4] Аксенова Е.П. Славянские съезды 1867, 1868 гг. в освещении русской демократической прессы / Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 71.

[5] Колокол. Лондон, 1867.

inslav

Либеральные и консервативные издания в целом были настроены благожелательно. Славянофилы еще накануне съезда опубликовали сборник статей В. И. Макушева «Задунайские и адриатические славяне», в которых он описывал в доступной форме историю и настоящее положение южных славян. Для более узкого круга читателей-интеллектуалов был издан труд видного словацкого деятеля Людовита Штура «Славянство и мир будущего». В нем Штур излагал свою программу: создание государственного объединения славян под эгидой России, реформированной в либеральном духе. Русский язык он предлагал сделать общеславянским литературным языком[1]. Как было показано выше, вопрос об объединении славян вокруг России вообще не ставился в выступлениях участников съезда, вопрос же об общеславянском языке, хотя и поднимался, но единого мнения по нему не было.

Этнографическую выставку приветствовали либеральные «Отечественные записки» А.А. Краевского, консервативные «Московские ведомости» М.Н. Каткова, «Биржевые ведомости» и многие другие периодические издания. Большинство из них не придерживалось взглядов Штура. «Для нас гораздо желательнее создание на наших западных и юго-запедных границах независимых дружественных государств, чем присоединение славян к России», – писали «Отечественные записки»[2]. «Московские ведомости» также утверждали, что «опасения всемирно-славянской монархии лишены всякого основания»[3]. «Биржевые ведомости», однако, придерживались другого мнения. Если немцы стремятся к единству, то почему славяне не имеют права на это. «Мы надеемся, – подчеркивали «Биржевые ведомости», – что они (славяне – И. Ч.) возвратятся в свое отечество с убеждением, что великое славянское царство простирает свои крылья над всеми славянскими племенами, что оно сочувствует их стремлениям и всегда готово помочь им, чем может»[4].

Интерес к славянам, усилившийся в российском обществе, привел к появлению ряда других, помимо Московского, славянских комитетов. В 1868 г. возникло Петербургское отделение Славянского комитета, в 1869 г. – Славянский комитет в Киеве, в 1870 г. – Славянский комитет в Одессе.

Но, по справедливому мнению Никитина, сознательные симпатии к славянам сохранялись устойчиво только в узком кругу. Однако когда начался Восточный кризис в 1875 г., а затем Русско-турецкая

[1] Штур Л. Славянство и мир будущего // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1867. Т.III. Кн.1-3. С. 189.

[2] Отечественные записки. 1867. Т. 172. С. 110.

[3] Московские ведомости. 1867. № 112 (22.05).

[4] Биржевые ведомости. 1867. № 124 (11.05).

inslav

война 1877–1878 гг., следы славянских увлечений 1867 г. проявились снова и выразились в горячем сочувствии широких кругов российского общества к славянам, к их борьбе против турецких угнетателей.

События 1867 г. оказали большое влияние на славянские народы Австро-Венгрии и Балкан. Рост симпатий к России привел к стремлению части славянской молодежи изучить русский язык и русскую литературу. Современный чешский историк профессор Карлова университета М. Главачка отмечает: «До сих пор непонятная славянская взаимность после этой поездки конкретизировалась и превратилась в русско-чешскую, русско-сербскую, русско-черногорскую и тому подобную взаимность». Главачка подчеркивает, что поездка в Москву способствовала тому, что австрославизм в чешском обществе стал постепенно уступать место русофильским тенденциям. Те же изменения происходили в словенском, хорватском, словацком и прочих славянских обществах.

Таким образом, Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве способствовали не только укреплению культурных связей между славянами, но и усилению политических надежд славянских деятелей на Россию.

inslav

РАЗДЕЛ III. СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ И МОНАРХИЯ ГАБСБУРГОВ В ПЕРИОД ДУАЛИЗМА

Н. Станчич

ХОРВАТСКАЯ НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ[1]

От «Kulturnation» к национальному государству

Для начального периода развития национализма на территории Средней Европы характерно понимание нации, прежде всего как культурной общности. Принадлежащие к ней люди выражали свою лояльность существовавшим династическим государствам и территориальной идентичности, сложившейся в границах провинций. При этом они осознавали, что развитие и прогресс собственной нации возможен даже тогда, когда она находится в составе многонационального государства или же разделена между несколькими областями или государствами. Нация понималась как общность, лояльная существующим границам государств и провинций. Сторонники этой идеи, выражая свой государственный и локальный патриотизм просветительского типа, одновременно формировали национальную идентичность на основе романтического и предроманти ческого понимания ее культурной индивидуальности, прежде всего – исходя из наличия собственного языка. В созданной таким образом, характерной для Средневековья модели национальной идеологии, основным признаком национальной индивидуальности считался язык. Иными словами существовала концепция, согласно которой особой собственной национальной идентичностью обладает лишь общность, являющаяся носителем своего особого языка. На этой лингвистической модели национальной идеологии было основано понимание нации как «языковой». Данная модель в литературе характеризуется как немецкая, поскольку она характерна для раннего германского национализма (научная терминология также основывается на немецких терминах – «Sprachnation» и «Kulturnation»). Ранний германский национализм до начала XIX (его представители называли себя патриотами) в политически раздробленной Священной Римской империи германской нации стремился объединить немецкую нацию как единую культурную идентичность и придавал ей

[1] Фрагменты монографии: Stančić N. Hrvatska nacija i nacionalizam u 19. i 20. stoljeću. Zagreb, 2002. S.51–62, 117–130. Печатается с согласия автора. Общее название дано редколлегией настоящего издания.

inslav

характер «культурной нации» (об этом пишут столь разные авторы, как Отто Данн и Дитер Лангевише – Otto Dann и Dieter Langewieshe).

Концепцию «культурной нации» разделяли и «патриоты» других среднеевропейских наций конца XVIII – первой половины XIX века. Антун Томаж Линхарт во введении к своей книге об истории «Крайины и остальных южнославянских провинций Австрии» («Versuch einer Geschichte von Krain und den übrigen Ländern der südlishen Slaven Oesterreiechs») 1788–1791 гг. впервые полностью описал словенцев как этнографически-лингвистическое целое в тот период, когда они все еще колебались между названием провинции Краньска (Крайина, Карниола), историческим названием Карантания (Каринтия) и этнонимом «словенцы», не ставя при этом под вопрос свою лояльность как провинциальной, так и австрийской государственной идентичности. А Иван Деркос еще в 1832 г. в сочинении «Genius patriae», защищая формирование единого литературного языка в Триедином королевстве Далмации, Хорватии и Славонии и определяя патриотизм как «любовь к отечеству» (amor patriae), писал обо всех этих трех отечествах и о «тройном» патриотизме. Первый, «всеохватывающий» патриотизм, относился к Австрии как к целому, второй – к Венгрии, с которой Триединое королевство делило общее конституционное устройство, и третий – к самому Триединому королевству (regna tria unita). В этот «возрожденческий» период национальных движений с конца XVIII до середины XIX века соединялись чувства патриотизма, т. е. любви к отечеству, и национализма, т. е. любовью к своему народу/этносу. Антун Миханович своему стихотворению, которое сейчас стало хорватским национальным и государственным гимном по первой строке и носит название «Отечество наше прекрасное», изначально дал название «Отечество Хорватия», а не «Хорватский народ». Точно также в последнем стихе он писал не – как это выглядит сейчас, – «свой народ хорват любит», а – как это было напечатано впервые в 1835 г., – «свое отечество хорват любит». Последователи движения иллиризма также считали, что в равной мере любят и свое отечество, и свой народ. Их среде еще в 1839 г. было свойственно понимание того, что, хотя политическая самостоятельность нации является высшей ценностью, нация может существовать и без государства.

В этих случаях центр тяжести приходился на язык и культурную идентичность, на формирование национальной культуры и стандартного языка. Там же, где существовала возможность их совпадения с идентичностью исторической территории, они были связаны с любовью к отечеству, т.е. с патриотизмом, который в сознании хорватского дви-

inslav

жения периода национального возрождения был связан с Триединым королевством. Венгерское (мадьярское) и хорватское дворянство, обладавшее своими собственными политическими учреждениями, а также чувством собственной политической и культурной индивидуальности, которое можно назвать сословным протонационализмом, свое историческое право использовало для защиты пространства, на котором в результате его деятельности формировалась лингвокультурная идентичность. Сопротивляясь «германизации», оно защищало латынь в качестве административного языка, но тем самым оно сохраняло и пространство для формирования «культурного» стандарта на собственном стандартном литературном языке, пространство для формирования «национального» стандартного языка и его постепенного введения в качестве административного. Защиту исторического государственного права, т. е. муниципальных прав Хорватии продолжили «возрожденческие» движения, в которых участвовало и дворянство, и городское сословие. Значительную роль сыграла и интеллигенция дворянского и «простого» происхождения. Сторонники национальной идеи на территории Средней Европы продвигались к овладению государственными учреждениями путем достижения более доступной цели, для которой на том этапе у них доставало сил. Они боролись за то, чтобы самим выработать культурный стандарт и создать собственное культурное пространство. А это стало бы этапом на пути к овладению ими политическими учреждениями, т.е. государственными учреждениями как средством проведения (прото)модернизации в собственных интересах.

В своей зрелой фазе, в атмосфере распространения романтизма национализм у разных народов Средней Европы формировал понимание национального государства. Согласно этой трактовке, нация, основой которой является язык, представляется коллективным носителем суверенитета и в полной мере реализуется в собственном независимом государстве, занимающем определенную территорию, суверенном по отношению к монарху и другим государствам. Программы национальных движений в Габсбургской монархии варьировались и видоизменялись – от программы большей автономии на определенной территории и большей политической самостоятельности вплоть до полной государственной независимости. Это было этапом, в рамках которого нация, ранее понимаемая как лингвокультурная общность, существующая поверх административных и государственных границ, стремилась превратиться в особую территориальную политическую общность, компактное автономное образование или государство с прочными долговременными границами по

inslav

отношению к другим национальным государствам. Следовательно, возникала проблема взаимного разграничения с последующей территориально-политической реструктуризацией среднеевропейского пространства, ранее организованного на династических началах. По своей сути это вело к сегментации гражданского общества на основе нового – национального – принципа.

Национально-государственные программы национальных движений народов Средней Европы всегда основывались на естественном праве, но у некоторых национальных движений они опирались также и на историческое право, что еще больше усложняло отношения между этими народами и движениям. К историческому праву могли апеллировать движения, в которых участвовали обладатели сословной государственности или муниципального права, такие, например, как немецкое, венгерское (мадьярское) и хорватское; некоторые другие, например, чешское, могли лишь ссылаться на свое государственное право, утраченное на полях сражений. В первой половине XIX века этому благоприятствовало господство в политической жизни дворянства и монархических династий, а во второй половине века – то обстоятельств, что во всей Средней Европе традиционные структуры – династии, аристократия, армия и бюрократия – уцелели после «либеральной революции» 1848 г. и почувствовали собственное социальное и политическое могущество. Национально-государственные программы «неисторических», в основном славянских, наций, требовали переустройства Габсбургской монархии на основе национально-языкового принципа, что означало или дробление исторических территорий – провинций в австрийской части монархии и создание, например, «объединенной Словении», или распад исторической территории Венгрии и создание из отдельных венгерских жупаний или их районов, населенных, сербами или словаками, соответственно, Сербской Воеводины или Словакии. Эти проекты потерпели поражение в 1848 г. Во второй половине XIX века ведущие традиционалистские силы в Монархии навязали историческое право в качестве принципа ее внутреннего территориально-политического устройства. Это право (венгерская Прагматическая санкция 1723 г.) и стало правовым фундаментом австро-венгерского соглашения 1867 г. В таких условиях каждое национальное движение обладало собственной комбинацией естественного и исторического права. Более того, разным историческим периодам были присущи различные комбинации двух этих принципов, а в один и тот же период отдельные течения одного и того же национального движения по-разному комбинировали эти принципы. Поэтому и конфликты между

inslav

национальными движениями по вопросам принципов территориального разграничения национальных автономий или национальных государств, проявлялись в разных формах.

На территории Средней Европы развитие современного государства в ранее Новое время отставало по сравнению с развитием Западной Европы, не формировались государства, которые могли стать рамками наций, как это случилось, например, в случае с исторической Францией («французский четырехугольник» Фернана Броделя). Священная Римская империя германской нации по причине вызванного процессом феодализации экономического и социального застоя, межконфессиональных столкновений и войн, завершившихся Вестфальским миром 1648 г., который длительное время определял внутреннюю структуру империи и его международное положение, осталось неустойчивой общностью. Поэтому в Империи «феодальная» модернизация (протомодернизации) и находившаяся в ее рамках «политическая» модернизация – создание государственных учреждений, проводилась в границах их королевств и княжеств. Империя, прекратившая свое существование в 1806 г., как и возникший в 1815 г. Германский союз, охватывали также владения Габсбургов в Альпах. Габсбурги в начале Нового времени из-за османского завоевания были вовлечены в события на Юго-Востоке и распространили свою власть на Венгрию и Хорватию, сохранившие элементы собственной сословной государственности. В этом династическом политическом образовании, долгое время остававшейся без единого названия, а потом его менявшее, из-за чего проще всего называть ее Габсбургской монархией, попытки «феодальной» модернизации (или протомодернизации) были успешными отнюдь не во всех частях государства. Габсбургская монархия только в XVIII веке превратилась с государственно-правовой точки зрения в единое целое (благодаря Венгерской Прагматической санкции 1723 г.). Однако исторический дуализм не был преодолен – Венгрия сохранила элементы собственной исторической государственности, а в ее рамках Хорватия сохранила элементы своей. Эти три уровня конкурировали между собой в качестве границ, в которых должен был развиваться процесс (прото)модернизации. Социальные элиты «исторических» наций, состоявшие из дворянства и высших слоев горожан, а также их национальные движения с конца XVIII века выступали с идеей этнической нации. Эти движения – немецкое, венгерское (мадьярское) и хорватское – на первом этапе, в Священной римской империи германской нации, в королевстве Венгрия и в Триедином королевстве Далмации, Хорватии и Славонии видели политические границы и

inslav

гарантию собственной культурно-национальной идентичности; еще не идентифицируя нацию и государство, они превратили сословные государства в национальные. На втором этапе овладевая или различными способами пытаясь овладеть учреждениями сословного государства, они свое историческое право или хорватские «муниципальные права», в их реальном или виртуальном территориальном объеме воспринимали как границы национального государства. Образ исторического государства они наполняли национальной идеей и идеей национального суверенитета, т. е. воспринимали это государство как свое собственное национальное государство.

Из этой увязки представления о нации как этнической общности и исторического государственного права проистекает понятие «политической нации», согласно которому основанная на этническом фундаменте нация является носителем суверенитета на территории, на которую распространяется историческое государственное право сословного государства, «наследницей» которого эта нация является. Как на западе Европы, где, например, французская нация охватила границы исторической Франции, так и в Средней Европе «исторические» нации стремились охватить границы «своих» исторических государств. Венгерское национальное движение ставило своей целью, чтобы на всей территории исторической Венгрии, включая и Триединое королевство, было создано единое централизованное государство и венгерский (мадьярский) язык превратился в официальный. При этом, исходя из представления о «языковой» нации, оно сознательно стремилось к языковой, а тем самым и этнонациональной мадьяризации всей этой территории. Эти попытки выражали понимание того, что историческая Венгрия от Карпат до Адриатического моря является венгерским национальным государством и вследствие этого все проживающие на территории [действия] венгерского государственного права и венгерского национального государства с этно-национальной точки зрения являются венграми (мадьярами). Речь шла о принципе «Cuius region eius natio» – так его сформулировал австрийский историк Арнольд Зуппан, перефразируя принцип «Cuius region eius religio».

Понятие «политической нации» могло – в зависимости от того, кто в данный момент был его приверженцем – содержать в себе и идеи «гражданской» нации. В 1848 г. венгерское национальное движение, действительно, подчеркивало гражданское равноправие жителей Венгрии и тем самым подкрепляло требование о том, чтобы все ее жители признавали свою принадлежность к венгерской «политической нации». А это было равнозначно требованию ко всем остальным на-

inslav

циональным движениям отказаться от стремления к созданию собственных национально политико-территориальных образований с большей или меньшей степенью автономии или самостоятельности, основанных или на этнолингвистическом принципе (словаки, сербы) или на комбинации этнолингвистического и исторического права (хорваты). Но в отличие от Великой Французской революции 1789 г., венгерская революция 1848 г. с подобными требованиями опоздала. Предшествующее развитие обеспечило формирование в Габсбургской монархии, в том числе и на территории земель венгерской короны, формирование и «неисторических» наций, обладавших культурно-лингвистической идентичностью. Кроме того, оно также обеспечило достижение ими уровня, на котором их национальные движения формировали программы обретения территории собственного автономного политического образования или же собственного национального государства на основе естественного или также как, например, в случае хорватского движения, и государственного права. Эти национальные движения также выдвигали гражданско-либеральные идеи, но они гомогенизировались с особыми национальными интересами. Поэтому требования принятия венгерского (мадьярского) языка и венгерской (мадьярской) государственной идеи они воспринимали как идеи ассимиляции (денационализации), т. е. мадьяризации, как попытку национального и политического подчинения и не могли согласиться с идеей венгерской «политической нации». Подобным же образом чехи и словенцы отвергли схожие требования немецкого национального движения, в 1848 г. мечтавшего о немецком национальном государстве в исторических границах бывшей Священной римской империи германкой нации.

Хорватская нация также могла заявить о себе как об «исторической» нации. Хорватское историческое право в первой половине XIX века интерпретировалось в категориях «муниципалитета», т. е. автономии, основанной на хорватских «муниципальных правах», а во второй половине века – на хорватском государственном праве. Хотя и скромные, но все же реально существовавшие учреждения хорватской политической автономии, воспринимавшиеся как усеченные в результате неблагоприятного исторического развития государственные институты, представляли собой щит, который хорватское национальное движение выставляло против распространения понятия венгерской «политической нации» на Хорватию. Они были фундаментом, на котором во второй половине XIX века выстраивалось понятие «хорватской политической нации». Суть этого понятия в основном идентично трактовалась и Нацио-

inslav

нальной партией, и Хорватской партией права; хорватская нация представлялась носителем суверенитета Триединого королевства Хорватии, Славонии и Далмации – хорватского национального государства, т. е. Хорватии. Это понятие в варианте, предложенном Национальной партией дополнялось представлением о хорватах и сербах как об общностях со своей особой этнической идентичностью, а также о том, что они являются частями общей «югославянской» идентичности. Опираясь на это положение, а также в соответствии с идеями славянской и южнославянской солидарности, эта концепция содержала в себе представление о сербах в Триедином королевстве как об общности, «равной и равноправной» хорватам, согласно постановлению Сабора Хорватии 1867 г. Лица, принадлежавшие к сербской «нации» в Хорватии представлялись равноправными гражданами. Понятие «хорватская политическая нация» не признавало за сербами в Триедином королевстве коллективный статус особой «политической нации», т. е. сербы наряду с хорватами не признавались субъектом его суверенитета. Как отдельных граждан они считались «политическими хорватами». Соответственно, это требовало лояльности сербов по отношению к Триединому королевству как хорватскому национальному государству, т. е. отрицалось право на отделение части территорий королевства, населенных сербами и на их присоединение к сербскому национальному государству.

В идеологии Хорватской партии права центр национальной идентичности приходился на государственное право. В своих первоначальных версиях она содержала в себе меньшей (А. Старчевич) или большей (Э. Кватерник) мере также и представление об этническом фундаменте хорватской идентичности. Программа создания самостоятельного хорватского государства опиралась как на историческое, так и на естественное право. Согласно первоначальной интерпретации Партией права понятия «хорватская политическая нация» исторические государственно-правовые рамки определяют национальную принадлежность жителей на исторической территории хорватского государства. Таким образом «праваши», признавая гражданские права за всеми жителями Хорватии, отрицали существование сербов в Хорватии – территории, гораздо более обширной, чем Триединой королевство, – как этнонациональной индивидуальности. Впоследствии это представление в разных вариантах идеологии этого течения было не столь непримиримы. Понятие «хорватская политическая нация», несмотря на наличие элементов, сближавших его с понятием «гражданской нации», в основном не было принято сербами Триединого

inslav

королевства, не только в трактовке Партии права, но и в интерпретации Национальной партии. Если они и могли принять Королевство как политические границы с национальной (этнической) точки зрения нейтральные, но не могли согласиться принять хорватский этноним как политоним, не могли признать себя «политическими хорватами», поскольку сербов и хорватов они понимали как этнически разные нации, а признание хорватского политонима воспринималось ими как согласие на ассимиляцию (денационализацию), т. е. «хорватизацию». В особенности не могли согласиться с этим те, кто отвергал историческое государственное право как аргумент в защите территориальной целостности Триединого королевства и те, кто выдвигал естественное право в качестве фундамента идеи сербского национального государства, которое охватило бы и сербов Триединого королевства.

Таким образом, понятие «политической нации» в Средней Европе содержало в себе элементы понятия «гражданская нация», на котором основывалось и западноевропейское его понимание. Однако его первостепенным содержанием было представление об историческом государстве как о форме национального государства. Оно содержало в себе представление о нации как об этнической общности, как о носителе государственного суверенитета в период, когда уже сформировались и другие нации, претендовавшие на части исторических территорий как на свои собственные, что было также основано на представлениях об этнической общности политических (автономных и государственных) территорий. Поэтому понятие «политической нации» натолкнулось на сильное сопротивление «неисторических» наций. Между собой конфликтовали также и «исторические» нации, территориально-исторические представления которых перекрещивались друг с другом. Специфические условия исторического развития создали клубок трудно разрешимых проблем при формировании и взаимном разграничении наций «запаздывающего развития» – народов Средней Европы (Хельмут Плесснер).

Нации господствующие и подчиненные

С того момента, как программы национального государства были сформулированы на основе различных вариантов достигшего зрелости этнонационализма, в Средней Европе оказалась открытой проблема определения территории национальных государств и в то же время их взаимного разграничения. Впервые этот вопрос со всей остротой поставила революция 1848 г. Она была не только «либеральной» революцией, но и первой попыткой реструктуризации

inslav

карты Средней Европы в соответствии с национальным принципом. В период революции 1848 г. движения малых, несамостоятельных и лишенных территориального единства народов (согласно определению чешского историка Мирослав Гроха), среди которых оказалась и хорватская «историческая» нация, потребовали, чтобы либеральный принцип свободы индивидуума был распространен и на нации. Они потребовали, чтобы монархия Габсбургов была преобразована на принципах федерализма, а также, чтобы территории политических образований формировались исходя из этнолингвистического принципа. Революция у «исторических» немецкой и венгерской (мадьярской) наций, руководившиеся принципами так называемого консервативного либерализма (поддержанные также и Карлом Марксом), противопоставили этим требованиям концепцию «политической нации», основанную на этнолингвистическом и историческом принципах. А это вело к созданию как немецкого национального государства в границах бывшей Священной Римской империи германской нации, так и венгерского (мадьярского) национального государства в границах земель венгерской короны при ассимиляции остальных народов. Поражению революции способствовал конфликт национальных движений по вопросу о степени самостоятельности отдельных наций и вопрос о взаимном территориальном разграничении их политических образований. Немецкое и венгерское (мадьярское) национальные движения стремились к созданию собственных самостоятельных национальных государств и отрицали право на подобные устремления у остальных национальных движений в Средней Европе. Наоборот, движения остальных, прежде всего славянских наций, чувствуя опасности жизни для своих народов в самостоятельной «великой Германии» и «великой Венгрии», отрицали право на объединение Германии, которая охватила бы и австрийских немцев (а также чехов и словенцев), а также право на самостоятельность Венгрии в ее исторических границах, которые охватывали бы словаков, сербов, румын и хорватов. Они выступали за сохранение Габсбургской монархии как наиболее благоприятное для себя в тот момент решение. При этом хорватское и сербское национальные движения в своем сопротивлении политике создания «великой Венгрии» как этнического образования сотрудничали между собой и стремились к повышению уровня самостоятельности Хорватии, а также к созданию Сербской Воеводины. Они провозгласили отделение своих территорий от венгерской короны, но требовали сохранения монархии Габсбургов, т. е. выступали против самостоятельности Венгрии. С другой стороны, они конфликтовали между

inslav

собой по вопросу о разграничении собственных территории в Среме, который с государственно-правовой точки зрения господствующих наций принадлежал Хорватии, но в значительной свой части был заселен сербам; сербское национальное движение провозгласило его частью Сербской Воеводины.

Процессы, начавшиеся в 1848 г. два десятилетия спустя завершились Австро-Венгерским соглашением в 1867 г. и объединением Германии в 1871 г. Объединение Германии, оставлявшее вне провозглашенной Германской империи часть немецкоязычной территории и территории Священной Римской империи германской нации, находившихся в составе монархии Габсбургов, оставляло открытым вопрос об «общегерманском» объединении, иными словами – об австрийской национальной идентичности. После 1918 г. возникла дилемма: или государственное существование независимой урезанной Австрии, или аншлюс, т.е. присоединение Австрии к Германии. Австрийско-венгерское соглашение (Аусгляйх) частично удовлетворило требования венгерского (мадьярского) национального движения. Однако в конце XIX – начале XX века вновь стали выдвигаться требования отделения, или, иными словами, большего уровня самостоятельности Венгрии, что привело к постоянным т. наз. кризисам дуализма.

В Габсбургской монархии наряду с венгерским (мадьярским), только хорватское дворянство обладало элементами сословной государственности (наряду со специфическими положением польского дворянства в Галиции – остатком разделенной Польши в австрийской части монархии). Оно обладало муниципальными правами (национальное движение интерпретировало их как государственное право), собственной территорией (она частично была реальной, частично виртуальной), а также политическими учреждениями, которые это движение пыталось использовать. Исходя из признания ее исторических прав, по Хорватско-Венгерскому соглашению 1868 г. за Хорватией была признана политическая автономия в составе земель венгерской короны с собственной администрацией и законодательством на собственной территории. Хорватия наряду с Венгрией и в составе Венгрии была единственной политической территорией с подобной формой автономии в составе Монархии, а хорватская политическая традиция трактовала ее как государственность и на этом выстраивала собственное самосознание. Однако эта автономия была ограниченной, к тому же она нарушалась. Вопреки признанному праву на собственную целостность, Хорватия оставалась территориально раздробленной. Поэтому положение хорватской нации было двойственным. В действительности она принадлежала к числу не-

inslav

самостоятельных и раздробленных наций в Габсбургской монархии, однако с точки зрения государства и права она обладала некоторыми чертами, «господствующей» нации.

Таким образом, монархия после неудачи в осуществлении «феодальной» модернизации (протомодернизации) на всей своей территории, проявила себя как многонациональное государство. Национальные движения рано подняли вопрос о «собственности» над существовавшим государством, будь то программа отделения (две наиболее мощных нации – немцы и венгры) или же федерализации Монархии; однако все эти движения потерпели поражение в 1848–1849 гг. После этого решение так называемого национального вопроса в Монархии зависело от соотношения внутренних и внешних факторов. Обычно этот вопрос решался в период международных кризисов. Один из таких кризисов – после проигранной Австрией в 1866 г. войны с Пруссией за объединение Германии, уже на следующий год привел к австрийско-венгерскому соглашению, установившему дуалистическую систему – двойной централизм, который оформил положение немецкой и венгерской (мадьярской) наций в Монархии как «господствующих». Остальные наци в Монархии оказались в положении подчиненных. В отличие от западноевропейских наций, немецкая и венгерская (мадьярская) нации господствовали не над неинститутциализированными этносами, а над нациями среднеевропейского типа, сформировавшимися либо одновременно с ними, либо с небольшим опозданием, частично осуществившими культурную и стремившимися к политической институционализации. Из-за упрямой настойчивости социальных и политических элит двух «господствующих» наций в рамках дуалистического решения, а также из-за их неготовности пойти навстречу возраставшим требованиям «подчиненных» наций о предоставлении им большей степени политической самостоятельности, в момент крупномасштабного международного кризиса в период войны 1914–1918 гг. Австро-Венгрия в силу воздействия комбинации внутренних и внешних факторов распалась на национальные и новые многонациональные государства. Многонациональные государства, включившие в свой состав территории Австро-Венгрии – Чехословакия и Югославия – со своими новыми «господствующими» нациями и нациями, чувствовавшими себя «подчиненными», распались разными путями в условиях новых международных кризисов – войны 1939–1945 гг. и, наконец, после падения Берлинской стены в 1989 г., когда был сыгран последний акт длительного процесса формирования национальных государств на территории Средней Европы.

inslav

Конфессия и нация

До конца XIX века в хорватскую нацию интегрировались социальные элиты, прежде всего дворянская и гражданская, а впоследствии – и новая буржуазия. Их интеграция происходила на основе идеологии движения национального возрождения, Национальной партии и Хорватской партии права. До конца XIX века эти элиты преодолевали партикуляризм и установили дифференциальную дистанцию между хорватской нацией и ее соседями, воспрепятствовали попыткам интеграции части хорватского национального пространства в соответствующие пространства других наций, а также утрате ими национальных особенностей, т. е. германизации, мадьяризации и итальянизации. Он также установили и дифференциальную дистанцию – сформировали критерии хорватской национальной идентичности по отношению к сербской нации; при этом многочисленные разногласия в рамках концепции «Sprachenation» проистекали из того обстоятельства, что хорватский и сербский стандартные литературные языки формировались на основании одного и того же «штокавского» диалекта среднеюжнославянского языкового континуума. Поэтому идеология Партии права центр хорватской идентичности и важнейший элемент различия с сербской нацией видела в хорватском государственном праве. Так до конца XIX века на уровне социальных элит была сформирована хорватская национальная идентичность, к которой с конца XIX века и в XX веке присоединялись и в которую интегрировались новые социальные слои, привносившие и собственные представления о ней.

Часто встречающееся в историографии и публицистике утверждение о том, что хорватскую и сербскую нацию друг с другом разделяет конфессиональная принадлежность, разумеется, происходит из представления о том, что язык является главной отличительной чертой нации и что по этой причине существовала возможность образования единой югославянской нации, охватывавшей население, разделенное ныне на хорватов и сербов. Среди хорватских историков наиболее последовательно этот тезис в соответствии с унитаризмом[1] так называемого межвоенного периода защищал Виктор Новак. С другой стороны, он исходил из убеждения, что часть православного населения было возможно или нужно интегрировать в хорватскую нацию, а также того, что часть исповедующего католицизм населения, можно или нужно интегрировать в сербскую нацию. Действительно, в XIX веке решающий для формирования национальной идентич-

[1] Идеология диктатуры короля Александра Карагеоргиевича. Установлена 6 января 1929 г. (прим. перев.)

inslav

ности период, у социальных элит на пространстве, на котором уже существовали протонациональные хорватская и сербская идентичности, вокруг обособленных центров интеграции независимо друг от друга формировались на западе – хорватская и на востоке – сербская идентичности, и что via facti к первой общности принадлежали католики, а ко второй – православные. На хорватских территориях Габсбургской монархии в середине XIX века православные составляли 26 % всего населения. При этом оно не было равномерно распределено: в гражданской Хорватии оно составляло только 0,5 % населения, в Далмации (благодаря Боке Которской) – 19 %, а в гражданской Славонии и Хорватско-Славонской Военной границе (Война Крайина, вместе с восточным Сремом) – более 40 %. Однако на территории Триединого королевства, в гражданской Хорватии в первой половине XIX века дворяне и горожане были почти исключительно католиками, а в Далмации в о второй половине XIX века процент православного населения в городах был гораздо меньше, чем по провинции в целом. При этом центры хорватской национальной интеграции находились на западной или южной окраинных территориях хорватского этнического пространства, в гражданской Хорватии, а также на побережье Адриатики и на островах, которые были исключительно католическими. Более того, и население городов, находившихся на территориях, большинство сельского населения которых исповедовали православие, было большей частью католиками (за исключением населенного преимущественно сербами восточного Срема). Эти социальные элиты участвовали в процессе хорватской национальной интеграции, а по отношению к людям, принадлежавшим к другим нациям, с которыми находились в прямом и косвенном контакте, дифференциация проходила не на основе конфессиональной принадлежности. Иными словами, национальная индивидуализация и дифференциация осуществлялась вопреки их принадлежности к католичеству. Это было свойственно взаимоотношениям хорватов-католиков с католиками – австрийскими немцами и итальянцами, католиками и протестантами – венграми, да и с католиками-словенцам, при всем родстве языков, в особенности – близости диалектов словенского языка и хорватской «кайкавщины». Хорватские, т.е. католические политические элиты все же осознавали наличие значительного слоя православного населения и присущей ему сербской идентичности (деноминации) на территории самого Триединого королевства, в особенности – на территории Военной границы (Война Крайина), где значительная часть офицерства, в особенности низшего, исповедовала православие.

inslav

Это стало одним из факторов, который в период незавершенности процессов национальной интеграции делал хорватские социальные элиты более восприимчивыми к южнославянской этнонациональной концепции – «иллиризму».

Конфессиональный фактор не играл непосредственной этнодифференцирующей роли в отношениях между хорватской и сербской нациями. Он косвенно, хотя и различным образом влиял на формирование у социальных элит хорватской и сербской идентичности. С одной стороны, как и в случае формирования идентичности этнических общностей на уровне аграрного общества, так и у социальных элит (на уровне «высшего общества»), которые воздействовали на этническую общность, Католическая церковь со своей универсалистской организацией, не оказывала непосредственного влияния на формирование хорватского национального сознания как такового. Однако в среде хорватских via facti католических социальных элит, она воздействовала на формирование цивилизационных и культурных ценностей, заложенных в учение Западного христианства. Сходным было развитие и у других «католических народов» – австрийских немцев, венгров (мадьяр), итальянцев или словенцев. При этом католические священники участвовали в хорватском национальном движении независимо от церковной иерархии, более того, часто вопреки настроениям ее высших слоев Православная церковь, напротив, являлась «переносчиком» цивилизационных и культурных ценностей; будучи церковью национальной, со своей традицией сербского этнонима традициями сербского государства и причисленными к лику святых королями; она была ярко выраженным представителем сербской идентичности и, одновременно, каналом, по которому из центра национальной интеграции сербов, находившегося в Южной Венгрии, национальная идеология распространялась среди исповедовавших православие. В этой связи можно упомянуть отставного капитана Трбуховича, писавшего в 1835 г. Людевиту Гаю: «серб согласно закону Церкви». Исповедовавшим православие социальным элитам было присуще чувство особой идентичности, и они были закрыты по отношению к хорватской национальной пропаганде. Ассимиляция на индивидуальном уровне со стороны хорватской нации по отношению к католиков – немцам, венграм или итальянцам (по происхождению) была следствием социализации и аккультурации в рамках общества, которые проходили помимо церкви как института. Напротив, Православная церковь в Хорватии играла важную роль в процессе интеграции исповедовавших православие – по происхождению греков, аромунов (цинцаров) и др., в сербскую нацию.

inslav

Различия не сводились лишь к этнониму. В процессе косвенных контактов на среднеюжнославянском языковом пространстве между католиками и православными возникла определенная культурная дистанция, лишь частично связанная с принадлежностью к разным церквям. В структуре начального образования в северной Хорватии, ликвидированной только школьной реформой бана Ивана Мажуранича в 1870-е гг. Православная церковь имела значительное влияние на формирование молодого поколения, а священнослужители, воспитанные в сербском национальном духе на богословском факультете в Сремских Карловцах, способствовало распространению сербской национальной идеи посредством Закона Божьего в школе. Лазо Томанович, вспоминая о годах своего обучения в гимназии в г. Задар в 60-е гг. XIX века, писал, что преподававший Закон Божий ученикам православного вероисповедания священник, «первые полчаса читал лекцию, а вторые полчаса обучал нас сербской идее». До реформ Мажуранича 70-х гг. система начального образования была раздельной; книгоиздание также осуществлялось обособлено, на латинском и кириллическом алфавите. Реформа языка Вука Караджича, приблизившая сербский стандарт к стандарту хорватского «штокавского» диалекта, в первой половине XIX века не была принята административной системой и православной церковной иерархией. На территории Военной границы, где и было сконцентрировано православное население, объявления, если они не были напечатаны на немецком языке, печатались и на латинице, и на кириллице. При этом между двумя вариантами существовали и различия в языке. Бан Й. Елачич, опираясь на свой административный опыт на Военной границе, в своем первом воззвании на посту бана Хорватии, с которым он обратился 25 апреля 1848 г., к «нации хорватской и сербской в Триедином королевстве», напечатал ее латиницей и нереформированной кириллицей. Кириллический текст был написан не установившимся еще сербским стандартным языком (до реформ Вука Караджича), т.е. разбавленной версией славяно-сербского языка.

Наличие культурных различий в первой половине XIX века замечали и некоторые из сторонников мнения, согласно которому «штокавцы» – это сербы, а хорваты-«кайкавцы» – это словенцы, – вроде славистического авторитета Павла Йозефа Шафарика. Он понимал, что авторы-католики обладали культурной идентичностью, независимо от того, на каком наречии их книги написаны. За хорватами-«кайкавцами» Шафарик, которых он, исходя из особенностей их языка, считал словенцами, признавал самоназвание «хорваты» лишь как знак их проживания на территории опреде-

inslav

ленной административной территории – Гражданской Хорватии. С другой стороны, присоединяя «штокавцев»-католиков к православным сербам, он замечал культурные различия между ними и делил их на «славо-сербов восточного обряда и славо-сербов западного обряда». В своей книге «Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten» 1826 г., превратившейся в библию национальных движений славянских народов, вдохновленных идеей культурного «всеславянства», он в своих лингвистических классификациях и исторических обзорах придерживался своей схемы о хорватах-«кайкавцах» как о словенцах и о принадлежности к сербам хорватов-«штокавцев». Однако в той же книге в разделе о развития культур и литератур одна глава посвящена исключительно «сербам восточного обряда», а отдельную главу под названием «Geschichte der Sprache und Literatur der katolischen Slawo-Serben (Dalmatiner, Bosnier, Slawonier) und der Kroaten» он посвятил языку и литературе «католических славо-сербов» (далматинцев, боснийцев и славонцев) и хорватов». В ней он, идя навстречу научной добросовестности вопреки идеологической схеме, хотя и не под единым этнонимом, представил как единое культурное целое католиков-«штокавцев» из Далмации, Боснии и Славонии и «кайкавцев» из Гражданской Хорватии, т. е. ту общность, которая исторически интегрировалось в хорватскую нацию.

Хорватские социальные элиты в период формирования современной хорватской национальной идентичности, конфессиональную принадлежность не отождествляли с национальной, т. е. конфессию они не рассматривали как признак нации, и не использовали ее как средство дифференциации по отношению к сербам, что, например, происходило с языком неславянских наций. Более того, они противились отождествлению конфессиональной и национальной принадлежности независимо от того, рассматривали они хорватов и сербов племенами «иллирийского» или «югославянского» этникума или часть православных считали хорватами. Граф Янко Драшкович, придерживавшийся консервативных убеждений, в своей «Диссертации» 1832 г. относил к хорватам всех жителей Триединого королевства, Боснии, Герцеговины и Черногории, называя их «славо-хорватами» или «хорватскими славянами» («kroatische Slaven» в немецком издании) и осуждал позицию православных священнослужителей, считавших, что «вера творит народ», т.е. что все православные – это сербы. Этой же позиции он будет придерживаться и тогда, когда в период национального Возрождения воспримет концепцию движения «иллиров», которая относила Хорватию к «иллирийской»

inslav

этнической и культурной идентичности, распространившейся от Адриатического моря до Черного. Сербами же он считал только православное население Срема, пришедшее туда из Сербии во время исхода сербов («сеобы») в 1790 г.

Во второй половине XIX века возрос удельный вес православного населения в городах северной Хорватии и Далмации (хотя и уменьшился их процент в структуре населения в целом) и два процесса национальной интеграции в среде социальной элиты стали открыто конкурировать между собой. При этом, как было сказано выше, территории, на которых эта элита была исключительно или почти исключительно хорватской, географически была расположена в относительно узкой западной части Хорватии и на побережье Адриатики, т. е. хорватская нация в отличие от сербской на востоке, не обладала сильным центром интеграции. Наоборот, значительную часть хорватской территории составляла периферия, в большей или меньшей степени перемешанная с сербской этнической периферией и с сербской элитой, проживавшей в городах. Однако хорватская и сербская идентичность у социальных элит уже сформировалась, и соответствующие элиты в процессе собственной социализации оставались открытыми по отношению к процессам национальной интеграции, католики – хорватской, а православные сербской. При этом у православных буржуа церковные каналы (хотя они и раньше не были единственными) дополнились коммуникационными связями, прежде всего печатью, распространявшая сербскую национальную пропаганду из центра национальной интеграции, находившегося в Воеводине. В таких условиях либеральные проекты у каждого народа, отражавшие тенденцию к национальной интеграции населения независимо от конфессиональной принадлежности, потерпели неудачу. «Югославянская» идея епископа Й.-Ю. Штроссмайера у хорватов об этническом и основанном на нем языковом и культурном единстве южных славян (хотя она и содержала в себе понимание национальной индивидуальности хорватов), представления Хорватской партии права А. Старчевича о том, что все жители на территории, на которое распространяется хорватское государственное право (включая словенцев, сербов и мусульман Боснии), являются хорватами, а также сербская национальная идеология, которая всех «штокавцев» – католиков, православных и мусульман считала сербами с этнической и тем самым национальной стоки зрения, были восприняты только той национальной и конфессиональной средой, из которой каждая из них сама и произошла – т. е. городской. Лишь изредка отдельные католики, из той же социальной среды, в особенности – интеллек-

inslav

туалы, признавали себя сербами; точно также редкие православные признавали себя хорватами.

Универсалистский ислам в Боснии и Герцеговине в XIX веке являлся в большей мере отличительной чертой, чем непосредственным ощущением национальной идентичности, при этом лишь некоторые люди объявляли о своей принадлежности к хорватской или сербской нации. Одна из причин интеграции в хорватскую нацию представителей отдельных беговских фамилий состояла в социальной дистанции, в невозможности для них идентифицировать себя с сербской этнической общностью, к которой принадлежали их православные кметы.

Из-за территориальной разбросанности представителей хорватской социальной элиты, наличия сербской социальной элиты на большей части территории Хорватии, незавершенности процесса национальной интеграции широких социальных слоев, в особенности – села, а также более ясной артикуляции программ создания хорватского и сербского национального государства, которые территориально пересекались друг с другом, со второй половины XIX века в сознании хорватской социальной элиты постоянно присутствует проблема «хорватско-сербских отношений». В зависимости от внутренних и внешних условий они артикулировались по-разному, и эту проблему унаследовал и XX век, который уже окончательно внес ясность в вопрос о национальной (само)идентификации широких слове общества.

Сдвиг в процессе национальной интеграции (рубеж XIX–XX вв.)

На рубеже XIX и XX веков расширяется социальная база процесса национальной интеграции у хорватов. Система дуализма, подчиненная интересам экономического развития центральных областей собственно Венгрии, тормозила модернизационные процессы в северной Хорватии. Особенно целенаправленно в последние десятилетия XIX века, в период правления бана К. Куэна-Хедервари, дуализм ограничивал возможности индустриализации, развития транспортной системы, школьного образования, создания и деятельности учреждений культуры и т.д. Несмотря на это в период экономического подъема в Монархии на рубеже веков произошли определенные, хотя и ограниченные сдвиги в процессе модернизации Хорватии. Ускорилась урбанизация; число жителей Загреба, выделявшегося на фоне остальных городов Хорватии, в те годы достигло примерно 80 000 человек. Росла общая численность городского населения, однако в наибольшей степени это относилось к городам, которые на территории Хорватии играли роль центров – Загреб, Осиек, Риека, Сплит. Однако в конце

inslav

XIX века 80 % населения все еще жило от сельского хозяйства. На селе происходил процесс социальной стратификации, возникал слой средних и зажиточных крестьян, а также – чему способствовал и распад большой патриархальной семьи «задруги» в северной Хорватии, и пауперов, абсорбировать которых города со слабо развитой промышленностью были не в состоянии. Все это при значительном росте населения привело к увеличению эмиграции, в особенности – за океан, в Северную и Южную Америку. Расширение системы начального образования увеличило количество грамотных людей и в целом повысило образовательный уровень населения. Однако северная Хорватия по количеству начальных школ и учителей в соотношении на душу населения и по охвату детей системой начального образования (1900 г. – 62 %) отставала от Венгрии и австрийских земель, включая Далмацию и Истрию. В конце XIX века около 60 % жителей все еще были неграмотными. При этом общество на хорватской территории частично стало более однородным, т. е. уменьшились различия в социальной структуре общества, в особенности – в буржуазных слоях городов. Общество стало более сложным. Вырос слой крупной буржуазии, занятой в начальной индустриализации и, в особенности, в банковском деле. Увеличивались слои мелкой буржуазии, рабочих, зажиточного и среднего крестьянства. Хотя все эти изменения по сравнению с остальными частями Габсбургской монархии были достаточно скромны, они привели к качественным изменениям в процессе хорватской национальной интеграции.

Иными словами, в течение XIX века в хорватскую нацию интегрировались социальные слои, генетически связанные со старым обществом – дворянство, по мере разложения старых структур утрачивавшее фундамент идентичности своей сословной «nationis croaticae», старая и новая буржуазия. Из-за медленного темпа социального развития и замедленной социальной стратификации, до конца XIX века в хорватскую нацию интегрировались только социальные элиты. Лишь на рубеже XIX и XX веков создались условия для начала процесса, в ходе которого в хорватскую нацию наряду с усилившейся буржуазией интегрировались новые, более широкие буржуазные слои, рабочие и крестьянство. Это стало началом медленного развития в направлении «массового общества» на хорватской территории и в то же время – началом по выражению Георга Моссе, «национализации масс».

В последние десятилетия XIX века процесс интеграции буржуазных слоев в тот период уже более структурированного общества в хорватскую нацию, проходил под знаменами идеологии Партии

inslav

права («правашей»), которое в этот период взяло на себя роль национального движения. При этом каждый из новых слоев создавал собственный вариант этой идеологии, и его представления о хорватских национальных интересах включали собственные социальные и культурные интересы. Поэтому в рамках идеологии «правашей» возникло несколько течений. В самом конце XIX века произошло идеологическое и политическое сближение новой крупной и средней буржуазии «правашского» направления и буржуазии, ориентировавшейся на идеологическую традицию Национальной партии, которую представляла небольшая Независимая национальная партия. Обе партии – «праваши» и «независимцы» – в 1894 г. сошлись на общей умеренно-оппозиционной программе, видевшей решение проблемы политического статуса Хорватии в «границах» Габсбургской монархии. Более того, в 1903 г. эти партии объединились в Хорватскую партию права. В 1895 г. из Партии права выделилась Настоящая партия права – партия, прежде всего мелкобуржуазная, партия слоя, не обладавшего социальными гарантиями, который чувство защищенности приобретал, опираясь на крупный капитал, высшие власти и династию. Это осуществил ее руководитель Йосип Франк, который установил связи с австро-немецким и еврейским капиталом, дуалистическими, а затем и централистскими кругами из окружения наследника императорского престола Франца Фердинанда. Ради получения власти в Хорватии в предвоенный период эта партия предложила поддержку формально триалистским, а на деле централистским планам преобразования Монархии в рамках ее политики экспансии на Балканы, доказывая свою верность антисербской риторикой. Она также была готова управлять недемократическими методами, и первой в новой истории Хорватии стала использовать уличные физические расправы со своими политическими противниками.

Однородность буржуазных слоев в хорватских провинциях с конца XIX века дала возможность политическим партиям начать устанавливать организационные связи, невзирая на границы. Первыми это сделали «праваши», создав «общеправашскую» организацию, а в начале XX века свою непосредственную политическую деятельность стали координировать друг с другом партии высшей и средней буржуазии в северной Хорватии и Далмации. Они исходили из программы политики «нового курса», которая в момент внутреннего кризиса в Австро-Венгрии провозгласила своей целью добиться объединения хорватских земель и более высокого уровня самостоятельности Хорватии. Это были партии, которые в разгар процесса обновления югославянской идеи в северной Хорватии вступили в Хорватско-сербскую коалицию

inslav

(Хорватская партия права, новосозданная Прогрессистская партия, идентичная с ними по социальному составу Сербская национальная независимая партия). Все они были убеждены, что изменение положения Хорватии можно добиться только объединением хорватских и сербских политических сил. После оказанного на нее давления и политических судебных процессов (Загребского и Фридъюнга) и Коалиция перед войной встала на путь «оппортунистической» (исходя из возможности сотрудничества с властями – *прим. перев.*) политики и превратилась в партию «при власти».

Югославянская идея у этих партий, которые в первые два десятилетия XX века – накануне и во время войны 1914–1918 гг. согласились на вхождение Хорватии в югославское государство, отражала представления части хорватской буржуазии о решении проблемы политического статуса Хорватии в то время, когда в Габсбургской монархии не существовало никаких перспектив для обретения большего уровня самостоятельности и достижения объединения хорватских земель. Эти силы принадлежали к хорватскому национальному движению точно также, как и те, кто решительно выступал против югославянской идеи. Их идея об этническом единстве хорватов, сербов и словенцев содержала в себе понимание индивидуальности хорватов, даже в том случае, если она трактовалась как племенная особость в составе «трехъименной югославянской нации». И радикальный унитаризм, выступавший за растворение хорватской идентичности в «югославянской нации», по своему происхождению был хорватским феноменом. Он проистекал из разочарования и чувства безысходности, распространившемуся среди хорватов, в основном среди молодого поколения, так называемой националистически настроенной молодежи («Омладины»), и отличался от великсербского унитаризма.

На рубеже веков первые шаги сделало и католическое движение, преподносившее католицизм в его социально-консервативной интерпретации как фундамент хорватской национальной идеологии. Этот политический католицизм (в литературе чаще всего говорится о клерикализме) возник в то время, когда традиционные оппозиционные партии, выступавшие против режима Куэна-Хедевари, были маргинализированы, а также когда правительство Венгрии начало процесс секуляризации общества, в то время как в Хорватии во все большей мере проявлялись либеральные тенденции, в особенности у части интеллигенции. Идеология «католического кроатизма» предложила католицизм и «рекатолизацию» общества в качестве фундамента интеграции хорватской нации и борьбы за большую степень самостоятельности Хорватии. Состоявшийся в Загребе в

inslav

1900 г. хорватский католический конгресс сформулировал цели движения католиков в период, когда он пытался действовать через существовавшие политические партии. Попытка создания самостоятельной политической организации не удалась, и руководившая этой попыткой группировка (вокруг газеты «Хрватство») в 1910 г. вошла в состав Настоящей партии права. Попытка использования католицизма в политике и опора на его восприятие в качестве одного из важнейших элементов национальной интеграции особого успеха в буржуазной среде не имела; в отличие, например, от словенских земель она не получила массовой поддержки и у крестьян, где преобладающее влияние снискало возникшее в те же годы крестьянское движение братьев Радичей.

Рост числа промышленных предприятий, хотя и довольно скромное, по сравнению с Австрией и Венгрией, на рубеже веков привел к возникновению пока немногочисленного слоя городских рабочих. Из-за своей малочисленности и отсутствия традиций в социальном отношении пролетарии не отличались от ремесленников и подмастерьев. С другой стороны, выход из затяжного аграрного кризиса конца XIX века, распад автаркичного крестьянского хозяйства путем включения сельскохозяйственной продукции в торговый оборот, т. е. проникновение в село товарно-денежных отношений, привели к его расслоению, к социальной дифференциации. Развитие системы начальных школ привело к увеличению образовательного уровня городских и частично сельских слоев. Также система школьного образования посредством преподавания литературы, языка и истории распространяло элементы хорватской национальной идеологии, несмотря на то, в учебниках содержались элементы официального югославянства и «сербо-хорватства» Национальной партии Куэна-Хедервари. Все это дало возможность городскому и сельскому «простонародью» включиться в процесс хорватской национальной интеграции и превращения хорватского этнического сознания в политически эксплуатируемое национальное сознание. Эти широкие городские и часть сельских слоев интегрировались в хорватскую нацию в ходе встречного процесса, в котором соединились хорватский простонародный протонационализм и хорватская национальная идеология высших слоев хорватского общества. Организовать рабочих и крестьян попытались буржуазные партии, однако в тот период возникли рабочее и крестьянское движения, которые, наряду с социальными программами, также формировали собственные версии хорватской национальной идеологии.

Пролетариат в хорватскую нацию интегрировался посредством идеологии, которые ему предлагали не только Социал-демократи-

inslav

ческая партия (создана в 1894 г.), но и буржуазные партии. Они выдвигали перед рабочими и другими широкими слоями городского населения – мелкими ремесленниками и подмастерьями, не только различные социальные, но и национальные программы. Социал-демократия – хорватский вариант австромарксизма с элементами унитаристского югославизма, а буржуазные партии – различные варианты хорватской идеологии, вплоть до популистской идеи хорватской исключительности Й. Франка. При этом люмпен-пролетарии превратились в манипулируемую армию для уличных нападений на политических противников его партии.

Организовав в 1904 г. Хорватскую народную крестьянскую партию, Стьепан Радич превратился в конкурента как буржуазных партий, так и Социал-демократической, также пытавшихся политически организовать крестьянство. Создав крестьянское движение в Хорватии, он тем самым включил ее в контекст развития Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, регионов, где крестьянские движения выдвигали идеею «крестьянской демократии» в качестве «третьего пути» между капитализмом и либеральным государством, с одной стороны, и социал-демократической программой, – с другой. В сложившейся в Хорватии ситуации при слабости буржуазии Радич видел в крестьянине, составлявшем большинство населения, субъекта борьбы не только за демократизацию общества, но и за национальную самостоятельность. Эту позицию Радич коротко охарактеризовал как «демократический национализм». Решение проблемы политического статуса Хорватии он видел в федерализации Габсбургской монархии. Крестьянское движение Радича до 1918 г. не могло обрести большой политический вес, поскольку правом голоса на выборах в сабор Хорватии обладало только 2 % населения. Тем не менее, именно тогда были заложены основы его подъема в межвоенный период. До 1919 г. оно было ограничено территорией северной Хорватии, а в Далмации некоторое время крестьян, требовавших отмены колоната, организовывал Йосип Смодляка со своей Хорватской народной демократической партией.

Лишь с интеграцией села в хорватскую нацию определился ее масштаб. Село, где в течение значительной части XX века проживало большинство населения, включилось в процесс хорватской национальной интеграции. Поскольку оно принадлежало к хорватской этнической общности и ему был свойственен сельский хорватский простонародный протонационализм, оно без колебаний воспринимало хорватскую национальную пропаганду, исходившую из городской среды, в особенности – идеологию крестьянского движения Ст. Радича. В этнически неоднородных средах люди, принадлежавшие

inslav

к сербской этнической общности, включались в процесс сербской национальной интеграции. С этой точки зрения никакой дилеммы для села не существовало. Газетная полемика, которую вызывали утверждения, вроде того, что «штокавцы»-католики являются сербами, или что православные на территории, на которую распространяется хорватское историческое право являются хорватами, носила умозрительный характер и не влияла на «самоопределение» крестьян. Сельское население включалось в процесс национальной интеграции той нации, к которой оно в каждом конкретном случае чувствовало наибольшую близость, учитывая элементы цивилизационного и культурного характера собственной этнической идентичности. При этом, как уже отмечалось выше, католики интегрировались в хорватскую, а православные – в сербскую нацию. Однако происходило это не вследствие их принадлежности к католичеству или православию, а вследствие того воздействия, которое эта принадлежность к конфессии и церкви, производила на предшествовавших этапах формирования хорватской и сербской наций в Новое время.

Перевод с хорватского С. А. Романенко

Ст. Маткович

ПРОБЛЕМА МОДЕРНИЗАЦИИ В ХОРВАТСКОЙ ПОЛИТИКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Хорватские исследователи уже долгое время разрабатывают теорию модернизации. Если в их первых работах, опубликованных в 1980-е гг., речь шла о возникновении и последствиях модернизации в современной историографии, то в работах, вышедших в свет в 1990-е гг., исследовался феномен возникновения современной нации и политической культуры как одной из составляющих процесса модернизации[1] и влияния модернизационных идей на политические движения. Следует упомянуть и недавно опубликованную

[1] Gross M. Modernizacija izvana – reforme u građanskoj Hrvatskoj i Slavoniji za neoapsolutizma // Časopis za suvremenu povijest, br. 3, 1980. S. 97.– 112; Gross M. Počeci moderne Hrvatske. Zagreb, 1985; Gross M., Szabo A. Prema hrvatskome građanskom društvu. Zagreb, 1992; Karaman I. Hrvatska na pragu modernizacije (1750–1918). Zagreb, 2000; Korunić P. Fenomen nacije: porijeklo, integracija i razvoj // Historijski zbornik, LIII, 49–100, Zagreb, 2000; Markus T. Hrvatski politički pokret 1848. – 1849 godine. Zagreb, 2000; Stančić N. Hrvatska nacija i nacionalizam u 19. i 20. stoljeću. Zagreb, 2002, и др. В рамках исследования политической истории была использована и статья Л. Рацко, в которой проведен первый историографический анализ влияния идей модернизации на политические движения (Racko Lj. Pokret Hrvatske moderne u historiografiji // Historijski zbornik, vol. XXXVI, Zagreb, 1983. S. 1. – 31).

inslav

монографию, в которой освещаются модернизационные изменения в области права во второй половине XIX века, которые оказали значительное влияние на возможности развития и само устройство хорватского общества в рамках габсбургской правовой модели[1].

Когда мы говорим о процессе модернизации Хорватии, то в данном случае не затрагиваем понятия «модерн» или «модернизация» как обозначение культурного, художественного и эстетического направления. В данной статье предполагается проанализировать влияние модернизации на деятельность политических партий и их взгляды на политические и социально-экономические преобразования. При выборе разных моделей общественного устройства в Хорватии речь идет о заимствовании не всегда идентичных моделей разных стран Западной Европы. Западноевропейское влияние носило преобладающий характер. Оно коренилось в промышленной революции, начавшейся в XVIII веке. Успех процессов модернизации не был бы возможен без образования сильных государств, без создания организационных структур, благодаря которым произошли перемены во многих областях жизни. Благодаря достигнутым успехам, модель модернизации стала привлекательной для заимствования и преобразования политических, экономических и научных процессов в менее развитых, периферийных обществах, для которых модернизация была главным способом преодоления отсталости или изменения своего неравноправного положения.

Одной из главных характерных черт модернизации является разрушение традиций. Уже решения 1848 г., принятые в банской Хорватии, были знаком эпохальных перемен. Хорватское национальное движение добилось разрушения сословного общества, провозгласило освобождение крестьянства. В последующую эпоху неоабсолютизма (1851–1860) политические реформы были отложены, но в экономической и правовой сферах модернизационные факторы по-прежнему оказывали свое влияние.

Конституционная реформа и переустройство монархии в соответствии с принципами дуализма в 1860-е годы снова стали препятствием для «требований нации», стремившейся к демократизации; в дальнейшем они предоставляли достаточно возможностей для проведения процессов модернизации и в других сферах. Правление бана Ивана Мажуранича (1873–1880) стало примером успеха «национального» политика, который издал ряд законов, необходимых для осуществления перемен в модернизирующемся обществе. Бан

[1] Čepulo D. Prava građana i moderne institucije. Europska i hrvatska pravna tradicija. Zagreb, 2003.

inslav

К. Куэн-Хедервари в течение своего двадцатилетнего правления (1883–1903) не побоялся подвергнуть католическую церковь и другие религиозные объединения либерализации в области образования, что подтвердило готовность власти идти по пути административной и экономической модернизации. Тем не менее его правление показало, что отсутствие политических свобод и политическое манипулирование может вызывать волну довольно агрессивного широкого возмущения – постоянные беспорядки во время выборов в сабор Хорватии, антисербские демонстраций в 1902 г. или подъем Национального движения 1903 г.

Последствия крупных перемен особенно сильно стали ощущаться в конце XIX века, после ускорения изменений в области техники. Экономический рост стал предпосылкой продолжения модернизации и способствовал неизбежной адаптации общества к новым условиям. Новая «волна» модернизации неизбежно должна была повлиять и на развитие политической мысли. Элементы модернизации нашли свое место в программах ряда политических партий, которые стремились к преобразованию общественных отношений. Степень развитости политической жизни на рубеже веков была тесно связана и с изменениями в обществе, которые способствовали появлению большого количества различных партий, стремившихся защитить интересы отдельных общественных слоев. В начале XX века в хорватских землях образовываются новые партии, изменившие политическую реальность. Отныне существовали не только крупные партии («народняки», «праваши», «унионисты», «автономаши»), которые пытались представлять интересы всего общества, но и новые политические организации, защищавшие «частные интересы». Велась ли речь о защите традиционных или современных ценностей или согласовании обеих ценностных концепций – подобные партии, по большей части, создавали именно сторонники модернизации.

Национальный вопрос оказывал существенное политическое влияние на развитие Хорватии в период модернизации. В историографии чаще всего он трактовался как вопрос о национальной интеграции, а также как проблема отношения ко всему многонациональному объединению – Габсбургской монархии, которое в основном выражалось в критике ее внутреннего устройства. В центре большинства партийных программ находилось положение нации, что напрямую не противоречило концепции модернизации. В развитых странах Европы национальное государство было характерной чертой нового периода истории, в то время как другие народы находились на стадии предмодернизационного развития. Поэтому, шла ли речь о защитниках хорватской

inslav

нации или какой-то другой национальной общности, модернизация способствовавала обоснованию национальной идеи.

В предшествующие столетия обязательным пунктом любой значительной политической программы был вопрос о государственно-правовом статусе Хорватии. Получение большей государственной автономии и четкого территориального устройства могли способствовать преодолению будущих вызовов и обеспечению «места под солнцем» для отдельных наций. В условиях системы, возникшей в результате хорватско-венгерского соглашения 1868 г., и позднее, может быть, в большей степени, в Королевстве СХС/Югославии, ведущие хорватские политические партии не видели возможности для полного осуществления экономических и социальных требований, в соответствии с вызовами модернизации, именно из-за отсутствия независимого механизма принятия решений. Поэтому в центре внимания находились не проблемы экономики или культуры, а политические концепции достижения большего уровня национальной и государственной самостоятельности.

В начале XX века бо́льшая часть хорватских интеллектуалов считала, что их программы соответствуют требованиям модернизации и отвечают «духу времени». Однако находились и те, кто считал модернизацию признаком упадка, кто критиковал отдельные аспекты модернизированного общества, или, точнее, относились к провозглашаемым ей благим целям скептически. В основном это были деятели из возникавших тогда организаций, защищавших права рабочих. Так, Социал-демократическая партия Хорватии и Славонии видела истоки кризиса общества в капиталистической системе[1].

Пример социал-демократов показал парадоксальность модернизации в ее практическом воплощении. С одной стороны, без стремления к созданию гражданского общества было бы невозможно осуществить ускоренную индустриализацию, которая проходила в менее развитых областях двуединой монархии в конце XIX века, и тем самым подготовить внутри общества фундамент для создания социал-демократических партий. Созданная лишь в 1894 г. в банской Хорватии партия не только концентрировалась на борьбе за улучшение положения рабочих в рамках капиталистической системы, но и выражала свое негативное отношение к существовавшему в Хорватии политическому устройству, в особенности – к режиму бана Куэна-Хедервари, и стала объектом репрессий с его стороны. И все же, это общество нового образца предоставляло возможность для формирования политических организаций, но вследствие социально-

[1] Sloboda. 3. X. 1895.

inslav

демографической ситуации в хорватском обществе, СДПХиСл, отстаивавшая интересы рабочих, не пользовалась большим влиянием. Следует подчеркнуть, что свою программу СДПХСл создавала под влиянием немецких социал-демократов, а их установки было сложно применить в условиях Хорватии вследствие иного характера социальных и политических взаимоотношений.

Негативное отношение к модернизации прослеживается в программе Хорватской независимой рабочей партии. В документе утверждалось, что «модернизационное» законодательство способствовало появлению в экономике конкуренции, которая вела не к росту общего благосостояния, а к борьбе за существование и ломке традиционных отношений, в особенности в религиозной сфере. В данном случае речь шла о страхе перед нарушением преемственности, которое приводит к кризису.

Таким образом, возникает вопрос о спорах вокруг последствий модернизации. Если же говорить об организациях христианско-социального направления, следует отметить стремление католической церкви к диалогу со сторонниками модернизации. Признавая ее успехи, католическая церковь критически относилась к новым угрозам общественной нравственности, к антирелигиозному образу мышления и многим формам общественной деятельности. Все вышеперечисленное она считала последствием модернизации[1]. Деятельность христианско-социальных групп в хорватских землях по сравнению с социал-демократами имела еще меньший успех. Причины этого заключались в том, что еще сохраняли свое влияние в политической жизни партии с сильными традициями, которые сумели принять вызовы модернизации и их политические последствия. Поэтому сторонники христианско-социальных идей стремились связать свою судьбу с каким-либо из ведущих партийно-политических направлений («праваши» или «народняки»), пытаясь оказывать на них свое влияние.

В отличие от новых политических организаций, основное внимание уделявших рабочему классу и его правам, большинство других политиков других направлений пытались выдвинуть эклектичные программы. Для постепенного преодоления различий между традиционными (предмодернизационными) и прогрессивными (модернизационными) силами, они соединяли ценности обеих эпох. Учитывая невозможность точного копирования западного образца мо-

[1] О проблемах во взаимоотношениях между католической церкви и хорватским обществом во второй половине XIX века см.: Hrvatski katolički pokret. Zbornik radova/ ur. Z. Matijević. Zagreb, 2002.

inslav

дернизации в специфических местных условиях, выбор этих ценностей был весьма прагматичен.

Появление новых поколений в общественной жизни в начале XX века способствовало изменению политических воззрений. Единое движение молодых политиков, для которых ценности модернизации являлись одним из главных пунктов повестки дня, быстро раскололось. В конце XIX века из поколения молодых бунтарей вышли будущие лидеры партий разной идейной направленнности. Модернизация привнесла как новые ценности, так и политические разногласия, способствовала возникновению внутренних конфликтов по социальным, мировоззренческим, этическим, религиозным вопросам и (или) вопросам регионального характера. Внутренние противоречия не могли способствовать формированию единого взгляда на обеспечение национальных интересов. Более того, не было согласия и в вопросе о содержании самой национальной идеи, несмотря на то, что подавляющее большинство политиков признавало эту идею важной.

Демократия, парламентаризм и конституционность, наряду с гражданскими свободами, были теми понятиями, которые обычно присутствовали в программах всех влиятельных политических партий. Там можно обнаружить следующие пункты: требование гражданских свобод, среди которых выделялись свобода совести, свобода выражения идей, и, соответственно, свобода печати, свобода собраний и союзов, свобода в области науки, неприкосновенность жилища, тайна переписки и равноправие граждан перед законом. Проведение всеобщих, равных, тайных и прямых выборов в сабор, собрания жупаний (административная единица на территории автономной Хорватии до 1918 г. – прим. перев.) и муниципалитеты, при гарантии «отсутствии нарушений на выборах и полной их свободе», – это показатель стремления установить политическую систему, основанную на демократических началах. В реальности все эти требования сталкивались с положениями законодательства, которое – под строгим контролем императора – только начинало меняться в сторону расширения гражданских свобод. Несмотря на создание системы законодательных институтов, отвечавших требованиям модернизации, по-прежнему оставались в силе некоторые законы времен неоабсолютизма, например, Закон об объединениях 1852 г.

Результатом модернизации стало и расширение избирательных прав в банской Хорватии в 1910 г. или введение двумя годами раньше в Цислейтании (в частности – в Истрии и Далмации) всеобщего и тайного избирательного права на выборах в рейхсрат. Количество избирателей возросло. Это способствовало достижению политической

inslav

организованности, хотя в автономной Хорватии голосование было по-прежнему открытым и участвовало в нем только 8 % населения. В центре внимания оставалась и дальнейшая демократизация системы, которая должна была основываться на принципе всеобщего и равного избирательного права. Однако либералы не всегда удовлетворялись введеним такого права, поскольку считали, что опираются на массы, (с его помощью поддержка оказывается массам), чуждые модернизации, поскольку эти массы были в своем подавляющем большинстве необразованы.

Наиболее активными сторонниками модернизации были «напредняки» (сторонники Хорватской народной прогрессистской партии), которые в организационном плане прошли путь развития от разношерстного объединения молодежи в конце XIX века до сплоченной партийной организации в 1904 г. Использование понятия «прогресс» стало типичным примером проникновения концепций модернизации в политику. Как и в Германии, где также существовала Прогрессистская партия, так и в Хорватии сторонники прогресса старались в своих программах поставить вопрос о политическом развитии вообще и доказать общественности, что именно они выражают идеи, отвергающие аграрную модель развития и провозглашающие переход к развитию индустриальному. Прогрессистская партия, после своего вступления в 1905 г. в Хорватско-сербскую коалицию и ее успеха на выборах, через своих представителей участвовала в работе правительства автономной Хорватии, что сделало для нее возможным и участие в разработке законов, среди которых, можно назвать, например, относительно либеральные законы о печати и о судебной системе.

Говоря о «прогрессизме», невозможно обойти программу братьев Радичей. Особенно важна роль младшего брата Стьепана, который в свои студенческие годы действовал вместе с остальными «напредняками». С этого времени в партийно-политической системе хорватов возникло особое направление, так называемая «крестьянская» идеология. В то время, как Антун Радич находился в лагере активных противников модернизации, его брат приобрел характерные черты политика модернизационной эпохи, уже обладавшего представлениями о некоторых основах гражданского общества[1].

[1] Антун Радич писал: «...я не "противник модернизации"; но под [модернизацией] я понимаю любой прогресс в любой области наук и искусств, и отвергаю те заблуждения, в которых погрязли у нас некоторые "сторонники модернизации"» (Radić A. Sabrana djela, sv. XVI. Zagreb, 1938. S. 64).

inslav

В политической практике именно братьев Радичей было больше всего противоречий, связанных с пониманием модернизации. Они пропагандировали необходимость отказа от множества традиций и одновременно сами же использовали некоторые традиционные подходы, осоотвествовашие их взглядам об общественном устройстве. Пропагандисты «крестьянской» идеологии не хотели быть сторонниками «городской» модернизации, при которой крестьянство и далее оставалось бы на периферии развития. Хотя речь идет о типичной аграрной партии, похожей на те, что существовали в Европе и защищали интересы сельского населения, что в большинстве случаев означало защиту традиционных ценностей и выступление против модернизации, все же основанная в 1904 г. Хорватская народная крестьянская партия не отвергала политическую модернизацию. Они находились среди самых активных сторонников демократизации хорватского общества именно потому, что им так было легче защищать интересы крестьянства, составлявшего большинство населения и способствовать его адаптации к условиям новой эпохи[1].

Было бы несправедливо отрицать, что и «унионистские» объединения, включая и «автономашей» в Истрии и Далмации, переняли некоторые модернизационные идеи. Унионисты, сторонники хорвато-венгерского союза в течение долгого времени находились у власти, и в их руководстве важную роль играло чиновничество[2]. Наличие «белых воротничков» было в их глазах предпосылкой исправного функционирования управления в условиях постепенной модернизации общества. Курса на умеренную модернизацию, в свете союза с Венгрией придерживалась и новая, созданная в 1911 г., партия бана Николы Томашича – Партия национального прогресса, которая свой патриотический долг видела в отстаивании основ конституционности в автономной Хорватии[3]. Согласно данным статистики, именно в годы правления двух «унионистов», Павла Рауха и Н. Томашича, были достигнуты значительные успехи практически во всех областях экономики. В те годы росло количество промышленных предприятий, банков, сберегательных касс и акционерных обществ. Тогда же ускорился оборот ценных бумаг, активизиро-

[1] Biondich M. Stjepan Radić, the Croat Peasant Party, and the Politics of Mass Mobilization, 1904–1928. Toronto, 2000. S. 246. Об этом см.: Smith Anthony D. Nacionalizam i modernizam. Preijv. s engl. Zagreb, 2003. S. 21.

[2] С историографической точки зрения интересна следующая статья: Karaman I. Uloga visokoga činovništva u građanskoj Hrvatskoj, опубликованная в его книге «Hrvatska na pragu modernizacije» (S. 111–129).

[3] См.: Kolar M. Ban Pavle Rauch i Hrvatska u njegovo doba// Povijesni prilozi. Zagreb, 1999. S. 241–323.

inslav

вались и другие виды финансовой деятельности. Зачастую государственные чиновники являлись важным звеном в проведении реформ управления, и поскольку «унионисты» долгое время контролировали местное правительство и муниципалитеты, именно их представители добились успехов в установлении новых институтов и принятии законов, обеспечивавших модернизационное развитие.

В особую группу защитников модернизации можно выделить молодое поколение сторонников Хорватской партии права, в рядах которых пользовались популярностью, как идеи модернизации, так и политического традиционализма. Понятие модернизации по-разному трактовалось в среде «правашей». Когда в начале 90-х гг. XIX века лидерами Партии права стали Фран Фолнегович и Йосип Франк, оппоненты «правашей» писали о «модернизации» этого движения, намекая на то, что сторонники нового курса игнорируют политическое наследие основателя партии Анте Старчевича. Движение «правашей» и на самом деле начало «модернизироваться»: была принята первая единая программа, более современной становилась внутренняя структура. Это, в конечном счете, привело к расколу единой партии и созданию «правашами» нескольких партий. Среди «правашей» молодого поколения выделялся Й. Франк, воспринявший основные понятия модернизации. Именно Франк в ходе дискуссии с консерваторами поддержал новые культурные и литературные направления. Тогда он не только поддержал требования молодых «правашей» о переменах в области культуры и искусства, но и напомнил общественности, что «французская революция сопровождалась зверствами, но она стала основанием для общественной и политической жизни девятнадцатого века»[1].

Неподдельный интерес к современным достижениям культуры был настолько сильным в этих политических кругах, что к нему сразу же присоединились многие известные люди. Наиболее известным среди них был Антун Густав Матош. Наряду с ним свой заметный вкладом внесли и Милан Огризович, Крешимир Ковачич, Фран Галович, Штефа Искра, Звонимир Вукелич и другие. Это показало, что программа «правашей» и после окончания «великой эпохи» реализма, позволяла объединять известных литературных деятелей. Эта программа, под которой стояла подпись Матоша, была опубликована в журнале «Stekliš». Она свидетельствовала о том, что в начале XX века наиболее сложным все еще оставался вопрос национального самоопределения, т.е. что национальная идея оставалась тесно связанной с идеями модернизации. В этом смысле «праваши» с их хорватским национализмом были «наи-

[1] Frank J. U obranu hrvatskih umjetnika. Odgovor na poslanicu Fr.Š. Kuhača «Anarkija u hrvatskoj književnosti i umjetnosti». Zagreb, 1898.

inslav

более современными, самыми многочисленными, способными принести больше всего пользы и нам, и всему народу»[1].

Наконец, как один из противовесов большинству партийных программ, появившихся накануне Первой мировой войны, стала деятельность югославистского молодежного движения в его хорватском варианте. Влияние Балканских войн 1912–1913 гг. было одним из факторов, способствовавших возвеличиванию ими Сербского королевства, его национальной династии, армии и стремительного расширения за счет османских владений на Балканах. Еще большим радикализмом отличалась идеология националистической молодежи, которая настаивала на неизбежной «двойной» революции: национальной (т.е. югославянской интеграции) и социальной (устранения влияния «реакционных классов»). Согласно их воззрениям, отвергать взаимную национальную интеграцию с сербским народом – значило подвергать ограничениям обе национальные идеи. Они критиковали идеологию хорватского государственного права, предлагая взамен идею югославянского государственно-правового единства. Национализм как составная часть процесса модернизации в их интерпретации означал «отрицание всего антинационального в материальной и духовной жизни нашего народа». Этот дискурс «модернизационного» национализма сопровождался идеями радикального антиклерикализма, демократизации политического сознания, ограничением власти дворянства и устранения влияния неславянских культур путем дегерманизации, демадьяризации и деитальянизации[2].

Югослависты восприняли отдельные составляющие модернизационной модели Запада, причем наиболее радикальные из них. Понятие «фаза югославянского империализма» соответствовала общим тенденциям, характерным для истории Европы накануне Первой мировой войны, и тем самым стало одним из феноменов национализма в эпоху модернизации. Югослависты стремились создать новое государство на развалинах Габсбургской монархии и адаптировать его к новой имперской системе. Идея единого унитарного югославянского государства выполняла особую национальную миссию, которая заключалась в доказательстве своей жизнеспособности в эпоху, когда преобладали социал-дарвинистские представления о борьбе за существование. Эта идея показала свой «мелкоимпериалистический» характер во время Балканских войн,

[1] Matoš A.G. Stekliš. [Zagreb], 1911.

[2] Tartalja O. Veleizdajnik. Zagreb-Split, 1928. S. 61–64. Речь идет о тексте программы 1912 г., которую составили Оскар Тарталья и Владимир Черина.

instlav

а свою стратегию эта интеграция должна была подтвердить в надвигавшихся войнах. И здесь не обошлось без парадоксов. Было разрушено многонациональное объединение монархического типа, но лишь для того, чтобы создать новое, в котором господствовало заблуждение, что именно в его рамках окончательно сформируется единая нация. Таким образом, продолжились дискуссии о хорватской идентичности, которой никакие версии югославизма не помогли разрешить свои проблемы.

Таким образом, можно заключить, что хорватские территории во второй половине XIX века испытали на себе неизбежное влияние модернизационных процессов, целью которых было преобразование традиционного общества. В этот период в программах различных политических партий заметно стремление найти свое место в этих процессах. Эти программы отражали различия во взглядах на устройство современного капиталистического общества, национальный вопрос и построение правовой системы.

Партийные программы были составлены по европейским образцам, в основном заимствованных из развитых стран Средней Европы. Если взглянуть на эти партии из австровенгерской перспективы, то сходство в их мировоззрении очевидно. С одной стороны, существовали отдельные территории с разной политической ориентации; с другой – существовали и так называемые политические платформы, послужившие основанием для христианско-социальных, социал-демократических или «прогрессивных» либеральных организаций с единой системой политических принципов. Разрушение двуединой монархии способствовало разрушению этих связей, а глубина различий политических концепций повлияла и на будущее устройство партийных организаций.

Наибольшим успехом у избирателей пользовались партии, объединявшие модернизационную модель и хорватскую специфику в условиях многонациональной империи и неосуществленных государственно-правовых и национальных устремлений. Главную роль в политической жизни стали играть сторонники умеренной модернизации. Однако в сложившихся условиях частичных изменений было уже недостатовно. За кризисом, охватившим все страны, последовали войны, насилие, обострение радикализма и революции. Тогда-то и стало ясно, что многие сторонники модернизации на самом деле были ее противниками. Таким образом, основания для модернизации становились более шаткими, а возможности ускоренного развития уменьшались.

Перевод с хорватского М. С. Ващенко

instav

Д. Агичич

СТУДЕНЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В ЗАГРЕБЕ И ХОРВАТСКИЕ СТУДЕНТЫ- ЭМИГРАНТЫ В ПРАГЕ ВЕСНОЙ 1908 Г.

В апреле 1908 г. бан Хорватии Павао Раух отправил в отставку профессора Загребского университета и депутата Хорватской народной прогрессистской партии («напредняци», хорв. – прим. перев.) Джюро Шурмина, Обстоятельства его увольнения свидетельствовали о том, что речь шла о типичном шаге политического характера – Шурмину исполнился только 41 год и он переживал творческий подъем. Более того, он являлся деканом Философского факультета, а его книга «Хрестоматия по древней литературе» как раз получила рекомендацию к печати как школьный учебник и Отдел богословия и образования объявил, что принимает его условия по авторскому гонорару[1]. Но из-за своей политической активности Шурмин уже долгое время находился в опале у правительства Рауха в Хорватии. Всего за несколько дней до своей отставки (точнее, перед тем, как был обнародован приказ о его увольнении) в расписании лекций в летнем семестре 1907/1908 учебного года было объявлено, что штатный преподаватель, доктор Джюро Шурмин будет читать 5 часов лекций по хорватской литературе XVI века и 3 часа в неделю будут посвящены грамматическим упражнениям в ходе семинарских занятий[2].

В то время как оппозиционная газет Pokret – печатный орган той самой политической партии, в рядах которой состоял Шурмин, видел в его отставке «покушение на хорватский университет» и посвятил этому «европейскому скандалу» передовицу; официальные Narodne novine и Ustavnost ограничились лишь упоминанием об этом: «Будучи наиболее компетентными в этом вопросе, уполномочены заявить, что увольнение штатного преподавателя, доктора Джюро Шурмина было полностью согласовано с его превосходительством, начальником Отдела богословия и образования доктором Фердинандом Михичем»[3]. Газеты, служившие рупором «напредняков» еще несколько дней жестко критиковали «эру гонений и притеснений», наступившую при Раухе, писали о положении дел в университете и разобщенности в студене-

[1] Arhiv Filozofskog fakulteta u Zagrebu. Predmet: Školska knjiga, Čitanka iz «Književnih starina», br. 41. 15.I.1908.

[2] Red predavanja u sveučilištu Franje Josipa u Zagrebu // Narodne novine. 24.IV.1908.

[3] Atentat na hrvatsko sveučilište // Pokret. 27.IV.1908; Šurminovo umirovljenje // Narodne novine. 27.IV.1908; Там же // Ustavnost, 27.IV.1908.

inslav

ческой среде, призывали своих сторонников «сомкнуть ряды». Официальная же печать очень скупо писала об этих событиях[1].

Студенты решили начать забастовку сразу после отставки Шурмина и уже в течение первых двух дней примерно 240 человек покинули университет. Это подтолкнуло Pokret к тому, чтобы напомнить Рауху о роли тех студентов, которые в 1895 г. покинули Загреб и перебрались в Прагу[2]. Там формировалось новое поколение хорватских политиков, которые позже основали Прогрессистскую партию и составили костяк оппозиции. Официоз Narodne novine не хотел замечать этого факта и утверждал, что все это студенческое движение было подготовлено небольшой группой из 200–250 студентов (всего их насчитывалось 1465 человек). Прочие студенты, которых в итоге оказалось около 1200 человек, не соглашались с этими методами, но «не могли сопротивляться террору поддавшихся на провокацию напредняков»[3] – без смущения писали официальные газеты. «Уставност» пошла еще дальше и открыто заявляла, что не следует «принимать близко к сердцу» это движение – ведь студенты «едут за границу и перенимают там чужой опыт», а с другой стороны, положительным является и тот факт, что Загреб на какое-то время освободится от тех, кто считает, что «вся прелесть студенческой жизни состоит в том, что в кофейнях на них накидываются какие-то странные люди»[4]. Газета предупреждала студентов, что после того, как они покинут университет, т. е. «в тот момент, когда они получат увольнительные свидетельства, они перестанут быть частью нашего университета и перестанут находиться под защитой его руководства»[5]. Правительство объявило, что оно не будет препятствовать студентам покинуть Загреб, если их что-то не устраивает, но и ясно дало понять, что будет противостоять любым попыткам помешать посещению занятий тем, кто этого желает. Университет не будет закрыт, так как на Богословском факультете занятия проходили в обычном режиме[6]. Начало летнего семестра в университете было отложено на несколько недель, а ректор Миливой Маурович взял месячный отпуск в связи с болезнью[7]. Лишь спустя неделю после начала событий, связанных с увольнением Шурмина, Narodne novine посвятили им передовицу. В ней утверждалось, что

[1] U eri progona i šikanacije // Pokret. 28.IV.1908; Sveučilište Franje Josipa I. i barun Rauch // Pokret. 29.IV.1908; Skupština sveučilištnih djaka // Narodne novine. 29.IV.1908.

[2] Sveučilište Franje Josipa I. i barun Rauch // Pokret. 29.IV.1908.

[3] Iz sveučilišta // Narodne novine. 30.IV.1908.

[4] Umirovljenje prof. dra. Šurmina // Ustavnost. 28.IV.1908.

[5] Dogodjaji na sveučilištu // Ustavnost. 30.IV.1908.

[6] Sveučilištne stvari // Narodne novine. 5.V.1908.

[7] Iz sveučilišta // Narodne novine. 1.V.1908; Sa sveučilišta // Ustavnost. 1.V.1908.

inslav

все слухи о политической подоплеке этого увольнения являются «ложными» и «вымышленными», так как основанием для них послужила неверная информация. Согласно ей, профессор Шурмин был уволен, так как «исполняя свои обязанности преподавателя и декана, грубо нарушал элементарные общественные и этические нормы». Иначе говоря, писала эта газета, Шурмин «издевательски» смеялся над примитивными песнями и нападками на бана, которые для Рауха подготовила группа студентов на загребском железнодорожном вокзале непосредственно перед выборами в конце февраля 1908 года. Он не выполнил свой долг и не предостерег студентов, и, более того, присоединился к ним, поздравив новоизбранного депутата Ивана Лорковича, который только что вернулся с избирательного участка. Тем самым Шурмин якобы скомпрометировал себя как профессор университета, и именно это явилось причиной его увольнения, а вовсе не его политическая деятельность, писала газета, выражавшая позицию правительства Рауха[1]. Она всего несколько раз упомянула на своих страницах о положении в университете, и то в статьях, перепечатанных из других изданий[2].

Кризис в университете, вызванный увольнением Шурмина, закончился с отъездом 800–900 студентов из Загреба в университеты Праги, Вены и Граца. Obzor писал, что с ними уехали «девять сотен доказательств нашего культурного позора, нашего политического уродства, а также девять сотен пламенных борцов»[3]. «Уставност», поддерживавшая Рауха, с иронией замечала, что «вчера в нашем университете закончился первый акт какой-то пьесы» – из Загреба уехали «несколько сотен» студентов. Они уехали в веселом настроение, как и свойственно молодежи, воодушевленные и гордящиеся своим поступком. Но на самом деле эти молодые люди, из-за «бездушных действий» Шурмина и его «прогрессистов», должны были покинуть родину и уехать в неизвестность, на чужбину, где им придется нелегко, так как после первых дней веселья они будут «нуждаться и голодать в чужом городе, среди равнодушных людей, которые будут не в состоянии понять, почему наши студенты покинули родину»[4]. Только из одного сообщения на четвертой странице газеты, поддерживавшей Рауха читатель мог «узнать», каким образом Загреб покинуло около 250 студентов[5]. Обстоятельства и события, связанные

[1] U Zagrebu, 4. svibnja // Narodne novine. 4.V.1908.

[2] Sveučilištšna affaira // Narodne novine. 9.V.1908; O exodusu hrvatskih sveučilištaraca // Narodne novine. 20.V.1908. и др.

[3] Epilog // Obzor. 5.V.1908.

[4] Exodus // Ustavnost. 6.V.1908.

[5] Odlazak sveučilištnog djačtva // Ustavnost. 6.V.1908.

inslav

с увольнением Шурмина, подробно освещал и студенческий ежемесячный журнал Hrvatski djak[1].

В Праге хорватских студентов (большинство из них отправились именно в Прагу) ожидал необыкновенно теплый прием. Они пользовались там большими привилегиями. Obzor писал о том, что жители Праги «чрезвычайно рады» тому, что к ним приехало столько студентов из Загреба. Городские власти организовали временное размещение для студентов, а также обещали им материальную помощь. Осуществлялся сбор средств со стороны частных лиц, была обещано помощь и со стороны фонда Яна Гуса. Университет предоставил студентам ряд привилегий: все они были освобождены от платы за обучение, у них была возможность сдавать экзамены на хорватском языке, в том числе и государственные экзамены, что было особенно важно для студентов из Истрии и Далмации, так как они не были обязаны добиваться того, чтобы их дипломы признавали в другой части империи. Сам ректор Ярослав Голл принял студенческую делегацию и долго, с удовольствием разговаривал с ними. Obzor подчеркивал, что «привилегиями», которыми студенты пользовались в Праге, наши студенты нигде и никогда не будут пользоваться», а как привилегию особого рода называл возможность сдачи экзамена на хорватском языке[2]. Мне неизвестно, пользовался ли кто-либо этой «привилегией» и понимали ли чешские преподаватели ответы своих новоиспеченных студентов.

Не прошло и двух недель, как в Хорватию стали приходить первые описания путешествия и встречи студентов. Так, «Д. Н. Славонац», помимо прочего, объяснял, почему его друзья в большинстве своем поехали в Прагу, а не в Вену: «Вена никому не нравилась! Это красивый и большой город, но чужой, немецкий. Поэтому большинство и направилось в славянскую Прагу, и не для того, чтобы поедать кнедлики, которыми студентов кормили в воображении некоей Доротки, но для того, чтобы в чешской Праге копить силы для борьбы и, усилившись, вместе с народом скидывать тиранов туда, куда они и падают!»[3]. В газете Obzor были напечатаны и путевые заметки, подписанные псевдонимом «-ша». Вначале автор утверждал, что и по сей день из всех «югославян» чехи теплее всего относятся именно к хорватам. В настоящее время эти симпатии еще усилились. В чешских газетах публиковались многочисленные статьи о Хорватии и хорватах, и уже названия этих статей свидетельствуют о гонениях Рауха. Молодой фельетонист Obzor писал: «С чехами нас объединяет множество

[1] Iz djačkoga života // Hrvatski djak, br. 5. Svibanj 1908. S. 148–153.
[2] Odlazak naših akademičara // Obzor. 7.V.1908.
[3] D. N. Slavonac. Put emigranata do Praga // Obzor, 23.V.1908.

instlav

схожих национальных черт, культурных и политических проблем, к решению которых мы стремимся. Кроме того, наши интересы не сталкиваются ни в какой области. Это, без сомнения, и есть главнее причины чешских симпатий к Хорватии»[1]. Он, конечно, находился под впечатлением от встречи в Праге. Но мы уже видели, что такая возможность использовалась для произнесения громких слов, а до дел, которые должны были за ними последовать, просто не доходило. Этот студент осудил прежнее участие хорватских студентов в чешской общественной жизни. Он утверждал, что кроме нескольких художников, торговцев из Далмации, продававших некачественное вино и студентов, которые большую часть времени проводили в кафе, в Праге не было почти никого, кто бы защищал хорватские интересы. Вновь прибывшие студенты были другими, хотя и среди них можно было найти «весельчаков», которые уже успели присоединиться к своим старшим «коллегам». Некоторые из студентов сразу устроились на работу и начали знакомиться с чешской историей и литературой, точнее продолжили ее изучение и готовились к экзаменам. Внимание, которое ученый совет Академии уделил хорватским студентам, в самом деле, было исключительным и превзошло все их ожидания, равно как и отношение горожан к студентам, которые слабо знали чешский язык и плохо ориентировались в Праге, писал молодой автор «Обзора»[2]. Эмигрантам из Загреба жизнь в Праге виделась в розовом цвете – жилье было недорогим, еда – дешевой и качественной, на каждом шагу они сталкивались с проявлениями чешского гостеприимства, и наряду с этим, они слушали в университете лекции по хорвато-венгерскому государственному праву (их читал доктор Карел Кадлец). В Праге в это время случайно оказался и Стьепан Радич, который сразу организовал для студентов курсы чешского языка, который они изучали три часа в неделю. Кроме посещения лекций и изучения чешского языка, хорватские студенты выезжали на окраины Праги на познавательные коллективные экскурсии, организовывали вечера отдыха и концерты. Они наблюдали за серьезной работой своих чешских коллег и брали с них пример[3]. Большие торжества в честь гостей из Хорватии были организованы в начале июня в Народном доме. На них присутствовали многочисленные высокопоставленные лица Праги и всей Чехии, и заздравные тосты сменяли друг друга[4].

---

[1] Hrvatsko djačtvo u Pragu // Obzor, 26.V.1908.
[2] Там же.
[3] Put emigranata do Praga // Obzor. 30.V.1908; Praško pismo // Obzor. 16.VI.1908.
[4] Večer u počast hrvatskih emigranata // Obzor. 12.VI.1908.

inslav

Еще бо́льшим воодушевлением было проникнуты записки Мате Ханжековича, опубликованные в газете «Pokret» в начале июня 1908 г. Он утверждал, что «в истории хорватского студенчества нет более значительной даты, чем 5 мая» (день, когда студенты покинули Загреб). Он подробно описал отъезд состава из 18 вагонов, полных веселых молодых людей, которых провожали многочисленные жители Загреба. Воодушевленный встречей в Праге и всеми привилегиями, которые студенты там получили, автор делает заключение: «Хорватский студент будет пользоваться всеми достижениями культуры, присутствующие в Праге как признак влияния на народ. В Праге он перенимает опыт Крейчи, Масарика и других, в Праге у него есть возможность изучить язык, историю, социальную и политическую жизнь прогрессивных чехов...», и все это для него окажется полезным для дальнейшей политической деятельности в Хорватии[1].

На самом деле, были примеры и другого рода. Так, «Уставност» пыталась доказать, что на самом деле студентов обманули и в Праге они чувствуют себя плохо. Газеты, поддерживавшие Рауха, упоминали о письмах неких студентов, которые писали, что жизнь в Праге тяжелая, прежде всего из-за дороговизны и недостатка денег. Они якобы были недовольны и желали как можно быстрее вернуться домой[2].

Один из главных организаторов отъезда студентов в Прагу Славко Водваржка уделил немало внимания майским событиям на страницах «Хрватског дьака»[3]. Для него увольнение профессора Шурмина было «покушением на хорватский университет, которое по своей дикости и цинизму превосходит все гонения, обиды и унижения, которые университет испытывал со дня своего основания». Поэтому его не удивляют действия студентов и их решительность в выдвижении своих требований. На самом деле, подчеркивает Водваржка, во всеобщую студенческую забастовку и уход из университета никто сначала серьезно не верил – это знак того, что были превышены все пределы разумного. Вся грубая ложь газет Рауха, которые пытались показать действия студентов как результат работы партийной группы «напредняков» и Коалиции, не имела успеха, и все студенчество осталось единым в своем мнении. Исключение составлял Богословский факультет, но на него все равно никто и не рассчитывал. В завершение своей статьи Водваржка особо отметил то, что студенты будут верны своим требованиям до тех пор, пока

[1] M. Hžć. Emigrantske reminiscence // Pokret. 6.VI.1908.

[2] Povratak djaka iz Praga // Ustavnost. 16.V.1908.

[3] S. Vodvařka. Emigracija s hrvatskog sveučilišta 1908 // Hrvatski djak, br. 6-7, lipanj 1908. S. 161 – 164.

inslav

не падет правительство бана Рауха, несмотря на то, что и осенью они должны были остаться учиться в чужих краях. «Наша акция уже сегодня имеет успех, так как мы доказали, что были настолько сильны, что можем вести самую решительную борьбу за свободу университета в его истории».

«Хрватски дьак» подробно осветил на своих страницах два события, связанных с эмиграцией студентов из Загреба в Прагу и другие университетские центры[1]. В нем подчеркивалась солидарность и единство, которые были присущи действиям студентов и высказывалось мнение, что уже сейчас очевидно следующее – эта акция нанесла правительству Рауха «тяжелый удар», тем более сильный, что и внешний мир смог увидеть все действия Рауха и венгров, направленные против Хорватии. Особо выделялось значение отъезда студентов именно в Прагу, центр славянских земель монархии, в которых студенты смогут увидеть, «что произвела чешская старательность, энергия и народная сила» и научить ценить «незаметный ежедневный труд, который на нашей родине многие могут только высмеивать, и который в действительности поднял чешский народ на ту высоту, на которой он сейчас находится». В Праге хорватские студенты могли своими глазами увидеть и славянскую взаимность – ведь они получили освобождение от платы за обучение, четырех отдельных доцентов, возможность сдачи экзаменов, материальную помощь и многое другое.

События вокруг отъезда загребских студентов и их встречи в Праге имели ярко выраженный политический характер. Это суждение подтверждает и чешский Národni listy: «Как мы можем молчать и сидеть сложа руки, когда видим такого рода насилие в цивилизованной, культурной Европе и не помочь жертвам этой тирании реальными средствами»[2]. Политическую подоплеку этих событий видели и их современники – к примеру, Ustavnost пыталась доказать, что напредняки использовали отставку Шурмина в своих целях, для того, чтобы «всеми силами сподвигнуть студентов на бунт и заманить их в Прагу, под опеку своего любимца профессора Масарика». Там хорватские студенты должны были бы «впитать в себя все, что несет в себе прогрессистский, демократический и особенно антикатолический, космополитический дух». И потом, спустя один семестр, они бы вернулись в Хорватию, «приобщенные к настоящему напредняцкому безверию» и начали бы агитировать за Хорватско-сербскую коалицию[3]. Ясно видна

[1] Iz djačkoga života, br. 6-7, lipanj 1908. S. 185–187.

[2] Указ. по: Obzor. 7.V.1908.

[3] Zašto su hrvatski djaci morali u Prag? // Ustavnost. 7.V.1908. Текст был полностью перепечатан в: Obzor, 8.V.1908.

inslav

консервативность режима Рауха в Хорватии, его противодействие духу демократии и сильный клерикализм, которым были наполнены хорватские газеты, которые издавали единомышленники бана.

В начале октября 1908 г. всеобщее студенческое собрание приняло резолюцию, согласно которой признавалась необходимость прекратить забастовку и вернуться для продолжения обучения в Загреб[1]. Наибольшее число студентов, которые в мае переехали в Прагу и там поступили в университет, вернулись обратно в Загребский университет. В течение лета в Пражском университете числилось около 650 студентов, и более 400 проживало в Праге. Сложно сказать, насколько это продолжительное пребывание повлиял на хорватских студентов. Но, во всяком случае, на некоторых из них оказала влияние чешская культурная среда, и они привезли с собой из Хорватии новые идеи. Прогрессистское студенческое движение находилось на подъеме.

Перевод с хорватского М.С. Ващенко

Н. М. Вагапова

ХОРВАТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА И АВСТРИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

Столица хорватских земель Загреб, старинный театральный город Осиек в Славонии, древний очаг славянской культуры на Адриатике Дубровник, а также Карловац, Вараждин, Сплит, Пула – все эти города на протяжении Нового времени сыграли значительную роль в формировании хорватской национальной культуры и самосознания. Каждый из них обладал при этом своими неповторимыми чертами, выделявшими их не только на сугубо национальном, но и на полицентричном и полиэтничном культурном пространстве империи Габсбургов.

Хотя Хорватия по Соглашениям 1867 и 1868 гг. входила в венгерскую часть дуалистической монархии, хорватское искусство и литература, причем, не в последнюю очередь, драматургия и театр, несомненно, развивались в поле притяжения австрийской культуры. Темы и мотивы, связанные с Веной, ее бурной по сравнению с провинцией общественной жизнью, ее концертами, спектаклями и выставками, ее газетами и издательствами, ее кафе, бульварами, памятниками, архитектурным обликом и самой атмосферой города традиционно присутствуют в хорватской литературе, драматургии и театральной журналистике, начиная со второй половины XIX века.

[1] Iz djačkoga života // Hrvatski djak, br. 2, listopad 1908. S. 49–50.

inslav

Особенно заметным становится присутствие сюжетов и тем, связанных с интересом к Австрии, ее культуре и искусству, в период интенсивного развития хорватской литературы, драматургии и театра на рубеже XIX-XX веков. Историки культуры обозначают этот период как эпоху хорватского модерна, когда на смену господствовавшим до тех пор направлениям – реализму и натурализму – приходят символизм и импрессионизм, а затем и экспрессионизм[1].

Начинается новый этап осмысления национальных истоков хорватской музыки и поэзии, изобразительного искусства, драмы и театра, самой истории хорватских земель. На смену умилению всем, что носит оттенок «народного», то есть, простонародного, крестьянского, приходит стремление трезво осмыслить сокровища устного народного творчества, народной песни, традиций ярмарочного представления, народной комедии. Этот процесс происходит на фоне европеизации хорватского искусства.

Новейшие литературные и театральные течения чаще всего проникают в Загреб из Вены, где по давно установившейся традиции стремился побывать каждый хорватский писатель, драматург, журналист, театральный деятель. Многие из них, прежде всего актеры и режиссеры, получали театральное образование в Вене. Особенно возрос интерес к австрийской литературе и театру во времена бурного расцвета венского сецессиона, с появлением на литературной арене имен Артура Шницлера, Роберта Музиля, Гуго фон Гофмансталя, с выходом в свет сочинений Зигмунда Фрейда, Отто Вейнингера, Артура Шопенгауэра[2].

Постановки пьес Иво Войновича, Йосипа Косора и Мирослава Крлежи на загребских подмостках и в театрах других городов Австро-Венгрии обозначили новый этап развития национальной драматургии. Разнообразные варианты осмысления связей с австрийской культурой, воздействия на хорватское искусство и литературу духовной атмосферы Вены как художественного центра Австро-Венгерской монархии отражены и в прозаических произведениях хорватских писателей.

Иво Войнович (1857–1929) стал известен на рубеже XIX–XX веков пьесой в духе веризма «Ekvinocij» («Равноденствие», 1895) и психологическим триптихом «Дубровницкая трилогия» (1902), которые сразу же были поставлены в Загребе и потом не раз исполнялись на

[1] См.: Frangeš I. Stilističke studije. Zagreb, 1959; Batušić N. Trajnost tradicije. Zagreb, 1995.

[2] См.: Шорске К.Э. Вена на рубеже веков. СПб., 2001; Johnston W. M. Austrijski duh. Intelektualna i društvena povijest 1848–1938. Prijevod s engleskog. Zagreb, 1993; Marijanović S. Fin de siècle Hrvatske Moderne. Osijek, 1990.

inslav

сценах королевской Югославии, в Праге и других славянских столицах. В Хорватии пьесы Войновича по сей день входят в репертуар драматических трупп Загреба, Дубровника, Сплита, Риеки и других театральных городов.

Первые произведения И.Войновича были созданы в духе символизма. Писатель не раз бывал в Вене и проникся духом австрийской столицы своего времени. В ранней прозе и пьесах Войновича, сам образ Вены, куда по традиции стремилась «золотая молодежь» хорватского дворянства, становится и местом действия, определяющим настроения персонажей, и фоном любовных приключений. Одна из ранних новелл Войновича «Роз-Мари», носит выразительный подзаголовок «Венская идиллия» (1884). Утренний пейзаж Фольксгартена, виды Пратера, гомон на вечерних улицах австрийской столицы, силуэт здания Придворной оперы, которую посещают герои, шум Южного вокзала, где они расстаются, приобретают роль декораций, театрального освещения и звуковых кулис драматических эпизодов, составляющих содержание недолгого романа молодого дубровницкого аристократа и русской княгини. Автор и его герой вдохновляются видами Вены. Каждый эпизод новеллы сопровождается поэтическим описанием венского пейзажа. Первая встреча влюбленных происходит в Фольксгартене: »Воздух, напоенный ароматом росистой травы, был неподвижен, но все-таки в кустах что-то шелестело, словно утренний ветерок, притаившийся под ветвями, играл с листвой... Подобно шуму внезапно налетевшего ветра, спокойствие воздуха нарушала та непонятная смесь крика и ропота, которая доносится из городов вместе с дымом их труб...»[1].

Описание Пратера, где совершает прогулку в экипаже молодой граф Брански, напоминает импрессионистский пейзаж: «Он мчался в коляске по разросшейся аллее Пратера. – Деревья широко разбрасывали свою молодую зелень по ясному, бледному небу, на западе опоясанному горящей оранжевой полосой... Ржание лошади и стук коляски своими веселыми звуками оттеняли эту пленительную картину. Словно вихрь весны и молодости мчался по бесконечной аллее»[2].

Войновича очаровывает и вид вечерних майских улиц австрийской столицы, полных гуляющими горожанами.

И, наконец, возникают в новелле типичные образы Вены, неоднократно описанные и австрийцами, и путешественниками-иностранцами. Среди них, конечно, здание Придворной оперы, увиденное глазами

---

[1] Vojnović I. Izbor iz djela. Zagreb. 1995, S.43. Здесь и далее перевод цитат на русский язык автора статьи.

[2] Vojnović I. Op.cit. S. 59.

inslav

героя, когда он торопится на спектакль: «...Неожиданно в вечерней полутьме перед ним возникло огромное здание Придворной оперы... Оно точно выросло из-под земли; из его аркад и лоджий лился, как из открытого жерла вулкана, яркий свет, в то время как темные очертания массивного здания казались еще чернее, еще больше на сумрачном фоне белесого неба»[1].

Когда счастливые влюбленные выходят из театра, перед ними оказывается поэтическая картина ночной Вены: «... Небо простиралось над огромными черными крышами подобно куполу из малахита. Звезды подрагивали в синеве, как будто ветер играл их светом, а внизу газовые фонари простирали свои оранжевые лучи, словно искры фейерверка. Мимо Оперы и по всему Рингу все еще неслись экипажи; их огни скрещивались в ночи, как блуждающие светлячки»[2].

По мере того, как «венская идиллия» героя и его возлюбленной приближается к концу, фон их свиданий становится все менее радостным:

«Они проходили по берегу Дунайского канала. Небо было покрыто серыми унылыми облаками. Холодный ветер разносил пыльцу дубов и стлался по улице; цветущие окрестности выглядели какими-то печальными»[3].

Наконец, наступает развязка: герой и героиня расстаются на Южном вокзале, где «было множество народа. Крики, суета, прерываемая сиплыми свистками паровозов, смешивались с рокотом отдаленного грома. Стеклянная крыша перрона светилась на общем мрачном фоне. Пар и дым стремительных локомотивов, прокравшись наружу, таяли под небосводом, растворяясь в набрякших молочно-белых облаках»[4]. «Венская идиллия» заканчивается достаточно банальным эпизодом. Героиня делает вид, что обокрала наивного молодого человека, чтобы увидеть, как он себя поведет, и тем самым испытать его. Тут-то и выясняется, что она вовсе не девушка из Вены, а скучающая русская княгиня, которая путешествует в поисках приключений, мечтая об идеальном возлюбленном. Таким образом, виды и пейзажи австрийской столицы оказываются чем-то вроде сценографических эскизов к истории ложной, несостоявшейся любви или, вернее, игры в любовь[5].

---

[1] Vojnović I. Op.cit. S. 64.
[2] Vojnović I. Op.cit. S. 69.
[3] Vojnović I. Op.cit. S. 81.
[4] Vojnović I. Op.cit. S. 82.
[5] См.: Flaker A. Značaj i značenje Vojnovićevih bečkih veduta // Krležini dani u Osijeku. Hrvatska književnost i kazalište u eropskom kontekstu. Zagreb-Osijek, 1997. S. 68–73.

inslav

Это был первый случай изображения Вены в хорватской литературе как города чужого, но в то же время знакомого и весьма привлекательного. Герой, поглощенный своим чувством и красотой Вены, сливается с большим городом, усваивает его ритмы, словом, принимает Вену полностью такой, какова она на самом деле.

Своей небольшой символистской новеллой Войнович невольно полемизировал с господствовавшим до него в литературе натуралистическим направлением. В центре этой подспудной полемики оказалось и самое восприятие образа Вены. В новелле начинающего хорватского символиста Вена становится городом, пробуждающим творческие порывы и автора, и его персонажей, городом, где уместно рассуждать об искусстве и его новейших направлениях.

Тема одного из следующих произведений Иво Войновича – его первой драмы «Psyche» («Психея», 1888) – связана с изобразительным искусством. Действие происходит в Вене, в ателье художника – поляка. Атмосфера Вены опять вводит нас в водоворот споров о путях современного искусства. Молодой человек отрицает жанровую историческую живопись Яна Матейко, ищет новых, современных форм.

«Читая вводную ремарку к этой "венской" драме Войновича, – пишет Александр Флакер, – мы словно оказываемся в ателье Ганса Макарта, каким написал его Рудольф фон Альт на своей акварели 1885 года "Ателье Макарта", хранящейся в Историческом музее города Вены»[1]. Флакер напоминает о том, что именно Ганс Макарт вплоть до появления сецессиона царил на художественных подмостках столицы империи Габсбургов и определял венские эстетические вкусы.

Иной тип творчества и качественно иные связи с австрийской культурой обозначила фигура драматурга Йосипа Косора (1879–1961). Его драма из сельской жизни «Požar strasti» («Пламя страстей»), сыгранная в Загребе в 1911 г. по рекомендации австрийского писателя и критика Германа Бара, в начале 1914 г. была поставлена в одном из небольших театров Вены и приобрела широкую известность в европейских странах. В 1906–1914 гг. Косор часто приезжал в Вену, где ему, наряду с Баром, покровительствовали Стефан Цвейг и другие видные австрийские литераторы.

Современный хорватский литературовед Дубравко Елчич описал жизнь и творчество Косора в монографии под характерным названием «Страсть к авантюрам, или авантюры страсти»[2]. И в самом деле, жизнь этого уроженца приморской Далмации, который детство провел в

[1] Flaker A. Značaj i značenje. S. 72.

[2] Jelčić D. Strast avanture ili avantura strasti. Josip Kosor. Prilog tezi o autohtonosti ekspresionizma u hrvatskoj književnosti. Zagreb, 1988.

inslav

континентальной части Хорватии, в Славонии, в юности работал общинным писарем в боснийском городе Тузла, после чего отправился в Загреб, где в 1902 г. были приняты к публикации его первые литературные произведения, изобиловала бурными приключениями. Отечественные критики, встречавшие эту колоритную личность, недавнего деревенского парня, в загребских литературных кафе, окрестили Косора «хорватским Максимом Горьким». Елчич называет Косора «Агасфером XX века» и описывает его переезды из Загреба в Белград и обратно, поездки в Вену, Мюнхен, Лондон и Париж, путешествия в Москву и в Петербург и, в конце жизни, в Вальпараисо и Рио де Жанейро.

Пьеса «Пламя страстей» была написана Косором во время пребывания в Вене в 1910 году, по настоянию Стефана Цвейга, который следил за развитием таланта молодого хорвата. Ознакомившись со стихами и рассказами Косора, С. Цвейг увидел в нем образчик модного тогда типажа «естественного человека». Он передал его новеллы редактору венского еженедельника «Die Zeit» и некоторым берлинским издателям. Цвейг посоветовал Косору обратиться к драматическому жанру, и это оказалось весьма существенным для дальнейшей судьбы хорватского писателя. В декабре 1910 г. только что законченную пьесу из жизни хорватского села прочитал (в немецком переводе, выполненном самим Косором) Г. Бар, страстный пропагандист новой драматургии. Г. Бар был другом и покровителем многих славянских писателей. Бар писал Косору: «Ваша драма произвела на меня очень большое, глубокое впечатление, поздравляю Вас...»[1]. Вдохновленный поддержкой Г.Бара, Косор взялся за свой следующий драматический опус «Pomirenje» («Примирение», 1914).

Но самым известным его произведением для сцены осталась драма «Пламя страстей». История постановок этой пьесы в Австро-Венгрии включает также спектакли в Праге и Львове. Ставилась она в Кельне, на мюнхенской Резиденцбюне, в Мангейме и даже в Лондоне[2].

В 1916 г. другая весьма популярная в Хорватии пьеса Косора «Nepobjediva lađa» («Непобедимый корабль», сценическая фантазия, написанная, вероятно, не без влияния «Пер Гюнта» Ибсена), была включена в репертуар московского Императорского Малого театра[3].

[1] Cvetković, V. Josip Kosor na bečkoj pozornici // Kronika Zavoda za književnost i teatrologiju JAZU. 1979. № 12–13. S. 111.

[2] Novaković B. Kosor, Josip // Jugoslovenski književni leksikon. Novi Sad. Matica srpska, 1984. S. 375.

[3] Машинописный экземпляр пьесы Косора «Непобедимый корабль» в переводе на русский язык с пометкой цензора о разрешении к постановке был обнаружен автором данного текста в Музее Малого театра (оп.10, ед. 274). О пьесе «Непобедимый корабль» подробно см.: Вагапова Н.М. Формирование реализма в сценическом искусстве Югославии. 20-е – 30-е годы XX века. М., 1983.

inslav

Постановка не смогла состояться, скорее всего, из-за войны и начавшихся в России революционных событий.

Пьесу Косора «Пламя страстей» историки хорватской драмы и театра в последнее время сопоставляют с пьесами венского драматурга Карла Шёнхерра (1887–1943), представителя направления «Provinzkunst», или «регионального искусства», писавшего на тирольском диалекте драмы из крестьянской жизни. Известны его пьесы «Erde» («Земля», 1907) и «Glaube und Heimat» («Вера и родина», 1910), а также написанная ранее, но сыгранная в театре уже в 1920-е гг. историческая драма «Тирольский Иуда». Шёнхерра считали продолжателем традиций «народной пьесы», заложенных Раймундом и Нестроем, и прямым наследником Людвига Анценгрубера.

Традиции австрийской «народной пьесы» оказали сильное влияние на хорватский театр середины XIX века, прежде всего, на творчество драматурга, актера и режиссера Драгутина Фрейденрайха. Его пьесы из жизни простых хорватских крестьян, с немудреной интригой, полные юмора, ставятся до сих пор.

Творчество Косора обозначило ярко выраженный этап развития загребской драматургии, связанный с натурализмом в его веристском варианте, а также с ранним экспрессионизмом. Незаурядный талант писателя развивался в эпоху активного общения деятелей хорватской культуры с западноевропейским искусством.

Однако хорватская театральная общественность не утратила традиционного интереса к литературе и искусству России. На загребской сцене уже в 1898г. была поставлена драма Л. Н. Толстого «Власть тьмы», оказавшая несомненное влияние на Косора. Главный герой его драмы «Пламя страстей», пожилой крестьянин, пытается действовать в духе толстовской проповеди «непротивления злу насилием». Однако, разрешение конфликта – в порыве праведного гнева кроткий Иллария убивает своего соседа, носителя, по выражению современного хорватского театроведа М. Бобинаца, «сатанинского начала», – сближает Косора с драматургией натурализма. При этом стилистика этого первого произведения Косора несомненно носит следы влияния пьесы уже упомянутого нами австрийского драматурга Карла Шёнхерра «Земля».

Эта драма из крестьянской жизни появилась в репертуаре загребского Национального театра в 1907 г., причем хорватская премьера состоялась на два месяца раньше австрийской, что лишний раз свидетельствует о том, насколько тесными были театральные связи между культурными центрами Австро-Венгрии. Позже, будучи в Австрии, Косор общался с Шёнхерром и мог видеть эту пьесу на венской сцене.

inslav

Стремясь к максимальной аутентичности, Косор, так же как и Шёнхерр, описывает жизнь определенной сельской местности. Шёнхерр воспроизводил нравы и диалект Тироля. Пьеса «Пламя страстей» Косора написана на родном для него диалекте Славонии – житницы Хорватии.

В центре внимания обоих драматургов – первобытная тяга к земле, инстинкт собственника и примитивные страсти, перевешивающие все христианские заповеди. Герои Шёнхерра, связанные семейными узами, живут в атмосфере вражды и ненависти, и каждый из них отстаивает свое право на владение участком земли.

Герой Косора, как уже говорилось, убивает соседа, посягавшего на его надел. Скорее всего, именно изображение этих вспыхивающих подобно языкам пламени гибельных страстей персонажей, близких славянским фольклорным героям и в то же время отмеченных библейскими чертами, идея неразрывной связи человека с землей, противопоставленная цивилизации, что было модно в те годы в австро-немецких культурных кругах, и яркий локальный колорит в духе «Heimatkunst» и привлекли внимание Г. Бара и режиссеров, обратившихся к пьесе Косора.

Несколько лет спустя, в 1916 г., загребский критик Андрия Милчинович, подводя итог развитию крестьянской темы в отечественной драме, не без ехидства заметил, что если авторы «народных пьес», предшественники Косора, изображали крестьянина «с плавной речью и благообразными жестами, в новой безрукавке и воскресных белых штанах», то крестьяне Косора «до мозга костей заражены литературой, и уж больше не носят белых штанов, и вообще только прикидываются крестьянами, а на самом деле говорят, чувствуют и действуют, как ныне в бозе почивший Лев Николаевич Толстой или какой-нибудь «homo sapiens» Станислава Пшибышевского...»[1].

И в самом деле, уже упоминавшийся автор монографического исследования о Косоре Дубравко Елчич приводит интересные данные о перекличке идей загребского драматурга и Станислава Пшибышевского, которого он считает одним из наставников общительного хорвата.

Косор приводил по памяти письмо, полученное им из Кракова во времена популярности «Пламени страстей». Пшибышевский видит в нем родственную душу, «сына земли», «землею рожденного». Образ земли в этой переписке уже выходит за рамки крестьянской

[1] Milčinović A. «Mati», drama Frana Galovića // Novosti (Zagreb). 31.XII.1916. Цит. по: Matković M.Dramaturški eseji. Zagreb, 1949. S. 253–254. См. также: Вагапова Н. М. Формирование реализма в сценическом искусстве Югославии. 20–30-е годы XX века. Указ. соч. С. 31–32.

inslav

темы и приобретает космическое звучание, характерное для символизма. «Связь индивидуума и земли, неразрывная связь человека с землей, у современного человека она давно обрезана, но ее надо восстановить... Вы первый показали, что такое народное искусство. Именно Вы, землею рожденный, можете оказать воздействие на еще неясное развитие немецкого «Drang»-а[1] в этом смысле»[2].

Возвращаясь к теме воздействия австрийского театра и драмы на хорватскую драматургию, отметим, что, как полагает исследователь этой темы Мариян Бобинац, «сходство обстоятельств в тирольской деревне Шёнхерра и в славонском селе Косора, более чем очевидно.

И в том, и в другом случае действующие лица – люди, полные жизненных сил, находящиеся во власти инстинктов. Их традиционную, патриархальную систему ценностей, покорность судьбе оба драматурга изображают как противоположность общественной динамике современности; и, наконец, пристрастие обоих драматургов к биологическому началу как свидетельство кризиса самосознания: человек «fin de siècle» в поисках себя обращается к подсознательному»[3].

Бобинац считает, что Йосип Косор, как и Карл Шёнхерр, стал продолжателем традиций «народной пьесы» в XX веке. Тем не менее, есть основания считать Косора также одним из первых хорватских экспрессионистов, о чем говорит подзаголовок монографии Д. Елчича: «К вопросу об автохтонности хорватского экспрессионизма».

В отличие от Войновича и Косора, Мирослав Крлежа (1893–1981) родился и вырос в Загребе. Свою автобиографическую повесть Крлежа назвал «Детство в Аграме», выбрав для родного города не его хорватское название – Загреб, – а немецкое «Аграм», тем самым, подчеркнув связь всего, что происходило в Загребе на рубеже XIX–XX веков, с жизнью столицы Австро-венгерской монархии.

По окончании загребской гимназии будущий писатель был определен родителями в кадетский корпус, а затем в офицерскую академию «Людовицеум» в Будапеште. Задуманная родителями карьера офицера доблестной австро-венгерской армии не помешала ни чтению классики, в том числе и русской, ни увлечению творчеством Шницлера, Ницше, Отто Вейнингера, Шопенгауэра и других кумиров тогдашней образованной молодежи. Получив в 1913 г. отпуск

---

[1] Натиск (нем.).

[2] Jelčić D. Strast avanture ili avantura strasti. S. 419.

[3] Bobinac M. Rani komadi Josipa Kosora u kontekstu suveremenoga Bečkog kazališta // Krležini dani u Osijeku 1998/ Hrvatska dramska književnost i kazalište u evropskom kontekstu. Druga knjiga. Zagreb-Osijek, 2000. S. 51.

inslav

в академии, Крлежа уехал в Париж, где пробыл намного дольше, чем позволяли сроки отпуска, за что был отчислен из «Людовицеума».

Двадцатилетний молодой человек поселился в Загребе и занялся литературой, продолжая запоем читать Ницше, Уайльда, Штирнера, Достоевского, Толстого, Чехова и других современных писателей. К этому времени принадлежат его первые серьезные литературные опыты. Юный писатель, прежде всего, обратился к драматургии. Однако, необычная форма его ранних философских пьес, в которых он использовал библейские сюжеты и мотивы мировой классики, отпугивала издателей и театральных чиновников.

Одна из родственниц Крлежи перевела его драму «Легенда» на немецкий язык и отправила ее в Вену на отзыв уже не раз упоминавшемуся Г. Бару, который стремился понять дух славянских культур и старался помогать талантливым людям из австрийских провинций. Г. Бар ответил письмом, в котором признал, что «у мальчика есть талант». В те годы рекомендация из Вены, тем более, из уст знаменитого и уважаемого драматурга и критика, могла сыграть решающую роль в судьбе начинающего литератора. И в самом деле, отзыв Г. Бара, вероятно, прибавил молодому человеку уверенности в себе, которой так не достает всем мечтающим о карьере писателя.

Но, что очень важно, изменилось отношение в загребских литературных кругах к молодому автору, чьи произведения разительно отличались от привычной для тех лет литературной продукции его соотечественников. Впитав опыт национального искусства и традиции европейской, и в том числе, не в последнюю очередь, австрийской культуры, Крлежа подвергал все истоки своего творчества активному переосмыслению. Это отпугивало и критиков, и театральную дирекцию, не решавшуюся включать в репертуар пьесы начинающего драматурга.

Только в 1914 г. в газете «Književne novosti» («Литературные новости») была опубликована пьеса Крлежи «Маскарад» с подзаголовком «карнавальная любовная драма». Дух Вены присутствует здесь прежде всего в авторских ремарках. Описание салона, где происходит объяснение героев, представляет осмысление изобразительного ряда, типичного для сецессии. Восхищение красотой и изяществом интерьера содержит черты тонкой, но явно ощутимой в подтексте драматического действия иронии.

Содержание драмы составляет традиционный для европейского театра любовный треугольник Коломбины, Пьеро и персонажа, близкого по типу к Арлекину из комедии дель арте. Однако Крлежа наделяет его иронически переосмысленным именем Дон-Кихота, отражающим критическое отношение автора к столь модному и

inslav

распространенному в 1900–1910-е гг. и в жизни, и в литературе типу интеллектуала-ницшеанца, мнящего себя сверхчеловеком. «Маскарад» приближается к типу изысканной западноевропейской комедии интертекстуального направления с элементами пародии в духе Шницлера», – так определяет эту драму Крлежи современный хорватский литературовед Витор Жмегач[1].

Персонажи комедии дель арте представлены современными господами и дамами, каких можно было встретить и в венских, и в загребских светских салонах 1910-х годов. Легкость их отношений напоминает сюжет знаменитой комедии Артура Шницлера «Хоровод». Воспринятая как сатира на нравы высшего света и потому провозглашенная «безнравственной», эта пьеса австрийского драматурга была запрещена в Вене не только к исполнению, но и к публикации. Тем не менее, Шницлер, как известно, издал «Хоровод» за собственный счет и разослал книгу друзьям, чье мнение он уважал.

Таким образом, ко времени написания первых драматических опусов Крлежи и «Хоровод», и другое произведение Шницлера, ассоциации с которым неминуемо возникают – либретто для пантомимы на музыку венгерского композитора Э. Донани[2] «Покрывало Пьеретты»,– были известны не только в Австрии, но и в широких европейских театральных кругах и, как мы видим, не миновали Загреба.

Крлежа по-своему расставил акценты в классическом любовном треугольнике. Пьеро – по авторскому определению, «поэт и бонвиван». «Дон Кихот» – интеллектуал ницшеанского толка, циник, называющий себя «аристократом духа». Коломбина – олицетворение вечной женственности в духе книги Отто Вейнингера «Пол и характер».

Заслуживает серьезного исследования вообще, в самом широком плане, тема Австро-Венгрии и австрийской культуры в творчестве Крлежи. Это относится главным образом к его произведениям, созданным во время Первой мировой войны и вскоре после распада Австро-Венгерской монархии. Интереснейшая книга путевых очерков Крлежи под общим названием «Поездка в Россию», написанная в середине 1920-х гг., включает главу «Венские впечатления». Вена предстает мрачноватым городом, утратившим свой имперский блеск после поражения в войне и краха династии и государства.

Однако Крлежу-публициста преследуют исторические реминисценции. Он воссоздает образ прежней Вены – столицы, куда

[1] Žmegač V. Maskerata // Krležiana, 2. Zagreb, 1999. S. 20.

[2] Точнее Дохнани. Автор придерживается написания, принятого в русской театроведческой литературе.

inslav

веками ездили на поклон хорватские аристократы, откуда время от времени хорваты получали строго дозированные автономные права, вроде права преподавать в университете и вести судопроизводство на родном языке. К таким давно ожидаемым «привилегиям» относилось и право играть в театре по-хорватски, официально закрепленное только «Указом о театре югославянском», который Сабор Триединого королевства Хорватии, Славонии и Далмации принял в 1861 г. Поскольку император Франц Иосиф распустил Сабор еще до утверждения этого указа, жизнь хорватского театра протекала вопреки воле австрийских властей и в постоянной оппозиции к ним.

И все-таки Вена, притягивала, подобно магниту, интеллигенцию славянских столиц, жаждущую знаний, самоутверждения, славы. Крлежа рисует картину отношений метрополии и окраин, не щадя национального самолюбия ни австрийцев, ни хорватов.

«... Дело обстоит так, – пишет он, – все мы живем на провинциальной станции южного направления австрийской железной дороги с двухэтажным кирпичным вокзалом. Здесь – провинция! Мрачная, утопающая в грязи, унылая провинция!»[1].

Далее Крлежа обозначает Вену и другие культурные центры Австрии как Северные Города, «... Все – начиная от гранитных тротуаров и аллей и кончая венскими булочками и сецессионом, начиная с полицейской формы и кончая современной литературой, трамвайными вагонами и мелодией вечерней зори, начиная с кофе со сливками и кончая салонной мебелью, начиная с живописи и кончая архитектурой, начиная с законов и кончая тюрьмами – все дали нам эти ... Северные Города... И газеты, и искусство, и политика, и ремесла, и деньги, и фразеология идейных течений, и образование,– все это в нашем маленьком южном городе с двухэтажным кирпичным вокзалом было схвачено рельсами, телеграфными проводами и воинскими гарнизонами, как железным обручем. В Систему. В Панцирь. В Модель»[2]. Картина унизительной зависимости «маленького южного города» Загреба от порядков, устанавливаемых имперской Веной, дополняется эпизодами абсурдного существования династии Габсбургов в последние дни Первой мировой войны.

Иронически определяя себя как «индивидуума, отягощенного чувством истории» и потому вскоре после войны посетившего им-

[1] Крлежа М. Поездка в Россию. 1925. Пер. с хорватск. Н.М. Вагаповой. Комм. и послесл. С.А. Романенко. М., 2005. С. 9. Первое хорватское издание: Krleža M. Izlet u Rusiju. Zagreb, 1926. S. 5. Далее цитирование по русскому изданию.

[2] Крлежа М. Указ. соч. С. 10–11.

inslav

ператорский дворец в Вене, Крлежа вновь и вновь возвращается к последним дням гигантской Австро-Венгерской монархии, чьи военные границы простирались вплоть до Дрездена: «В леопольдовском флигеле жил слабоумный старик, уже почти мумия. Он опирался на эту конторку, он спал на своей знаменитой солдатской койке, прислоненной к стене, – здесь все подчеркнуто просто и оставляет впечатление тяжкой пустоты. Вот в эти двери входили с трепетом в сердце и с дрожью в коленях Шурмины и Лукиничи[1] и, неловко оправляя на себе фрак и свои жалкие ордена, ожидали в приемной высочайшей аудиенции. Затем слышался заглушаемый красным ковром звон кавалерийских шпор какого-нибудь флигель-адъютанта, отворялась дверь, и простого смертного впускали пред светлые очи Его Величества... В окно можно было увидеть силуэт императора Франца с омерзительно фальшивой надписью «Amorem meum populis meis»[2].

Позиция Крлежи-публициста по отношению к влиянию Вены на политическую ситуацию в Загребе так же непримирима, как его взгляд на трагедию хорватских солдат и офицеров, затянутых механизмом австрийской военной машины. Новеллы цикла «Хорватский бог Марс», впервые опубликованные в прессе в 1916–1918 гг., отражают жизненный опыт самого писателя, призванного в австро-венгерскую армию[3]. Словно опровергая описанную Иво Войновичем «венскую идиллию», Крлежа с горечью писал о «жестком граните венских мостовых, на котором умирали наши (т. е. хорватские – Н. В.) юноши... Сколько же страданий, унижений и горя расползлось по этим вымощенным камнем улицам, подобно ядовитому газу, отравившему молодость нескольких поколений?»[4].

Однако, взгляд писателя не был односторонним. Герои его драматической трилогии о Глембаях («Агония», «Господа Глембаи», «Леда», 1928–1931) и написанных уже после Второй мировой войны романов предаются ностальгии под звуки венского вальса, они спорят о Густаве Климте и о виднейшем представителе сецессиона в Хорватии скульпторе Иване Мештровиче, они украшают свои салоны мебелью в духе сецессии и т. д. Бывшие офицеры с гордостью донашивают военную форму австро-венгерской армии, стареющие генеральские дочери мечтают вернуться в эпоху польки «Анна», венских колясок,

[1] Хорватские политики конца XIX – начала XX вв.
[2] Крлежа М. Указ. соч. С. 33. Дарую мою любовь моим народам (лат.).
[3] Крлежа М. Избранное. М., 1959. С. 69.
[4] Крлежа М. Поездка в Россию. С. 25.

inslav

лаун-тенниса и изящных дамских костюмов для верховой езды. Их поведение абсурдно и порой комично.

Но на фоне прагматизма новой буржуазии, занявшей ведущие позиции в королевской Югославии, они становятся трагическими персонажами, как герои чеховского «Вишневого сада» или «Белой гвардии» М. А. Булгакова, мечтающие возродить обреченные на вырубку «дворянских гнезд забытые аллеи» (К. Бальмонт) и вернуть прежнюю жизнь «за кремовыми шторами».

Творчество Мирослава Крлежи, как и многих других выдающихся деятелей современного искусства, свидетельствует о том, что связи между центрами художественной культуры Австро-Венгрии продолжают существовать во времени и после распада монархии. Тема взаимодействия культур в огромном полиэтничном пространстве с множеством разнородных национальных традиций, каким была Австро-Венгерская монархия, поистине неисчерпаема. Она представляет собой благодарный материал для исследований.

А.С. Медяков

ПРОБЛЕМА БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДУАЛИЗМА 1867-1871 ГГ.

«Пока старая Австрия, подобно Родосскому колоссу, стояла одной ногой в Италии, а другой в Германии, она проводила политику германской империи... Германия и Италия были двумя жизненными вопросами для империи, Востоку уделяли мало внимания, Россию венские дипломаты старой школы считали лучшим другом, консервативной державой и помощником в беде. День Кёниггреца разорвал пряжу, над которой Пенелопа-Австрия трудилась много лет, постоянно распуская сегодня то, что было готово вчера. Отделенные от Германии, мы одновременно потеряли остатки наших итальянских владений; оба вопроса, которые годами главенствовали в австрийской политике.., вдруг исчезли из репертуара, и восточный вопрос, прежде едва замечаемый, после Крымской войны и временного возбуждения снова забытый, стоит... огромный и зловещий перед австрийскими государственными людьми...», – писала в феврале 1868 г. Neue Freie Presse, ведущая либеральная газета Австрии[1].

Автор статьи исключительно точно отразил то внешнеполитическое положение, в котором оказалась Австрия во второй половине

[1] Neue Freie Presse. 8.02. 1868.

inslav

60-х гг. XIX века[1], когда Восточный вопрос приобрел для нее невиданную остроту не только потому, что после сокрушительного поражения под Садовой-Кёниггрецем в австро-прусской войне 1866 г. и последовавшего затем исключения из Германии и Италии[2] вдруг исчезли прежние приоритеты, но и в связи с тем, что сама ситуация на Балканах спустя десять лет относительного затишья после Крымской войны стала накаляться. С 1866 г. на Крите шло восстание, воспринимавшееся в европейских столицах как возможный провозвестник всеобщего выступления на Балканах и составившее важный фон восточной политики Австрии. Особую остроту ситуации в регионе придавали попытки балканских народов наладить взаимное сотрудничество для освобождения от власти Османской империи, что часто называют Первым Балканским союзом[3]. В Вене знали об этих планах, представлявших собой угрозу непосредственным интересам Австрии на Балканах, и стремились не допустить их осуществления. Ключевое значение имела южнославянская проблема, в центре которой стоял вопрос о принадлежности и статусе Боснии и Герцеговины. Данная статья и посвящена выяснению той роли, которую в первые годы австро-венгерского дуализма эти османские провинции играли в планах Вены и Пешта, а также в развитии ситуации на Балканах и в международных отношениях в целом.

Босния представляла собой самый отдаленный вилайет Османской империи, состоявший из санджаков Босния, Герцеговина и Нови Базар и почти отделенный от центральных областей христианскими территориями Сербии, Черногории и Северной Албании. Значение Боснии для империи Габсбургов заключалось в ряде обстоятельств, два из которых следует подчеркнуть особо. Во-первых, в Вене считали, что обладание Далмацией, узкой полосой на побережье Адриатики, к тому же разделенной на три части двумя турецкими анклавами – Клек и Сутторина, – могло быть вполне обеспеченным со стратегической точки зрения только в случае овладения Боснией и Герцеговиной, составлявших ее

[1] О внешней политике Австро-Венгрии этого периода в целом см: Медяков А.С. Между Востоком и Западом. Внешняя политика монархии Габсбургов в первые годы дуализма 1866–1871 гг. М., 2010.

[2] В результате австро-прусско-пьемонтской войны 1866 г. Австрия была исключена из Германии и потеряла последнее из некогда обширных итальянских владений – Венецию.

[3] См о нем: Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу: подъем освободительного движения в 1859–1873 гг. История, идеология, политические партии. М., 1970; Карасев А.В. Россия и Балканский союз 60-х гг. XIX в. М., 1984. (диссертация); Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986. С. 168–181; Јакшић Г., Вучковић В. Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила (Први балкански савез). Београд, 1963.

inslav

«хинтерланд», естественный тыл. Во-вторых – и это главное – захват этих земель Сербией привел бы к образованию крупного славянского государства, которое непосредственно граничило бы с югославянскими территориями империи Габсбургов почти на всем их протяжении. Еще в 40-х годах в Вене высказывалась мысль опередить Сербию в ее планах на присоединение Боснии[1]. Различные планы захвата Боснии существовали и в 50-е годы, прежде всего в австрийских военных кругах[2]. Однако только во второй половине 60-х годов, с выходом Восточного вопроса на одно из первых мест во внешней политике империи Габсбургов и обострением ситуации на Балканах, планы захвата Боснии начали обретать все более четкие очертания.

Вместе с тем политика монархии Габсбургов в отношении Боснии и Герцеговины не была однозначной прежде всего потому, что в результате Соглашения 1867 г. и создания системы дуализма активное участие во внешней политике монархии Габсбургов стала принимать Венгрия. В Пеште опасались появления крупного югославянского государства, притягательного для действие на родственных народов Австро-Венгрии. Вместе с тем венгры выступали и против присоединения турецких территорий, населенных представителями этих народов, т.к. с другой стороны, это нарушило бы не в их пользу национальный баланс внутри монархии Габсбургов. С подобными мерками в Пеште подходили и к боснийской проблеме. Не желая присоединения этих провинций и стремясь их использовать с целью ослабления влияния России на южных славян, венгерские политики были готовы на определенные уступки Сербии в боснийском вопросе.

Между тем официальная политика Вены выглядела несколько иначе. Новый министр иностранных дел Ф. Ф. Бойст осенью 1866 г. объявил о начале «новой эры» в восточной политике Австрии. Утверждая, что «прошло то время, когда Австрия была более турецкой, чем сам султан», Бойст предложил руководствоваться в восточной политике принципами защиты христианского населения Турции и автономии христианских провинций[3] – однако Босния

[1] Gonda I. Bismarck és az 1867-es osztrák-magyar kiegyezés. Bp., 1960. 111 old.

[2] Suppan A. Außen- und militärpolitische Strategie Österreich-Ungarns vor Beginn des bosnischen Aufstandes 1875. // Medjunarodni naučni skup povodom 100-godišnjice ustanka u Bosni I Hercegovini, drugom balkanskim zemljama I istočnoj krisis 1875-1878 godine. Sarajevo, 1977. S. 160.

[3] Э. Г. Стакельберг – А.М. Горчакову. Вена, 16/28 ноября, 23 ноября/5 декабря 1866 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 219. Л. 60, 92; . Die Auswärtige Politik Preußens 1858-1871. Oldenburg, 1934. (APP). Bd. VIII. S. 208, 260, 277; Bridge F.R. From Sadowa to Sarajevo. The Foreign Policy of Austria-Hungary 1866-1914. L., N.Y.., 1972. P. 34–35.

inslav

из числа претендентов на автономию исключалась: «Автономия, какой бы ограниченной она ни была, стала бы ничем иным, как поощрением, точкой отправления, чтобы сначала отделить Боснию и Герцеговину от Турции и затем присоединить к Сербии», – заявил Бойст в беседе с русским поверенным в делах К. П. Икскулем. Свою точку зрения австрийский канцлер мотивировал недостаточной степенью цивилизованности народов Боснии и Герцеговины, неспособных управлять сами собой, а также острой заинтересованностью Австрии[1].

Именно этой «острой заинтересованности» и опасались в Петербурге. Горчаков писал по этому поводу: «Австрия... одновременно охвачена одним вожделением и одним страхом: она притязает на Боснию и Герцеговину; этого мы никогда не допустим; она опасается симпатий своих собственных подданных к их собратьям по расе... Господин Бойст полагает, что нашел средство, говоря, что следует настаивать на настоящем статус кво в Боснии и Герцеговине без затрагивания этих провинций предлагаемыми реформами»[2].

Именно австро-русские противоречия по поводу боснийской проблемы придали ей особую остроту. К концу 60-х гг. Босния и Герцеговина все более становились подлинным яблоком раздора как для югославянского движения, так и на международной арене. На Боснию претендовали сербы и хорваты, о Герцеговине мечтали в Черногории; на недопустимость присоединения этих провинций к Австрии указывала Италия, сама имевшая интересы на западе Балкан. Но подлинно взрывоопасный потенциал проблемы обнаружился только тогда, когда серьезность австрийских намерений на этот счет заподозрили в Петербурге.

В ноябре 1866 г. австрийский посланник в Петербурге Ф. Ревертера сообщил Бойсту, что в случае отказа Австрии от претензий на Дунайские княжества в Петербурге «вероятно, предпочтут отдать нам западные провинции Турции»[3]. Беседуя затем несколько раз с Горчаковым, Ревертера облек в округлые дипломатические формы вполне ясное предложение: в случае распада Османской империи Австрия отказывалась от претензий на Дунайские княжества, молчаливо признавая их сферой влияния России, а Россия должна была допустить, «чтобы Австрия расширилась со стороны настоящих за-

[1] К.П. Икскуль – А.М. Горчакову. Вена, 1/13 марта 1867 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1867 г. Д. 163. Т. II. Л. 241.

[2] А.М. Горчаков – Александру II. СПб. 5 апреля 1867 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1867 г. Д. 48. Л. 94.

[3] Revertera an Beust, St.-Petersburg, 19./7. November 1866. Haus-, Hof-und Staatsarchiv Wien (HHStA). PA. X. 57.

inslav

падных провинций Оттоманской империи»[1]. Горчаков решительно отмел эти претензии[2].

Столкнувшись с категоричным протестом, Бойст попытался списать все на неуклюжесть своего дипломата[3]. Однако эти разъяснения уже не могли вернуть сказанного Ревертера, и за австрийскими намерениями в отношении Боснии и Герцеговины в Петербурге отныне следили с удвоенным вниманием.

Еще более бдительно каждое действие Австрии в направлении Боснии фиксировали в Белграде. В 1866 г. сербы начали практическую подготовку к восстанию в Боснии, причем во многом к активным действиям Белград побуждали как раз подозрения в отношении боснийских претензий Австрии.

В конце февраля 1867 г. в Вене стали известны планы Сербии относительно подготовки восстания в Боснии и Герцеговине. Венское правительство усилило войска на южных рубежах, дав им указание вторгнуться в Боснию, если такой же шаг последует со стороны Сербии. Одновременно Бойст пытался обеспечить боснийские интересы Австрии внешнеполитически. В начале марта он вновь обратил внимание Петербурга на то, что на Востоке у Австрии есть «деликатная сторона» – что станут делать Босния и Герцеговина в случае всеобщего восстания, учитывая деятельность там сербских агентов. Подчеркивая крайнюю важность боснийской проблемы для Австрии, Бойст заявил: «Австрия предоставила бы своей судьбе остаток Османской империи, если бы могла быть уверена, что восстание не распространится на Боснию и Герцеговину, и если бы ей гарантировали, что настоящий *статус кво* (выделено в тексте – А. М.) этих провинций сохранится»[4]. Вновь не встретив понимания, Бойст решил попытаться получить в Париже то, чего не смог дать Петербург.

В начале марта 1867 г. австрийский посол в Париже Р.Меттерних в беседе с французским министром иностранных дел сообщил, что в Вене не хотят распада Турции, но если это все же произойдет, Австрия будет вынуждена взять «необходимые материальные гарантии»

[1] А. М. Горчаков – Александру II. СПб. 15 ноября 1866 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1866 г. Д. 66. Л. 525; Revertera an Beust, St.-Petersburg, 10. Dezember/28. November 1866. HHStA, PA X, 57 Berichte, St.-Petersburg 1866. № 34 C. Revertera F. Erinnerungen eines Diplomaten in St.Petersburg 1864 bis 1868. // Deutsche Revue. 1904. № 2. S. 137-141.

[2] А. М. Горчаков – Александру II. СПб., 15 ноября 1866 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 66. Л. 525.

[3] Э. Г. Стакельберг – А. М. Горчакову. Вена, 26 декабря 1866 г./7 января 1867 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 220. Л. 162.

[4] К.П. Икскуль – А.М. Горчакову. Вена, 1/13 марта 1867 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. 1867 г. Д. 163. Т. II. Л. 240-243.

inslav

против того, чтобы не произошло объединение независимых народов, угрожавшего монархии Габсбургов. Мустье отлично понял намек и заявил, что Франция категорически против присоединения Боснии и Герцеговины к Сербии, поскольку в этом случае Сербия стала бы ядром обширного славянского государства, угрожающего Австрии, а ее существование для Франции есть «европейский интерес первого порядка»; в Париже готовы принять аннексию Боснии Австрией, лишь бы она не досталась Сербии[1]. Заручившись французской поддержкой, Бойст мог теперь более решительно парировать боснийские претензии Белграда.

В начале марта 1867 г. сербский князь Михаил выступил с идеей передачи Боснии и Герцеговины «хотя бы в виде опыта» в управление Белграду при сохранении турецкого сюзеренитета и выплате всех прежних платежей[2]. Бойст резко отреагировал на этот план, заявив, что он «диаметрально противоположен интересам Австрии». Австрия была готова скорее сама выплачивать султану деньги в объеме предполагавшихся сербских выплат за управление Боснией, лишь бы не допустить создания боснийско-сербского государства. Посланнику Австрии в Турции А. Прокешу было поручено приложить все усилия, чтобы расстроить предполагавшуюся комбинацию[3]. «Нужно, чтобы эти провинции были либо турецкими, либо австрийскими, третья возможность в наших глазах недопустима», – писал своему послу австрийский министр[4]. Сербы были глубоко разочарованы, однако вскоре помощь в боснийском вопросе пришла оттуда, откуда, казалось, ждать ее приходилось менее всего – из Венгрии.

Антон фон Прокеш, австрийский посол в Турции, говоря о противоречиях между Веной и Пештом, уподоблял восточную политику Дунайской монархии кораблю, паруса которого поставлены так, что действуют в разные стороны[5]. Ни в одном вопросе эти противоречия не были заметны более чем в боснийском.

Дюла Андраши, главный внешнеполитический авторитет ведущей венгерской политической силы – партии Деака, ставший 17 февраля

---

[1] Metternich à Beust. Paris, le 7 mars 1867. № 14 B. HHStA. P.A. XII. Türkei K.90; Die auswärtige Politik Preußens (APP). Oldenburg, 1934. VII. S. 517.

[2] Политичка акција Србије у јжнословенским покрајнама Хабсбуршке монархије 1859-1874. Београд, 1965. С. 255–257.

[3] Beust à Prokesch. Vienne, le 29 mars 1867. HHStA. P.A. XII. Türkei K.90; Н. П. Шишкин – П. Н. Стремоухову. Белград. 16 марта 1867 г. АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 1. Л. 41.

[4] Цит. по: Schoenhals K.P. The Russian policy of count Friedrich Ferdinand von Beust 1866-1871. The University of Rochester. Ph. D. 1964. P. 39.

[5] Engel-Janosi F. Geschichte auf dem Ballhausplatz. Graz etc, 1963. S. 216.

inslav

1867 г. первым премьером Венгрии эпохи дуализма, предполагал использовать Боснию в качестве средства своей антирусской политики, а также способа разрядить остроту югославянского вопроса внутри самой Венгрии. На встрече в начале марта 1867 г. с доверенным лицом князя Михаила он заявил, что Венгрия будет в состоянии сдержать любые претензии Вены на земли за Дунаем, и, в свою очередь, высказал опасения относительно агитации Белграда в сербских и хорватских областях Венгрии, Андраши, кроме того, согласился с идеей передачи Портой Сербии управления над Боснией, Герцеговиной и Старой Сербией[1]. Таким образом, инициатива князя Михаила, встреченная в Вене в штыки, в Пеште в целом нашла понимание.

Следующий этап венгерско-сербского сотрудничества начался после встречи Франца Иосифа с Наполеоном III в Зальцбурге в августе 1867 г. – важной вехи в австро-французском сближении. На встрече в числе прочих проблем, вероятно, обсуждалась и боснийская. Во всяком случае прямо из Зальцбурга Андраши приехал в Иванку – имение князя Михаила в Венгрии, где имел многочасовую беседу с сербским князем, в ходе которой в совершенную противоположность политике официальной Вены фактически предложил ему Боснию[2]. Взамен он попросил Михаила оказать влияние на венгерских сербов и хорватов с тем, чтобы они повернулись лицом к Пешту и стали менее восприимчивы к панславистской пропаганде[3]. Так была заложена основа венгерско-сербского сближения, в значительной степени под знаком которого югославянский вопрос будет проходить в следующие три года: отказ Австрии от территориальных претензий в югославянских землях Османской империи, прежде всего в Боснии; отказ Сербии от антивенгерской пропаганды в Венгрии; поддержка Венгрией претензий Белграда на Боснию и Герцеговину; антирусский характер сотрудничества. Венгерские соблазны сыграли большую роль в осуществлявшемся в течение осени 1867 г. процессе отхода князя Михаила от прежних планов всеобщего балканского восстания.

Между тем, боснийская проблема продолжала оставаться чем-то бо́льшим, чем просто делом взаимоотношений Австро-Венгрии и Сербии, влияя на балканскую ситуацию в целом и даже способствуя важным подвижкам в конфигурации великих европейских

[1] Политичка… С. 248-259; Перевод из письма Н.Кристича к Г. Гарашанину из Песта от 19 февраля 1867 г. АВПРИ. Ф. 161/1. СПб Гл. архив V-А2. Оп. 181/2. Д. 253. Л. 47.

[2] Вероятно, впервые Андраши сделал такое предложение князю в июне 1867 г., когда тот посетил Австрию проездом на Парижскую выставку – Политичка… С. 367.

[3] Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия 1860–1875 гг. М., 1988. С. 135-136; Политичка… С. 360; Јакшић Г., Вучковић В. Op.cit. С. 399.

inslav

держав. Именно боснийский вопрос стал одним из важных мотивов известной российской ноты о невмешательстве великих держав от 29 октября 1867 г. Едва ли не главной целью декларации о невмешательстве Александр II и Горчаков считали предотвращение вторжения Австро-Венгрии в Боснию в случае всеобщего восстания на Балканах. Стакельберг заявил Бойсту, что, несмотря на свою приверженность принципу невмешательства, «Россия выйдет из этого состояния неподвижности», если Австрия вторгнется в Боснию[1]. Горчаков одобрил решительность своего посла, поскольку тоже полагал, что «несмотря на наши мирные тенденции и потребности, мы едва ли сможем оставаться со сложенными руками в случае австрийских вооруженных притязаний на Боснию и Герцеговину»[2].

Боснийская проблема стала и одним из главных побудительных мотивов для заключения в марте 1868 г. знаменитого «союза сердец», устного русско-прусского соглашения, сыгравшего значительную роль в преддверии франко-германской войны. В начале февраля 1868 г. Александр II, открывая обмен мнениями с прусским послом, который в итоге привел к достижению русско-прусской договоренности, выразил надежду, что Австрия не вторгнется в Боснию и Герцеговину, а Франция не нападет на Пруссию; для того, чтобы этого не произошло, достаточно выставления на австрийской границе, соответственно, русского или прусского наблюдательных корпусов[3]. В качестве главных причин соглашения с русской стороны вновь назвались опасения за Польшу и особенно за Боснию[4].

Появление далекой Боснии в качестве столь важного для России интереса требует объяснения. Дело в том, что в Петербурге Босния рассматривалась не только как конкретная проблема возможного территориального захвата Австрии на западе Балкан, но и как своеобразный пробный камень для российского влияния в этом регионе. Заявляя о себе в течение многих десятилетий как о главной защитнице славянства и являясь таковой в глазах южных славян, Россия не хотела допустить резкого падения своего престижа в глазах балканских народов и особенно Сербии как лидера освободительного движения на Балканах – а именно это произошло бы, если бы Россия продемонстрировала свое бессилие перед лицом австрийской оккупации обширной территории, населенной славянами. В Петербурге подозревали, что Ав-

[1] Э. Г. Стакельберг – А.М. Горчакову. Вена. 7/19 октября 1867. АВПРИ Ф. 133 Канцелярия. Оп. 469.1867. Д. 164. Л. 237.

[2] А. М. Горчаков – Э. Г. Стакельбергу. СПб. 13 октября 1867. АВПРИ Ф. 172 Оп. 514/2. 1867. Д. 69. Л. 75.

[3] APP. IX. S. 671, 706, 793–794, 799–803, 816–818.

[4] Ibid. S. 759–760.

inslav

стрия и Франция хотят спровоцировать кризис на Востоке, который, по мнению русских дипломатов, ставил Россию перед жестокой дилеммой: «обнажить шпагу, не будучи готовыми, или потерять престиж»[1]. До определенного момента тактикой Петербурга было «предоставлять догадываться» о своей позиции в случае посягательств Австрии на Боснию с тем, чтобы, с одной стороны, оказывать «благотворное давление» на Австрию угрозой столкновения с Россией, с другой – не поощрять на выступление балканских христиан[2]. Однако по мере внутреннего укрепления Австрии, явного упрочения австро-французских связей и роста венгерского влияния такой тактики становилось недостаточно. «Рост венгерского влияния и его вмешательство во все сферы может быть гибельным для наших единоверцев и далее усиливать вражду между Австрией и нами», – писал Стакельберг, отмечая, что если Австрия вторгнется в Боснию раньше, чем Россия подготовится в военном отношении, то «наша ситуация станет критической»[3].

Венгерское влияние, которого так опасались в Петербурге, весной 1868 г. получило новый и очень важный импульс в связи с назначением на пост консула в Белграде венгра Беньямина Каллаи. При назначении Каллаи получил инструкцию, особое место в которой занимала проблема Боснии. Каллаи предлагалось решительно сопротивляться сербским планам отторжения Боснии, указывая на то, «что если Порта вообще когда-либо согласится с такой мерой, то при существующих доверительных отношениях с k. k. (кайзеровско-королевским, т. е. австро-венгерским – А. М.) правительством она охотнее отдаст ее выполнение в его руки, чем в руки сербского правительства»[4]. Последние строки находились в противоречии с содержавшимся в той же инструкции требованием опровергать все слухи об аннексионистских планах Австрии на своей границе и еще раз подтверждали австрийские претензии на Боснию. Показательно, что Бойст написал их после очередного заявления Стакельберга о возможной в этом случае войне, сделанного «таким образом, который не мог оставить у австрийского рейхсканцлера каких-либо сомнений в его серьезности»[5]. В мае об этом же Бойсту напомнил прусский посол, на что австрийский министр ответил, что Австрия хочет только сохранения в Боснии статус

[1] Э. Г. Стакельберг - А.М. Горчакову. Вена. 9/21 марта 1868 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 149. Л. 425. Помета Горчакова: «весьма верно».

[2] Конфиденциальная запись X. СПб, 20 марта 1868. АВПРИ. Ф. 133. Оп 469. Д. 87. Л. 125.

[3] Э. Г. Стакельберг - А.М. Горчакову. Вена. 27 января/9 февраля 1868 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 149. Л. 365. Помета Горчакова: «да».

[4] Политичка... С. 349–354.

[5] APP. 1X. S. 818; Јакшић Г., Вучковић В. Op.cit. С. 459.

inslav

кво, однако вскользь заметил, что «если бы Босния попала в «неправильные руки», Далмация была бы потеряна...»[1].

Еще одной стороной боснийской проблемы был принцип невмешательства, предложенный Россией. Австрия продолжала видеть в нем своеобразное приглашение к восстанию, особенно опасному как раз в Боснии; Россию же упорный отказ Австрии от признания принципа невмешательства лишь лишний раз утверждал в подозрениях касательно боснийских планов Вены. Бойст писал в Петербург, что Австрия не сможет смотреть равнодушно на Боснию, оккупированную или подстрекаемую к восстанию Сербией: «Я не хочу тем самым сказать, что в подобном случае мы бы отправили в марш наши войска; без, сомнения, мы бы... сообразовывались с положениями Парижского трактата, который, ясно предусматривая случай вооруженного вмешательства, делает его зависимым от предварительного согласия держав-гарантов. Но для нас невозможно заранее связать собственные руки, провозгласив наше решение оставаться в бездействии, что бы ни происходило»[2]. Подобная аргументация не показалась Горчакову слишком убедительной на фоне поступившей как раз тогда в Петербург информации о том, что австрийские офицеры заняты топографическими работами в Боснии и Герцеговине[3]. К тому же с Балкан не переставали поступать тревожные известия, в частности, Игнатьев сообщал, что австрийский корпус в 10 тыс. человек по первому сигналу готов вторгнуться в Боснию, опираясь на одно из австро-турецких соглашений 1854 г[4].

В своих боснийских планах Бойст не мог не учитывать столь упорное противодействие России, однако не менее важной была и обстановка внутри самой Австро-Венгрии и, в частности, позиция Венгрии.

Венгры предложили иную политику, направленную на более тесное сближение с Сербией. Андраши использовал турне нового сербского министра иностранных дел Й. Ристича в Пешт, Берлин, Петербург и Париж для вовлечения Сербии в кильватер венгерской политики. О содержании сделанных им заявлений Ристич рассказал в Петербурге следующее: «Венгерский премьер-министр с большой откровенностью высказал, что он считает необходимым безусловное принятие Австрией системы невмешательства в случае восстания турецких славян и борьбы нас (сербов – А. М.) с турками, присово-

[1] APP. X. S. 14.

[2] Beust à Revertera. Vienne, le 3 mai 1868. HHStA. P.A. X. K.59.

[3] Revertera à Beust, St.Pétersbourg, le 22/10 avril 1868. № 9 A. HHStA. P.A. X. K.; Beust à Prokesch. Vienne, le 3 mai 1868. HHStA. P.A. XII. Türkei K.93.

[4] Н.П. Игнатьев – А.М. Горчакову. 30 апреля/ 12 мая 1868 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 27. Л. 312.

inslav

купляя, что для Венгрии, а, следовательно, и для Австрии, не только не опасно, но даже желательно (тем более что оно неизбежно) распространение и усиление Сербии присоединением к ней Боснии, Герцеговины и других турецких областей, населенных сербским племенем. По мнению Андраши, вмешательство Австрии было бы безрассудно и даже опасно для нее, а присоединением к ней Боснии она только в высшей степени увеличила бы свои внутренние затруднения, усилив славянский элемент в своих пределах... Граф Андраши присовокупил, что вмешательства в Турции и затем занятия Боснии требует военная партия, желающая вознаграждения за последнюю войну и находящаяся под руководством эрцгерцога Альбрехта и большей части генералов; что же касается до барона Бойста, то, хотя в настоящее время он более склоняется по этому вопросу на сторону военной партии, но гр. Андраши не теряет надежды постепенно склонить его к своему образу мыслей»[1].

Так тайные венгерские планы стали известны в Петербурге, в результате чего и без того сильное недоверие к венграм получило дополнительную пищу и переросло в реальные опасения, оказывавшие в дальнейшем серьезное влияние на австро-русские отношения в целом. В основе позиции Андраши лежала вражда к России, доходившая до планов превентивной войны с ней[2].

Между тем, несмотря на все усилия Андраши, наместники при несовершеннолетнем князе Милане, возглавившие Сербию после убийства в июне 1868 г. князя Михаила, не чувствовали себя уверенно между австрийским угрозами и венгерскими соблазнами. Каллаи писал Бойсту в сентябре 1868 г.: «Что касается нашего отношения к Сербии, то регенты постоянно и при каждой возможности жаждут от нас определенных заверений в том, что Австрия действительно не замышляет оккупацию Боснии...» – и Бойст дал соответствующие заверения[3]. В свою очередь, в Вене продолжали опасаться сербских планов на Боснию, и Бойст, сообщая Каллаи о поступившей к нему информации о планах восстания в Боснии, попросил разъяснений. Каллаи поспешил успокоить Бойста[4]. С другой стороны, выполняя указания Андраши, Каллаи

[1] Весьма секретная докладная записка, представленная Директором Азиатского департамента Государственному канцлеру 7 мая 1868 г. АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 2. Л. 84–85.

[2] См. об этом: Медяков А.С. Югославянская политика Андраши (1867–1871 гг.) // Центральная Европа в новое и новейшее время. М., 1998. С. 160–164.

[3] Kállay an Beust. Belgrad, 25. September 1868; Beust an Kállay. Wien, 1. Oktober 1868. HHStA. P.A. XXXVIII. K. 177.

[4] Beust an Kállay. Wien, 26. September 1868; Kállay an Beust. Belgrad, 3. Oktober 1868. HHStA. P.A. XXXVIII. K. 177.

inslav

сначала намеками, а затем и все более определенно писал Бойсту о необходимости учесть боснийские пожелания Сербии. Эту же мысль внушал Бойсту и Андраши – однако тот, по выражению Андраши, никак не хотел играть по нотам, которые он ему подкладывал[1]. Залогом возможной боснийской комбинации оба венгерских политика считали позицию регентов, которые, на их взгляд, совершенно отвернулись от России и взяли курс только на Австрию[2].

Между тем, в октябре 1868 г. русского консула Шишкина посетил первый регент Блазнавац и фактически рассказал ему всю историю тайных переговоров между Венгрией и Сербией, начиная с посещения Андраши князя Михаила в Иванке год с небольшим назад: венгры предложили помощь в обретении независимости Сербии и присоединении Боснии и Герцеговины в обмен за помощь в решении югославянского вопроса в самой Венгрии; после смерти Михаила обязательства были вновь подтверждены[3]. Горчаков писал в Белград по этому поводу: «Весьма возможно, что Венгрия искренне желает сблизиться с княжеством для более легкого достижения своих чисто мадьярских целей, но невозможно допустить, чтобы она искренне желала расширения и усиления независимой Сербии, так как подобный результат был бы неминуемо вреден для мадьяризма, – не говоря уже о том, что обогатить Сербию новыми областями, быть может, не будет во власти графа Андраши»[4].

Следует отметить, что при внешней открытости Андраши к самым широким уступкам Сербии, венгерский премьер отнюдь не был склонен осуществлять их немедленно. Как правило, свои боснийские авансы Андраши начинал активнее раздавать в моменты обострения восточного вопроса. Так, кризис на Востоке конца 1868 – начала 1869 гг[5]. заставил венгерских политиков сделать попытку заручиться поддержкой своих боснийских планов со стороны имперского руководства. Каллаи советовал Андраши через Бойста «в о в р е м я» нажать на Турцию с целью присоединения Боснии к Сербии, чтобы в случае войны на Востоке не допустить ее поворота к России[6].

---

[1] Kállay an Beust, Belgrad, 29. Oktober 1868. HHStA. P.A. XXXVIII. K. 177; Светозар Милетић... С. 569, 573.

[2] Kállay an Beust, Belgrad, 22. Oktober 1868.HHStA. P.A. XXXVIII. K. 177.

[3] Н.П. Шишкин – А.М. Горчакову. Белград. 22 сентября/4 октября 1868 г. АВПРИ. Ф. 161/1. СПб. Гл. архив V-А2. Оп. 181/2. Д. 254 б. Л. 212–214.

[4] А.М. Горчаков – Н.П. Шишкину. СПб., 9 октября 1868 г. АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/1. Д. 2. Л. 133–134.

[5] См. о нем: Медяков А.С. Австро-Венгрия и Балканский кризис 1866–1869 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. М., 1998. № 4.

[6] Калај Б. Дневник Бенјамина Калаја 1868–1875. Београд-Нови Сад, 1976. С. 683, 126.

inslav

В декабре Каллаи обратился с аналогичным предложением прямо к Бойсту. При этом он подчеркнул еще одно обстоятельство, постоянно учитываемое венгерскими политиками в их боснийских планах – разжигание соперничества между сербами и хорватами, поскольку последние также издавна претендовали на Боснию с ее смешанным населением[1]. Каллаи, и раньше успешно практиковавший хорватскую угрозу в качестве сдерживающего фактора для Сербии, писал Бойсту, что «удачное решение боснийского вопроса и полное отделение Хорватии от сербских интересов может обеспечить наше будущее»[2].

Со своей стороны, Андраши в напряженной обстановке кризиса также считал, что с боснийским вопросом «нельзя опоздать» и несколько раз обращался к Бойсту с предложением решить боснийский вопрос[3].

Разрядка напряженности в начале 1869 г. ослабила интерес к боснийским проектам, хотя, как утверждал Андраши, не только Бойст, но и Франц Иосиф также согласились с его планами[4]. Однако в реальности боснийская политика Австро-Венгрии была далека от того, чтобы осуществляться исключительно под диктовку венгров, поскольку на нее воздействовали и другие политические силы, одной из которых была «военная партия», которая видела ее совершенно отличным от венгров образом. Венская Военная канцелярия во главе с Ф. Беком попыталась убедить Бойста в необходимости аннексии Боснии и Герцеговины как превентивной меры против поглощения этих территорий Сербией. Предложенные Беком два варианта раздела Боснии, в отличие от плана Андраши, предусматривали передачу Сербии и Черногории лишь незначительной части Герцеговины и Новопазарского санджака, в то время как львиная доля Боснии западнее реки Дрины или, по другому варианту, чуть меньше, должна была достаться Австро-Венгрии. При этом Бек надеялся, что раздел санджака вызовет соперничество между Сербией и Черногорией[5]. Особую роль в подобных планах играло командование населенной сербами и хорватами Военной границы, а также генерал-губернатор Далмации Й. Вагнер. Еще осенью 1868 г. Каллаи отмечал, что по-

[1] Pesklj B.M. Der ungarisch-kroatische Ausgleich vom Jahre 1868 – verfassungsrechtlicher Überlick. // Der österreichisch-ungarische Ausgleich von 1867. S. 169.

[2] Светозар Милетић и народна странка. Грађа 1860–1885. I-II. Сремски Карловци, 1968. С. 569.

[3] Ibid. C. 513.

[4] Светозар Милетић... С. 573; Wertheimer E. Graf Julius Andrássy: sein Leben und seine Zeit. Stuttgart, 1910–1913. Bd. 1. S. 460.

[5] Kos F.-J. Die Politik Österreich-Ungarns wänkend der Orientkrise 1874/1875 – 1879. Köln, Wien, 1984.

inslav

добный разнобой австрийской югославянской политики мешает предписанной ему политике примирения с Сербией, поскольку вызывает недоверие Белграда[1]. Выступая весной 1870 г. в рейхстаге по поводу югославянской пропаганды, Вагнер фактически публично признал, что по долгу службы общался с хорватской национальной партией и позволил предположить, что целью этого общения была аннексия Боснии. «Но Босния является чувствительной точкой всех сербских политиков», – писал по этому поводу Каллаи – «это центр.., вокруг которого с давнего времени вращаются все их желания и надежды... Пока Босния остается османской провинцией, сербы рассматривают этот вопрос как, если можно так выразиться, семейное дело, не требующее спешки, поскольку... рано или поздно оно благополучно разрешится... Совсем другое дело, если бы они почувствовали аннексионистские вожделения одной чужой державы»[2]. Возмущение выражали и турки. Турецкий посол в Вене Хайдар эфенди заявил, что «после Садовой идея завоевать Боснию и Герцеговину пустила ростки в австрийских умах. Бойст хотел купить эти провинции[3], и Али-паша был вынужден ответить ему, что «Босния продается только за ту цену, за которую была куплена, а именно за цену крови»[4].

Особую роль в австрийских планах на Боснию играла группа высших австрийских офицеров югославянского происхождения – Г. Родич, Й. Филиппович и Ш. Йованович. Они выступали за оккупацию Боснии, поскольку в их глазах тем самым был бы совершен важный шаг к объединению южных славян[5].

В целом же разногласия в отношении Боснии в политическом руководстве Австро-Венгрии, а также некоторое затишье на Балканах в первой половине 1870 г. привели к тому, что боснийская проблема на некоторое время отошла на второй план, чтобы вновь стать актуальной в связи с кризисом, вызванным знаменитой нотой Горчакова от 19 октября 1870 г. об отмене нейтрализации Черного моря. Андраши уполномочил Каллаи в тайне от Бойста передать сербским наместникам согласие Франца Иосифа на раздел Боснии[6]. Таким образом, в

[1] Kállay an Beust. Belgrad, 3. Oktober 1868. HHStA. P.A. XXXVIII. K. 177.

[2] Kállay an Beust, Belgrad, 17. März 1870 № 6. HHStA. P.A. XXXVIII. K. 187.

[3] Вероятно, речь идет о переговорах в Константинополе во время путешествия Франца Иосифа и Бойста на открытие Суэцкого канала осенью 1869 г.

[4] Н.А.Орлов – А.М. Горчакову 30 марта/11 апреля 1870 г. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 145. Л. 170.

[5] О планах военных см.: Kos F.-J. Ein Plan österreichischen Militärs zur Erwerbung Bosniens und der Herzegovina (1869). Die Ernennung des Feldmarschalleutnants Freiherrn von Rodich zum Statthalter von Dalmatien als ein Schritt zur Verwirklichung dieses Plans. // Österreichische Osthefte (ÖOH). 1992. № 34. S. 36–53.

[6] Калаj Б. Op. cit. C. 347.

inslav

обстановке самого серьезного восточного кризиса после 1853–56 гг. боснийские планы Андраши приблизились к своей кульминации. Итогом трехлетнего австро-сербского сближения стал проект договора, подготовленного одним из регентов, Ристичем, в самом конце декабря 1870 г. Документ был полностью в духе Андраши: в мирное время в случае столкновения Сербии с Турцией Австро-Венгрия не будет производить интервенцию сама и удержит другие державы; в случае войны Австро-Венгрии и России Сербия обязуется сохранять доброжелательный нейтралитет, а после ее окончания получает Боснию и Герцеговину, отдав часть территории в качестве компенсации Хорватии[1].

Боснийская комбинация не была осуществлена не в последнюю очередь из-за колебаний сербов, которые продолжали свою двойную игру, принимая австрийские авансы, но не доверяя им до конца и стремясь сохранить связь с Петербургом. Публикация инструкции Бойста от 23 ноября австрийским консулам в Белграде и Бухаресте, в которой подчеркивалась незыблемость порядка вещей, установленных решениями 1856 г. на Востоке, серьезно подорвала веру сербов в искренность обещаний Андраши о передаче Сербии Боснии[2]. Кроме того, Ристич счел предложение Андраши слишком опасным, т. к. в случае поражения Австро-Венгрии в войне с Россией Сербию ожидало бы возмездие Петербурга, а победившая империя Габсбургов могла просто не выполнить своих обещаний[3]. В результате, в Белграде было принято решение о корректировке внешнеполитического курса: не прерывая отношений с Австрией, следовало стремиться к примирению с Россией и сближению с ней[4]. С другой стороны, Бойст после проявленных колебаний в боснийском вопросе вновь вернулся к своей старой точке зрения и в мае 1871 г. объявил, что будущее увеличение Австрии возможно только на Востоке, а также назвал желательным приобретение «хинтерланда» Далмации, то есть Боснии[5].

Для Андраши главным оставалось исключение Сербии из сферы влияния России. Поэтому состоявшийся осенью 1871 г. визит князя Милана в Ливадию привел к разрыву трехлетней венгерско-сербской дружбы. Уже став в ноябре 1871 г. новым министром иностранных дел Австро-Венгрии, Андраши предъявил наместникам полный список их политических грехов и заявил, что Австро-Венгрия видит

[1] Ibid. C. 348–349.
[2] Калај Б. Op. cit. C. 357, 734; Reizwitz J. Op. cit. S. 177.
[3] Историја српског народа. Београд, 1981.V/1. C. 358.
[4] Ibid. C. 359.
[5] Lutz H. Österreich-Ungarn und die Gründung des Deutschen Reiches: Europäische Entscheidungen 1867–1871. Frankfurt am Main etc, 1979. S. 444.

inslav

нежелание Сербии сохранять с ней дружеские отношения и отныне занимает выжидательную позицию[1].

Главной причиной подобного резкого охлаждения отношений с Сербией безусловно стало сближение Белграда с Россией. Кроме того, Андраши уже не так нуждался в сотрудничестве с Сербией, поскольку угроза большой войны в Европе и на Балканах, существовавшая в течение всех четырех лет, теперь исчезла. Упрочились и европейские позиции Австро-Венгрии, т. к. быстрыми темпами происходило сближение с Германией и даже с Россией – под знаком будущего «союза трех императоров». В итоге Андраши отказался от так долго лелеемых планов союза с Сербией и в феврале 1872 г., излагая свою первую внешнеполитическую программу на посту министра иностранных дел, назвал желательной аннексию Боснии и Герцеговины. Так был принят курс, приведший впоследствии к созданию одного из главных кризисных очагов на Балканах и внесший свой вклад в возникновение Первой мировой войны.

И. Хаджибегович, М. Имамович

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА[2]

Создание политических партий

С середины первого десятилетия XX века в Боснии и Герцеговине (БиГ) религиозно-просветительские движения начинают превращаться в политические партии. По своей форме, политической идеологии и психологии эти партии в основном соответствовали типу национальных организаций, возникших в странах, находившихся под колониальной властью в период борьбы за национальное освобождение. Большинство буржуазных политических деятелей БиГ независимо от своей национальной принадлежности, считали, что поскольку БиГ являлась оккупированной областью с неопределенным государственно-правовым статусом и в ней отсутствовала основа парламентаризма, то там отсутствуют условия для деятельности классических политических партий. Согласно этой типичной для политического сознания мелкой буржуазии концепции считалось, что любое национальное движение должно

[1] Калај Б. Op. cit. С. 422.

[2] Фрагменты книги: Bosna i Hercegovina od najstarijih vremena do kraja Drugog svetskog rata. Sarajevo, Bosanski kultirni centar, 1998. S. 274–285. Печатается с согласия авторов. Общее название дано редколлегией настоящего издания.

inslav

сохранять единство до тех пор, пока оно не добьется своих общих национально-политических, т.е. государственно-правовых целей, и что только после этого путем создания политических партий и парламента будет возможно добиваться решения разнообразных социальных и политических проблем. Эта принципиальная позиция на практике относительно легко уживалась с прагматизмом и «realpolitik» боснийско-герцеговинской буржуазии, экономические интересы которой не могли более дожидаться возможного в будущем осуществления собственных «государственно-правовых идеалов».

После смерти Б. Каллая в 1903 г. происходит постепенное смягчение абсолютистски-бюрократического оккупационного режима. Прежде всего, это проявилось в отмене предварительной цензуры, проведении налоговой реформы, развитии церковно-школьной автономии и признании необходимости постепенного обретения БиГ некоторой степени самоуправления. В такой ситуации отдельные, соответственно – боснийско-мусульманское (мусульманское)[1], сербское и хорватское – национально-политические движения начинают создавать и организации политических партий.

Первой буржуазной политической партией в БиГ, выдвинувшей собственную программу и формально организованной, стала Мусульманская национальная организация (МНО – русск.; MNO – босн.), основанная 3 декабря 1906 г. Партию возглавлял Исполнительный комитет, первым председателем которого был избран Алибег Фирдус. В своей программе МНО, прежде всего, требовала установления конфессиональной и вакуфско-меарифской, а также политической – государственно-правовой автономии БиГ под суверенитетом султана. Безусловно, МНО пользовалась поддержкой огромного большинства всех слоев мусульманского населения, хотя ее руководство состояло в основном из крупных землевладельцев. Свои собственные интересы в аграрной области они представляли как общемусульманские. Их аграрная программа содержала требование лишения крестьянина кметского права и превращения его тем самым в обычного наемного работника или арендатора. Это проистекало из последовательной трактовки земельного и аграрного права, в особенности – Рамазанского закона 1858 г. и Сафетской наредбы 1859 г.

[1] Вследствие специфики развития боснийско-мусульманского этноса следует различать конфессионим «мусульмане» и этноним «Мусульмане». Трансформация этнонима и эволюция национального самосознания боснийских Мусульман привела к тому, что в конце XX – начале XXI века у них получило распространение самоназвание «бошняци» – «босняки», которое не следует путать с политонимом «боснийцы» – жители и граждане БиГ, независимо от национальности и конфессиональной принадлежности (Прим. перев.).

inslav

В противовес МНО существовала достаточно разнородная группа, приверженцы которой – инициаторы различных культурных образовательных и экономических мероприятий, сами себя называли «прогрессивными мусульманами». Среди них были видные граждане, ориентированные на сотрудничество с режимом, независимые интеллектуалы и некоторое число государственных чиновников. На своем съезде 24–26 августа 1908 г. они создали Мусульманскую прогрессистскую партию (МПП – русск.; MNS – босн.). По основным социальным проблемам ее позиция, по сути, не отличалась от программы МНО, однако в национальном вопросе она занимала прохорватскую позицию. Чувствуя, что из-за этого партия не получит поддержку широких слоев мусульманского населения, руководство МПП 31 января 1910 г. пересмотрело свою программу и отказалось от поддержки хорватской национальной идеи. Одновременно было изменено и ее название – партия стала называться Мусульманской независимой партией (МНП – русс.; MSS – босн.). В апреле того же года в преддверии выборов сабор была предпринята попытка объединения МНО и МНП, однако из-за амбиций руководителей обеих партий переговоры провалились.

Накануне первых выборов в сабор из МНО вышла группа молодых просербски ориентированных активистов, создавших газету «Самоуправа», которую они назвали «печатным органом мусульманской демократии». Они подчеркивали, что руководство МНО пренебрегло социальными и культурными проблемами мусульманского народа, прежде всего крестьян. Эта группа формально не оформилась как партия, а ее единственный кандидат на выборах в сабор Осман Дикич потерпел поражение.

Сербская национальная организация (СНО – русск., СНО-SNO – сербск.) была созданная на съезде 27–31 октября 1907 г. путем объединения трех политических группировок, возникших в сербской буржуазной среде в середине первого десятилетия XX века. Первую группу составляли руководители автономистского движения сербского мещанства. Ее наиболее видными представителями были Глигорие Ефтанович и Воислав Шола; из интеллектуалов к ним примкнул Милан Сршкич. В 1905 г. они основали «Српску риеч» – «газету о политике, образовании и экономике», на страницах которой защищали свои, в первую очередь, экономические интересы. Руководители автономистского движения подверглись острой критике со стороны молодого поколения сербской буржуазной интеллигенции, требовавшего перехода от борьбы за церковно-школьную автономию к борьбе политической. Поскольку в Сараево у их деятельности не было перспектив из-за позиции влиятельных руководителей старшего

inslav

поколения, интеллектуалы выбрали своим центром Мостар. Там в 1907 г. основали газету «Нáрод», редакторами которой были Ристо Радулович и Васил Грдич. К этой группе из Мостара примкнула бóльшая часть сербской интеллигенции по всей стране.

Третья группа, известная своей газетой «Отаџбнна», главным образом действовала в Боснии. Вокруг Кочича объединилась небольшая группа интеллектуалов, которые в отличие от «народовцев» отвергли идею о независимой политической роли интеллигенции и вместе с сербским крестьянством выступала за радикальное решение аграрного вопроса.

После долгих переговоров на своей встрече в Сараево 11 мая 1907 г. представители всех трех групп приняли резолюцию, в которой выступили за срочное создание сербской политической организации, введения политических свобод и создания парламента, а также полной автономии БиГ без изменения ее суверенитета. Общеимперский – австро-венгерский – министр финансов Иштван Буриан после долгих проволочек одобрил созыв учредительного съезда СНО при условии, что на ней не будет выдвигаться программа, сформулированная в Сараевской резолюции. Однако съезд одобрил эту резолюцию в качестве политической программы СНО. По аграрному вопросу (по нему на съезде развернулась самая острая полемика), программа осталась на уровне общих формулировок без конкретных предложений, поскольку возобладало мнение, что по национально-политическим причинам нужно сохранить союз с МНО.

В мае 1907 г. сараевский врач Лазар Димитриевич создал Сербскую национальную независимую партию (СННП – русск.; СНСС-SNSS – сербск.). С 1905 г. он издавал журнал «Дан», в котором критиковал руководителей автономистского движения, которых называл «агами» (господами и землевладельцами) и «пожирателями крестьян», пропагандировал радикальное решение аграрного вопроса при условии установления полной и постоянной ответственности Австро-Венгрии в БиГ. После полного поражения на выборах в 1910 г. его партия пришла в упадок.

Хорватское политическое движение, в котором в начале XX века четко выделялись два течения – клерикальное и буржуазно-либеральное, медленно и осторожно – чтобы сохранить свое единство – приступило к оформлению самоорганизации. Инициативу создания единой политической организации выдвинуло буржуазно-либеральное течение, к которому присоединились и монахи-францисканцы. После длительной подготовки 21 февраля 1908 г. был

inslav

создан Хорватский национальный союз (ХНС – русск., HNZ – хорв.). Председателем партии был избран Никола Мандич. Однако ее истинным вдохновителем, теоретиком и идеологом был адвокат из г. Тузла Иво Пилар. Главное требование программы ХНС состояло в том, чтобы БиГ согласно «племенной принадлежности автохтонного населения» и согласно «государственному праву» «естественно» присоединилась к Хорватии. Политическая стратегия ХНС исходила из убежденности в малочисленности хорватов в БиГ. Поскольку в то время на территории БиГ проживало относительно большое число иноэтничных католиков-переселенцев, конфессиональную принадлежность в качестве критерия национальной принадлежности нельзя было использовать на подобие православия у сербов и ислама у Мусульман (босняков). Поэтому руководство партии считало, что ХНС должно быть надконфессиональной организацией. В особенности ХНС рассчитывала заполучить поддержку хорватской национальной идеи со стороны Мусульман. По этой причине ХНС даже после многократных обсуждений не определила свою позицию по аграрному вопросу.

Из-за позиции относительно того, что конфессиональная принадлежность не должна определять деятельность ХНС, его руководство вступило в открытый конфликт с сараевским архиепископом Йосипом Штадлером, считавшим, что главная задача хорватской национальной политики в БиГ – объединить всех католиков независимо от национальной принадлежности. Поскольку попытки Штадлера на основе своей платформы возглавить ХНС провалились, 18 января 1910 г. он создал собственную партию – Хорватскую католическую унию (ХКУ – русск.; HKU– хорв.) БиГ. Его политика была основана исключительно на идеях католицизма. Штадлер пользовался поддержкой австрийских христианских социалистов и словенских клерикалов. Он рассчитывал на переустройство монархи в форме триализма. Эта позиция нашла свое выражение в программе партии, которая, прежде всего, требовала «на основе государственного права и национального принципа присоединить БиГ к Хорватии», к которой присоединились бы и словенские области. Необремененная вынужденным сотрудничеством с Мусульманами, ХКС требовал, возможно более быстрого и легкого решения аграрного вопроса.

В этой социально-политической мозаике БиГ, СНО и МНО встали в оппозицию по отношению к оккупационной администрации, в то время как остальные партии относились к ней лояльно. Партийную мозаику БиГ до принятия Областного статута пополнила Социал-демократическая партия БиГ, созданная 28–29 июня 1909 г.

inslav

Аннексия Боснии и Герцеговины

Аннексия изначально была постоянной целью политики Австро-Венгрии по отношению к БиГ. Только таким образом империя могла осуществить свои далеко идущие планы, связанные с БиГ и регионом Балкан в целом. Поэтому часто говорят, что аннексия старше самой оккупации. В этом смысле, хотя с точки зрения международного права оккупация считалась временной, австровенгерская администрация с самого начала действовать так, как будто оккупированная территория уже включена в состав монархии.

Впервые общеимперское правительство и правящие круги Монархии обсудили возможность аннексии БиГ в 1892 г. Аннексия зависела от состояния международных отношений, но в еще большей степени – от согласия между Австрией и Венгрией о способе включения БиГ в дуалистическую структуру Монархии. Правительство Венгрии выступало за аннексию и раздел БиГ таким образом, чтобы города Баня Лука и Бихач достались Венгрии, а Сараево, Травник, Мостар и Тузла – Австрии. Против этого выступило правительство Австрии, и император отложил вопрос об аннексии до более поздних времен.

Дебаты по вопросу об аннексии возобновились летом 1896 г. в связи с кризисом в Турции, вызванным восстаниями в Армении и на Крите. «Общее» правительство в Вене на своем заседании 26 августа 1896 г. постановило, что аннексия произойдет «в момент падения Турции», иными словами, когда будет очевидным предстоящий распад Османской империи. Полыхнувшая в июне 1908 г. Младотурецкая революция была расценена как момент, когда это условие выполнено и наступил момент для аннексии. Когда 24 июля 1908 г. младотурки восстановили либеральную конституцию 1876 г., Мусульманская и Сербская национальные организации (МНО и СНО) организовали совместное выступление с требованием, чтобы БиГ, с формально-правовой точки зрения остававшаяся в составе Османской империи, обрела свою конституцию. Совместная депутация обеих партий, которую возглавляли Алибег Фирдус и Глигорие Ефтанович, 7 сентября 1908 г. на горе Илиджа под Сараево передала соответствующее представление австровенгерскому министру финансов Иштвану Буриану. В нем содержалось требование «как можно быстрее, [предоставить] современную и полную конституцию для жителей БиГ без определения государственно-правового положения обеих земель», т.е. без аннексии. Конституция должна была гарантировать равенство, гражданские и политические свободы, а также учреждение парламента. При вручении представления Фирдус устно также заявил Буриану, что они требуют конституцию «без всяких условия, дабы не

inslav

допускалось вмешательства в конституционно-правовое положение нашего отечества».

Общеимперское правительство осознало, что вопрос конституции в БиГстоит чрезвычайно остро, однако предоставление конституции до аннексии было невозможно даже вообразить. Аннексия была провозглашена императором Францем Иосифом к жителям БиГ 7 октября 1908 г. Этот шаг оправдывался необходимостью принятия конституции, а первейшим предварительным условием этого шага было четкое определение государственно-правового положения БиГ. Император, высоко ценя «политическую зрелость» жителей БиГ, решил даровать им «конституционные учреждения, которые будут соответствовать существующим условиям и общим интересам и таким образом создадут законное основание для выражения их желаний и пользы». Первейшим и необходимым условием введения «этой областной конституционности» было определение «ясное и недвусмысленное правового положения» БиГ. Поэтому император и король «распространил на БиГ свой суверенитет».

Провозглашение аннексии поставило европейские державы перед свершившимся фактом. Текст императорского манифеста и сам факт аннексии, которую лондонская The Times назвала примером «иезуитской казуистики и политического цинизма», вызвали настоящий дипломатический кризис. Великобритания и Франция ограничились риторическими протестами в том смысле, что, совершив аннексию, Австро-Венгрия в одностороннем порядке изменила Берлинский трактат 1878 г., что представляет собой «сильный удар общественному доверию». Аннексия сильно встревожила Италию и Россию, а больше всех – Сербию, Черногорию и Турцию. Решающей для разрешения кризиса стала позиция Германии, решительно поддержавшей Австро-Венгрию. При посредничестве германской дипломатии Турция после недолгих переговоров с Австро-Венгрией 26 февраля 1909 г. признала аннексию; тем самым БиГ и с точки зрения формального права перешла под суверенитет Габсбургов. Австро-Венгрия отказалась от своего права держать свои гарнизоны в Новопазарском Санджаке, обязалась выплатить Порте 2,5 млн. фунтов возмещения ущерба и предоставить последней экономические концессии, а также особо обеспечить полную конфессиональную свободу в БиГ мусульманам. После того как Германия 21 марта 1909 г. направила правительству в Петербурге ультиматум («важнейший документ в ходе кризиса»), в котором потребовала, чтобы Россия ясно и безоговорочно признала аннексию, что та сразу же и сделала. Этот

inslav

государственно-правовой акт 31 марта (5 апреля) 1909 г., наконец, признали Сербия и Черногория.

Режим был сильно озабочен организацией внешних манифестаций лояльности и поддержки аннексии. Усилиями правительства и прорежимных партий и политиков в Вену из БиГ были направлены депутации и делегации с целью выразить государю благодарность за аннексию и обещание конституции. С этой точки зрения неоценимые услуги режиму оказал председатель ХНС Никола Мандич. Он с особым пристрастием наблюдал за посылкой делегации СННП Лазара Димитриевича, который в начале ноября 1908 г. привез в Вену делегацию, состоявшую из восемнадцати сербских крестьян. Они припали к стопам императора и выразили ему свою благодарность за аннексию. Сараевский градоначальник и один из руководителей Мусульман-прогрессистов Эсад эф. Кулович 9 ноября 1980 г. возглавил Мусульманскую депутацию, состоявшую из 64 градоначальников, землевладельцев, лиц духовного звания и торговцев. Католический архиепископ Йосип Штадлер организовал и возглавил самую многочисленную депутацию из 430 человек, которую доставили в Вену двумя специальными поездами.

Только МНО и СНО были непреклонны и отказывались признать аннексию. Против этого акта мусульманское население протестовало и в форме массового переселения в Турцию. После того, как Сербия признала аннексию и Белград дал свое благословение», делегация группы Ефтановича из СНО 3 мая 1909 года посетила в Вене министра Буриана и заявила о признании этого шага австро-Венгрии. В дальнейшем против аннексии выступала только МНО. Все же она ее признала всего за десять дней до провозглашения конституции 8 февраля 1910 г. Этот шаг был логичен, поскольку она, как и все остальные буржуазные политические партии, стремилась к легальной деятельности, а признание суверенитета Габсбургов над БиГ было для этого необходимым условием.

После дипломатического и внутриполитического урегулирования аннексионного кризиса по-прежнему оставался открытым государственно-правовой вопрос о включении БиГ в существующую конституционную структуру дуалистической монархии. В период 1878–1908 гг. от оккупации до аннексии БиГ с формально-правовой точки зрения оставалась османской провинцией, однако реальная власть принадлежала Австро-Венгрии. После аннексии БиГ и с формально-правой точки зрения превратилась в Габсбургскую провинцию, сохранившую, тем не менее, в рамках Монархии особый статус. В дуалистической структуре Монархии, в которой все провинции

instaw

принадлежали либо Цислейтании (Австрии) или Транслейтании (Венгрии), БиГ оказалась третьим, особым образованием. БиГ считалась коронной землей Габсбургов, которой совместно управляли уполномоченные на то монархом правительства Австрии и Венгрии. С позиции внутреннего правового порядка БиГ была третьим государством внутри монархии, поскольку ее правовая система отличалась и от австрийской, и от венгерской. Жители БиГ с юридический точки зрения не являлись ни австрийскими, ни венгерскими гражданами; их статус определялся как «жители БиГ». В качестве corpus separaturn в монархии БиГ не обладала равноправием с двумя другими государствами. БиГ вплоть до принятия конституции ни в малейшей степени не обладала правами самоуправления, не могла участвовать в решении так называемых «общих» дел, а с политической точки зрения находилась полностью в зависимом по отношению к Австрии и Венгрии положении.

Аннексия БиГ способствовала пробуждению в особенности в Хорватии, а также среди боснийскогерцеговинских политиков-хорватов по национальности, известных надежд на триалистическое переустройство Габсбургской империи. Хорватская общественность после аннексии почти единодушно требовала «объединения Герцег-Босны с Хорватией, Словенией и Далмацией в единое государственное образование». Австрийский император и венгерский король Франц Иосиф вновь проявил себя верным приверженцем дуализма, а планы относительно решения проблемы государственно-правового статуса БиГ в форме триализма были лишены всяких реальных оснований. В действительности, аннексия уничтожила эту возможность, хотя температура пропаганды в Хорватии сильно повысилась. Равновесие между решающими силами в Монархии сохранило и укрепило политически самое простое решение и в новой после-аннексионнной ситуации – БиГ в качестве коронного corpus separatum со своеобразной конституцией и сабором.

Конституция и сабор Боснии и Герцеговины

После долгой подготовки и проволочек, а также проведения конституционной анкеты, император Франц Иосиф 17 февраля 1910 г. окончательно санкционировал Закон о конституционных учреждениях для БиГ. Конституция провинции (в дальнейшем – Областной статут) была тожественно провозглашена в большом дворце правительства провинции в Сараево 20 февраля 1910 г. Эту церемонию в присутствии всех членов правительства, высших чиновников, представителей гражданских и военных властей, глав конфессиональных общин, представителей городской общины, автономных властей и

inslav

корпораций, а также других видных граждан провел глава провинции Мариян Варешанин.

Конституционное устройство, дарованное БиГ в 1910 г., регулировали шесть взаимоувязанных документов – Областной статут; закон о порядке выборов в сабор (скупщина – серб.); регламент работы сабора; Закон об общественных организациях в БиГ; Закон о собраниях в БиГ; Закон об округах (котарах). Конституционное устройство в БиГ опиралось на идею так называемой «пирамидальной конституционности», согласно которой первоначальные минимальные конституционные права, гарантированные данным законом, должны постепенно расширяться и время от времени в виде дара преподноситься народу. Концепция ограниченной конституционности, согласно официальной позиции, была логическим следствием культурной отсталости народа БиГ.

Хотя по Конституции БиГ была определена как «одна единая особая административная территория», высшая административная власть оставалась в компетенции «общего» министра финансов в Вене и чиновников правительства провинции в Сараево, представлявшего собой филиалом данного министерства. Сабор был не в состоянии влиять на административные дела. Депутаты могли направлять запросы правительству, однако ответ, если таковой и поступал, не мог быть «предметом обсуждения». Что же касается законодательной власти, то она в соответствии с конституцией продолжала оставаться в компетенции императора, т.е. правительств в Вене и Будапеште. Роль сабора БиГ в законодательном процессе была определена статьей 21 Конституции: «На основании законов будет действовать сабор, в который население БиГ направит своих представителей». Сабор был лишен даже права участвовать в разработке всех законов. Его компетенция ограничивалась «исключительно вопросами, относящимися к БиГ». Объем этих полномочий был бы значителен, да и компетенция сабора была бы довольно обширна, если бы не формулировка статьи 37 Конституции, согласно которой законопроекты, относящиеся к его компетенции, должны были получить одобрение правительств обеих государств Монархии прежде, чем они будут переданы сабору». Кроме того согласно формулировке статьи 38 законы, «принятые сабором, нуждаются в утверждении Императора, которое исходатайствует общий министр финансов, получив предварительно согласие обоих государств Монархии».

Несмотря на все ограничения с точки зрения законодательства и управления, навязанные боснийскогерцеговинской автономии, конституцией и сопутствующими ей законами в политической жизни

inslav

страны были созданы три новых учреждения – сабор, бластной совет и совет округов (котарско виече). При этом законом гарантировались гражданские права, и регулировалась деятельность общественных организаций и собраний, поскольку без этого не мог существовать парламентаризм даже в том минимальном объеме, для которого было создано известное пространство. Соответственно, система босниийскогерцеговинской конституции базировалась на саборе и порядке выборов в него, Областном совете, Котарском виече и общих гражданских правах.

I. Состав сабора был сформирован путем сложной комбинации социальной, конфессиональной и «вирилистской» куриальной систем. В отличие от других представительных учреждений в Монархии, сабор БиГ не опирался на какую-либо особую отечественную традицию. В соответствии с порядком выборов в сабор, граждане БиГ, исходя из их конфессиональной принадлежностью, были разделены на несколько курий. Таким образом, каждой этноконфессиональной общности соответственно ее численности и удельному весу в структуре населения было гарантировано заранее определенное количество депутатских мандатов. Первоначально разделенные по этноконфессиональному принципу избиратели затем были разделены на курии по социальному принципу – городская, сельская, крупных землевладельцев, чиновников и интеллигенции. В сабор согласно численности жителей избирались 72 депутата. При этом католикам принадлежало 16, мусульманам 24 и православным 31 мандат и 1 мандат иудеям. Активным избирательным правом обладали «все жители БиГ мужского пола, которым на день выборов исполнилось 24 года, обладающие собственностью, проживающие в [стране] не менее одного года». Активным избирательным правом обладали и женщины, являвшиеся крупными землевладельцами, выплачивавшими земельный налог в 140 крон; тогда они могли голосовать в курии землевладельцев. Пассивным избирательным правом обладали мужчины в возрасте полных 30 лет, пользовавшиеся всеми гражданскими правами. Срок депутатского мандата составлял пять лет без права избирателей на отзыв. Председатель и вице-председатель сабора не избирались голосованием депутатов; в начале каждой сессии они назначались императором, исходившим из необходимости соблюдать конфессиональное равновесие и очередность. Наряду с избранными депутатами в сабор входили и «вирилисты» – лица, назначенные в состав сабора исходя из занимаемого ими положения и должности. Всего таких депутатов насчитывалось двадцать – рейс-ульулема, глава вакуфско-меарифского собрания,

inslav

сараевский и мостарский муфтий, а также по назначению самый верховный муфтий; четыре сербских православных митрополита и заместитель главы Великого административного и образовательного совета СПЦ; римскокатолический архиепископ, два представителя францисканской провинции; сефардский главный, председатель Верховного суда; председатель Палаты адвокатов в Сараево; градоначальник Сараево – главного города провинции, а также председатель Торговой и ремесленной палаты.

Было очевидно желание правительства обеспечить консервативный состав сабора. Хотя в принципе это гарантировал сам способ избрания депутатов, правительство на всякий случай застраховалось статьей 35, согласно которой «сабор не имел права вступать в сношения с другими представительными учреждениями и не имеет права выступать с публичными заявлениями». На заседания сабора не допускались любые депутации, а сам сабор не имеет права направлять «депутации» ко двору, за исключением тех случаев, когда ранее было выражено предварительное высшее одобрение императора.

II. Областной совет в качестве особого учреждения в такой ситуации сосредоточил в своих руках все связи сабора с остальными органами власти. В этот совет входило девять человек (четверо православных, три мусульманина и два католика), избираемых депутатами сабора «из своей среды на весь период данной сессии». Совет обладал правом по требованию правительства провинции выступать с заявлениями или высказывать мнение относительно общественных дел, в которых БиГ принимает участие». Правительства обоих государств Монархии могут совместно через «общего» министра финансов «запрашивать областной совет или же совет может таким же образом обращаться к ним с такими же представлениями». Председатель сабора одновременно занимал пост председателя областного совета.

III. Одновременно с конституцией был принят Закон о совете округов, который отменял существовавший до этого уездный административный меджлис. Были созданы окружные (котарские) советы в качестве своеобразных избираемых органов местного самоуправления. Выборы в эти советы также проводились на конфессиональной основе. Один мандат приходился на 1500 верующих данной конфессии в сельских общинах и на 750 – в городах. Мандат членов совета был действителен шесть лет. Любой избранный в совет моложе шестидесяти лет и находящийся в полном здравии был обязан принять мандат. Совет не мог ни обсуждать вопросы, касающиеся всей БиГ, ни принимать по ним решения. Его деятель-

inslav

ность сводилась к участию в управлении общественными делами округа (котара или среза). Ограниченность его компетенции, в особенности – ограниченность в средствах – лишали это учреждение политического значения. Правительство БиГ обладало правом роспуска совета в случае «пренебрежения им своими обязанностями»; в этом случае в течение трех месяцев назначались новые выборы в Совет.

IV. Наконец, в качестве некоей разновидности демократии в конституцию БиГ был механически перенесена статья 142 основного государственного закона от 21 декабря 1867 г., в котором содержалось положение о гражданских правах. Статьи со 2 по 30 конституции БиГ содержали положения о гражданских свободах, известные по большинству буржуазных конституций и декларациям о правах. Особое значение имела статья 11, согласно которой «всем жителям провинции гарантируется сохранение национальных особенностей и языка». Статья 20 давала правительству БиГ право в случае войны, беспорядков или акция, квалифицированных как государственная измена, отменить перечисленные в конституции гражданские права.

В соответствии с конституцией БиГ осталась единственной территорией с единой гражданской принадлежностью и представляющей собой особую административную единицу (territorium separatum) территорию, находившуюся под совместным управлением двух государств Монархии. Эта особая правовая субъктность БиГ частично выражалась в существовании сабора, а полностью – в существовании собственного правового порядка. В качестве третьего государственно-правового образования в границах Монархии, БиГ не могла даже после аннексии и дарования ей конституции непосредственно принимать участие в решении «общих» дел на уровне Австро-Венгрии как реальной и персональной унии. Однако уже само создание и функции совета провинции косвенно указывали на необходимость того, чтобы и с этой точки зрения постепенно с течением времени обеспечить определенное место БиГ. Несмотря на все ограничения, сабор БиГ представлял собой новую сцену в рамках новых ворм гражданской политической жизни (развития). Первые выборы в сабор были проведены по отдельным куриям с 18 по 28 мая 1910 г. СНО завоевала все мандаты, выделенные православным (всего 31), а МНО – все 24 выделенные мусульманам. Из 16 мест для католиков 12 получил ХНС, а ХКУ – четыре. В самом начале все депутаты, несмотря на партийные и конфессиональные различия, заняли наступательную позицию по отношению к власти, т.е. правительству. Большинство буржуазных политиков считало,

inslav

что сабор, несмотря на ограниченность своей компетенции, открывает «новый период» в политической жизни БиГ и является фундаментом для постепенного улучшения положения области и расширения политических прав.

За четыре года работы в саборе было множество случаев партийной, фракционной и коалиционной перегруппировки, отказа от мандатов и дополнительных выборов на освободившиеся места. Первые конфликты в саборе случились во время дебатов по проекту закона о сберегательных кассах на почтах, а межпартийные отношения и брожения со всей полнотой выразились во время дебатов о законе факультативном выкупе наделов кметов – самого значимого законопроекта, которым сабор БиГ в рамках Австро-Венгрии занимался за всю историю своего существования. Еще до их начала было заключено соглашение о солидарном голосовании между МНО и обеими хорватскими партиями, известное как хорватско-мусульманский пакт. Его участников назвали «пакташи». Пятеро депутатов от МНО отказались подписать пакт и сформировали в саборе собственную фракцию. После подписания пакта две Мусульманские партии – МНО и МНП – слились в Объединенную мусульманскую организацию (ОМО – русск.; UMO – босн.).

Одновременно произошел раскол в СНО, вызванный тем, что двенадцать депутатов, принадлежавших к группе газеты «Српска риеч» проголосовали вместе с хорватско-мусульманской коалицией за законопроект, представленный правительством. Хорватская сторона стремились придать пакту с мусульманами национально-политическое звучание, трактуя его как выбор Мусульманами хорватской идентичности. Мусульмане решительно отвергли попытки придать одному соглашению в саборе какое-либо национально-политическую трактовку. Это разочаровало хорватскую общественность и хорватских политиков, хотя сам пакт продемонстрировал свою прочность.

Правительство провинции не хотело опираться в саборе исключительно на мусульманско-хорватскую коалицию. Несмотря на то, что эта коалиция обеспечивала ему большинство, правительство настойчиво стремилось к созданию рабочего большинства, включавшего в себя представителей всех трех конфессий. При этом оно не стремилось к единогласию сабора, а к объединению тех депутатов – Мусульман, сербов и хорватов, которые были готовы работать над приданием формы законов различным проектам, связанным с потребностями и развитием области как целого. Руководитель сербской хозяйственной группы (газета «Српска риеч») Г. Ефтанович постоянно колебался между принадлежностью к «правительственному» ра-

inslav

бочему большинству и оппозиции. В конце концов, двенадцать входивших в его группу депутатов, поскольку их отвергли как власть в лице правительства, так и оппозиция, 13 сентября 1913 г. были вынуждены отказаться от мандатов. На дополнительных выборах в декабре того же года при поддержке правительства их места заняла группа во главе с адвокатом Д. Дуймовичем.

В противовес созданному таким образом «рабочему большинству» сформировалась оппозиция, в которую входили депутаты групп «Народ» и «Отаџбина», а также диссиденты,– по трое от Мусульман (Дервиш-бег Миралем, Васифбег Бишчевич и Мурад Сарич), и от хорватов (Лука Чабрайич, Вйекослав Елавич и Джюро Джамония). Таким образом, и правительственное большинство, и позиция были этнически разнородными.

Сабор БиГ в начале 1914 г. собрался на свою четвертую, последнюю сессию. Она проходила в относительно спокойной и деловой атмосфере вплоть до 28 июня 1914 г. – до убийства наследника императорского престола эрцгерцога Франца Фердинада. На следующий день сабор провел свое последнее, траурное заседание. На нем Сабор попытался поставить вопрос о представительстве БиГ в «регниколарних» делегациях[1]. В предшествовавшие этому событию месяцы 1914 г. сабор большое внимание уделял вопросу об использовании и названии официального языка, а также аграрному вопросу и планам превращения факультативного в обязательный выкуп кметов. Все эти новые тенденции в боснийской политики были прерваны покушением Гаврилы Принципа и Первой мировой войной.

Перевод с боснийского С. А. Романенко

Х. Камберович

МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ХОРВАТСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА[2]

Мусульманскую политическую общность в Боснии и Герцеговине (БиГ) в начале XX века представляли две политические органи-

[1] Делегаци, представлявшие Австрию и Венгрию при обсуждении «общих» дел согласно Соглашению 1867 г. Прим. перев.

[2] Данная статья основана на исследовании, выполненном в рамках научного проекта «Католицизм, ислам и православие в процессах формирования идентичности» в Боснии и Герцеговине», осуществленного при поддержке Министерства науки, образования и спорта Республики Хорватии. Написана специально для данного издания.

inslav

зации – Мусульманская национальная организация (МНО – русск.; MNO – босн.) и Мусульманская независимая партия (МНП – русск.; MSS – босн.). Их позиции по вопросу о национальной идентичности были различными. Общим у них было стремление к сохранению религиозной (конфессиональной) идентичности, а [этнический] национализм, который они считали символом вхождения в современную эпоху, воспринимался лишь узким кругом партийных активистов и деятелей культуры. В своей монографии о национальном самосознании мусульман Мухамед Хаджияхич высказал мысль о том, что у хорватов трактовка мусульманского национального сознания, проявившаяся во второй половине XIX – первой половине XX века, в большей степени носила культурный характер, в то время как у сербов – политический[1]. Но в обоих случаях ключевым является конфессиональный компонент сознания этнической общности. Распространение хорватского национализма среди мусульман БиГ в начале XX века надо рассматривать в контексте пропаганды идеологии хорватских «правашей», проводившуюся Хорватским национальным союзом (ХНС – русск.; HNZ – хорв.), которая исходила из представления о хорватского характера мусульманской общности БиГ, однако выступала за развитие культурной индивидуальности мусульман. ХНС пытался создать хорватскую поликонфессиональную общность («хрватство»), в то время как целью деятельности Хорватской католической унии (ХКУ – русск.; HKU – хорв.) было формирование в БиГ моноконфессиональной, т.е. католической хорватской общности. Большинство мусульманских политиков и деятелей культуры присоединилось к попыткам создания хорватской поликонфессиональной общности (например, Адем-ага Мешич, Сафвет-бег Башагич и др.), в рамках которой они стремились сохранить конфессиональную и культурную индивидуальность мусульман, которая впоследствии станет фундаментом интеграции нации босняков.

Важнейший этап развития национального движения мусульман и политической системы БиГ начался после 1906 г., когда была создана МНО. Однако надо иметь в виду, что сам акт образования партии 3 (или 4, как обозначено в воззвании) декабря 1906 г. лишь торжественно зафиксировал положение, фактически существовавшее с 1900 г. Однако формально создание политической партии не было провозглашено, поскольку австровенгерский режим не одобрял в Боснии узаконивания политических партий. Создание МНО означало начало организованной политической деятельности мусульман БиГ,

[1] См.: Hadžijahić M. Od tradicije do identiteta. Geneza nacionalnog pitanja bosanskih muslimana. Zagreb, 1990.

instlav

которая до того момента представляла собой систему взаимоотношений, зачастую основанных на системе интересов разных семейств. Из этой системы и выросла эта первая мусульманская политическая партия с тем, чтобы с 1906 г. в руководстве мусульманского национального движения группировка бегов получила ведущую роль, а Али-бег Фирдус стал ведущим оппозиционным лидером. Обо всем этом очень аргументированную и методологически основательную монографию написал американский историк Роберт Доня[1].

На создание МНО режим отреагировал привлечением к сотрудничеству других мусульманских политических партий, поскольку он стремился притупить направленные против режима оппозиционные клинки. Для этого был нанята целая группа его сторонников, которые должны были в короткий срок создать новую политическую партию. Хотя это и стало началом политического раскола в мусульманском движении (а этот политический раскол стала характерной чертой всей его истории в XX века, вплоть до последних событий начала XXI века), эта вновь созданная партия имела определенное значение в процессе саморазвития общества у мусульман-босняков. Так была создана Мусульманская прогрессистская партия (МПП – русск., MNS – босн.), впоследствии ставшая оппонентом МНО. Однако обе партии сыграли большую роль в формировании мусульманской идентичности. Нам представляется, что и МНО, и МПП, для того, чтобы сохранить мусульманскую идентичность отвергали хорватские [национальные] политические программы – как моноконфессиональную, так и поликонфессиональную. Это можно проследить на примере МПП.

Партия была основана в 1908 г. Ее печатный орган носил название Muslimanska svijest. В его первом номере, вышедшем в свет в среду 2 сентября 1908 г. была опубликована программа партии. В ней подчеркивалось, что цель МПП состоит в сплочении «все слоев нации для борьбы и самозащиты, для сохранения мусульманами в БиГ своей веры, своего имущества, своего общественного положения, своей индивидуальности». Партия должна была бороться против государственной автономии БиГ, в особенности против присоединения к Сербии, Черногории или к «какой-либо иному государственному образованию на Балканах». МПП подчеркивала, что МНО обманула надежды мусульман, убеждая их, что собственное спасение состоит в сотрудничестве с сербами. Поэтому МПП в качестве одной из своих целей провозгласила сопротивление этому сотрудничеству, которое называла «невозможным и неестественным». А в аграрной части про-

[1] Donia R. Islam pod dvoglavnim orlom. Muslimani Bosne i Hercegovine 1878.-1914. Prijev. s engl. Sarajevo, 2000.

inslav

граммы МПП подчеркивалась необходимость борьбы за законное устройство между ага (землевладельцами) и мустерджира (чифчия – крепостными крестьянами), основанное на Сафетской наредбе[1].

Хотя упор делался на конфессионально-религиозном, а не на этническом сознании, все же политическая программа МПП свидетельствовала: партия защищает тезис о том, что мусульмане являются «коренными дворянами-богомилами хорватского происхождения» и что по этой причине среди мусульман надо развивать хорватское национальное сознание. Именно этот пункт о необходимости укрепления хорватского национального сознания в мусульманской среде впоследствии станет отличительной чертой деятельности МПП в ближайшем будущем. Эту мысль ясно выразил Адем-ага Мешич в своей статье в газете Muslimanska svijest. В № 14 от 7 апреля 1909 г. он писал о предпринятой в Сараево попытке изменить вероисповедание девочке Пембе Хабибович. Мешич выступил против обращения в христианство и заявил, что мусульмане в БиГ испытывают симпатии по отношению к католикам, поскольку они – хорваты. «Мы, передовые мусульмане БиГ не симпатизируем боснийско-герцеговинским католикам, потому что они католики; мы, передовые мусульмане не являемся хорватами, потому что они католики; мы лишь потому симпатизируем католикам, потому что и они, и мы – хорваты» (выделено мной – Х.К.). Католики живут в Риме, а они итальянцы, во Франции – французы, в Англии – англичане, в Арабистане – арабы и т. д. Вышеперечисленные в разных странах католики не являются хорватами, и поэтому мы не испытываем никаких симпатий, мы о них и знать не хотим, а к католикам Боснии, Герцеговины, Хорватии, Славонии, Далмации и Истрии, как к хорватам – братьям по языку, питали до ныне самые большие симпатии и трудились во имя согласия между мусульманами и католиками-хорватами. Однако некоторые католические священники в своем религиозном фанатизме зашли так далеко, что стало возможным возведенное здание согласия разрушить до основания, и мы опасаемся, что он никогда более не будет воздвигнуто. Для всех мусульман вера – это самый большой идеал, а вместе с верой приходит национальность». Этими словами Адем-ага Мешич совершенно ясно выразил позицию мусульманской политической элиты, объединившейся вокруг МПП, по отношению к хорватской национальной идеологии начала XX века. Сам Мешич в своих «Мемуарах» писал, что хорватское национальное сознание

[1] Muslimanska svijest. Br. 1, Sarajevo 2. septembra 1908.

inslav

начало распространяться в конце 1880-х гг., а распространяли его студенты, обучавшиеся в Вене и Загребе. «У нас в Боснии начиная с 1880-х гг. начала пробуждаться хорватская идея, а с 1886 г. когда наши сыновья начали оправляться в университеты Загреба и Вены начала быстро развиваться "национализация". К нам, мусульманам возвращались наши студенты; они вели очень осторожные беседы – иногда с глазу на глаз, иногда при стечении народа. Они начали наполнять сердце и душу хорватским сознанием и доказывать, что мы по вере – мусульмане, а по национальности, по нашей малой и большой родине мы – хорваты. Православные сербы отговаривали мусульман от перехода в другую национальность. Мусульмане изначально не хотели и слышать о том, чтобы кто-нибудь назвал себя сербом мусульманского вероисповедания»[1].

В 1910 г. Мусульманская прогрессистская партия была распущена, и была создана Мусульманская независимая партия (МНП – русск.; MSS – босн.). Объявление об этом было опубликовано в печатном органе партии – газете Muslimanska svijest, первый номер которой вышел 5 февраля 1910 г. В национальном отношении МНП стремилась отказаться от идей, которые ранее защищала МПП. Мешич в «Мемуарах» отмечает, что на отказе от «национализации» мусульман в «хорватском направлении» в особенности настаивал Эсад эф. Кулович, поскольку усматривал, что подобный курс не поддерживается мусульманами-горожанами, в особенности – в крупных центрах, вроде Сараево и Мостара. Он считал также, что деятельность в направлении хорватской национальной идеологии привела бы партию в изоляцию по отношению к большинству исламской общности. Иными словами, тогда господствовало убеждение, что хорватской национальной идея не удалось распространиться среди рядовых мусульман. Еще в начале 1909 г. генерал М. Ауффенберг, посетивший БиГ в качестве командира XV армейского корпуса, писал, что меньшая часть мусульман группируется вокруг Адем-аги Мешича, в то время как большинство продолжает поддерживать Али-бега Фирдуса – руководителя МНО, которое в своей программе не выдвигало цели «национализации» мусульман на основе хорватской национальной идеи. В подробном докладе начала октября 1909 г. Ауффенберг пишет, что со стороны австровенгерских властей было бы ошибкой ожидать успеха т.наз. «Прогрессистской партии» среди босняков, поскольку речь идет о конгломерате разнородных элементов, лишенных хорошей организации и выдающегося руководителя; ее сторонников

[1] Mešić A. Memoari. Rukopis.

inslav

народ называет разными обидными прозвищами (напр. «бурановы подхалимы»[1] и др.)[2].

В апреле 1909 г. французский консул писал из Сараево, что «прогрессивные мусульмане» под руководством Адема-аги Мешича и Эсада эф. Куловича сконцентрированы на том, чтобы «удержать экономическую ситуацию и, если возможно, спасти политический и социальный престиж ислама. Будучи защитниками традиций и привилегий ага, они являются прогрессистами только по названию и по обращению, слегка осовремененным манерам»[3].

Учредительный съезд МНП состоялся в Сараево 10 апреля 1910 г. Мешич вспоминает, что на съезде была пересмотрена программа, из которой были исключены идеи о «национализации» мусульман в хорватском направлении[4]. В подробном докладе, который Михалич направил 11 апреля 1910 г. правительству провинции БиГ сообщалось, что на съезде присутствовало около 350 человек, 250-280 из которых представляли провинцию, а остальные – Сараево[5]. В качестве причины создания новой партии выступивший на съезде с главным докладом сараевский адвокат Акиф эф. Бисерович охарактеризовал общее положение мусульман следующими словами: «Мусульмане не прогрессируют, а регрессируют». По его мнению, поэтому-то мусульманам и нужна организация, под руководством которой они смогли бы встать на путь прогресса. В качестве второй причины он назвал необходимость защиты интересов босняков (мусульман) на предстоящих выборах в сабор БиГ, поскольку венские газеты сообщили о том, что при распределении мандатов по конфессиям мусульманам выделено меньшее число мандатов, чем им должно принадлежать по численности. Чтобы исправить эту ошибку Эсад эф. Кулович провел в Сараево заседание, на котором была сформирована депутация, выехавшая в Вену. Однако ей не удалось добиться никаких изменений, за исключением обещания того, что аграрный вопрос (т. е. выкуп кметов) не будет решаться путем принуждения, и что и далее сохранится статус кво. Аграрный вопрос и необходимость сохранения земельной собственности также был одной из причин создания МНП.

---

[1] Барон Буриан, Иштван (1851–1922) – венгр по национальности, 1915–1916, 1918 – министр иностранных дел Австро-Венгрии, 1916–1918 – министр финансов.

[2] Kapidžić H. Ispisi iz bečkih arhiva o predistoriji Prvog svjetskog rata. GADAR, god. X–XI, knjiga X–XI. Sarajevo, 1970–71. S. 501.

[3] Živanović M. Izveštaji diplomatskih predstavnika Francuske u Austro-Ugarskoj o događajima u Bosni i Hercegovini od završetka aneksione krize (marta 1909) do atentata Bogdana Žerajića (juna 1910) // Istorijski časopis. Knj. XVIII. Beograd, 1971. S. 472.

[4] Mešić A. Op. cit.

[5] Arhiv BiH. ZMF. Prez. 493/1910.

inslav

На учредительном съезде было избрано руководство партии, в которое вошло по три представителя от каждого округа, а также некоторое количество их заместителей. В руководство партии среди прочих вошли Али-бег Бишчевич из Бачког Новог села, Адем-ага Мешич из Тешня, Али-бег Алайбегович из Бихача, Мухаммед-ага Буковача из Петровца, Мухаммед-ага Ибрахимпашич из Бихача, Муяга Комадина из Мостара, Рагиб-бег Ресулбегович из Требинья, д-р Халид-бег Храсница, Авадага Шахинагич, Шемши-бег Салихбегович из Сараево и др.

На этом съезде не был принят устав партии; это, как и составление списков кандидатов на выборах в сабор было предоставлено руководству, поскольку в тот момент не было известно, состоится ли объединение, или, иными словами, предвыборный компромисс с МНО. Многие выступавшие высказались за компромисс с МНО и межпартийное согласие. Зайнил-ага Хасанбегович среди прочего заявил: «[Давайте] все вместе договоримся, поскольку все гибнет, оставьте уловки, изгоните из своей среды людей, которые [выступают] против согласия, поскольку мир идет к хиджрету»[1].

Фехим эф. Чурчич считал, что важнее всего – достичь соглашения с МНО, а Али-бег Алайбегович из Бихача сказал: «Мы, крайишники, выступаем за войну или за мир, мы крайишники, выступаем за согласие, но за честное, чтобы не потерять лицо, чтобы партия партию не унижала; мы должны защищать свою партию и не хотим никакого бесчестного соглашения. Для нас партия – это золотое яблоко, которое мы держим в одной руке; другая же рука поддерживает мир. Для этого необходимо, чтобы каждый защищал свою партию. Как видно, значительная часть господ выступает за согласие, да сейчас и наша партия. Пусть исполком публично откажется от "сербства" или "хорватства" и встанет на фундамент веры; тогда мы сразу же встанем рядом с ними. (....) Если будет осуществлено объединение, то тогда мы сможем создавать свои газеты и закрывать старые». Все же было принято решение том, что печатным органом партии будет газета «Muslimanska sloga». Это решение должно было стать

[1] Arhiv BiH. ZMF. Prez. 493/1910. Понятие можно толковать двояко. Имеется в виду необходимость объединения мусульманской общины в рамках исламского мира Кораническая аль-хиджра означает переселение Мухаммада – Мухаммеда и его сторонников из Мекки в Медину из-за неудач многолетней проповеди в родном городе. Переселение привело к соглашению с жителями Медины, признавших его вождем. С другой стороны, имеется средневековая традиция, когда руководители оппозиционных мусульманских движений, претендуя на роль обновителей ислама, называли «аль-хиджрет» переселение в их лагерь. См.: Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С.278. Прим. перев.

inslav

предзнаменованием готовности этой партии к сотрудничеству и согласию внутри босняцкого политического корпуса. Муяга Комадина подчеркивал: «Герцеговина не организовалась; мы ждем только согласия. Согласие должно состояться, об этом должен позаботиться комитет (т.е. руководство МНП – Х. К.) и брат протянет руку брату». Али-бег Алайбегович еще раз четко повторил, что он поддерживает согласие, однако «если это потребует бесчестья, согласия быть не должно. Да сгорит у них все, но унижения быть не должно». И в то время, как все в принципе выступали за согласие, некоторые раздоры уже возникли в ходе обсуждения о том, должно ли руководство партии избрать постоянного или же только временного председателя. Одни утверждали, что надо избрать постоянного, чтобы переговоры с МНО велись на равноправной основе, в то время, как другие (напр. Фехим еф. Чурчич) предлагали избрать только временного председателя, поскольку в случае объединения с МНО надо будет согласиться на руководство Али-бега Фирдуса. Этому решительно воспротивился Эсад эф. Кулович: «Разве вы хотите нас засунуть под Алибегову крышу? Я не пойду под нее»). В конце концов, было решено избрать постоянного председателя, а также создать Мусульманский центральный банк[1].

Хотя на учредительном съезде много обсуждали проблему согласия, все же босняки накануне выборов в сабор, так же как и позднее, в период деятельности сабора, была разделены на несколько политических группировок. Объединение МНО и МПП произошло только в 1911 г. В августе того же года была создана Объединенная мусульманская организация (или, как ее иногда называют, Общемусульманская организация (ОМО – русск.; UMO/ZMO – босн.)[2]. Из программы этой партии видно, что ее главной целью было чтобы «боснийскогерцеговинские мусульмане окажутся в силах сохранить свое положение и свою собственность, экономически и культурно могли стоять на достойной высоте». В политическом отношении партия выступала за автономию БиГ «не взирая на то, в каком составе будет находиться Габсбургская монархия», а в экономическая части программы особое внимание было уделено аграрному вопросу и путям его решения. Партия выступала за то, чтобы ограничить кметам права в лесах, принадлежавших бегам, «за которые ага сам платит налог». Она также требовала возвращения в собственность бегов лесов, о которых те имеют доказательства своего владения ими. Партия также выступала за неукоснительное выполнение по-

[1] Arhiv BiH. ZMF. Prez. 493/1910.
[2] Arhiv BiH. ZMF. Prez.1076/1911.

inslav

ложений Сафетской наредбы, а также древних обычаев, которые являлись настоящей основой для отношений кметов и бегов, в особенности, когда речь шла о кметском праве, согласно которому правом наследства обладали только ближайшие родственники, исключая зятьев, а также дальних родственников по женской линии и т. д. «Там, где кмет держит больше земли аги, чем он может успешно обрабатывать, полностью оправдан принцип – пусть ему по возможности оставят надел, который он в состоянии обрабатывать, а остальное пусть передадут хозяину земли в свободное владение». Программа требовала также выплату вознаграждения за убытки вакуфас за отчужденное имущество, которое было использовано «в общих государственных лесах, а присвоенное имущество вакуфов мущество было быть им возвращено». Программа партии затрагивала и проблему школьного образования. При этом партия выступала за открытие начальных духовных школ (мектебов). Выдвигались также требование уменьшения срока воинской службы на два года, предоставления права солдатам из БиГ служить исключительно в своем отечестве, а также требование предоставления возможности «военнослужащим-мусульманам получать освобождение от учений и работ с полудня не только в Рамазан, но и в священные для мусульман дни; в особенности же пусть молодые люди-мусульмане организуют особые комнаты для молебствий, в армии увеличится число имамов и будет введен пост армейского муфтия»[1]. Газета ОМО называлась «Zeman». В газете «Musavat» от 16 августа 1911 г. было опубликовано «Воззвание Объединенной мусульманской организации», содержавший программу новой партии[2]. Это воззвание не хотели подписывать Дервиш-бег Муралем, Осма-бег Пашич и Бечир-бег Градашчевич, которым это было доставлено на подпись, а также Марад Сарич и Васви-бег Бишчевич. Однако двум последним никто и не предлагал подписать его. Из сторонников МНП воззвание не подписали д-р Хрансица, Шачир эф. Панджа, Мустай-бег Узеирбегович, Зия-бег Пашич и, согласно «Мусавату», «еще два или три человека». Последний номер «Musavat» вышел 30 августа 1911 г. (номер 56. Год. VI), а первый номер «Zeman» в качестве печатного органа ОМО вышел 2 сентября 1911 г.

Главной причиной возникновения этой партии и ее вступления в коалицию с хорватскими партиями в саборе БиГ была необходимость обретения мусульманами достаточной силы для защиты своих интересов, связанных с решением аграрного вопроса. Мусульманские

[1] Arhiv BiH. ZMF. Prez.1076/1911.
[2] Musavat. Br.54, 16. avgust 1911.

inslav

депутаты никогда не согласиляться с обязательным выкупом кметов, а правительство никогда не одобрит подобный закон, заявил на одном из митингов Камил Карамехмедович. Вместе с Рагиб-бегом Джиничем он объяснял причину, по которой в саборе была заключена коалиция с хорватами, почему начала издаваться газета Zeman (чтобы можно было информировать не только Мусульман в БиГ, но и весь мир»), почему создан Мусульманский банк («Нация богата только тогда, когда, становятся богатыми отдельные люди»).

Одна группа Мусульманских депутатов во главе с Дервиш-бегом Миралемом уже после подписания хорватско-мусульманского пакта 31 марта 1911 г. вышла из Мусульманского клуба в саборе и не согласилась с созданием ОМО в августе 1911 г. и ее коалиции с хорватами, в особенности – с позицией ОМО о положении БиГ в Габсбургской монархии[1]. Дервиш-бег Муралем создал собственную партию под прежним названием – Мусульманская национальная организация, а ее печатным органом стала газета Novi Musavat. Ее первый номер вышел 30 декабря 1911 г[2]. Вместе с Дервиш-бегом в партию вошли Мурад Сарич, Бечир-бег Градашчевич, Османг-бег Пашич и Васиф-бег Бишчевич. Оскар Потиорек назвал эту группу небольшой, но очень активной группой в саборе БиГ, «которая из-за своего сербофильского характера в определенный момент может рассчитывать на поддержку сербского клуба». В то же время группа видных членов МНП во главе с д-ром Халид-бегом Хранснцей и Эсадом эф. Куловичем выступала против объединения МПП и МНО и продолжила свою деятельность в качестве Мусульманской независимой партии (МНП) в газетой «Муслиманска слога»[3]. Таким образом, все различия по вопросу о национально-политических перспективах Мусульман проявлялись в саборе БиГ, однако все они до конца Первой мировой войны присутствовали и в общественном дискурсе.

---

[1] ОМО выступала за «автономию БиГ, будь то в дуалистической или триалистической монархии; мы не будем препятствовать братьям-хорватам и католикам в их государственно-правовых устремлениях», в то время как группа Дервиш-бега Муралема придерживалась первого варианта программы МНО, согласно которому «государственно-правовое положение БиГ в качестве особого государственной и административной территории определено императорско-королевским актом от 5 октября 1908 г., таким образом, и в дальнейшем предполагают остаться неразделимыми и обособленными, управляемым в соответствии с современными принципами конституционного государства» (См.: Novi Musavat, 30.12.1911).

[2] Arhiv BiH, ZMF, prez.28/1912.

[3] Juzbašić Dž. Nacionalno-politički odnosi u Bosansko-hercegovačkom saboru i jezičko pitanje. (1910-1914). Sarajevo, 1999. S. 95.

inslav

И. Г. Буркут

ПОДУНАЙСКИЕ РУСИНЫ: МЕЖДУ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОБЫТНОСТЬЮ И АССИМИЛЯЦИЕЙ (XVIIIВ. – 1918 Г.)

В средине XVIII века активно заселялись наддунайские земли, отвоеванные Габсбургами у Османской империи. Среди переселенцев в Бачку, Срем и Славонию оказалось немало русинов – выходцев из северных комитатов Венгрии (Унг, Земплен, Абауй, Боршод, Сатмар, Берег, Угоча, Шарош и Марамарош)[1]. По-венгерски эти земли в Карпатах назывались Felvid k, т.е. «Верхняя земля». Русины же называли их Горнїца, от слова „горы". Главным стимулом для переселения была надежда на получение свободных земель в новоприсоединенных областях. Готовыми к выезду туда оказались горцы, занимавшиеся отгонным скотоводством, рубкой леса и лесосплавом. Эти тяжёлые физические работы не приносили им достаточной прибыли, а работа на плодородной земле представлялась более надёжным источником существования. Первые переселенцы отправились в путь на свой страх и риск ещё в 1743 г., поселившись в городе Кула. С 1751 г. стихийное переселение уступило место организованному[2]. Венгерские власти начали направлять миграционный поток в места, заранее избранные для интенсивной колонизации.

Преимущество при переселении получали греко-католики. Вместе с ними на юг отправились и православные, а в православие во время переселения перешла и часть униатов. Венгерские чиновники, занимавшиеся вопросами миграции, при выдаче документов переселенцам предлагали им мадьяризировать свои фамилии. Если русины соглашались, то их родовые фамилии переводились на венгерский язык: Жук ставал Богаром, Пастух – Югасом, Шульга – Балогой, Миколаев – Миклошевым и др. Отрываясь от своих корней, люди легче поддавались ассимиляторскому давлению, чем в привычной с детства среде. Этим и пользовались представители властей. Правда, смена фамилии ещё далеко не означала смены этнической самоидентификации, лишь создавала некоторые предпосылки к ней.

Миграционный поток с территории современной Закарпатской области Украины, словацкой Пряшевщины и румынского Марамуреша сначала направлялся в село в исторической области Бачка,

---

[1] Олєяр Я. Монография Руского Керестура (II) // Нова думка. Вуковар. 1983. № 35. С. 71.

[2] Лабош Ф. История Русинох Бачкей, Сриму и Славониї 1745–1918. Доселенє, ґаздовски, просвитни, культурни и духовни живот. Вуковар, 1979. С. 182.

inslav

получившее название Русский Керестур (русины называют его Руски Керестур, сербы – Руски Крстур). Ныне Бачка и левобережная часть Срема находятся на территории Сербии. Крестьяне получали здесь землю в аренду по количеству работников в семье – по 32 хольда поля и 22 хольда луга[1]. Один гольд составлял 0,57 га. Арендатор имел право свободно покинуть надел. Таким образом, условия переселения оказались в целом благоприятными.

Однако в среде переселенцев вскоре возник серьезный конфликт. В 1751–1752 гг. началась борьба между греко-католиками и православными за только что построенное здание церкви, в конфликт вмешались власти. Активистов православной общины сослали на принудительные работы, а часть рядовых членов общины переехала в сербские села, под защиту единоверцев[2]. Очутившись в ином этническом окружении, они постепенно были ассимилированы сербским большинством.

А греко-католики в Керестуре взяли под свой контроль и церковь, и открывшуюся при ней приходскую школу. Количество грамотных людей тут возрастало. Село превращалось в своеобразный культурный центр для русинов-переселенцев, оседавших во многих населенных пунктах Бачки и Срема. Но на роль культурного центра претендовало также село Коцур (сербское название Куцура), расположенное невдалеке. В этих двух селах русины составляли подавляющее большинство населения.

Среди первых переселенцев была особая категория, которую документы того времени обозначали как "Rutheni hospites vere uniti liberae migrationis"[3], т. е. «русины-иностранцы, настоящие униаты, свободно переселившиеся». Судя по всему, это были выходцы из Прикарпатья, которое тогда находилось под властью Речи Посполитой. Узнав о заселении новых земель, они вместе с подданными Австрийской империи, такими же русинами греко-католиками, отправились к Дунаю.

Первая волна русинского переселения в Бачку и соседний Срем продолжалась с 1743 г. до 1787 г. Русины начали селиться и в городах, являясь тут малозаметным меньшинством. Так, их община сформировалась в Нови Саде (сербское название Нови Сад, венгерское – Új vidék, т.е. «Новое поселение»). Однако подавляющее большинство русинов-переселенцев и их потомков жило в сéлах, оставаясь крестьянами, а небольшая часть – сельскими ремесленниками, священниками, учителями.

[1] Буркут І.Г., Малиновська О.А. Українці в Югославії // Трибуна. Київ. 1991. № 8. С. 14.

[2] Рамач Я. Кратка история Руснацох 1745–1918. Нови Сад, 1993. С. 63.

[3] Пушкашова М. Руснаци у Новим Садзе // Народни календар 1966. Руски Керестур, 1965. С. 65.

inslav

Бачванско-сремские русины старались селиться компактно, даже если в том или ином населённом пункте их было немного. Внутри общины устанавливались очень тесные связи, им способствовало языковое и конфессиональное отличие русинов от окружающего населения. Рядом с ними жили римо-католики – венгры и хорваты, православные – сербы и румыны. А русины оставались греко-католиками и старались сохранять веру своих отцов и дедов. В немалой степени этому способствовала и преференционная эндогамия в их среде: браки заключались, как правило, только с единоверцами. На протяжении нескольких поколений практически все русины в местах их нового проживания опутывались родственными связями. А это ещё сильнее укрепляло у них чувство общности.

Семья и церковь оставались важнейшими факторами сохранения собственной этнической идентичности. Ещё одним определяющим фактором была школа. Церковно-приходские школы Керестура и Коцура выпускали немало грамотных людей. В 90-х гг. XVIII века первый и второй классы керестурской школы посещало от 200 до 350 учащихся, а третий и четвёртый – 100-200 детей. Число учеников в Коцуре было примерно наполовину меньшим[1]. А в Нови Саде школу для русинских детей открыли лишь в 1863г., и в ней сначала обучалось только 32 ученика. Окончив приходские школы, некоторые русинские дети продолжали обучение в гимназиях городов Сегеда и Варадина.

Следует подчеркнуть, что со своей исторической Родины переселенцы принесли в придунайские земли определённое количество рукописей духовного и светского содержания, написанных на церковнославянском языке. Писать русины продолжали и в новых местах поселения: летописные заметки в Керестуре, например, велись с 1746 г.[2] На основе старых рукописей и более поздних записей составлялись новые сборники и песенники. Их тексты при многократном переписывании всё больше приближались к разговорному языку, которым пользовались в быту русины.

Этот язык рождался на основе нескольких диалектов, которыми говорили предки переселенцев в родных местах. Характерными для них были заимствования из словацкого, польского, венгерского, немецкого, отчасти румынского языков. В новых местах поселения русины постоянно общались с соседями – сербами и хорватами, перенимая немало их слов. Говор бачванско-сремских русинов все больше отдалялся от языка, которым пользуются на их исторической родине.

---

[1] Лабош Ф. Op. cit. С. 251.

[2] Гнатюк В. Керестурська хроніка // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1903. Т. 53. С. 5.

inslav

Однако генетическая связь с лемковским диалектом сохранялась. Для сохранения и развития языка особое значение имеют живые контакты с его носителями. В русинские села Бачки и Срема время от времени переезжали священники из Закарпатья и Пряшевщины, что позволяло переселенцам не утратить окончательно языковый контакт с отчизной предков. Однако сами они, занятые хозяйством, очень редко посещали „Горнїцу": прокормить многодетную семью крестьянским трудом было непросто.

Уже в начале XIX века русинские сёла начали испытывать перенаселение. Условия аренды запрещали делить землю между наследниками, ее получал лишь один сын. Поэтому безземельные русины вынуждены были покидать Керестур и Коцур, часть из них переселялась за Дунай, в Славонию. В новых местах по традиции они селились группами и не теряли связей с Керестуром, называя его «маткой». Оседая в новом месте, группа русинов сразу же всем миром собирала деньги, чтобы купить два дома – для церкви и школы. Этим в значительной мере закладывались основы сохранения собственной этнонациональной идентичности.

Революция 1848–1849 гг. способствовала подъёму национального самосознания у бачванско-сремских русинов. Им пришлось активно противостоять ассимиляторскому наступлению властей, и в борьбе против насильственной мадьяризации были достигнуты заметные успехи. В дореволюционные годы в русинских школах все больше времени отводилось преподаванию венгерского языка. А во время революции русины добились того, что обучение в их школах велось только на родном языке. На протяжении нескольких лет, до 1853 г. включительно, венгерский язык был вытеснен из этих школ полностью.

До середины XIX века бачванско-сремские русины имели лишь опыт пассивного противостояния ассимиляторской политике властей. Революция же стимулировала сознательную борьбу за сохранение собственной этнонациональной идентичности. Вследствие внутреннего развития русинских общин в их среде вызрело понимание необходимости решительного противостояния мадьяризации. Способствовала этому и новая волна переселения из Карпатского региона. Она шла из Пряшевщины, Лемковщины и Галиции. Поселяясь рядом с бачванско-сремскими русинами, новые переселенцы быстро сливались с ними. Русинское население Бачки и Срема во второй половине XIX века превысило 20 тыс. чел.[1]

[1] Biederman H.J. Die ungarische Ruthenen, ihr wohngebist, ihr erwerb und ihre geschichte. Innsbruck, 1862. S. 35.

inslav

Постепенно возрастал культурно-образовательный уровень переселенцев и их потомков. В 70-х гг. XIX века начинают создаваться первые читальни в русинских селах Бачки и Срема. Туда поступают периодические издания из Закарпатья, Галиции и Буковины. Во второй половине XIX столетия Галицию и Буковину захлестнула борьба между «русофилами» и «народовцами». Первые были ориентированы на Россию, считая русинов составной частью «единого русского народа от Карпат до Тихого океана». Вторые же считали, что русины – неотъемлемая часть украинского народа, а сам народ имеет право на отдельное этническое существование.

И «русофилы», и «народовцы» издавали немало литературы и периодики. Некоторые из этих изданий поступали в читальни русинских сёл Бачки и Срема. Рядом с подшивками русофильского «Слова» могли лежать подшивки народовского «Діла», а на полках стояли книги русофильского Общества им. М. Качковского и народовской «Просвіти». Подписывали читальни и будапештскую «Неделю», которая издавалась для всех «угро-росов», проживавших в землях короны святого Иштвана.

Собственная издательская деятельность бачванско-сремских русинов началась лишь в конце XIX века. Правда, первый фольклорный сборник, составленный ректором Греко-католической семинарии в Вене Николаем Надем (1819–1862) вышел в свет ещё в 1851 г.[1] Но его издание осталось почти незамеченным. Значительно больший резонанс имел иной сборник с таким же названием «Русский соловей», составленный учителем из Керестура Михаилом Врабелем, изданный в 1890г.[2] Этот сборник вызвал большой интерес среди галичан и буковинцев. После знакомства с ним талантливый украинский этнограф и фольклорист В.М. Гнатюк (1871–1926) в 1897 г. отправился в экспедицию в придунайские земли, где собрал значительный научный материал о жизни бачванско-сремских русинов. Научное общество им. Шевченко издало эти материалы.

В. Гнатюк, в частности, детально исследовал организацию местного самоуправления в Коцуре. Каждая этническая община имела в органах самоуправления своих представителей пропорционально к её численности. Староста (или биров – от венгерского названия этой должности bir) избирался по очереди от каждой общины. Поскольку русинов в селе было столько же, сколько немцев и венгров вместе взятых, то староста-русин управлял шесть лет подряд, а немец и венгр – только по три. Язык русинов в Коцуре играл роль средства межнационального общения: немцы говорили с венграми по-русински.

[1] Нодь Н. Русскій соловей. І. Пеніє. Ведень, 1851.
[2] Українці в зарубіжному світі. Київ, 1991. С. 107.

inslav

К началу XX века вопрос родного языка приобрёл особое значение для бачванско-сремских русинов. Быстрое экономическое развитие расширяло и углубляло связи между отдельными населенными пунктами, где проживали русины. А они общались разными говорами, не всегда понятными для уроженцев различных местностей. Подавляющее большинство из них не знало ни украинского, ни русского литературных языков. Бачванско-сремские русины оказались в относительной изоляции от своей этнической Отчизны, где в то время проходили интенсивные этнические процессы. Оказавшись вне процессов нациогенеза современной украинской нации, они всё больше отдалялись в языковом и культурном отношении от автохтонного населения Карпатского региона.

Острая потребность в понятном всем бачванско-сремским русинам литературном языке породила своеобразный вариант литературного микро-языка. Он возник на основе говоров жителей Керестура, уроженец которого Гавриил Костельник (1886–1948) в 1904 г. издал поэму «З мойого валала» («Из моего села») – первое произведение на светскую тематику в литературе бачванско-сремских русинов. Молодой поэт использовал вариант кириллицы, подобный украинскому. А в 1923 г. он опубликовал первую грамматику этого языка, что позволило начать преподавание на «бачванско-сремском литературном языке» в школах национального меньшинства[1]. Именно этому языку принадлежит особое место в сохранении отдельного этнонационального сознания русинов Бачки, Срема и Славонии – благодаря своему наречию они могли успешно противостоять мадьяризации.

А в конце XIX века Будапешт усилил ассимиляционное давление на русинов. С 1879 г. в их церковно-приходских школах было введено обязательное изучение венгерского языка. В 1898 г. начальную школу в Керестуре перевели в ранг государственной, где почти все предметы читались по-венгерски. Язык русинов остался отдельным учебным предметом, по-русински преподавался ещё Закон Божий. В связи с тем, что дети учили только венгерский алфавит, они и на родном языке начинали писать теми буквами, которые знали. Были и другие признаки ускоренной ассимиляции. Так, Владимир Гнатюк заметил: на улицах Керестура школьники здоровались с незнакомцем по-венгерски, в то время как представители старшего поколения приветствовали приезжих по-русински.

[1] Костельник Г. Граматика бачваньско-рускей бешеди // Проза на бачванско-сримским руским литературним язику. Нови Сад, 1975. С. 207–314.

inslav

Жители Коцура учли печальный опыт керестурцев. Они отстояли в своём селе церковно-приходскую школу, которую содержали за собственные деньги. Крестьяне говорили: „Готове зме дац и остатню кошулю лєм да и далєй затримаме руску конфесионалну школу" (т. е.: «Мы готовы отдать и последнюю рубашку, чтобы только и далее сохранять русинскую церковно-приходскую школу»)[1]. Молодежь села активно участвовала в культурной жизни общины и много усилий потратила на то, чтобы сохранить русинское самосознание. В начале 1913 г. учащиеся и выпускники школы дали первое театральное представление на родном языке, что имело большой резонанс среди русинского населения Бачки, Срема и Славонии.

А оно постепенно возрастало. Выходцы из Керестура и Коцура еще в начале XIX век начали оседать в хорватской (задунайской) части Срема и в Славонии. Они составили значительную часть населения сёл Янковцы и Петровцы. Сюда же переехали и семьи непосредственно из Закарпатья и Галиции. В 1849 г. образовалась крупная русинская община в селе Миклошевцы. Русинское население появилось в селах Пишкоревцы, Верхние и Нижние Андреевцы и некоторых других. Не только в сёлах, но и в ряде хорватских городов возникли русинские общины: группы русинов поселились в сремском городе Вуковар и в славонском городе Осиек.

Если на сербских землях русины испытывали определённое ассимиляционное давление со стороны Сербской православной церкви, то в хорватских на них давили римско-католические священники – хорваты. Здесь находилась Крижевацкая епархия, в юрисдикции которой оказались все греко-католические приходы Бачки, Срема и Славонии. Эту епархию основал в 1777 г. Римский Папа Пий IV[2]. Сначала ей подчинялись только сербы, принявшие унию. В их храмах службу вели священники-хорваты, которые латинизировали обряд, чем прервали старую византийскую традицию. Верность восточному обряду для сербов имела особое значение. Именно этот фактор наиболее зримо отличал их от хорватов, с которыми сербы говорили практически на одном языке. Утратив восточный обряд, сербы-католики постепенно изменили собственную этнонациональную идентификацию, определяя себя уже как хорватов.

Крижевацкие епископы пытались использовать этот опыт и для ассимиляции русинов, назначая в их приходы священников-хорватов. Те вводили в богослужение латинский язык, записи в церковных книгах делали латиницей. Однако верующие русины требовали сохра-

[1] Лабош Ф. Op. cit. С. 271.
[2] Федорів Ю. Історія церкви в Україні. Люблін, 1991. С. 283.

inslav

нения восточного обряда, церковнославянского языка богослужения, а также назначения в их приходы священников, хорошо владеющих этим языком. Их требования в конце концов были удовлетворены. В Загребе открыли греко-католическую семинарию, выпускники которой в целом отвечали запросам прихожан.

Активная позиция бачванско-сремских русинов в отстаивании своих традиций дала им возможность избежать ассимиляции, которой ранее подверглись сербы-католики в придунайских землях. Проживая в этносмешанной среде, большинство русинов владело языками соседей. Однако они сохраняли и родную речь, лелеяли традиции культуры своих предков. Аутоэтноним русины ими употреблялся последовательно и постоянно. Но в начале XX века среди них некоторое распространение получил и этноним украинцы. С 1890 по 1914 гг. по инициативе Львовской греко-католической митрополии происходило переселение крестьян из Галиции и, частично, Буковины в Боснию. Некоторые из новых переселенцев, не устроившись в Боснии, перебирались в русинские села Бачки, Срема и Славонии[1]. В их среде, наряду со старым самоназванием русины уже употреблялось и новое – украинцы. Его перенимала некоторая часть бачванско-сремских русинов, как правило – образованная молодежь.

Способствовала его распространению и литература, издававшаяся галицкими и буковинскими «народовцами». Однако русины Бачки, Срема и Славонии стояли вне острой идейно-политической борьбы между «русофилами» и «народовцами»: в их среде не существовало ни внутренних предпосылок для такого противостояния, ни достаточного внешнего давления. Иное дело – Галиция и Буковина. По мере вызревания противоречий между Российской империей и монархией Габсбургов, Петербург и Вена все больше стимулировали участников этого противостояния. В 1914–1918 гг. Галиция и Буковина превратились в театр боевых действий, и десятки тысяч их жителей стали жертвами репрессий против «москвофилов» со стороны австрийских властей. Немало активистов украинских организаций пострадало от преследований со стороны русских военных властей.

А бачванско-сремские русины оказались далёкими от этих событий. Лишь очень небольшое их число втянулось в эту жестокую борьбу двух национальных ориентаций. Среди них – упоминавшийся Гавриил Костельник. Получив духовное образование, он

[1] Терлюк І. Шляхами тернистими // Руске слово. Нови Сад. 1989. 27 січ. С. 2 (Додаток на українській мові).

inslav

остался во Львове, стал профессором духовной академии. Избрав украинскую ориентацию, объяснил своё решение в статье „Чом сом постал Українец?" («Почему я стал украинцем?»)[1]. Судьба его сложилась трагически. Младший сын Г. Костельника, Богдан, в 1940 г. был казнен советскими властями как подпольщик-разведчик ОУН[2]. Старший сын, Ириней, добровольно вступил в дивизию СС-Галичина и пропал без вести. Сам Гавриил Костельник стал одним из инициаторов ликвидации Брестской унии и проведения Львовского церковного собора 1946 г. А 20 сентября 1948 г. он пал жертвой теракта, проведенного боевиком ОУН.

Подавляющее большинство бачванско-сремских русинов оставалось вдалеке от подобных событий. Самоназвание украинцы не получило в их среде заметного распространения, себя же они продолжали определять как русины. От переселения в придунайские области в середине XVIII века и до крушения Австро-Венгрии в 1918 г. они сумели сохранить собственную этническую самобытность и смогли противостоять как попыткам насильственной денационализации со стороны венгерских властей, так и естественным ассимиляционным процессам. Этому способствовали следующие факторы:

1. Наличие компактных русинских поселений.
2. Преференционная эндогамия и тесные родственные связи в русинских общинах.
3. Принадлежность подавляющего большинства русинов к греко-католической конфессии.
4. Наличие школ на родном языке, развитие собственных учреждений культуры (читален и т.п.); создание своего литературного микро-языка.
5. Отсутствие тесных и постоянных связей с этнической Отчизной и, как следствие, неучастие в процессе нациогенеза современной украинской нации.

Таким образом, на территорию Бачки, Срема и Славонии в период существования монархии Габсбургов переселились группы русинов из Закарпатья, Пряшевщины, Марамуреша, Лемковщины и Галичины. Они сумели сохранить свою этническую самобытность и существуют до сих пор, используя традиционное самоназвание русины и сохраняя свой язык и свою культуру.

---

[1] Костельник Г. Чом сом постал Українец? / Проза на бачванско-сримским руским литературним язику. Нови Сад. Руске слово. 1975. С. 129–136.

[2] Д. В. Украинский фронт в войнах спецслужб: Исторические очерки. Київ, 2008. С. 374.

inslav

С.М. Фалькович

ПОЛЬСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И МОНАРХИЯ ГАБСБУРГОВ: ПРОБЛЕМЫ АВСТРОФИЛЬСТВА, АВСТРОСЛАВИЗМА, ФЕДЕРАЛИЗМА, ДУАЛИЗМА

Австрийская империя являлась одной из трех держав, разделивших в конце XVIII века Речь Посполитую, и поляки с самого начала видели в ней врага-захватчика и угнетателя. На фоне существования в 1815–1830 гг. автономного конституционного Королевства Польского австрийское иго казалось им особенно ненавистным: царские шпионы, характеризовавшие настроения в Галиции в 1820-е гг., сообщали о готовности ее жителей поддержать Россию в случае австро-русской войны. Правда, часть галицийской шляхты и магнатов ориентировалась на Габсбургов и благосклонно рассматривала возможность объединения под их скипетром Галиции и Королевства Польского[1]. Однако, позиция, занятая Веной во время восстания 1830–1831 гг. в Королевстве, и последовавшее за этим ужесточение политического курса Габсбургов утвердили деятелей польского национального движения во мнении, что Австрийская монархия – «враг всех славян от века», и, прежде всего, «одного из знаменитейших славянских племен» - польского народа, свободу которого она подавляла[2].

Польские политики, в первую очередь, деятели консервативной эмиграции, объединявшейся вокруг партии Отеля Лямбер (названной по имени парижской резиденции князей Чарторыских), делали акцент на славянском вопросе не только потому, что значительная часть славянских народов находилась в составе Австрийской империи, но также из-за опасения использования славянской карты другим врагом Польши - царской Россией, которая выступала как покровительница славян и лидер славянского мира. Пропаганде «русского панславизма» Отель Лямбер стремился противопоставить идею «сла-

[1] Archiwum Główne Akt Dawnych. Policja tajna Wielkiego księcia Konstantego. 33. K. 233, 248; 35. K. 79, 84, 217; 36. K. 94, 99, 117–118, 164; 37. K. 212. См. также: Фалькович С.М. Общественное движение в Королевстве Польском глазами царского сыска (1815 – 1830) // Ruchy społeczne w Polsce i Rosji do II wojny światowej. Warszawa, 2005. S. 115–116.

[2] Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001. С. 274; Фалькович С.М. Польское национально-освободительное движение между панславизмом и пангерманизмом (конец XVIII – начало XX вв.) // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике. XVI-XX вв. М., 2002. С. 231.

inslav

визма свободного и независимого от всех иностранных влияний»[1]. В то же время делалась ссылка на религиозный фактор: под предлогом «защиты католицизма» призыв к «независимому славизму» превращался в лозунг «польского славизма», предполагалось, что «верховенство» в славянском мире должны иметь поляки. Поэтому задачей польских консервативных политиков было «ополячить славянщину»: руководитель агентуры Отеля Лямбер на Востоке, и прежде всего на Балканах, М. Чайковский подчеркивал, что «отвлечение славян от московского панславизма» – это «главная цель [...] усилий, цель достижимая, ибо славянским движением до сих пор никто не овладел». То обстоятельство, что во время революции 1848–1849 гг. Вена сумела использовать славян против венгров, он объяснял просто: «славяне ошиблись в выборе вождя». Деятели консервативного лагеря признали и собственную ошибку: поддержка поляками революционной борьбы венгров, не считавшихся с национальными правами и стремлениями славянских народов Австрийской империи, способствовала созданию в глазах славян негативного польского стереотипа. Сгладить негативное впечатление сторонники Отеля Лямбер пытались декларациями об «уважении национальностей», но, хотя они предпочли бы видеть славян независимыми от Австрии, тем не менее, они разделяли мнение сербского князя Александра о возможности для славян признать австрийскую или турецкую власть, «лишь бы не московскую». К тому же в начале революции 1848–1849 гг. деятели консервативной польской эмиграции рассчитывали на распад монархии Габсбургов и беспокоились лишь о том, чтобы австрийские славяне не попали под власть России или Пруссии. Нельзя было также не учитывать факт провозглашения на Славянском съезде в Праге в 1848 г. лозунга славянской федерации, в которую хотели преобразовать Австрийскую империю. Поэтому Отель Лямбер не исключал возможности создания «славянского царства под Габсбургами». Во всяком случае то, что «Австрийское государство должно рано или поздно преобразоваться в славянскую федерацию», казалось сторонникам Чарторыских «несомненным»[2].

«Австрийский» вариант славянской федерации стал для них более приемлемым еще и потому, что в результате революции 1848–1849 гг. не произошло того, чего Отель Лямбер сильно опасался, а именно, объединения германских государств во главе с Австрией и, как следствие, усиления монархии Габсбургов. В прессе консервативной

[1] Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. 5387 III. K.7; Borejsza J.W. Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966. S. 288.

[2] Европейские революции ... С. 268–269.

inslav

эмиграции высказывалось мнение, что Австрийская империя, объединявшая много разных народов, не смогла бы проводить активной германизаторской и ассимиляторской политики, а публицист этого лагеря Ю. Клячко считал, что Австрия как государство «католическое, феодальное и восточное» не способно и в будущем сыграть руководящую роль в деле объединения Германии, «подлинный дух которой – мещанский, либеральный и ярко протестантский». Из всего этого делался вывод о сложившихся в монархии Габсбургов более благоприятных условиях развития польской нации, по сравнению с условиями, существовавшими на польских землях под властью России и Пруссии[1]. Так, в 50-е гг. XIX в. в кругах, близких к партии Чарторыских, вызрела идея сделать ставку на развитие национальной жизни поляков в Галиции под скипетром австрийского императора.

Реальность такого замысла как бы подтверждалась самой политикой Вены в это время: в 1859 г. поляк А. Голуховский, в прошлом наместник Галиции, был назначен министром внутренних дел Австрии, а в 1860 г. власти издали так называемый Октябрьский диплом, несколько расширивший права рейхсрата и местных ландтагов. Это вдохновило политиков Отеля Лямбер на построение более широких планов: опираясь на принципы Октябрьского диплома, заручиться поддержкой Австрии для постановки польского вопроса на европейской политической арене, связать Вену с делом восстановления польского государства. Галиция должна была получить широкую автономию, стать «польским Пьемонтом»; предполагалось, что «жизнь одной провинции согреет остальные». Об этом заявил А. Чарторыский в речи 29 ноября 1860 г. Его партия обратилась к австрийскому императору с предложением сделать наместником будущей автономной Галиции эрцгерцога – представителя династии Габсбургов, а Голуховский даже выдвигал проект объединения под их властью Галиции и Королевства Польского[2]. Тем самым подтверждалось стремление реализовать последовательные шаги на пути к конечному результату – установлению персональной унии возрожденной Польши с Австрийской империей. Эти шаги предполагали, что Вена столкнется с Россией и выступит против нее и царского панславизма. Особые надежды на Австрию как на католическую державу, естественно противостоящую России, возлагало ультрамонтанское крыло консервативной эмиграции. Его лидер

[1] «Wiadomości polskie». Paryż. 27.XI 1858: Klaczko J. Studia dyplomatyczne. Sprawa polska – sprawa duńska (1863–1865). Kraków, 1903. T.I. S. 65–71, 92.

[2] Zdrada J. Sprawa autonomii galicyjskiej w polityce Hotelu Lambert w latach 1859-1873 // Studia historyczne. Kraków, 1967. Zeszyt 3/4 (38/39). S. 44, 54–56.

inslav

В. Замойский писал А. Чарторыскому, что Австрия могла бы сделать себе из Галиции не только «щит», но и «оружие для достойнейших целей». Время осуществления этих целей не ограничивалось: «Хотя бы нам и пришлось долго ждать полного решения судеб Польши, – заявлял Замойский, – Галиция уже в самой себе может развить столь великую силу, что сумеет быть и терпеливой, и верной государству, которое в такой степени возвратит ей жизнь»[1].

В том, что развитие Галиции возможно под властью Габсбургов, что Австрия не заинтересована в денационализации польского народа, так как это играло бы на руку царскому панславизму, партия Чарторыских стремилась убедить галицийских поляков. Но в самой провинции подобные мысли высказывались и раньше: еще в 1846 г. А. Фредро писал Ф. Стадиону, что Галиция, если получит автономию, «станет крепостным валом и пунктом опоры для многих славянских поколений, собранных под отеческой властью австрийского дома»[2]. Из этих слов можно было понять, что галицийские политики делали акцент не столько на будущее объединение всех польских земель под крылом Габсбургов, сколько на обустройство «австрийского дома» для всех славян, то есть на формирование в Австрийской империи славянской федерации. В этой программе австрославизма на первом месте для них стоял вопрос об автономии Галиции. На страницах краковского органа консерваторов «Czas» (Время) излагался план реформ, учитывавших «историко-политическую национальную индивидуальность» провинции. Требования предоставления «провинциальных привилегий», расширения прав галицийского сейма, полонизации школы, суда и администрации содержались и в адресе, направленном австрийскому Государственному совету 31 августа 1860 г. Адрес был одобрен издателями парижской газеты Чарторыских «Wiadomości polskie»[3].

В соответствии с этой позицией, партия «краковских консерваторов» последовательно стремилась не допустить каких-либо «необдуманных действий» против Вены, хотя та явно поддерживала царизм во время происходивших в Королевстве Польском с начала 1860-х гг. патриотических манифестаций, а затем закрыла границу с Российской империей, чтобы помешать полякам в Галиции оказывать поддержку участникам Январского восстания 1863–1864 гг.

---

[1] Jenerał Zamojski (1803–1868). T.6. Poznań, 1930. S. 301.

[2] Zdrada J. Op. cit. S. 56.

[3] «Czas». Kraków. 15.XII 1860; Lisicki H. Antoni Zygmunt Helcel. 1808-1870. Lwów, 1882. T.2. S. 105–110; Jenerał Zamojski... S.299–301; Roczniki polskie z lat 1859–1861. T.IV. Paryż, 1865. S. 188, 492.

inslav

Действия консерваторов были направлены и против демократической польской эмиграции, пытавшейся использовать территорию Галиции для организации помощи повстанцам. Отель Лямбер и «краковские консерваторы» осуждали планы совместных выступлений польских, итальянских и венгерских революционеров против Австрии, чинили препятствия Л. Мерославскому, З. Милковскому и другим, кто осуществлял в Галиции в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX века подготовку к вооруженной борьбе и резко клеймил действия чарторыщины. Так, Милковский возмущался инструкцией, данной Отелем Лямбер галицийским политикам в 1863–1864 гг.: следить, «чтобы восстание не преступало определенных границ». Высмеивая планы восстановления Польши при помощи Габсбургов, он возлагал надежду на то, что восстание в Королевстве Польском «вызовет движение в Австрии, а именно в Венгрии, Чехии, Ломбардии»; «эти движения, – считал Милковский, – освободят Галицию и создадут нам основу для регулярной войны против России». Таким образом, он видел путь восстановления независимой «сильной» Польши не в союзе с монархией Габсбургов против империи Романовых, а в борьбе против обоих угнетателей польского народа[1].

Демократическая польская эмиграция не отступила от этого курса и после поражения Январского восстания в Королевстве Польском, вместе с венгерскими, итальянскими и славянскими революционерами она строила планы борьбы против Австрии[2]. Консерваторы же укрепились на прогабсбургских позициях, рассчитывая добиться расширения автономии, которую Вена фактически предоставила Галиции. Когда же в имперских кругах возник план дуалистической перестройки монархии в опоре на Венгрию, они попытались противопоставить ему идею преобразования Австрии на федеративных началах. Эту мысль развивал Ю. Шуйский в вышедшей в 1867 г. брошюре «Несколько мыслей из нашей истории для размышления в настоящий момент». Он подчеркивал, что опора на славян, и прежде всего союз с поляками, придаст силу Австрии, которой угрожает Россия. В борьбе против России, в создании оплота

[1] Miłkowski Z. W Galicji i na Wschodzie. Poznań, 1880. S. 6, 22–23.

[2] Подробнее см.: Фалькович С.М. Антигабсбургские планы польских, итальянских и венгерских революционеров в контексте национальных движений народов Австрийской империи в 50–60-е гг. XIX в. // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30–70-е гг. XIX в.). М., 1993; Она же. Отношение польского национального движения к Австрийской империи в контексте идей панславизма и пангерманизма (50–60-е годы XIX в.) // Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1995.

inslav

на Востоке Шуйский видел историческую миссию Габсбургов. О надеждах на Австрию в связи с ее миссией «защиты Европы от России» писал тогда же и Э. Бялоскурский, отражая позицию галицийских кругов, группировавшихся вокруг А. Голуховского[1].

Галицийские политики опасались, что в условиях дуализма в империи усилится немецкое начало, и это может склонить славян к панславизму и России. Поэтому они акцентировали задачу федерализации Австрийской империи, пытались склонить Вену к ее осуществлению. Выдвигалась, в частности, и идея триализма – объединения Габсбургами австрийской, венгерской и польской корон. Однако такая программа преобразования Австрийской империи могла оттолкнуть славян, настроить их против поляков. Отель Лямбер и галицийские консерваторы всеми средствами старались этого не допустить, их усилия были направлены на то, чтобы «открыть глаза и совесть венграм и славянам», предупредить их об опасности как панславизма, так и дуализма, противопоставить тому и другому лозунг федерализма. Наряду с австрославистской программой, наиболее твердыми сторонниками которой являлись чехи, польские политики пропагандировали идею широкого объединения славян, возглавленного Польшей и направленного против панславизма и России. Такую пропаганду агенты Отеля Лямбер давно вели среди славян на Балканах, но если раньше она имела также и антиавстрийскую заостренность, то в 1850–1860-е гг. подобные акценты исчезли. Более того, Отель Лямбер способствовал заключению в 1867 г. тайного соглашения между Австрией и Турцией, направленного против царизма и его панславистской программы[2].

В галицийской политической структуре существовало также либеральное направление. Партия «львовских демократов», сформировавшая в 1868 г. Национально-демократическое общество во главе с Ф. Смолькой, разделяла идею лояльности Австрийской империи, но ее радикальное крыло добивалось расширения прав польского народа, требовало полного самоуправления Галиции, которую объявляло интегральной частью Польши. Хотя восстановление Польского государства связывалось с надеждой на помощь Габсбургов, порой в выступлениях радикалов звучали антиавстрийские нотки, на что власти отвечали репрессиями. Однако в основном акцент делался на утверждение необходимости возрождения Польши в интересах Габсбургской монархии, отношения же между ней и Галицией должны

[1] Szujski J. Dzieła. S.III. T.I. Kraków, 1885. S.278-286; Białoskórski E. Przed wyborami w roku 1867. Lwów. 10. I 1867.

[2] Фалькович С.М. Польское национально-освободительное движение ... С. 234–235.

inslav

были определяться «на основе федерации и признания исторической индивидуальности». Вести борьбу за федерализм предполагалось в союзе с другими славянами, а результатом ее стало бы укрепление империи. «Будучи гражданами могучей и великой державы, какой является Австрия, – писали авторы устава Национально-демократического общества, – мы должны показывать властям, что только при условии, если она будет нас поддерживать, сама она, а именно ее династия, сможет существовать»[1]. Несмотря на то, что торжество дуализма в государстве Габсбургов в 1867 г. стало реальностью, «львовские демократы» пытались провести свои требования через сейм, который в 1868 г. принял соответствующую резолюцию, а позже еще раз повторил свое решение. Когда в 1869 г. резолюция была окончательно отвергнута, оппозиция, создавшая клуб «резолюционистов», еще продолжала вести борьбу за выдвинутую программу; ее рупором стала краковская газета «Kraj» (Родина). Идеи федерализма развивала также издававшаяся во Львове либеральная «Gazeta narodowa» (Национальная газета), поясняя, что утверждение дуализма или триализма толкнет славян к панславизму. «Наш национальный интерес, – говорилось на ее страницах, – диктует, чтобы равная справедливость была оказана всем историческим народам, ибо только тогда Галиция сможет сохранить данный ей статус»[2].

В консервативных сферах галицийского общества возникли опасения, что оппозиция может всколыхнуть массы, вызвать антиавстрийские выступления и поссорить Вену с поляками. В условиях восторжествовавшего дуализма «краковские консерваторы», как и Отель Лямбер, не отказались от австрофильского курса и выступили на защиту Габсбургов. В 1869 г. в журнале «Przegląd polski» (Польское обозрение) был опубликован памфлет «Портфель Станьчика», написанный Ю. Шуйским, С. Тарновским и другими консервативными политиками. «Станьчики» изображали австрийскую монархию в качестве законной наследницы польской государственности. В то же время польские консерваторы продолжали пропагандировать идею федерализации империи как средства против панславизма и пангерманизма. Так, В. Чарторыский в речи 3 мая 1870 г., хотя и был вынужден одобрить дуализм, тем не менее, подчеркнул, что «федеративная монархия от Черного моря до Балтики [...] необходима для свободы мира, чтобы Россию территориально отделить от Пруссии и закрыть ей путь на Константинополь: она необходима для евро-

[1] Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981. С. 198–199.

[2] «Gazeta narodowa». Lwów. 9.II 1867.

inslav

пейского равновесия, чтобы заменить бывший Германский союз, разбитый в 1866г., и выполнить его задачу создания противовеса державам оси». Те же мысли высказал Ю. Клячко, выступая в 1870 г. во львовском сейме: он призвал к борьбе с германизмом, напомнив о роли прусских крестоносцев в истории славян[1].

Подобные напоминания были очень уместны в обстановке кануна франко-прусской войны. Вновь замаячила перспектива появления польского вопроса на европейской арене: Отель Лямбер рассчитывал, что Россия и Австрия, вмешавшись в военный конфликт, столкнутся между собой, и в результате Вена поддержит поляков. Подобные надежды лелеяли и галицийские деятели, в связи с чем Ф. Смолька отказался от оппозиционной политики. Определенные планы, связанные с предстоящей войной и расчетами на Австрию, строила даже польская демократическая эмиграция, которая все эти годы не сходила с антиавстрийских позиций, хотя к этому времени потеряла венгерских и итальянских союзников, достигших своих национальных целей в революционной борьбе: в конце 1850-х гг. произошло объединение Италии, а в 1867 г. родилась дуалистическая империя Австро-Венгрия.

Поражение Франции в войне с Пруссией положило конец планам демократической эмиграции. Результат войны, поставивший Австрию в зависимость от Пруссии, а затем от Германской империи, опрокинул и расчеты польских консерваторов, надеявшихся играть активную роль в отношениях с Веной. Для них оставался лишь путь безоговорочного сотрудничества с монархией, так как, по мнению В. Чарторыского, в условиях союза Германии и России любой конфликт с габсбургским двором был опасен[2]. Вместе с тем исчезла угроза возникновения в Австро-Венгрии засилья немецкого большинства, отпала острая необходимость создания славянской федерации. Как следствие, польские консервативные политики окончательно отказались от планов федерализации империи. Отказались они и от борьбы за широкую автономию Галиции. Господствующие слои галицийского общества удовлетворились обеспечением своих социально-экономических интересов, возможностями свободного развития национальной жизни, гарантированными польскому населению провинции, и предоставлением ему политических преимуществ перед другими проживавшими в Галиции национальными группами.

К 1873 г., когда по существу закончилась борьба за широкую автономию Галиции, такое положение уже существовало. Уступки, сде-

---

[1] Zdrada J. Op. cit. S.67–69; Galicja w dobie autonomicznej (1856–1914). Wrocław, 1952. S. 133.

[2] Фалькович С.М. Отношение польского национального движения ... С. 146.

inslav

ланные Габсбургами, явились результатом соглашения их с польскими имущими классами, которое во многом определило ориентацию польского национального движения в будущем. В ситуации, когда несколько десятилетий спустя вновь возникла перспектива международных осложнений и военных конфликтов в Европе, польские патриоты в Галиции решительно присоединились к австро-германскому лагерю. Галиция стала территорией, где происходила подготовка поляков к участию в вооруженной борьбе и формировались польские легионы, стрелецкие полки, а затем она превратилась в плацдарм военных действий между двумя военно-политическими блоками, открывших эру мировых войн.

З. С. Ненашева

ЧЕХИ И СТАНОВЛЕНИЕ АВСТРИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ. НА ПУТИ К ВСЕОБЩЕМУ ИЗБИРАТЕЛЬНОМУ ПРАВУ

Как уже говорилось, в период длительной работы над чешскими материалами, у Владимира Израилевича, находившегося в центре сравнительно-исторических исследований всего региона, сформировался свой собственный взгляд на историю чешского народа в конце XVIII – начале XX века. В известной мере она нашла выражение в монографии «Чешская нация на заключительном этапе формирования»[1], ответственным редактором которой он являлся. В книге совершенно справедливо отмечается, что конец 60-х – начало 70-х годов XIX века – было временем «подъема массового национально-политического движения в Чешских землях», о чем свидетельствовали многочисленные собрания под открытым небом – народные таборы. Основным требованием их участников стало требование объединения и широкой автономии Чешских земель. Кроме того, речь шла о расширении компетенции сеймов, ликвидации постоянной армии и др. При этом для автора и ответственного редактора было особенно важно, что в таборах принял активное участие пролетариат, «отстаивавший свои классовые интересы». В их круг входило и наделение рабочих «политическими (избирательными) правами»[2]. Лозунгу всеобщего избирательного права придавалось «важное социальное значение».

[1] Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850 г. – начало 70-х годов XIX в. М., 1989. С. 224.

[2] Одним из авторов этой главы была Г.И. Еремеева. Чешская нация на заключительном этапе формирования. С. 224–227.

inslav

В частности, подразумевалось его расширение на «большинство трудящихся Чешских земель» - малоземельных и безземельных крестьян, ремесленников, фабричных рабочих – лишенных (в скобках заметим, никогда не имевших) права участия в выборах[1].

В этой связи представляется интересным посмотреть, как к этой проблематике относилось российское дипломатическое ведомство в лице его представителей в Австро-Венгрии в последние десятилетия XIX века.

Ретроспективный взгляд на большой массив дипломатических донесений из Вены показывает, что основной посыл для анализа внутриполитической ситуации в монархии Габсбургов долгое время у российских дипломатов в целом оставался неизменным. Они исходили из того, что для их отечества первостепенными являлись двусторонние отношения с Австро-Венгрией, будь-то союзницей, будь-то трудным политическим партнером или же возможным противником. Для чиновников российского посольства в Вене приоритеты находились в сфере «высокой политики». Исходным принципом для любых оценок событий внутри этого государства было твердое убеждение, что официальная Россия придерживалась позиции невмешательства во внутренние дела своего соседа. Именно в этом ключе трактовался славянский вопрос в широком понимании и проблема славянского большинства в монархии, в частности. Такой подход к проблеме представлялся верным, поскольку возможность объединения австрийских славян носила скорее теоретический характер. В реальности не существовало ни политического представительства славянских народов, ни единого славянского политического центра. Слишком разно векторными, порой взаимно исключающими были общественно-политические интересы австрийского славянства. Ни о какой открытой поддержке отдельных политических группировок в условиях острой межпартийной борьбы и, тем более, сепаратистских (хотя бы автономистских) устремлений со стороны славян даже в их виртуальном выражении на дипломатическом уровне не могло быть и речи.

Очевидно, что в данном контексте чешский вопрос не мог рассматриваться российскими дипломатами как самостоятельный. Подобная установка была альфой и омегой в их деятельности. Следует также признать, что проблемы славянской общественной жизни в

[1] Чешская нация на заключительном этапе формирования. С. 230. Явно отрицательная оценка просматривается в утверждении, что «буржуазные политики Моравии стремились подменить этот лозунг требованием введения “справедливого” избирательного закона».

inslav

целом становились предметом глубокого специального анализа, как правило, в том случае, когда они приобретали общеавстрийское звучание или же когда к их решению подключался центр. Так, заметное внимание со стороны российских наблюдателей к чешским делам уделялось в кризисные моменты развития отношений внутри чешских политических сил, противостояния с богемскими немцами и Веной. Вместе с тем, в трактовке чешских событий, в отличие от других славянских сюжетов, присутствовала одна константа, то более, то менее отчетливо выраженная подоплека, а именно амбиции поляков Австро-Венгрии и их реализация. Это обстоятельство порой вносило коррективы в восприятие и трактовку политических и социальных проблем развития чешского народа.

Конечно же, существовали и определенные границы проблематики, которая интересовала сотрудников посольства. Если сравнить массив донесений, отправленных в Санкт-Петербург в конце XIX века и, например, начале XX века, то можно заметить, что постепенно все более актуальными становятся экономические связи, конфессиональные сюжеты. Сказывался и субъективный фактор, политические предпочтения руководства дипломатической миссии. Не следует заблуждаться в том отношении, что вновь назначенный на пост посла в Австро-Венгрии российский дипломат, приезжая на новое место своего высокого назначения, якобы мог аккумулировать знания своего предшественника. Так, прибывший в Вену в апреле 1895 г. граф Петр Алексеевич Капнист практически не идентифицировал чешских политических деятелей, которых он именовал «чешскими главарями»[1], а глубоко дифференцированный чешский политический лагерь представлялся ему в качестве «чешской партии»[2].

Что же касается проблемы парламентаризма, то в массиве политических событий, вызывавших серьезные комментарии у российских наблюдателей, она занимала заметное место. Именно поэтому эти сюжеты нашли достаточно полное отражение в донесениях дипломатов. Объяснение данного обстоятельства лежит, на наш взгляд, на поверхности. Четкое понимание того, что Цислейтания с конца 60-х гг. XIX века является парламентской монархией, обусловливало интерес к избирательным кампаниям в рейхсрат, в земельные сеймы,

[1] Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 156/161. Л. 16–44. 11 марта 1897 г.

[2] Об этом подробнее см.: Ненашева З.С. Чехи, Крамарж и российская дипломатия в начале XX век // Rossica. Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. (2000–2001). С. 9–22; а также Němaševová Zoja. Češi, Kramář a ruská diplomacie na začátku 20. století // Karel Kramář. Studie a dokumenty k 65. výročí jeho úmrtí. Praha, 2003. S. 18–24.

inslav

так и непосредственно к работе представительных учреждений. Кроме того, деятельность этих институтов была наиболее яркой, разнообразной и динамичной. Тем самым ее анализ вносил неизменно что-то новое в такое рутинное дело как сочинение регулярных отчетов о пребывании в австрийской столице.

Вместе с тем было бы не верно не подчеркнуть, что чешская тема по сравнению с информацией о других славянских народах была одной из перманентных. Об этом свидетельствуют депеши в Санкт-Петербург российского посланника в Австро-Венгрии Евгения Петровича Новикова[1], приступившего к исполнению своих обязанностей в конце весны 1870 г. В этой связи весьма интересной представляется его высокая самооценка как специалиста по славянскому вопросу. Ведь он был первым магистром славянской кафедры в Московском университете[2].

Следует признать, что к событиям, происходившим в Чехии, он относился предельно внимательно. В частности, в качестве крупного политического события в только что реорганизованной монархии Габсбургов расценивались чешско-австрийские переговоры. При этом из сложнейшего комплекса обсуждавшихся вопросов дипломат выделил и новации, касающиеся избирательной системы. Знакомство с массивом пространных депеш свидетельствует, насколько значимым для посланника было стремление показать как особенности куриальной системы в каждом конкретном случае, так и перспективы развития парламентаризма в австрийской части двуединой монархии[3].

Отмечалось, что новый избирательный закон, являвшийся составной частью обсуждавшегося Соглашения (Фундаментальных статей), был «неблагосклонен» даже «в общих положениях» к развитию «краеугольного камня парламентаризма»[4]. По мнению посланника, в основе своей речь шла «о сражении между буржуазным парламентаризмом

[1] В качестве посланника в Австро-Венгрии его первое донесение датировано 18/30 августа 1870 г. Со второго марта 1874 г. до 22 декабря 1879 г. он занимал должность посла в двуединой монархии.

[2] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2-а. Л. 59. (Письмо от 13 /25 сентября 1870 г. из Вены Кустодиева–Гильфердингу). Вторым в этом ряду был Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872).

[3] Так, в донесении от 2 (14) сентября 1871 г. он пишет о новом избирательном законе, являвшемся составной частью чешско-австрийского соглашения (Фундаментальных статей) как «неприятном сюрпризе для партии конституционалистов», поскольку он не только сохранял куриальную систему, но и отдавал приоритет латифундистам. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1871 г. Д. 121. Л. 180 об. – 181.

[4] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1871 г. Д. 121. Л. 181–181 об.

inslav

и феодальным клерикализмом». На этом фоне даже противостояние между немцами и славянами, отчасти, теряло свою остроту[1].

Действительно, проект, предложенный правительством (он был зачитан в сейме), предполагал прямые выборы в чешский ландтаг. Однако в этом случае наибольшее влияние получили бы представители исторического дворянства[2]. Причем комиссия, работавшая над документом, пыталась лишь незначительно изменить первоначальный вариант[3]. В частности, даже увеличив число депутатов от сельских общин, она, по большому счету, встала на защиту именно крупных землевладельцев. Явно ущемлялись в правах не только низшие сословия, но и крупная торговая и промышленная буржуазия. Внимательнейшее изучение этого чрезвычайно сложного по содержанию из-за массы нюансов проекта позволило российским наблюдателям квалифицировать предлагавшийся избирательный закон как безусловно консервативный. Однако и столь несовершенный акт оказался похороненным под руинами несостоявшегося австро-чешского Соглашения, так называемых Фундаментальных статей.

Немало места в донесениях за 1872 г. было отведено описанию методов и механизмов предвыборной борьбы в Богемии. Скрытое осуждение приемов, использованных как правительством, так и кандидатами, пронизывает материал о мартовских выборах в чешский земский сейм. Сообщается и о подкупе избирателей обещаниями титулов и наград, посулах освободить от налогов, прямом вмешательстве, пользуясь современной терминологией, административного ресурса со стороны центра. Не были в долгу и чехи, незаконно скупавшие собственность немцев, запугивавшие избирателей, «злоупотреблявшие общественными акциями». Хотя применение «как легальных, так и нелегальных» средств борьбы было обычным,

[1] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1871 г. Д. 121. Л. 240 об.

[2] В чешском сейме устанавливалось присутствие 224 депутатов. Из них 4 представляли духовенство. 240 мест распределялись следующим образом: 70 – от крупных землевладельцев, 8 – от крупных предпринимателей. Количество депутатов от городов было снижено с 87 до 72. Правда, при этом расширялись возможности Праги - она имела право на 10 мест. Увеличивалось число депутатов от сельских общин с 79 до 90. Планировалось снизить и имущественный ценз (в Праге он должен был составлять 10 злотых, а, например, в сельских общинах – 5 злотых прямых налогов).

[3] Stenografické zprávy sněmu českého schůze 16. září 1871. Přílohy č. 5, 7. Praha, 1864–1913. См. подробнее: Srb A. Politické dějiny národa českého od r. 1861 do příchody ministerstva Badeni v r. 1895. Praha, 1897; а также Okáč A. Rakouský problem a list Vaterland 1860–1871. Bd. II. Brno, 1970. Из новейшей литературы особого внимания заслуживает коллективный труд Die Habsburgermonarchie. Bd. VIII/2, VII, VI/1. Wien, 2000–2006.

inslav

вполне заурядным делом, на этот раз вызывал удивление размах и масштаб их использования[1]. Таким образом, оценка этих выборов как грязных, торгашеских, данная российским дипломатом в момент их проведения, полностью совпадает с трактовкой всей современной историографии[2].

Что касается складывания системы парламентаризма в Цислейтании, то, по справедливым наблюдениям российских дипломатов, на протяжении длительного времени она оставалась привилегированной. Как известно, существенные изменения в Основной закон об имперском представительстве от 1861 г. были внесены в 1873 г. Как отмечалось в донесениях, этот акт был буквально «продавлен» немецкими либералами. И для такой трактовки было достаточно оснований. В соответствии с законом № 40/1873 с этого времени палата депутатов состояла из 353 избираемых членов. Это число распределялось между отдельными королевствами и землями. Что касается Чешских земель, то Королевство Богемия имело 92 мандата, маркграфство Моравия – 36, герцогства Верхней и Нижней Силезии – 10. Если с 1867 г. депутаты нижней палаты рейхсрата посылались земельными сеймами, то теперь они стали избираться путем особых прямых выборов[3]. Тем самым представительство отдельных королевств и земель перестало напрямую зависеть от расстановки сил в земельных сеймах. Вместе с тем круг участников этого процесса ограничивался привилегированными сословиями и лицами, платящими не менее 20 крон прямых налогов. Как современники, в том числе и российский посланник Е. П. Новиков, так и многие исследователи имели тем самым полные основания констатировать, что, несмотря на изменения, лишь незначительная часть взрослого населения реально могла участвовать в политической жизни.

Вехой в истории парламентской жизни в Австрии, в свете чешского контекста, стал, по мнению российского дипломата, 1879 год. Тогда правительству графа Эдуарда Тааффе, опиравшемуся на консервативные силы как немецкого, так и славянского, прежде всего польского политического спектра, удалось сломить пассивное сопротивление чехов[4]. Они вернулись в рейхсрат. Примечательно, что с точки

---

[1] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1872 г. Д. 106. Л. 180–180 об.

[2] См. например: Dějiny Rakouska. Praha, 2002. S. 424.

[3] В издании «Современные конституции», вышедшем в 1905 г., говорится о «классах избирателей».

[4] Еще 24 апреля 1872 г. – в день открытия сейма, чешские либеральные депутаты покинули зал заседания. Продолжалась тотальная пассивная оппозиция. Следует напомнить, что Фр. Палацкий отказался принимать участие в работе верхней палаты рейхсрата 30 сентября 1861 г. В свою очередь, Фр.Л. Ригер обо-

inslav

зрения российского посла, события этого года свидетельствовали о том, что на смену консервативной эре «пришел более либеральный режим»[1]. С этого времени в донесениях в Санкт-Петербург все более отчетливым становится стремление сделать прогноз развития хотя бы ближайших событий, вывести некую формулу формирования парламентского большинства. Оно могло появиться в результате чрезвычайных усилий министра-президента по объединению разновекторных политических сил. При этом ни один из дипломатов не был уверен в «искренности и прочности» каких-либо возникавших союзов. Между тем ослабление позиций парламентского большинства вполне справедливо рассматривалось как самый непосредственный и болезненный удар по правительственным кабинетам. Именно в таком контексте подавалась ситуация на протяжении всего длительного правления Тааффе (1879–1893). Примером здесь может служить январь 1891 г., когда депутаты от Чехии и Моравии «могли подвести правительство даже в тот момент, когда оно более всего нуждалось в их поддержке – при обсуждении бюджета»[2].

Как весьма неблагоприятный фактор для действовавшей системы сдержек и противовесов расценивался российскими наблюдателями уход в 1891 г. с политической сцены старейшего игрока – чешской Национальной партии. «Полное исчезновение старочехов», которые на протяжении 30 лет «играли важную роль в судьбах монархии», как писал князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский[3], «приводит в беспорядок все выкладки»[4]. Присутствие старочехов в парламенте позволяло правительству «льстить себя надеждой воссоздать в новом

сновал целесообразность пассивной оппозиции чехов в палате депутатов 18 марта 1863 г. В связи с возвращением чехов в рейхсрат, любопытно весьма эмоциональное наблюдение, высказанное в «Русской мысли». По мнению этого издания, после Берлинского конгресса, чехам не оставалось другого выбора, как только «постараться выработать себе возможно-сносное положение в “старых порядках” и для этого вступить в венский рейхсрат!» Русская мысль. 1880. № 7. С. 1.

[1] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1879 г. Д. 144. Л. 411–411 об.

[2] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1891г. Д. 90. Л. 8 об.

[3] В июле 1882 г. он сменил Павла Петровича Убри и являлся послом в Австро-Венгрии вплоть до 6 января 1895 г., фактически до назначения на должность министра иностранных дел Российской империи, на котором он находился с августа 1896 по апрель 1897 г.

[4] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1891 г. Д. 90. Л. 26 об. Как известно, старейшая чешская политическая партия – Национальная партия – проиграв вчистую выборы 1891 г., сошла с политической сцены. Часть ее оппозиционно настроенных и политически активных членов перешла в ряды младочехов. В том, что касается поражения старочехов, то позиция посольских наблюдателей была стабильной и в последующие годы. В середине ноября 1894 г. возвращение Фр. Л. Ригера в политическую жизнь на региональном уровне комментировалось как событие, «заслуживающее внимания». Лидеры Национальной партии смогли

inslav

парламенте большинство на свой лад»,- замечает он. Их уход с политической сцены должен был внести серьезные перемены в механизм формирования парламентского большинства. Лобанов-Ростовский ставил под сомнение заявления правительства Тааффе о том, что оно не нуждается в подобной поддержке. Кабинет полагался на возможность перегруппировки сил в нужном для него ракурсе в каждом конкретном случае. Однако подобное объединение сил даже ближайшему окружению его главы казалось мало достижимым. Ведь в состоянии глубокой внутренней конкуренции находились не только различные национальные представительства, но даже отдельные национальные группировки. Для их мобилизации должны были появиться серьезные стимулы. По мнению российского посла, в Австрии «этот новый способ вести дела в представительном собрании неудобоисполним»[1]. И нужно признать, что этот прогноз оправдался[2].

Как уже отмечалось, в австрийское избирательное право перманентно вносились коррективы. Снижение налогового ценза с 10 (введен в 1882 г.) до 8 крон лишь несколько расширило политические горизонты для населения Цислейтании. Однако наиболее существенными стали новеллы, появившиеся в конце XIX века. Немало места в донесениях российских дипломатов занимает анализ предложения от 10 октября 1893 г. кабинета Тааффе о проведении избирательной реформы. Она подразумевала расширение избирательного права для мужчин и увеличение числа избирателей с 15 до 34 % (в основном это касалось курии сельских общин и городов). Однако эта инициатива правительства была отвергнута оппозицией. В свою очередь этот проект весьма позитивно характеризовался посольскими наблюдателями, поскольку разработчикам реформы были якобы чужды враждебные выпады «против какого-либо сословия или партии». За предложением кабинета стоял призыв к участию в политической жизни всех, кто «выполнял свои гражданские обязанности». В этом смысле российские дипломаты солидаризировались с позицией австрийского правительства. Ведь согласно его плану, своевременное расширение избирательного права могло предотвратить опасности, угрожавшие «сословным интересам и общественному порядку со

частично вернуться в парламент лишь в составе других партий во время выборов 1907 и 1910 гг.

[1] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1891г. Д. 90. Л. 172 об. – 173.

[2] И через несколько лет в этом смысле сотрудники посольства высказывали сожаление, что в Чехии часть «народных сил поглощена будет местными партийными распрями, вместо того, чтобы действовать дружно и за одно для достижения намеченных общих национальных целей». АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1894г. Д. 98. Л. 288 об. – 289.

inslav

стороны народных элементов, не пользующихся никакими политическими правами». При этом князь Лобанов-Ростовский отдавал себе отчет в том, что за реформационной активностью Вены стояло стремление «сохранить существующее политическое положение»[1].

Надо отдать должное российскому послу в том, что он всегда старался представить мнение и противоположной стороны. Так, он пишет о негативной реакции представителей немецких либералов, полагавших, что этот закон нарушает существующее равновесие сил в австрийской части монархии. Внимание посла привлекла возникшая в этой связи дискуссия о самой сущности австрийского государства. В этой связи, он полностью излагает выступление лидера немецких либералов (министра финансов в действовавшем с 11 ноября 1893 г. правительстве во главе с князем Альфредом Виндишгрецом) Эрнста Пленэра, что Австрия – это искусственное образование, составленное из различных народностей и потому «не имеющее внутренней, естественной связи» подобно Франции или Германии. С точки зрения этого политика, предлагаемый закон был «пагубен для национального достояния» немцев и в ближайшем будущем породил бы «демократический федерализм со славяно-радикально-аграрными стремлениями»[2].

Серьезное внимание уделено позиции председателя Польского клуба Аполлинария Яворского (министр без портфеля по польским делам). Он считал, что Австрия отнюдь не населена австрийцами. По мнению известного польского деятеля, это понятие соответствовало лишь государственной принадлежности населения. Введение же всеобщего избирательного права было бы ударом для империи. В этой связи весьма примечательны комментарии российского посла. Он отмечал, что польский лидер в этом проекте видел опасность для польской автономии в Галиции, поскольку, таким образом, большому числу русин предоставлялось бы право избирать своих депутатов.

Нет ничего удивительного в том, что особое место в донесении занимает изложение позиции графа Карла Зигмунда Гогенварта, главы Консервативного клуба в рейхсрате, в который входили и 18 депутатов от чешской шляхты. Причиной такого интереса был не только тот факт, что это выступление вызвало громадное впечатление, но, прежде всего, его содержание. Известный австрийский политик полагал, что «низшие слои населения апатичны и равнодушны к политике» и являются добычей для «социалистических эмиссаров». Он

[1] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1893 г. Д. 97. Л. 166 об.
[2] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1893 г. Д. 97. Л. 168.

inslav

резко выступил против перенесения политического центра тяжести от «имущего класса» к бедным слоям.

На таком фоне российские наблюдатели выделили позицию младочехов и социал-демократов. В начинаниях правительства те увидели «первый приступ к введению прямой подачи голосов»[1]. Действительно, во всех выступлениях с трибуны рейхсрата представители Национальной партии свободомыслящих неизменно высказывались в пользу всеобщего избирательного права. В представлениях того времени это означало снятие ограничений для мужчин[2].

На протяжении нескольких лет Лобанов-Ростовский, характеризуя деятельность правительства, писал о проводимом им курсе как политике von Fall zu Fall. Речь шла о механизме, не имеющем под собой долговременных блоков и союзов, а значит и обязательств. Результатом такой широко распространенной практики было отсутствие так необходимой политической стабильности. Не случайно, в одной из майских депеш 1895 г. говорится о том, что кабинет управляет до сих пор страною «при соблюдении необходимого условия – избегать обсуждения каких бы то ни было принципиальных вопросов»[3]. Однако это обстоятельство не мешало младочехам противостоять любым инициативам правительства. Их тактика, квинтэссенцией которой была упорная оппозиция, «с открытым применением обструкционизма», расценивалась российским посольством как «доведение ad absurdum парламентского права». На фоне правительственного кризиса (падение кабинета Виндишгреца), обнаружившего полную несостоятельность коалиционных действий, оно не видело основ для формирования парламентского министерства. Слишком сложным было «брожение партий и групп», составлявших австрийский рейхсрат[4].

Что касается земских сеймов, то главной проблемой самого их существования, на которую обращали внимание дипломаты, было отсутствие каких-либо позитивных результатов деятельности. Важнейшей же причиной того, что заседания ландтагов – как писал граф Александр Константинович Бенкендорф, – это «довольно бес-

[1] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1893 г. Д. 97. Л. 169.

[2] В последнем обобщающем труде, подготовленном известными чешскими специалистами, говорится, что в младочешских программных материалах первой половины 90-х годов, требование всеобщего избирательного права вышло на первый план. В австрийском парламенте оно было заявлено в 1893 г. // Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu 1861–2004. 1. Díl období 1861–1938. Brno, 2005. S. 144.

[3] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1895 г. Д. 110. Л. 108 об.

[4] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1895 г. Д. 110. Л. 203,247, 248 об.

inslav

плодные занятия», – была сильная оппозиция, состоявшая «большей частью из националистов». Особое внимание в этом ряду привлекал богемский сейм[1]. Останавливаясь на конкретных деталях повестки дня его работы, будь-то вопрос об избирательных округах, или провинциальном бюджете, российские наблюдатели, как правило, приходили к общему неутешительному выводу. Все попытки разрешить или уладить хотя бы на время национальный вопрос были неудачными. При этом обвинения со стороны чешского наместника (с 1889 г.) графа Франца Туна в одиозной радикальности оппозиции младочехов, в том, что их крайний фланг «поставил чешский патриотизм выше общеавстрийского», подавались как событие, имеющее важное политическое значение и вне Богемии.

Свежее дыхание в общественную жизнь Цислейтании по расчетам политической элиты и центральных властей должна была принести новая избирательная реформа. Теперь согласно принятым изменениям 72 депутата избирались из мужчин старше 24 лет. 27 депутатов новой структурной единицы рейхсрата – 5-ой курии – представляли Чешские земли (18 из Чехии, 7 из Моравии и 2 – из Силезии). При этом общее число депутатов в имперском парламенте составляло 425 мест[2], а число избирателей возросло с 1,7 миллионов до 5,3.

В донесениях, датированных летом 1895 г., высказывались сомнения в том, что новая система позволит чехам приобрести большее значение в парламенте. В то же время предполагалось, что «польская партия», несомненно, могла «усилить свое положение». В описании ситуации, складывавшейся на местах, в материалах, отправленных в Санкт-Петербург в конце 1896 г., говорилось и о безразличии к выборам со стороны славянского населения, и о значительном инерционном потенциале у всего населения, и о том, что оно по-прежнему было готово проголосовать за правительственных кандидатов[3].

Не ставя под сомнение подобные случаи, следует указать, что расширение избирательного права стимулировало интерес к выборам в парламент. Так, накал борьбы между претендентами на парламентское кресло в Чешских землях был не шуточным.

В течение нескольких месяцев внимание посольства было сосредоточено на обсуждении проекта. Секретарем посольства были подготовлены специальные приложения к регулярным депешам. Полный

---

[1] См. например, донесение от 9/21 февраля 1895 г., полностью посвященное этому сюжету. И оно было одним из многих. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1895 г. Д. 110. Л. 29–31.

[2] Urban O. Česká společnost. 1848–1918. Praha, 1982. S. 450–451.

[3] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1896 г. Д. 169. Л. 538, 555.

inslav

текст проекта австрийской избирательной реформы был также отправлен в Санкт-Петербург. Подробно излагались наиболее яркие выступления представителей политической элиты всех направлений. Таковой была речь в моравском сейме барона Хлумецкого, председателя рейхсрата, представителя немецкой либеральной партии. Он заявил, что в результате введения пятой курии удастся частично удовлетворить требования радикальных группировок, «не жертвуя при том мещанским и крестьянским сословием в пользу рабочего»[1].

Цитировались рассуждения графа Казимира Бадени (со 2 октября 1895 г. председателя правительства) о том, что пришло время считаться с мнением народных масс, все более осознающих свою гражданскую роль в государстве. Исключение их из политической жизни расценивалось им как нарушение политических прав[2].

Серьезных разъяснений, по мнению чиновников посольства, потребовало первое чтение законопроекта. Ведь оно не встретило сильной оппозиции, что вступало в противоречие с описанием в нескольких депешах предшествующих настроений и прогнозов. Прежде всего, граф Капнист посчитал целесообразным указать на благоприятную позицию по отношению к реформе консервативных партий. Она сохраняла в неприкосновенности существовавший принцип представительства интересов. В свою очередь либералы были довольны тем, что им удалось расширить базу избирателей почти на 3 миллиона человек. В этом они видели первый шаг на пути политических перемен. Что касается младочехов, заявивших о своей верности лозунгу всеобщего избирательного права (в документе специально уточняется – «allgemeinen gleichen und direkten Wahlrechtes»), то посол не исключал такой возможности, что и они, в конце концов, будут вынуждены подать свой голос за реформу[3]. По его мнению, этому способствовало несколько факторов. Во-первых, в результате ее реализации чехи увеличили бы еще больше перевес над немецким меньшинством в Богемии в политическом аспекте. Во-вторых, сами младочехи могли дополнительно получить 8 или 9 голосов в парламенте.

Между тем в ходе дальнейшего обсуждения проекта среди чехов выделилась, как говорится в депеше, группа радикалов, лидеры которой придерживались принципа: «все или ничего». Однако по-

[1] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1896 г. Д. 169. Т.1. Л. 51–52 об.

[2] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1896 г. Д. 169. Т.1. Л. 58.

[3] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1896 г. Д. 169. Т.1. Л. 50-69. Эта группа донесений включает несколько приложений, в том числе и текст проекта избирательной реформы.

inslav

добное разделение голосов чешских парламентариев, по заключению Капниста, не могло иметь практического значения для реформы[1].

Ее судьба в действительности решалась на местах, в горячке избирательной кампании. Она выявила тенденцию к объединению немцев в «одну большую парламентскую партию» в рейхсрате. Этот процесс, который становился все более очевидным, настораживал российское посольство[2]. Оно придерживалось мнения, что достижение соглашения между немцами и чехами в Богемии было самой насущной задачей центра. А сплочение немецких политиков в один блок заметно усиливало позиции богемских соратников и делало ее неразрешимой.

Столь же непродуктивной была агитация и большинства чешских претендентов на депутатские места. Ведь они пользовались популярностью у населения во многом благодаря острым нападкам на правительство[3]. В этом смысле выделялся особенно «пылкий» Ян Вашатый. Многочисленная, умеренная часть младочехов, по характеристике графа, «более благоразумная», составляющая основу младочешского клуба, куда входили «Эйм, Кайцль и Крамаршъ» (имеются в виду лидеры младочехов Густав Эйм, Йозеф Кайзл и Карл Крамарж), прекратила обструкцию и встала на путь поддержки правительства. Капниста занимал вопрос, в чем же состояли обещания Бадени чехам. Иначе дипломат никак не мог объяснить этот поворот в тактике Национальной партии свободомыслящих. Сопоставление «частных» сведений позволило ему сообщить в МИД, что уступки со стороны правительства касались языкового вопроса и обещания «со временем» основать университет в Брно. При этом идея чехов о короновании императора Чешской короной была Бадени решительно отвергнута. Однако реалистичность этого проекта целиком зависела от главы кабинета, оперативности его действий[4].

В донесении от 19 (31) марта 1897 г. Капнист представил итоги выборов в рейхсрат. Он указал не просто на разнообразный, а на сложный состав парламента. Его анализ позволил ему выделить три пласта,

[1] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1896 г. Д. 169. Т.1. Л. 96–97 об.

[2] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1896 г. Д. 169. Т.1. Л. 167, 198.

[3] Точкой отсчета роста оппозиционных настроений, согласно донесению, было время правления Тааффе. Ни приход Виндишгреца, ни краткое пребывание на посту графа Кильмансега, ни смена его Бадени не меняли положения. АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1896 г. Д. 169. Т. 2. Л. 286.

[4] Что касается языкового вопроса, то говорилось об употреблении исключительно чешского языка во всех внутренних делах королевства и распоряжении, чтобы впредь все чиновники в Богемии знали обязательно чешский язык. Фактически был обозначен путь к так называемым языковым распоряжениям Бадени, принятым 5 апреля 1897 г. Там же. Л. 287 об. – 288.

inslav

в частности, «по национальности», по «политическим оттенкам» и, в-третьих, – по социальному составу («по сословиям»). В этой связи российский дипломат сообщал, что «в среде славян» больше всего мест заняли чехи – 80, за ними следовали поляки со своими 70-ю мандатами, словенцы смогли провести лишь 16 представителей, и еще меньшим было присутствие «кроатов, русин и сербов». Что касается социально-политической ориентации, то он выделил две группы – консерваторов и прогрессистов, получивших по 142 и 214 мест соответственно[1]. Заслуживающим внимания центра была информация о распаде немецкого либерального лагеря и победе младочехов, имевших теперь 60 депутатских мест, тогда как у христианских социалистов был 1 мандат, 5 – у социал-демократов и 3 – у так называемых независимых кандидатов.

Самой же существенной частью в депеше министру иностранных дел графу Михаилу Николаевичу Муравьеву (он занимал этот пост с 13 апреля 1897 – по 8 июня 1900 г.) была ее аналитическая составляющая. В ней Капнист попытался представить «формулу» действий Бадени в новых условиях. По мнению дипломата, правительство могло получить поддержку в рейхсрате, лишь заключив временные соглашения с различными, между собой разрозненными парламентскими партиями и отдельными группами. Таким образом, единственно возможным оставалось искать опору в каждом конкретном случае. Важным элементом в картине ближайшей политической жизни был перевес сил «славянского элемента над немецким»[2].

Капнист был убежден, что это обстоятельство следовало использовать кабинету Бадени. Устойчивое парламентское большинство могло быть только славянским. Однако такой шаг как признание равноправия за славянами, по мнению российского наблюдателя, «низводил» австрийских немцев на уровень «партии, нуждающейся в собственной защите и охране». Таким образом, ведомство графа Петра Алексеевича Капниста (приступил к исполнению обязанностей посла 9 апреля 1895 г.) поставило диагноз, полностью подтвердившийся уже в ближайшие годы. В последующих материалах автор не только не устает указывать на растущее преимущество славян, но и видит в этом факте «некоего рода поворотную точку в парламентской истории Австрии»[3].

Между тем деятельность парламента нового состава не задалась с первых дней его работы. С сентября 1897 г. главной темой донесений

[1] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1897 г. Д. 9. Л. 110, 111.
[2] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1897 г. Д. 9. Л. 43, 44 об.
[3] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1897 г. Д. 9. Л. 50. Приложение № 2 .

inslav

становится критическое положение дел в Австрии. Центральные власти вынуждены были действовать в крайне сложных условиях открытого противостояния немцев и чехов в Чешских землях. «Парламентаризм доказывает свою несостоятельность», – констатируется в одном из донесений[1]. Свидетельством тому были беспорядки на улицах Праги и ее окрестностей, произошедшие 2 декабря. Тогда были сожжены и разрушены многие здания, а среди участников «боевых действий», с которыми не смогла справиться хорошо вымуштрованная австрийская полиция, оказалось трое погибших и десятки раненых.

На таком фоне в депеше в Санкт-Петербург в начале декабря Капнист сформулировал весьма любопытную точку зрения на австрийский парламентаризм. Конечно же, она говорит, прежде всего, о политических предпочтениях самого российского посла. Его мнение не было беспристрастным. С другой стороны, это был взгляд заинтересованного наблюдателя, сторонника русско-австрийского соглашения, считавшего, что роль угнетателя славянства Австрии приписывается ее недругами без достаточных на то оснований[2]. Корень всех бед он видел в преобразованиях, проведенных в Цислейтании после 1867 г.

В частности, Капнист считал, что реформа 1873 г. нарушила «естественное развитие своеобразного строя, приспособленного к смеси национальностей в Австрии». В результате национальная борьба захватила центральные учреждения, «сделалась камнем преткновения для правовых действий государственного организма»[3].

Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении трех десятилетий XIX века российские дипломаты, служившие в Вене, не испытывали никаких иллюзий по поводу перспектив парламентаризма в западной половине монархии Габсбургов. Они крайне сдержанно относились к идее реформировать ее как можно быстрее. По их мнению, рейхсрату, несмотря на расширение его состава, так и не удалось найти решения проблем, устраивающих и центр и провинции, которые с каждым годом лишь умножались количественно, и становились все более острыми. Действительно, избирательная реформа 1896 г., помимо других факторов, не только аккумулировала начавшуюся глубокую дифференциацию чешских политических сил, но и заметно активизировала все политические процессы в Цислейтании.

---

[1] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1897 г. Д. 9. Л. 377.
[2] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1898 г. Д. 425. Л. 34.
[3] АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1898 г. Д. 425. Л. 394–395.

inslav

А.Г. Айрапетов

БАЛКАНЫ НАЧАЛА XX ВЕКА: ВЗГЛЯД ВЕНГЕРСКОГО СОВРЕМЕННИКА

Балканский полуостров был и остается одним из наиболее нестабильных регионов мира, очагом этнополитических и межконфессиональных конфликтов. Сто лет назад к числу острых региональных проблем относился так называемый «македонский вопрос». Его вызревание уходит корнями в Восточный кризис 1870-х гг. К началу XX века специфические черты Македонии, расположенной в центральной части Балканского полуострова, – этноконфессиональная пестрота ее населения и «аморфность» национального самосознания македонских славян – не только актуализировали вопросы этногенеза и национальной принадлежности последних, но и стали основанием для притязаний Болгарии, Сербии и Греции на македонские земли.

Территориальные притязания на Македонию у ее соседей были вызваны рядом причин. Во-первых, присоединение македонских земель позволило бы увеличить собственную территорию и, соответственно, численность населения. Во-вторых, присоединение долин рек Вардар и Струма и проходящих через этот район коммуникаций было очень выгодно с экономической точки зрения. Наконец, самым важным являлось то, что государство, которому удалось бы установить контроль над Македонией, стало бы сильнейшим на полуострове[1].

До 1874 г. вся Македония входила в Салоникский вилайет, затем из последнего был выделен Битольский (Монастырский) вилайет, в который вошла и часть албанских земель. В январе–феврале 1877 г. в ходе реформ османских владений в Европе был образован Косовский вилайет. Его центром была Приштина, и он включал в себя входившие ранее в разные вилайеты Новопазарский, Призренский, Приштинский, Скопский, Дебарский и Нишский санджаки[2]. Таким образом, Македония оказалась раздробленной между тремя вилайетами и это административное деление сохранялось до конца турецкого правления, т.е. до начала Балканских войн 1912–1913 гг.

Отмеченная административно-территориальная реорганизация европейской части Османской империи преследовала цель раздробить территорию таким образом, чтобы административные границы не совпадали с границами проживания народов и тем самым углубить

[1] Учаева Н.А. Македонский вопрос в период Балканских войн 1912–1913 гг. Дисс. ...канд. ист. наук. Саратов, 2008. С. 45.

[2] См.: Јагодић М. Српско-албански односи у Косовском вилајету. (1878– 1912.). Београд, 2009. С. 4–17.

inslav

существовавшие между ними разногласия. Более половины двухмиллионного населения Македонии составляли славяне христианского вероисповедания, около 1/3 приходилось на мусульман (турок и албанцев), кроме того, здесь жили греки, влахи (романизированное пастушеское население), цыгане и др.

Вся политико-административная жизнь в македонских вилайетах концентрировалась в руках мусульман (этнических турок или обращенных в ислам), которые составляли подавляющее большинство в управленческом и полицейском аппаратах, судах, выносивших решения на основе шариата. Христиане, оставшиеся за рамками политико-административной и государственной жизни, страдали от произвола и беззакония турецких чиновников и землевладельцев. Основным орудием их притеснений были налоги.

Еще во второй половине 70-х гг. XIX века на Балканах обозначилось противоречие, ставшее характерным для всего последующего развития региона – коллизия между самоопределением, политико-территориальным обособлением наций и сложившимися административными и государственными границами.

Для упрочения своего влияния в Македонии балканские государства использовали церковь и школу. До 70-х гг. XIX века греческое влияние в Македонии было преобладающим, оно основывалось на распространении греческого языка и образования, находившегося под контролем Константинопольской патриархии. После образования в 1870 г. Болгарского экзархата и появления в 1878 г. автономного болгарского княжества позиции Болгарии в Македонии значительно усилились в ущерб Греции. Если поначалу греческие притязания распространялись на всю македонскую территорию, то к концу века они ограничивались только южной и центральной зонами края.

Сербия после оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1878 г. также перенаправила свои усилия на юг, в сторону Македонии. Это юго-восточное направление открывало Белграду возможность выхода к Эгейскому морю по долинам реки Вардар через порт Салоники. Турция, исходя из принципа «разделяй и властвуй», для ослабления в Македонии болгарских и греческих позиций, не препятствовала проникновению в район Вардара сербского влияния.

Сербо-болгарские противоречия в Македонии проявлялись и в церковной сфере. После признания автокефальности сербской церкви Константинопольской патриархией в 1879 г. сербы заняли вместе с греками позицию неприятия болгарской экзархии. Цель сербской пропаганды состояла в том, чтобы убедить славян Македонии в их

inslav

сербском происхождении, берущем свое начало от великой Сербии Стефана Душана[1]. В первое десятилетие XX в. началось стремительное превращение македонского вопроса из внутренней проблемы Османской империи в проблему региональную, напрямую затрагивавшую интересы не только соседних стран, но и великих держав, внимание которых к Македонии определялось ее важным геополитическим положением. Любой сухопутный путь из Европы в Азию проходил по этой территории.

Перспектива крупного вооруженного конфликта на Балканах, поводом к которому могло стать резкое осложнение ситуации в Македонии, вызывала серьезное беспокойство европейской дипломатии. Австро-Венгрия и Россия, как наиболее заинтересованные в балканских делах великие державы, взяли на себя задачу умиротворения Македонии. Учитывая заключенное еще в 1897 г. взаимное соглашение о поддержании статус кво на Балканском полуострове, они собирались добиться урегулирования ситуации, в первую очередь, посредством реформ.

В конце 1902 г. Вена и Петербург поставили перед Портой вопрос о проведении преобразований. В декабре вышел в свет султанский указ, содержавший инструкции по реорганизации управления, судопроизводства, образования в европейских областях империи. Однако он не удовлетворил великие державы и уже в феврале 1903 г. послы России и Австро-Венгрии вручили турецкому правительству ноту (одобренную всеми великими державами) с перечислением реформ, которые Порта должна была реализовать на территории македонских вилайетов: Салоникского, Битольского и Косовского (так называемая «Венская программа»). Настойчиво рекомендуя султанскому правительству провести преобразования кадрового состава администрации и жандармерии и допустить туда местных христиан, российская дипломатия в качестве одного из аргументов указывала на то, что своевременное проведение реформ в Македонии может избавить Османскую империю от вмешательства европейских государств в ее внутренние дела.

Петербург и Вена, утомленные балканскими неурядицами, не хотели эскалации нового кризиса. В связи с этим на новой встрече императоров Франца-Иосифа и Николая II, состоявшейся в Мюрцштеге осенью 1903 г. было заключено соглашение о совместной политике на Балканах. Подготовленная совместными усилиями России и Австро-Венгрии новая расширенная программа преобразований для Македонии главной задачей, по-прежнему, ставила улучшение положения христианского населения в рамках существующей си-

[1] На пути к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XIX – начало XX века. М., 1997. С. 322–325.

inslav

стемы Османской империи. Но принципиально новым моментом стало учреждение при мусульманском правителе македонских вилайетов органов австро-русского контроля. Специальные дипломатические и военные представители двух держав должны были следить за восстановлением мирной жизни и контролировать ход административной, финансовой и судебной реформ.

После получения одобрения всех великих держав Мюрцштегская программа реформ в начале 1904 г. была признана Турцией и, таким образом, открытое вмешательство европейских государств во внутренние дела Османской империи было легализовано.

Несмотря на то, что преобразовательная деятельность Европы на первых порах давала зримые результаты (на территории Македонии почти прекратились притеснения турками местных христиан, их положение в плане имущественной и личной безопасности заметно улучшилось), общему ходу реформ и работе органов иностранного контроля мешало расхождение великодержавных интересов на Балканах. Австро-Венгрия, оглядываясь на Германию, готовила почву для сделки с Портой и поэтому придавала реформам более формальный характер, чем Россия. Но в целом, совместные действия двух великих держав в Македонии, по мнению исследователей, можно считать началом конструктивной интернационализации македонского вопроса. Осенью 1907 г. Россия и Австро-Венгрия заявили о продлении Мюрцштегского соглашения до 1914 г.[1]

Стремясь доказать, что Македония является соответственно болгарской, греческой или сербской территорией, София, Афины и Белград, помимо усилий в плане церковно-просветительской пропаганды, особое предпочтение стали отдавать силовым методам, а именно – вооруженным четническим акциям.

Усилению соперничества невольно способствовала и политика великих держав в Македонии. Стремясь нормализовать жизнь в крае и урегулировать церковно-школьный спор, Россия и Австро-Венгрия в рамках Мюрцштегской программы предложили провести административно-территориальную реформу с учетом расселения народностей. Это намерение национально-территориального размежевания Македонии вызвало обратный эффект, спровоцировав усиление кровавой междоусобицы в Македонии, апогей которой пришелся на 1905 год[2].

Совместная русско-английская Ревельская программа 1908 г. предусматривая фактическую автономию Македонии под контролем

[1] Учаева Н.А. Указ. соч. С. 56–57.
[2] Там же. С.63.

inslav

европейских держав, представляла собой наиболее радикальный вариант временного устройства территории.

Летом 1908 г. в Македонии вспыхнуло вооруженное восстание, возглавляемое офицерами-младотурками. На многочисленных митингах, «от имени народа и армии», было провозглашено восстановление конституции 1876 г. Одним из наиболее существенных факторов, определивших ход дальнейших событий, было присоединение к повстанцам македонских и албанских национальных организаций. Части восставшей турецкой армии были поддержаны четами в Македонии.

В ожидании широких реформ, предусматривавших представление равных прав всем народам Османской империи, четы в Македонии прекратили свою борьбу. Осенью 1908 г., по требованию младотурок, Мюрцштегская программа реформ с ее системой международного наблюдения над администрацией македонских вилайетов, была свернута. Ревельская программа, так и оставшаяся на бумаге, было последней попыткой великих держав реформировать Македонию. С этого времени македонский вопрос снова стал внутренней проблемой Османской империи, что приблизило в регионе войну за македонское наследство[1].

Младотурецкое правительство перешло к политике «оттоманизации», а фактически – тюркизации. Турецкие власти, опасаясь потерять Македонию, начали переселять туда мусульман из других районов, прежде всего из Боснии и Герцеговины. Посредством переселенческой политики предполагалось добиться преобладания мусульман над христианами и этим путем привести к благополучному для Турции разрешению македонского вопроса[2].

В первое десятилетие XX века обсуждались в основном два варианта решения македонского вопроса: раздел края между соседними государствами или предоставление ему автономии. Первый вариант неизбежно вел к войне в регионе и отвергался всеми великими державами, включая Россию. Их политика в рамках Мюрцштегской программы и политика Ревельской программы позволяли надеяться на предоставлении Македонии автономии под европейским контролем и предотвращение, таким образом, балканской войны. Однако после младотурецкой революции 1908 г. македонская проблема, изъятая из рук европейской дипломатии, была загнана внутрь, что делало войну в регионе неизбежной.

Взглянем теперь на «балканский феномен» глазами тех его современников, кто стремился к объективной интерпретации событий и

[1] Там же. С. 68.

[2] На пути к Югославии: за и против. С. 332.

inslav

процессов, разворачивавшихся в регионе, и тем самым внес вклад в историографию этого сложного вопроса. Речь пойдет о взглядах Оскара Яси, лидера радикального крыла венгерского либерализма, политика и публициста, активно разрабатывавшего проблемы межнациональных отношений в Австро-Венгрии. В 1909 г. он поместил на страницах редактируемого им либерального научного и публицистического журнала «Двадцатый век» статью «Конфликты на Балканах».

Обострение «восточного вопроса», в начале XX века перешедшее в глубокий кризис, отражало столкновение трех векторов исторического развития балканского региона: культурно-цивилизационного (исламская Турция – греко- и римско-католические, а также православные балканские народы и страны), растущего экспансионизма великих держав, движения народов (этносов) Юго-Восточной Европы к национальному самоопределению[1].

Отмечая отставание процесса национально-государственной консолидации в Центральной и Юго-Восточной Европе в сравнении с Западной Европой, Яси указывал в качестве причин на сохранение множества феодальных элементов в социальной структуре балканских наций, иностранный диктат, межэтнические противоречия[2].

Разделяя методологический принцип детерминизма в истории, концепцию единства всемирно-исторического процесса и линейного прогресса, Яси рассматривал в качестве универсальной закономерности общественного развития Нового времени взаимообусловленные и взаимосвязанные движения к политическому, социальному и национальному освобождению. В успехе этих движений заинтересованы в первую очередь городская буржуазия и «латинский класс» (интеллигенция). Им противостоит старый мир, который держится за прежние привилегии и привержен партикуляризму. Это – малозначащие династии, крупные землевладельцы и верхи католического клира, которые повсюду «прилипают к царствующим домам». Исход противоборства двух лагерей, как свидетельствует западноевропейский опыт, решала военная сила, которая служила опорой монархии, ставшей во главе национально-объединительного движения (сардинское, прусское королевства). Роль объединителя могла играть и иностранная династия, которая, исходя из соображений внешнеполитического соперничества, поддерживала национально-освободительное движение в другой стране[3]. Яси акцентировал внимание на силовом решение национального вопроса в передовой Западной Европе.

---

[1] Jászi O. A balkán bonyodalmak // Huszadik Század. 1909. XIX. köt. 321. o.
[2] Ibid. 322. o.
[3] Ibid. 323. o.

inslav

Национально-освободительное и объединительное движение на Балканах в еще большей степени приняло насильственные, кровавые формы, натолкнувшись на средневековый партикуляризм и упорное сопротивление военщины и церкви. В этом регионе, оказавшемся в зоне геополитических интересов великих держав, государства Сербия, Черногория, Румыния, Болгария и Греция образовались в условиях кровопролитной подпольной борьбы, в атмосфере дипломатических интриг.

В начале XX века кровавый кошмар не остался в прошлом: об этом свидетельствует ситуация в Македонии. Горноджумайское (1902 г.), Илинденское и Преображенское (1903 г.) восстания были жестоко подавлены турецкими властями. Следует отметить, что в ходе македонских восстаний насилие – постоянный спутник всех сепаратистских движений – проявилось в полной мере с обеих сторон. Именно македонский фактор, пишет современный российский исследователь Н. А. Учаева, в конце концов привел к Балканским войнам 1912–1913 гг., которые, в свою очередь, стали прологом Первой мировой войны[1]. В обрисовке македонского «казуса» Яси опирался на корреспонденции австрийских («Neue Freie Presse»), французских («La Vie Contemporaine», «Le Courier Europeen»), венгерских («Pester loyd») и других газет, указывая на несовпадающие оценки журналистов. Первое, что обращало на себя внимание, – эскалация террора в 1903–1907 гг. Из 2500 убийств половина приходилась на 1907 г. Убивали людей своей и другой национальности и веры, движимые мотивами кровной мести (архаичный талион), в наказание за измену, отказ от уплаты налогов. В убийствах, поджогах и грабежах уличаются не только турки (описываются налеты в Андрианопольском вилайете в апреле 1905 г.), но и болгары, албанцы, греки, румыны. Националистическим психозом была охвачена наряду с широкими слоями населения и местная интеллигенция. Показательно приводимое в статье Яси «обещание» румынского профессора Дисосеску, который на митинге в Бухаресте 11 августа 1905 г. пригрозил за каждую голову румына ответить головой грека в Румынии»[2].

Хронический разгул грабежей и убийств дополнялся административной анархией, грабительской налоговой практикой. И повсеместно царила коррумпированность чиновников, включая судей, злоупотреблявших служебным положением[3].

За всеми приведенными фактами, полагал Яси, просматриваются властолюбие греков, жестокость албанцев, коррумпированность турецкой администрации, бездействие великих держав, превышение

[1] Учаева Н.А. Указ. соч. С. 3.
[2] Jászi O. Op. cit. 327. o.
[3] Ibid. 327–328. o.

inslav

церковью своих полномочий[1]. Экономическую основу устаревшей системы управления составляла, по данным Яси, феодальная форма землевладения – чифлик. Лучшие земли находились в руках турецких беков. Арендаторы земли – болгары – превращались в крепостных. Земледельцы вынуждены были нести дополнительные повинности и платежи в обмен на защиту от разбойничьих банд[2].

Македония, по представлениям Яси, отстала от Западной Европы на много столетий. Это еще средневековый социум с племенным партикуляризмом и властью мелких деспотов. Рассматривая этнонациональный ландшафт Балкан, Яси обращал внимание на естественное тяготение («гравитацию») балканских государств к своим соплеменникам в Македонии. Он констатировал численное превосходство в составе македонского населения сербов и болгар, однако одновременно указывал на значительный удельный вес славян, говорящих на языке, который полностью не совпадает ни с болгарским, ни с сербским[3]. Как видим, Яси затронул проблему – острую и сегодня – признания или непризнания существования македонцев как нации с правом на самоопределение[4]. Венгерский публицист никак не прокомментировал Мюрцштегскую (1903 г.) и Ревельскую (1908 г.) программы реформирования Македонии и предоставления ей автономии под европейским контролем.

Возвращаясь к проблеме национально-государственного строительства на Балканах, Яси подчеркивал, что образование таких государств, как Сербия, Греция, Болгария, Румыния, не располагавших своими вооруженными силами и не возглавляемых авторитетными династиями, поддерживалось извне, усилиями европейских держав, «импортировавших» чужеродных правителей[5]. И это был далеко не мирный легитимный процесс. К примеру, замечал Яси, истории великосербского движения можно дать другое название – «От покушения к покушению»[6].

Особое значение в процессе сложения национальных государств и выстраивания их взаимоотношений Яси отводил таможенной политике, в частности между Сербией и Черногорией и в отношении Боснии. Умная таможенная политика обеспечила бы, писал он, мирный гладкий процесс присоединения Боснии[7].

---

[1] Ibid. 328. o.
[2] Ibid. 329. o.
[3] Ibid. 330. o.
[4] Романенко С. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2001. С. 488.
[5] Jászi O. Op. cit. 331. o.
[6] Ibid. 332. o.
[7] Ibid. 333.o.

inslav

Боснийский кризис 1908 г. был расценен Яси как «легкомысленная аннексия», движимая не здравым смыслом и рыночно-экономическими императивами, а традиционными военно-династическими интересами и алчностью аграриев. Вновь стало ясно, что судьбу балканских государств почти полностью решают придворные круги, но не парламенты, не обладающие никаким авторитетом[1].

В Боснийском кризисе Яси увидел столкновение австро-венгерского империализма и модернизирующейся Турции, с которой в отдельных кругах элиты связывали планы создания Балканской Швейцарии (федерализации подвластных Порте славянских и албанских территорий). В этом поединке, однако, не будет победителя. Австрийские военные и дипломатические круги изо дня в день с горечью чувствуют, отмечал Яси, ослабление позиций Монархии как великой державы. И, напротив, он констатировал нарастание экспансионистских тенденций во внешней политике Болгарии и Греции[2].

По мнению современного российского исследователя, «двуединая монархия Габсбургов стремилась установить свой контроль над Балканским полуостровом и прочно обосноваться на Адриатическом побережье. Для этого Дунайской монархии необходимо было присоединить турецкие провинции Боснию и Герцеговину»[3].

В интерпретации венгерского интеллектуала, предложенной сто лет назад, «австрийский новый империализм стремится стать во главе мощного многоязычного государства и распространить на восток и юг западную культуру». Аннексия Боснии-Герцеговины – первый решающий шаг на пути империализма по направлению к Салоникам. Это самый короткий путь в сторону Малой Азии и Индии[4].

Австрийским гегемонистским планам Яси противопоставляет проект Дунайской конфедерации, истоки которого восходят к идеям Лайоша Кошута. Исходный посыл проекта состоит в тезисе о культурном превосходстве венгров по отношению к балканским нациям[5]. В заключение Яси прогнозировал три варианта разрешения Боснийского конфликта («хаоса»): территориальный передел, осуществляемый великими державами, новое территориальное «округление» Балканских государств, формирование нового балканского союза[6].

---

[1] Ibid. 334–335. o.

[2] Ibid. 321, 335. o.

[3] Лунева Ю.В. Боснийский кризис 1908-1909 годов: провал тайной сделки Извольского и Эренталя // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 53.

[4] Jászi O. Op. cit. 336, 337. o.

[5] Ibid. 338. o.

[6] Ibid. 339. o.

inslav

Ар. А. Улунян

АЛЬФРЕД РАППАПОРТ РИТТЕР ФОН АРБЕНГАУ И НЕСОСТОЯВШИЙСЯ КОРОЛЬ АЛБАНИИ

Соперничество Великих Держав за влияние на Балканах и серьезные противоречия между молодыми государствами в регионе из-за их стремления усилить свои позиции способствовали обострению этнотерриториальных проблем на полуострове. Провозглашение албанскими представителями в г. Влора 28 ноября 1912 г. независимости Албании после заключенного 20 ноября перемирия между членами антиосманской коалиции – Болгарией, Сербией и Черногорией[1], с одной стороны, и Оттоманской Портой, с другой, стало важным событием Первой Балканской войны (1912–1913 гг.) «Албанский вопрос», обсуждавшийся ещё на Берлинском конгрессе 1878 г., имел несколько возможных сценариев разрешения.

Первый из них предполагал создание единого этнотерриториального образования из нескольких существовавших в Османской империи вилайетов, в которых албанцы составляли основное население или большинство. Для властей Порты это означало сделать шаг на пути к автономизации и, затем, в перспективе, созданию независимого албанского государства с помощью того же механизма, что в сербском, болгарском или румынском случаях. Второй сценарий развития «албанского вопроса» заключался в реализации комбинированной схемы: предоставлении албанцам местного самоуправления в рамках территориально-административной реформы в Османской империи, но без какой-либо гарантии создания албанской автономии и под прикрытием провозглашенной султанскими властями доктрины «османизма» – то есть формального равенства всех граждан Османской империи независимо от этнической и конфессиональной принадлежности. Третий сценарий состоял в переходе части территорий, заселенных албанцами, от Османской империи к новым Балканским государствам, в которых албанцы составляли бы национальное (или конфессиональное меньшинство), но при этом пользовались бы всеми гражданскими правами в этих странах. Одновременно другая часть населенных албанцами территорий в этом случае продолжала бы находиться в Османской империи.

Это решение, учитывая особенности балканской этнополитической традиции, таило, свою очередь, несколько вероятных вариантов развития ситуации. С одной стороны, при определенных об-

[1] Греция участвовала в конференции, но отказалась подписать договор о перемирии.

instlav

стоятельствах албанцы были бы вынуждены покинуть населяемые ими территории, вошедшие в состав соседних балканских государств, так как официальные этнополитические доктрины в каждой из этих стран были рассчитаны на создание моноэтничного и моноконфессионального общества, а также на территориальное расширение. С другой, продолжение пребывания албанцев в Османской империи в момент развивавшегося в ней системного кризиса ставило бы постоянно на повестку дня вопрос создания собственной национальной государственности, чему препятствовала бы Порта. Однако из всех так называемых аналитических моделей решения «албанского вопроса» исторические и политические условия Балканского полуострова времен Берлинского конгресса (1878 г.) способствовали реализации единственного сценария: сохранение бо́льшей части албанцев и территорий их проживания за Османской империей и вхождение отдельных из них в состав новых балканских государств. Поэтому появление независимой Албании серьезно изменило ситуацию на полуострове, повлияв не только на политику стран региона, но и Великих Держав. В исторических условиях начала XX века именно от позиций последних зависела судьба нового образования. В частности, Австро-Венгрия стремилась не допустить расширения влияния Российской империи на Балканах и рассматривала независимую Албанию как противовес Санкт-Петербургу и его союзникам в Балканском регионе. В связи с этим позиции австро-венгерской дипломатии заключалась в поддержке плана создания нового государства в максимально возможных территориальных границах. В свою очередь Франция, союзница России, крайне негативно отнеслась к подобному проекту, рассматривая его как угрозу усиления Австро-Венгрии на Балканах и Средиземноморском бассейне. В условиях продолжавшейся неурегулированности взаимоотношений в Балканском регионе, который рассматривался Великими Державами как важный для их внешнеполитических позиций регион, происходящее в Албании оказывалось в центре внимания мировой дипломатии. На проходившей в Лондоне конференции послов 27 декабря 1912 г. было принято решение о создании автономной Албании, зависящей от Османской империи и находящейся под патронажем шести Великих Держав – Австро-Венгрии, Италии, Франции, России, Великобритании и Германии.

Тем временем в албанских политических кругах и части общества начала высказываться мысль о необходимости призвания на престол представителя мусульманской династии, в частности, османского принца и родственника султана Халима Эддина. Этот факт достаточно широко обсуждался в прессе того времени, но исключительно

inslav

как возможное предположение, так как окончательное решение зависело, прежде всего, от Великих Держав. Информация о Халиме Эддине распространилась в прессе.

13 февраля 1913 г. в порту Дуррес высадилась группа из нескольких человек, один из которых заявил, что он является Халимом Эддином, а остальные двое – сопровождавшими его лицами. Накануне их прибытия Эсад-паша Топтани – один из ведущих военных и политических деятелей албанского национального движения, командовавший турецкими войсками в районе Дурреса и центральной Албании, получил телеграмму за подписью «Султан» (имелся в виду султан Мехмет V) о приезде принца Халима и принятии им албанского трона и другую, но за подписью «Высшее командование» о переходе вооруженных сил в Албании под командование принца. 15 февраля он был коронован под именем Отто I при большом стечении народа и в присутствии иностранных представителей, включая и дипломатических сотрудников ряда Великих Держав. Единственными дипломатами, отказавшимися присутствовать на церемонии, были австрийцы. Они получили из Вены срочную телеграмму Альфреда Раппопорта Риттера фон Арбенгау – главы албанского отдела и заместителя главы Восточного департамента министерства иностранных дел Австро-Венгрии, являвшегося главным советником министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Леопольда Берхтольда. Он назвал представившегося Халимом Эддином человека самозванцем. Столь неожиданно резкая характеристика была неслучайной. Фон Арбенгау был одним из тех немногих европейских дипломатов, кто хорошо знал Балканы в целом и Албанию, в частности. Его связи среди албанских политических деятелей позволили обеспечить Австро-Венгрии присутствие во временной администрации создаваемого государства не только в политическом, но и военном отношениях. Так, в частности, австрийцы получили монопольный контроль над формируемыми артиллерийскими частями и могли соревноваться по своему влиянию с итальянцами, голландцами и англичанами при создании албанских вооруженных сил. Более того, Альфред фон Арбенгау лично знал большинство представителей султанской семьи и был знаком с принцем Халимом Эддином. Примечательно, что события развивались на фоне противостояния между Веной и Санкт-Петербургом по вопросу о будущих границах, что не являлось секретом даже для журналистов, сообщавших в своих газетах о деталях разногласий между Российской и Австро-Венгерской империями. Поездка принца Гогенлое, происходившая как раз в период

inslav

событий, с личным посланием императора Франца Иосифа к Николаю II и его возвращение из Санкт-Петербурга без какого-то серьезного результата, лишь подчеркивала усиливавшуюся важность «албанского вопроса». Особенно жёсткая борьба развернулась вокруг принадлежности Скутари, на который претендовала Черногория и в войсках этой страны был популярен лозунг «Скутари или смерть!», по аналогии с лозунгом многих национальных движений, боровшихся за независимость: «Свобода или смерть!».

Спустя день после коронации «Отто I» сам Халим Эддин направил телеграмму Эсад-паша Топтани о том, что коронованный на трон король – это не он. Эсад-паша, узнав об обмане, решил арестовать нового монарха, но сделать этого не смог, так как охрана, верная «Отто I» и получившая от него достаточно большое по меркам тогдашней Албании вознаграждение золотом, не допустила этого. Серьезной поддержкой он пользовался и у местного населения, которому раздал крупные денежные суммы. Пытаясь, вероятно, отвлечь внимание от разгоравшегося скандала, «Отто I» объявил войну Черногории и заявил даже о том, что собирается захватить сербскую столицу Белград. В то же время, чувствуя, что долго он не сможет играть свою роль и разоблачение неминуемо приведёт к гибели, «король» и его ближайшие сподвижники, бежали из страны 19 февраля 1913 г. Вскоре стали известны биографические подробности того, кто скрывался под именем лже-Халима Эддина и «Отто I» и кем были в действительности его ближайшие сподвижники.

Короновавшимся на албанский трон королем оказался некто Отто Витте (Otto Witte) – немецкий цирковой актер, путешествовавший по Османской империи. Узнав о том, что албанцы хотят видеть своим королем принца Халима Эддина он обнаружил по имевшимся фотографиям своё сходство с родственником султана[1]. Вместе со своим коллегой по цирковому ремеслу шпагоглотателем Максом Шлепсигом (Max Schlepsig), известным также как Макс Хоффман (Hoffman), Витте решил использовать момент, когда в Османской империи произошёл государственный переворот и к власти пришли младотурки, отказавшиеся подписывать мирный договор со странами-участницами Балканского союза. Такая версия событий публиковалась вскоре в евро-

[1] Описание событий в изложении самого О. Витте: Otto Witte: Fünf Tage König von Albanien. Hamburg, 1932. Книга дочери О. Витте: Witte E. 5 Tage König von Albanien – Erlebnisse eines deutschen Abenteurers in Orient und Okzident»Ein Tatsachenbericht von Otto Witte – Pankow, Im Selbstverlag des Verfassers,1939; Nitzu P. F. Fünf Tage Königin Albanien // Daheim,1935.№47,48,49. Публикации: Friedrich Wencker-Wildberg: Ungekrönte Könige. Abenteuer der Weltgeschichte. Bertelsmann Lesering, Gütersloh, 1959.

inslav

пейской печати и стала «канонической». Однако ряд обстоятельств дает основания для того, чтобы считать, что события 13–19 февраля, то есть после возобновления боевых действий между Османской империей и балканскими союзниками имели более глубинные причины и являлись не случайными действиями международных авантюристов.

Основанием для подобных предположений служит ряд данных как самой биографии Отто Витте, так и весьма подозрительное стечение обстоятельств. В частности, несостоявшийся монарх, точная дата рождения которого и место (Дортмунд, деревня под Магдебургом и город Геймбах [Айфель] в земле Северный Рейн-Вестфалия) до сих пор остаются спорными (на его надгробии значится 16 октября 1872 г., а по найденным недавно данным это 1871 г.)[1] посещал на протяжении 1912 г., как отмечено в одном из немецких архивных документов, датированных 21 августом 1943 г. и хранящихся в ФРГ, 12 раз Стамбул[2]. Следующим штрихом его биографии является факт записи в армию Османской империи в том же году. Сделал Витте это по рекомендации своего приятеля некоего Исмаила Арзима, несостоявшегося художника и актера, выходца из семьи богатого торговца. Арзим служил в турецкой разведке. В течение года бывший циркач Витте дослужился до звания майора в османской армии. Владея турецким языком, помимо немецкого, он активно занимался разведкой против Сербии и Болгарии. Однако детали операций и всё, что было

[1] Laininger K. H. König für 5 Tage.–http://www.heimbacher-infoblatt de/K%C3%B6nig%20von% 20Albanien. Htm Немецкий автор работал с архивными документами в Германии, где были найдены некоторые материалы личного характера об О. Витте. Однако предпринятые по его просьбе поиски в Албании ничего не дали. См. также: Laininger K. H. König für fünf Tage. 21.02. 2008 // Интернет журнал Panke.info – http://panke.info/pages/geschichten/der-koenig-von-albanien.php?searchresult=1&sstring=Witte#wb_section_ 252

[2] См. материал Ф. Чосьи – сотрудника отделения немецкого языка факультета иностранных языков Тиранского Университета: Qosja F. Një gjerman - 5 ditë Mbret i Shqipërisë. 13.02.2004 – http://www.forumishqiptar.com/showthread.php?t=31616. Он специально интересовался материалами из немецких архивов, имевших отношение к О. Витте и его жизни. Ф. Чосья в публикации не приводит ни названия документа, ни его содержание. Остается неясным с какой целью он был создан в августе 1943 г. и имел ли отношение уже к политике Рейха на Балканах. К сожалению, «бумажная версия» публикации Ф. Чосьи не существует. Вплоть до своей смерти в 1958 г. О. Витте использовал с разрешения властей ФРГ в своих официальных документах титул «ehemaliger König von Albanien» (бывший король Албании). Эта же надпись есть и на его могиле. Как Альфред Раппопорт Риттер фон Арбенгау, переживший Вторую мировую войну и проведший 20–40 гг. в Германии он умер в октябре 1946 г., О. Витте так же не покидал Германии. Однако они никогда не встречались. Попытки «бывшего короля» участвовать в политической жизни в Германии во второй половине 20-х гг. оказались неудачными, несмотря на то, что он нашел сторонников для своей партии, поддерживавшей Гинденбурга.

inslav

связано с этой частью жизни Отто Вите до сих пор неизвестно и не нашло своего отражения в научной литературе. В отдельных газетных публикациях после Первой мировой войны вскользь упоминались его связи с немецкой разведкой в годы, предшествовавшие событиям 13–19 февраля 1913 г. Опубликованные в 1939 г. мемуары, подготовленные дочерью, содержат очень много из того, что можно было бы назвать приключениями. По ним, однако, совершенно невозможно восстановить реальную картину происходившего на протяжении пяти февральских дней и всего того, что предшествовало этим событиям. Интерес представляет несколько фактов.

Во-первых, тексты телеграмма, подписанные как «Султан» и «принц Халим Эддин», были написаны Исмаилом Арзимом и отправлены из Константинополя капитаном Волкаром. Это объяснялось тем, что сам Отто не владел навыками письменного языка, хотя мог свободно говорить на турецком и ряде других языков. И если это объяснение еще можно принять, то второе, что в условиях, когда младотурки захватили власть в стране и пользовались поддержкой в армии, сотрудник разведки Арзим и некий капитан взялись самостоятельно за явно авантюрное предприятие с однозначно фатальными последствиями для себя, очень сомнительно. В текстах телеграмм содержалась команда перехода под руководство приезжающего «принца Халима» войск под началом Эссад паши Топтани – албанца, которому в военных кругах Османской империи начинали не доверять из-за его участия в албанском национальном движении. Более того, вместе с Отто Витте в Дуррес отправился лично Арзим, который представлял его перед турецкими войсками и албанцами не иначе как принца Халима Эддина.

Во-вторых, легкость, с которой лжепринц был принят за настоящего в условиях войны и, к тому же, османскими военными и Эсад-пашой Топтани, необычна для подобной ситуации. Примечательно, что Исмаил Арзим крайне негативно отнёсся к тому, чтобы приглашение на албанский трон шло от военных. Он аргументировал это тем, что такая авантюра может рассматриваться как мятеж и была чревата вполне определенными последствия для него как офицера. Имея в виду воинское звание Витте – майора османской армии, сам «принц» подпадал под уголовное преследование по аналогичной статье, но он совершенно этого не опасался и даже настаивал на реализации именно этого плана. Арзим, ссылаясь на нежелательность такого развития ситуации, выступал за то, чтобы главными действующими лицами были Эсад-паша, албанские политики и сами албанцы. Он настаивал на необходимости выступить с заявлением о согласии Халима Эддина стать албанским королем и ожидать реакции султана, который, как

inslav

считалось, должен был согласиться с этим. Тем временем, 17 февраля 1913 г. Великий визирь (фактически премьер) Махмуд Шевкет-паша сделал заявление о необходимости проведения мирных переговоров с Великими Державами, что свидетельствовало о: 1) явном преувеличении военных возможностей Османской империи, сделанных младотурками ранее и 2) стремлении вести дело преимущественно с «Европейским концертом», а не с балканскими странами, которые непосредственно воевали против Порты.

Наконец, в-третьих, после того, как 19 февраля, О. Витте был вынужден бежать вместе со своими ближайшими друзьями – И. Арзимом и М. Шлепсигом (Хоффманом) и в сопровождении 20 османских офицеров, он никогда не встречался с ними и был единственным, кто оставил письменные воспоминания о происходившем. Следы Арзима, Шлепсига, а также капитана Волкара таинственным образом затерялись.

Тем временем, события 13–19 февраля 1912 г. вызвали серьезные опасения в Вене, где фон Арбенгау сразу определил происходящее как мистификацию. В Берлине происходящее расценили как несогласованные с германской стороной действия, о чем было заявлено султану Мехмету. Ввиду отсутствия каких либо исторических источников, поисками которых занимались отдельные исследователи и публицисты, дело «бывшего короля Албании Отто I» так и осталось неясным. Это, однако, не мешает сделать ряд предположений, способных выступить основой для рабочей гипотезы, требующей проверки. Ее суть сводится к следующему.

В условиях, когда правительство младотурок отказалось подписать с членами балканского союза мирный договор, в процессе выработки которого активное участие принимали Великие Державы, а новые вожди империи стремились продолжить войну, веря в победу, они разработали план по использованию «албанской карты». Его реализация преследовала, по всей видимости, сразу несколько задач, а сам он заключался в том, чтобы с использованием сотрудников разведки добиться создания албанского квазигосударственного образования, которое будет возглавляться представителем османского правящего дома. Это снимало бы с повестки дня вопрос о суверенитете Албании и превращало её в вассала Османской империи без территориальных потерь для последней. Сами албанцы получали бы в соответствии с существовавшими в части албанского общества ожиданиями наиболее приемлемую для них кандидатуру монарха. В свою очередь, Великие Державы, стремившиеся «умиротворения» Балкан и имевшие собственные планы и интересы, могли бы (по вероятным расчётам авторов сценария, если таковой был) пойти либо на компромисс, чтобы не обо-

inslav

стрять ситуацию, либо перешли к более жесткому противостоянии (особенно Австро-Венгрия и Россия, имевшие диаметрально противоположные представления о том, каковы будут границы Албании). Противоречия между членами «Европейского концерта», которые и так уже создали военные блоки, могли перерасти в войну, что было бы выгодно существовавшему в Османской империи режиму. Наконец, члены Балканского союза в этом случае переставали бы уже надеяться на помощь Великих Держав и теряли бы веру в них. Они начали бы поиск возможных путей договориться с Портой и конфликтовать друг с другом. Именно поэтому на роль короля Албании на первом этапе подходил похожий на Халима Эддина Отто Витте – немец по происхождению, майор османской армии. Имея в виду особые отношения между Стамбулом и Берлином, который направил по просьбе султанского правительства в Османскую империю миссию Кольмара фон дер Гольца, являвшегося на протяжении 1909-1912 гг. вице-председателем Высшего военного совета Османской империи и автором плана её военных действий на Балканах накануне Первой Балканской войны, использование Витте в этой операции носило принципиально важный для младотурок характер. Расчет мог делаться на невмешательство Германии в происходящее и поддержку ею плана. Вероятно, что от Халима Эддина ожидалось согласие на то, чтобы стать албанским королем post factum, т. е. когда похожий на него Отто Витте был бы уже провозглашен монархом. В таком случае наступал бы второй этап операции – замена «двойника» на настоящего принца.

Не исключался, возможно, и провал всего замысла. В этом случае всё списалось бы на авантюриста-циркача, который разыграл подобный спектакль, что могло лишь подчеркнуть несерьезность намерений албанских политиков и вождей, политическая и общественная зрелость которых ставилась бы под сомнение. Разумеется, данная версия требует серьезной проверки, но отсутствие документов, которые могли пролить свет на события 13–18 февраля 1912 г.[1] может

[1] Примечательно, что в академических изданиях истории Албании, а также в научных исследованиях, посвященных этому периоду албанской и балканской истории, фактически отсутствует какая-либо информация о происходивших 13–18 февраля 1913 г. событиях. Лишь одно из них содержит уже известную версию событий (Michael Schmidt-Neke: Pseudologia phantastica und Orientalismus: Albanien als imaginäre Bühne für Spiridion Gopčević, Karl May und Otto Witte // Jahrbuch der Karl-May-Gesellschaft.2006), а в другом есть упоминание об этом: Schmidt-Neke M. Entstehung und Ausbau der Königsdiktatur in Albanien (1912–1939). München, 1987. S. 30. В ряде публикаций существовали серьезные ошибки относительно даты происходивших событий, которые по этой не соответствующей реалиям версии, имели место 13–19 августа 1913 г. уже после заключения Бухарестского мира 12 августа 1913 г., т. е. после Второй (Межсоюзнической) Балканской войны. Нередко выдвигались предположения о том, что Отто Витте придумал всё сам, используя

inslav

также рассматриваться как одно из косвенных подтверждений реальности сделанных предположений. Учитывая ситуацию конца января – начала февраля 1912 г. в Османской империи, власть в которой в результате государственного переворота захватили младотурки, а также соблюдение секретности, необходимой при проведении плана, вполне можно допустить устный характер делавшихся приказов и распоряжений кого-то из высших руководителей младотурок. Судя по всему, одним из главных действовавших лиц этой комбинации являлся сотрудник разведки Исмаил Арзим. Однако кто конкретно мог участвовать в разработке и планировании операции остается загадкой. В том случае, если предлагаемая версия верна, не исключено, что в это дело был как-то вовлечен Великий Визирь Махмуд Шевкет-паша, который хорошо разбирался в «албанских делах, так как в 1905г. он был назначен губернатором Косово, а в 1909г. занимал пост командующего 3-ей армией, прикрывавшей Македонию и имевшей штаб-квартиру в Салониках. В любом случае, тайна операции «коронация Отто I», сможет быть раскрыта только после получения документов (если такие существуют) из архивов многих стран. Однако первый, кто обнаружил эту политическую аферу был австро-венгерский дипломат Альфред Раппопорт Риттер фон Арбенгау, лично курировавший в австрийском МИДе вопрос выбора кандидатуры будущего албанского монарха, которого должны были избрать Великие Державы.

реальные факты из истории Албании с участием принца Вильгельма цу Вида, который был правителем Албании по решению Великих держав, (7 марта-3 сентября 1914 г.), но в связи началом Первой мировой войны его правление фактически было подорвано действиями соседних Балканских стран, начавших оккупацию страны. Существующая историография имеет более популярный оттенок, чем научный, а сама тема «короля Отто» обыгрывается в журналистских расследованиях и произведениях жанра фикшн. К числу журналистских публикаций можно отнести: "King" for five days // The Canberra Times, 17.10.1934; Albania: The Man Who Was King // The Time, 25.08 1958 (Описание истории «коронации» несостоявшегося короля Албании давалось в статье в связи со смертью О. Витте в возрасте 87 лет и преподносилось как исторический курьез). Аналогична по своему содержанию другая публикация: Непомнящий Н. Отто, король албанский // Вокруг света. 1999. Март. Более информативна публикация: Borck W. «King» Of Albania For Five Days – By A Hoax // The Age, 28.01.1959 (в ней ошибочно указаны 12–17 февраля 1912 г. как даты происходивших событий); Otto Witte // The New York Times, 14.08.1958. Жанр журналистских расследований и фикшн представлены лучше в: Les Génies de l'arnaque. Paris, 1994 («Гении аферы» является публицистикой. Авторы книги описали многочисленные примеры международных афер, в число которых они включили и сюжет о событиях 1913 г. в Албании); Turtledove H. Every Inch a King. 2007 (построена на реальных событиях февраля 1913 г., но автор Г. Тортлдоу использовал собственные названия стран и переименовал некоторых героев. В частности, Отто Витте он вывел в персонаже Отто Шлепсигский, а Макса Шлепсига в Максе Витте. Само название Албании дано в «албанизированной» форме – Шкипери. Примечательно, что название Германии у автора звучит как Шлепсиг); Lux A. Otto der Große. (Theaterstück). Berlin, 2000.

inslav

РАЗДЕЛ IV. АВСТРО-ВЕНГРИЯ И РОССИЯ

А.Н. Птицын

ИЗ РОССИИ В АВСТРО-ВЕНГРИЮ: МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Россия и Австро-Венгрия в XIX – начале XX века являлись активными участниками мировых миграционных процессов. Выходцы из этих государств, в частности, находились на ведущих позициях среди иммигрантов в США. Весьма значительной была и трансграничная миграция между двумя странами, однако эта проблема до сих пор изучена слабо.

Сальдо внешних миграций между Россией и Габсбургской монархией для нашей страны было положительным. За период с 1828 по 1915 г. оно составило 827,3 тыс. человек. Этот перевес был достигнут, главным образом, за счет массовой миграции из Австро-Венгрии в Россию в промежуток с 1860 по 1890 г., когда положительный миграционный баланс составил 721,6 тыс. человек. В последующий период – с 1890 по 1915 г. – миграционное сальдо также было положительным для нашей страны, но составило всего 48,7 тыс. человек[1]. Значительное сокращение миграционного баланса на рубеже веков по сравнению с предыдущим тридцатилетием объясняется, во-первых, переориентацией миграционных потоков из Австро-Венгрии с российского на заокеанское направление, и, во-вторых, ростом миграции из России в эту страну, о чем и пойдет речь в данной статье.

Развитию миграционного движения между Россией и Австро-Венгрией способствовали географическое положение двух соседних государств, связанных разветвленной транспортной системой, интенсивное экономическое, политическое и культурное взаимодействие между ними. Масштабы двухсторонней миграции были столь значительными, что в 1904 г. российское правительство, начиная с австро-венгерским руководством переговоры о заключении нового торгового договора, внесло предложение ввести безвизовый режим пересечения границы для подданных обеих стран. Однако это революционная по тем временам идея была отвергнута, поскольку габсбургское правительство опасалось утратить контроль над миграционными процессами[2].

---

[1] Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С. 307.

[2] АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1. Л. 176 об.

inslav

Миграции между двумя странами распадались на ряд взаимосвязанных потоков. Часть переселенцев направлялась в соседнюю страну на постоянное место жительства. Со временем они, как правило, меняли подданство и, в той или иной мере, ассимилировались местным населением. Другие переезжали лишь на определенный срок, отработав который, возвращались на родину. Это же относится и к иностранным студентам. Значительные масштабы в рассматриваемые годы приобрела сезонная миграция сельскохозяйственных рабочих. Кроме того, огромный размах имела краткосрочная миграция – туризм, посещение курортов, деловые поездки торговцев, предпринимателей и коммивояжеров, научные командировки, поездки деятелей культуры и т. д.

В соответствии с тогдашними миграционными правилами, для долгосрочного пребывания иностранцев, как в России, так и в Австро-Венгрии, был необходим паспорт, завизированный в соответствующем иностранном консульстве, для краткосрочных же поездок достаточно было получить легитимационный билет. При этом российские подданные находились в худшем положении, чем иностранцы, ввиду высокой стоимости паспорта и необходимости получать его заново перед каждой поездкой (иностранцы по своему паспорту могли пересекать российскую границу много раз). Сложности с получением российских паспортов вызывали различные злоупотребления (нелегальный переход границы, использование чужого паспорта и т.п.). Фактическое количество людей, покидающих пределы России, было несколько выше официальных цифр за счет лиц, пересекавших границу нелегально[1].

Начало формирования российской диаспоры в Австрийской империи относится еще к концу XVIII столетия. Эта страна стала одним из главных центров переселения русских старообрядцев. В XVIII в. старообрядческие общины возникли на территории Турецкой империи – в Молдавии, Буковине и Добрудже. После присоединения Буковины к Габсбургской монархии (1777 г.) жившие там русские старообрядцы-липоване стали подданными австрийского императора Иосифа II. Более того, последний стал активно приглашать переселиться в Буковину и других старообрядцев из Турции, чтобы заселить эту провинцию. По императорскому патенту от 9 октября 1783 г., старообрядцы получили возможность свободно исполнять свои религиозные обряды и были «навечно» освобождены от воинской обязанности, барщины, десятины и других повинностей, а также – на 20 лет – от уплаты налогов[2].

[1] АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1352. Л. 8.

[2] Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975. С. 206–207.

inslav

В 1784 г. было основано село Белая Криница, ставшее центром старообрядческой колонии в Буковине. В 1786 г. на территории Буковины проживало 83 семейства русских старообрядцев (около 400 человек). В Белой Кринице проживало 30 семейств, в других старообрядческих селах – Соколинцы и Климоуцы – соответственно 27 и 26 семейств. Старообрядческое русское население в Буковине быстро росло за счет беглецов из России – особенно его приток усилился в годы правления Николая I, когда прошла новая волна гонений против раскольников. В 1847 г. на территории Буковины проживало около 2000 старообрядцев[1].

В Белой Кринице действовало два старообрядческих монастыря (мужской и женский). Постепенно Буковина стала центром русского старообрядчества. В здешних монастырях готовили священников, которые затем выезжали в российские приходы. В Белой Кринице была создана типография, большими тиражами издающая старообрядческую литературу. Наконец, с разрешения австрийского правительства была организована и старообрядческая иерархия. В 1846 г. здесь была образована Белокриницкая митрополия, ставшая центральным органом русского старообрядчества. Российское правительство было весьма обеспокоено созданием митрополии и неоднократно требовало от австрийских властей ее закрыть. Но последние ограничивались уверениями в том, что деятельность митрополии будет ограничено лишь территорией Габсбургской монархии, что, разумеется, не исполнялось. Забегая вперед, следует отметить, что Белокриницкая митрополия действовала вплоть до 1944 г., когда была перенесена в Румынию.

Проживавшие в Буковине старообрядцы принадлежали к великорусскому населению. Они занимались, главным образом, сельским хозяйством, а также ремеслом, торговлей, лесными промыслами, ловлей рыбы и т.д. Липоване славились как мастера по сушке и консервированию фруктов. Они имели монополию на торговлю фруктами по всей Буковине, а также вывозили их в Австрию и Россию. Купцы из числа старообрядцев участвовали в дунайской торговле. Из среды липован выходили искусные плотники, изготавливавшие многие изделия, вплоть до экипажей. Шедеврами архитектуры являются буковинские деревянные церкви, напоминающие знаменитые церкви в Кижах. В то же время, старообрядцы, как и другие жители горной Буковины, были вынуждены заниматься отходничеством. Их артели занимались строительством дорог, дамб и других сооружений, лесо-

[1] Субботин Н. История Австрийского, или Белокриницкого священства. Т. I. М., 1874. С. 59.

inslav

заготовками и т.д. Липоване всеми силами старались сохранить свою национальную и религиозную идентичность. Так, например, они долго противились открытию в своих селах светских австрийских школ, опасаясь их влияния на свою молодежь. В то же время, их митрополия была центром церковного образования, и подрастающее поколение получало религиозное воспитание.

В годы правления Александра II положение старообрядцев в России улучшилось, в связи с чем среди австрийских липован в 1870-е гг. большой вес приобрела идея о возвращении на родину. Российские власти пошли этому стремлению навстречу, и консул в Черновцах Д.А. Кара-Динжан в 1873 г. организовал отправку первой партии репатриантов[1]. Однако приход к власти Александра III и его политика вновь привела к ухудшению положения старообрядцев и затормозила репатриацию.

Возвращение австрийских липован на родину состоялось только после 1905 г., когда был издан царский указ «О свободе вероисповеданий», покончивший с дискриминацией старообрядцев. Российское правительство предоставило переселенцам земли в Приамурском крае, куда в 1908 г. прибыла первая партия переселенцев в 200 человек. В последующие годы, вплоть до начала Первой мировой войны, переселение австрийских старообрядцев на Амур продолжалось[2]. Однако большая часть липован предпочла остаться в Буковине, их потомки проживают там до сих пор.

В XIX столетии массовые миграции из России в Габсбургскую империю были связаны с переселениями поляков – участников национально-освободительных восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. Позже некоторым из них было разрешено вернуться назад, однако эти случаи не меняли картины в целом[3].

Прекрасную Вену, одну из мировых столиц, избрали в XIX веке местом своего жительства некоторые русские аристократы. Они имели в этом городе свои особняки, роскошные экипажи, участвовали в светской жизни и поражали венцев неслыханной «русской роскошью». Известный российский дипломат князь А. К. Разумовский (1752–1836) прожил в Вене почти полвека и стал в глазах местных жителей воплощением образа настоящего русского вельможи, его дворец считается одним из архитектурных шедевров Вены (ныне там находится федеральное геологическое ведомство Австрии)[4].

[1] Зарубежные славяне и Россия. С. 208.

[2] РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1261. Л. 5.

[3] Кабузан В. Е. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998. С. 121.

[4] Leidinger H., Moritz V. Russisches Wien. Begegnungen aus vier Jahrhunderten. Wien-Köln-Weimar, 2004. S. 75.

inslav

Писатель Н.С. Лесков, посетивший Вену в 1880 г., был поражен контрастом между роскошным образом жизни и вызывающим поведением своих знакомых русских аристократов в этом городе, и простотой и непритязательностью императора Франца-Иосифа[1].

В конце XIX – начале XX века миграция из России в Австро-Венгрию приняла более массовый и одновременно более сложный характер. Началась массовая эмиграция российских евреев. Среди переселенцев было, по-прежнему немало поляков. В миграционном движении приняли участие и представители многих других народов Российской империи.

По данным переписи 1869 г., в Австро-Венгрии проживало 4,1 тыс. российских подданных. Среди иностранцев, находящихся в этом государстве, россияне занимали 4-е место, их доля составляла 3,3 %. Доминировали же среди иностранцев подданные германских государств (72,1 тыс. человек, или 57,7 %) и Италии (33,5 тыс. человек или 26,7 %), граждан Швейцарии было чуть больше, чем россиян (5,1 тыс. или 4,1 %). Примечательно, что почти все россияне проживали на территории Австрии (Цислейтании), российская же община в Венгрии (Транслейтании) была незначительной[2].

По данным следующей переписи (1880 г.), на территории Австрии было зафиксировано 11,7 тыс. российских подданных. Таким образом, за 12 лет количество россиян там выросло почти в 3 раза. Российская диаспора в Габсбургской монархии занимала тогда третье место среди зарубежных диаспор: в Германии проживало 57,4 тыс. россиян, в Великобритании – 14,5 тыс., во Франции – 10,9 тыс., в Швейцарии – 2 тыс.[3]

В 1900 г. очередная перепись показала, что количество российских подданных в Австрии достигло 21 тыс. человек[4]. Таким образом, в последней трети XIX века оно выросло в 5 раз. Любопытно сопоставить эти данные со сведениями о количестве подданных Франца-Иосифа, проживавших в то время в России. По данным переписи 1897 г., там находилось 122 тыс. габсбургских подданных, что составляло 20 % от общего числа всех иностранцев (австро-венгерские подданные в России по количеству уступали только германским подданным)[5]. Сравнивая

[1] Лесков Н. С. Император Франц-Иосиф без этикета // Исторический вестник. 1881. Январь. Т. 4. С. 143.

[2] Янсон Ю. Э. Сравнительная статистика России и западно-европейских государствек Т. 1. СПб., 1878. С. 80.

[3] Статистика Российской империи. Сборник сведений о России за 1884–1885 гг. СПб., 1887. С. 57.

[4] Оболенский (Осинский) В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 17.

[5] Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. СПб., 1905. Т. I. С.122–123.

inslav

данные о количестве переселенцев в обеих странах на рубеже XIX–XX веков, и принимая во внимание, что население России в то время превосходило население Австро-Венгрии в три с лишним раза, можно говорить о том, что интенсивность миграций в нашу страну была во много раз выше. Подавляющее большинство австро-венгерских подданных в России перепись 1897 г. относила к постоянному населению. Среди переселенцев были крестьяне-колонисты, сельскохозяйственные и промышленные рабочие, торговцы, фабриканты, специалисты-техники, учителя, музыканты и люди других профессий. В России проживали представители почти всех народов Габсбургской монархии, большинство среди них составляли славяне – чехи, русины и галицийские поляки. Десятки тысяч (в начале XX века даже сотни тысяч) подданных Австро-Венгрии ежегодно посещали Россию с краткосрочными поездками[1].

За первое десятилетие XX века количество россиян, проживавших в Австрии, удвоилось, составив, по данным переписи 1910 г., 41 тыс. человек[2]. Это было, в основном, постоянное население, доля прибывших на краткие сроки среди россиян не превышала 25 %. Фактическое количество переселенцев из России было выше приведенных цифр, потому что многие из них отказывалась от российского и получали австро-венгерское подданство.

Самая крупная российская колония находилась в австрийской столице, она быстро росла. В 1900 г. в Вене проживало 1.703 российских подданных, в 1910 г. их насчитывалось уже 4.101[3]. Таким образом, всего за 10 лет количество россиян в столице Габсбургов выросло в 2,4 раза. В Вене в 1900 г. проживал каждый двенадцатый, а в 1910 г. – каждый десятый россиянин из числа находившихся в Австро-Венгрии. Увеличение венской колонии было связано с ростом еврейской эмиграции, притоком российских студентов, прибытием новых политических эмигрантов после революции 1905–1907 гг. К началу 1912 г. в Вене россиян проживало уже 5.324[4].

Российские подданные за границей пользовались поддержкой дипломатических представителей своей страны. В начале XX века на территории Австро-Венгрии действовали российское посольство в Вене, генеральные консульства в Вене и Будапеште, консульства в Львове, Черновцах, Триесте, Фиуме, Сараево и Праге (последнее

[1] В 1912 г., например, Россию посетили с краткосрочными поездками 678 тыс. австро-венгерских подданных, главным образом сельскохозяйственных рабочих и торговцевек (Статистический ежегодник России. 1913 г. СПб., 1914. II Отд. С. 49).

[2] Оболенский (Осинский) В.В. Указ. соч. С. 17.

[3] John M., Lichtblau A. Schmelztiegel Wien – einst und jetzt. Zur Geschichte und Gegenwart von Zuwanderung und Minderheiten. Wien-Köln, 1990. S. 17.

[4] Leidinger H., Moritz V. Russisches Wien. S. 133.

inslav

открыто в 1909 г.). Русские православные храмы, посещаемые соотечественниками, действовали в Вене, Ироме (близ Будапешта), Праге, Карлсбаде, Франценсбаде[1].

Среди российских эмигрантов, прибывавших в Дунайскую монархию в конце XIX – начале XX века, доминировали евреи. Еврейская эмиграция приобрела широкий размах с начала 1880-х гг., когда был издан ряд дискриминационных законов, и прошла первая волна еврейских погромов. Говоря о причинах еврейской эмиграции, А. И. Миллер отмечал, что «наряду с ростом враждебности к евреям и их правовой дискриминацией важным побудительным мотивом была бедность»[2]. Проживавшим в перенаселенной «черте оседлости» евреям было трудно обеспечить приемлемый уровень жизни, и многим их них выход виделся в эмиграции. Часть евреев, выселенных в 1880-е гг. из местностей, не входивших в «черту оседлости», предпочла выезд за границу возвращению в западные губернии России. Всего с 1881 по 1914 г. из России эмигрировало 1 млн. 980 тыс. евреев, из них 1 млн. 557 тыс. прибыло в США[3]. В отличие от еврейской эмиграции в США, проблемы эмиграции российских евреев в различные европейские страны, в том числе в Австро-Венгрию, до сих пор изучены слабо.

Габсбургская монархия выглядела в глазах российских евреев весьма привлекательно. Она была одной из немногих европейских стран, не знавших антисемитизма на официальном уровне. Наоборот, императора Франца-Иосифа недоброжелатели постоянно обвиняли в покровительстве евреям. Российские дипломаты, аккредитованные в Австро-Венгрии, в своих донесениях часто жаловались на «засилье» евреев в экономической и политической жизни Габсбургской монархии и на их «пагубное влияние» на формирование ее внешнеполитического курса.

Еврейские переселенцы из России стремились попасть, главным образом, в экономически развитые собственно австрийские, чешские и венгерские земли, хотя часть из них оседала в отсталой пограничной Галиции. Наиболее крупная община евреев-эмигрантов из нашей страны находилась в Вене. Именно евреи, согласно отчетам российского консульства в этом городе, в начале XX века составляли большинство среди российских уроженцев, живущих в австрийской

[1] См.: Ненашева З.С. Русская православная церковь в Праге // Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX ввек Памяти Т.М. Исламова. СПб., 2009.

[2] Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 140.

[3] Миллер А.И. Указ. соч. С. 140.

inslav

столице[1]. Среди тех иностранных евреев, которые проживали в Вене и обращались с прошениями о принятии австрийского подданства, доминировали выходцы из России и Германии[2].

По свидетельству российского консула в Будапеште А. К. Базили, на рубеже 1880–1890-х гг. «в комитатах Венгрии, пограничных с Галичиною, отчасти и в самой столице, стали появляться в немалом числе, рассчитывая на пособия, евреи, выселенные из наших внутренних губерний и не нашедшие приюта в черте еврейской оседлости»[3]. В связи с этим в Венгрии, по инициативе одного из лидеров еврейской общины Будапешта депутата Вармаша, была развернута кампания по сбору средств в пользу переселенцев, в которой приняли участие все еврейские общины этой страны. В ней участвовали также и представители христианских общин. Так, в г. Комарне с соответствующим призывом к своим прихожанам обратился местный кальвинистский епископ Г. Пап. Подписку в пользу еврейских эмигрантов объявила и одна из влиятельнейших венгерских газет, близкая к правительству – «Pester loyd»[4].

В то же время, мощный приток евреев из России вызывал среди жителей Венгрии опасения, которые высказывали даже некоторые представители местного еврейского населения. Российский консул, в этой связи, отмечал, что «в среде будапештского еврейства, особенно в классе малообеспеченном, возникло заметное недовольство против этих переселенцев, усиливающих дурную молву о евреях в Венгрии и увеличивающих число здешних пролетариев»[5].

Вопрос о еврейской иммиграции был даже поднят в мае 1891 г. на одном из заседаний венгерского парламента. Депутат Еатар выступил с обращением к венгерскому министру-президенту Д. Сапари, в котором заявил о том, что «в Венгрию стали ежедневно прибывать из России десятки еврейских семейств, совершенно нищих, которые затем селятся в таких селах, где евреев доселе не было, и начинают наживаться за счет местного населения продажей спиртных напитков или ростовщичеством»[6]. В этой связи он предлагал «в интересах местного населения положить конец иммиграции евреев и даже выселить из Венгрии всех евреев, поселившихся там с 1867 г.»[7]. Более того, вопрос о еврейской иммиграции депутат Еатар пред-

[1] АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1352. Л. 27.
[2] Die Habsburgermonarchie 1848-1918. Bd. III. Wien, 1980. S. 889.
[3] АВПРИ. Ф. 172. Посольство в Вене. Оп. 514/2. Д. 358. Л. 59.
[4] АВПРИ. Ф. 172. Посольство в Вене. Оп. 514/2. Д. 358. Л. 60-61 об.
[5] Там же. Л. 59 об.
[6] Там же. Л. 60.
[7] Там же.

inslav

лагал решить и на международном уровне. Он призывал венгерское правительство обратиться к высшему руководству Австро-Венгрии с идеей организовать с помощью союзного германского правительства дипломатическое давление на Россию, «дабы принудить ее не выселять евреев из империи и не наделять своих соседей этим бичом христианских народов»[1]. Венгерское правительство, правда, мудро предпочло проигнорировать призывы этого депутата, чтобы не нагнетать обстановку вокруг «еврейского вопроса». Впрочем, российский дипломат истолковал эту позицию лишь проявление «еврейского влияния» на властные сферы Габсбургской монархии[2]. О том, какое значение имела эмиграция для роста еврейской общины в Венгрии, свидетельствуют статистические данные. Всего за 10 лет, с 1891 по 1900 г., еврейское население там увеличилось на 62%, из которых 43% дала иммиграция и 19% составил естественный прирост[3]. Занятия еврейских эмигрантов в Австро-Венгрии были, в основном, такими же, как и раньше в России. Они были заняты преимущественно торговлей и ремеслами, а также являлись наемными работниками, представителями интеллектуальных и творческих профессий и т.д. Руководителями, служащими и коммивояжерами австро-венгерских торговых фирм, которые фактически держали в своих руках торговлю между Россией и Габсбургской монархией, являлись в подавляющем большинстве евреи – как местные, так и выходцы из нашей страны[4]. По сведениям российского консула в Триесте М. Щекина (1908 г.) среди евреев – выходцев из России, в большом количестве проживавших в этом городе, преобладали торговцы, ремесленники и рабочие. Всего около 70 человек из числа эмигрантов занимались в этом городе торговлей, преимущественно мелкой, уличной и разносной. Бывшим российским евреям принадлежали также четыре крупные экспорто-импортные фирмы Триеста, они занимались посреднической торговлей с Россией[5].

Наряду с теми, кто смог приспособится к новым условиям и повысить свой жизненный уровень, было немало эмигрантов, променявших одну нищету на другую. Об этом свидетельствует такой факт – именно евреи являлись основными получателями благотворительной помощи, которую выделяли российские консульства неимущим соотечественникам. Так, например, в списках российских

[1] АВПРИ. Ф. 172. Посольство в Вене. Оп. 514/2. Д. 358. Л. 61.

[2] Там же.

[3] Маврокордато Г.Д. Описание Венгрии. Париж, 1916. С. 249.

[4] АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1352. Л. 17 об.

[5] Щекин М. Русская торговля в Триесте (Донесение консула в Триесте) // Сборник консульских донесений за 1908 г. Вып. II. СПб., 1909. С.268.

inslav

подданных, получающих пособия в будапештском консульстве в 1911–1912 гг., евреи составляли подавляющее большинство. Сумма вспомоществований им колебалась от 16 до 60 крон и зависела от наличия семьи и количества детей[1]. Также неимущие евреи (как и другие российские подданные) пользовались поддержкой благотворительного комитета, организованного в 1900 г. при российском посольстве в Вене по инициативе посла П. А. Капниста. Еврейские переселенцы получали разнообразную помощь от различных еврейских благотворительных организаций, особенно это было актуальным для лиц, утративших российское подданство[2]. Характеризуя материальное положение еврейских эмигрантов в австрийских землях, можно процитировать следующие, весьма печальные, строки из отчета консула в Вене Л.В. Иславина (1912 г.): «За год скончалось 164 русских подданных, по большинству неимущие евреи, умершие в больницах, не оставив имущества, наследственных дел ликвидировано всего 12»[3]. Часть евреев, выехавших из России в Австро-Венгрию, в дальнейшем, при поддержке еврейских организаций, переселялась в США и другие страны американского континента[4]. Австрийский Триест служил одним из перевалочных пунктов для российских эмигрантов, следовавших в США, а также в Аргентину. В 1905–1907 гг. их число составляло, в среднем за год, около 3000 человек[5]. Таким образом, Габсбургская монархия являлась одновременно и транзитным пунктом еврейской эмиграции.

В рассматриваемый период российские поляки по-прежнему составляли значительный процент среди лиц, мигрировавших в Дунайскую монархию. В то же время, поляки из австрийской Галиции активно переселялись в нашу страну. Характер этих встречных миграций сильно различался. Миграция российских поляков в Габсбургскую монархию включала несколько «потоков» – политическую эмиграцию, учебную миграцию, туризм и др. Польский переселенческий поток, направлявшийся из Галиции в Россию, представлял собой почти исключительно трудовую миграцию. Он затрагивал широкие народные массы и был, поэтому, значительно более мощным, чем поток российских поляков в Австро-Венгрию. Среди российских поляков, выезжавших в Дунайскую монархию, были представлены не только жители Королевства Польского, но

[1] АВПРИ. Ф. 217. Генеральное консульство в Будапеште. Оп. 1015. Д. 53. Л. 4, 76.
[2] АВПРИ. Ф. 172. Посольство в Вене. Оп. 514/1. Д. 1362. Л. 2.
[3] АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1352. Л. 40 об.
[4] Die Habsburgermonarchie 1848-1918. Bd. III. Wien, 1980. S. 890.
[5] Щекин М. Русская торговля в Триесте. С.269.

inslav

и уроженцы других западных губерний. Подавляющее большинство польских мигрантов направлялось в Галицию.

Эмиграция российских поляков в Габсбургскую монархию была обусловлена, во многом, политическими причинами. Активно выезжали за границу, опасаясь преследований, участники польского национального и социалистического движения. В австрийской Галиции, где существовал либеральный режим, они получали возможность вести активную политическую деятельность. Политэмигрантами в различные годы были такие известные политики, как Р. Дмовский, Б. Вислоух, Ю. Пилсудский и др. Также в Галицию из России переселился ряд деятелей украинского национального движения, самый известный из которых – М. С. Грушевский.

Галиция, пользующаяся широкой автономией в рамках Габсбургской монархии, являлась в глазах поляков из всех трех частей разделенной страны своеобразным «оазисом» польской национальной жизни. Поэтому сюда съезжались из России и Германии, помимо политиков, польские интеллектуалы, деятели культуры, студенты и т. д. Приезжие стремились окунуться в польскую культурную среду, получить образование на польском языке, так сказать, «напитаться польским духом»[1]. Среди поляков, приезжающих в Австро-Венгрию из России, было также немало представителей польской аристократии и шляхты. Так, российский консул во Львове К. П. Пустошкин в 1907 г. отмечал, что в Галиции проживает «масса помещиков из Привисленского края, Юго-Западного края, Подольской и Бессарабской губерний, это чисто польские элементы, они обращаются к русскому консулу лишь в случае крайней необходимости»[2]. Некоторые польские помещики владели имениями в различных частях разделенной Польши и, поэтому, часто пересекали границу, пользуясь для этого временными въездными билетами.

Помимо Галиции, российские поляки проживали в Вене, Праге и других городах Австро-Венгрии. В австрийской столице находились представители польской аристократии, шляхты и интеллигенции, а также было много студентов-поляков из России.

В конце XIX – начале XX века на территории Австро-Венгрии сформировался один из центров российской революционной эмиграции. В Вене с начала 1870-х гг. и вплоть до Первой мировой войны существовала колония российских революционеров, насчитывающая несколько

[1] Миронова Н.М. Культурная жизнь Галиции 1890-1910 годов // Художественная культура Австро-Венгрии: Искусство многонациональной империи. 1867–1918. СПб., 2005. С. 267.

[2] АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1352. Л. 10.

inslav

десятков человек. На территории Габсбургской монархии активно действовали народники (С. Л. Чудновский, В. К. Дебагорий-Мокриевич, С. А. Подолинский, Н. Г. Кулябко-Корецкий и др.), создавшие свои организации в Вене, Львове и Праге. Они организовали типографию в Вене и наладили транзит революционной литературы в Россию. Австро-венгерские власти следили за их деятельностью, но преследовали лишь тех, кто вел революционную пропаганду среди жителей этой страны[1].

В 1880–90-е гг. революционная эмиграция в Габсбургской монархии, как и в других европейских странах, стала переживать нелегкие времена. Потрясенное цареубийством, австро-венгерское руководство, как и другие европейские правительства, стало предпринимать более решительные меры против российских революционеров. Они оказались под контролем местной полиции, наладившей сотрудничество с российскими коллегами. На территории Габсбургской монархии с молчаливого разрешения ее властей была развернута агентура российской политической полиции.

Политэмигранты в этот период стали гораздо чаще подвергаться арестам и высылкам. Несколько человек, обвиняемых в терроризме, были выданы российским властям. Еще в 1851 г. австрийские власти создали подобный прецедент, выдав знаменитого М. А. Бакунина. В 1887 г. российским властям был выдан арестованный в Вене народоволец Л. Ф. Ясевич, в 1890 г. – арестованный во Львове руководитель «Союзного террористического кружка» И. Н. Кассиуш[2]. Однако массовой практикой эти случаи не стали. Гораздо чаще габсбургские власти предпочитали высылать российских революционеров «от греха подальше» в другие европейские страны. Тем не менее, предпринятые меры привели к заметному сокращению численности российской революционной колонии. Территорию страны покинул ряд политэмигрантов. В дальнейшем в Австро-Венгрии предпочитали селиться политэмигранты, не игравшие ведущей роли в революционном движении, и не опасавшиеся выдачи. Здесь сложился периферийный, а не основной центр российской революционной эмиграции.

Политэмигранты, в свою очередь, старались вербовать новых сторонников, главным образом, из числа российских студентов, обучавшихся в Австро-Венгрии. В середине 1890-х гг. в Вене возникло два революционных кружка, идеология которых носила переходный характер от

[1] Попов В.Ж. Деятельность революционных народников в Австро-Венгрии в 70-е годы XIX век // Культурные и общественные связи Украины со странами Европы. Киев, 1990. С. 171.

[2] Гросул В. Я. Международные связи российской политической эмиграции во второй половине XIX века. М., 2001. С. 340; Он же. Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 гг. М., 1988. С. 201.

inslav

народничества к марксизму. Почти все их члены являлись студентами и студентками, приехавшими из нашей страны. Любопытно, что один из этих кружков объединял исключительно мужчин, а другой – женщин[1].

Одним из лидеров венской революционной колонии являлся уроженец Вильно Самуил Яковлевич Клячко. В австрийской столице он жил с 1881 г. до своей смерти в 1914 г. Примечательно, что Клячко уже в 1886 г. принял австрийское подданство. Он окончил Венский университет, обзавелся большой семьей и прожил жизнь добропорядочного венского буржуа, находясь при этом в постоянном контакте с социал-демократической эмиграцией и опекая ее членов, приезжавших в австрийскую столицу[2].

С начала XX века отношение габсбургских властей к политэмигрантам стало более лояльным, что отражало рост враждебности между Австро-Венгрией и Россией. Самым известным политэмигрантом этого времени стал Л. Д. Троцкий. Он поселился в Вене после своего побега из ссылки и жил там с семьей с 1907 г. по 1914 г. В своих мемуарах Троцкий объяснял причину выбора своего местожительства следующим образом: «Почему мы выбрали Вену, в то время как вся остальная эмиграция сосредотачивалась в Швейцарии и Париже? В этот период я стоял ближе всего к немецкой политической жизни. В Берлине поселиться было нельзя по полицейским причинам. Мы остановились на Вене»[3]. Проживая в австрийской столице, Троцкий установил тесные связи с австрийскими и германскими социалистами, стал членом австрийской социал-демократической партии. В 1908 г. он смог наладить издание собственной газеты «Правда». Ближайшими сотрудниками Троцкого по изданию газеты были политэмигранты А. А. Иоффе и В. Л. Копп, ставшие впоследствии видными советскими дипломатами[4]. Одновременно с Троцким в Вене проживал один из лидеров «Бунда» Р. Абрамович[5].

Австро-Венгрию часто посещали известные российские революционеры, избравшие местом своего жительства Швейцарию и другие европейские страны (Г. В. Плеханов, О. Ю. Цедербаум (Л. Мартов), Н. И. Бухарин и др.). Много раз в этой стране был лидер большевиков В. И. Ульянов-Ленин, посещавший Вену, Прагу, Львов, Закопане и другие места. Полтора месяца в 1913 г. провел в Вене редко бывавший за границей И.В. Джугашвили-Сталин, работавший там над своей

[1] Гросул В. Я. Международные связи российской политической эмиграции... С. 339–340.

[2] Leidinger H., Moritz V. Russisches Wien. S. 128, 133–134.

[3] Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 205.

[4] Там же. С. 207, 220.

[5] Leidinger H., Moritz V. Russisches Wien. S. 134.

inslav

книгой «Марксизм и национальный вопрос». В предвоенные годы российские социал-демократы чувствовали себя на территории Габсбургской монархии столь вольготно, что смогли даже провести там свои партийные конференции. В январе 1912 г. в Праге состоялась конференция большевиков, а в августе того же года – конференция меньшевиков и центристов (сторонников Троцкого) в Вене[1].

Помимо национальной (еврейской и польской) и политической эмиграции существовала и эмиграция, вызванная иными причинами (экономическими, семейными и т.д.). Так, некоторые россиянки переселялись в Австро-Венгрию в связи с замужеством. Самой известной из них стала Надежда Абрикосова (Хлудова), из знаменитой купеческой семьи, в 1900 г. вышедшая замуж за чешского политика Карела Крамаржа[2]. Русская жена была также у известного венского психиатра Альфреда Адлера[3].

Среди эмигрантов, переселяющихся из России в Австро-Венгрию по различным причинам, были представители интеллигенции: ученые, инженеры, педагоги и т.д. Так, например, изобретателем первого австрийского воздухоплавательного аппарата с двигателем стал уроженец России Вильгельм Кресс (1836–1913), поселившийся в Вене в 1873 г.[4] Россиянка Ольга Манде стала школьной учительницей в Вене и приняла австрийское подданство в 1901 г.[5]

В благоустроенную Австро-Венгрию после выхода на пенсию переезжали на жительство некоторые российские преподаватели и чиновники, преимущественно чешского и польского происхождения. В 1907 г. в австрийских и чешских землях проживало 68 российских пенсионеров, главным образом чехов (в основном в Вене, Праге и Граце), в Галиции – 12 (все поляки)[6].

Одним из знаменитых «русских венцев» стал Федор Федорович Торнау (1810–1890). С 1856 г. по 1873 г. он занимал должность русского военного атташе при габсбургском дворе. За это время Торнау настолько свыкся с местным образом жизни, что, после возвращения в Россию и выхода в отставку решил навсегда поселиться в Австрии. С 1875 г. и до своей смерти он жил, вместе с женой, в Эдлице близ

[1] Ibid. S. 184-185.

[2] Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006. С. 61.

[3] Leidinger H., Moritz V. Russisches Wien. S. 128.

[4] Джонстон У. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848–1938 гг. М., 2004. С. 103.

[5] АВПРИ. Ф. 223. Генеральное консульство в Вене. Оп. 615. Д. 207. Л. 1.

[6] АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1352. Л. 10, 31 об.

inslav

Вены. Торнау оставил интересные воспоминания о жизни венского общества[1].

Составной частью российской общины в Австро-Венгрии было студенчество. По числу обучавшихся там студентов из России эта страна уступала только Германии. Среди студентов, приезжавших из Российской империи, преобладали евреи и поляки, но были представители и многих других национальностей.

Российские студенты обучались в австро-венгерских университетах и различных специализированных вузах – технических, горных, сельскохозяйственных, лесных и т.д. По числу обучавшихся в них студентов из России лидировали Венский, Львовский и Краковский университеты, Львовская политехническая школа, Леобенская горная академия и некоторые другие.

В австрийской столице российские студенты учились главным образом в Венском университете. С начала 1880-х гг. туда стало поступать много студентов-евреев, приезжавших из нашей страны в связи с тем, что в российских вузах были введены процентные квоты для евреев[2]. Уже в 1883 г. в университете возник «Кружок студентов из России», созданный студентами еврейского происхождения, при этом большую роль сыграл политэмигрант и студент-медик Л. А. Ландау. Это студенческое общество имело собственное помещение, библиотеку и располагало значительными денежными средствами, которые получало в виде пожертвований от различных еврейских организаций и частных лиц (только «железнодорожный король» барон Гирш выделял ему 1200 гульденов в год). «Кружок» предоставлял нуждающимся студентам-евреям из России (даже тем, кто не входил в его состав) субсидии в 10-20 гульденов[3]. В конце XIX века в Венском университете было и немало поляков. Так, среди членов польского студенческого общества «Огниско», действовавшего в Вене, значительную часть составляли «поляки из России»[4].

В отчете российского консульства в Вене за 1907 г. отмечалось, что в этом городе «русская постоянная колония состоит главным образом из учащейся молодежи, из них три четверти составляют евреи»[5]. Студентов из России в австрийской столице в начале века насчитывалось

---

[1] Tornau F.F. Ein Russe im k.u.k. Wien. Wien-Köln-Weimar, 2002.

[2] Leidinger H., Moritz V. Russisches Wien. S. 135.

[3] Бывалый И. Славянские студенческие общества в Вене // Славянское обозрение. Сборник статей по славяноведению. СПб., 1894. С. 243.

[4] Там же. С. 250.

[5] АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1352. Л. 27 об.

inslav

несколько сотен. Они, как и другие иностранные студенты, изучали главным образом медицину, а также экономику и другие науки[1].

С 1910 г. австрийские вузы по распоряжению властей прекратили прием иностранных студентов на медицинские и технические факультеты. Количество студентов из России, в этой связи, заметно сократилось. В отчете российского консульства в Вене за 1912 г. отмечалось, что их число уменьшается с каждым годом, остаются лишь те, кто оканчивает курс. Национальный состав студенчества в это время консул И. С. Иславин характеризовал следующим образом: «за немногими исключениями все – евреи»[2].

В Будапеште, в отличие от Вены, российских студентов было мало. Здесь они обучались, как правило, музыке и изобразительному искусству, в том числе у великого композитора Ф. Листа и знаменитого художника Ш. Холлоши[3]. Некоторые российские студенты учились также в университетах Праги и Граца[4].

Многие студенты из России обучались в знаменитой горной академии г. Леобена. Первые слушатели из нашей страны появились там еще в 1854 г. До середины 90-х гг. XIX века их число было невелико, составляя 1-3 человека в год. В 1896/1897 учебном году оно достигло 10 человек, в 1900/1901 учебном году – 11 человек. В первое десятилетие XX века наибольшее количество российских студентов было отмечено в 1901/1902 и 1906/1907 учебных годах – 21 и 22 человека соответственно. После 1910 г. число российских студентов в Леобене сократилось в связи с прекращением приема иностранцев: в 1911/1912 учебном году до 12, а в 1912/1913 учебном году – до 5 человек[5].

Состав российского студенчества студентов в Леобене был более разнообразным, чем в Вене. Они приезжали туда из Европейской России, Королевства Польского, Кавказа и Урала, часто – из горнопромышленных районов. Наибольшее представительство среди российских студентов горной академии за все годы имели приезжие из Екатеринбурга (10 человек), Варшавы (10), Петербурга (7), Кутаиса (7), Одессы (6) и Симферополя (5)[6]. Среди них были русские, поляки, евреи, грузины и представители других народов. По свидетельству

[1] Джонстон У. Указ. соч. С. 100.

[2] АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1352. Л. 41об.

[3] Штернберг Я.И. Общественные и культурные связи между Россией и Венгрией во второй половине XIX – первые годы XX век: Автореф. дис. … докт. ист. наук. Л., 1970. С. 32; Он же. Мир поэзии и дружбы. Ужгород, 1979. С. 130.

[4] АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1352. Л. 27 об.

[5] Jontes L. Russische Hörer an der Leobener Bergakademie (1840–1914) // Berichte der Geologischen Bundesanstalt. Bd. 52. Wien, 2000. S. 37.

[6] Ibid. S. 40.

inslav

российского консула, в 1907 г. в Леобене среди студентов было много «кавказских уроженцев»[1].

Российские студенты, обучавшиеся в Леобене, в первое время переживали своеобразный «культурный шок», попадая в традиционную для германских университетов академическую среду с ее студенческими вольностями, землячествами, попойками и даже дуэлями. Многие российские студенты, в этой связи, выгодно отличались от местных своим прилежанием. В то же время, полный курс обучения в академии оканчивали не все россияне, некоторые ограничивались прослушиванием определенных учебных курсов[2].

Самым известным из российских студентов Леобенской горной академии является Н. П. Чижевский (1873–1952), выдающийся ученый-металлург, впоследствии академик АН СССР. Он поступил в академию в 1899 г., после исключения из Петербургского университета за участие в студенческих сходках и окончил ее в 1902 г., выполняя за каждый учебный год двухлетнюю программу[3]. Другой российский выпускник академии – уроженец Варшавы Ю. Ю. Пенкала возглавил созданное в 1898 г. российское представительство крупнейшей австрийской металлургической компании «Сталелитейный завод Польдигютте»[4].

Много российских подданных получало образование в вузах Галиции. Среди них безраздельно доминировали поляки, которых привлекала возможность получить образование на польском языке. Университеты Львова и Кракова играли роль общепольских научно-образовательных центров, которая была особенно заметна на фоне русификаторской и германизаторской политики в других польских землях. В 1879/1880 учебном году в Краковском университете обучалось 30 российских подданных, в Львовском университете – 14. К концу века число студентов из России в обоих университетах значительно возросло[5].

В 1907 г. российский консул во Львове К. П. Пустошкин сообщал о том, что «колония русско-подданных в Галиции огромна, в одном только Львове и рядом лежащих Дублянах[6] насчитывается до полутора тысяч русско-подданных – студентов Университета, Политех-

[1] АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1352. Л. 28.

[2] Jontes L. Russische Hörer an der Leobener Bergakademie. S. 35.

[3] Сирота Н. Н. Наука или живопись? Воспоминания об академике Н. П. Чижевском // Вестник Российской Академии наук. 1994. Т. 64. № 2. С. 129.

[4] РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 485. Л. 83.

[5] Коэн Г. Политика в области высшего и среднего образования в Австрии в конце XIX – начале XX ввек // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995. С. 177.

[6] В Дублянах находилась агрономическая школа (сельскохозяйственный вуз).

inslav

ники, Лесной и Агрономической школ»[1]. Помимо поляков, в Галиции обучались и другие выходцы из России – украинцы, евреи и русские, но их число было невелико[2].

Некоторые российские студенты, исключенные по политическим или иным причинам из российских университетов, впоследствии получали возможность продолжить образование в университетах Галиции. Так, например, в 1899 г. в Краковский университет были приняты А. Ставницкий, В. Антоневич и В. Юров, исключенные из различных российских университетов[3]. Большинство российских студентов, окончив обучение, возвращалось на родину, но некоторые оставались в Австро-Венгрии на постоянное место жительства, увеличивая таким образом эмигрантскую общину.

Помимо студенческого обмена, между Россией и Габсбургской существовал обмен учеными и преподавателями. Так, в 1894–1900 гг. в Краковском университете преподавал знаменитый российский лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ (поляк по происхождению). Но затем он был вынужден вернуться в Россию, поскольку с ним не продлили контракт из-за ряда статей, в которых он выступил в защиту австро-венгерских славян[4].

Весьма распространенной формой контактов являлись научные командировки. Австро-Венгрия, как и Германия, была страной, куда стремились попасть российские представители науки и высшей школы, в то время как, например, Италия, влекла к себе литераторов, художников и архитекторов. Среди ученых и преподавателей, посещавших Австро-Венгрию на рубеже XIX–XX веков были представители различных специальностей: историки, филологи, юристы, экономисты, медики, инженеры, геологи, химики, биологи и т. д. Научный обмен был весьма интенсивным. Так, в Габсбургской монархии с научными командировками побывали практически все видные отечественные ученые в области славяноведения – от И. И. Срезневского до А. Л. Погодина.

В начале XX века в Австро-Венгрию на заработки стали приезжать российские рабочие, главным образом, сельскохозяйственные. В 1907 г. российский консул в Вене отмечал, что в австрийских землях «замечается большое число русских рабочих»[5]. По данным австрийского тамо-

---

[1] АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1352. Л. 9 об.-10.

[2] Коэн Г. Указ. соч. С. 177.

[3] АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 456. Д. 45. Л. 2; Д. 46. Л. 3.

[4] Айсманн В. Языковая политика и власть. «Проблемы» Бодуэна де Кортунэ в Австрийской монархии, царской России и независимой Польше // Механизмы власти. Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв. М., 2009. С. 143–146.

[5] АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1352. Л. 26.

inslav

женного надзора, количество русских сельскохозяйственных рабочих, приезжающих в Галицию, составляло: в 1908/09 гг. – 65 тыс., в 1909/10 г. – 78 тыс., в 1910/11 г. – 85 тыс., в 1911/12 г. – 87 тыс.[1] Многие рабочие переходили границу тайно, не проходя регистрации. В самой Галиции рабочие были не нужны, поскольку там было аграрное перенаселение и многие местные жители отправлялись на заработки за границу. Поэтому очевидно, что российские рабочие транзитом через Галицию отправлялась в другие австрийские земли или даже в другие страны[2].

Побудительным мотивом «трудовой миграции» из России было то, что в австрийских землях, как и в Германии, оплата труда сельскохозяйственных рабочих была гораздо выше, чем в России. По подсчетам экономистов, рабочий-отходник в России зарабатывал накануне Первой мировой войны в среднем за сезон 42,5 руб., а сельскохозяйственный рабочий за границей – 75 руб. В то же время, интенсивная работа «на износ» пагубно сказывалась на здоровье рабочих[3]. Российские сельскохозяйственные рабочие выезжали в Австро-Венгрию, как правило, из небогатых западных и северо-западных губерний России и представляли восточнославянское население.

В Габсбургскую монархию из России приезжали также специалисты-техники, квалифицированные рабочие, строители и т. д. Так, в конце 1900-х гг. они были заняты на строительстве фабрик в Венгрии[4], работали на кирпичных заводах в Галиции и т. д.[5]

В период Боснийского кризиса, когда наблюдался всплеск шпиономании, отмечались случаи арестов российских рабочих. Так, зимой 1908/1909 г. в Австрии была задержана группа крестьян-отходников из Череповецкого уезда Новгородской губернии, которые были обвинены в шпионаже и затем, после кратковременного тюремного заключения, высланы на родину. Впрочем, об этом инциденте российский МИД информировало наше военное министерство, что наводит на мысль, что, возможно, обвинения в шпионаже и имели под собой определенную почву[6].

Огромное количество россиян посещало Габсбургскую монархию с краткосрочными поездками. Это, в первую очередь, туристы и курортники. Кроме того, жители России часто бывали в этом государ-

[1] Полферов Я.Я. Насущный вопрос современной сельскохозяйственной жизни // Торгово-промышленная газета. 1914. № 59. 12 марта.

[2] Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). Кишинев, 1986. С. 67.

[3] Полферов Я.Я. Указ. соч.

[4] АВПРИ. Ф. 217. Генеральное консульство в Будапеште. Оп. 1015. Д. 42. Л. 12.

[5] АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1352. Л. 11.

[6] АВПРИ. Ф. 217. Генеральное консульство в Будапеште. Оп. 1015. Д. 42. Л. 192.

inslav

стве проездом, направляясь в Италию, Францию, Южную Германию либо в балканские страны.

Выезжая за границу, россияне непременно стремились посетить один из красивейших городов мира – Вену. Число российских туристов там росло быстрыми темпами. По данным российского консульства в этом городе (вероятно, неполным), оно составляло: в 1888 г. – 7.400 человек, в 1897 г. – 17.900 человек, в 1906 г. – 23.500[1]. Таким образом, за неполные двадцать лет число российских туристов в австрийской столице утроилось. Среди иностранцев, приезжавших в Вену, россияне уверенно занимали второе место, уступая лишь ближайшим соседям Австрии – подданным Германии[2].

Романтическую Вену любили посещать и люди, выезжавшие в свадебные путешествия. Брат Николая II Михаил Александрович совершил в октябре 1912 г. тайную поездку в австрийскую столицу, чтобы обвенчаться там со своей возлюбленной – Натальей Шереметевской-Вульферт. Заключение брака с ней в России было невозможным из-за отрицательной позиции августейшей семьи.

Огромной популярностью у россиян пользовались знаменитые австрийские курорты – Карлсбад, Франценсбад, Мариенбад и др. Открытие Карлсбада русскими состоялось еще в XVIII столетии, и среди первооткрывателей особое место занимает Петр I. До середины XIX века среди отдыхающих на этих курортах преобладали представители аристократии, затем состав курортников расширяется и демократизируется. В Карлсбаде побывала масса знаменитых людей из России – членов императорской фамилии, представителей высшего чиновничества и генералитета, литераторов, ученых, деятелей культуры, предпринимателей и т.д. А. А. Дельвиг, посетивший Карлсбад в начале 1870-х гг., в своих мемуарах отмечал, что русских в Карлсбаде «очень много: тут была и высшая аристократия, и богатое купечество, и бедные люди. Представители всех высших государственных учреждений России были налицо. Генерал и флигель-адьютантов было столько, что незачем было бы иметь большего числа и во всей России»[3]. Пребывание русских в Карлсбаде и на других австрийских курортах, помимо мемуаров, нашло свое отражение и на страницах художественных произведений («Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «Карлсбад» П. А. Вяземского и др.). На русском языке издавалась масса путеводителей по Австрии с подробным описанием Вены и курортов.

[1] АВПРИ. Ф. 155. II Департамент. Оп. 408. Д. 1352. Л. 27 об.

[2] Там же. Л. 28.

[3] Указ. по: Горизонтов Л. Е. Карлсбад имперской России и культурная феноменология международного «водяного общества» // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания. Ставрополь-Пятигорск-Москва, 2007. С. 212.

inslav

Если в 1860-е гг. Карлсбад ежегодно посещало до 500 россиян, то накануне Первой мировой войны их число выросло до 12 тысяч[1]. В начале 1910-х гг. каждый шестой посетитель Карлсбада был россиянином[2]. Курорты Галиции (Закопане, Трускавец, Криницу и др.) активно посещали российские поляки. В 1900-е годы Закопане даже получил негласный титул «летней столицы Польши», поскольку там в период отпусков собирались ведущие польские политики, интеллектуалы и деятели культуры из различных польских земель[3].

Австро-Венгрию часто посещали с экскурсиями российские учителя, гимназисты и студенты. Делегации российских учителей посещали Вену чаще, чем любой другой из европейских городов. Так, за шесть предвоенных лет (1909–1914) в австрийской столице побывало с экскурсиями 6.150 российских учителей, в то время как в Париже – 1560, в Берлине – 4460, в Риме – 3181. При этом 390 учителей-экскурсантов посетили Прагу, 438 – Будапешт[4]. Венгерскую столицу в начале XX века посетили делегации российских гимназистов из Киева (1900), Казани (1901), Твери (1910) и Батума (1911)[5].

Даже грозовым летом 1914 г. на австрийских курортах отдыхало немало россиян. В опубликованном сразу же после начала войны, и поэтому весьма неполном, «Списке русских подданных, застигнутых войной за границей», упомянуто около 800 россиян, находившихся, главным образом, в Карлсбаде, Франценсбаде, Мариенбаде, Вене и на тирольских курортах. Среди них были представители аристократии, помещики, предприниматели, инженеры, адвокаты, офицеры, вузовские преподаватели, учителя, священники и другие. Национальный состав российских подданных, перечисленных в данном списке, был весьма пестрым – в нем представлены русские, польские, еврейские, немецкие, чешские, грузинские, армянские и прочие фамилии. Больше всего, судя по фамилиям и именам, в этом списке было евреев и русских. Почти половину в нем составляют женщины[6]. Среди российских подданных, застигнутых войной на территории Австро-Венгрии (главным образом, в Карлсбаде), было немало зна-

---

[1] Крючков И. В. Карлсбад: взлет и падение имперского курорта // Туризм и культурное наследие. Сборник научных статей. Вып. 5. Саратов, 2008. С. 45.

[2] Горизонтов Л. Е. Карлсбад имперской России... С. 213.

[3] Фалькович С.М. Высокие Татры – место встречи польской интеллигенции на рубеже XIX–XX ввек // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания. Ставрополь-Пятигорск-Москва, 2007. С. 269.

[4] Русские учителя за границей (Возвращение домой). М., 1915. С. 15.

[5] АВПРИ. Ф. 217. Генеральное консульство в Будапеште. Оп. 1015. Д. 31. Л. 4; Д. 32. Л. 2; Д. 45. Л. 30; Д. 48. Л. 7.

[6] См.: Список русских подданных, застигнутых войной за границей. Вып. I-IV. Пг., 1914.

inslav

менитых людей, в том числе историки Н. И. Кареев и М. М. Ковалевский, режиссер К. С. Станиславский, актер В. И. Качалов, адмирал Н. И. Скрыдлов, нефтепромышленник С. М. Шибаев и другие[1].

После начала Первой мировой войны судьбы российских подданных, находившихся в Австро-Венгрии, сложились по-разному. Большинство российских подданных после ряда мытарств смогли покинуть ее, выехав на родину через нейтральные страны. Офицеры, некоторые чиновники и многие военнообязанные мужчины из числа туристов, студентов и рабочих были интернированы. Л. Д. Троцкий в своих мемуарах отмечал, что он был вынужден за 3 часа собраться и выехать в Швейцарию, чтобы избежать задержания[2]. В. И. Ульянов-Ленин, находившийся в Галиции, был арестован – по иронии судьбы, его обвинили в шпионаже в пользу России. Он был освобожден только после заступничества видных австрийских и галицийских социал-демократов[3]. Часть интернированных российских подданных была впоследствии отпущена на родину, другие были обменены на задержанных в России подданных Австро-Венгрии, остальные же находились в плену до конца войны.

И. В. Крючков, И. М. Узнародов

КАВКАЗ В МЕЖИМПЕРСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ РОССИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Россия и империя Габсбургов во второй половине XIX – начале XX века постепенно интегрировались в мировое экономическое пространство. Несмотря на все отличия, обе империи в экономическом плане переживали во многом сходные процессы развития народнохозяйственного комплекса, запоздалая индустриализация и модернизация общества, неравномерность экономического развития имперского центра и национальных окраин, зависимость от иностранных инвестиций, исключительная роль в экономике аграрного сектора, отчасти развивавшегося на основе традиционного уклада. Эта схожесть экономического развития делало соседние империи конкурентами в борьбе за иностранные инвестиции и на мировом

[1] Крючков И.В. Начало Первой мировой войны в Германии и Австро-Венгрии глазами интернированных россиян // Образ войн и революций в исторической памяти. Пятигорск-Ставрополь-Москва, 2009. С. 175; Филимонов В.А. Н.И. Кареев и Первая мировая война: взгляд очевидца и рефлексия историка // Там же. С. 181.

[2] Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 235.

[3] Фалькович С. М. Указ. соч. С. 271.

inslav

аграрном рынке, так как империя Габсбургов и империя Романовых в значительной мере зависели от экспорта сельскохозяйственной продукции. Экономические интересы обеих империй пересекались на Балканах и странах Ближнего Востока. Однако это обстоятельство не мешало России и Австро-Венгрии (Австрии) динамично развивать торговые отношения между собой. Обе империи принадлежали к числу лидеров мировой торговли. В 1894 г. на Россию приходилось 5,1% мирового торгового оборота (1,22 млрд. руб.), по данному показателю она занимала 4-е место в мире, а на Австро-Венгрию 4,0% (0,975 млрд. руб.) и она занимала 7-е место.

Развитию экономических и торговых отношений между Россией и Австро-Венгрией способствовало развитие трансграничного сотрудничества. В 1867 г. империи заключили «Декларацию о взаимном признании акционерных (анонимных) обществ и других товариществ», в 1874 г. заключается «Декларация касательно ограждения фабричных клейм» и «Декларация о покровительстве мануфактурной промышленности русских подданных с одной стороны и австрийских и венгерских с другой», в 1882 г. «Декларация для взаимного признания мерительных свидетельств торговых судов», в 1891 г. последовало соглашение о телеграфной связи, в 1898 г. о почтовом сообщении и денежных переводах и т. д.[1] Правда сумма денежного перевода из России в Австро-Венгрию не должна была превышать 762 крон или 300 руб. Кроме этого сумму в размере 254 кроны или 100 руб. разрешалось переводить в австро-венгерские почтовые учреждения на территории Османской империи[2].

После заключения этих соглашений из самых удаленных уголков Российской империи можно было быстро связаться с Австро-Венгрией. Так, при отправки телеграммы из Тифлиса в империю Габсбургов стоимость одного слова составляла 11 коп. напрямую, 16 коп. при отправке телеграммы через Румынию и 17 коп. через Германию, стоимость ценного письма из Тифлиса в Австро-Венгрию находилась на уровне 4 коп[3]., что было довольно дешево.

Не меньшее значение имело соединение железнодорожных систем двух империй. В 1869 г. заключается конвенция о соединении Киевско-Одесской железной дороги с Львовско-Венской железной до-

[1] Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Т.II. СПб., 1906. С. 226–227, 246–247, 257–258, 332–349, 349–362, 461; Декларация о покровительстве мануфактурной промышленности русских подданных с одной стороны и австрийских и венгерских с другой. СПб., 1874.

[2] Кавказский сборник на 1910. Тифлис, 1909. С. 853.

[3] Кавказский календарь на 1914 г. Тифлис, 1913. Статистический отдел. С. 9.

inslav

рогой, в 1870 г. Киевско-Брестской с Красно-Бродской и в 1893 г. Новоселицкой ветки Юго-Западной железной дороги с Львовско-Черновицкой железной дорогой[1]. Развитию взаимной торговли способствовали финансовые реформы в России и Австро-Венгрии 90-х гг. XIX века, связанные с укреплением национальных валют и введением золотого стандарта, что значительно упрощало систему проведения взаимных платежей.

Огромное значение для развития двухсторонней торговли имело заключение торговых договоров в 1894 и 1906 гг.[2], согласно которым обе империи предоставляли друг другу статус «наибольшего благоприятствования». Они во многом копировали аналогичные соглашения, подписанные между Россией и Германией. Данные договора заложили фундамент для развития широкого экономического сотрудничества между двумя империями.

Показателем роста двухсторонних экономических связей стало установление «Австрийским Ллойдом» регулярного сообщения Триеста с морскими портами в Черном море. Австрийские суда совершали один рейс в две недели в Одессу и один рейс в неделю в Батуми. В Тифлисе по адресу ул. Бебутовская №61 находилось представительство «Австрийского Ллойда»[3]. Аналогичный офис компании располагался в Батуми по адресу пр. Торговый №9. Позже компания открывает свои агентства в Баку и в Тавризе (Персия). Компания себя позиционировала как «самый дешевый путь для эмигрантов в Северную и Южную Америку»[4]. Данный рекламный ход должен был привлечь россиян, желавших покинуть Россию в поисках лучшей доли. В начале XX века на Юге России растет численность потенциальных эмигрантов, в эту категорию лиц попали евреи, сектанты, русские и украинские крестьяне, проживавшие на Кавказе[5].

Начало систематической торговли между империями было положено торговой конвенцией, заключенной в 1818 г.[6] Уже в 1841 г. экспорт из России в Австрию оценивался в 3,4 млн. руб., а импорт из Австрии в 2,8 млн. руб. Даже политические катаклизму не могли остановить рост торговли между империями. Если в 1851 г. накануне Крымской войны российский экспорт в Австрию оценивался в 4,8 млн. руб., а импорт из Австрии в 6,7 млн. руб., то в 1856 г. эти показатели

[1] Там же. С. 496, 501–502.

[2] Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Т.I. СПб., 1902. С. 89.

[3] Кавказский календарь на 1912 г. Тифлис, 1911. С. 866.

[4] Кавказский календарь на 1913 г. Тифлис, 1912. Раздел реклама.

[5] Северокавказский край. 1914. №834. приложение.

[6] Война и экономическая независимость России. М., 1915. С. 15.

inslav

достигли соответственно 7,2 и 8,7 млн. руб.[1] Данное явление было вполне логичным, Россия в условиях войны потеряла многих традиционных экономических и торговых партнеров во Франции и Великобритании и ей пришлось срочно наращивать объемы экономических и торговых связей с Дунайской империей.

Правда, здесь важна одна деталь, в 40-е гг. XIX века экспорт из России превышал импорт из Австрии, а в 50-е – середине 70-х гг. XIX века, наоборот, вывоз продукции из Австрии в Россию превышал российский экспорт в империю Габсбургов. Только с 1876 г. России удалось переломить данную негативную тенденции и с этого времени российский экспорт в Австро-Венгрию доминировал над импортом австро-венгерских товаров в Россию.

Новый взлет и падение торговых отношений между империями пришелся на годы очередного обострения «Восточного вопроса» и русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Динамика российского экспорта в Австро-Венгрию в это время была не стабильна, в 1875 г. экспорт из России в Австро-Венгрию оценивался в 16,6 млн. руб., в 1876 г. 26,6 млн. руб., в 1877 г. 49,8 млн. руб. и в 1878 г. в 32,9 млн. руб. и падение продолжалось до середины 80-х гг. (около 25 млн. руб.). К 1894 г. российский экспорт достиг показателей 1878 г. (39,8 млн. руб.)[2]. Примерна такая же динамика, наблюдалась в развитии ввоза австро-венгерских товаров в Россию. В 1875 г. он оценивался в 25,8 млн. руб., в 1876 г. 23,6 млн. руб., в 1877 г. 20 млн. руб., в 1878 г. в 27 млн. руб. и далее идет постепенное сокращение до середины 80-х гг., за исключением некоторых лет. К 1894 г. австрийский экспорт в Россию вырос до 27 млн. руб. Развитию двухсторонних торговых отношений способствовало заключение 18 мая 1894 г. между Россией и Австро-Венгрией торгового договора сроком на 10 лет. Договор в целом носил компромиссный характер и учитывал интересы обеих сторон[3].

При этом следует подчеркнуть, что Россия никогда не являлась для империи Габсбургов главным внешнеторговым партнером. В 1840–1841 гг. при общем внешнеторговом обороте Дунайской империи в 130–140 млн. руб. на Россию приходилось всего 6-6,2 млн. руб., а в 1894 г. при внешнеторговом обороте Австро-Венгрии в 975 млн. руб. на Россию приходилось 66,8 млн. руб.[4] В свою очередь 1885–1895 гг.

---

[1] Статистические сведения о внешней торговли России. СПб., 1896. С. 55.

[2] Статистические сведения по внешней торговли России. СПб., 1896. С.57.

[3] Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами и касающимися различных вопросов частного международного права. СПб., 1896. С.89–94.

[4] Статистические сведения о внешней торговли России. СПб., 1896. С.58.

inslav

Австро-Венгрия занимала в российском экспорте 5-е место (4,8 % от всего экспорта России) и 6-е место в российском импорте (4,2 %).

На рубеже XIX–XX веков рост торговли между империями вновь затормозился, после чего он переживает очередной подъем. В 1907 г. российский экспорт в Австро-Венгрию составил 42,6 млн. руб., а в 1911 г. 68 млн. руб., это был 5-й показатель после Германии, Великобритании, Голландии и Франции. Российский импорт из Австро-Венгрии возрастает с 26,9 млн. руб., до 33,7 млн. руб., 4-й показатель после Германии, Великобритании и Франции[1]. В импорте Австро-Венгрии Россия занимала 4-е место, уступая Германии, США и незначительно Великобритании, в экспорте России принадлежало 5-е место, впереди находились Германия, Румыния, Великобритания, Швейцария.

Основной объем внешней торговли России с империей Габсбургов приходилось на австрийскую половину империи. Венгрия в данном отношении значительно отставала. В 1911 г. на Венгрии приходилось всего 6% российского экспорта в Дунайскую империю и 14,1 % австро-венгерского экспорта в Россию. В 1907 г. Россия ввезла в Венгрию товаров на 3 млн. руб., в 1908 г. на 2,2 млн. руб., 1909 г. на 6,6 млн. руб., в 1910 г. на 6,4 млн. руб. и в 1911 г. на 4,76 млн. руб. В свою очередь Россия импортировала из Венгрии продукции в 1907 г., 1908 г. и 1909 г. на 3,2 млн. руб. ежегодно, в 1910 г. на 4,6 млн. руб. и в 1911 г. на 4,2 млн. руб.[2] Таким образом, с 1909 г. Россия имела положительное сальдо в торговле с Венгрией, несмотря на существенное сокращение российского экспорта в Венгрию в 1911 г.

Структура взаимной торговли между Россией и Австро-Венгрией в основном базировалась на вывозе-ввозе сырья и полуфабрикатов, что отражало уровень развития двух империй. Россия, главным образом, вывозила в Австро-Венгрию зерновые культуры (пшеницу, кукурузу, рожь, ячмень, овес), куриные яйца, шерсть, лен и минеральные ресурсы (нефть, нефтепродукты, марганцевую руду)[3].

---

[1] Международный ежегодник. Справочник для общественных деятелей 1913 г. СПб., 1913. С. 242.

[2] Маврокордато Г.Д. Описание Венгрии. Внутреннее устройство, сельскохозяйственная жизнь, торговля, промышленность, язык и религия. Т.1. Париж, 1916. С. 66–67.

[3] Подробнее об экспорте российской сельскохозяйственной продукции см.: Птицын А.Н. Российский продовольственный экспорт в Австро-Венгрию: экономическое сотрудничество в контексте межимперских отношений/ Проблемы российской и европейской истории и историографии: общественно-политический и социально-экономический аспекты. Ученые записки кафедры Российской и зарубежной истории. Вып. XII. Пятигорск, 2009. С. 238–260.

inslav

Из Австро-Венгрии в Россию поступали кокс, пиломатериалы, семена растений, краски, лак, химически товары, кофе, бумага, шерсть, кожа. В тоже время к началу XX века Австро-Венгрия занимает уверенное четвертое место по экспорту в Россию сельскохозяйственной техники после США, Германии и Великобритании[1]. Кроме этого большим спросом среди российских крестьян пользовались косы, серпы, ножницы для стрижки овец, произведенные в Австро-Венгрии и которые по своему качеству превосходили российские аналоги. В начале XX века поставки сельскохозяйственной техники и инвентаря заняли первое место в австро-венгерском экспорте в Россию. Страницы российских периодических изданий пестрили рекламой товаров из Австро-Венгрии, сюда входили лекарственные препараты, минеральные воды, туалетное мыло, музыкальные инструменты, охотничье оружие и многие другие товары широкого потребления[2].

В последней трети XIX века Австро-Венгрия являлась одни из основных потребителей бакинской нефти, через порт Батуми в середине 90-х гг. XIX века около 16 % нефти экспортировалось в Австро-Венгрию, 15,41% в Османскую империю и 14,82 % в Великобританию[3]. Однако с 1900 г. Австро-Венгрия повышает таможенные тарифы на импорт сырой нефти из России с 2 до 3,5 крон за 100 кг.[4], цель этого мероприятия заключалась в стимулировании нефтедобычи в Галиции с помощью ограничения импорта нефти из России[5]. Это обстоятельство приводит к прекращению экспорта кавказской нефти в Австро-Венгрию. Более того, Австро-Венгрия начинает в начале XX века сама экспортировать нефть, конкурируя в этом отношении с Россией. В 1912 г. Дунайская империя экспортировала 693 тыс. тонн нефти и нефтепродуктов, занимая по этому показателю 4-е место в мире[6]. Ранее в 1880 г. такая участь постигла экспорт в Дунайскую империю скота из Россия[7]. Официально это было сделано ввиду постоянных эпидемий среди скота в России, но фактически это была уступка венгерским аграриям, которые хотели устранить российских конкурентов на австрийском рынке.

---

[1] Вестник финансов, промышленности и торговли. 1901. №1. С. 24.

[2] См. напр. журнал «Нива» за 1912–1913 гг.

[3] Вестник финансов, промышленности и торговли. 1895. №16. С. 103.

[4] В 1911 г. 1 российский рубль обменивался на 2,53 австро-венгерских кроны.

[5] Шлейфер Н. Нефтяная промышленность в Галиции / Сборник консульских донесения за 1903 г. Вып.V. СПб., 1904. С. 403.

[6] Весов Л. Россия на международном нефтяном рынке // Торгово-промышленный Юг. 1913. №15. С. 35.

[7] Вестник финансов, промышленности и торговли. 1895. №19. С. 277.

inslav

В начале XX века в Россию из Австро-Венгрии начинает проникать и такой высокотехнологичный товар как автомобили. К 1910 г. 7 австрийских и одна венгерская фирма предлагали россиянам свою продукцию[1]. В 1907 г. из Австро-Венгрии в Россию поступило автомобилей на 87 тыс. руб., это конечно был незначительный объем, и Дунайская империя в данном отношении существенно уступала Германии, которая ввезла автомобилей в Россию на 825 тыс. руб.[2] Однако постепенно австро-венгерские автомобили завоевывали российский рынок. Их реклама была широко представлена на страницах региональной периодики[3]. Даже на Северном Кавказе в Гулькевичах находилось представительство фирмы Вильгельма Грунта, которая занималась реализацией в регионе автомобилей из Дунайской империи, в частности «Австро-Даймлер». Кроме этой марки на Кавказе предлагались автомобили заводов «Лаурин и Клемант» из Младо Болеслава[4]. Данная фирма имело свое представительство в Ростове на Дону, Склад «Товарищества Н. Льготак» в Тифлисе так же предлагала покупателям автомобиле этой марки. За первое полугодие 1914 г. только в Ставрополе было продано 4 автомобиля «Лаурин и Клемант», что с учетом специфики региона являлось неплохим результатом[5].

В 1913 г. потенциал австро-венгерских военных предприятий заинтересовал российское военное ведомство, которое принимает решение о размещении части военных заказов России на военных предприятиях Австро-Венгрии, в том числе концерна «Шкода», что вызвало критику со стороны ряда политических сил России[6]. Высокотехнологичные товары из России в Австро-Венгрию практически не поставлялись. Исключением стали поставки некоторых видов продукции, в частности водомеров с вертушкой Вольтмана «Акционерного общества русских электротехнических заводов Сименс и Гальске» для городского водопровода Вены и венского газовый завод[7].

Очень показательным в российско-австро-венгерской торговле стало последнее полугодие 1914 г. За этот период Австро-Венгрии

---

[1] Адресно-справочная книга. Вся Европа. Указатель главнейших западноевропейских экспортных фирм. Одесса, 1910. С. 1.

[2] Обзор внешней торговли России по европейским и азиатским границам за 1907 г. Ч.II. СПб., 1909. Таб. VIII.

[3] См. например: Северокавказский край. 1912. №273. С. 1.

[4] Северокавказский край. 1912. №916. С. 4.

[5] Северокавказский край. 1914. №915. С. 2.

[6] Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991. С. 179–180.

[7] Рекламная листовка «Акционерного общества русских электротехнических заводов Сименс и Гальске» за октябрь 1912 г.

inslav

ввезла товаров в Россию на 19,987 млн. руб. или 2,8 % всего российского импорта, в том числе на 3,184 млн. руб. продукции машиностроения (16 % от всего австро-венгерского экспорта в Россию), из этой суммы 1,932 млн. руб. приходилось на сельскохозяйственные машины, продукции деревообрабатывающей промышленности на 2,720 млн. руб., кокса на 1,556 млн. руб., серпов и кос на 1,434 млн. руб.[1] Россия за этот же период ввезла в Дунайскую империю товаров на 36,414 млн. руб. (5,4 % от всего российского экспорта), в том числе яиц на 12,054 млн. руб., зерновых культур на 7,186 млн. руб., в том числе пшеницы на 2,540 млн. руб., жмыха на 4,853 млн. руб. и льна на 4,565 млн. руб.[2]

Большая часть российского экспорта в Австро-Венгрию поступала морским путем, что поднимало значимость в двухсторонней торговли портов обеих империй, в Австро-Венгрии Триеста и Фиуме. При этом следует иметь в виду, что через Триест транзитом шли российские товары в Италию и Швейцарию, и соответственно товары данных стран в Россию. В свою очередь австро-венгерский импорт главным образом поступал в Россию с помощью железнодорожного транспорта. В начале XX века на железные дороги приходилось около 65% австро-венгерского экспорта в Россию[3].

Развитию торговли России и Австро-Венгрии мешали различные бюрократические препоны и отсутствие льгот. Так, например, Россия традиционно импортировала из Галиции и Буковины пиломатериалы, часть из них транзитом через Одессу шла на экспорт в другие страны. Лес из Галиции широко использовался на нефтепромыслах Ротшильдов в Баку[4]. В 1893 г. в порт Одессы поступило продукции из Галиции и Буковины на 299,8 млн. руб., а в 1894 г. на 348,8 млн. руб.[5] Эти показатели были бы еще выше. Однако российские тарифы на железнодорожные перевозки, несмотря на их снижение в 1894 г. были очень высоки. К тому же большие нарекания вызывала работа одесского порта, где не было достаточного количества оборудованных мест для сушки леса. Существенное препятствие в перевозке грузов в Россию заключалось в расхождении ширины колеи железнодорожных путей России и Австро-Венгрии. Поэтому все грузы, которые перевозились по железным дорогам,

[1] Кавказское хозяйство. 1914. №20. С. 12.

[2] Кавказское хозяйство. 1914. №20. С. 13.

[3] Донесения Императорских Российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам. 1913. Вып.26. СПб., 1913. С. 50.

[4] Белозерский Г. Лесопромышленность в Галиции // Сборник консульских донесений за 1900 г. Вып.III. СПб., 1901. С. 259.

[5] Вестник финансов, промышленности и торговли. 1895. №26. С. 751.

inslav

приходилось перегружать на пограничной станции Новосельцы из австро-венгерских в российские вагоны и наоборот, что вело к потере времени и дополнительным расходам. Поэтому часть австро-венгерского транзита пиломатериалов уходила в румынский порт Галац.

В начале XX века были предприняты усилия по сохранению транзита австрийского леса через территорию России, в частности одесский порт практически полностью переориентировался на вывоз леса из Австрии. В 1911 г. только в ливанский порт Триполи было вывезено из Одессы 200 вагонов австрийского леса[1].

Серьезным препятствием в двухсторонних экономических связях являлись политические противоречия и конкурентная борьба империй за рынки других стран[2]. Данное обстоятельство служило тормозом развития российского судоходства на Дунае. Против этого категорически выступали Вена и Будапешт[3]. С одной стороны они опасались укрепления экономических позиций России в Румынии, Болгарии и Сербии, с другой стороны, венгерским и австрийским пароходным компаниям не хотелось делить рынок дунайских речных перевозок с российскими компаниями, что сразу привело к падению их прибыли.

В рамках империи Габсбургов весьма сдержанно к планам развития экономических связей между Россией и Австро-Венгрией относился Будапешт. Венгрия опасалась притока на австрийский рынок сельскохозяйственной продукции из России. Австрия традиционно выступала основным потребителем венгерского сельскохозяйственного экспорта, поэтому Венгрия всегда ревностно относилась к проникновению в Австрию аграрной продукции из других стран (Россия, Сербия, США, Аргентина). Запретительные таможенные тарифы приносили значительные прибыли венгерским аграриям за счет австрийского потребителя, что вызывало большое недовольство в Австрии. В Вене многие представители правящих кругов выступали за расширение аграрного экспорта из России и других стран. Это способствовало снижению цен на продовольствие в Австрии. Прогерманские политики Будапешта и Вены полагали, что расширение экономического сотрудничества Австро-Венгрии и России может привести к недовольству в Берлине и охлаждению тесных поли-

[1] Язев В. Торговые отношения Одессы с Триполи (Сирия) // Торгово-промышленный Юг. 1913. №12. С. 30.

[2] См. например: Донесение генерального консула в Стокгольме А.Кудрявцева/ Консульские донесения по вопросам, касающимся предложенным Высочайше учрежденною, при министерстве внутренних дел, комиссии по поводу падения цен на сельскохозяйственную продукцию. Вып.5. СПб., 1894. С. 5–15.

[3] АВПРИ. Ф.172. Посольство в Вене. Оп. 514/2. Д. 201. Л. 315.

inslav

тических контактов между Австро-Венгрией и Германией[1]. Кроме этого Будапешт постоянно подозревал Россию в распространении панславизма в Венгрии и на Балканах, что негативно сказывалось на всех аспектах взаимоотношений империи Габсбургов с Россией.

При налаживании экономических связей России и Австро-Венгрии имелась еще одна фундаментальная проблема. Это специфика развития экономик двух империй. Российская промышленность имела огромный внутренний рынок, который постоянно расширялся по мере роста благосостояния населения, особенно это проявлялось в начале XX века. Поэтому российское предпринимательство было слабо заинтересовано в экономической экспансии за пределами империи. Внутренний рынок был менее притязательным, и для его освоения не требовалось применять существенные организационные и финансовые усилия. Поэтому российский бизнес был инертен при расширении экономического сотрудничества с другими странами, в том числе Австро-Венгрией. Отчасти данная проблема была присуща Австро-Венгрии. Венгерская промышленность только набирала силу, и она вполне довольствовалась освоением внутреннего рынка, а австрийская промышленность также комфортно себя чувствовало под защитой протекционистских пошлин внутри империи Габсбургов, в ее распоряжении находился как австрийский, так и венгерский рынки. В начале XX века рост доходов населения Дунайской империи способствовал росту внутреннего потребления. Только ограниченное количество предприятий в России и Австро-Венгрии нуждалось в расширении рынков сбыта за пределами своих стран. В то же время их количество в начале XX столетия стремительно увеличивалось. Надо признать, что австро-венгерский бизнес в целом был в большей степени ориентирован на освоение внешних рынков по сравнению с российской бизнес-элитой.

Однако эти трудности не мешали находить двум империям взаимопонимание по многим острым проблемам в двухсторонних экономических связях, что позволяло устранять причины для серьезных конфликтов и споров. В частности в 1902 г. фирма «Блум-Шандор», выдававшая себя за официального поставщика «Императорского Российского двора» в Австро-Венгрии решила продать по бросовым ценам 20 тыс. винтовок Сербии[2]. С подачи российских дипломатов австро-венгерские власти пресекли эту аферу, и коммерческая честь России была спасена. К тому же Россия от этой сделкой могла понести ущерб и на дипломатическом уровне.

---

[1] АВПРИ. Ф.151. Политархив. Оп. 482. Д. 577. Л. 1.
[2] АВПРИ. Ф.151. Политархив. Оп. 482. Д. 577. Л.30.

inslav

В последней трети XIX – начале XX века в экономических взаимоотношениях государств важную роль играл вывоз капитала. Российская и австро-венгерская экономики сильно зависели от иностранных инвестиций. Однако в данном плане обе империи не могли помочь друг другу. К сожалению, мы не имеем данных об объемах российских инвестиций в Австро-Венгрию, но в любом случае можно с полным основанием утверждать, что они были незначительны. Это с полным основанием относиться и к австрийским инвестициям в российскую экономику. Венгерский бизнес вообще был не в состоянии инвестировать средства в Россию. По данным германских экономических структур к 1913 г. объем австрийских инвестиций в России составил всего 450 тыс. руб.[1] По данному показателю Австрия уступала не только таким лидерам как Франция (140, 5 млн. руб.), Бельгия (114,5 млн. руб.), Великобритания (96,2 млн. руб.), но и таким государствам как Италия (1,1 млн. руб.), Османская империя (945 тыс. руб.)[2]. Данная ситуация объясняется тем, что австрийские инвесторы имели в своем распоряжении не столь рискованные рынки Венгрии, Боснии и Герцеговины, а также стран Балканского полуострова и Ближнего Востока с которыми Дунайская империя имела традиционно развитые экономические связи[3].

В 1900 г. австрийским подданным в России принадлежало 41 промышленное предприятие. Австрийские предприниматели предпочитали инвестировать свои средства не в развитие тяжелой и горнодобывающей промышленности, что было присуще иностранному капиталу в России, а в развитие пищевой промышленности и сферы услуг[4]. Одним из известных акционерных обществ в России, в котором участвовал австрийский капитал, являлось российско-австрийское пивоваренное общество «Вена», созданное в 1872 г. в Санкт-Петербурге[5]. Поэтому неслучайно подданные Австрии внесли

---

[1] Торгово-промышленный Юг. 1913. №12. С. 49–50.

[2] Там же.

[3] Следует подчеркнуть, что в современной историографии приводятся несколько иные оценки объемов австрийских инвестиций в России, как и других европейских стран: Великобритания – 226,4 млн. руб., Бельгия – 144, 4 млн. руб., Франция – 253, 3 млн. руб., Франция и Бельгия – 224,2 млн. руб., Германия – 378,1 млн. руб., США – 13,5 млн. руб., Швейцария – 12,2 млн. руб., Швеция – 7,4 млн. руб., Голландия – 1,4 млн. руб., Австрия – 1,3 млн. руб. (Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990. С. 20).

[4] Птицын А.Н. Австро-венгерские предприниматели в России / Глобализация и предпринимательство: национально-государственные стратегии и практики. Материалы международной научной конференции. Домодедово, 2008. С. 138.

[5] Доклад Правления Российско-венского пивоваренного общества под фирмой «Вена» чрезвычайному собранию акционеров 31 мая 1884 г. СПб., 1884. С. 1–8.

inslav

значительный вклад в развитие пивоваренной и колбасной промышленности Северного Кавказа, в том числе Ставропольской губернии. Чешские подданные Габсбургов заложили основы пивоварения на Ставрополье, среди которых необходимо выделить А. Груби. Чешские и австрийские технологии и оборудование позволили наладить на Ставрополье производство довольно качественного пива, которое пользовалось большим спросом и за пределами губернии. Брат А. Груби Ф. Груби открывает пивзавод в с. Белая Глина. Продукция данного предприятия выставлялась на международных выставках в Германии и Франции. Чешские пивовары приложили усилия к развитию производства пива в Екатеринодаре, Армавире, Майкопе, Новороссийске, Тифлисе и в других населенных пунктах Кавказа.

Большую работу по налаживанию экономического диалога между Россией и Австро-Венгрией проводили дипломаты обеих империй. Российские дипломатические миссии в Австро-Венгрии стремились содействовать развитию двухсторонней торговли. Консульство России в Триесте постоянно поставляло в Россию все необходимые для этого сведения, включая экономические отчеты, статистические сборники, бюллетени бирж, данные о динамике цен, ведомости о состоянии товарного рынка и т.д. Аналогичную работу проводили дипломатические представительства Австро-Венгрии в России.

Дипломаты собирали всю информацию, которая могла заинтересовать бизнес, и всячески содействовали поиску деловых партнеров в стране пребывания[1]. В частности в российское консульство в Триесте за различными справками и уточнениями об австро-венгерских партнерах (адреса, кредитоспособность и др.) обращались различные российские фирмы, занимавшиеся экспортно-импортными операциями с Австро-Венгрией, в основном это были фирмы с Юга России. В свою очередь в 1907 г. через генеральное консульство Австро-Венгрии в Варшаве ряд польских фирм попытались найти себе партнеров в империи Габсбургов, предложив им текстиль и галантерейные товары[2].

Дипломатические миссии предоставляли всестороннюю информацию об экономическом развитии страны пребывания. В июне 1913 г. после согласований в МВД и МИД ставропольские губернские власти удовлетворили запрос консульства Австро-Венгрии в Ростове на Дону о предоставлении ему данных об особенностях развития потребительской кооперации в Ставропольской губернии[3]. В Австро-Венгрии

[1] Щекин М. Русская торговля в Триесте // Сборник консульских донесений за 1908 г. Вып.II. СПб., 1909. С. 267.

[2] Там же. С. 268.

[3] Государственный архив Ставропольского края. Ф.101. Канцелярия губернатора. Оп. 5. Д. 559. Л. 186.

inslav

большой интерес вызвала аграрная реформа П. А. Столыпина, особенно в венгерской половине империи, где остро стояла проблема модернизации сельского хозяйства. Поэтому дипломатические представители Австро-Венгрии постоянно собирали материал о ходе аграрных преобразований в России после революции и их первых результатах.

Российские и австро-венгерские дипломаты стремились посещать все крупные мероприятие, на которых можно было познакомиться с последними экономическими достижениями страны пребывания. Так, в 1896 г. российские дипломаты посетили Венгерскую общенациональную выставку, посвященную тысячелетию Венгрии[1].

Представители бизнеса и сами проявляли инициативу в данном направлении. Так, внушительная делегация из Дунайской империи осенью 1900 г. посетила международный конгресс и выставку коневодства в Ростове на Дону[2]. Следует подчеркнуть, что австро-венгерские коммивояжеры, постоянно посещали черноморское побережье России, Кавказ, Привислинский край с целью изучения запросов российских потребителей. Это обстоятельство позволяло им увеличить продажу в России многих австро-венгерских товаров. В этом плане инициативу проявляли и учебные заведения Австро-Венгрии, которые готовили специалистов по внешней торговли. В частности «Экспортная академия Императорско-королевского Австрийского торгового музея» направляла своих выпускников для прохождения стажировки в Россию. В 1897 г. в Россию направляются два стажера[3]. Российский бизнес в этом плане проявлял пассивность. Такой стиль ведения торговых операций российскому бизнесу был присущ не только в Австро-Венгрии[4]. Необходимо отметить, что система организации внешней торговли Дунайской империи считалась одной из лучших в Европе. Поэтому в России постоянно раздавались призывы к изучению и применению на практике австро-венгерского опыта ведения внешнеэкономической деятельности[5]. В этой связи неслучаен цикл статей, опубликованный на страницах ведущего экономического

[1] Freifeld A. Marketing industrialism and Dualism in Liberal Hungary: Expositions, 1842-1896 // Austrian History Yearbook. Vol. XXIX. 1998. P. 82.

[2] АВПРИ Ф. 151. Политархивек Оп.482. Ед.хр.576. Л.218.

[3] Австрийский торговый музей в Австрии // Вестник финансов торговли и промышленности. 1902. №10. С. 182.

[4] Капангар А. Экономические перспективы Восточной Анатолии. Тифлис, 1913. С. 37.

[5] Донесение генерального консула в Будапеште К.Базили / Консульские донесения по вопросам, касающимся предложенным Высочайше учрежденною, при министерстве внутренних дел, комиссии по поводу падения цен на сельскохозяйственную продукцию. Вып.5. СПб., 1894. С. 42.

inslav

издания страны «Вестника промышленности, торговли и финансов» о деятельности «Австрийского торгового музея».

Австро-венгерский опыт постоянно вызывал интерес среди представителей деловых кругов России. Когда в начале XX века виноделы Бессарабии оказались в очень тяжелом положении из-за заболеваний виноградников и низкого качества вина, пресса России призывала власти и деловые круги обратиться к положительному опыту Венгрии, которая вывела собственное виноделие на новый качественный уровень. Особо обращалось внимание на развитие агрокультуры среди венгерских виноделов и их льготное кредитование[1]. Все эти успехи были невозможны без активной помощи виноделам со стороны венгерского правительства. Следует подчеркнуть, что донские виноделы еще в XIX века культивировали венгерский виноград, который на Дону не успевал вызревать. Он был очень кислым и использовался как дешевый сорт столового винограда[2].

Австрийская империя, а затем Австро-Венгрия всегда проявляли значительный интерес к развитию торговли с Кавказом. Отсюда она могла получить столь необходимое для нее сырье, в том числе нефть, марганцевые руды, продукцию сельского хозяйства и в свою очередь реализовать собственные товары, в том числе сельскохозяйственные машины, инвентарь, продукцию химической промышленности и другие товары. Через Кавказ долгое время империя Габсбургов производила транзитную торговлю с восточными регионами Османской империи, Персией и Средней Азией.

Этому обстоятельству способствовал статус Батуми как порто-франко, на чем во время работы Берлинского конгресса настояла Великобритания. Беспошлинная торговля через Батуми наносила серьезный вред экономическим интересам нефтепромышленников Баку и местным предпринимателям, существенные потери нес и бюджет России. Поэтому в 1888 г. Россия объявила об изменении статуса порта Батуми и его полном включении в таможенное пространство России, что вызвало возмущение в ведущих странах Европы, однако серьезных санкций за этим не последовало[3].

Кавказ выступал главным поставщиком марганцевых руд в Дунайскую империю. В 1906 г. после беспорядков в Закавказье российский экспорт марганцевых руд оказался в трудном положении,

---

[1] Бален де Баллю Э. Больные стороны бессарабского виноделия // Южные записки. 1905. №4. С. 55–56.

[2] 1884 г. в сельскохозяйственном отношении. Вып.III. Ч.II. СПб., 1886. С. 42.

[3] Эсадзе С. Исторический опыт распространения русского влияния на Кавказе // Кавказский календарь на 1913 г. Тифлис, 1912. С. 60.

inslav

его позиции временно потеснил экспорт в империю Габсбургов марганцевых руд из Бразилии, Испании, Индии. Однако российским экспортерам удалось довольно быстро восстановить экспорт марганца в Австро-Венгрию. Пик поставок марганцевой руды с Кавказа в Австро-Венгрию приходиться на 1912 г., когда он составил 4 млн. 639 тыс. пуд., для сравнения в 1910 г. данный показатель составлял 2 млн. пуд., а в 1913 г. 1 млн. 171 тыс. пуд.[1] Следует подчеркнуть, что во время революционных беспорядков на Кавказе пострадала собственность, принадлежавшая австро-венгерским подданным в частности в Баку[2].

Первый статистический отчет о внешней торговле Кавказа, имеющийся в нашем распоряжении относится к 1886 г. Австро-Венгрия не входила в число основных внешнеэкономических партнеров Кавказа. В 1886 г. с территории кавказских губерний и областей больше всего товаров вывозилось во Францию на 5,725 млн. руб., затем шли Османская империя 5,235 млн. руб., Персия 4,623 млн. руб., Великобритания 4 млн. руб., Италия 2,128 млн. руб., и только на 6-м месте по данному показателю находилась Австро-Венгрия с 1,411 млн. руб., при чем рядом с ней располагались такие страны как Греция и Румыния объемы вывоза, в которые также превышали 1 млн. руб.[3] В тоже время Кавказ импортировал товары из Персии на 7 млн. руб., Великобритании на 2 млн. руб., Османской империи на 793 тыс. руб., Франции на 725 тыс. руб. и Австро-Венгрии на 402 тыс. руб., ввоз товаров из остальных стран вместе взятыми на превышал 400 тыс. руб.[4] С территории Кавказа в Австро-Венгрию экспортировался узкий круг товаров, в том числе шелковые коконы (185 пудов), пшеницу (55 тыс. пудов), нефть (70 тыс. пудов), керосин (1,269 тыс. пудов), смазочные масла (28 тыс. пудов), другие нефтепродукты (998 тыс. пудов)[5].

С прекращением вывоза с Кавказа в Австро-Венгрию нефти и нефтепродуктов, и нестабильностью экспорта марганцевой руды все большое значение в торговли региона с Австро-Венгрией занимает вывоз в империю Габсбургов сельскохозяйственной продукции, прежде всего, через порты Новороссийска, Таганрога и Ростова на Дону зерновых культур. Кроме этого в начале XX века Австро-Венгрия становится одним из крупнейших импортеров кавказского табака. В 1910 г. в империю Габсбургов ввозится 38885 пудов табака или

[1] Кавказский календарь на 1915 г. Тифлис, 1914. Статистический отдел. С. 352.
[2] Терские ведомости. 1905. №204. С. 3.
[3] Кавказский календарь на 1888 г. Тифлис, 1887. С. 27.
[4] Кавказский календарь на 1888 г. Тифлис, 1887. С. 27.
[5] Кавказский календарь на 1888 г. Тифлис, 1887. С. 12–20.

inslav

19,5 % всего экспорта табака с Кавказа, в 1911 г. 32996 пудов (14,8 %)[1]. В дальнейшем экспорт кавказского табака в Австро-Венгрию, как и в другие страны Европы резко сокращается. Это было связано с общим неблагоприятным положением дел в табаководстве региона (плохая селекционная работа, отсутствие дешевого кредита, запутанная система арендных отношений).

Из Австро-Венгрии на Кавказ экспортировался более широкий круг товаров, но объемы их ввоза были незначительны. В частности Дунайская империя поставляла в регион изделия из железа и, прежде всего сельскохозяйственный инвентарь и машины (1207 пуд.), лидерами в этом сегменте рынка являлись Великобритания (13667 пуд.) и Германия (12184 пуд.), химические и фармацевтические товары (362 пуд.), инструменты для ремесленных и художественных мастерских (803 пуд.), сбруи и кожевенные изделия (61 пуд.). В поставке этих товаров Австро-Венгрия значительно уступала Великобритании, Германии, Франции, Бельгии и другим государствам. В тоже время Австро-Венгрия доминировала или являлась монополистом в поставке галантереи (101 пуд.), принадлежностей для письма и рисования (82 пуд.), музыкальных изделий (163 пуд.), математических и оптических приборов (59 пуд.), спичек (5905 пуд.)[2]. Большим спросом на Кавказе пользовалась венская мебель. Практически во всех крупных городах региона можно было встретить магазины, где продавалась венская мебель. В Ростове на Дону такой магазин, принадлежавший М. С. Крайненко находился на центральной улице города – Большой Садовой.

В начале XX века все большую популярность на Кавказе получают сельскохозяйственные машины из Австро-Венгрии, они были дешевле по сравнению с аналогичной продукцией из других стран, не уступая при этом значительно по качеству. Поэтому торговый дом «А.Утц и Сын», находившийся в Баку развернул широкую торговлю сельскохозяйственными машинами «Венского Общества Н.Гейд»[3].

О динамике экономических связей Кавказа и Австро-Венгрии говорит и тот факт, что в 1886 г. в порты Кавказа зашло 633 австро-венгерских судна, поэтому показателю Австро-Венгрию превосходили только Великобритания 1489 судов, Греция 795 судов и Османская империя 638 судов[4]. Австро-венгерские суда перевозили не только товары из империи Габсбургов, активно занимаясь транспортировкой товаров из других государств.

---

[1] Кубань и Черноморское побережье на 1914 г. Екатеринодар, 1914. С. 86.
[2] Кавказский календарь на 1888 г. Тифлис, 1887. С. 23–26.
[3] Кавказский календарь на 1911 г. Тифлис, 1910. С. 564.
[4] Кавказский календарь на 1888 г. С. 27.

inslav

Основная масса экспортно-импортных операций на Кавказе проводилась через таможни Новороссийска (27,894 млн. руб.), Ростова на Дону (22,678 млн. руб.), Батуми (22,275 млн. руб.), Таганрога (19,012 млн. руб.)[1]. Затем товары по железным дорогам распространяли по всему Кавказу и наоборот товары с Кавказа стекались в эти порты для вывоза в другие государства, в том числе Австро-Венгрию.

Как уже отмечалось, австро-венгерские предприниматели постоянно изучали экономический потенциал Кавказа, стремясь расширить торговые связи империи Габсбургов с регионом. В Закавказье традиционно в небольших масштабах выращивался хлопок, что заинтересовало не только российских, но и австро-венгерских предпринимателей. Для изучения возможностей расширения посевов хлопка на Кавказе и его импорта в Австро-Венгрию был послан на Кавказ известный австро-венгерский специалист по хлопковому делу П. Тейнбург. Эта обстоятельство было вызвано сокращением поставок американского хлопка в Европу, в том числе Австро-Венгрию а годы гражданской войны в США. П. Тейнбург был полностью разочарован результатами поездки на Кавказ, в этой связи он писал: «Я могу утвердительно сказать, что хлопок разных провинций Закавказья не только не приобрел на рынке того положения, которое подобает ему относительно его достоинства...но его положение не только не улучшилось, но сделалось хуже»[2]. Эти оценки отражали истинное положение дел в хлопководстве региона в 60-70-е гг. XIX века. Существенные изменения в данной отрасли народного хозяйства Кавказа начинаются только в 80-е гг. XIX века[3].

Следует подчеркнуть, что экономические связи Австро-Венгрии и России выражались в обмене информацией и опытом проведения политики на окраинах империй. В начале XX столетия на Кавказе многие представители имперского государственного аппарата и общественности обращают внимание на необходимость сохранения традиционных промыслов народов Кавказа и, прежде всего ремесленников. Местные мастера разорялись, не выдерживая конкуренции как с отечественными, так и европейскими предпринимателями. Особенно это относилось к текстильной промышленности. На Кавказе среди промыслов было развито изготовление медной посуды, оружия, украшений. Продукция мастеров из аула Кубачи и других регионов Кавказа пользовалась большим спросом. Однако и данный вид про-

[1] Статистические сведения о внешней торговли России. СПб., 1896. С .60.

[2] Тейнбург П. Хлопчатобумажное производство на Кавказе. Тифлис, 1870. С. 1.

[3] Петрович П. Хлопководство в Закавказье/ Кавказский календарь на 1913 г. Тифлис, 1912. С. 376.

instav

мыслов переживал не самые лучшие времена. И здесь властей и общественность Кавказа заинтересовал опыт австро-венгерской администрации по сохранению и развитию местных промыслов в Боснии и Герцеговине, что выражалось в оказании помощи ремесленникам в деле расширения рынков сбыта их товаров за пределами региона. Для этого ремесленники получали консультации о художественных вкусах населения Австрии и Венгрии, что с полным основанием можно было применить на Кавказе[1].

Важным проводником экономического влияния Австро-Венгрии на Кавказе стали колонисты, подданные империи Габсбургов, поселившиеся в регионе вскоре после окончания Кавказской войны и начала мирного освоения Кавказа в 70-е гг. XIX века[2]. Самыми многочисленными по численности колонистами из Австро-Венгрии являлись чехи. В 1909 г. самая многочисленная колония чехов проживала в Черноморской губернии в количестве 1290 чел., затем по данному показателю шли Кубанская область 1213 чел., Тифлиская губерния 245 чел., Кутаисская губерния 168 чел., Бакинская губерния 149 чел., Терская область 130 чел., в остальных административных единицах Кавказа численность чехов не превышала 40 чел. Всего на Кавказе без Ставропольской губернии в 1909 г. проживало 3285 чешских колонистов[3]. Среди других подданных Австро-Венгрии необходимо выделить сербов, хорватов, словаков, австро-немцев, венгров, но их численность была незначительна. В частности венгров на Кавказе в 1909 г. насчитывалось всего 80 чел. и основная их масса проживала в Кубанской области (63 чел.).

Чешские колонисты, как правило, создавали собственные колонии, проживая автономно от местного населения. В Черноморской губернии крупными чешскими селами стали Мефодиевка, Кирилловка, Владимировка, расположенные рядом с Новороссийском[4]. Чешские колонисты имели высокий уровень агрокультуры, по сравнению с русскими и украинцами, тем более, по сравнению с горцами. Они хорошо обустраивали хозяйственные постройки, в том числе для содержания скота, для которого строились сараи из камня и древесины, что затем было заимствовано местными жи-

---

[1] Кавказский календарь на 1914 г. Тифлис, 1913. Отдел общий. С. 98.

[2] Птицын А.Н. Миграция Австро-Венгерских подданных в Россию и на Северный Кавказ (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Ученые записки кафедры новой и новейшей истории Ставропольского государственного университета. Вып. II. Ставрополь, 2009. С. 26.

[3] Кавказский календарь на 1910 г. Ч.1. Тифлис, 1909. С. 115.

[4] Пукиш В.С. Черноморское побережье Кавказа и его чешские поселенцы/ Мир славян на Северном Кавказе. Вып. 4. Краснодар, 2008. С. 21.

inslav

телями. Они постоянно подкармливали скот, что не было принято делать на Кавказе, поэтому крупный рогатый скот и свиньи у чехов по качеству отличались в лучшую сторону по сравнению со скотом местных жителей[1]. Чешские колонисты на Западном Кавказе стали пионерами селекционной работы, разводя скот «швицкой породы». Многие сельскохозяйственные машины и орудия труда на Кавказ так же были привнесены чешскими колонистами. Неслучайно, что чех Ф. Гейдук стал первым агрономом Черноморского округа. Он внес огромный вклад в исследование возможностей развития аграрного сектора на Северном Кавказе. Ф. Гейдук в своей деятельности постоянно использовал австро-венгерский опыт. Признание заслуг Ф. Гейдука стало его приглашение для чтения публичной лекции в Московским университете на тему «О значении для России развития сельско-хозяйственной промышленности на северо-восточном берегу Черного моря»[2].

Австрийское влияние проявлялось не только в экономических взаимоотношениях России и Австрии. В 1913 г. в России начинает создаваться система социального страхования безработных и лиц, получивших травмы на производстве. За образец российские власти выбрали систему страхования Австрии, полагая, что для России это самый приемлемый вариант. Однако у этого проекта возникли противники среди представителей бизнеса и интеллектуальной элиты. Они критиковали данный проект. По их мнению, австрийская система не была столь совершенной, чтобы ее полностью копировать, о чем свидетельствовал постоянный дефицит средств в австрийских страховых кассах. Вторым аргументом против служил более высокий уровень технического оснащения австрийских предприятий, развитая система охраны труда и низкий уровень травматизма на производстве по сравнению с российскими предприятиями: «...этим (копированием в России австрийской системы страхования рабочих – прим. И. К., И. У.) будет допущена крупная ошибка, так как таким путем упущена из виду не только разница в техническом оборудовании промышленных предприятий в Австрии и России, но и та разница в постоянном применении мер безопасности и те результаты этим достигнутые, которые обусловливались исключительно многолетним техническим надзором со стороны австрийских страховых товариществ»[3].

---

[1] Кавказский календарь на 1915 г. Тифлис, 1914. С. 116.

[2] Гейдук Ф. О значении для России развития сельско-хозяйственной промышленности на северо-восточном берегу Черного моря // Русский вестник. 1871. Март. С.5–41 и продолжение: Русский вестник. 1871. Апрель. С. 381–404.

[3] Страховая компания// Торгово-промышленный Юг. 1913. №19. С.6.

inslav

Отсюда следовал вывод, что российские предприниматели понесут крупные убытки в связи с высоким травматизмом и низким уровнем труда на своих предприятиях. Здесь примечательно еще одно обстоятельство, российская деловая элита признавала, превосходство австрийской промышленности и системы страхования рабочих, что не относилось к венгерской половине империи Габсбургов. В то же время в ходе дискуссии большинство представителей власти и общественности признали целесообразность использования австрийского опыта с некоторыми коррективами.

Первый удар по экономическим связям России и Австро-Венгрии нанесли Балканские войны, и дело заключалось не только в политических разногласиях империй. Закрытие Турцией черноморских проливов негативно сказалось на торговле между двумя государствами. Неслучайно в 1912 г. таможенные службы Кавказа отмечают резкий спад торговых операций с зарубежными государствами, в том числе с Австро-Венгрией[1].

В то же время именно в 1912 г. в Австро-Венгрия, в условиях, когда империя потеряла многие рынки Балкан и Ближнего Востока, все активнее стали звучать призывы о необходимости расширения экономического сотрудничества с Россией. Этому обстоятельству способствовала торговая война между Россией и США, от которой Россия несла значительные потери. Такого рода инициатива получила поддержку и среди представителей правящей элиты Венгрии. Представители ряда торговых домов и фирм Венгрии в 1912 г. совершили ознакомительную поездку в Россию с целью изучения ее экономического потенциала и поиска возможных партнеров[2]. Торговый дом «Меркурий» в этом плане пошел дальше, заключив контракты на поставки сельскохозяйственной продукции из Бессарабии в Венгрию на 100 тыс. крон[3]. Развитие двухсторонних отношений поддерживали многие российские дипломаты, политики и предприниматели[4].

Но этим планам не суждено было реализоваться на практике. Окончательный удар по экономическим связям России и Австро-Венгрии наносит Первая мировая война. Противоборствующие стороны сворачивают экономическое сотрудничество друг с другом. Этот процесс началась за несколько дней до объявления Австро-Венгрией войны России. 30 июля 1914 г. подданным Австро-Венгрии, проживавшим в Донской, Кубанской, Терской областях, Ставропольской и Чер-

---

[1] Кавказский календарь на 1914 г. Тифлис, 1913. С. 204.
[2] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 585. Л. 121.
[3] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 585. Л. 178.
[4] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 585. Л. 78.

inslav

номорской губерниях было предписано немедленно вернуться на родину[1]. Второго августа 1914 г. Азов и другие порты Черного моря спешно покидают последние торговые суда Австро-Венгрии[2]. В тоже время в начале августе 1914 г. пресса Кавказа по инерции еще давала рекламу некоторых австро-венгерских товаров, в частности знаменитого «Пургена» венгерской фармацевтической фирмы «Dr. Bayer es Tasla»[3]. Даже в 1915 г. Россия ввезла австро-венгерских товаров на 1,421 млн. руб.[4], что лишний раз говорит о прочности довоенных торговых отношений между империями.

* * * *

В конце XIX – начале XX века экономические связи между Россией и Австро-Венгрией постепенно набирают обороты. Данному процессу способствовали успехи в народном хозяйстве обеих империй, развитие транспортной инфраструктуры, средств связи, создание необходимой законодательной базы для развития двухсторонних отношений. Это выражается в росте объемов взаимной торговли, увеличении объемов австрийских инвестиций в России, заимствовании технологий и методов организации внешней торговли, социального законодательства, экономической политики. Показателем развития экономических связей стало увеличение трансграничных контактов между подданными Австро-Венгрии и России. Предприниматели и сезонные рабочие из Австро-Венгрии получают возможность ведения экономической деятельности во многих регионах России, в том числе на Кавказе.

Однако существовавшие экономические контакты не соответствовали потенциальным возможностям империй. Экономическому диалогу между ними мешали не только политические противоречия. Россия и Австро-Венгрия не завершили до конца процесс индустриализации. Это обстоятельство акцентировало внимание правящих кругов и бизнес-элиты к освоению внутреннего рынка и отсталых регионов страны. Россия и Австро-Венгрия не имели значительных инвестиций, которыми они могли обменяться. Кроме этого доминирование аграрной продукции в структуре экспорта тормозило развитее торговли между империями, так как на экспорт они выставляли примерно одинаковый спектр товаров, выступая в качестве конкурентов на мировом рынке. В тоже время в начале XX века Австро-Венгрия

[1] Северокавказский край. 1914. №953. С. 1.
[2] Северокавказский край. 1914. №958. С. 2.
[3] Северокавказский край. 1914. №952. С. 3.
[4] К вопросу о внешней торговли России во время войны. Пг., 1916. С. 61.

inslav

увеличивает объемы экспорта в Россию продукции машиностроения и фармацевтической промышленности.

Кавказ занимал довольно активную позицию в экономических связях России и Австро-Венгрии. Резкое сокращение Австро-Венгрией импорта кавказской нефти и нефтепродуктов в начале XX столетия приводит к значительному падению товарооборота региона с империей Габсбургов. Поэтому вывоз из региона марганцевой руды и сельскохозяйственной продукции в Австро-Венгрию становится основой кавказского экспорта. Ввоз товаров из Дунайской империи на Кавказ не был подвержен столь значительным перепадам. Однако существенному росту экспорта промышленных товаров из Австро-Венгрии на Кавказ мешала жесткая конкуренция со стороны германских, британских и американских товаропроизводителей. Нестабильность взаимной торговли компенсировалась заимствованием экономического опыта Австро-Венгрии со стороны как российского государства, так и частных предпринимателей на Кавказе. Особенно в сфере развития курортной инфраструктуры. Ретрансляторами данного опыта стали австро-венгерские колонисты и главным образом чехи, активно селившиеся на Кавказе в XIX века Балканские войны нанесли первый серьезный удар по экономическим связям Австро-Венгрии и России, окончательно данный процесс сворачивается после начала первой мировой войны.

Е. Ф. Фирсов

КАВКАЗСКИЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОЕКТЫ ХОРВАТСКОГО ДЕЯТЕЛЯ В РОССИИ К. ГЕРУЦА (ПО ЧЕШСКИМ АРХИВАМ)

В дореволюционной России накоплению знаний о современном и историческом развитии югославянских народов и популяризации их культурных достижений существенным образом весьма способствовал видный деятель хорватского происхождения Крунислав Геруц (1859–1928?). После революций К. Геруц вынужден был перебраться в меньшевистскую Грузию и там продолжал свою цивилизационную миссию, направленную на сближение разных народов, но об этом чуть ниже. Вначале следует остановиться хотя бы в общих чертах на основных вехах его деятельности в дореволюционной России.

Для этого мной были привлечены архивные материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Отдела пись-

inslav

менных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ, Москва), а также Архива Национального музея в Праге (Чехия).

В конце 1870-х гг. Геруц учился на философском факультете Загребского университета.

В Россию К. Геруц прибыл в 1886 г. сначала в Москву, а в начале 1887 г. в Петербург. Вскоре он был принят на работу в «Славянские известия». Геруц намеревался открыть свою славянскую книжную лавку. Средства для осуществления и подготовки славянского книжного предприятия, первого крупного начинания Геруца в России, ему давало сотрудничество в русских изданиях. Ему была оказана также материальная поддержка славянского благотворительного Общества.

На первых порах Геруц прошел хорошую школу в магазине А. С. Суворина, где занимался комиссионерством. А вскоре, после женитьбы на русской, Геруц открыл на Невском, 74 свое книжное дело – «Русско-славянский книжный склад», а несколько позже – магазин и начал также издательскую деятельность. Славянское благотворительное Общество предоставило тогда Геруцу на эти цели значительную ссуду в 500 руб.[1]

Однако в предпринимательском деле Геруцу, видимо, не очень везло. В 1893 г. его Русско-славянский магазин был передан в другие руки и вскоре практически прекратил существование.

В 1900-е годы Геруц был библиотекарем при Государственной думе, где ему удалось ближе познакомиться с видными государственными деятелями России. В это время он прошел основательную школу неославянского движения, возглавляемого чешским политиком К. Крамаржем. Геруц лично знал его со времени своего сотрудничества в «Правительственном вестнике» и в обществе «Русское зерно». Общество функционировало в 1908–1914 гг. и было призвано содействовать частным землевладельцам, крестьянам в изучении культурных приемов в области земледелия, промыслов и ремесел. Геруц состоял членом и секретарем Совета «Русского зерна». Его стараниями устраивались поездки за пределы России (прежде всего в зарубежные славянские земли: Чехию, Моравию и т. д.) с целью выучки по своей специализации. Не без содействия К. Крамаржа отделения Общества «Русское зерно» возникли в Чешских землях. Эти поездки ставили своей целью не только хозяйственное, но и нравственное, культурное возрождение России и всех остальных славянских народов. Впечатления от практики за границей стара-

[1] Ровнякова Л.И. Русско-славянский книжный магазин в Петербурге // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. С. 89.

inslav

ниями Геруца публиковались в отчетах Общества в его «Известиях», а также в русской прессе[1].

Однако дела Общества шли, по-видимому, не блестяще. Один из членов Совета «Русского зерна», впоследствии генерал-майор М. Балясный в 1910 г. писал камергеру Л. М. Савелову: «Обед чешским футболистам окончился в половине 9-го, но А. А. Столыпин пригласил меня в комиссию по изысканию средств для «Русского зерна», т. е. попросту для выбора в председательницы ея баронессы Нолькен»[2].

Как следует из ранее неизвестной переписки, «Русское зерно» было создано по инициативе Геруца и являлось его детищем. Ему даже удалось заинтересовать в этом предприятии правительственные и думские круги.

Общество «Русское зерно» не носило сугубо крестьянско-земледельческого характера, а во многом выражало интересы близких к правительственным сферам и весьма влиятельным в экономическом отношении кругов русского общества. Ряд деятелей «Русского зерна» неославянской ориентации активно участвовали в 1910-х годах в подготовительных работах по созданию т.н. «Славянского банка».

В годы Первой мировой войны значителен вклад К. Геруца в создание в России хорватско-русского Общества памяти Крижанича и особенно забота о военнопленных славянского происхождения.

Хорватско-русское Общество памяти Крижанича возникло в 1915 г. по инициативе Крунислава Геруца при поддержке М.И. Гарапича и словенского предпринимателя в России Льва Ф. Тумы.

Устав Общества памяти Крижанича был официально утвержден 7 октября 1915 г., а его Учредительное собрание состоялось 25 октября того же года. Входивший в правление Общеславянских трапез В.А. Монастырев в письме Л.М. Савелову от 16 ноября 1915 г. сообщал, в частности, что «завтра в «Метрополи» – заседание «Русско-хорватского общества»[3].

Судя по штампу, Общество располагалось в Москве по адресу Петровское шоссе, 64. Но, как правило, его заседания проходили в здании знаменитого отеля «Метрополь». Здесь же собирались так называемые «Славянские беседы». Как нам удалось установить «Славянские беседы» были как раз составной частью русско-хорватского Общества памяти Крижанича. Из архивных материалов о деятельности Общества следует, что в ходе «Славянских бесед» под-

---

[1] Ровнякова Л.И. Указ. соч. С. 101–102.

[2] Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (далее – ОПИ ГИМ). Ф.216. Д.38. Письмо М. Балясного Л.М. Савелову. Л.24. 6.X.1910 г.

[3] ОПИ ГИМ. Ф.216. Д.20 б/2 Письмо В.А. Монастырева Л. М. Савелову. 16.XI.1915.

inslav

нималась всевозможная культурно-просветительская славянская проблематика. Так план работы Общества на ноябрь-декабрь 1915 г. предусматривал обсуждение на «Славянских беседах», например, следующих вопросов (привожу выборочно – Е. Ф.):

заветы Ю. Крижанича славянству,

жизнь и деятельность хорватского епископа Й. Ю. Штроссмайера,

история сербской литературы,

история словацкой литературы и т.д.

Стоит подчеркнуть, что общество памяти Крижанича, уделявшее значительное место хорватской и югославянской тематике, планировало издать полное собрание сочинений Ю. Крижанича. Кроме того, уже в 1915 г. это Общество выступило с ценной инициативой – воздвигнуть в Москве в 1917 г. памятник Крижаничу (к 300-летнему юбилею со дня рождения) за счет планируемого сбора пожертвований. Последовавшие затем в России революционные потрясения помешали реализации этого замысла.

С позиций нынешнего дня очевидно, что культурная деятельность Общества памяти Крижанича и «Славянских бесед» не пропала даром. Можно выявить много ценного из наблюдений, сделанных югославянскими деятелями того времени. Хотя в целом той эпохе была присуща определенная риторика «всеславянства», высказанные югославянами в России многие сокровенные мысли могли бы пригодиться в нынешнее времена, учитывая горький опыт недавно пережитых геополитических перемен на Балканах. В частности, можно привести высказывание К. Геруца о нюансах сербо-хорватских отношений, относящееся к 1915 г. Он считал, что, несмотря на близость языка этих народов, «объединить их преждевременно и насильственно – значило бы направить их жизненные силы на внутреннюю взаимную борьбу и тем самым повредить делу общеславянского объединения... Хорватия не может быть включена в сербское государство по соображениям историческим, социальным и экономическим». К. Геруц подчеркивал также, что «хорватская идея» в сравнении с сербской представляет собой равносильную ей величину.

Судя по первым материалам программного характера, Общество поначалу преследовало цель создания «единой, свободной, великой Славии под главенством России». Первое послание Общества прямо гласило: «Россия должна объединить все славянство не только политически, но также экономически и культурно»[1]. Этот тезис не раз повторялся в материалах Общества.

[1] ГАРФ. Ф.579. Оп.I. Д.1578.

inslav

Вместе с тем, материалы «Общества памяти Крижанича» проникнуты стремлением добиться достойной организации военнопленных славян и «восстановления их душевного равновесия». Общество призывало к воспитанию из военнопленных убежденных сторонников будущего всеславянского союза. Общество активно включилось в формирование добровольческих отрядов из южных славян, в частности Сербского добровольческого корпуса[1]. Однако борьба за равноправное положение хорватов и словенцев в рамках этого добровольческого формирования привела к обострению отношений Общества памяти Крижанича с сербским военным руководством корпуса. После февраля по причине своих промонархических взглядов К. Геруц очутился на Кавказе, в меньшевистской Грузии, и с не меньшим энтузиазмом выдвинул на сей раз идею «Восточных Соединенных штатов» или Восточанского союза в сердце Евразии[2] и стал своеобразным предтечей евразийства.

Кавказский, а точнее грузинский период придал прожектам Геруца второе дыхание. Выявленные в Праге его неизвестные ранее письма из Тифлиса К. Крамаржу позволяют с уверенностью датировать пребывание Геруца на Кавказе 1917–1922 гг. В первом письме от 4 октября 1920 г. Геруц писал: «С 1917 г. я заброшен сюда на Кавказ и, конечно, только благодарю судьбу за это. Здесь я дал инициативу нескольким организациям местного значения. Но вот, на очереди теперь большое дело «Восточанский союз». Из приложенных при сем статей – «Экономический фронт малых народов», «Чехия и Грузия», «Письмо из Тифлиса», «10 гражданских заповедей (5 для всех, 5 восточанам)», циркуляра «Гручето» и наконец «Восточанский союз» – Вы увидите, что я стараюсь разными путями подготовить здешнее общественное мнение к идее о Восточанском союзе как главной цели, как единственному смыслу бытия... Я просил бы Вас поддержать ее всячески: в парламенте, в прессе и среди Ваших личных друзей. Надеюсь, что и тут, как при «Русском зерне», Ваша помощь принесет желаемый результат...»[3]. Геруц был склонен даже временно отложить пока заботы о всеславянском союзе, а всю энергию сосредоточить на «восточанской» проблеме. «Если мы, славяне, сможем влить в эту восточанскую идею свою славянскую инициативу и осуществим ее, то славянская идея получит более широкое разрешение, чем, если бы мы ограничились только одними славянскими рамками»,[4] – писал он.

---

[1] О перипетиях в связи с этим см.: Očak I. Hrvatsko-ruske veze. Zagreb, 1993. S. 122–123.

[2] ANM. Praha. F. K.Krama

[3] Ibid. 2/5 641.

[4] Ibid. 2/5 642.

inslav

Как видим, Геруц явился своеобразным предтечей евразийского движения. Он предлагал строить чешско-восточанский союз «преимущественно на экономических устоях, а политическую, культурную и религиозно-философскую сторону вопроса предоставить естественному течению». Центром «восточанского» мира Геруц считал Кавказ. И потому настоятельно рекомендовал бывшему премьеру ЧСР К. Крамаржу следующее: «Из всех некавказских стран Восточанского круга – Чехия является единственной, которая в силу своей возмужалости и культурной зрелости может и должна придти Кавказу сознательно и решительно на помощь. Это прямое историческое призвание Чехии. Чехия должна войти с Грузией в самые близкие экономические и культурные связи. Это дело для Чехии общенародное, внепартийное, всем классам, всем профессиям, всем гражданам одинаково выгодное»[1]. Геруц сожалел, что в Тифлисе до сих пор нет ни одного чеха, который бы в достаточной мере это понимал и настойчиво проводил в жизнь. Письмо завершалось восклицанием: «Неужели вы, чехи, страдаете таким же государственным дальтонизмом, каким страдала и отчего погибла Россия?»[2].

В приложении к письму под № 1 под девизом «Единением Запада с Востоком создастся новая жизнь» излагались программные принципы проектируемого чешско-восточанского союза. Первый пункт гласил о необходимости создания в сердце Евразии культурно-экономического Восточанского Союза или Восточных Соединенных штатов[3]. Цель Союза уточнялась также в приложенном уставе чешско-грузинского товарищества («Гручето»): «сблизить и связать на строго деловой почве Грузию – центр богатого Среднего Востока – с Чехословакией – промышленным и культурным центром Средней Европы, дабы при взаимном, согласованном сотрудничестве полнее использовать все производительные силы обеих стран»[4].

Во втором пункте проекта Восточанского союза подчеркивалось, что его членами могут быть «все государственные, а также крупные социальные, культурные и экономические организации народов Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, сохранившихся или вновь воскресших на развалинах Австрии, России и Турции, расположенных вокруг седого, но сердцем вечно юного Кавказа, народов, объединенных судьбами прошлого, психологией настоящего и задачами будущего»[5].

[1] Ibid.
[2] Ibid.
[3] Ibid. 2/5 643.
[4] Ibid. 2/5 645.
[5] Ibid. 2/5 643.

inslav

Новое восточанское мировоззрение, по мысли Геруца, призвано искоренить всякое зло, единоличное или организованное насилие и возвеличить человеческую природу, подняв ее ближе к божественному идеалу.

Второе письмо Геруца в Прагу датировано 29 октября 1922 г. Причем имеются две самостоятельные версии этого письма, датируемые тем же числом. Первое письмо, как выразился сам Геруц, было послано Крамаржу «наугад», а второе – для верности – было направлено через чешское консульство в Тифлисе. Тексты этих писем, однако, несмотря на совпадение даты, значительно отличаются друг от друга – как по духу, так и по содержанию; причем первое, отправленное обычной почтой, отличалось большей откровенностью и некоторой сумбурностью. В этих письмах Геруц выражал, вопреки временным невзгодам, свою веру «в великое светлое будущее Славянства и его историческую миссию на Востоке. Эта вера и держит меня здесь, иначе не стоило бы переносить все обиды и лишения»[1]. И сожалел, что чехи не откликнулись более живо на его почин до прихода в Грузию большевиков, когда «можно было бы кое-что сделать».

В письме, отправленном «наугад», Геруц выражал уверенность, «... что Восток для нас, славян, гораздо нужнее и интереснее, чем мы обыкновенно думаем. По нашему уразумению, чехословаки – это фермент будущего Востока. Но если Вы, чехи, упустите год-два, то все будет потеряно, ибо немцы здесь наладят великолепно свою культтрегерскую роль»,[2] – подчеркивал он. Судя по тону письма, можно заключить, что Геруц так и не получил ответа на свое послание с проектом Восточанского союза, отправленное еще в 1920 г. Складывается такое впечатление, что Геруц задыхался от переполнявших его прожектов, выдвигая один вместо другого. И трудно судить, что из этих прожектов так и осталось на бумаге, а что удалось осуществить на практике. Это предстоит еще исследователям установить в дальнейшем.

В 1922 г. Геруц сообщал Крамаржу о возобновлении своего книжного дела («Кавказский библиографический институт») и о своем прежнем намерении «поработать на славянской колонизации Кавказа и Востока и преобразовании Среднего и Ближнего Востока в новый, самодовлеющий «Восточанский» или «Радужный» мир (la race irisé – франц. Е.Ф.). Убежден, что нам, (восточанам) принадлежит мессианство на земном шаре... Считаю, что вы, чехи, должны широко открыть доступ кавказской молодежи на земледельческую практику в ваши деревни. Помогите, Карел Петрович (Крамарж – Е. Ф.), устроить

[1] Ibid. 2/4 649.
[2] Ibid. 2/5 647-648.

inslav

в Праге главное попечительство «Кавказского зерна»[1]. Геруц, как видим, пытался создать в Грузии общество, аналогичное по своим целям «Русскому зерну», действовавшему в довоенной России. И обращался в очередной раз к Крамаржу за помощью: «Вы помогли мне в 1908г. устроить «Русское зерно», помогите теперь в организации не менее необходимого «Кавказского зерна». Снабжайте меня литературой о славянском движении в Чехии. Найдите духовно мне родственных лиц, которые бы со мною переписывались. Буду отвечать по-русски или по-хорватски»[2]. В письме содержалось также предложение «немедленно приступить к организации «Кавказско-чешского банка». И в этом деле он вновь с присущим ему упорством взывал к Крамаржу: «При высоком курсе вашей чешской кроны, при огромном запасе всяких готовых машин и материалов, при той безработице, которая будет в Чехии все более разрастаться, вашему государству необходимо выступать на заграничных рынках, не только в роли коммерсанта, но и в роли крупного предпринимателя. Ближний Восток для Вас интереснее и нужнее, чем какой бы то ни было уголок земного шара и в экономическом, и в идейном отношении (выделено в письме – Е. Ф.). Вам следовало бы, как можно скорее направить серьезную экономическую миссию, которая бы вела переговоры со здешним правительством, которое конечно пойдет на все уступки вам, чехам, гораздо охотнее, чем какой бы то ни было другой нации»[3]. Из письма можно также узнать, что с приходом большевиков грузинско-чешское товарищество «Гручето» (в котором участвовал князь Туманов, перебравшийся в Берлин или Варшаву) было закрыто. Правда, в письмах нет никаких свидетельств о том, насколько Геруцу удалось реализовать на практике проект Кавказского библиографического института. К сожалению, нам пока не удалось уточнить это на месте в архивах Грузии, что предстоит еще сделать.

А на полях письма К. Крамаржу мелким почерком сделана приписка: «Славянам хлеба не надо, они друг друга поедом съедают и этим сыты бывают»[4]. Это старое изречение, видимо, отражало личный горький опыт Геруца в период послефевральских и послеоктябрьских передряг.

Все письма Геруца написаны хорошим русским языком. Однако в двух последних вместо азбуки использован чешский (или хорватский) алфавит для написания русского текста. На них проставлен также

[1] Ibid.
[2] Ibid.
[3] Ibid. 2/5 649-650.
[4] Ibid. 2/5 647–648.

inslav

личный именной штампик «Крунислав Юрьевич Геруц», а в конце стоит русский и хорватский вариант подписи автора.

О последних годах жизни Геруца в России, нам пока неизвестно ничего. Существует версия, что к концу жизни он учительствовал в провинции. Если это так, то по всей видимости, в северной провинции, на Ладожском озере, где проживал вместе со своей русской женой и семьей. Иначе, зная целеустремленную, настойчивую и неуемную натуру Геруца, он не оставил бы прежние гуманитарные прожекты.

И все же, если учесть, что первый свой сборник («Исход к Востоку. Предчувствия и свершения») евразийцы выпустили в 1921 г. в Софии, то К. Геруца, судя по его более раннему проекту «Восточанского союза» (1919–1920 гг.) и в какой-то мере опережавшего становление евразийства, по праву следует считать духовным предтечей евразийства. Под влиянием революционных потрясений и, видимо, под непосредственным впечатлением самобытной культуры народов Кавказа, идейная платформа К. Геруца претерпела заметную эволюцию от зауженной в этническом отношении концепции славянского единства к более универсальному вселенскому по своей сути евразийству.

Приложение

Восточанское верую[1]
Единением Запада с Востоком
создается новая жизнь.

1. Для предохранения Азии от летаргии и Европы от вырождения, для закономерного хода всемирной истории – необходимо создание в сердце Евразии Великого культурно-экономического Восточанского Союза или «Восточных Соединенных Штатов».

2. Членами Восточанского Союза могут быть все государственные, а также крупные социальные, культурные и экономические организации народов Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, сохранившихся или вновь воскресших на развалинах Австрии, России и Турции, расположенных вокруг седого годами, но сердцем вечно юного Кавказа, народов, объединенных судьбами прошлого, психологией настоящего и задачами будущего.

3. Восточане создавали в прошлом великие переселения, великие религии и великие государства;

Восточане отличаются в настоящем богатыми дарованиями, молодой энергией и преобладанием альтруизма над эгоизмом.

Восточанам предстоит в будущем создать новую культурную систему, новое мировоззрение торжествующих красоты, правды и любви:

[1] Сохранен стиль автора манифеста.

inslav

красоты – форм и цветов, звуков и ощущений, красоты идейных построений;

правды – в помыслах, речах и поступках, правды индивидуальной и социальной;

любви – к человеку, к человечеству и ко всей вселенной.

4. Восточане создадут равновесие в трех областях культуры: культуры мозга (науки), культуры сердца (этики) и культуры рук (техники), выдвинув на первое место Европой забытую культуру сердца.

Восточане создадут равновесие между трудом и капиталом – и начертают на свое торговое знамя новую тройную обязательную формулу международных сношений: товаромен, трудомен, знаниемен;

Восточане положат в основание будущих международных соотношений и будущего воспитания народных масс принцип повсеместной, равномерной, взаимной колонизации.

5. Восточане уважают все религии, законы и обычаи всего земного шара и ожидают, что все остальные группы человечества пришлют им, с открытой душой и чистым сердцем, своих наставников и руководителей для совместного строительства новой жизни, ибо только в беспрерывном творчестве смысл и сладость бытия.

6. Восточане жили до сих пор разрозненно под разными знаками (солнца, луны, звезд и креста) и враждовали между собой; отныне они соединяются под общим объединительным символом круга и будут, совместно со всем человечеством, шествовать смело, дружно, самоуверенно и безошибочно по пути постоянного и непрерывного прогресса всечеловеческой мысли и всечеловеческого труда.

7. Новое Восточанское мировоззрение искоренит гордость, злобу, ненависть, зависть, трусость и всякое единоличное или организованное насилие.

Новое Восточанское мировоззрение облагородит и возвеличит человеческую природу и воздвигнет ее хоть на ступеньку ближе к божественному идеалу.

Новое Восточанское мировоззрение поведет все человечество за собою.

Тифлис, 14 сент. 1920 г. (в день прибытия представителей европейской демократии на Кавказ).

Крунислав Геруц

Это «Верую» я сегодня написал совершенно заново. Мысли остались те же, но форма лучше и короче. На днях Вам пришлю эту новую редакцию.

Archiv Národního Muzea-Praha. F. K. Kramář. 2/5 643.

inslav

Призыв восточанам

Просыпайтесь, вставайте, народы Востока:
От Нила, Дуная – до Лены, Амура,
от Мекки и Праги – до Лхассы, Камчатки.
Бросьте раздоры, разумейте призвание
века грядуща... пришел нам черед
воплотить идеалы наши родные:
Красоту, Правду, Любовь...
У соседей же позаимствуем своих:
лишь машины, умение да труд,
но не гордыню, не корысть, не злобу.
И новое солнце явим мы миру,
солнце любви и единомыслия
И водворим на земле беспременно:
Свободу, Равенство, Братство...
Уразумейте, восточане, свое призвание.
Уразумейте... Дерзайте...
Крунислав Геруц.

(Тифлис. 21.XII.1919 года)

Archiv Národního Muzea-Praha. F. K. Kramář. 2/5 643.

М. С. Ващенко

ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА ПЕРВОЙ МОНОГРАФИИ О ХОРВАТАХ НОВОГО ВРЕМЕНИ В РОССИИ

В 1890 г. в Санкт-Петербурге была издана монография под названием «Хорваты и борьба их с Австрией»[1]. В качестве авторов книги указаны выдающийся русский публицист, ученый, специалист практически во всех областях знания М. М. Филиппов (1858–1903) и «хорватский публицист» М. Д. Билайградский[2]. Монография была посвящена современному положению хорватских земель в составе Австро-Венгерской монархии, их борьбе с монархией Габсбургов и перспективам хорватского народа. В таком контексте хорватская тема в русской литературе, как научной, так и публицистической, звучала впервые. Содержание этой работы шире, чем указано в заглавии. В ней

[1] Филиппов М. М. Хорваты и борьба их с Австрией. Пг., 1890.

[2] Сведений о М. Д. Билайградском обнаружить не удалось. В самой монографии он назван «хорватским публицистом» (с. 151). В энциклопедии С. Станоевича есть статья «Билайградский», но в ней речь идет об австрийском генерале хорватского происхождения, а не о «хорватском публицисте» (Stanojević St. Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka. I knjiga. Zagreb, 1925. S. 547).

inslav

содержатся сведения как о распространении христианства среди хорватов и возникновении у них глаголической письменности, так и о развитии русской общественной мысли во второй половине XIX века. Но основное внимание авторов уделено изложению взглядов лидеров хорватской Партии права Анте Старчевича и Еугена Кватерника и обличению «австрийского панславизма». В книге отображена и полемика внутри хорватского национального движения, между сторонниками югославизма – идейной концепции, признававшей общность происхождения и близость языка югославян и допускавшей возможность их политического объединения, и сторонниками Партии права («правашами»), выступавшими за объединение хорватских земель и создании суверенного хорватского государства. В монографии содержится открытая, жесткая, целенаправленная пропаганда идеологии именно Партии права. По сути своей это политический памфлет, автором которого в отечественной историографии принято считать русского учёного М. М. Филиппова.

М. М. Филиппов родился в Киевской губернии. Окончил физико-математический факультет Новороссийского университета. В 23 года опубликовал свою первую статью в журнале «Мысль». В дальнейшем Филиппов опубликовал ряд работ по вопросам математики, биологии, антропологии, философии. Главный труд ученого – двухтомная «Философия действительности[1]. Филиппов – автор несколько работ, имеющих отношение к истории и современной жизни зарубежных славян[2]. Биографии М. М. Филиппова посвятил свой труд его сын Борис. Эта книга, написанная в форме воспоминаний об отце, выдержала три издания[3].

Отечественные авторы никогда не признавали существования проблемы авторства монографии «Хорваты и борьба их с Австрией». Ни Е. А. Белов, написавший в 1890 году рецензию на эту книгу, ни Б. М. Филиппов не сомневались в том, что ее автором является

[1] Там же. С. 5.

[2] Филиппов М. М. Чешский народный театр (у западных славян) // Славянские Известия. 1889. №27; Он же. Ян Гус. Его жизнь и реформаторская деятельность. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. «Жизнь замечательных людей». СПб., 1891; Он же. Славянская взаимность в настоящем и будущем // Славянские Известия. 1889. № 1, 2; Он же. Славянское искусство и славянская промышленность на Парижской выставке // Славянские Известия. 1889. № 29; Он же. Русские // Славянские Известия. 1889. №19; Он же. Скобелев Биографическая библиотека Ф. Павленкова. «Жизнь замечательных людей». СПб., 1894.

[3] Филиппов Б.М. Тернистый путь русского ученого. Жизнь и деятельность М. М. Филиппова. М., 1960; Он же. Тернистый путь. Жизнь и деятельность русского ученого и литератора М. М. Филиппова. М., 1969; Он же. Тернистый путь русского ученого: Жизнь и деятельность М. М. Филиппова. М., 1982.

inslav

русский ученый[1]. В то же время современная хорватская исследовательница М. Гросс придерживается иного мнения. В монографии «Настоящее праваштво[2] – идеология, агитация, движение» она утверждает, что подлинными авторами книги являются хорваты К. Геруц и М. Дошен, первый из которых предстал перед читателем как «Филиппов», а второй как «Билайградский»[3]. Историк пишет о несоответствии между идеями Старчевича и постулатами самого «Филиппова», хотя последний ссылается именно на работы лидера правашей[4]. Это и подтолкнуло нас вплотную заняться проблемой авторства монографии, выявить связь между Филипповым и Геруцем, что их связывало, кроме предполагаемого соавторства.

Крунослав Геруц (1859–1928?) родился в г. Крижевац в Западной Славонии в семье сапожника. В 1882 г. окончил философский факультет королевского университета Франца Иосифа I в Загребе. Ещё в студенческие годы Крунослав Геруц проявил себя как активист Партии права. Он принимал участие в редакции газеты «Слобода» (позже – «Хрватска»), печатном органе этой партии. В середине 1880-х гг. Геруц перебирается в Болгарию, где участвует в сербско-болгарской войне 1885 г. и за «проявленный героизм и самопожертвование» получает болгарский орден «За храбрость» IV степени[5]. В 1887 г. он переселяется в Россию, через два года устраивается на работу в редакцию журнала «Славянские Известия» в Санкт-Петербурге и открывает «Русско-Славянский книжный склад». С его помощью Геруц собирался заниматься книготорговлей, как в России, так и за рубежом. В «Славянских Известиях» Геруц редактировал отдел библиографии, а, кроме того, через него проходила вся информация из хорватских земель печатавшаяся в журнале, в том числе о Партии права и А. Старчевиче. Но в 1891 г. «Славянские Известия» прекратили свое существование. А два года спустя «Русско-славянский книжный склад» из-за долгов перешел в руки издателя Ф. Н. Берга[6]. В дальнейшем Геруц работал в обществе «Русское зерно» и библиотекарем в Государственной Думе России. До Первой мировой войны он

[1] Белов Е.А. Хорваты и борьба их с Австрией // Разведчик. 1890. №35. С. 358; Филиппов Б.М. Тернистый путь... С. 40.

[2] Имеется в виду ее идеология и программа Партии права – Stranka prava – хорв. (Прим перев.)

[3] M. Gross. Izvorno pravaštvo – ideologija, agitacija, pokret, Golden marketing, Zagreb, 2000. S. 560.

[4] Ibid. S. 562.

[5] Елдъров Светозар. Указ. соч. С. 13–14.

[6] Ровнякова Л.И. Указ. соч. С. 95. Автор статьи отмечает, что сведений о «Русско-славянском книжном складе» в литературе о Ф.Н. Берге, к сожалению, нет.

inslav

успел опубликовать в России несколько статей и брошюр, где затрагивалась славянская и непосредственно хорватская проблематика[1]. Во время Первой мировой войны Геруц занимался проблемами военнопленных югославян в России. Сведений о последних годах его жизни сохранилось мало и они противоречивы[2].

Главная цель статьи – приблизиться к решению проблемы авторства монографии «Хорваты и борьба их с Австрией», и сделать обоснованные предположения по этому вопросу. Для этого мы обратимся к основным тезисам некоторых статей М. М. Филиппова и К. Ю. Геруца[3] и к тексту упомянутой монографии. В числе наших задач стоит выявление сходства и различия в выдвигаемых в этих статьях тезисах, и их сопоставление с основными идеями монографии о хорватах. Основное наше внимание будет уделено программной статье «Слово к русским и слово к славянам» К.Ю. Геруца, двум публикациям: «Славянская взаимность в настоящем и будущем» и «Еще раз о славянской взаимности» М.М. Филиппова, а также некоторым другим их работам.

Вначале обратимся к вопросу о культурном единении славян и роли России в этом единении, который занимает важное место в работах Филиппова и Геруца. Вот некоторые положения из статей обеих авторов в сравнении (см. табл.):

Как мы видим, роль культуры в сближении славянских народностей – главенствующая в статьях обоих авторов. Но нетрудно заметить, что Геруц более четко высказывается по этому вопросу, нежели Филиппов. Например, он говорит не о «национальных и политических иллюзиях», а прямо об «обрусении» и «государственном единении». Геруц затрагивает и хорватскую тему, которая остается за пределами внимания Филиппова. Кроме того, Геруц не видит, подобно Филиппову, взаимозависимость между благом России и благом славян, а уверен только в зависимости России от славян.

---

[1] Геруц К. Слово русским и слово к славянам // Санкт-Петербургские Ведомости. №17. 25 января (7 февраля) 1905 г.; Он же. Две беседы о «Русском Зерне» – обществе для содействия подъему народного хозяйства. Пг., 1909. О Думской библиотеке. Несколько слов о задачах и об устройстве библиотеки Государственной Думы. Пг., 1909. Он же. Всеславянство и Хорватия. Пг., 1914.

[2] Так, С. Елдыров утверждает, что К. Геруц погиб в 1920-е гг. в Средней Азии от большевистских репрессий (С. Елдъров. Указ. соч. С. 14.) По сведениям И.Д. Очака, Геруц в начале 1920-х гг. был директором Кавказского библиографического института в Тбилиси, а в 1926г. уехал в Хорватию, где работал сельским учителем (Očak I. Hrvatsko-ruske veze. Druga polovica XIX. i početak XX. stoljeća. Zagreb, 1993. S. 125–126.)

[3] В России Геруц на русский манер указывал в письмах и многих публикациях свое отчество «Юрьевич». Имя его отца – Юрай. (хорв.).

inslav

М. М. Филиппов	К. Ю. Геруц
Вопрос о славянской взаимности не должен быть смешиваем с... национальными и политическими иллюзиями... Под выражением «славянская взаимность» мы подразумеваем прежде всего общность интересов, создаваемых элементами культуры, которые составляют общее достояние всех славянских народностей... Мы не станем... рассматривать вопрос об общеславянском литературном языке... гораздо более практичным для ближайшего будущего мы считаем вопрос о распространении изучения всех, или, по крайней мере, некоторых славянских наречий во всех славянских землях. (Славянская взаимность в настоящем и в будущем... // Славянские Известия. 1889. № 1, 2. С. 5.)	...нужно соразмерить программу взаимного сближения и не мечтать об обрусении или об объединении, а только о братском содействии: не ставить во главе славянского вопроса ни религиозное, ни государственное единение, а идти навстречу только культурным стремлениям славян (Слово к русским и слово к славянам... // Санкт-Петербургские Ведомости, №17, 25 января (7 февраля) 1905 г.)
... для ближайшего будущего всякому славянскому деятелю предстоит две главные задачи: первая, важнейшая из двух, есть задача чисто культурная, состоящая в умственном, экономическом и нравственном сближении всех славянских народностей. (Там же.)	Есть почва, на которой сходятся вполне этические интересы сербов, хорватов и словинцев, всем одинаково жизненное и одинако симпатичная – это почва чистой славянской культуры (Червонная Хорватия // Славянские Известия, 1891. №7. С. 127.)
Будет живо славянство – будет лучше и России, и наоборот, мощь и крепость России, как в культурном, так и в политическом отношении, является важнейшим залогом великой будущности всего славянского племени (Еще раз о славянской взаимности... // Славянские Известия. 1889. №7. С. 162.)	Всем известно изречение: Россия полезна славянам уже тем, что существует. Не будет ли вернее сказать наоборот: славяне полезны России уже тем, что существуют и гибель славян была бы для России роковой (Слово к русским и слово к славянам...)

Общей для Филиппова и Геруца является оценка роли Германии и немецкого влияния в жизни России и славянства. Вот характерные цитаты из их работ, касающиеся этого вопроса:

instav

М. М. Филиппов	К. Ю. Геруц
...в политическом отношении славяне имеют перед собою одного общего и главного противника – прусский милитаризм... (Славянская взаимность в настоящем и в будущем... С. 5.)	...лучшая часть славян будет и дальше храбро бороться против национального и экономического онемечивания, если найдет где-либо поддержку и помощь (Слово к русским и слово к славянам...)
...«немецкие фабриканты совсем завладели Лодзью», «немецкие офицеры живут в Смоленске», «немецкие офицеры генерального штаба появились у Троице-Сергия». Что им понадобилось? Ужели они мечтают, что германское знамя появится на Ярославском шоссе и село Братовщина будет примежевано к германской империи» (Русские // Славянские Известия. 1889. №19. С. 473.)	В русских учебниках, энциклопедиях, атласах славянские города и народы все еще называются, большей частью, по-немецки. Это – мелочь, но она чрезвычайно метко характеризует закрепощение русской науки немецкому духу... Немецкое влияние протянулось даже до самых берегов Невы (Там же.)

Здесь, как мы видим, сходства в позициях Геруца и Филиппова больше, чем в вопросе о славянской взаимности. Но если обратиться к очень важному для нас вопросу о роли Австрийской империи в жизни и судьбе славянства, то можно заметить следующее. Филиппов в своих статьях напрямую затрагивает австрийскую тему.

Его позиция заключалась в следующем: Австрия – не самостоятельный политический фактор, и отдельной австрийской политики не существует поэтому главные усилия славянских деятелей должны быть направлены, прежде всего, против Германии. Когда ученый пишет о вмешательстве Австрии в дела Сербии, Болгарии, Боснии, он и здесь обращает внимание на помощь германского государства монархии Габсбургов. Кроме того, он выступает за «торжество славян в Австрии» и считает необходимым лишить австрийскую государственность поддержки со стороны прусской гегемонии, что, по его мнению, приведет к ее окончательному разрушению.

Определить его истинное отношение Геруца к Австрийской монархии по его работам сложно, поскольку она в них практически не упоминается. Конечно, можно было бы опереться на статьи и заметки из «Славянских Известий», многие из которых могли бы принадлежать перу Геруца. Но, учитывая то, что это только наше предположение и то, что в журнале публиковались материалы разной направленности по отношению к Австрии,

inslav

мы не беремся однозначно утверждать, что они отражают точку зрения Геруца[1]. В его статьях можно найти только намеки или упоминания об Австрии. К примеру, в статье «Слово к русским и слово к славянам» она упоминается лишь единожды (в связи с необходимостью нравственной помощи ее славянам со стороны России), а в качестве суждения об австрийской политике можно считать разве что следующую фразу: «Прага, Любляна, Триест, Загреб находятся уже целые века в состоянии полной культурно-экономической экспансии со стороны германства...»[2]. Опираясь на его следующие слова: «...с хорватской, с сербской и общеславянской точки зрения желательно возможно скорейшее соединение сербов, хорватов и словинцев и образование одного государства»[3], «Хорватия... должна – как по соображениям историческим, социальным и экономическим, так и в интересах будущего обще-славянского устройства, быть выделена в особый государственный организм...»[4] можно предположить, что Геруц, говоря о создании отдельного хорватского государственного образования, предполагал если и не распад Австро-Венгрии, то изменение ее административно-территориального устройства.

Необходимо обратить внимание и на отношение двух авторов к Сербии и к сербскому народу. В этом случае несовпадения в позициях гораздо больше. Вот некоторые цитаты из различных работ Филиппова и Геруца, в которых поднимается сербская тема:

М. М. Филиппов	К. Ю. Геруц
...у сербов проявляются два важных качества, давно известные из их поэтических произведений: отсутствие рабского подражания иностранным образцам и разумный патриотизм...: (Славянское искусство и славянская промышленность на Парижской выставке // Славянские Известия. 1889. № 29. С. 705.)	Сербы, стремясь захватить слева и справа побольше у своих соседей, тратят совершенно непроизводительно свои силы и отстают в культурном и политическом развитии. Когда Сербия у себя дома более сплочена, устойчива, образована и благородно справедлива... тогда и окружающие ее славянские племена будут к ней тяготеть, как железо к магниту (Червонная Хорватия... С. 127.)

[1] Речь идет об известиях из югославянских земель, публиковавшихся почти в каждом номере «Славянских известий» под разными заглавиями («Сербы», «Сербо-Хорваты», «Сербы, Хорваты и Словенцы»).

[2] Геруц К.Ю. Слово к русским и слово к славянам...

[3] Геруц К.Ю. Червонная Хорватия... С. 127.

[4] Геруц К.Ю. Всеславянство и Хорватия... С. 1.

inslav

...вообще маленькая Сербия, включающая лишь часть великого сербского народа, не посрамила себя на выставке ... Можно себе представить, как много дала бы Сербия в том случае, если бы она соединила в себе всю сербскую народность, и если бы долговременная эксплуатация со стороны Австро-Венгрии не была помехой ее народной промышленности (Там же. С. 707.)	Хорватия... должна быть выделена в особый государственный организм и не быть включена в Сербское государство... сербы... никогда не выдвигали общеславянские, а лишь свои узкорайонные, местные идеалы. Поэтому становится понятным, почему такие общеславянские энтузиасты как хорваты, не могут всецело и без оглядки примкнуть к сербам, шедшим, в пределах Хорватии, за последних 50 лет весьма часто с врагами ее, мадьярами и итальянцами (Всеславянство и Хорватия. Пг., 1914. С.1.)

Нетрудно заметить, что у русского ученого благосклонное отношение к сербам и Сербии. У Геруца же отношение к сербам гораздо более критичное. Он дает не самую лестную оценку уровню их культурного и политического развития и пытается выставить их едва ли не противниками славянского объединения. Как мы видим, сербы у Геруца упоминается только в одной связке с ее «соседями», прежде всего, с хорватами. То есть, Геруц, сам будучи хорватом, оценивает сербов и Сербию, с точки зрения Партии права. И эта точка зрения отличается бо́льшей резкостью и субъективностью, чем у Филиппова.

Не менее важна и позиция двух авторов по поводу «славянофилов» и «славянофильской идеологии»:

М.М. Филиппов	К. Ю. Геруц
Идеи Скобелева в общем те же, что и у других выдающихся славянофилов новейшего периода. Не соглашаясь с ними... я полагаю, однако, что, раз турецкая война была затеяна хотя бы и под давлением тех же славянофилов, ее следовало довести до конца...Не менее правы были славянофилы и в том отношении, что осуждали редакцию Берлинского трактата, разрезавшего Болгарию надвое, не установившего законного срока для австрийской оккупации в Боснии... (Скобелев Биографическая библиотека Ф. Павленкова. «Жизнь замечательных людей». СПб., 1894. С. 87–88.)	Прямо ужас берет, когда читаешь (в 1888г.) записных славянофилов передовицу... надо мол заокруглить границу между славянством и германством, отдав чехов на съедение Пруссии... Пророческая программа прежних славянофилов отвергается наотрез большинством нынешней интеллигенции, получившей слишком бесцветное и противуславянское образование (Слово к русским и слово к славянам...)

inslav

...славянофильство не есть учение, требующее одного лишь самовозвеличения или самовосхваления или же признающее все славянское и, в частности, русское достойным похвалы, все лучшие и честнейшие славянские деятели, как Иван Киреевский, Хомяков, Иван Аксаков, отлично знали, что между идеалом русской жизни, который рисовался их воображению, и действительностью есть большое различие, и что эта будничная действительность, со всеми ее недостатками и недочетами, во многом есть продукт наших собственных пороков и заблуждений (Русские... С. 473.)	...нужно принять в расчет, что «славянофилы», до сих пор смотревшие на вопрос сквозь очки филологов и археологов, не уразумели всестороннего значения славянства и ничего не сделали для уяснения его русскому обществу, а наоборот, что они, присвоив себе функции какого-то славянского департамента ничегонеделания, принесли, таким образом, делу лишь громадный вред (Там же.)

Как можно заметить, критичность по отношению к «славянофильскому направлению»[1] присутствует у обоих авторов. Но, на наш взгляд, Филиппов пишет о неославянофилах с гораздо большей симпатией, пытается показать хотя бы в чем-то их правоту. Хотя в советской историографии было распространено мнение о непродолжительности и незначительности связей Филиппова с неославянофилами и о полном разрыве с ними после опубликования статьи «Русские» и выступлений Н. Я. Данилевского в Славянском благотворительном обществе[2], у русского ученого и в дальнейшем сохранялись симпатии ко многим идеям представителей этого направления. Так, биография Скобелева например, из которой приведена цитата, вышла в 1894 г., тогда как «официальный разрыв» Филиппова с неославянофилами, согласно принятой в советской историографии версии, произошел за пять лет до этого. Геруц же не просто высказал свое несогласие с неославянофилами, но указал на вред, который они, по его мнению, принесли славянскому делу.

После сравнительного рассмотрения идейных положений Филиппова и Геруца вновь обратимся к монографии «Хорваты и борьба их с Ав-

[1] Применительно к последней трети XIX веке правильнее говорить о неославянофильстве или позднем славянофильстве. В отличие от «классического» славянофильства 1840–50-х гг., представители которого основное внимание уделяли внутреннему развитию России, для неославянофильства в большей степени характерен интерес к положению зарубежным славянам вообще и идея панславизма об исторической миссии России по объединению славян в частности.

[2] Филиппов Б. М. Тернистый путь. Жизнь и деятельность русского ученого и литератора М. М. Филиппова. М., 1969. С. 37–38.

inslav

стрией». Например в нашем распоряжении имеются две основные версии, касающиеся ее авторства. Либо автором книги, согласно мнению, принятом в советской историографии является М. М. Филиппов, либо, как считает М. Гросс, под псевдонимом «Филиппов» скрывался К. Геруц, а под псевдонимом «Билайградский» – М. Дошен. К сожалению, нам не удалось найти почти никаких сведений ни о самом Дошене, ни, тем более, о возможных его работах[1]. Поэтому приблизиться к тому, чтобы подтвердить или опровергнуть авторство Дошена, мы не можем. Поэтому попытаемся проанализировать некоторые положения из основного текста, принадлежащего, как указано на обложке книги, М. М. Филиппову и сопоставить их с вышеприведенными цитатами из сочинений русского ученого и хорватского книготорговца.

Что касается темы общеславянского единения, то в монографии она практически не звучит, только в контексте повествования о правашской теории. Авторы монографии приводят слова А. Старчевича о литературном единстве славян и утверждают, что «...Старчевич вовсе не враг, а, напротив того, сторонник объединения единоплеменных народов. Но он считает ложною мысль, что такое объединение может быть достигнуто политическими, административными и, вообще, искусственными мерами. Единственный верный путь к языковому единству единоплеменных народов есть путь постепенного развития и прежде чем выработается русский, как общелитературный язык, необходимо еще выработать частное литературное единство, например, словенцев с хорватами...»[2]. Как можно заметить, в этих цитатах присутствует, с одной стороны, неодобрение политических и административных мер по объединению славян и приветствие культурного (в данном случае) языкового сближения славян. Филиппов же считает необходимым отложить вопрос об общеславянском литературном языке и призывает изучать разные славянские наречия во всех славянских странах. В монографии прямо указывается на русский язык как на славянский общелитературный. И хотя ее авторы не говорят о необходимости его немедленного введения, они сразу дают понять, что именно русский должен стать таким языком, а до его принятия должны сливаться вместе другие славянские языки, например, хорватский со словенским. А Филиппов говорит о необходимости изучения языков «на равных», не создавая каких-то языковых гибридов, о своего рода культурном взаимопроникновении. Причина же, по которой авторы монографии пишут о языковом сближении «на-

[1] О М. Дошене известно лишь, что он в ноябре 1889 года был избран действительным членом Санкт-Петербургского славянского благотворительно общества (Ровнякова Л. И. Указ. соч. С. 93.).

[2] Филиппов М.М. Хорваты и борьба их с Австрией... С. 67.

inslav

пример, словенцев с хорватами» понятна, если учесть, что речь о нем заходит в главе об А. Старчевиче... Геруц пишет не только о культурном единении славян, но и об их «религиозном» и «государственном» единении. В монографии также идет речь не просто «национальных и политических иллюзиях», как у Филиппова, но о «политических и административных мерах». То есть, на наш взгляд, можно говорить о схожести лексики в статьях Геруца и в монографии о хорватах.

Что касается отношения авторов монографии к Германии и немцам, то она звучит в работе только в связи с повествованием об империи Габсбургов. В историческом очерке, например, говорится о раздаче хорватских земель немцам, о процессе германизации и «немецких грабежах», а сами немцы даже называются «неумолимыми врагами»[1]. Но все это говорится в контексте повествования о враждебной хорватам Австрийской империи, речь может заходить об «австро-германской политике», об «австро-германских поползновениях», т. е., так или иначе немецкая тема связана с австрийской, что легко объяснимо уже названием монографии. У Филиппова, как мы уже знаем, Австро-Венгрии отведены вторые роли и главной угрозой для славян он считает прусский милитаризм. Так что о совпадении позиции Филиппова с позицией авторов монографии говорить не приходится. Что касается Геруца, то у него можно заметить также явное неприятие «германства», как и у русского ученого, но в его статьях нет утверждений о какой-то вторичности роли Австро-Венгрии в славянской и европейской политике. Хотя, в статьях Геруца Австро-Венгрия вообще практически не упоминается, его многочисленные высказывания о «национальном самоопределении» и «политическом воскресении» Хорватии не оставляют сомнений в том, что автор не хотел видеть Австро-Венгрию в ее тогдашнем виде.

Славянофильской (точнее, в большей степени неославянофильской) идеологии авторы монографии посвятили предисловие. В целом, ни в одной из глав книги нельзя найти однозначного осуждения этого направления общественно-политической мысли. Есть как критические замечания о «крайностях» неославянофильства, так и признание того, что есть среди славянофилов «лучшие и талантливейшие»[2]. Говоря о теории югославизма, т.е. об идее объединения хорватских земель в рамках Австро-Венгрии и превращения их в культурный и политический центр южных славян, авторы монографии (которые к этой теории относятся с неприязнью) пишут, что он «во многом родственен славянофильству»[3]. На наш взгляд, такие высказывания

[1] Там же. С. 33.
[2] Там же. С. 1–2.
[3] Там же. С. 91.

inslav

скорее соответствуют позиции Филиппова, не соглашавшегося со многими неославянофильскими положениями, но признававшего талант и заслуги многих из представителей этого течения. У Геруца же более резкие высказывания в адрес неославянофилов. Не в его пользу и приведенное в монографии утверждение, что «слависты и славянофилы нередко шли у нас разными путями»[1], не сочетающееся с его утверждением о том, что «славянофилы» смотрели на вопрос «сквозь очки филологов и археологов»[2].

Как можно увидеть, по большинству ключевых вопросов, затрагивавшихся как в монографии, так и в разбираемых нами статьях, больше сходства между позицией Геруца и позицией авторов монографии. Мы не беремся утверждать, что именно он и М. Дошен являются авторами этой монографии, как утверждает М. Гросс. Во-первых, мы не располагаем прямыми доказательствами того, что «Филиппов» – только псевдоним, а, во-вторых, у нас нет почти никаких сведений о М. Дошене, который, по мнению хорватского историка, тоже являлся одним из авторов монографии. С другой стороны, на наш взгляд, вряд ли можно считать Филиппова и Билайградского единственными авторами монографии. Даже в основной части книги, принадлежащей, по-видимому, перу Филиппова, можно заметить глубокую осведомленность пишущего о хорватской истории, знание основных положений идеологии Партии права, биографии ее вождей и их сочинений, обильно цитирующихся в монографии. Кроме того, ясно видно, что авторы монографии разделяют идеи Партии права. Возникает вопрос – мог ли Филиппов, не уделивший хорватам в своих прочих произведениях ни малейшего внимания, быть автором этой монографии? Или, по крайней мере, единственным автором. Ведь в остальных работах, подписанных именем Филиппова, хорватские сюжеты отсутствуют. Есть только статьи, посвященные вопросам славянства в целом. В работах Геруца же продолжается тематика, присутствующая в монографии. В частности, это сюжеты, связанные с хорватской государственной идеей и сербо-хорватскими отношениями.

Возможно, монография была написана Филипповым и Геруцем совместно. Установлено, что эти люди были связаны между собой деловыми отношениями: они работали в одном издании, монография распространялась через книжный склад Геруца. Как бы то ни было, Геруц, скорее всего, имел отношение не только к распространению, но и к написанию этой работы.

[1] Там же. С. 3.
[2] Геруц К.Ю. Слово к русским и слово к славянам…

inslav

З. Грияк

ПОПЫТКА ВОССОЕДИНЕНИЯ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ: АРХИЕПИСКОП ЙОСИП ШТАДЛЕР, ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ И ЖУРНАЛ «БАЛКАН»[1]

Научный интерес к проблематике объединения церквей Йосип Штадлер проявил еще в свою бытность профессором фундаментальной теологии на Богословском факультете Загребского университета. Он написал апологетическое теологическое сочинение «Theologia fundamentalis: tractatus de vera religione, de vera Christi Ecclesia et de romano Pontifice complectens» (Фундаментальная теология, содержащая трактат об истинной религии, об истинной Христовой Церкви и о Римском Первосвященнике), вышедшее в свет в Загребе в 1880 г. Он подтвердил свою заинтересованность в этом и переводом в 1881 г. на хорватский язык важного сочинения по истории церкви ватиканского архивариуса Петра Балана о Католической церкви о Католической церкви и славянах Болгарии, Сербии и Боснии и Герцеговине, в котором выдвигалась идея церковной унии Православных церквей на Балканах со Святым Престолом («Delle relazioni fra la Chiesa Cattolica e gli Slavi della Bulgaria, Bosnia, Serbia, Erzegovina»). Эти произведения Штадлера находились в русле деятельности Папы Льва XIII, который своей энцикликой «Grande munus» (Великое служение) от 30 сентября 1880 г. распространил почитание Св. Кирилла и Мефодия на всю церковь, подтвердил привилегии служения литургии на славянском языке в тех епископствах, где оно сохранилось и одновременно адресовал восточным православным церквам призыв к объединению.

Интерес Штадлера к объединению церквей, бесспорно, повлиял на избрание его митрополитом новосозданной в 1881 г. церковной провинции в Боснии и Герцеговине (БиГ). Там Католическая и Православная церкви непосредственно соприкасались; кроме того, БиГ была пограничной территорией с православными балканскими государствами. Поэтому для Боснии и Герцеговины требовался митрополит, всецело погруженный в исследование доктринальных предпосылок объединения церквей, что было необходимой предпосылкой его пастырской деятельности на этой территории. Тот факт, что экземпляр своей книги «Theologia fundamentalis» Штадлер послал епископу Йосипу-Юраю Штроссмайеру, выразив ему свой восторг соз-

[1] Фрагменты из монографии: Grijak Z. Politička djelatnost vrhobosanskog nadbiskupa Josipa Stadlera. Zagreb: Dom i svijet, 2001. S. 257–263, 275–277. Печатается с согласия автора. Название текста дано редколлегией настоящего издания.

inslav

данием университета, в котором он занимал кафедру фундаментального богословия, а также надежду на то, что его сочинение будет «хоть сколько-нибудь полезно Церкви и отечеству», приводит нас к заключению, что у Штроссмайера и Штадлера позиции относительно доктринальных предпосылок объединения церквей были сходными[1]. Однако совпадали эти позиции, в особенности об ортодоксальности обеих церквей, далеко не всегда.

Свое произведение «Theologia fundamentalis» Штадлер посвятил исследованию проблематики истинной веры, истинной церкви Христовой, и в связи с этим, и католического учения о Папе римском. Все это имело ключевое значение для осуществления церковной унии, чему хорватские и иностранные теологи уделяли очень большое внимание. Согласно видению Штадлера, истинной церковью Христовой могла быть только та Церковь, которая обладала всеми четырьмя характерными признаками церкви – единство, святость, католичность (вселенскость) и апостольское происхождение. Отказывая в наличии этих признаков любой иной христианской церкви, он пришел к выводу, что только Римско-католическая церковь является истинной Христовой церковью, поскольку исключительно за ней может быть признано наличие всех четырех вышеназванных признаков. Штадлер считал, что у Православных церквей отсутствует не только принцип единства (principum unitatis), который был нарушен церковным расколом 1054 г., но и принцип единства веры (unitas fidei), что с течением времени привело к разногласиям в области догматики. По этой причине православные церкви не только «схизматические», но и «еретические»[2]. Согласно его идеям, у Православных церквей вере угрожают три ереси – отрицание учения о том, что Святой Дух исходит не только от Отца, но и от Сына (Filioque), отрицание чистилища и отрицание догмата о непогрешимости (infallibilitas) Папы[3]. Идея о недостаточности единства веры у Православных церквей сохранилась у Штадлера и впоследствии: он обращался к сербским православным как к «братьям, с нами верой разделенным»[4].

Теологическая концепция епископа Штроссмайера относительно ортодоксальности православных церквей не совпадала с концепцией Штадлера. Он считал, что вера Православных церквей – это истинная вера, т.е. что она не является «ересью». Однако он, как и Штадлер,

[1] Stadler J. – Strossamayeru J.J. Zagreb, 11.VII.1880. Arhiv HAZU. Ostavština Josipa Strossmayera. XI-A/Stad. Jo.1.

[2] Stadler J. Theologia fundamentalis : tractatus de vera religione, de vera Christi Ecclesia et de romano Pontifice complectens. Zagreb, 1880. S. 216.

[3] Ibid. S. 220–221.

[4] Balkan, jedinstvu i bratskoj slogi. Zagreb, I./1896. Sv.I. S. 9–16.

inslav

был убежден в том, что Православные церкви «схизматичны», поскольку они из-за раскола и непризнания Римского епископа (Папы), утратили иерахическое единство. Единственным религиозным различием между Католической церковью и Православными церквями он считал непризнание последними примата Папы и догмата о его непогрешимости. Поэтому в своем послании 1881 г. по случаю Великого поста, в котором он с воодушевлением поддержал объединительный призыв Папы Льва XIII, содержащийся в энциклике «Grande munus»[1], он постарался убедить православных в том, что догматом о непогрешимости Папы Католическая церковь не привнесла ничего нового. Этот тезис он подкрепил утверждением, что учение о непогрешимости Римского первосвященника косвенно содержится в сочинениях отцов церкви, которые признает и Православная церковь[2]. Усилия Штроссмайера в среде православных не увенчались успехом. Об этом свидетельствуют ответы иерархов Сербской Православной церкви, которые в своих посланиях заняли крайне непримиримую позицию по вопросу о возможности церковной унии со Святым престолом, высказали ряд оскорблений в адрес Папы Льва XIII, Католической церкви и епископа Штроссмайера, а на послание Штроссмайера ответили утверждениями, что Православная церковь отличается от католической целым рядом догматов и тем самым оспорили его тезис о религиозном единстве двух церквей. Они объявили Католическую церковь еретической и призвали западную Церковь отказаться от заблуждений[3]. На это Штроссмайер 4 февраля 1882 г. ответил в своем послании по случаю Великого поста. Оно оказалось настоящим теологическим полемическим произведением, в котором чувствовалась трудно скрываемая боль от нанесенных оскорблений[4].

Послания трех православных епископов вызвали не только противоречия между католиками и православными, но и дискуссии между католическим теологами. Наиболее острые дебаты в их ходе вызывал вопрос об «ортодоксальности» Православной церкви; иными словами, обсуждалось, сохранила ли она религиозное единство с Католической церковью даже после того, как с ней было прекращено иерархическое единство. Хорватские теологи относительно «правоверности» Православной церкви разделилось на два противоположных течения. Первое из них, самым видным представителем ко-

[1] Перевод энциклики на хорватский язык см.: Katolički list. XXX./1880., 42. S. 335–338.

[2] См.: Glasnik Biskupija Bosanske i Sriemske. 4(1881). S. 25–53.

[3] Katolički list XXXII /1881., 31. S. 244–245; XXXXII /1881., 38. S. 31–33; XXXII /1883. 39. S. 309-310.

[4] Glasnik Biskupija Bosanske i Sriemske3 (182). S. 17–58.

inslav

торого был францисканец из хорватского города Синь Иван Маркович[1], защищало идею о том, что восточные церкви не исповедают истинную веру, поскольку они противятся католическим догматам, а кроме того, у них есть и собственные догматические мнения. К заблуждениям восточных христианских церквей Маркович особенно выделял их учение о происхождении Святого Духа, чистилище и отрицание примата Папы. Он отрицал их право называть свою церковь Православной, поскольку это означало бы признание за ними обладания истинной верой, выступая за официально использовавшееся в Монархии название «греко-восточная».

Наиболее видными представителями другого течения среди хорватских католических теологов, признававшим за православными церквами истинную веру, были Штроссмайер и профессор богословия из г. Задар, впоследствии преподававший и на Богословском факультете Загребского университета Антон Франки[2]. Расхождения между двумя течениями привели к полемике между ними в газете «Католички лист». Ее начал Маркович. Он критически отозвался об утверждении Франки о том, что восточные церкви являются православными[3]. Франки взял под защиту русский философ, сторонник объединения церквей, принадлежащий к кругу Штроссмайера, Владимир Сергеевич Соловьев. Во время своего пребывания в Хорватии в 1886 г., он, доказывал, что у православных отсутствуют богослужебные книги, утвержденные нашими церковными властями, в которых содержалось бы учение, противоположное католическому. Он утверждал далее, что Католическая и Православная церкви объединены вероучением Церкви, а иная позиция православных теологов по вопросу о Святом Духе, чистилище и обо всех остальных, считающихеся спорными, вопросах, представляют собой точку зрения отдельных православных авторов, а не догматы Православной церкви. Касаясь отношения Российской Православной церкви к Католической, он утверждал, что первая всех «западников» считает христианами, признавая действительность их таинств[4].

В своем ответе Соловьеву Маркович выразил ему свое глубокое уважение за его деятельность по объединению церквей, однако оспорил его толкование. По мнению Марковича, Православную Церковь с Католической разделяют не только убеждение, что Иисус

[1] Маркович И. (1839–1910).

[2] Франки А. (1844–1908).

[3] Marković I. Papino poglavarstvo u Crkvi za pravih osam vjekova. Zagreb, Predgovor 1883. S. III–XVI.

[4] Solovjev V. Jeli je istočna crkva pravoslavna. Katolički list. XXXVII /1886, 41. S. 321–323.

inslav

Христос является единственным главой Церкви, но и важнейшие вопросы догматики. В качестве доказательства своего тезиса о том, что «восточная церковь не исповедует истинное и неизменное учение Христово, как оно должно было бы звучать в символах веры, провозглашенных на первых семи вселенских соборах», он особо выделил православное учение о том, что Святой Дух исходит не только от Отца. Он утверждал также, перечисляя их поименно, что у Православной церкви имеются богослужебные книги, содержащие суждения догматического характера, противоречащие учению католиков, существование которых Соловьев тщетно пытался отрицать[1]. Тем самым Маркович оспаривал тезис Соловьева и Франки о том, что Православная церковь не могла принять иных догматов, кроме католических, поскольку после раскола церквей на Востоке вселенские соборы и не могли проводиться, но лишь встречи отдельных патриархов; догматы же, принятые на первых семи вселенских соборах, являлись общими для обеих церквей. В ответ Соловьев утверждал, что книги, которые Маркович считает догматическими, утверждены лишь на поместных соборах и в силу этого не могут быть догматическими и обязательными для общего исповедания, и что они лишь отражают мнения отдельных течений в Православной церкви[2].

Без сомнения, Соловьев был одним из самых влиятельных теологов среди сторонников объединения Католической и Православной церквей второй половины XIX века. Поскольку его пребывание в Загребе и защита им объединения церквей на страницах газеты «Католички лист», а также дискуссии по догматическим вопросам объединения с хорватскими католическими теологами имели большое значение, последовала острая реакция православной печати. В большой статье «Самозванный проповедник унии», напечатанной в декабре 1886 г. в газете «Истина» – печатном органе православной семинарии в г. Задар, деятельность Соловьева рассматривалась в контексте объединительных попыток Католической церкви начиная с 1848 г., когда Папа Пий IX призвал православных осуществить унию, и вплоть до 1886 г. Статья была подписан инициалами A. N. Можно предположить, что ее автором был профессор православного богословия в Задре архимандрит Н. Милаш, который изначально отвергал любые призывы к объединению, звучавшие со стороны католиков. A.N. выразил свое удивление тем, что православный русский приехал проповедовать унию среди хорватов. «Что побудило этого православного русского писать об этом во-

[1] Marković I. Na obranu. Katolički list. XXXVII /1886, 45. S. 354–357.
[2] Ibidem.

inslav

просе в римско-католической церковной газете? ... Кто такой этот русский? От чьего имени он проповедует унию с Римом? Почему он не делает этого в России, а, чтобы заниматься этим приехал именно к хорватам»?[1] После сведений о семье В. Соловьева, в особенности о его отце, известном историке С. М. Соловьеве, об образовании и научных трудах В. Соловьева, A. N. заключал, что тот примкнул к враждебной русскому православию западнической партии, которая борется против партии национальной. Его деятельность представляет собой тем бо́льшую опасность, что он проник в среду славянофилов, и тем самым облек враждебную православию идею унии в приемлемые для народа одежды: «В России издавна существуют две партии, одна национальная, а другая западническая. Первая стремится к тому, чтобы на самобытных православно-славянских основаниях развивать национальное самосознание и сторонится всего чуждого. Другая же отрицает возможность того, что Россия может развиваться на этих православно-славянских основаниях и стремится привить народу западную цивилизацию, которая единственно, по мнению этой партии, и может добиться в России прогресса. Первую партию поддерживает весь народ, а западническую – чужестранцы и некоторая часть на иноземный манер образованной интеллигенции. Идеи, которые проповедует сейчас г. Соловьев – это идеи западнические. (...) Чтобы легче преуспеть в этом, он выставляет себя приверженцем национальной (...), славянофильской партии. (...) Под личиной идей народности и защиты национальных интересов славянства гораздо легче привлечь народ на свою сторону, легче разобщить его с православной церковью и с бо́льшим успехом подчинить папе римскому – так думал или хотя бы мог подумать г. Соловьев. А так думает и действует сегодня г. епископ Штроссмайер, так думают и действуют и те, к кому приехал г. Соловьев»[2].

Кроме утверждения о том, что Католическую и Православную церкви не разделяют никакие догматы и что Католическая церковь не противится сохранению определенных различий между двумя церквями и после их объединения, A. N. в особенности критикует Соловьева за «софистическую» попытку скрыть «все злоупотребления Католической церкви в течение многих веков», что Соловьев и сделал, проведя грань между «папством и папизмом». Первое символизирует истинную суть и предназначение призыва Папы, и на который православным нечего возразить; второму – приписывают мно-

[1] См.: Istina. Zadar. I. /1886. Br.20(26). S. 412.
[2] Ibid. S. 412–413.

inslav

жество злоупотреблений[1]. После этого A. N., ссылаясь на статьи выдающихся теологов Русской Православной церкви, оспаривает факт, который пытался доказать Соловьев в полемике с Марковичем, а именно, что Православная церковь признает догматы Католической церкви, возникшие после раскола и что у нее нет собственных символов веры: «В этих статьях подробно рассматривается все то, что писал Соловьев по вопросу об объединении церквей, и доказана вся необоснованность его основных принципов, а также и необоснованность его суждения, что православная церковь когда-либо и каким бы то ни было образом одобрила и признала новые догматы, которые римская церковь сама установила после отделения ее от католической (вселенской – З. Г.) церкви»[2]. Рассматривая идеи Соловьева относительно того, что у Православной церкви нет своих особых символов веры, A. N., предостерегал: «... г. Соловьев выступает здесь не как дилетант-богослов, но сознательно стремится исказить истину. (...) Ему хорошо известно, что у нас имеются особые богослужебные книги, в которых излагается догматическое учение православной церкви, учитывающее появившиеся на западе после разъединения церквей новые догматы»[3]. Автор поблагодарил Марковича за то, что тот освободил от труда доказывать Соловьеву то, что у Православной церкви имеются свои особые богослужебные книги.

Посещение Соловьевым хорватов и публикация в Загребе его работ об объединении церквей A. N. объяснял всеобщим неприятием этих идей в Росси: «...потерпевшему поражение и осуждаемому в России со всех сторон, – что оставалось дальше делать г. Соловьеву?». Кроме того, ему не благоприятствовало обнародовать свои идеи в самой крупной славянской католической стране – Польше. «К полякам он не мог поехать, поскольку там гораздо раньше, чем это произошло сейчас в Загребе, бросилось бы в глаза его вероотступничество»[4]. По мнению A. N., «Соловьев выбрал неплохую площадку, поскольку может твердо рассчитывать на то, что ему поможет и его поддержит г. Штроссмайер и другие, думающие также, как он». Однако автор констатирует, что усилия Соловьева будут напрасными, поскольку православные сербы, к которым он обращается вместе со Штроссмайером и другими хорватскими католическими теологами, и не помышляют об унии со Святым престолом: «И г. Соловьев, конечно, полагает, что у сербов его ждет успех. Но если он так думает, то мы ему с большой

[1] Ibid. 21(27). S.425–426.
[2] Ibid. S. 429.
[3] Ibid. 22(28), S. 414.
[4] Ibidem.

inslav

долей уверенности можем сказать наперед, что он жестоко обманывается. Обманывается, поскольку сербы привержены православной церкви столь же сильно, же, а может быть и еще сильнее, чем и сами русские»[1]. Заканчивая свою статью, A. N., указывая на способ доказательства неугодных православию утверждений, называет Соловьева вероотступником, «каких трудно найти среди всех вероотступников, существовавших до сегодняшнего дня»[2]. Автор указывает на то, что обратить внимание на «измену» и «вероотступничество» со стороны Соловьева его подвигли обязательства по отношению к «святому православию»: «Неприятной оказалась для нас обязанность познакомить православный мир в наших землях с этим самозваным проповедником унии, чтобы наперед умели уберечься от этого волка в овечьей шкуре. Неприятна была нам эта обязанность, но мы, служа святому православию, по доброй воле ее исполнили»[3].

Различия в позициях относительно ортодоксальности православных церквей проявились не только дискуссии среди хорватских католических теологов, но и скрытой вражде между сторонниками двух течений в теологии, самым влиятельными представителями которых были, соответственно, Штроссмайер и Маркович. Самое лучшее свидетельство этому – пример самого Марковича, который, несмотря на то, что написал исключительно ценные исследования по истории церкви, не мог быть избран в Югославянскую академию наук и искусств, которая находилась под сильным влиянием своего основателя и покровителя Штроссмайера[4].

«Theologia fundamentalis» Штадлера свидетельствует о том, что по вопросу об ортодоксальности Православных церквей ему более близка была позиция круга Марковича, нежели круга Штроссмайера. Как и Маркович, Штадлер считал, что Православным церквям не только не хватает иерархического единства, но что они утратили и единство веры из-за различий в догматике, которые возникли после раскола. О том, что Штадлер высоко отзывался о теологической позиции Марковича, свидетельствует тот факт, что он пригласил Марковича быть редактором журнала «Балкан», который выходил с 1896 по 1902 г. и задачей которого была пропаганда идей церковной унии. Однако Маркович отказался, сославшись на то, что описывая различия между Католической и Православной церквями, не смог бы избежать по-

[1] Ibid. 21(27). S. 430.
[2] Ibid. 22(28). S. 442.
[3] Ibid. S. 445.
[4] Smićiklas T. – Strossmayeru J.J. Zagreb, 16.12.1894. Arhiv HAZU, Ostavština Josipa Strossmayera. XI-A/Smi.Ta. 28.

inslav

лемики. Кроме того, он опасался, что, будучи редактором, не смог бы допустить, чтобы [на страницах журнала] Православная церковь называлась православной, поскольку это приводило бы читателя к ошибочному выводу о том, что она сохранила истинную веру[1].

Штадлер начал работать над осуществлением своих замыслов по объединению церквей в 1896 г. После отказа отца И. Марковича он предложил редакторский пост профессору Юридического факультета Загребского университета Александру Брешченски – мирянину и депутату сабора Хорватии, уволенного властями на пенсию в пятьдесят лет из-за его видной роли в объединении и организации хорватской оппозиции бану К. Куэну-Хедервари в 1894 г.[2]

В письме К. Войновичу в марте 1895 г. Штадлер писал, что «Балкан» начнет выходить с 1 января 1896 г.[3] В этом же письме Штадлер кратко описал и тематику журнала: «Пойдет речь о славянской литургии, греческом календаре, обо всем том, что может способствовать унии»[4]. Он просил Войоновича привлечь к сотрудничеству мирян, которые могли бы повысить уровень журнала и попросить их высказывать идеи, которые могли бы подтолкнуть православных к унии: «Обрати внимание и на других умных людей, чтобы заполучить и выяснить у них, что, по их мнению Св. престол должен предпринять, чтобы они (православные) объединились с нами». В отличие от Марковича Брешченски принял приглашение[5].

О первом номера «Балкана» Штадлер сообщал и в письме Штроссмайеру, которое начал писать 31 декабря 1895 г., а закончил 1 января 1896 г.: «Alea acta est. Если бог даст, "Балкан" увидит свет в этом месяце»[6]. Однако этого не произошло. В письме от 25 апреля 1896 г. Штадлер сообщает Штроссмайеру о трудных «родах» издания, которое должно появиться только в конце апреля. Но журнал вышел из печати лишь в конце мая 1896 г.[7] Епископ Штроссмайер проявлял к нему большой интерес. Он поддерживал позицию Штадлера относительно примирительного, а не полемического характера журнала. Он внимательно читал публиковавшиеся в нем тексты и часто обсуждал их в переписке со Штадлером.

---

[1] Berković P. Pitanje unije i franjevac Ivan arković // VI./1927, 1. S. 45–46.

[2] Брешченски А. (1843–1904).

[3] Stadler J. – Vojnoviću K. Sarajevo, 16. III. 1895. Nacionalna i sveučilišna knjižnica. Ostavština K. Vojnovića. R.5622b

[4] Ibidem.

[5] Ibidem.

[6] Stadler J., Strossmayeru J.J. 31.XII.1895, 1.1. 1896. Arhiv biskupskog ordinarijata Đakovo, 36/1896.

[7] Ibid, 554/1896.

inslav

В намерения автора не входит подробно останавливаться на материалах, опубликованных в журнале с 1896 по 1902 г. в девятнадцати номерах «Балкана» на более чем двух тысячах страниц, а также рассказывать об их авторах; в хорватской историографии существуют исчерпывающие исследования по этой проблеме. Но все же обратим внимание на широту проблематики журнала. Кроме статей по проблемам теологии, в журнале публиковались церковно-исторические материалы о взаимоотношениях двух церквей в первом тысячелетии, о календарях восточной и западной церквей, статьи о литургии, обрядах и просвещении.

Вопреки ожиданиям своего основателя, «Балкан» встретил со стороны православных не положительный отклик, а лишь презрение и насмешки. Особенно этим отличался загребский «Србобран»[1]. Призыва Штадлера православным сербам к объединению церквей, опубликованного в первом номере «Балкана» (С.9 – 16), «Србобрану» было достаточно, чтобы занять свою позицию относительно намерений журнала: «Штадлер сразу же расточает ласки и (...) шлет сербам – братьям, с нами верой разделенным, братский привет (...) и тут же вновь в сотый раз пережевывает гниль римских фарисеев (...) – учение которых православные сербы всегда воспринимали как дым из труб своих печей. (...) Вчера мы получили в подарок "Балкан", причем напечатанный кириллицей (...).... зададимся только вопросом: останутся ли наши просвещенные люди и дальше равнодушными по отношению к подобным явлениям, и не придут ли наши национальные священнослужители к мысли: "Око за око"». В течение всего 1896 г. на страницах «Србобрана» некий Синиша[2] печатал с продолжением статьи против «римской пропаганды», вскоре вышедшие отдельным изданием[3]. Газеты и журналы Сербской Православной церкви были несколько умереннее «Србобрана», но все же столь же решительны в неприятии объединительных призывов, звучавших со страниц «Балкана». Газета Карловацкой митрополии «Српски Сион» называл «Балкан» посланцем римского «папизма», выражая все же удивление, что на его страницах отсутствуют такие выражения как «еретик» и «схизматик», которыми обозначают православных[4].

---

[1] Srbobran. Glasilo srpske samostalne stranke. (Zagreb, XII./1896, 56. S.1. См.: Artuković M. Ideologija srpsko-hrvatskih odnosa. (Srbobran 1894. – 1902. Zagreb, 1991. S. 27–35.

[2] Siniša. Odgovor rimskoij propagandi na njen "Balkan jedinstvu i bratskoj slozi. Izdao uz sudjelovanje mnogih prijatelja jedinstva crkava Dr. Aleksandar Bresćenski" .Zagreb, 1896.

[3] См.: Artuković M. Ideologija. S. 29.

[4] Српски Сион (Сремски Карловци). VI./, 1896, 23. С. 378–381.

inslav

Сараевский «Источник» требовал, чтобы православных в Боснии и Герцеговине оставили в покое, поскольку они не чувствуют себя ни подготовленными к теологическим дискуссиям, ни готовыми к объединению[1]. И другие сербские газеты обнаруживали по отношению к «Балкану» подобную же позицию. Но самый сильный удар объединительным намерениям журнала нанес православный митрополит Н. Мандич[2], который 23 января 1898 г. в Сараево для священнослужителей своей митрополии издал циркуляр, в котором «Балкан» был назван орудием католической пропаганды и содержался запрет на любой контакт с ним как священнослужителям, так и верующим[3].

Вопреки непониманию со стороны Православной церкви, журнал «Балкан» занимал видное место в современной ему европейской христианской периодике, поскольку в нем отсутствовал полемический тон, а публиковавшиеся материалы, связанные с проблематикой объединения христианского Востока и Запада, находились на очень высоком уровне. Тот факт, что он издавался в многоконфессиональной среде, к которой и был обращен, делала его единственным в своем роде явлением в мировой периодической печати того времени. Причина прекращения этого издания в 1902 г. заключалась не в том, что его отверг его основной адресат – православные, а прежде всего в сложившихся политических обстоятельствах. «Балкан» перестал выходить в 1902 г., когда в «газете «Србобран» была опубликована статья «Хорваты и сербы», в которой содержался призыв к сербам бороться против хорватов вплоть до истребления[4]. Эта статья вызвала бурные демонстрации в Загребе. Усилия архиепископа Й. Штадлера и редактора А. Брешченски издавать журнал, несмотря на ухудшение хорватско-сербских отношений, не увенчались успехом. Журнал прекратился не только из-за возникшей конфессионально-политической ситуации, но и из-за нараставших трудностей в поисках сотрудников.

---

[1] Balkan, jedinstvu i bratskoj slogi // Istočnik 5(1896). S. 171–172.

[2] Мандић Никола (1840–1907) – православный митрополит тузланско-зворницкий (1892–1896) и дабробосанский (1896–1907). Полный тезка председателя Хорватского национального союза в Боснии и Герцеговине Н. Мандича (Mandić Nikola, 1869–1945). Прим. перев.

[3] См.: Источник. 3.(1898) С. 39–40.

[4] Статья «Сербы и хорваты» «Србобран» перепечатал из белградского издания «Српски књижевни гласник» (Београд, 1902, бр.7). Это был текст лекции на собрании сербского академического общества «Зора» в Вене. Artuković M. Ideologija. S. 242.

inslav

Л. А. Кирилина

СЛОВЕНСКИЕ НЕОСЛАВИСТЫ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ

Интерес к России, ее политике и культуре появился у словенцев еще в начале периода их национального возрождения, однако политическую окраску в идеологии некоторых наиболее радикальных словенских политиков он стал приобретать лишь в конце 70-х – 80-х гг. XIX века. В основе политической идеологии словенцев с 1848 г. до Первой мировой войны была концепция австрославизма и неразрывно связанная с ней идея образования Объединенной Словении как одной из составных частей австрийской федерации. Преобладающее большинство словенцев воспринимало империю как данность и не мыслило своего существования вне ее рамок. Словенцы жили в австрийском культурном пространстве, лучше всего они знали немецкую культуру. Однако по мере развития своего национального самосознания они все больше ощущали себя частью великого славянского племени. Они верили в окончательную победу славянства в его тысячелетней борьбе с германцами. Естественно, что Россия как крупнейшее и могущественное славянское государство привлекала симпатии ряда словенских национальных деятелей, которые видели в ней оплот против пангерманизма австрийских властей. Особенно укрепился авторитет России в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Победа России была воспринята словенцами с энтузиазмом, как успех всего славянства, и способствовала укреплению веры в освободительную миссию России по отношению не только к балканским, но и к австрийским славянским народам.

В среде словенской интеллигенции в 1880–1890-е гг. появилось немало людей, проявлявших интерес к русским и другим славянам, завязывавших с ними разнообразные связи, учивших славянские языки. Некоторые из них даже вели переписку на кириллице. В конце 1890-х гг. по инициативе Л. Енко и И. Хрибара были организованы кружки по изучению русского языка и культуры. Первый «Русский кружок», возглавлял который Л. Енко, был создан в 1899 г. в Любляне. Аналогичные кружки при поддержке И. Хрибара открылись и в ряде других словенских городов (в Идрии, Триесте, Целье, Мариборе, Горице).

К числу наиболее воодушевленных идеей славянского сотрудничества словенцев принадлежал один из лидеров либералов, крупный политик, занимавший в 1896–1910 гг. пост жупана г. Любляны, Иван Хрибар (1851–1941). В сплочении славянских народов он видел един-

inslav

ственный способ противостоять немецкому давлению, сохранить и развить национальную индивидуальность и культуру своего народа. Из всех славянских стран наибольший интерес Хрибар проявлял к России. Он отмечал в своих воспоминаниях, что считал ее «непобедимой представительницей неисчерпаемой славянской силы и ... страной несметного природного богатства»[1]. Хрибар был, пожалуй, наиболее крупным и последовательным словенским русофилом того времени.

Русофильское течение в словенском национальном движении выделилось в 1880-е – 1890-е гг. Крупный словенский историк В. Мелик очень точно объяснил сущность словенского русофильства: «В этом чувстве не было существенным, абсолютистским или демократическим государством является Россия, такая она или иная, но было важно, что она есть, что своим существованием дает опору национальной борьбе, будит надежду на лучшее будущее»[2]. В том же духе оценивал словенское русофильство и видный словенский историк И. Приятель[3].

В 1884–1888 гг. И. Хрибар и И. Тавчар издавали либеральный литературный журнал славянофильского направления «Слован» (Славянин), публиковавший много статей о русской культуре. Другой орган либералов, газета «Словенски народ» (Словенский народ) уделяла значительно больше внимания политике. В 1886–1887 гг. она находилась под большим влиянием Хрибара, который был директором Национальной типографии, выпускавшей газету. Главными корреспондентами газеты стали горицкий либерал Ф. Подгорник и М. Хостник (эмигрировавший в Россию еще в 1879 г.). Подгорник освещал вопросы национальной борьбы словенцев, внутреннюю политику Австрии, Хостник писал о России, ее партиях, народе, культуре. «Россия, как независимое могущественное славянское государство, – подчеркивал Хостник, – ...охраняет славянство от насилий немцев»[4]. Критика русофилами политики австрийских властей, церковного клира, их воодушевление Россией вызвали недовольство австрийского императора Франца Иосифа. В конце 1887 г. на русофилов были обрушены репрессии: руководство Национальной типографии было сменено, направление «Словенского народа» изменилось.

---

[1] Ivan Hribar. Moji spomini. I. Del. Ljubljana, 1983. S. 218.

[2] Melik V. Slovenska politika ob začetku dualizma // Zgodovinski časopis. 1988. № 1–2. S. 49.

[3] Prijatelj I. Slovenska kulturno-politična in slovstvena zgodovina (1848–1895). Mladoslovenci. 1868–1881. Zv. 3. S. 172.

[4] Slovanski narod. 5. 4. 1886.

inslav

В конце 1880-х гг. словенские русофилы объединились вокруг газеты «Словански свет» (Славянский мир) (1889–1899). Создана газета была при поддержке Хрибара, издавал и редактировал ее Ф. Подгорник. Вокруг газеты группировались корреспонденты-русофилы: Д. Хостник, Ф. Целестин и др. Русофилы призывали словенцев опираться в области культуры на исконно славянские ценности – кирилло-мефодиевскую церковь с богослужением на славянском языке, кириллическую азбуку, общеславянский язык, которым должен стать русский[1]. Для русофилов была характерна идеализация России и ее порядков, однако сближение с ней они представляли себе в культурной, а не в политической сфере. Идеи Подгорника воодушевили часть словенской студенческой молодежи, среди политиков единомышленников у него были единицы. В начале XX века русофильское движение в словенских землях практически сошло на нет.

Течение неославизма пришло на смену русофильству в начале XX века. После введения в России конституционной монархии в 1905 г. у ряда национальных деятелей австрийских славян усилились надежды на изменение внешней политики России, укрепилась ориентация на сотрудничество с ней. Неославизм, который лидер младочешской партии Карел Крамарж стал активно пропагандировать после 1905 г., являлся одной из разновидностей австрославизма, в основе его лежал страх перед растущим политическим и экономическим влиянием Германии. В единстве всех славян неослависты видели гарантию признания империей их политических и национальных прав. Крамарж выступал за тесное сотрудничество с Россией, считая, что она должна стать главным политическим и экономическим союзником Австрии. Он видел в ней единственную силу, способную поставить преграду немецкому натиску и защитить славянские народы. Неославистское течение не делало различий между австрийскими и неавстрийскими славянами, призывало к сотрудничеству всех, кому была близка общеславянская идея. Углубления в политические вопросы неослависты избегали, стремясь к созданию культурного, научного и экономического союза всех славян. Такой союз, по их мнению, смог бы превратить австрийских славян в мощную силу, требования которой монархия уже не сможет игнорировать. Неавстрийским славянам сближение с австрийскими и с Россией помогло бы освободиться от турецкого влияния[2].

---

[1] Чуркина И. В. Национальный вопрос в программах словенских партий накануне первой мировой войны // На путях к Югославии: за и против // Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1997. С. 273–275.

[2] Gantar Godina I. Neoslavizem in Slovenci. Ljubljana, 1994. S. 11–12.

inslav

Неослависты считали, что идея славянской взаимности носит слишком абстрактный характер, и стремились придать ей более конкретные очертания, перейти к практическому воплощению ее в жизнь. Они полагали, что русский панславизм как идея создания великого славянского государства под эгидой России изжил себя, и новые взаимоотношения между славянами нужно строить на основе принципов «свободы, единства и братства». Сходная интерпретация идеи славянской взаимности появилась и в славянофильски настроенных кругах русских либералов. Русские неослависты старались отмежеваться от реакционных положений славянофильства и панславизма, отказались от идеи политической гегемонии России, выступали за веротерпимость, признание самобытности языков и литератур славянских народов[1].

Наиболее последовательным сторонником неославизма среди словенцев был Иван Хрибар. Он участвовал в подготовке и проведении всех неославистских мероприятий, пропагандировал это течение в прессе, пояснял его цели и мотивы. В успехе неославистского движения он видел единственную возможность создания славянской Австрии, выступал за переориентацию австрийской политики с Германии на Россию, что способствовало бы усилению роли славян в империи. Главной целью неославизма Хрибар считал укрепление общеславянского самосознания с помощью культурного и экономического сотрудничества, которое дало бы возможности и для создания политических связей[2]. (Такое понимание задач неославистского движения было близко и русскому журналисту В. П. Сватковскому).

Сторонниками неославизма среди словенцев стали как известные либеральные политики И. Хрибар, А. Габрщек (издатель газеты «Соча» в Горице), О. Рибарж (редактор триестской газеты «Единость» (Единство)), так и представители либерального студенчества, в том числе и некоторые младолибералы (иначе национальные радикалы), в начале XX века отделившиеся от либеральной Национально-прогрессивной партии, – Б. Вошняк, И. Лах и др.

В 1907 г. словенская газета «Наш лист» (Наша газета) перепечатала анкету с вопросами о возможностях и формах организации сотрудничества славян Габсбургской монархии, опубликованную чешским журналом «Май» в 1906 г. В обсуждении этих проблем приняли участие многие словенские политики и деятели науки и культуры. Из их ответов на вопросы анкеты видно, что большинство из них

[1] Подробнее см.: Ненашева З. С. Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984. С. 67.

[2] Ibid. S. 92.

inslav

представляли себе развитие славянского сотрудничества в форме укрепления культурных, прежде всего литературных и языковых связей. Так, издатель газеты «Единость» в Триесте Г. Грегорин выступил за организацию славянского книжного рынка, И. Врховник из Любляны – за создание Общеславянского школьного союза, известный филолог, профессор славистики Грацского университета М. Мурко – за организацию совместной научной деятельности славянских академий и научных обществ, за изучение в средних школах двух славянских языков (помимо родного) и т. д. Поэт А. Ашкерц подчеркнул первостепенное значение языкового вопроса для создания прочных культурных связей: каждый образованный славянин, по его мнению, должен понимать другие славянские языки. Хрибар и Л. Светец (старейший словенский консерватор) предлагали для славян Цислейтании установить также и политическое сотрудничество. Хрибар, кроме того, подчеркнул и важность экономического сотрудничества, он предложил организовать в рамках Австро-Венгрии Славянский банк, который впоследствии мог бы выйти и на международную арену[1]. Характерно, что никто из ответивших на вопросы чешской анкеты словенцев не упомянул о роли России в неославистском движении[2].

В ноябре 1907 г. в Вене состоялось собрание славянских депутатов рейхсрата, на котором был избран подготовительный комитет будущего съезда неославистов. Из словенцев в его состав вошел И. Хрибар. На другом совещании в Вене в апреле 1908 г. был решен вопрос о составе делегации австрийских славян, которые должны были отправиться в Петербург на предварительное совещание перед проведением съезда. В нее вошли К. Крамарж, И. Хрибар и русин М. Глибовицкий. Из словенцев на этом совещании присутствовали Хрибар, Роблек, Штрекель, а также лидер словенских христианских социалистов Я. Е. Крек, выказавший тогда живой интерес к идее проведения съезда. В дальнейших совещаниях неославистов Крек участия не принимал[3]. Вероятно, И. Шуштершич, возглавлявший в то время как Словенский клуб в рейхсрате, так и католическую Словенскую народную партию, в состав которой входили и христианские социалисты, отговорил его от поддержки неославитских акций.

Вообще, Крек был одним из немногих лидеров католической партии, подчеркивавших важность связей с Россией, он занимал до-

[1] Gantar Godina I. Novoslovanska ideja in Slovenci // Zgodovinski časopis. 1989. Št. 4. S. 517–519.

[2] Gantar Godina I. Neoslavizem in Slovenci. S. 91.

[3] Ivan Hribar. Moji spomini. I. Del. S. 222.

inslav

статочно широкую и непредвзятую позицию в вопросе славянского сотрудничества. Католики не были чужды славянской идее, но сотрудничество между славянами они мыслили на основе католической веры. Они регулярно принимали участие во Всеславянских католических съездах, но сами ни одного не организовали. Неославистского течения (преимущественно либерального) они не поддерживали, деятельность Хрибара и других словенских сторонников неославизма подвергали резкой критике.

Словенский теолог Л. Ленард в своих статьях в журнале «Час» (Время) помимо прочего стремился показать иллюзорность надежд неославистов на плодотворное сотрудничество с Россией, которую, по его мнению, даже нельзя назвать европейской страной. Он считал, что на политику России оказывает большое влияние Германия. В неославизме Ленард не усматривал ничего нового, видя в нем лишь попытку возродить старый панславизм. Он был убежден, что русские участвуют в неославистском движении лишь потому, что оно не ограничивает и не отвергает влияния России. В том, что многие неослависты придавали своему движению исключительно культурное значение, он также усматривал уступку русским, которые, поняв, что идея панславизма изжила себя, отодвинули политические идеи на задний план и стали подчеркивать, что стремятся лишь к единству в области культуры. Но сближаться с Россией, даже просто в сфере культуры, словенцам, по мнению Ленарда, не нужно. Русских и словенцев разделяют религиозные «догматы, политика, история, образ жизни, культура, православие отделяет от нас целая группа понятий, которые можно обозначить общим словом «византинизм»», – писал словенский теолог[1].

В мае 1908 г. Хрибар приехал вместе с К. Крамаржем и русином Н. Глибовицким в Петербург на подготовительное совещание о Первом съезде неославистов, состоявшемся затем в июне 1908 г. в Праге.

Одной из целей поездки в Петербург делегации неославистов было установление контактов с членами Государственной думы. Славянские гости рассчитывали на достижение более тесного культурного сотрудничества между Россией и другими славянскими народами, основанного на новых принципах. Взгляды славянофилов, видевших решение славянского вопроса «в русификации и переходе в православие», уже устарели. «Индивидуальное развитие славянских народов настолько прогрессировало, что ныне в славянском мире к истинному братству могут привести лишь принципы свободы и

[1] Gantar. Godina I. Novoslovanska ideja in Slovenci. S. 538–540.

inslav

равноправия»[1]. Эта позиция неославистов нашла понимание в Петербурге. Гостей принимали радушно. В совещаниях делегации неославистов с членами Клуба общественных деятелей (в который входили преимущественно октябристы, члены Государственного совета и Государственной думы) приняли участие все фракции Государственной думы (кроме социал-демократов). О значении, которое придавалось в российских правительственных кругах их приезду в Петербург, свидетельствует и тот факт, что внимание славянским гостям уделили председатель министерского совета П. А. Столыпин, министр иностранных дел А. П. Извольский, министр финансов В. Н. Коковцев, председатель Государственной думы Н. А. Хомяков, председатель городской думы Н. А. Унковский и др. На вечер, устроенный в честь приезда славянских делегатов, было приглашено 3000 представителей петербургского общества. Как отмечал Хрибар, «это было первое русское совещание с представителями зарубежных славянских народов, в котором полуофициально приняло участие и само правительство». Русские привыкли, что зарубежные славяне приезжали к ним только тогда, когда им что-нибудь было нужно. «В этом случае впервые мы приехали не с просьбами, а с позитивными реальными предложениями»[2]. Ход встреч освещали российские периодические издания, наиболее подробно газеты «С.-Петербургские ведомости», «Слово», «Речь».

Наиболее полно И. Хрибар представил свою программу развития отношений России и австрийских славян на третьем заседании в Клубе общественных деятелей 16 мая[3] (всего прошло 4 заседания). Он предложил создать в России Славянский банк для поддержки промышленности славянских стран и развития торговых связей между ними. Славянский банк также должен был бы изучать вопросы, связанные с товарообменом и развитием промышленности, и советовать, какие отрасли промышленности следует развивать в той или иной славянской области. По мнению Хрибара, «русское правительство отнеслось к этому предложению сочувственно», и поскольку его поддержали крупные российские промышленники Красовский, Гучков, Башмаков, казалось, что этот проект имеет шансы воплотиться в жизнь. Однако петербургские банки выступили против образования Славянского банка, опасаясь конкуренции[4]. Дело за-

[1] Ivan Hribar. Moji spomini. II. Del.S. 578–579.
[2] Ivan Hribar. Moji spomini. I. Del. S. 223.
[3] Čurkina I. Rusko-slovenski kulturni stiki od konca 18. stoletja do leta 1914. Ljubljana, 1995. S. 235.
[4] Ivan Hribar. Moji spomini. II. Del. S. 59.

inslav

стопорилось, однако Хрибар не отказался от дальнейших попыток осуществить свой проект.

Хрибар считал, что было бы полезно посылать русских крестьян в наиболее развитые славянские земли Австрии для обучения их новым методам хозяйствования. Предложение это первоначально было выдвинуто хорватским эмигрантом в России издателем К. Геруцем, он же и стал секретарем образованного по указу российского правительства общества «Русское зерно» (1908–1914). Правительство выделило средства для поездок русской крестьянской молодежи на земледельческую практику в Чехию, Моравию и Словению.

Некоторые русские стажеры действительно прошли земледельческую практику в словенских землях. Размещали их в образцовых крестьянских хозяйствах и земледельческих школах. По отзыву Хрибара, «работой и поведением большинства этих русских государственных стипендиатов их работодатели были очень довольны». Главную же пользу от приездов русских крестьян на практику в словенские земли Хрибар видел в том, что благодаря им словенские крестьяне узнали больше о русском народе, о котором им практически ничего не было известно, а русские узнали о словенцах, их жизни и культуре[1].

Вечером 16 мая в редакции журнала «Слово» состоялась встреча славянских гостей с представителями русской прессы. Хрибар пригласил русских журналистов в Любляну на 8 съезд славянских журналистов в сентябре 1908 г. Русских представителей на этом съезде было несколько, среди них генерал В. М. Володимиров, профессор одесского университета А. Борзенко, публицист А. Стахович[2].

На четвертом заседании в Клубе общественных деятелей 17 мая Хрибар говорил о развитии культурных связей между славянами – о правильной организации книготорговли, об установлении славянского пресс-бюро в Петербурге, об организации в России спортивного общества «Сокол» по примеру чешского, о необходимости изучения русского языка в средних школах славянских областей Австро-Венгрии и т. д. Он предложил заменить в русских учебниках немецкие названия славянских областей славянскими и включить в список изучаемых в русских школах предметов историю и географию славянских народов. Он выразил надежду, что в России перестанут, говоря о словенской Любляне, использовать немецкое название Лайбах[3].

---

[1] Ivan Hribar. Moji spomini. I. Del. S. 223.
[2] Gantar. Godina I. Neoslavizem in Slovenci. S. 138–141.
[3] Čurkina I. Rusko-slovenski kulturni stiki... S. 236.

inslav

Хрибар предложил отправлять группы русских учителей на экскурсии в славянские земли Австрии, чтобы они познакомились с ними, а потом стали бы пропагандировать их для поездок русских туристов. Он пригласил русских учителей посетить словенские земли, «природа которых очень красива». В 1909 г. словенские земли посетило 128 русских учителей и 217 учительниц[1]. Сохранилось три письма Хрибару от Комиссии по организации образовательных экскурсий при Учебном Отделе О.Р.Т.З. (Общество распространения технических знаний). Согласно приведенным в них сведениям, двенадцать групп русских народных учителей побывали по 2–3 дня в Любляне в июле-августе 1909 г. Переговоры о приеме и размещении русских гостей с Хрибаром вел А. Стахович, участник 8 съезда журналистов в Любляне. В последнем письме Комиссия выразила люблянскому жупану «горячую благодарность» за внимание, оказанное им русским туристам. «Несмотря на Ваши прямые обязанности, Вы находили возможным лично встречать каждую прибывающую группу. Ваши любезные встречи и радушный прием долго будут храниться в памяти Комиссии и всех экскурсантов. Только при Вашем сердечном содействии народные учителя России могли почерпнуть так много из своей заграничной поездки». Комиссия выразила надежду на то, что Хрибар и в дальнейшем будет оказывать ее начинаниям содействие и поддержку[2]. К сожалению, эти надежды на продолжение сотрудничества не оправдались. Уже на следующий год Хрибар перестал быть жупаном Любляны.

Словенская либеральная печать уделила большое внимание поездке в Петербург славянской делегации. Редакция газеты «Наш лист» охарактеризовала его как событие «эпохального значения»[3]. Орган словенских либералов «Словенски народ» напечатал выдержки из некоторых статей об оживлении в России славянской идеи и интереса к зарубежным славянам, опубликованных в русской прессе. Прием делегатов Столыпиным расценивался как свидетельство того, что русская политика станет принимать во внимание «славянский момент, что имеет колоссальное значение для общеславянского дела». Главная заслуга в обновлении идеи славянской взаимности приписывалась России, прежде всего новой русской политике, явившейся результатом «великого политического и идейного переворота», произошедшего в результате введения конституции[4].

---

[1] Ivan Hribar. Moji spomini. I. Del. S. 225.

[2] Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.) М., 2010. С. 195–196

[3] Naš List. Št. 23. 1908.

[4] Slovenski Narod. Št. 127. 1. 6. 1908.

inslav

По возвращении из Петербурга Хрибар созвал в Любляне совещание, на котором присутствовали Л. Светец, сотрудники триестской «Единости» и др. Единственным из присутствовавших, не одобрившим сообщения Хрибара о поездке, был лидер словенских социал-демократов Э. Кристан. Хрибару не удалось убедить его в том, что Россия «в некоторм смысле демократизируется и поворачивается к славянству»[1].

Социал-демократы вообще осудили петербургское совещание неославистов, считая, что неославистский съезд обречен на неудачу из-за сотрудничества его организаторов с русскими реакционерами и правительством. В органе социал-демократов газете «Рдечи прапор» (Красное знамя) в июле 1908 г. отмечалось, что сторонники неославизма слишком «кланяются русскому царю, Столыпину, польской шляхте, чешским аристократам и капиталистам...». Один из вождей словенской социал-демократии Х. Тума писал в июне 1908 г. о том, что сотрудничество с Россией невозможно ни с географической, ни с национальной, ни с социальной, ни с политической точек зрения. Он признавал роль России лишь на востоке: именно «там Россия имеет великую культурную миссию...»[2].

В отличие от Хрибара и Габрщека национальные радикалы И. Лах и Б. Вошняк также скептически относились к идее тесного сотрудничества с Россией, делая упор, прежде всего на развитии культурных связей. Публицист Б. Вошняк, в то время являвшийся одним из наиболее преданных идее неославизма словенцев, опубликовал в газете «Омладина» (Молодежь), органе национальных радикалов, статью «Словенское студенчество и идея неославизма»[3]. Неославизм он трактовал как культурное движение, обладающее объединительной силой, которое благодаря своей аполитичности приемлемо и для левых, и для правых. Национальные радикалы, как неполитическое течение, по мнению Вошняка, должны его безусловно поддержать. Однако большинство национальных радикалов, хотя и принимали идею славянской взаимности, отклоняли сотрудничество с либеральной партией и с неославистами.

Первый съезд неославистов состоялся в Праге в июле 1908 г. В нем приняли участие четыре словенца: Хрибар, Габрщек, Рибарж и Вошняк. Приглашения приехать на съезд получили также лидеры Словенской народной партии Шуштершич и Крек, но от участия в нем они уклонились. На съезде была принята программа куль-

[1] Gantar Godina I. Neoslavizem in Slovenci. S. 114.
[2] Gantar Godina I. Novoslovanska ideja in Slovenci. S. 526, 536.
[3] Omladina. 1908. S. 121.

inslav

турного и экономического сближения славянских народов, включавшая в себя организацию всеславянской художественно-промышленной выставки в Москве, установление Славянского банка, организацию славянского туризма, славянской книжной торговли, культурных союзов и просветительских обществ, развития молодежного спортивного движения по образцу чешского «Сокола» и др. Был избран Всеславянский исполнительный комитет. Работа съезда велась в секциях, наиболее активной из которых была, по воспоминаниям Габрщека, экономическая, в работе которой участвовали он и Хрибар. Вопросы культуры на съезде занимали второстепенное место.

В своем сообщении, опубликованном в либеральном журнале «Люблянский звон», Б. Вошняк воодушевленно писал, что съезд в Праге означал «переворот во взаимоотношениях славянских народов». Старый политический панславизм, проводивший прежде всего «балканскую, а не славянскую политику» и подчеркивавший приоритет православия, изжил себя. Теперь в России, по мнению Вошняка, с концом абсолютизма наступит новая эпоха, что «колоссально увеличит силы славянства»[1]. Словенская либеральная печать позитивно оценила работу съезда, полагая, что он положил начало новому этапу в развитии межславянских связей.

Однако ожиданиям сторонников неославизма не суждено было сбыться. Аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в сентябре 1908 г. разбила надежды на возможное политическое сближение Австрии и России. Лидер неославистов Крамарж признал аннексию «актом государственной необходимости». Русская либеральная печать стала обвинять Крамаржа и его сторонников в австрофильстве[2].

Словенские политики с воодушевлением восприняли аннексию Боснии и Герцеговины. Всколыхнулись надежды на то, что правительство, включив в состав империи новые славянские области, пойдет на реформирование дуалистической структуры монархии. Аннексия означала для словенцев усиление славянского элемента в монархии и дала новый импульс развитию югославянской идеи. В объединении с южными славянами словенцы видели более близкую и реальную возможность решения национальных проблем, чем во всеславянском сотрудничестве. Так, Б. Вошняк, еще в 1908 г. бывший сторонником неославизма, в 1910 г. писал: «Между словенцем и славянином стоит югослав»[3].

---

[1] Ljubljanski Zvon. 1908. S. 602-603.
[2] Ненашева З. С. Ук. соч. С. 121-124.
[3] Gantar Godina I. Neoslavizem in Slovenci. S. 175.

inslav

После аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г. неославистское движение пошло на спад. Однако Крамарж и его сторонники некоторое время еще продолжали свою деятельность, направленную на установление межславянского сотрудничества. В апреле 1909 г. и в феврале 1910 г. в Петербурге состоялись заседания подготовительного комитета второго съезда неославистов, в которых также принял участие Хрибар. По словам Хрибара, они показали, «что более тесные связи с русским народом могли иметь для нас очень важное значение также и в плане торговли». В эти приезды Хрибару удалось кое-что сделать для налаживания экономических русско-словенских связей. Из Петербурга на родину Хрибар привез крупный заказ на воск и восковые свечи. Орослав Доленец успешно выполнил этот заказ и получил новый. Хрибар предложил распространять в России словенские вина, считая, что они найдут там хороший рынок сбыта[1].

В июле 1910 г. состоялся съезд неославистов в Софии. Из словенцев на нем присутствовали А. Габрщек, И. Лах, Р. Пустослемшек и А. Крамер. Хрибар в этом съезде участия не принял. В своей речи, вызвавшей бурные овации, Габрщек заявил, что освободитель всех славян – русский народ, который снова принесет всем порабощенным золотую свободу[2]. Резолюции, принятые Софийским съездом, во многом повторяли резолюции Пражского съезда. Однако на нем значительно больше внимания было уделено сотрудничеству в области культуры. Некоторые намеченные съездом мероприятия в области науки и культуры впоследствии были осуществлены уже без участия неославистов[3]. После съезда в Софии неославистское движение практически сошло на нет.

Конечно, большинство инициатив Хрибара и его единомышленников не осуществилось. В связи с обострением немецко-словенских отношений неославистское движение вызывало все большее недовольство властей. В 1910 г., когда И. Хрибар в шестой раз был избран жупаном Любляны, император не санкционировал его избрания – из-за его неославистских взглядов и недавних поездок в Петербург и Белград[4]. Сам Хрибар в речи на Совете Общины Любляны 30. 8. 1910 при перечислении причин своей отставки также упоминал поездку в 1908 г. в Петербург на совещание неославистов. Относительно этого

---

[1] Ivan Hribar. Moji spomini. I. Del. S. 225.

[2] Gantar Godina I. Neoslavizem in Slovenci. S. 158.

[3] Ненашева З. С. Идейно-политическая борьба... С. 169.

[4] Melik V. Ivan Hribar in njegovi spomini. In: Ivan Hribar. Moji spomini. II. Del. S. 637.

inslav

он заявил: «Что касается моей поездки в Петербург, то совесть моя чиста, как у новорожденного ребенка. Неославистское движение не имеет никакой политической подоплеки. Политическую подоплеку ему приписывают лишь международные провокаторы, цель которых очернить славян Австрии как опасный для государства элемент». Подчеркнув свой австрийский патриотизм, Хрибар отметил, что он, однако, «никак не возбраняет мне внимательно следить за всеми событиями в великом славянском мире и, имея в виду культурную миссию, которая, без сомнения, ожидает славян, стремиться к как можно более тесному культурному сближению отдельных славянских народов. Однако мой верноподданнический разум никак не может понять, почему для австрийских славян поездки в Россию считаются злом. Мы живем с этим государством в мире ... а также в дружбе». Речь Хрибара члены Советы общины приветствовали бурными аплодисментами[1].

Хрибар и в дальнейшем старался укрепить связи и сотрудничество между славянами. В апреле 1913 г., незадолго до начала Второй Балканской войны, Хрибар снова посетил Москву и Петербург. Его знакомые из Клуба общественных деятелей попросили словенского политика постараться уладить разгоравшийся сербско-болгарский конфликт. Граф В. А. Бобринский, наряду с генералом Владимировым считавшийся одним из наиболее последовательных сторонников неославизма в России, сказал Хрибару, что его «сам Бог послал сюда сейчас. Вы не смеете ехать домой. Вы должны непременно из Киева ехать в Софию и Белград»[2]. И Хрибар взял на себя в этом деле посредническую миссию. Из России он направился в Софию и Белград, где попытался уговорить сербских и болгарских политиков прийти к компромиссу, но успеха не достиг.

Последнюю попытку реализовать свои замыслы с помощью России Хрибар предпринял в феврале 1914 г. Он поехал в Петербург с целью вновь обсудить вопрос о создании Славянского банка. Однако встречи с председателем Совета министров Коковцевым и министром иностранных дел Сазоновым к желаемому результату не привели[3]. А начавшаяся вскоре Первая мировая война, а затем и революция окончательно похоронили надежды на установление политических, экономических и культурных связей с Россией и у этого наиболее преданного идее славянской общности словенского политика.

---

[1] Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.) М., 2010. С. 505–506

[2] Ivan Hribar. Moji spomini. II. Del. S. 24.

[3] Ivan Hribar. Moji spomini. II. Del. S. 59–82.

inslav

Декларировавшийся неославистами отказ от решения каких-либо политических проблем славянских народов не принес желаемых результатов. Подчеркнутая аполитичность и преимущественно культурная направленность движения не убедили австрийское правительство в полной лояльности неославистов. Власти расценивали неославизм как потенциально опасное, представляющее угрозу для государства течение. Расчеты Крамаржа и его единомышленников на сближение Австрии и России в противовес Германии оказались необоснованными и идеалистическими.

Неославистские идеи и политику восприняла и поддержала часть словенских либералов и младолибералов. Католическая партия и социал-демократы относились к ним скептически, а подчас и враждебно. Единого понимания целей и задач движения у словенских сторонников неославизма не было. После аннексии Боснии и Герцеговины на первый план в замыслах словенских политиков выдвинулись идеи триализма и югославянского сближения.

Движение неославистов всколыхнуло у словенской общественности интерес к России, поставило в центр обсуждений вопрос о ее роли в славянском мире. Словенская либеральная пресса в 1907–1908 гг. писала о России как о великой и могучей славянской стране, политические перемены в которой давали основания надеяться на то, что она может стать потенциальной союзницей Австрии и опорой австрийских славян в их борьбе за национальное равноправие. Даже те сторонники неославизма, которые не верили в поворот к славянам российской политики, не заостряли внимание на этом вопросе, ратовали за развитие и укрепление культурных связей с Россией.

inslav

РАЗДЕЛ V. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СУДЬБА МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ

А. И. Сыч

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ФЕНОМЕН ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ЗНАЧЕНИЯ

Первая мировая война началась в лоне европейской, или западной, цивилизации, будучи, по выражению одного из её современных исследователей, «междоусобной войной цивилизованных наций»[1]. Причём она разразилась тогда, когда всё явственнее проявлялись признаки постоянно усиливающегося системного кризиса, охватившего все важнейшие институты и сферы жизни западного общества, ставшего к этому времени индустриальным.

Переход на индустриальную стадию развития был, с одной стороны, выдающимся достижением западной цивилизации, позволившем ей возглавить общественный прогресс, что и обеспечило ей, по сути, мировое господство, но, с другой стороны, породил опасные для неё явления и процессы. К последним можно отнести: постоянно углубляющуюся имущественную и социально-классовую дифференцию, порождавшую социально-политическое неравенство, неизбежно обострявшее социальные противоречия и конфликты; превращение национализма, утратившего свой прогресивный потенциал и демократическую основу, в реакционный феномен; разрушительную роль индустриализма и порождённого им технократизма и некоторые другие. Все эти процессы и явления начали разрушать фундаментальные гуманистические ценности и духовную основу западного общества, угрожая ему разрушением или перерождением. Мировая война довела этот системный кризис до опасной черты, фактически поставив в повестку дня вопрос о дальнейшей судьбе западной цивилизации, которая, как тогда казалось многим интеллектуалам, приблизилась к своей гибели.

Так, Арнольду Тойнби, который был современником войны, она представлялась опытом самоуничтожения Запада. Впрочем, не только ему вызванные войною потрясения воспринимались как своего рода смертный приговор западному миру и, прежде всего Европе, где она началась. Вспомним хотя бы характерные названия появившихся тогда и оказавшихся в центре общественного внимания книг:

[1] Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира / Пер. с англ. М. Колопотина. М., 2008. С. 643.

inslav

«Трагедия Европы» и «Вырождение Европы» известного итальянского политического и общественного деятеля Франческо Нитти, ставшего в июне 1919 г. премьер-министром, или «Закат Европы» немецкого философа Освальда Шпенглера, имевшую сенсационный успех. Ощущение тупика, упадка и даже неминуемой гибели цивилизации стали характерной чертой общественного сознания западного общества после Первой мировой. Именно такие настроения сделали популярными произведения Ф. Ницше, который ещё раньше пророчески предсказывал, что западная цивилизация утратила свою творческую силу. Известный писатель Герберт Уэллс образно охарактеризовал состояние современного ему общества такими словами: «Мир западноевропейских цивилизаций в первые годы после окончания мировой войны напоминал человека, которому очень небрежно сделали жизненно важную хирургическую операцию и который ещё точно не знает, будет он жить или вскоре свалится и умрёт. Это был потрясённый и ошеломлённый мир»[1].

Неслучайно также, что именно в это время появились силы (прежде всего фашизм и коммунизм), открыто бросавшие вызов существующим порядкам и общественной системе, предлагавшие альтернативы западному пути развития, отрицавшие либерально-капиталистические ценности, что, в свою очередь, объясняет, почему в период между двумя мировыми войнами «основным содержанием европейской политики сделались попытки слабеющей либеральной демократии выдержать двойственный натиск фашизма и коммунизма»[2]. Это было особенно опасно на фоне воцарившегося в Европе ощущения потерянности и предчувствия новой катастрофы.

Как известно, наиболее общими причинами Первой мировой войны принято считать борьбу имперских амбиций; экономическое соперничество между великими державами; рост милитаризма и национализма; противостояние военно-политических блоков, которые разделили народы Европы на враждебные лагеря; стремление правящих кругов воспользоваться войной, чтобы остановить опасное для них усиление социальной напряженности в своих странах. Между тем цивилизационная парадигма изучения войны 1914–1918 гг. позволяет рассматривать ее не только как борьбу объединённых в военно-политические блоки государств, стремившихся разрешить таким способом возникшие между ними территориальные, колониальные, экономические противоречия, но и как столкновение двух моделей развития европейского общества, дальнейшее сосущество-

[1] Уэллс Г. Очерки истории цивилизации. М., 2004. С. 884.
[2] Осборн Р. Указ. соч. С. 651.

inslav

вание которых в рамках одной цивилизационной системы оказалось невозможным. Первая модель, которую можно назвать западноевропейской (или либерально-демократической), была представлена Францией, Великобританией и США, вторая – центральноевропейская (или военно-авторитарная, консервативно-монархическая) – Германией и Австро-Венгрией. Фактически этот исторический спор – в несколько преобразованном виде – продолжился и в годы Второй мировой войны.

Таким образом, как представляется, война была одновременно и порождением, и отражением глобального кризиса западной цивилизации, который стал реальностью на рубеже XIX–XX веков. Более того, сама война, ее результаты и последствия представляли собой глубокий цивилизационный кризис европейского общества. Его ощущали и простые люди, и интеллектуалы. «Мы видим в каждой стране распад, ослабление внутренних уз, вызов основным принципам, упадок веры, ослабление надежд на те структуры, от которых в конечном итоге зависит существование цивилизованного общества»[1], – писал Уинстон Черчилль. А вот мнение известного немецкого писателя и мыслителя, участник Первой мировой, Эрнста Юнгера: «Обдумываю, почему чувствовал себя после Первой мировой войны более растерянным, ослабленным, морально раздавленным, чем после Второй, хотя катастрофа последней была в сотни раз более ужасной. Наверно потому, что Первая взорвала наши самые глубокие начала, самый фундамент нашего тогдашнего бытия»[2]. Немецкий журналист Оскар Ференбах, много лет возглавлявший влиятельную газету «Штутгартер Цайтунг», свидетельствует: «Было даже ощущение, что причинённые ею раны никогда не заживут до конца. Почему? Да потому, что эта война не только отняла жизни миллионов людей, но и до основания разрушила государственные, общественные и политические структуры, а также основательно подорвала моральные устои»[3]. Война, несомненно, была огромным потрясением для европейской морали[4].

Первая мировая война в корне отличалась от всех предыдущих войн, причем не только масштабами, ожесточенностью военных действий, миллионными жертвами (только западные державы потеряли убитыми 5 млн. человек), но и своими последствиями, которые не

[1] Указ. по: Уткин А. Уинстон Черчилль. М., 2002. С. 178.

[2] Указ. по: Kałużyński Z. Jak zaczął się wiek XX // Polityka. № 15. 1999. 15 kwietnia. S. 51.

[3] Ференбах О. Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века. М., 2001. С. 35.

[4] Stearns P. N. European Society in Upheaval. Social History Since 1800. London, 1970. P. 308.

inslav

ограничились обычными по окончании войн территориальными переделами, изменением границ, выплатой контрибуций и т. п. Итоги и последствия этой войны оказались чрезвычайно глубокими и далекоидущими, отразившимися практически на всех сторонах жизни западного общества. Остановимся только на тех из них, воздействие которых на базовые характеристики западного общества проявилось особенно рельефно и имело для него особое значение.

Во время войны в воюющих странах значительно сузилась сфера действия рыночных отношений и невиданных размеров достигло вмешательство государства в сферу производства и распределения, которое часто сопровождалось мерами внеэкономического принуждения. Следствием резкого возрастания роли государства в жизни общества стало разбухание государственного аппарата, многократное увеличение числа чиновников, управленцев, служащих, что, в свою очередь, чрезвычайно усилило их влияние на разработку и реализацию государственной политики. Такую смену роли государства в лице правительства и бюрократического аппарата некоторые историки не без оснований назвали «административной революцией»[1].

Вмешательство государства в экономический процесс и сферу социальных отношений поставило под сомнение утвердившиеся в западном обществе принципы либерализма и буржуазной политической экономии. Вместе с тем государственное управление экономикой, элементы планирования, распределения ресурсов и т. п. имели для правящих класов и побочный эффект, а именно: заметно усилили привлекательность социалистических идей, которые декларировали – в теоретическом плане – подобные принципы и раньше. Кроме того, длительная и жестокая война потребовала создания более эффективного механизма принятия государственных решений и оперативного руководства военно-политически операциями, чем это могла обеспечить довоенная парламентская система. Поэтому одним из важнейших политических последствий войны стал кризис парламентаризма и либерализма как доктрины и политической практики. Он углублялся также из-за того, что большинство населения воюющих стран, возмущенное огромными жертвами и резким ухудшением своего материального положения во время войны, ассоциировала их с теми политическими силами и институтами, которые несли ответственность за развязывание войны. К тому же позиции конституционно-представительных органов ослабли вследствие расширения полномочий

[1] См. подробнее: Сич О. Історія західного суспільства в міжвоєнний період (1919–1939 рр.) / Навчальний посібник. Чернівці, 2008. С. 13–15.

inslav

исполнительной власти, которая все чаще стремилась выступать от имени всего государства. Как известно, во время войны в воюющих государствах было сильно ограничено или вообще свёрнуто функционирование демократических институтов и норм, что, в свою очередь, создавало условия для появления такого феномена, как тоталитаризм.

Глубокое разочарование в традиционных – умеренных и элитарных по своей природе – институтах власти и формах конституционного правления класического либерального образца побуждало людей прибегать к прямым действиям, требовать прямой демократии, рождало стремление к созданию органов прямого народовластия. Эти настроения подпитывались и порождённым мировой войной потенциалом озлобленности и психологической готовности немалого числа людей к разрешению возникших перед обществом проблем посредством радикальных методов, вплоть до насильственных[1]. Об этом с тревогой писал упоминавшийся Ф. Нитти: «Микробы ненависти, которые отравили всю европейскую жизнь, понизили культурный уровень молодого поколения и отвлекли его энергию с пути творческих мыслей и стремлений. Ещё немного лет тому назад у молодежи были благородные идеалы, теперь почти в каждой стране она проповедует идеалы насилия. Подрастающее поколение, воспитанное войной, преклоняется больше перед насилием, чем перед справедливостью. Среди миллионов погибших на войне были те, которые жили великими идеалами. Они верили, что сражаются за цивилизацию, они не знали и не могли предвидеть, что Европу наводнит дух варварства»[2].

В результате либерально-демократические институты западной цивилизации стали мишенью для ожесточенных атак как справа (фашизм), так и слева (коммунизм). И хотя коммунисты и фашисты не менее яростно боролись друг с другом, все же подлинная ненависть последних, по словам Р. Осборна, «предназначалась либерально-демократическому парламентаризму – общественному строю, который, по их мнению, позволил слабым повелевать сильными»[3]. Поэтому межвоенный период (1918–1939 гг.) стал временем не просто кризиса, но и почти повсеместного краха конституционного либерализма. До конца этого периода представительные собрания (парламенты) были распущены или лишены реальных полномочий в 17 из 27 ев-

[1] См. подробнее: Сыч А. И. О некоторых социально-психологических последствиях первой мировой войны // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 109–113.

[2] Нитти Ф. Вырождение Европы. М.-Пг., 1923. С. 139–140.

[3] Осборн Р. Указ. соч. С. 666.

inslav

ропейских стран, и еще пять прекратили существование в ходе начавшейся Второй мировой войны[1]. Процесс разрушения западной цивилизации в межвоенное время происходил такими темпами, что от неё остались только отдельные островки – Великобритания, США, Канада, а общее число демократических стран в мире сократилось с 33-х в начале 1920-х гг. до 11-ти в начале 1940-х гг.

Обострившийся в результате войны кризис парламентаризма и либерализма происходил на фоне политической социализации широких слоев населения, а расширение электората (в том числе за счет предоставления избирательного права женщинам) стало заметно влиять на содержание и ход политической жизни. Война усилила процессы внутренней миграции и социальной мобильности населения, резко ослабила сословные различия, обусловила появление значительных маргинальных социальных групп, которые стали играть заметную и далеко неоднозначную роль в формировании политической атмосферы и морального состояния послевоенного общества.

Большие и неоднозначные изменения произошли в общественной морали, в настроениях и поведении людей[2]. Ф. Нитти своей книге «Вырождение Европы» оценивал их однозначно негативно, что «Европа не только лишена моральных устоев, но настолько далеко отброшена назад от Европы, каковой она была сто лет назад..., что не можешь даже понять, как стало возможно такое вырождение... Европа сделала шаг назад на пути цивилизации»[3]. Не углубляясь в анализ проблемы: чего было больше в этих изменениях – позитивного или негативного, констатируем лишь очевидный факт – морально-этические установки западного общества разительно отличались от таковых в довоенное время.

Война привела не только к невиданным человеческим жертвам и страданиям и огромным материальным потерям, но и разрушила одну из главных интеллектуальных основ, на которых, как считалось, зиждилась западная цивилизация на протяжении предшествующих четырех столетий истории, – веру в могущество человеческого разума и основанную на ней веру в прогресс. После войны ощущение безысходности и даже отчаяния заменили наивную веру людей в дальнейший прогресс западной цивилизации. «Преобладающим ощущением межвоенных лет, вырази-

[1] Осборн Р. Указ. соч. С. 662.

[2] См. подробнее: Сич О. І. На зламі двох епох (до питання про зміни в суспільній свідомості після Першої світової війни) // Вісник Державної академії керівних кадрів культури і мистецтва. 2001. № 4. С. 62–70.

[3] Нитти Ф. Указ. соч. С. 15.

inslav

вшимся в большинстве значимых произведений культуры, было ощущение утраты системы координат»[1], – справедливо заметил Роджер Осборн, автор интересного исследования, посвящённого западной цивилизации.

Среди многочисленных геополитических изменений, вызванных войной, одним из наиболее важных стал начавшийся упадок ведущей роли собственно европейской (которая была ядром западной) цивилизации, что стало явлением, безусловно, эпохального значения. Это резко ослабило позиции европоцентризма, определявшего направление цивилизационной эволюции мира в предыдущие несколько веков. Уже упоминавшийся Р. Осборн пишет: «Первая мировая положила конец вере европейских наций в свое богоданное превосходство и «естественный» прогресс; также она показала безосновательность присвоения ими морального права повелевать другими...»[2]. Современный британский историк Джон Киган сформулировал этот тезис в нескольких словах: «Европа перестала существовать как центр мировой цивилизации»[3].

После войны отмеченные явления в основном сохранились, что свидетельствовало об их не временном, порождённом чрезвычайными обстоятельствами, т. е. мировой войной, характере, а о закономерном, объективно обусловленном происхождении.

Итоги и последствия Первой мировой войны обусловили глубинные изменения фактически во всех компонентах тогдашнего общества и определили главные тенденции его развития, по крайней мере, в первой половине XX века. Так, автор популярной книги по истории западной цивилизации Дж. Шпильфогель писал: «Первая мировая война была определяющим событием XX столетия. Она разрушила довоенный экономический, социальный и политический строй Европы, в то время как её сомнительные результаты подготовили путь для еще более разрушительной войны»[4]. А известный американский дипломат Джордж Кеннан в своих мемуарах вообще пришёл к выводу, что в контексте XX века Первую мировую вообще «нужно рассматривать, как рассматривают ее многие думающие люди – в качестве «зародышевой» катастрофы этого столетия, которое в итоге привело западную цивилизацию к упадку»[5].

---

[1] Нитти Ф. Указ. соч. С. 15.

[2] Осборн Р. Указ. соч. С. 658–659.

[3] Киган Д. Первая мировая война. М., 2002. С. 551.

[4] Spielvogel J. J. Western Civilization. Vol. 2. Since 1600. 3rd ed-n. Minneapolis et al., 1997. P. 886.

[5] Указ. по: Ференбах О. Указ соч. С. 40.

inslav

Первая мировая война и ее последствия инициировали процессы, которые привели в середине XX века к существенной, а в ряде аспектов и сущностной трансформации западного общества (и капитализма как его социально-экономической составляющей). Все это даёт основания рассматривать войну 1914–1918 гг. не просто как ещё невиданную до этого в истории, действительно мировую войну, но и как феномен цивилизационного значения.

В.В.Миронов

ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ И ГРАЖДАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ОККУПИРОВАННЫХ ПРОВИНЦИЙ ИТАЛИИ (1917–1918 ГГ.)

В конце октября 1917 г. ведущие газеты Австро-Венгрии обошла сенсация: усиленная германскими дивизиями имперская армия прорвала итальянский фронт, совершив «чудо при Капоретто». В течение нескольких недель с первых полос прессы не сходили публикации о продвижении обеих армий по территории северных провинций Италии[1]. Ошеломляющий военный успех, достигнутый в 12-м по счету сражении на Изонцо (Соче), резко контрастировал с бедственным положением в тылу. В городах остро ощущалась нехватка топлива в условиях надвигавшейся зимы. Система распределения продовольствия, введенная еще в январе 1915 г., была близка к краху[2].

Корреспонденты, описывавшие славный путь австро-венгерской армии, умалчивали о ее мотивации. А она имела мало общего с преподносившейся в печати идеей «страшного суда» над неверным и вероломным союзником[3]. Помыслы сильно изголодавшихся военнослужащих имперской армии были направлены на то, чтобы добыть себе продовольствие. По воспоминаниям словенского офицера М. Ваухника, источник всеобщего воодушевления в период подготовки к прорыву у Капоретто крылся не в патриотизме, а в голоде, от которого страдала армия: «Довольствие было катастро-

[1] Egyed Marie - Theres. Die Kriegberichterstattung // Waffentreue. Die 12. Isonzoschlacht 1917. Begleitband zur Ausstellung des Österreichischen Staatsarchivs. 23. Oktober 2007 - 1. Februar 2008 / Hg. Manfried Rauchensteiner. Hsg. Von der Generaldirektion des Österreichischen Staatsarchivs. Wien, 2007. S. 73-74.

[2] Ibid. S. 65.

[3] Ibid. S. 70.

inslav

фически плохим. Пример. Вечером я как офицер получил кусок вонючей колбасы, в качестве хлеба кукурузную лепешку, которые я положил в сумку. Хлеб был выпечен так, что его нельзя было ни отрезать, ни отломить, а нужно было сразу положить его в сумку, поскольку он разламывался... Поэтому неудивительно, что перед атакой в армии царила эйфория. «Завтра мы поедим по настоящему», – говорили солдаты, – «в итальянских окопах мы найдем все. Мясо, рис, кофе, белый хлеб, печенье, шоколад, вино, ликер. У итальянцев всего этого в достатке». Это не требовало никаких зажигательных обращений со стороны генералов и других офицеров. Это было наступление сомневающихся, которые едва могли ожидать, по настоящему поесть и выпить, не зная о том, должны ли они будут за это погибнуть или стать инвалидами»[1]. Обессиленные от голода военнослужащие на пути наступления часто отставали от своих формирований[2].

В ходе продолжавшегося до начала декабря 1917 г. наступления австро-германские войска взяли в плен 250.000 военнослужащих итальянской армии и захватили значительные трофеи. Фронт стабилизировался на реке Пьява и в районе горного массива Монте Граппа. Под контроль оккупационных держав перешла территория площадью 140 тыс. кв. километров. В административном отношении она охватывала провинцию Удине, Беллюно и части провинций Венеция, Тревизо и Виченца. По данным переписи населения, проведенной весной 1918 г. военными властями, на оккупированной территории проживало 731.416 человек. В мирное время население указанных провинций насчитывало около миллиона жителей. Верхушка общества, включая чиновников, помещиков, интеллигенцию, священников, бежала вместе с отступавшей армией во внутреннюю Италию. Сельское население и беднейшие слои города остались в местах своего проживания[3].

В центре внимания статьи - комплекс проблем, связанных с характером взаимоотношений между оккупационной австро-венгерской

[1] Цит по: Verginella M. Die Isonzofront in der slowenischen Literatur und in Aufzeichnungen slowenischer Soldaten // Isonzo-Protokoll / Hsg. von Moritsch A. und Tributsch G. Klagenfurt-Ljubljana-Wien, 1994. S. 61–63.

[2] Österreichisches Staatsarchiv (Wien) – (далее – ÖStA) – Kriegsarchiv (далее-KA) – Militärgerichtsarchiv (далее – MGA), Gericht der 28. Infanteritruppendivision (далее - ITD), Karton 2909/1916–1918, Strafakt E 5283/1918, Straka Vinzenz, Strafakt E 4813/1918 Johann Juřik, Strafakt E 4927/1918 Jary Franz.

[3] Mayerhofer C. Die österreichisch-ungarische Militärverwaltung in den besetzten Gebieten Italiens, November 1917 – Oktober 1918. Wien, 1970. Univ. Diss. S. 7–9; Corni G. Die Bevölkerung von Venetien unter der österreichisch-ungarischen Besetzung 1917/1918. Ein „Versäumnis" der Geschichtsschreibung // Zeitgeschichte, 17 Jg., Heft 7/8 (Wien). 1990. S. 312–314.

inslav

армией и местным населением. При подготовке статьи автор опирался на документы и материалы, хранящиеся в Венском военном архиве (Австрия).

Отсутствие материальных ресурсов и кадровая проблема заставили оккупантов отказаться от планов учреждения единого генерал-губернаторства. В декабре 1917 г. между Австро-Венгрией и Германией было подписано соглашение о разделе военной добычи, установившее пропорцию 1:1[1]. Германские войска находились в Италии до весны 1918 г., после чего были переброшены на Западный фронт. Территория оккупированных провинций подчинялась командованию Конрада фон Гетцендорфа (10-я и 11-я армии) и учрежденному в январе 1918 г. командованию армейской группы Светозара Бороевича фон Бойны (Изонцская и 6-я армии)[2]. 22 ноября 1917 г. Верховное командование издало распоряжение, передававшее всю полноту судебных полномочий военным трибуналам. С этой целью при каждом военно-судебном органе первой инстанции (претура) и каждом трибунале учреждался уголовный суд, укомплектованный из офицеров юридической службы. Сфера действия распоряжения охватывала наиболее тяжкие преступления, совершавшихся против вооруженных сил: подстрекательство к нарушению воинского долга, шпионаж, агитация. 21 января 1918 г. оглашением законов военного времени расширилась компетенция трибуналов. Под смертную казнь подпадали измена, оскорбление Его Величества, нарушение общественного порядка, намеренное повреждение железнодорожных путей и телефонных линий, убийство, кража и мошенничество[3]. Жителям запрещалось покидать свой округ без письменного разрешения (пропуска) военных властей. Для пресечения контактов с врагом, местному населению не разрешалось разжигать костры, подавать световые сигналы, звонить в колокола, вывешивать белье во дворах, собираться на сходки, укрывать военнослужащих итальянской армии, портить источники и колодцы, утаивать продукты и товары, особенно военного назначения. Все оружие и боеприпасы подлежали немедленной сдаче ближайшей военной комендатуре[4]. Особые страдания выпали на долю тех жителей, жилища которых находились на расстоянии десяти километров от реки Пьява, служившей линией фронта. В начале

[1] Rauchensteiner M. Der Tod des Doppeladlers. Österreich -Ungarn und der Erste Weltkrieg. Graz-Wien-Köln, 1994. 2 Aufl. S. 522.

[2] Cornwall M. The Undermining of Austria-Hungary: the battle for hearts and minds. Basingstoke - London - N. Y., 2000. P. 82.

[3] Mayerhofer C. Op.cit. S. 234–236.

[4] Ibidem.

inslav

декабря 1917 г. тысячи людей были принудительно эвакуированы, став вынужденными переселенцами[1].

Было бы упрощением представлять себе опыт, приобретенный обеими сторонами, в черно-белых тонах, проводя четкий водораздел между «хорошими» (местное население) и «плохими» (оккупанты). Со временем по мере ухудшения снабжения продовольствием армии и местного населения наладилось взаимодействие, источником которого стало взаимное сочувствие. По меткому замечанию итальянского исследователя Г. Корни, «с обеих сторон заметили, что находятся в одной и той же лодке, лодке полной голода и безнадежности»[2].

Войска Австро-Венгрии и Германии вступили в провинции, до 1866 г. принадлежавшие Габсбургам. Это вызвало в ряде мест всплеск ностальгии по временам Австрийской империи. В Порденоне из толпы зрителей вышла группа женщин, преподнесшая сигары вошедшим в город военным. Вскоре в сознании населения произошла четкая дифференциация. Германские военнослужащие проявили себя варварами, чиня насилия и грабежи, а в облике австрийских солдат местным бросилась в глаза, прежде всего их человечность. Солдаты австровенгерской армии запомнились своей изношенной униформой и легко читавшимся на их лицах голодом[3].

Первое время изголодавшиеся солдаты, пользуясь царившей неразберихой, были поглощены грабежами не оказывавшего сопротивление итальянского населения. В немалой степени произвол военных был спровоцирован самим командованием, разрешившим самоснабжение армии в период осеннего наступления 1917 г. за счет местного населения. Высокие темпы продвижения войск чрезвычайно затруднили своевременный подвоз продовольствия и амуниции из тыловых районов. Судя по материалу уголовных дел, вставшие на преступный путь военнослужащие руководствовались «правом победителя», не считая свои действия чем-то предосудительным и противозаконным. Так, 10 ноября 1917 г. в Тамбре преступный дуэт в составе фельдфебеля и пехотинца присвоил золотые украшения и предметы одежды, хранившиеся в шкафу у местной жительницы. По показаниям подсудимых, вскоре представших перед военным трибуналом 55-ой пехотной дивизии, они «были совсем завшивлены и хотели надеть на себя новое белье, для чего чувствовали себя полностью правомочными во вражеской стране, тем более что они (подсудимые. – В. М.) видели, что каждый брал то, что хотел, и

[1] Corni G. Op. cit. S. 315–316.
[2] Ibid. S. 312.
[3] Ibid. S. 315.

inslav

никто ему не мешал. Пришел приказ, что войска должны питаться со страны». Отправлявшие судейские полномочия офицеры солидаризировались с подсудимыми, вынеся им оправдательный приговор. В октябре 1918 г. Верховное командование отменило данное судебное решение, подчеркнув, что «...подобный приказ (приказ о самоснабжении. – В. М.) не дает права отдельному солдату лично обогащаться за счет населения в оккупированных областях, грабить и совершать кражи. Оглашением законов военного времени рядовые предостерегались от таких действий, и обращалось их внимание на их уголовную наказуемость. В настоящем случае речь идет не о предметах, которые служили для удовлетворения потребностей в пище и одежде, а о ценностях, которые подсудимые, по их словам, хотели прихватить на память...»[1].

Военное присутствие в чужой стране накладывало свой отпечаток на поведение рядового и командного составов. Взаимоотношения расквартированных в населенных пунктах военнослужащих с мирными жителями нередко характеризовались насилием, в том числе сексуальным. Многие преступления совершались в состоянии алкогольного опьянения. Нижним чинам было сложно удержаться от подобного соблазна в стране с развитой культурой виноделия. Помутившееся сознание оккупантов отказывалось признать тот факт, что их возлияниям может быть поставлен какой-то ограничитель. Желание победителей превращалось в закон для побежденных. Типичны в этом отношении установленные следствием обстоятельства тяжелой травмы, нанесенной 4 февраля 1918 г. захмелевшими австрийскими военными проживавшему в Витторио Венето двадцатилетнему Виторио Д. Расквартированные в двух хлевах его дома восемнадцать солдат под началом формейстера, не довольствуясь распитыми 3–4 литрами вина, потребовали от хозяина «продолжения банкета». Отказ Виторио Д. пойти навстречу потерявшим над собой контроль военнослужащим вызвал с их стороны бурную реакцию. Формейстер ударил хозяина в лицо и тот, опасаясь нападения всех находившихся в хлеву солдат, поспешил выбежать из помещения. Вскоре он заметил, что два военнослужащих пошли за ним следом. Виторио Д., вытащив спрятанную поблизости от хлева итальянскую винтовку, найденную им в январе того же года, выстрелил в воздух. Он хотел только напугать преследовавших его военнослужащих, но выстрел произвел обратный эффект: набросившись на Виторио Д., они

[1] ÖStA - KA - MGA, Gericht der 55. ITD, Karton 7232/1917–1918, Strafakt K 747/1918, Knodel Robert, Latinovic Jovo. K.u.k. Armeeoberkommando, Pers. №. 23667 JR 1918, 11.10.1918.

inslav

вырвали из его рук винтовку. Ее штыком формейстер дважды нанес удар в лобную кость итальянца, а другой военный пустил в ход кулаки. В итоге житель Витторио Венето потерял сознание. Вскоре из потерпевшего он превратился в обвиняемого за несдачу огнестрельного оружия[1]. Приобщенное к делу медицинское заключение позволяет судить о степени тяжести причиненного здоровью мирного жителя вреда: «В области лобной кости находится нанесенная ножом рана; она длиной 8 см., вертикально направлена и проходит сквозь мягкие ткани и толщину лобной кости, откуда выступает мозговое вещество. Слева от раны находится вторая, идущая сверху вниз и слева направо, почти достигая нижнего конца первой раны. Она также проходит через мягкие ткани и кости черепа, откуда выступает мозговое вещество. Между обеими ранами под кожей находится подвижный осколок кости, удаленный несколько дней назад...»[2].

Случалось, что распоясавшиеся оккупанты пускали в ход кулаки против женщин. 13 февраля 1918 г. трибунал 58-ой пехотной дивизии приговорил формейстера 1-го полка полевой артиллерии Л. Крафта к месяцу гарнизонного ареста. Ему инкриминировалось избиение в состоянии алкагольного опьянения крестьянина Л. Бальдисини и его дочери. Войдя в хлев, осужденный ударил занятую кормлением животных младшую дочь Л. Бальдисини, на крики которой прибежал отец. Крафт нанес ему удар в лицо. На просьбу Л. Бальдисини урезонить хулигана, обращенную к присутствовавшему там же взводному, Крафт повторно ударил в лицо крестьянина, держа в руке сложенный перочинный нож[3].

Обеспечение правопорядка в оккупированных провинциях возлагалось на полевую жандармерию. К ее компетенции относились розыск дезертиров и лиц, обвинявшихся в шпионаже, задержание военнослужащих без документов, военнопленных и контроль над итальянскими военнообязанными[4]. В докладе, подготовленном комендатурой г. Удине в апреле 1918 г. (резиденция командования армейской группы С. Бороевича фон Бойны) среди прочего обращалось внимание на состояние общественной безопасности. Констатируя полное отсутствие правонарушений со стороны насе-

[1] ÖStA-KA-MGA, Feldkriegsgericht (далее – FKG) der 6. Armeekommando (далее – 6 AK) (Quartiermeisterabteilung), Karton 2209/1918, Strafakt K 710/1918.

[2] Ibidem. Gutachten und Krankengeschichte.

[3] ÖStA - KA - MGA, Gericht der 58. ITD, Karton 2944/1918, Strafakt K 143/1918, Leopold Kraft. Urteil von 13.02.1918.

[4] Geschichte der Gendarmerie in Österreich-Ungarn. Adjustierung 1816-1918. Einsätze im Felde 1914 - 1918 / Hrsg. von Hinterstoisser H. und Jung P. Wien, 2000. (Österreichische Militärgeschichte. Sonderband 2000 - 2). S. 145.

inslav

ления, способных вызвать беспорядки, автор доклада отмечал, что угрозу безопасности мирным жителям создавали размещенные в сельской округе маршевые формирования и проходившие обучение воинские части. Вследствие недостаточного довольствия рядового состава и лошадей наблюдались кражи скота, птицы, продуктов и кормов. Тесно связанными с кражами оказывались деликты, совершавшиеся военнослужащими как в отношении пытавшихся защитить свою собственность гражданских лиц, так вмешивавшихся военно-контролирующих органов. В докладе приводились факты убийств и нападений на жандармов со стороны военнослужащих. Так, 28 февраля 1918 г. пьяными солдатами был убит ефрейтор полевой жандармерии Сенянович, а 30 марта жандармы Грюнфельд и Цех при задержании ворвавшихся на отдаленный хутор мародеров получили тяжелые ранения[1].

Целые воинские подразделения зачастую сбивались в банды, терроризируя сельское население и вступая в вооруженные стычки с патрулями жандармерии[2]. Дневники гражданских лиц и материалы, собранные королевской следственной комиссией по окончании войны, передают страдания, выпавшие на долю сельского населения: «Вражеские солдаты врывались в дома с примкнутыми штыками, и брали все, что им нравилось. Горе тому, кто смел возражать. Первое время солдаты действовали сообща, по 10–20 человек, а часто и больше, прочесывая ночью местность, переходя от дома к дому и забирая с собой домашних животных и все, что они находили. Ночью можно было слышать не что иное, как крики жителей о помощи»[3].

Контакты военных с итальянским населением рисовались австрийской пропагандой в самых радужных тонах. С помощью фотографической инсценировки перед неискушенным читателем иллюстрированных изданий выстраивалась галерея женских образов оккупированных провинций. На фотоснимках местные женщины, занимаясь хозяйством, легко вели непринужденную беседу с оккупантами. Фотоматериал производил впечатление того, что вторгшаяся в страну австро-венгерская армия нашла открытыми не только ее двери, но и сердца итальянских женщин[4]. Реальные, а не приукрашенные пропагандой взаимоотношения между военнослужащими оккупационной армии и женским населением носили куда более

[1] Ibid. S. 144.
[2] Mayerhofer C. Op.cit. S. 209.
[3] Цит по: Corni G. Op. cit. S. 322.
[4] Holzer A. Die andere Front. Fotografie und Propaganda im Ersten Weltkrieg. Mit Originalaufnahmen aus dem Bildarchiv der ÖNB. Darmstadt, 2007. S. 223–224.

inslav

сложный характер. Из материалов уголовного дела, заведенного против капрала 30-го пехотного полка А. Цимбы и рядового 22-го пехотного полка А. Разнятовского по обвинению в изнасиловании следует, что вечером 11 января 1918 г. в Портогруаро подследственные пришли в дом к П. Кампагни, потребовав вина. Получив отказ, один из них схватил домовладельца за грудь, посадив на стул. Оба военнослужащих зашли в следующий дом, правильно расплатившись за проданные его хозяином два литра вина. Уходя один из солдат хотел поцеловать племянницу хозяина, которая не дала ему на это разрешение. От второй попытки солдат отказался. Между 11 и 12 часами вечера 11 января оба фигуранта, прийдя в Сан Стино, постучались в дом К. Паванелло. По голосам просивших погреться военнослужащих она поняла, что разговаривает с пьяными и не пустила их в дом. Разговор привлек внимание соседей, немедленно известивших отца молодой женщины. Войдя в дом своей дочери, он застал двух солдат. По словам К. Паванелло, они проникли в помещение против ее воли. Спросив о дороге на Портогруаро, оба поспешили удалиться. Расследование, которое велось юридической службой командования 23-го корпуса, было приостановлено[1].

Опасность для итальянских женщин могла исходить от сослуживцев, зашедших в гости к расквартированным в их жилищах военнослужащим. Одна из таких историй произошла в Фонцазо (округ Беллюно), где была изнасилована беременная женщина. По показаниям Марии С., снятым 3 сентября 1918 г. в гражданском госпитале г. Фельтре, 21 января 1918 г. в ее доме было расквартировано три солдата и один капрал. Попросив хозяйку о разрешении готовить пищу, они получили ее согласие. Однажды к расквартированным у нее военнослужащим пришел один взводный. Поужинав, они нашли на кухне четыре литра вина. Хозяйка отдала им литр. Показания жертвы содержат подробное описание изнасилования: «...я сказала обвиняемому по-итальянски, что время ложиться спать и поскольку он меня плохо понял, я взяла его фуражку и шинель и отдала их ему со словами «спать». Обвиняемый надел фуражку, встал из- за стола и так ударил кулаком по столу, что погасла лампа. В возрасте восемнадцати лет я приехала в Инсбрук и провела там три года, работая няней и немножко выучив немецкий (обвиняемый был босняком. – В. М.). Все же спустя время я могла что-то забыть... Когда погасла лампа, я побежала к двери, так как боялась того, что он может со мной сделать и к тому же я была одна. Я закричала по-итальянски

[1] ÖStA – KA – MGA, Gericht der 23. Korpskommando, Karton 2607/1918, Strafakt K 44/1918, Ziemba Andreas, Rozniatowski August.

inslav

«на помощь» и «пожар», высунулась из двери, когда обвиняемый прыгнул на меня и, зажав мне рот рукой, потащил на кухню...»[1]. Показания были сняты также с повивальной бабки Аргенты Делации, обнаружившей жертву на следующий день с синяками на лице, руках и дрожавшей всем телом. Спустя месяц у Марии С., находившейся на восьмом месяце беременности, случились преждевременные роды. Ребенок, прожив одиннадцать дней, умер. После родов женщина с жалобой на сильные боли поступила в госпиталь г. Фельтре, где лечилась пять месяцев. Вместе с тем, повивальная бабка охарактеризовала жертву как легкомысленную особу, указав, что ее муж находился в Америке, а своего первого сына она родила от итальянского солдата[2].

Разумеется, приведенный материал не означает, что взаимоотношения между оккупантами и местными женщинами складывались лишь по принципу «победитель – побежденные», исключая всякую взаимную симпатию. Идя на контакт с плохо снабжавшихся продовольствием оккупантами, по крайней мере, с представителями рядового состава, женщины не могли извлечь серьезных дивидендов из возникавших интимных связей. В ноябре 1917 г. откомандированные в пекарню своего полка трое босняков остановились на ночлег у одной женщины в г. Фельтре. На поиски переведенного в другой район полка ушло чуть больше недели. Обвинявшийся в дезертирстве пехотинец Булич сделал большой «крюк», отправившись из Беллюно в Витторио Венето, а оттуда снова прибыв в Фельтре к своей возлюбленной. Допрошенная трибуналом 55-ой пехотной дивизии двадцатилетняя служанка Р. Милоранеа показала, что пришедшие к ней три босняка вели себя прилично, никому ничего не сделав. Затем она охарактеризовала свои отношения с подследственным: «...В конце декабря или начале января обвиняемый снова пришел к нам и находился у нас четырнадцать дней. Это правда, что у меня была с ним небольшая любовь. Он питался у нас и когда ушел, заплатил 10 крон. Я не хотела их брать»[3]. Учитывая пестрый этно-конфессиональный состав Боснии-Герцоговины, необходимо отметить, что служанка и сожительствовавший с ней военнослужащий исповедовали католицизм. Конфессиональная общность, по всей видимости, способствовала их взаимному сближению.

---

[1] Цит по: ÖStA – KA – MGA, Gericht der 28. ITD, Karton 2909/1918, Strafakt K 2125/1916 - 1918 Tanovic Halid, Zeugenvernehmung, 3.9.1918 in Zivilspital in Feltre.

[2] Ibidem, Protokoll aufgenommen am 17.10.1918 mit Argenta Delazia.

[3] Цит по: ÖStA - KA - MGA, Gericht der 55. ITD, Karton 4324/1918, Strafakt E 112/1918, Bulič Josef, Vernehmung des Beschuldigten, 3.02.1918. Zeugenvernehmung, 13.02.1918. Rozina Miloranea.

inslav

С первых дней оккупации военные вопреки директиве командования армейской группы С. Бороевича фон Бойны проводили реквизиции продовольствия, белья и кормов по своему усмотрению. В округе Сачиле 57-я пехотная дивизия обобрала местное население «до нитки». Комиссия, направленная командованием 6-ой армии, изъяла у воинских частей дивизии еще не распределенные среди военнослужащих запасы продовольствия и одежды. Особое возмущение местного населения вызвала акция, проведенная 28 марта 1918 г. 2-м стрелковым батальоном, дислоцированным в Торре (округ Порденоне). Личный состав батальона, разделившись на группы по 18 человек каждая, провел систематический обыск домов мирных жителей. Наряду с бельем и другим текстилем были конфискованы продукты, деньги и драгоценности. Реквизиция была настолько основательной, что население осталось одетым в чем было[1]. Уголовное дело, открытое против подпоручиков Л. Копштейна и А. Уно, а также группы рядовых, проливает свет на причины «узаконенного грабежа». Как уже было отмечено выше, высшие слои общества, не дожидаясь прихода германских и австро-венгерских войск, поспешно бежали, не успев вывезти свое имущество. Завладеть им рассчитывали реквизиторы. По свидетельским показаниям К. Тиорентини из Витторио Венето, состоявшей в родстве с выехавшим из города накануне его оккупации адвокатом А. Тиорентини, она получила на хранение от своего брата все его вещи. Опасаясь кражи со взломом, сестра передала в начале декабря 1917 г. своей знакомой пять чемоданов и один мешок с предметами одежды. 5 февраля 1918 г. в дом Й. Касагранде, у которой хранились вещи, пришли два офицера вместе с рядовыми и вопреки ее возражением изъяли все имущество адвоката. Уголовное дело было прекращено 23 октября 1918 г.[2] Офицер 3-го боснийско-герцоговинского полка П.Бласкович отмечал в своих воспоминаниях, что итальянское население сносило свои муки стоически и на жестокости оккупантов отвечало благородным и культурным поведением[3].

Из оккупированных провинций Италии в Австро-Венгрию двинулись эшелоны с награбленным у населения имуществом. Факт его контрабандного ввоза не ускользнул от внимания властей. Под следствием оказались как высшие военные чины, так и военнослужащие

[1] Mayerhofer C. Op.cit. S. 209.

[2] ÖStA-KA-MGA, FKG der 6. Armeekommando (далее – 6 AK) (Quartiermeisterabteilung), Karton 2599/1918, EN 20014/1918. Kopstein L., Uno A., Peto J., Toht K., Tišcric J.

[3] Mit den Bosniaken im Weltkrieg. Auszug aus Pero Blaškovic „Sa bosnjacima u svejtskom ratu“ (Schriftenreihe der Landesverteidigungsakademie Wien, Bd. 3). Wien, 2001. S. 44.

inslav

более низкого ранга. Так, 10 апреля 1918 г. командование армейской группы С. Бороевича фон Бойны распорядилось допросить генерал-майора Киндля и поручика Цвирцину о том, каким образом они завладели в ноябре 1917 г. отправленными с вокзала в Првачине предметами и кого они могли назвать свидетелями. Вопросы следствия вызвало декларирование отправленного груза как военно-фрахтового материала. Но аудитор, ведший дело, не решился вызвать на допрос представителя генералитета, за которого пришлось «отдуваться» поручику. В итоге дело было прекращено в отношении всех его фигурантов[1]. Строго запрещался вывоз культурных ценностей из оккупированных провинций. Особо ценные объекты хранились в г. Удине специально созданной комиссией. Под тем предлогом, что в период оккупации австрийской территории (1915–1917 гг.) произошло перемещение предметов исскусства, некоторые обнаруженные в Италии экспонаты были отправлены в Венский военный музей в качестве залога[2].

Произвол реквизиционных отрядов вызывал подчас резкую эмоциональную реакцию местных жителей, переносившуюся на представителей оккупационной армии в целом. Так, 5 апреля 1918 г. командир патруля 7-го драгунского полка Й. Зидль получил приказ от ротмистра фон Свойтинского приготовить для него комнату в доме А. Аццаны, проживавшей в г. Удине. В комнате отсутствовала электролампа. Заметив, что у Аццаны имелось две электролампы, Зидль хотел перенести одну из них в помещение, предназначавшееся для ротмистра. Домовладелица выставила за дверь командира патруля, грубо обругав его и ротмистра. Свой поступок она оправдывала тем, что «все реквизируется солдатами без разрешения»[3]. Наблюдавшееся увеличение интенсивности реквизиций окончательно дискредитировало их мнимую законность, освещенную командованием оккупационной армии. В сознании местного населения постепенно стиралось различие между официально предписанной сдачей продуктов и предметов одежды и никем, не санкционированным отъемом всего ценного[4]. Обыватели, испытывая страх перед возможным произволом проводившей реквизицию воинской части, спешили известить о ее действиях полевую жандармерию. Прибывшие на место стражи порядка нередко сталкивались с неподчинением офицеров, командо-

[1] ÖStA-KA- MGA, Gericht der 58. ITD, Karton 9598/1918, , K1102/18, k.u.k. AOK, Pers. №. 7222. JR 1918.

[2] Rauchensteiner M. Op.cit. S. 523.

[3] ÖStA-KA-MGA, Gericht des k.u.k. Distriktskommandos Udine, Karton 9536/1917-1918, E 449/18 Azzana Anna, k.u.k Feldgendarmerieabteilung VI Udine an das k.u.k Etappen-Stationskommando in Lauzacco, 6.04. 1918.

[4] Corni G. Op. cit. S. 319.

inslav

вавших подобными акциями. Согласно показаниям поручика 4-го боснийско-герцоговинского полка М. Сулейманпашича, 10 января 1918 г. его рота получила приказ провести реквизицию изделий из меди и отходов деревообработки у жителей Чесио Маджиоре (округ Беллюно). По словам офицера, гражданские лица сами сносили отходы и медь из своих домов в указанное им место. М. Сулейманпашич подчеркнул, что в ходе акции изымались исключительно перечисленные командованием 55-й пехотной дивизии предметы. Офицер апеллировал к солдатам и гражданским лицам, которые, с его слов, были готовы подтвердить, что реквизиция белья, покрывал и скатертей не проводилась[1].

Зачастую к реквизициям предметов одежды военнослужащих боснийско-герцоговинских полков толкала крайняя нужда. Подполковник С. Кватерник (до войны видный деятель хорватского национального движения), побывавший в расположении боснийско-герцоговинских частей по поручению командования 6-ой армии, зафиксировал на фотопленке, что солдаты не имели полного комплекта обмундирования. Их униформа была сильно изношена и пестрела предметами одежды разных родов войск. В госпиталях раненые лежали на кроватях обнаженными за отсутствием пижам[2]. Страдавшие от голода босняки досаждали местным жителям, самовольно выкапывая картофель на принадлежавших им полях[3]. Огромный размах приобрели кражи продовольствия. В ночь на 30 апреля 1918 г. из дома Д. Цанелла в Чесио Миноре (округ Беллюно), где дислоцировалась учебная рота 55-го штурмового батальона 4-го боснийско-герцоговинского полка, в результате кражи со взломом было похищено 60 кг. кукурузной муки, 20 кг. фасоли и 20 кг. кукурузы. Жандармы, производившие обыск домов в Чесио Миноре, заметили в одном из них пехотинца, спрыгнувшего с крыши через поврежденный потолок и пустившегося наутек. При основательном осмотре потолка были обнаружены 4 мешочка фасоли по 3 кг., 3 мешочка кукурузной муки весом 10 кг., спрятанных под сеном[4].

Выход из создавшегося положения виделся военнослужащим в налаживании меновой торговли. Вместе с тем, товарообмен не был столь

[1] ÖStA-KA-MGA, Gericht der 55. ITD, Karton 3780/1918, Strafakt E 68/1918 Sulejmanpasic Muhamed, Vernehmung des Beschuldigten, 19.02. 1918.

[2] Rauchensteiner M. Op.cit. S. 597.

[3] ÖStA-KA-MGA, Gericht der 55. ITD, Karton 5041/1918, Strafakt 815/18, Budimčić Mrdan.

[4] ÖStA-KA-MGA, Gericht der 55. ITD, Karton 3781/1918, Strafakt E 2244/1918 Tulta Salik, K.u.k Feldgendarmeriekommando №. XIX. An das K.u.k 1. Korpskommando, 30.04.1918.

inslav

пафосно обставлен, как он изображался в сценках, разыгранных в пропагандистских целях перед объективом фотокамеры[1]. Как правило, на мену со стороны нижних чинов предлагались похищенные ими казенные вещи. 28 января 1918 г. проживавший в общине Ламон (округ Беллюно) торговец Л. Фачин хотел забрать матрацы, сданные в прокат расквартированным в местной больнице войскам. Но размещенные там военнослужащие заявили, что ничего не отдадут без присутствия жандарма. Осмотревшие палаты спустя короткое время страж порядка и торговец не обнаружили в них матрацев. Вскоре стало известно, что два военнослужащих пытались обменять у местных жителей матрацы на продукты, и они были задержаны. Оба солдата совершили проступок из-за сильного голода и отделались пятидневным арестом[2].

Вопреки чинившихся армией насилию и произволу случаи открытого неповиновения местного населения оккупационным властям исчислялись единицами. Мирные жители зачастую оказывали пассивное сопротивление, стимулируемое пропагандистскими материалами итальянской армии. Э. Эрвезо, жившая неподалеку от Конельяно, совершала длительные пешие прогулки по отдаленным деревням, чтобы известить их население о скором возвращении своих. Поведение оказавшейся за решеткой женщины было типичным для многих других, у которых новые власти конфисковали продовольствие и собственность[3].

Совершенно невыносимым порой становилось вынужденное соседство армии и местных жителей. Конфликты, возникавшие на этой почве, окрашивались местным колоритом. Казарменная австрийская дисциплина вступала в противоречие с жизненным укладом итальянцев. Анализ архивных материалов показывает, что подобного рода инциденты, возникая по незначительному поводу, выливались зачастую в острое и бескомпромиссное столкновение с оккупантами. Вечером 15 мая 1918 г. в Томо персонал кухни опрокинул наполненный водой таз через разграничительную стену, отделявшую здание офицерской столовой от домов местных жителей. Следствием стал поднятый ими невыносимо громкий шум. Выглянувшие из окон своих домов жильцы, повернувшись к окну офицерской столовой, стали исторгать грубые ругательства и угрожающе жестикулировать. Офицеры, не выходя из помещения, безуспешно пытались остановить обрушившийся на них поток оскорблений. Для усмирения продолжавшего исторгать

[1] Holzer A. Op. cit. S. 224–225.

[2] ÖStA-KA-MGA, Gericht der 28. ITD, Karton 2909/1918, Strafakt E 4543/1918, Hampacher Emanuel, Wenzel Hrnčiř. k.u.k. Feldgendarmerieposten Lamon an das k.u.k. Feldgericht der 28. ITD., 29.1.1918.

[3] Cornwall M. Op. cit. P. 150.

inslav

грубые ругательства Депаули Д., стоявшего в полутора-двух метрах от окна столовой, во двор вышла группа офицеров. Старший потребовал от итальянца снять шляпу и, получив отказ, сбил ее с головы последнего прогулочной тростью. Пришедший в ярость Депаули Д., изготовился для нападения, взяв в левую руку камень размером с детскую голову, а вправой держа предмет длиной 30 см., очевидно, нож. Подойдя ближе к итальянцу, офицер крепко схватил его за обе руки, приказав отконвоировать арестованного[1].

Таким образом, вторгшаяся в северную Италию австровенгерская армия прошла в течение одного года путь физической и морально-психологической деградации. Если первые месяцы оккупации вселяли оптимизм мнимой неисчерпаемостью материальных ресурсов захваченной территории, то к октябрю 1918 г. обнаружилась полная несостоятельность подобных надежд. Голод и недостаток обмундирования запрограммировали военнослужащих на совершение, по крайней мере, мелких преступлений. Первый период оккупации сопровождался неизбежным в условиях временного безвластия разгулом грабежей и мародерства.

Кражи продуктов у населения и казенного имущества стали повседневным явлением. Страдавшие от голода и недостатка обмундирования военные наводили своим поведением ужас на местное население. Вместе с тем в сознании обывателей отложился дифференцированный образ австрийских военных. Подмоченная репутация австровенгерской армии не мешала итальянскому населению, в частности женщинам идти на контакты с оккупантами. Мирные жители в целом воздержались от открытого неповиновения. Случаи политически мотивированного сопротивления были крайне немногочисленны. Командование оккупационной армии терпимо относилось к прегрешениям своих военнослужащих.

В. П. Фисанов

ЮГОСЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США (ЯНВАРЬ 1918 Г. – АПРЕЛЬ 1919 Г.)

Появление на исходе 1918 г. (1 декабря) на карте Европы Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС) было результатом

[1] ÖStA - KA- MGA, Gericht der 55. ITD, Karton 6397/1918, Strafakt K 331/18. Depauli Guiseppi, k.u.k. Divisionskommando 55 an das k.u.k Kantonierungsgruppenkdo Tomo, 20.5.1918.

inslav

многовековой освободительной борьбы славян Балканского полуострова, кульминационный момент которой пришелся на период первой мировой войны. Процессу становления югославянской государственности предшествовало противоборство политических сил не только в рамках Австро-Венгрии, но и на международной арене.

Внешнеполитические аспекты возникновения независимой Югославии анализировались в советской историографии[1]. Вместе с тем позиция США в югославянском вопросе на заключительном этапе войны и в ходе Парижской мирной конференции не стала предметом детального рассмотрения. Выходящие в последнее время обстоятельные публикации архивных документов позволяют полнее раскрыть механизм принятия внешнеполитических решений в отношении национальных проблем Центральной и Юго-Восточной Европы, а также сопоставить позиции президента, госдепартамента и пропагандистских служб США. Цель данной статьи – определить место югославянской проблемы в контексте внешнеполитического курса США в регионе. Хронологические рамки охватывают период с момента провозглашения программы американских военных целей в январе 1918 г. до возникновения в апреле 1919 г. кризисной ситуации в американо-итальянских отношениях при обсуждении югославянской проблемы.

В первые военные годы любые упоминания о возможном объединении югославянских народов в одном государстве были непопулярны в правящих кругах США. В этом вопросе Вашингтон находился, по-видимому, под влиянием лондонских политиков. Не случайно член британского военного кабинета лорд Милнер, беседуя в конце 1917 г. с представителем США У. Баклером, заметил, что «проекты Великой Сербии, или Юго-Славии» кажутся ему химерическими[2].

Однако на пропагандистском уровне югославская проблема наряду с «чехословацким фактором» использовалась Вашингтоном в качестве рычага давления на Австро-Венгрию с целью склонить Вену к заключению сепаратного мира с Антантой. Разрабатывая программу военных целей США, эксперты созданного в конце 1917 г. специального комитета «Инкуайри» У. Липпман и С. Мезес в рекомендациях президенту Вудро Вильсону предложили использовать для максимального ослабления Австро-Венгрии национальные движения чехов и югославян[3]. Оценивая ситуацию на Балканах, они отметили, что в

---

[1] Писарев Ю. А. Образование югославского государства. М., 1975; Лихач (Сахновский) Е. В. Корфская декларация 1917 г. и буржуазное общественное мнение Великобритании // Советское славяноведение. 1979. № 5.

[2] The Papers of W. Wilson. Princeton, 1984. Vol. 44. P. 547.

[3] Ibid. Vol. 45. P. 460, 470.

inslav

данном случае необходимо учитывать соотношение национального и экономического факторов. При этом подчеркивалось, что соображения экономической целесообразности (с учетом объединительных тенденций) должны перевесить националистические устремления.

Несмотря на тщательную проработку югославянской проблематики на подготовительном этапе, она практически не затрагивалась в речи президента по поводу американских военных целей (эта программа более известна как «14 пунктов» Вильсона, с которой он выступил в конгрессе 8 января 1918 г.). Так, в посвященном австро-венгерским проблемам пункте X в самой общей форме говорилось о предоставлении народам Дунайского бассейна широчайшей автономии в рамках габсбургской системы[1].

Осторожность президента Вильсона и его помощников при составлении текста самой речи вполне объяснима. Ведь Австро-Венгрия не была простой этнической мозаикой: это была империя смежных, иногда до абсурда запутанных иерархических соподчинений и взаимовлияний. Как писал один из современников, каждый, кто начинает изучать этническую карту Центральной Европы, должен признать, что история «не способствовала справедливому проекту относительно осуществления национальной свободы. Это особенно касается Австро-Венгрии и Балканского полуострова». И далее: «Если кто-нибудь пожелает обозреть [всю] карту от Карпат и далее на юг до Македонии – короче говоря, весь этот регион Дунайского бассейна – тот в конце концов осознает мысль чешского историка Палацкого, который когда-то сказал: «Если бы Австрии не существовало, ее необходимо было бы создать».... Еще должно пройти достаточно много времени, чтобы ассимилировать все разнообразие народов, имея в виду то обстоятельство, что это настоящий “языковой Вавилон”»[2].

Отмечая противоречивость мирной программы США, У. Липпман писал впоследствии, что югославянская проблема не была упомянута, поскольку «предпочтение отдавалось единству Австро-Венгерской империи»[3]. Заметим, что в тот период державы Антанты и США все еще намеревались оторвать Вену от Берлина путем заключения сепаратного мира с Габсбургами. Однако иллюзорность подобных надежд постепенно становилась все более очевидной даже для самых рьяных сторонников такой линии. Не секрет, что уже весной 1918 г.

---

[1] Ibid. P. 537.

[2] Rebec G. Self determination of Nationalities // The Commonwealth Review of the University of Oregon. VIII. Jan. and Apr. 1918. № 1–2. P. 21–22, 27.

[3] The Political scene: An Essay on the Victory of 1918 by W. Lippman. N.Y., 1919. P. 17. 7. The Papers. Vol. 47. P. 589–591.

irislav

Вена практически утратила самостоятельность во внешних делах, попав в зависимость от Германии. Заметное ускорение этому процессу дал разразившийся в европейских дипломатических кругах крупный скандал, Последовавший после придания огласке по инициативе премьер-министра Франции Ж. Клемансо секретного послания австрийского императора Карла президенту Р. Пуанкаре. Его содержание свидетельствовало о том, что Австро-Венгрия еще в марте 1917 г. встала на путь сепаратных сделок с Антантой.

Исходя из этого, Вашингтон все более склонялся к мысли о радикальных изменениях австро-венгерской политики, и в частности в югославянском вопросе. Наиболее полно новые подходы были отражены в конфиденциальном письме госсекретаря США Р. Лансинга В. Вильсону. Лансинг настоятельно советовал президенту пересмотреть, насколько это возможно, отношение США к австро-венгерским проблемам и поставил перед ним ряд важных вопросов. Во-первых, поддержат ли США независимость различных национальностей, прежде всего чехов и югославян? Во-вторых, следует ли при этом руководствоваться принципом самоопределения? (Если да, то в какой степени?) Проблема состоит в том, суммировал Лансинг, «поддержим мы или нет дезинтеграцию Австро-Венгерской империи на ее составляющие и союзы таких частей». В заключение он обратил внимание президента на недавний германский опыт использования национального недовольства для усиления дезинтеграции Российской империи[1]. Вскоре, 29 мая 1918 г., было опубликовано заявление госдепартамента с выражением искренних симпатий правительства в отношении югославов и чехословаков, борющихся за свободу[2].

Заявление внешнеполитического ведомства активизировало прежде всего антигабсбургскую пропаганду, которую координировал за рубежом созданный в 1917 г. под эгидой правительства Комитет общественной информации во главе с Дж. Крилом. В частности, на итальянском фронте с помощью аэропланов распространялся текст «14 пунктов» Вильсона и другие пропагандистские материалы. В антигабсбургскую кампанию включилась и американская разведка, в рамках которой был организован специальный «итальянский отдел». Для ведения подрывной работы в Италию была направлена мобильная группа во главе с капитаном Э. Воской, чехом по происхождению, считавшимся одним из лучших агентов периода Первой мировой войны. Как отмечал в своих мемуарах: американский разведчик Т. Джонсон, тайная организация Воски распространила свою

[1] The Papers. Vol. 47. P. 589-591.

[2] Foreign Relations of the United States: World War. Washington, 1931. Vol. 1. P. 809.

inslav

сеть по всей Центральной Европе, особую активность, проявляя на Балканах. На итальянском фронте, особенно в югославянских и чехословацких частях, использовались так называемые «отряды полиглотов», в которые привлекались опытные пропагандисты. Обращаясь к солдатам на их родном языке, сообщает Джонсон, агенты Воски уговаривали их дезертировать[1].

Разумеется, в Вене преувеличивали влияние политической эмиграции из славянских областей монархии. Так, например, в июле 1918 г. военное командование информировало МИД, что на конференции держав Антанты принято важное решение по вопросу подготовки серьезного наступления на австрийском фронте, предусматривающее также и проведение «большой пропагандистской работы», к которой подключаются «все славянские элементы». При этом, не без преувеличения подчеркивалось, что идея нового наступления на Австро-Венгрию целиком принадлежит «Масарику и обоим его английским друзьям – Стиду и Сетон-Уотсону»[2].

Пропагандистские и разведывательные акции свидетельствовали об определенных изменениях в австро-венгерской политике Вашингтона. Разумеется, до коренного пересмотра курса США в Центральной и Юго-Восточной Европе было еще далеко. Как показали дальнейшие события, Вашингтон не спешил поддержать югославянскую идею. Так, обсуждая в августе с президентом планы правительства относительно дипломатического признания Чехословацкого национального совета в Париже, Лансинг заметил, что такой шаг нежелателен, поскольку вызовет кампанию в пользу югославской независимости[3].

Более чем сдержанная позиция США в вопросах освобождения югославян и чехословаков объяснялась негативным отношением, прежде всего, к идее независимой Югославии со стороны Италии. Возможность образования по соседству сильного славянского государства воспринималась здесь как прямая угроза безопасности страны. К тому же подобное развитие событий на Балканах окончательно разрушало надежды итальянской дипломатии на присоединение значительной части габсбургских владений в Далмации, населенных преимущественно хорватами. Такое решение предусматривалось, в частности, тайным Лондонским договором 1915 г., заключенным Италией с Великобританией и Францией.

---

[1] Джонсон Т. Американская разведка во время первой мировой войны. М., 1936. С. 153–155.

[2] Kriegs-Ziele Entente-Staaten // HHStA. P.A.I. 1052. Liasse Krieg. 69. S. 119–120.

[3] Foreign Relations. Vol. 2. P. 139.

inslav

Все попытки западных держав каким-либо образом повлиять на бескомпромиссную позицию Рима не увенчались успехом. Официальная точка зрения итальянских правящих кругов была известна и в США. По сообщению сотрудника Комитета общественной информации капитана Ч. Мерриама, министр иностранных дел Италии С. Соннино, беседуя с ним 25 сентября 1918 г., «твердо высказался в пользу чехословацкой независимости» и весьма прохладно отнесся к подобным требованиям «югославянских групп». При этом собеседник, затронув проблему национальной безопасности, так и не определился в «вопросе о распаде Австрии»[1]. Антиюгославянская направленность внешней политики, решительным сторонником которой являлся Соннино, была неотъемлемой частью экспансионистского курса Италии на Балканском полуострове. Вот почему для главы внешнеполитического ведомства, насколько можно судить из его дневниковых записей того периода, идея югославянской автономии в рамках Габсбургской монархии была намного привлекательнее требования независимости, поскольку последнее исключало «положительное» решение адриатической проблемы в духе Лондонского пакта[2].

Заметим, что в дальнейшем ссылки на секретную дипломатию не удовлетворяли американцев, особенно в условиях фактического распада Австро-Венгрии, когда в Вашингтоне сделали ставку на прозападные эмигрантские группировки из славянских областей монархии как гаранта социального статус-кво в регионе. В создавшейся ситуации американская дипломатия пошла на «новое прочтение» 10-го пункта президента Вильсона. В официальной ноте, направленной 18 октября Австро-Венгрии, отмечалось, что со дня провозглашения «14 пунктов» произошли события исключительной важности. Правительство США признало «справедливые национальные требования» югославян и чехословаков, «поэтому президент не может рассматривать в качестве основы мирного урегулирования «простую автономию» для этих народов»[3]. Находясь в безвыходном положении, Вена поддержала американское предложение о заключении сепаратного мира и выразила готовность принять позицию президента относительно прав «чехословаков и югославов, содержащуюся в его последней ноте»[4]. Однако судьбы терпевших

[1] The Papers. Vol. 51. P. 118–119.

[2] Sonnino S. Diario, 1916-1922. Roma, 1973.Vol. 3. P. 285–296.

[3] The Papers. Vol. 51. P. 383.

[4] Official statements of War Aims and peace proposals. Dec. 1916.– Nov. 1918. Westport (Conn.) 1984. P. 441.

inslav

фиаско Габсбургов мало интересовали Белый дом. Определяя задачи внешней политики в Дунайском бассейне, президент США настоятельно советовал союзникам во избежание «серьезных политических осложнений» держаться как можно дальше от разваливающейся Австро-Венгрии, передав функции управления в славянских областях монархии представителям политической эмиграции и их военным формированиям[1].

Распад габсбургской системы, как представляется, не был самоцелью американской политики. В Вашингтоне преобладало стремление поддержать альтернативные проекты послевоенного переустройства Центральной Европы, которые разрабатывались политиками и общественными деятелями Запада с целью стабилизировать социально-политическую обстановку. Согласно этим планам в регионе должна происходить «свободная игра» экономических и политических сил, результатом которой будет создание Дунайской федерации. Такое развитие событий вполне устраивало американцев. Не случайно в официальном комментарии к «14 пунктам» было специально оговорено: «Соединенные Штаты поддерживают также программу, имеющую целью создание конфедерации Юго-Восточной Европы»[2].

Позиция Вашингтона в этом вопросе окончательно оформилась не без влияния либеральных кругов Франции и Великобритании. Так, еще в начале сентября на страницах влиятельного британского еженедельника «Новая Европа», пропагандировавшего в годы войны планы переустройства Восточной Европы на основе национального принципа, появилась статья «Через освобождение – к новому содружеству». По мнению автора статьи, в регионе должна быть создана «новая система центральноевропейского управления», состоящая из ряда возникших независимых государств, в частности югославского и чехословацкого[3].

Однако идея Дунайской федерации так и не стала политической реальностью. Причиной тому было, прежде всего, резкое обострение межгосударственных и межэтнических конфликтов в регионе, на фоне которых объединительные планы представлялись весьма иллюзорными. Одним из детонаторов обострения и без того запутанной обстановки на Балканах являлся, как уже отмечалось, разрастающийся конфликт из-за Адриатики. Накануне мирной конференции президент Вильсон, рассчитывая на роль международного арбитра, не мог, разумеется, остаться в стороне. Вот почему американская ди-

[1] The Papers. Vol. 51. P. 541.
[2] Архив полковника Хауза. Т. 4. М., 1944. С. 156.
[3] The New Europe. 1918. Sept. 5.

inslav

пломатия стремилась как можно быстрее проинформировать администрацию о возникающих на Балканах трудностях. Рассматривая первоочередные территориальные вопросы, требующие урегулирования, эксперт «Инкуайри» У. Липпман особо выделил в меморандуме от 5 декабря 1918 г. проблему итало-югославской границы[1].

Проблемы итало-югославских отношений были проанализированы в специальном меморандуме, направленном в середине декабря Вильсону членом американской делегации на будущей мирной конференции Р. Бейкером. Он детально охарактеризовал весь спектр политических мнений в Италии по проблеме Адриатики – от самых «рьяных империалистов» до социалистов, «свято верящих в самоопределение». Суммируя общие тенденции, автор отметил, что многие итальянцы придерживаются в данном вопросе «крайне националистических взглядов». Выразителем подобных настроений на правительственном уровне, отмечалось в документе, являлся «бисмаркианец» Соннино[2].

Представления Вильсона о внешнеполитической стороне проблемы существенно дополнила обстоятельная записка «Сложности Адриатики», автором которой был знаток национальных проблем Восточной Европы известный английский журналист Г. У. Стид. Документ направили президенту по настоянию полковника Хауза. При рассмотрении вопроса об Адриатике Стид советовал учесть следующие обстоятельства: во-первых, право Италии на безопасность; во-вторых, право югославян на «национальный союз и свободное экономическое развитие»; в-третьих, необходимость строить будущие итало-югославские отношения на дружественной основе. Исходя из этого автор предлагал политикам компромиссное решение: оставив большую часть Адриатического побережья за югославами, передать Италии некоторые районы с преобладанием итальянского населения. Порт Фиуме (Риеку), по мнению эксперта, необходимо сделать свободным, распространив на него юрисдикцию Югославии[3].

Американцы, однако, не спешили следовать рекомендациям Стида. Спустя несколько дней после прибытия в Париж для участия в мирной конференции президент США встретился с премьер-министром Италии В. Орландо и бароном Соннино. Обсуждая проблемы Адриатики, Вильсон воочию убедился в непримиримости итальянской дипломатии. Неуступчивость Рима все больше раздражала президента, склонного удовлетворить справедливые требования югос-

[1] Foreign Relations… Vol. 1. P. 228.
[2] The Papers. Vol. 53. P. 433-434.
[3] Ibid. P. 444–445.

inslav

лавян. Объективности ради заметим, что в политических и общественных кругах Италии высказывались и умеренные взгляды на адриатическую проблему. Многие в Риме понимали: решение этого далеко не простого вопроса в империалистическом духе противоречило бы национальным интересам страны.

Официальную точку зрения по поводу балканских дел Вильсон высказал в специальном послании, направленном в начале января 1919 г. В. Орландо. В нем президент убеждал последнего: Лондонский пакт не может являться основой мирного урегулирования, поскольку Дунайской монархии больше не существует. Договор, по его мнению, предполагал создание итальянцами стратегического барьера в Далмации — прежде всего в противовес экспансионистскому курсу Австро-Венгрии, а не против формирующегося югославянского государства. Поэтому наилучшим выходом было бы мирное урегулирование затянувшегося территориального конфликта[1]. За такое решение итало-югославских споров ратовали в письме Вильсону 11 февраля глава Сербского правительства Н. Пашич и председатель Югославянского комитета в Лондоне А. Трумбич. Как считали югославянские политики, президент США был бы идеальным арбитром возникающих на Адриатике противоречий[2].

Если югославяне обращались за политической поддержкой к Вильсону, то Соннино решил искать покровительства у Клемансо. Франция и Великобритания, как известно, все еще считали себя связанными Лондонским договором и потому не спешили поддержать американскую позицию. Ссылаясь на исторические и национальные права Италии, Соннино писал Клемансо в начале марта: для нас абсолютно необходимо по меньшей мере владеть территорией Далмации, населенной итальянцами[3]. В складывающейся непростой ситуации Белый дом сделал решительный шаг. 7 февраля 1919 г. Р. Лансинг официально заявил о признании Королевства СХС. США стали первой великой державой, признавшей независимое югославянское государство.

В западных столицах с большим недоверием и опаской следили за американской активностью в Центральной и Юго-Восточной Европе. Дальнейшая «балканизация» Юго-Восточной Европы, утверждал британский генерал Я. Смэтс, неминуемо приведет не только к нарушению баланса сил на континенте, но и непомерно возвысит Америку: «Со временем США будут диктовать миру свою волю во всем, что касается

[1] Ibid. Vol. 54. P. 51.
[2] Ibid. Vol. 55. P. 87–88.
[3] Sonnino S. Carteggio, 1916-1922. Roma, 1975. P. 594.

inslav

морских, военных, дипломатических и финансовых дел»[1]. Планы правящих кругов США не являлись секретом для союзников и состояли, прежде всего, в том, чтобы всемерно укрепить позиции американского капитала в регионе. Такой курс должен был стать, как считали в Вашингтоне, средством противодействия освободительным процессам, усилившимся под влиянием революционных событий в России.

Недовольство позицией администрации США в вопросах центральноевропейской политики неоднократно высказывалось и оппозиционными кругами внутри страны. Так, сенатор Т. Уэлш в письме президенту накануне отъезда на Парижскую конференцию увязывал достижение независимости народами Восточной Европы с проблемой самоопределения Ирландии. Сообщение о восстановлении Польши и о создании «славянских республик», как справедливо замечал сенатор, будет воспринято без энтузиазма, если мы закроем глаза на национальные устремления ирландцев[2]. Не менее бурной была реакция и в конгрессе. Представитель штата Массачусетс Д. Гэлливан, выступая в начале марта перед законодателями, негодующе вопрошал: «Разве ирландский вопрос всего лишь внутренняя проблема (Великобритании – В. Ф.)? А может, дела в Ирландии не похожи на то, что происходит в Польше и в Сербии? Или ирландцы уже не нация?»[3]. С другой стороны Белый дом атаковали изоляционисты. Сенатор от Калифорнии Х. Джонсон так заявил в ходе парламентских дебатов: «Я не считаю долгом Республики поддержание порядка — будь то в Югославии или в Чехословакии». Обратившись к правительству с призывом возвратить «наших ребят» домой, он заметил: «Необходимо также вернуть бизнес в нормальное русло, сделав жизнь Америки вновь американской»[4].

По возвращении из Парижа Вильсон, выступая 24 февраля в Бостоне, уделил немало внимания национальным проблемам Центральной Европы. Обращаясь, прежде всего к оппонентам из республиканской партии, он, в частности, сказал: «Верите ли вы в польское дело, как я верю? Поддерживаете ли вы устремления югославов и чехословаков так, как делаю это я?»[5]. Весьма показателен отклик на речь Вильсона упоминавшегося выше британского либерального еженедельника. Комментируя послевоенное развитие на Балканах, анонимный автор «Новой Европы» особо отметил то место в вы-

---

[1] The Mirage of Power. British foreign policy 1902–1922. Vol. 3. L., 1972. P. 720.
[2] The Papers. Vol. 53. P. 299.
[3] Congressional Records. Vol. 57. Part. 5. Washington, 1919. P. 5050.
[4] Ibid. Part. 3. P. 2261.
[5] The Papers. Vol. 55. P. 243.

inslav

ступлении, где президент, сославшись на принцип национальности, поддержал создание югославянского государства[1].

В это время итало-югославские отношения накалились до предела. В условиях, когда конфронтация между двумя странами приняла угрожающий характер, обсуждение вопроса за столом переговоров зашло в тупик.

22 апреля на заседании Совета четырех Д. Ллойд Джордж, исходя, по-видимому, из рекомендаций Стида, вновь призвал к компромиссу. Фиуме, по мнению политика, должен был стать коммерческим портом. Ллойд Джордж был склонен уступить Италии некоторые районы Адриатического побережья, включая стратегические пункты — порты Зара и Собенико. Но такой вариант не устраивал никого и, прежде всего итальянцев. Вильсон же был непреклонен, защищая интересы югославов и этнический принцип. Заметим в этой связи, что американцы, как и прежде, ссылались на девятый пункт своей мирной программы, предусматривающей установление итальянских границ в соответствии с национальным принципом[2].

Итальянцы чувствовали себя обманутыми. Не случайно Орландо, оценивая позицию США, отбросил дипломатические уловки: «Линия, которую Вильсон предлагает в настоящее время Италии, есть та же самая линия, которая в истекшем октябре предлагалась газетой «Новая Европа» (речь шла о еженедельнике. — В. Ф.), которая, как вы знаете, является органом южных славян. Теперь для итальянцев южные славяне являются тем же, чем для вас боши»[3].

Последней каплей, переполнившей чашу терпения Орландо и Соннино, стало заявление Вильсона по адриатической проблеме 23 апреля 1919 г. Считая Лондонский договор утратившим силу в связи с распадом Австро-Венгрии, президент США, в частности, заметил: «Интересы малых государств должны быть надежно защищены, как и интересы великих держав»[4]. На следующий день Орландо покинул конференцию и возвратился в Италию, где начались антиамериканские волнения.

Давая общую оценку американской политике в югославянском вопросе, сербский историк Д. Живоинович справедливо заметил, что в первые военные годы ее отличительными чертами были «недостаток интереса, незнание балканских сложностей и традиционализма»[5].

---

[1] The New Europe. 1919. March 20.

[2] The Papers. Vol. 57. P. 613; Vol. 45. P. 537.

[3] Указ. по: Марескотти А. Дипломатическая война. М., 1944. С. 191.

[4] The Papers Vol. 58. P. 6.

[5] Живојиновић Д. Југословенске земље у политици САД до 1917 године // Годишњак Зборник Матице Српске за историју. Нови Сад, 1984. № 29. С. 66.

inslav

Только на заключительном этапе войны, в условиях распада габсбурской системы, правящие круги США поддержали идею независимой Югославии, стремясь при этом всемерно укрепить собственные позиции на юго-востоке Европы. В таком контексте проюгославская позиция американской делегации на Парижской мирной конференции была вполне объяснимой, хотя президент предпочитал говорить о приверженности США демократическим принципам. Конфликтная ситуация на Балканах лишь оттенила, как представляется, непримиримые противоречия между державами-победительницами, которые стали в межвоенной Европе серьезным фактором риска.

inslav

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ В. И. ФРЕЙДЗОНА

1. Развитие капитализма в хорватской деревне и положение крестьян в Хорватии в конце XIX – начале XX века //Ученые записки Института славяноведения. Т. X. М., 1954.

2. Социал-демократия и классовая борьба в хорватской деревне в конце XIX – начале XX века // Ежегодник по аграрной истории стран Восточной Европы. 1959. М., 1961.

3. Социально-политические взгляды А. и Ст. Радичей и возникновение Хорватской крестьянской партии // Ученые записки Института славяноведения. Т. XX. М., 1960.

4. История Югославии. Главы 33, 34. Т. 1. М., 1963.

5. Страницы истории национально-освободительного движения в Хорватии // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965.

6. Революционность и реформизм в национальных движениях в XIX веке. Типологическая характеристика // Советское славяноведение. 1969.

7. Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859–1873 гг. История, идеология, политические партии. М., 1970.

8. Hrvatsko-ruski dodiri 1868–1870// Historijski zbornik. Zagreb, 1970.

9. Trenuci iz djelatnosti E. Kvaternika // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1972. №1.

10. Революционность и реформизм в национальных движениях XIX века // Советское славяноведение. 1975. №2.

11. Представления и идеи славянской общности в 1-й половине XIX век // Вопросы истории. 1979. №9.

12. Освободительные движения народов Австрийской империи. Зарождение и развитие. Конец XVIII века – 1849 г. (Отв. ред. и автор). Коллективная монография. М., 1980.

13. Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. (Отв. ред. и автор). Коллективная монография. М., 1981.

14. К теории этнических процессов в связи с выходом книги: Ю.В. Бромлей. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории) М., 1981 // Советское славяноведение. 1981. №5.

15. К истории боснийско-мусульманского этноса // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.

16. Некоторые черты формирования наций в Австрийской империи. Там же.

inslav

17. К проблеме перехода от феодальной народности к нации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Новая и новейшая история. 1983. №4.

18. Основные этапы и типология общественно-политической мысли славянских народов в XIX веке (в соавторства с В. А. Дьяковым) // Советское славяноведение. 1984. №2.

19. Vojna Krajna i Vojna naselja u Rusiji. // Vojna Krajna. Povijesni pregled. Historiografija. Rasprave. Zagreb, 1984.

20. Переход от феодализма к капитализму в странах Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы Решенные и дискуссионные проблемы (в соавторстве с Т.М. Исламовым) // Новая и новейшая история. 1986. №1.

21. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Закономерности, периодизация и типология процесса (в соавторстве с А.С. Мыльниковым) // Вопросы истории. 1987. №8.

22. Средняя Европа – миф, плод воображения или реальность? (в соавторстве с Т.М. Исламовым)// Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1992.

23. Сербы и хорваты (исторические корни конфликта)// Этнографическое обозрение. 1993. №1.

24. Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX – начала XX века. От консервативно-реформистских идей к программе крестьянской демократии. 1832-1914. М., 1993.

25. Далмация в хорватском национальном возрождении XIX века. К истории югославизма и его неудачи. М., 1997.

26. Югославизм и «великие идеи» у хорватов и сербов монархии Габсбургов // На путях к Югославии: за и против. М., 1997.

27. Исторические корни и сущность югославизма // Новая и новейшая история. 1997. №7.

28. Основные тенденции межвоенной историографии югославизма 1914–1941 годов // Славяноведение. 1997. №6.

29. Нация до национального государства: историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII – начала XX века. Дубна, 1999.

30. Хорваты: трудный путь к независимости (XIX–XX века) // Общественные науки и современность. 1999. №4.

31. О хорватской историографии 1950–1980–х гг. по национальной идеологии // Славяноведение. 1999. №5

32. История Хорватии. СПб., 2001.

inslav

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПУБЛИКАЦИИЙ ИСТОЧНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ И АВСТРО-ВЕНГРИИ (1990–2011 ГГ.)

Источники

Крижанич Ю. Политика. М., 1997.

Крлежа М. Поездка в Россию. 1925. Перевод с хорватского Н.М. Вагановой. Комментарий и послесловие С.А. Романенко. М., 2005.

Масарик Т.Г. Россия и Европа. Т.I–III. СПб, 2000-2004.

Масарик Т.Г. Философия – социология – политика. Избранные тексты. М., 2003.

Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства 1914-1920. Книга 1-2. М., 1993.

Палеолог М. Дневник посла. Пер. с франц. Ф. Ге, Л. Зайцева, Д. Протопопова. М., 2003.

Ронге М. Война и индустрия шпионажа. Пер. с нем. М., 2000.

Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.). Сост. С. Р. Долгова, Л.А. Кирилина, В. Колоша, И.В. Чуркина. Отв. ред. И. В. Чуркина. М., 2010.

Троцкий Л. Моя жизнь. М., 2001.

Фома Сплитский. История Архиепископов Салоны и Сплита. Вступительная статья, перевод, комментарий О.А. Акимовой. М., 1997.

Хорватия/Россия. Культурно-исторические связи. Подготовила И. Лукшич. Zagreb, 1999.

Чапек К. Беседы с Т. Г. Масариком. М., 2000.

Годишњи извештаји Министарства иностраних дела руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1873–1903). Приређивачи Љ. В. Кузмичова и Д. Ковачевић. Нови Сад, 1996.

Крестић В.Ђ. Грађа о Србима у Хрватској и Славонији (1848–1914) Кн.I-II. Београд, 1995.

Крестић В., Љушић Р. Програми и статути српских политичких странака до 1918. Године. Београд, 1991.

Прибичевић А. Мој живот. Предговор Чедомир Вишнић. Загреб, 1999.

Српски писци и научници о Босни и Херцеговини. Београд, 1995.

Трубецки Г.Н. Рат на Балкану 1914-1917 и руска дипломатија. Превод с руског. Београд, 1994.

[Agičić D.] Hrvatska korespondencija Františeka Hlavačeka (1896.–1904.). Zagreb, 2003.

inslav

Balkanski ugovorni odnosi. Dvostrani i višestrani međunarodni ugovori i drugi diplomatski akti o državnim granicama, političkoj i vojnoj saradnji, verskim i etničkim manjinama. Priredio Momir Stojković. Tom I. Beograd, 1998.

[Bilinski L.] Bosna i Hercegovina u Uspomenama Leona Bilinskog. Glavni i odgovorni urednik Husnija Kamberović. Sarajevo, 2004.

Bosna i Bošnjaci u hrvatskoj nacionalnoj ideologiji. Antologija tekstova. /F. Saltaga. Sarajevo, 1999.

Bosna i Bošnjaci u srbskoj nacionalnoj ideologiji. Antologija tekstova. /F. Saltaga. Sarajevo, 1997.

Cipek T., Vrandečić J. Hrestomatija liberalnih ideja u Hrvatskoj. Zagreb, 2004.

Cipek T., Matković S. Programni dokumenti hrvatskih političkih stranaka i skupina 1842.-1914. Zagreb, 2006.

Hrvatske pravice. Sastavio Petar Požar. Zagreb-Split, 1990.

Macan T. Povijest hrvatskoga naroda. II izd. Zagreb, 1992.

Markus T. Korespondencija bana Jelačića i banskog vijeća. 1848.–1850. Zagreb, 1998.

Mažuranić I. Izabrani poltički spisi. Zagreb, 1999.

Mlivončić I. Pape i Hrvati. Zagreb, 1993.

Narodno vijeće Slovenaca, Hrvata i Srba u Zagrebu 1918-1919. Izabrani dokumenti. Odg. ur. Stjepan Ćosić. Zagreb, 2008.

Pavlinović M. Hrvatski razgovori. Zagreb, 1994.

Pavlinović M. Izabrani poltički spisi. Zagreb, 2000.

Pavić M., Cepelić M. Biskup Josip Juraj Strossmayer. Reprint izd. G.1900-1904. Đakovo, 1994.

Perovšek J. Programi političnih strank, organizacij in združenj na Slovenskem v času kraljevine SHS (1918–1929). Ljubljana, 1998.

Peršić I. Kroničarski spisi. Priredio Stjepan Matković. Zagreb, 2002.

Pregled pučanstva Bosne i Hercegovine između 1879. i 1995. godine. Zagreb, 1996.

Radić S. Politički spisi, govori i dokumenti. Zagreb, 1994.

Reed J. War in Eastern Europe. Travels through the Balkas in 1915. Phoenix, 1994.

Starčević A. Izabrani poltički spisi. Zagreb, 1999.

Strossmayer –Vatunelli. Korespondencija. 1881–1887. Zagreb, 1999.

Supilo F. Izabrani politički spisi. Zagreb, 2000.

Trumbić A. Izabrani poltički spisi. Zagreb, 1998.

Исследования

Айрапетов А. Г. Вступая в индустриальный мир: Венгерские рабочие на рубеже XIX–XX вв. М., 1997.

Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн.1–2. М.,1998.

inslav

Алексеев М. Военная разведка России. Кн.3, ч.1, 2. Первая мировая война. М., 2001.

Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. Пер. с нем. С. В. Базарновой. М., 2000

Балканы в конце XIX – начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991.

В «пороховом погребе» Европы 1878–1914. Отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 2003.

Вагапова Н. М. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах. СПб, 2007.

Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время. (Памяти Владимира Павловича Шушарина). М., 2004.

Власть и общество в XX веке. Книга 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008.

Восточная Центральная Европа: от изобретения прошлого к конструированию настоящего // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2007. №6 (56).

Воцелка К. История Австрии. Культура, общество, политика. Пер. с нем. В. А. Бруп-Цехового, О. И. Величко, В. И. Ковалева. М., 2007

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. Пер. с англ. И. Федюкина. М., 2003.

Данченко С. И. Развитие сербской государственности Россия 1878–1903. М., 1996.

Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации. Пер. с англ. И. И. Соколовой. М., 2001.

Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии». Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 1997.

За балканскими фронтами Первой мировой войны. Отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 2002.

Ивонин Ю. Е., Ивонина Л. И. Властители судеб Европы: императоры, короли, министры XVI–XVIII вв. Смоленск, 2004.

Кирилина Л. А. Словенцы и революция 1848–1849 гг. М., 2000.

Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. Пер. с англ. В. Т. Олейника. Научный редактор А.С. Стыкалин. М., 2002.

Коротеева В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999.

Костяшов Ю. В. Сербы в Австрийской монархии в XVIII в. Калиниград, 1997.

Крючков И. В. Венгрия и славянский мир в последней трети XIX – начале XX вв. Ставрополь, 2001.

inslav

Крючков И. В. Образ Австро-Венгрии на страницах периодической печати Дона и Северного Кавказа в начале XX в. (1900–1917 гг.). Пятигорск, 2003.

Левченков А. С. Последний бой чешского льва. Политическая борьба в Чехии в первой четверти XVII века. СПб, 2007.

Лещиловская И. И. Сербская культура XVIII века. М., 1994.

Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. Учебник для вузов. М., 2007.

Медяков А. С.Между Востоком и Западом. Внешняя политика династии Габсбургов в первые годы дуализма. (1866–1871) М., 2010.

На путях к Югославии: за и против. М., 1997.

Нации и национализм. Пер. с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедковского. М., 2002.

Национализм в мировой истории. Под ред. В. А. Тишкова и В. А. Шнирельмана. М., 2007.

Новая история стран Европы и Америки XVI–XIX века. Под ред. А. М. Родригеса, М. В. Пономарева. В 3-х ч. Учебник для студентов вузов. Часть 2. М. Ю. Золотухин, А. М. Родригес и др. М., 2006.

Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 2009.

Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М., 2004.

Полтавский М. А. История Австрии. Ч.1–2. М., 1992.

Птицын А. Н. Концепция Славянской цивилизации Н. Я. Данилевского. Ставрополь, 2003.

Роль религии в формировании южнославянских наций. Отв. ред. И. В. Чуркина. М., 1999.

Романенко С. А. Югославия: История возникновения. Кризис. Распад. Образование независимых государств. Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв. М., 2000.

Романенко С. А. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI в. М., Институт права и публичной политики, 2002.

Романенко С. А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов (начало XX века – 1991 год). М., 2011. Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. 1-3. Москва-Ставрополь, 2004–2007.

Средняя Европа. Проблема международных и межнациональных отношений. XII—XX вв. Памяти Т. М. Исламова. СПб., 2009.

Славяне и их соседи. Выпуск 7. Межконфессиональные связи в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVII веках. Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 1999.

inslav

Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М., 2006.

Стыкалин А. С. Дьердь Лукач – мыслитель и политик. М., 2001.

Улунян Ар. А. Балказия и Россия М., 2002.

Улунян Ар. А., Сергеев Е. Ю. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900-1914. М., 2003.

Фирсов Е. Ф. Опыт демократии в ЧСР при Томаше Масарике. М., 1997.

Хаванова О. В. Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М., 2000.

Хаванова О. В. Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784. СПб., 2006.

Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2002.

Художественная культура Австро-Венгрии. 1867–1918. Искусство многонациональной империи. Отв.ред. Н. М. Вагапова, Е. К. Виноградова. СПб, 2005.

Художественные центры культуры Австро-Венгрии. 1867–1918. Редколлегия: Н. М. Вагапова, В. Н. Егорова, Л. И. Тананаева. СПб., 2009

Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М. 2003.

Шорске К. Э. Вена на рубеже веков. Политика и культура. Пер. с англ. под ред. М. Рейзина СПб, 2001.

Этническое самосознание славян в XV веке. М., 1992.

Буркут І. Г. Політичні процеси: історія, міфи, реальність (погляд з регіону). Чернівці, 2005.

Буркут І. Г. Русинство: минуле і сучасність. Чернівці, 2009.

Фісанов В. П. Програне суперництво. (США та Австро-Угорщина у Центральній Європі в роки Першої свитової війни). Чернівці, 1999.

Крестић В. Историја Срба у Хрватској и Славонији 1848–1914. Београд, 1991.

Раденковић Ђ. Пашић и Југославија. Београд, 1999.

Agičić D. Tajna politika Srbije u XIX. stoljeću. Zagreb, 1994.

Agičić D. Hrvatsko-češki odnosi na prijelazu iz XIX. u XX. stoljeće. Zagreb, 2000.

Artuković M. Ideologija srpsko-hrvatskih sporova (Srbobran 1884.–1902.). Zagreb, 1991

Bergant Z. Slovenski klasični liberalizem. Idejno-politički značaj slovenskega liberalizma letih 1891-1921. Ljubljana, 2000.

Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999.

Boeckh K. Von den Balkankriegen zum Ersten Weltkrieg. München, 1996.

Buczynsky A. Gradovi Vojne Krajine. 1–2. Zagreb, 1997

Ćišić H. Bosanskohercegovački Muslimani i bosanska autonomija. Sarajevo, 1991.

Ćirković S. Srbi među evropskim narodima. Beograd, 2004.

inslav

Čurkina I. Rusko-slovenski kulturni stiki od konca 18. Stoletja do leta 1914. Ljubljana, 1995.

Denić B. Etnički nacionalizam. Prev. s engl. Beograd, 1996.

Dijalog povjesničara – istoričara. Pečuh, 19.–21. stidenoga 1999. Sv 1-2. Priredili Hans-Georg Fleck, Igor Graovac. Zagreb, 2000.

Donia R. J. Islam pod Dvoglavim orlom: Muslimani Bosne i Hercegovine 1878.–1914. Prijev. s engl. Sarajevo, 2000.

Etničnost i povijest. Priredio Emil Heršak. Zagreb, 1999.

Etrničnost. Nacija. Identitet. Priredili Ružica Čičak-Chand i Josip Kumpes. Zagreb, 1998.

Filandra Š. Bošnjačka politika u XX. stoljeću. Sarajevo, 1998.

Friedman F. The Bosnian Muslims. Denial of a Nation. Boulder and Oxford, 1996.

Garde P. Život i smrt Jugoslavije. Prijev s franc. Zagreb, 1996.

Garde P. Le discours balkanique. Des mots et des homes. Libraire Arthéme Fayard, 2004.

Gleni M. Balkan 1804-1999. (Nacionalizam, rat i velike sile). Drugi deo. Prev. s engl. Beograd, 2001.

Goldstein I. Hrvatska povijest. Zagreb, 2003.

Greenberg R.D. Language and Identity in the Balkans. Oxford University Press, 2004.

Grijak Z. Politička djelatnost vrhobosanskog nadbiskupa Josipa Štadlera. Zagreb – Sarajevo, 2001.

Gross M. Izvorno pravaštvo. Ideologija, agitacija, pokret. Zagreb, 2000.

Hasanbegović Z. Muslimani u Zagrebu. 1878–1945. Doba utemeljenja. Zagreb, 2007.

Haselsteiner H. Bosnien Hercegovina. Orientkrise und Südslavische Frage. Wien – Köln – Weimar, 1996.

Haselsteiner H. Ogledi o modernizaciji u Srednoj Evropi. Prijev. s njem. Zagreb, 1997.

Historijski mitovi na Balkanu. Zbornik radova. Sarajevo, 2003.

Hrvatsko-mađarski odnosi 1102.-1918. Zbornik radova. Zagreb, 2004.

Imamović E., Lovrenovć D., Nilević B., Zlatar B. Tepić I., Kamberović H. i dr. Bosna i Hercegovina od najstarijih vremena do kraja Drugod svjetskog rata. Sarajevo, 1998.

Imamović M. Pravni položaj i unutrašnjo-politički razvitak BiH od 1878–1914. 2 izd. Sarajevo, 1997.

Imamović M. Historija Bošnjaka. Sarajevo, 1998.

Josip Juraj Strossmayer. Međunarodni znanstveni skup povodom 190. obljetnice rođenja i 100. obljetnice smrt. Zbornik radova. Zagreb, 2006.

Jonston W. N. Austrijski duh. Intelektualna i društvena povijest 1848–1938. Prijev. s engl. Zagreb, 1993.

inslav

Judah T. The Serbs History, Myth & Destruction of Yugoslavia. Second edition. New Haven and London, 2000.

Juzbašić D. Jezično pitanje u Austro-Ugarskoj politici u Bosni i Hercegovini pred prvi svjetski rat. Sarajevo, 1993.

Kardun L. Suton stare Evrope. Europska diplomacija i Prvi svjetski rat. Zagreb, 2009.

Kazer K. Slobodan seljak i vojnik. Povojačeno društvo. (1754–1881). Tom I-II. Zagreb, 1997.

Kazimirović V. Crna ruka: ličnosti i događaji u Srbiji od prevrata 1903. do Solunskog procesa 1917. godine. Kragujevac, 1997.

Kovač M. Francuska i hrvatsko pitanje. Zagreb, 2005.

Kovačević D. Srbija i Rusija 1878.–1889. Beograd, 2003.

Kultura. Etničnost. Identitet. Priredila Jadranka Čačić-Kumpes. Zagreb, 1999.

Kultura sjećanja. Povijesni lomovi i svladavanje prošlosti. 1918. Uredili Tihomir Cipek i Olivera Milosavljević. Zagreb, 2007.

Leksikon migracijskoga i etničkoga nazivlja. Glavni urednik Emil Heršak. Zagreb, 1998.

Liberalizam i katolicizam u Hrvatskoj. Split, Vila Dalmacija. 2.–4. lipnja. Priredio Hans-Georg Fleck. Zagreb, 1998.

Lovrenović I. Bosanski Hrvati. Esej o agoniji jedne evropsko-orijentalne mikrokulture. Zagreb, 2002.

Malkolm N. Bosnia. A Short History. L., 1994.

Matković S. Čista stranka prava. 1895.–1903. Zagreb, 2001.

Milosavljević O. U tradiciji nacionalizma ili stereotipi srpskih intelektualaca XX veka o „nama" i „drugima". Beograd, 2002.

Mitrović A. Srbija u Prvom svetskom ratu. Beograd, 2004.

Očak I. Hrvatsko-ruske veze. Zagreb, 1993.

Perović L. Srpski socijalisti 19. veka.T. I-III. Beograd, 1985-1995.

Popović-Obradović O. Parlamentarizam u Srbiji 1903-1914. Beograd, 1998.

Perić I. Hrvatski državni sabor 1848.–2000. Sv. I-III. Zagreb, 2000.

Povijest Hrvata. Druga knjiga. Od kraja 15.st. do kraja Prvoga svjetskoga rata. Odg. ur. Mirko Valrentić, Lovorka Čoralić. Zagreb, 2005.

Pravaška misao i politika. Zbornik radova. Zagreb, 2007.

Rossos A. Rusija i Balkan. Međubalkanska rivalstva i ruska vanjska politika 1908-1914. Prijev. s engl. Zagreb, 1992.

Rumenjak N. Politička i društvena elita Srba u Hrvatskoj potkraj 19. stoljeća. Uspon i pad srpskog kluba. Zagreb, 2005.

Ruska kapelica pod Vršičem. Русская часовня под Вршичем. Ljubljana/ Любляна. 2007.

Stanković Đ. Nikola Pašić i pokušaj obnavljanja Balkanskog saveza avgusta 1914. godine. Beograd, 2001.

inslav

Stanković Đ. Nikola Pašić i Oktobarska revolucija. Beograd, 2001.

Srbi u Hrvatskoj. Jučer. Danas. Sutra. Zagreb, 1998.

Stančić N. Hrvatska nacija i nacionalizam u 19. i 20. stoljeću. Zagreb, 2002.

Stojanović D. Ulje na vodi. Ogledi iz istorije sadašnjosti Srbije. Beograd, 2010.

Suppan A. Oblikovanje nacije u građanskoj Hrvatskoj (1835.–1918.) Prijev. s njem. Zagreb, 1999.

Šanjek F. Kršćanstvo na hrvatskom prostoru. Zagreb, 1996.

Šesták M., Tejhman M., Havlíková L., Hladký L., Pelikán J. Dějiny Jihoslovanských zemí. Praha, 1998.

Šulce H. Država i nacija u evropskoj istoriji. Prev. s nem. Beograd, 2002

Tanner M. Croatia. A Nation Foged in War. Second edition. New Haven and London, 2001.

Timotijević M. Rađanje moderne privatnosti, privatni život Srba u Habsburškoj monarhiji od kraja 17. do početka 19. veka. Beograd, 2006.

Turkalj J. Pravaški pokret 1878.–1887. Zagreb, 2009.

Составитель – С. А. Романенко

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Д-р Агичич Дамир – профессор Отделения истории Философского факультета Загребского университета, главный редактор журнала «Povijest u nastavi» (Хорватия)

Айрапетов Арутюн Гургенович – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Исторического факультета Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина

Акимова Ольга Анатольевна – к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Буркут Игорь Григорьевич – к.и.н., доцент кафедры политологии и государственного управления факультета Истории, политологии и международных отношений Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича (Украина)

Вагапова Наталья Михайловна – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ

Ващенко Михаил Сергеевич – аспирант Института славяноведения РАН

Д-р Грияк Зоран – старший научный сотрудник Хорватского института истории (Загреб, Хорватия)

inslav

Д-р Гросс Мирьяна – профессор emeritus Загребского университета (Хорватия)

Ивонин Юрий Евгеньевич – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Исторического факультета Смоленского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ

Ивонина Людмила Ивановна – д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Исторического факультета Смоленского государственного университета, заслуженный деятель наук

Д-р Дойчман Петер – профессор университета г. Грац (Австрия)

Д-р Имамович Мустафа – профессор Юридического факультета Сараевского университета (Босния и Герцеговина)

Д-р Камберович Хусния – директор Института истории (Сараево), доцент Философского факультета Сараевского университета (Босния и Герцеговина)

Кирилина Любовь Алексеевна – к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

Крючков Игорь Владимирович – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Исторического факультета Ставропольского государственного университета

Кузьмичева Людмила Васильевна – к.и.н., доцент кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Левченков Александр Станиславович – к.и.н., доцент кафедры стран постсоветского зарубежья Российского государственного гуманитарного университета

Макарова Галина Васильевна – научный сотрудник Института славяноведения РАН

Д-р Маткович Стьепан – научный советник Хорватского института истории, главный редактор журнала «Časopis za suvremenu povijest» (Хорватия)

Медяков Александр Сергеевич – к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Д-р Милосавлевич Оливера – профессор Отделения социологии Философского факультета Белградского университета (Сербия)

Миронов Владимир Валерьевич – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Исторического факультета Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина

Ненашева Зоя Сергеевна – к.и.н., доцент кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

inslav

Павленко Ольга Вячеславовна – к.и.н., доцент кафедры мировой политики и международных отношений, заведующий Отделением международных отношений Российкого государственного гуманитарного университета, заместитель директора историко-архивного института РГГУ.

Птицын Андрей Николаевич – к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории Исторического факультета Ставропольского государственного университета

Романенко Сергей Александрович – к.и.н., ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

Д-р Станчич Никша – академик Хорватской академии наук и искусств, HAZU (Хорватия)

Стыкалин Александр Сергеевич – к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Сыч Александр Иванович – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории факультета Истории, политологии и международных отношений Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича (Украина)

Узнародов Игорь Миронович – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Историческорго факультета, первый проректор по учебной работе Южного федерального университета

Улунян Арутюн Акопович – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Фалькович Светлана Михайловна – д.и.н., ведущий научный сотрудник Интститута славяноведения РАН

Фисанов Владимир Петрович – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой международной информации факультета Истории, политологии и международных отношений Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича (Украина)

Фирсов Евгений Федорович – к.и.н., доцент кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета Московскогго государственного университета им. М.В. Ломоносова

Хаванова Ольга Владимировна – д.и.н., ведущий научный сотрудник Интститута ставяноведения РАН

Д-р Хаджибегович Ильяс – профессор Философского факультета Сараевского университета (Босния и Герцеговина)

Чуркина Искра Васильевна – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти историка-слависта Владимира Израилевича Фрейдзона 5

Романенко С. А., Стыкалин А. С. Портрет историка на фоне эпохи. Владимир Израилевич Фрейдзон (1922–2004) 7

Ненашева З. С. В. И. Фрейдзон и развитие отечественной богемистики (личные впечатления) 45

РАЗДЕЛ I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОРГАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Гросс М. Некоторые особенности развития мировой историографии последней четверти XX – начала XXI века 55

Милосавлевич О. Методологические предпосылки исследования национальных стереотипов 1918 год: «освободители» и «побежденные» 73

Кузьмичева Л. В. Преподавание истории нового и новейшего времени в Сербии и Хорватии 85

Павленко О. В. Экономические мировые кризисы XIX века и их влияние на европейскую дипломатию 96

Дойчман П. Сопоставляя две империи 122

РАЗДЕЛ II. СЛАВЯНЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ С XI ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Акимова О. А. Хорватия на рубеже XI-XII веков: смена представлений о власти 129

Левченков А. С. Основные проблемы интеграции Чешского королевства в монархию австрийских Габсбургов в конце XVI – первой четверти XVII вв... 137

Хаванова О. В. Социальное восхождение и интеграция в политические элиты монархии Габсбургов XVIII века: семейство Редль 144

Ивонин Ю. Е., Ивонина Л. И. Бранденбург-Пруссия в двух европейских войнах до битвы под Полтавой 158

Макарова Г. В. После краха: «сухопутный адмирал» Павел Васильевич Чичагов и «верховный вождь сербского народа» Карагеоргий (Георгий Петрович) 178

Чуркина И. В. Южные славяне на Этнографической выставке и Славянском съезде в Москве в 1867 г. 191

РАЗДЕЛ III. СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ И МОНАРХИЯ ГАБСБУРГОВ В ПЕРИОД ДУАЛИЗМА

Станчич Н. Хорватская нация и национализм на рубеже XIX–XX веков.... 209

Маткович С. Проблема модернизации в хорватской политике в начале XX века 232

Агичич Д. Студенческие волнения в Загребе и хорватские студенты-эмигранты в Праге весной 1908 г. 244

Вагапова Н. М. Хорватская литература в конце XIX – начале XX века и австрийская культура 251

inslav

Медяков А. С. Проблема Боснии и Герцеговины во внешней политике монархии Габсбургов в первые годы дуализма 1867–1871 гг.. 264

Хаджибегович И., Имамович М. Политическое развитие Боснии и Герцеговины в начале XX века 279

Камберович Х. Мусульманская политическая элита и хорватские политические программы в Боснии и Герцеговине в начале XX века 293

Буркут И. Г. Подунайские русины: между этнической самобытностью и ассимиляцией (XVIIIв. – 1918 г.) 303

Фалькович С. М. Польское национальное движение и монархия Габсбургов: проблемы австрофильства, австрославизма, федерализма, дуализма 312

Ненашева З. С. Чехи и становление австрийского парламентаризма в восприятии российских дипломатов. На пути к всеобщему избирательному праву (последнее десятилетие XIX века).....320

Айрапетов А. Г. Балканы начала XX века: взгляд венгерского современника 335

Улунян Ар. А. Альфред Раппапорт Риттер фон Арбенгау и несостоявшийся король Албании 344

РАЗДЕЛ IV. АВСТРО-ВЕНГРИЯ И РОССИЯ

Птицын А. Н. Из России в Австро-Венгрию: миграционные процессы на рубеже XIX – начале XX века 353

Крючков И. В., Узнародов И. М. Кавказ в межимперском экономическом диалоге России и Австро-Венгрии в XIX – начале XX века.....374

Фирсов Е. Ф. Кавказские гуманитарные проекты хорватского деятеля в России К. Геруца (по чешским архивам) 395

Ващенко М. С. Проблема авторства первой монографии о хорватах нового времени в России 405

Грияк З. Попытка воссоединения христианских церквей: архиепископ Йосип Штандлер, Владимир Соловьев и журнал «Балкан» 417

Кирилина Л. А. Словенские неослависты и их отношение к России.....428

РАЗДЕЛ V. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СУДЬБА МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ

Сыч А. И. Первая мировая война как феномен цивилизационного значения 442

Миронов В. В. Военнослужащие Австро-Венгерской армии и гражданское население оккупированных провинций Италии (1917–1918 гг.) 449

Фисанов В. П. Югославянский вопрос во внешней политике США (январь 1918 г. – апрель 1919 г.)..... 462

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ В.И. ФРЕЙДЗОНА.....474

ПРИЛОЖЕНИЕ. ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ (*С. А. Романенко*) 476

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 483

inslav

РОССИЙСКО-АВСТРИЙСКИЙ АЛЬМАНАХ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Выпуск IV

Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы
(XI–XX вв.)

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Е. Г. Орловский*
Корректор *И. Е. Иванцова*

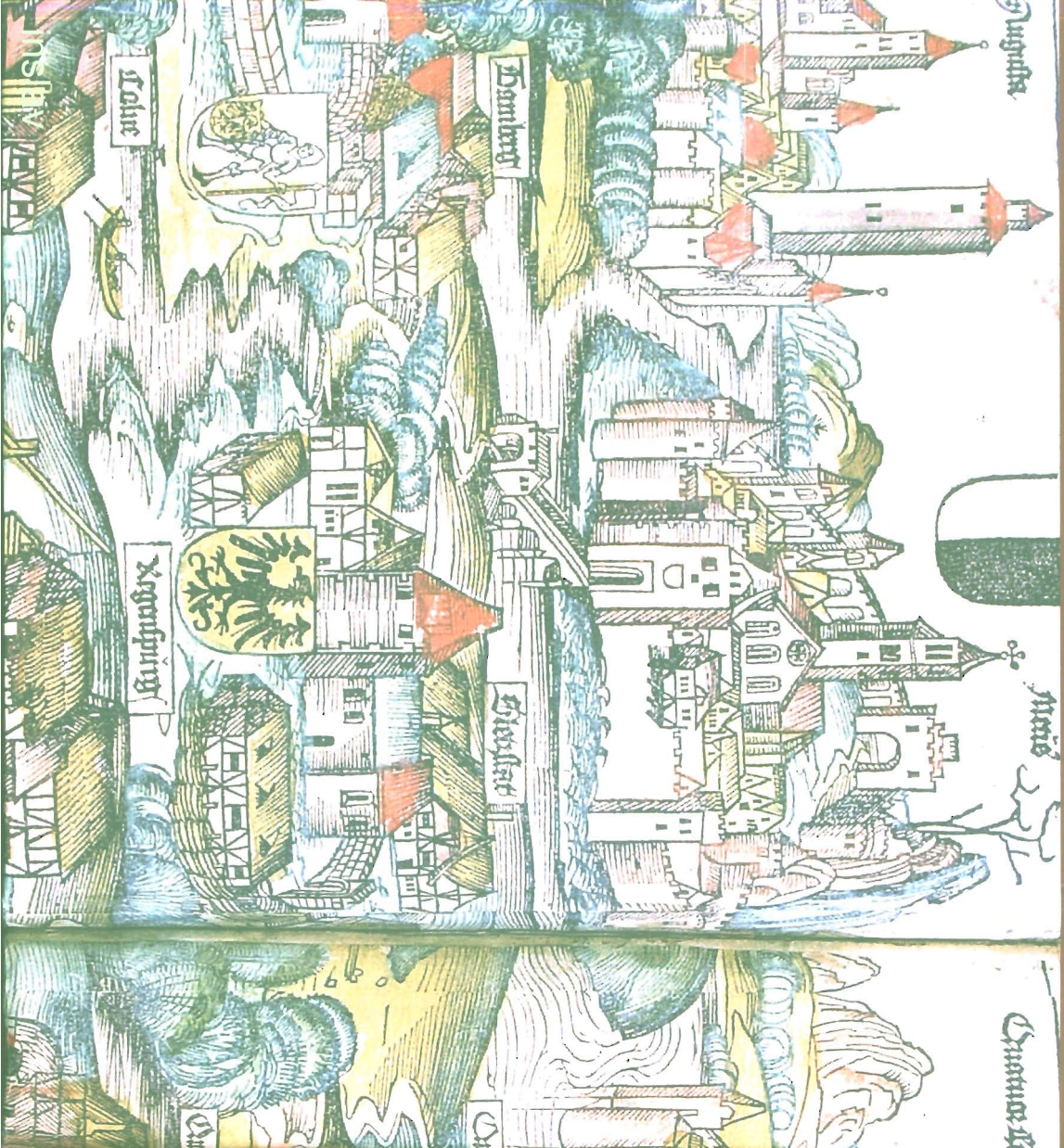
ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 10.05.2011. Формат 60x88 1/16.
Усл. печ. л. 30.5. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ №711

inslav



Алетейя

Австро-Венгрия

Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.)